UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01662598 0

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1973 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КОНСТАНТИНА СЕРГѢЕВИЧА

АКСАКОВА.

ТОМЪ I.

изданный подъ редакціей

И. С. АКСАКОВА.

МОСКВА.
Въ типографіи П. Бахметева.

1861.

К. С. АКСАКОВА

СОЧИНЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

МОСКВА.
Въ типографіи П. Бахметева.

1861.

3281.15

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 19-го декабря 1861 года.

Цензора: *И. Гиляровъ-Платоновъ.*
А. Петровъ.

DK
5
A56
1861a
t.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ издаваемомъ нынѣ первомъ томѣ полнаго собранія сочиненій Константина Сергѣевича Аксакова, помѣщены его «сочиненія историческія.» Мы раздѣлили этотъ томъ на три отдѣла: 1-й отдѣлъ заключаетъ въ себѣ статьи по Русской исторіи вообще, статьи излагающія или общій взглядъ автора на Русскую исторію, или же взглядъ на ту или другую историческую эпоху. Ко 2-му отдѣлу мы отнесли изслѣдованія по частнымъ историческимъ вопросамъ. Въ 3-мъ отдѣлѣ помѣщены разныя отдѣльныя замѣтки и небольшія статьи, не подходящія подъ рубрику первыхъ двухъ отдѣловъ.

Историческія убѣжденія автора связывались такими крѣпкими органическими нитями со всѣмъ ученіемъ, котораго онъ былъ представителемъ и проповѣдникомъ, что въ сочиненіяхъ его чрезвычайно трудно провести рѣзкую грань между сочиненіями историческими и не историческими. Цѣльность его воззрѣнія философскаго, нравственнаго, соціальнаго, художественнаго почти не допускаетъ правильнаго раздѣленія его литературной дѣятельности на рубрики или разряды: такъ, напримѣръ, онъ проводилъ свои историческіе взгляды и въ историческихъ изслѣдованіяхъ, и въ стихахъ, и въ повѣстяхъ, и въ драматическихъ піэсахъ, и въ частныхъ письмахъ, и въ нравственно-философскихъ трактатахъ, и въ статьяхъ по живымъ общественнымъ современнымъ задачамъ; на оборотъ— въ его историческихъ трудахъ вы постоянно встрѣчаетесь съ его нравственными и соціальными убѣжденіями, и слышите

отвѣтный отзывъ его на вопросы нашей эпохи. Прошедшее и будущее, минувшее и современное, все это жило въ немъ цѣльною, живою, настоящею жизнью, которая била непрерывнымъ ключомъ, выражала себя безпрестанно и неутомимо,— еще болѣе въ устной бесѣдѣ, чѣмъ на письмѣ и въ печати. Отъ этого написанныхъ имъ, оконченныхъ сочиненій находится мало, сравнительно съ тою массою набросковъ, очерковъ, замѣтокъ, задачъ, темъ для будущихъ статей и трудовъ, которая осталась послѣ его преждевременной кончины. Не одно воззрѣніе, которое было вполнѣ разработано въ мысли у автора и высказывалось въ видѣ совершенно законченномъ его друзьямъ и знакомымъ, сохранилось на бумагѣ только какъ намёкъ въ двухъ-трехъ словахъ, записанныхъ для памяти.

Тѣмъ не менѣе мы отдѣлили въ этотъ первый томъ тѣ статьи и замѣтки автора, которыхъ главною, преимущественною задачею—разъясненіе того или другаго вопроса Русской исторіи. Во всей же своей полнотѣ историческое воззрѣніе К. С. Аксакова раскрывается только по прочтеніи всѣхъ его сочиненій.

Къ сожалѣнію, очень многія статьи остались недописанными и сохранились въ черновыхъ рукописяхъ, нерѣдко въ самомъ первоначальномъ необработанномъ видѣ. Мы не считали себя въ правѣ измѣнять текстъ оригинала и напечатали его съ строгою вѣрностью, вставляя только иногда для ясности, отъ себя, нѣкоторыя слова курсивомъ и въ скобкахъ, или прибавляя въ выноскѣ пояснительное примѣчаніе.

Въ составъ этого тома вошли также выписки изъ актовъ и грамотъ, напечатанныхъ въ Собраніи Археографической Экспедиціи и въ другихъ сборникахъ. Такъ какъ каждая выписка сопровождается замѣткою автора, раскрывающею его взглядъ, а совокупность выписокъ и отдѣльныхъ замѣтокъ представляетъ этотъ взглядъ уже въ нѣкоторой полнотѣ,—то мы не сочли нужнымъ исключать самый текстъ выписокъ, тѣмъ болѣе что, по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ, эти выписки, собранныя вмѣстѣ, въ одно цѣлое, сами по себѣ не из

лишни для нашей исторической литературы. Знакомому съ историческими занятіями—интересенъ будетъ также и самый методъ историческихъ работъ К. С. Аксакова.

Мы надѣемся, со временемъ, издать и слѣдующіе томы сочиненій К. С. Аксакова, именно: 2 томъ, заключающій въ себѣ статьи разнаго содержанія, преимущественно по современнымъ общественнымъ вопросамъ, 3 томъ—который будетъ содержать его художественныя произведенія въ стихахъ и прозѣ; 4 и 5 томы, въ которыхъ будутъ помѣщены его диссертація о Ломоносовѣ и труды по Русской филологіи; 6-й томъ, въ которомъ будутъ собраны его письма и сочиненія, почему либо не вошедшія въ первые пять томовъ.

I.

СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛАХЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ (*).

Земля и Государство со временъ призванія Рюрика. — Добровольныя ихъ отношенія. — Опредѣленіе Земли — внутренняя правда; Государства — внѣшняя правда. — Князья и города. — Царь и Земля. — Люди земскіе и служилые. — Государево и Земское дѣло. — Земля соблюдала договоръ. — Государство въ лицѣ Петра измѣняетъ. — Сельскія общинныя сходки. — Мысль Земли, носящаяся надъ Россіею и постоянно присущая, хотя едва уловимая въ явленіяхъ. — Славяне.

Нравственный подвигъ жизни предлежитъ не только каждому человѣку, но и народамъ, и каждый человѣкъ и каждый народъ рѣшаетъ его по своему, выбирая для совершенія его тотъ или другой путь. И человѣку и народу случается падать на нравственномъ пути, но самое паденіе это есть нравственное же паденіе, совершается въ нравственной сферѣ. Какъ бы ни рѣшался нравственный вопросъ, какъ бы ни было возмутительно его рѣшеніе, онъ неотразимо предстоитъ человѣческому духу. Всякая умственная, всякая духовная дѣятельность, вся тѣсно соединена съ нравственнымъ вопросомъ.

Исторія представляетъ намъ сіи многоразличные пути, сіи многотрудныя борьбы противорѣчащихъ стремленій, вѣрованій, убѣжденій нравственныхъ. Страшная игра матеріальныхъ силъ поражаетъ съ перваго взгляда; но это одинъ призракъ: внимательный взоръ увидитъ одну только силу, движущую всѣмъ, мысль, которая всюду присутствуетъ, но которая медленно совершаетъ ходъ свой; часто готовая перерядиться въ новый образъ, она сообщаетъ

(*) Неоконченная, черновая рукопись, относящаяся, по всѣмъ соображеніямъ, къ 1849 году: на оберткѣ рукою автора отмѣчено: „для Сборника Кулачова"; вѣроятно для 1-го тома Архива. Взглядъ, здѣсь выраженный, развитъ полнѣе въ позднѣйшихъ статьяхъ, и здѣсь, кажется, только впервые набросанъ. Слѣдующія строки, въ подлинникѣ написанныя на заглавномъ листѣ, представляютъ общій планъ всей статьи. *Прим. изд.*

еще могущество свое образу прежнему, хранить его, пока вполнѣ не созрѣетъ и съ полнымъ правомъ не явится въ новомъ сіяніи, пересоздавъ все въ новый образъ. Избавиться отъ мысли люди не могутъ: они могутъ загромоздить ее матеріальными внѣшними силами, могутъ поставить на поприще насилія; но, обремененная недостойною себя громадою, она тѣмъ не менѣе движетъ ее, и тогда страшно столкновеніе грубыхъ массъ, прильнувшихъ къ это духовной силѣ: страшно разбиваются и разрушаются онѣ другъ объ друга.

Нравственное дѣло должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы. Вполнѣ достойный путь одинъ для человѣка, путь свободнаго убѣжденія, путь мира, тотъ путь, который открылъ намъ Божественный Спаситель, и которымъ шли Его Апостолы. Этотъ путь *внутренней правды* смутно могъ чувствоваться и языческими народами. Не силою принужденія, но силою жизни самой истребляется все противорѣчащее истинѣ, дается мѣра и строй всему. Разладъ, который можетъ происходить здѣсь отъ несовершенства человѣческаго, налаживается опять жизнію же. Какъ бы ни падала община, ставшая на этотъ путь, но, вѣруя въ силу жизни, она высока уже этою самою вѣрою,—и всегда возможна для нея высокая гармонія нравственныхъ силъ. Подъ вліяніемъ вѣры въ нравственный подвигъ, возведенный на степень исторической задачи цѣлаго общества, образуется своеобразный бытъ, мирный и кроткій характеръ; и, конечно, если можемъ найдти у кого-нибудь такой нравственный строй жизни (хотя бы и съ набѣгающими диссонансами), то это у племенъ *бытовыхъ*, по преимуществу, у племенъ Славянскихъ.

Но возможенъ ли такой бытъ на землѣ?

Существуетъ другой путь, гораздо, повидимому, болѣе удобный и простой; внутренній строй переносится во внѣ, и духовная свобода понимается только какъ *устройство*, *порядокъ* (нарядъ); основы, начала жизни понимаются какъ правила и предписанія. Все формулируется. Это путь не внутренней, а внѣшней правды, не совѣсти, а принудительнаго закона. Но такой путь имѣетъ неисчислимыя невыгоды. Прежде всего формула, какая бы то ни была, не можетъ обнять жизни; потомъ, налагаясь извнѣ и являясь принудительною, она утрачиваетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденія и свободнаго ея признанія; потомъ далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, воору-

женный принудительною силою, она усыпляетъ склонный къ лѣни духъ человѣческій, легко и безъ труда успокоивая его исполненіемъ наложенныхъ формальныхъ требованій, и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности и внутренняго нравственнаго возрожденія. Это путь внѣшней правды, путь государства. Этимъ путемъ двинулось Западное человѣчество.

Мы сказали, что Славянскія племена жили подъ условіями быта; община, такъ устроенная, носитъ простое названіе Земли, которое мы удержимъ: оно оправдается впослѣдствіи. Но возможно ли было оставаться при этомъ?

Трудно. Первая, прежде всего и главная помѣха—бранные, неугомонные сосѣди, которые налетали на Славянскія земли и покоряли ихъ, возмущая весь ихъ бытъ. Славяне собирались, прогоняли ихъ, — а нашествія снова имъ грозили. Нельзя же было народу стоять, не расходясь, съ оружіемъ въ рукахъ; онъ отказался бы такимъ образомъ отъ самого своего мирнаго земскаго начала. Съ другой стороны, и внутреннія несовершенства, особенно у языческихъ народовъ, возмущали непрестанно мирный ходъ жизни.

Въ Россіи исторія застаетъ Славянъ сѣверныхъ—подъ властію Варяговъ, южныхъ—подъ властію Козаръ. Сѣверные Славяне прогоняютъ Варяговъ, и, можетъ быть, вслѣдствіе ли ихъ владычества, возникаетъ вражда между ними и ссоры другъ съ другомъ.

Таковы были главныя помѣхи, и Земля, чтобы спасти себя, свою земскую жизнь, рѣшается призвать на защиту Государство. Но надо замѣтить, Славяне не образуютъ изъ себя Государство, они призываютъ его; они не изъ себя избираютъ князя, а ищутъ его за моремъ; такимъ образомъ, они не смѣшиваютъ Земли съ Государствомъ, прибѣгая къ послѣднему какъ къ необходимости для сохраненія первой. Государство, политическое устройство — не сдѣлалось цѣлью ихъ стремленія, — ибо они отдѣляли себя или земскую жизнь отъ Государства, и для сохраненія первой призвали послѣднее (*).

Ничья исторія не начинается такъ. Если спорили о времени су-

(*) „Земля наша велика и обильна, а наряду въ ней нѣтъ," и проч. *Наряд*ъ—государственное устройство (распоряженіе).

ществованія этого факта, то здѣсь сила въ его смыслѣ; позднѣйшія частныя призванія подтверждаютъ тотъ же смыслъ.

Призваніе было добровольное. Земля и Государство не смѣшались, а раздѣльно стали въ союзъ другъ съ другомъ. Въ призваніи добровольномъ означились уже отношенія Земли и Государства — взаимная довѣренность съ обѣихъ сторонъ. Не брань, не вражда, какъ это было у другихъ народовъ, вслѣдствіе завоеванія, а миръ, вслѣдствіе добровольнаго призванія.

Такъ начинается Русская исторія. Двѣ силы въ ея основаніи, два двигателя и условія во всей Русской исторіи: Земля и Государство.

Случайности историческія, человѣческія волненія, наконецъ ходъ самихъ этихъ силъ, нравственный путь, которымъ идетъ народъ, видоизмѣняютъ судьбы Русской Земли. Въ какомъ отношеніи были у насъ Земля и Государство? Они существуютъ, какъ отдѣльныя, но дружественныя союзныя силы, сознаваемыя въ ихъ раздѣльности и взаимно признающія одна другую. «Земля и Государство» встрѣчается у насъ вездѣ. Такимъ образомъ, не обратившись въ Государство, призвавши его и ставъ сами въ сторонѣ, Славяне Русскіе сохранили вѣру въ жизнь.

Вскорѣ послѣ призванія Рюрика, особенно когда извѣстія становятся полнѣе, отношенія Земли и Государства явственно опредѣляются (*).

Первыя извѣстія очень малочисленны, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ нихъ открываютъ многое.

Олегъ заключаетъ договоръ съ Греками; посольство правится отъ него, отъ князей подъ рукою его сущихъ и отъ всей Земли Русской. 1) Это опровергаетъ всякую мысль.... *(о родовомъ бытѣ?)* 2) Это показываетъ намъ, что Земля имѣла свое самостоятельное участіе въ дѣлахъ, касающихся до всего народа, какъ напр., заключеніе мира, и голосъ ея не терялся. (Ясно, что было много князей, также какъ было и позднѣе, но послѣ—все Рюрикова завода.)

Посольство Игоря еще явственнѣе выражаетъ то же самое. Земля вновь выходитъ на сцену очень ясно. *Договоръ.*

(*) Въ рукописи слѣдуютъ здѣсь, поставленныя въ скобкахъ, слова: (Олегъ, Игорь, Ольга, Владиміръ.) (Земля и Государство.) (Равнодушіе къ князьямъ, перемѣнявшимся въ городахъ.) (Общинное, но не патріархальное). *Прим. изд.*

Игорь идетъ къ Древлянамъ требовать дани, возобновляетъ свое требованіе, но *Древляне, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ*, рѣшаются идти противъ Игоря. И такъ, здѣсь дѣйствуютъ Древляне, народъ, совѣщававшись съ своимъ княземъ: отношеніе, которое встрѣчаемъ мы и позднѣе. Вѣроятно, князь Малъ былъ изъ числа подручныхъ князей, о которыхъ упоминается въ договорахъ. *Древляне* посылаютъ спросить Игоря, для чего пришелъ онъ. Игорь не послушалъ. *Древляне* убиваютъ Игоря и дружину его. Наконецъ, они же говорятъ: «убили *Русскаго* князя» — это доказываетъ какъ-будто, что себя они Русскими не считали—«возьмемъ Ольгу, его жену, за своего князя Мала; возьмемъ Святослава и сдѣлаемъ съ нимъ, что угодно.» Древляне посылаютъ *лучшихъ* мужей къ Ольгѣ. Посланные говорятъ: *послала* насъ *Древлянская земля*. — Ольга отомщаетъ имъ, какъ извѣстно, и посылаетъ къ Древлянамъ, прося новыхъ, знатнѣйшихъ пословъ. *Древляне* выбираютъ изъ нихъ мужей, *иже дерьжаху Деревьску землю* (*) (т. е. старѣйшинъ, а не князей: упоминается только объ одномъ князѣ, для котораго и посылаютъ посольство). Ольга отомщаетъ имъ, и, наконецъ, идетъ. «Гдѣ суть *дружина* наша, спрашиваютъ *Древляне*, ихъ же послахомъ по тя?»

Когда Ольга побѣдила Древлянъ, она устремилась на Изкоростянъ, какъ на настоящихъ виновныхъ. Война была со всей Древлянской землей, слѣдовательно и посольство шло отъ всей Древлянской земли, и князь Малъ, стало быть, общій князь для всѣхъ Древлянъ.

Въ 970 году вновь являются Новгородцы и зовутъ къ себѣ князя. Мы опять видимъ общину земскую, не избирающую, но призывающую къ себѣ князя: отношенія государственныя, очевидно, не сливаются съ общинными,—ибо вотъ вновь такая минута, гдѣ чувствуется ихъ взаимная отдѣльность, ибо Земля вновь зоветъ государственную силу. Но Земля Новгородская и тогда уже видно имѣла славу бурной, ибо Святославъ отвѣчаетъ на ихъ просьбу: если кто пойдетъ къ вамъ. Владиміръ идетъ въ Новгородъ. Святославъ сажаетъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега въ землѣ Древлянской. (Здѣсь, повидимому, первое самовольное распоря-

(*) На поляхъ написано рукою автора: „Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе первоначальная община, подтверждаемая писателями и обнаруживающаяся постоянно, ибо она обезопасила себя и не пропала.“ *Прим. изд.*

женіе князя; но оно нисколько не самовольное, не нарушается свободы общины: община ни мало не теряетъ своего значенія, самостоятельной свободы; ниже надѣемся это увидать.) Самъ Святославъ идетъ въ Переяславецъ.

Святославъ не любилъ Кіева, по крайней мѣрѣ онъ постоянно любилъ болѣе Югъ, Болгарію, и военное назначеніе князя было для него единственнымъ его призваніемъ....

О ТОМЪ ЖЕ (*).

—

Россія — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на Европейскія государства и страны. Очень ошибутся тѣ, которые вздумаютъ прилагать къ ней Европейскія воззрѣнія и на основаніи ихъ судить о ней. Но такъ мало знаетъ Россію наше просвѣщенное общество, что такого рода сужденія слышишь часто. Помилуйте, говорятъ многіе, неужели вы думаете, что Россія идетъ какимъ-то своимъ путемъ? На это отвѣтъ простой: нельзя не думать того, что знаешь, что̀ таково на самомъ дѣлѣ.

Какъ занимателенъ и важенъ самобытный путь Россіи до совращенія ея (хотя отчасти) на путь Западный и до подражанія Западу! Какъ любопытны обстоятельства и послѣдствія этого совращенія, и, наконецъ, какъ занимательно и важно современное состояніе Россіи, вслѣдствіе предыдущаго переворота, и современное ея отношеніе къ Западу!

Исторія нашей родной земли такъ самобытна, что разнится съ самой первой своей минуты. Здѣсь-то, въ самомъ началѣ, раздѣляются эти пути Русскій и Западно-Европейскій до той минуты, когда странно и насильственно встрѣчаются они, когда Россія даетъ страшный крюкъ, кидаетъ родную дорогу и примыкаетъ къ Западной. На это начало прежде всего обратимъ свое вниманіе.

(*) Черновая, неоконченная рукопись, на которой, въ заглавіи, написано: „Переворотъ Петра Великаго.“ Такъ какъ о самомъ переворотѣ нѣтъ почти ни слова, то мы сочли нужнымъ измѣнить заглавіе. Относится, вѣроятно, къ 1850 году.

Прим. изд.

Запад

Всѣ Европейскія государства основаны завоеваніемъ. Вражда есть начало ихъ. Власть явилась тамъ непріязненною и вооруженною, и *насильственно* утвердилась у покоренныхъ народовъ. Одинъ народъ, или, лучше, одна дружина завоевываетъ народъ, и образуется государство, въ основѣ котораго лежитъ вражда, не покидающая его во все теченіе исторіи. (Если тамъ и была типина, какъ явленіе, — въ основѣ лежала вражда.)

Русь

Русское государство, напротивъ, было основано не завоеваніемъ, а *добровольнымъ призваніемъ* власти. Поэтому не вражда, а миръ и согласіе есть его начало. Власть явилась у насъ желанною, не враждебною, но защитною, и утвердилась съ согласія народнаго. На Западѣ власть явилась какъ грубая сила, одолѣла и утвердилась безъ воли и убѣжденія покореннаго народа. Въ Россіи народъ созналъ и понялъ необходимость государственной власти на землѣ, и власть явилась, какъ званный гость, по волѣ и убѣжденію народа.

Такимъ образомъ рабское чувство покореннаго легло въ основаніи Западнаго государства; свободное чувство разумно и добровольно призвавшаго власть легло въ основаніи государства Русскаго. Рабъ бунтуетъ противъ власти, имъ непонимаемой, безъ воли его на него наложенной и его непонимающей. Человѣкъ свободный не бунтуетъ противъ власти, имъ понятой и добровольно призванной.

И такъ, въ основаніи государства Западнаго: *насиліе, рабство и вражда*. Въ основаніи государства Русскаго: *добровольность, свобода и миръ*. Эти начала составляютъ важное и рѣшительное различіе между Русью и Западной Европою, и опредѣляютъ исторію той и другой.

Пути совершенно разные, разные до такой степени, что никогда не могутъ сойдтись между собою, и народы, идущіе ими, никогда не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ. Западъ, изъ состоянія рабства переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя признанную ею самою власть, хранитъ ее добровольно, *свободно*, и поэтому въ бунтовщикѣ видитъ только раба съ другой стороны, который также унижается передъ по-

вымъ идоломъ бунта, какъ передъ старымъ идоломъ власти; ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человѣкъ не бунтуетъ.

Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ Вѣры. Благодать сошла на Русь. Православная Вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма. Страшно въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе; но если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по заслугамъ дался и истинный, дался и ложный путь Вѣры.— первый Руси, второй Западу.

Ясно стало для Русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, гдѣ же Духъ Господень.

Обратимся собственно къ судьбамъ Россіи, оставимъ въ сторонѣ Западъ. Мы, къ сожалѣнію, встрѣтимся съ нимъ еще и у себя.

При такихъ началахъ согласія, которыя легли въ основу Русскаго Государства, Народъ и Власть должны были стать въ совершенно особыя отношенія, не похожія на Западныя. При такой основѣ, какъ долженъ смотрѣть народъ на власть? Такъ, какъ на власть, которая не покорила, но призвана имъ добровольно, которую потому онъ обязанъ хранить и чтить, ибо онъ самъ пожелалъ ея: народъ въ такомъ случаѣ есть первый стражъ власти. Какъ должна власть смотрѣть на народъ? Какъ на народъ, который не покоренъ ею, но который самъ призвалъ ее, почувствовавъ ея необходимость, который, слѣдовательно, не есть ея униженный рабъ, втайнѣ мечтающій о бунтѣ, но свободный подданный, благодарный за ея труды и другъ неизмѣнный. Съ обѣихъ же сторонъ, такъ какъ не было принужденія, а было свободное соглашеніе, должна быть полная довѣренность.

Но нѣтъ никакого обезпеченія, скажутъ намъ; или народъ, или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантія нужна! — Гарантія не нужна! Гарантія есть зло. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощію зла. Вся сила въ идеалѣ. Да и что значатъ условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никакой договоръ не удержитъ людей, какъ скоро нѣтъ внутренняго на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи. Это сокровище

есть въ Россіи, *потому что она всегда въ него вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ.*

Понявъ съ принятіемъ Христіанской Вѣры, что свобода только въ духѣ, Россія постоянно стояла за свою душу, за свою Вѣру. Съ другой стороны, зная, что совершенство на землѣ невозможно, она не искала земнаго совершенства, и поэтому, выбравъ лучшую (т. е. меньшее изъ золъ) изъ правительственныхъ формъ, она держалась ея постоянно, не считая ея совершенною. Признавая свободно власть, она не возставала противъ нея и не унижалась передъ нею.

Теперь обратимся къ самой Исторіи Русской; прослѣдимъ отношеніе власти къ народу и народа къ власти, и посмотримъ: была ли съ какой-нибудь стороны измѣна.

Народъ призываетъ власть добровольно, призываетъ ее въ лицѣ князя-монарха, какъ въ лучшемъ ея выраженіи, и становится съ нею въ пріязненныя отношенія. Это — союзъ народа съ властію. Употребимъ здѣсь слова, которыя такъ часто, постоянно, и съ такой ясной опредѣленностью встрѣчаются въ нашихъ историческихъ свидѣтельствахъ, — слова, которыя выражаютъ народъ и власть, т. е.: Земля и Государство.

Земля, какъ выражаетъ это слово,—неопредѣленное и мирное состояніе народа. Земля призвала себѣ Государство на защиту, огражденіе: прежде всего отъ враговъ внѣшнихъ, потомъ и отъ враговъ внутреннихъ. Отношеніе Земли и Государства легло въ основаніе Русской Исторіи. Въ первыя времена Россія управлялась цѣлымъ родомъ, совокупностью князей въ отдѣльныхъ княжествахъ, и въ каждомъ княжествѣ повторялись тѣ же самыя отношенія. Князей стало много, они сами спорили между собою, и между князьями возможенъ былъ выборъ: поэтому они часто перемѣщались.

Многіе думаютъ о Новгородѣ, какъ о наиболѣе мѣнявшемъ князей, что онъ былъ республика: совершенно ложно! Новгородъ *не могъ оставаться безъ князя.* Возьмите Новгородскую лѣтопись, прочтите, съ какимъ ужасомъ говоритъ лѣтописецъ о томъ, что они три недѣли были безъ князя. И такъ, не смотря на частыя перемѣщенія князей, даже на изгнаніе ихъ, вы видите, что вся Россія и всѣ города ея и Новгородъ оставались вѣрны

монархическому началу, и никогда не говорили: устроимъ правительство безъ князя.

Наконецъ, время княжихъ междоусобій прошло. Явился Великій князь и потомъ царь Московскій и всея Руси, наслѣдственный и самодержавный. Отношеніе Земли и Государства, народа и правительства, прежняя взаимная довѣренность — были основою ихъ отношеній. Подобно тому, какъ князь созывалъ Вѣче, царь созывалъ Земскую Думу или Земскій Соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣнія. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. Кто читалъ эти Думы, тотъ знаетъ, какъ просто излагалось въ нихъ дѣло. Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость Западной свободы была здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы. Здѣсь не ораторствовали, а говорили, и слово не превышало дѣла.

Іоаннъ IV, вслѣдствіе личной подозрительности своей, неоправданной нисколько во все долгое его царствованіе, вдругъ вздумалъ оторвать дѣло государево отъ дѣла земскаго, и по этому вдругъ установилъ Опричнину (отъ слова *опричь*, также какъ и кромешникъ отъ слова *кромѣ*), и раздѣлилъ Россію на Опричнину и Земщину. Начались преслѣдованія народа, но народъ и здѣсь не измѣнилъ власти, имъ призванной. Опричнина длилась семь лѣтъ, и потомъ была уничтожена самимъ Іоанномъ, вѣроятно увидавшимъ ея ненужность и испытавшимъ непзмѣнность народа. Государево и земское дѣло вновь соединились при царѣ Ѳеодорѣ и далѣе; но наступили смуты. Явился Лжедимитрій; народъ принялъ его за истиннаго и законнаго наслѣдника и перешелъ къ нему; но Русская земля была жестоко разувѣрена въ своемъ обманѣ. Шуйскій, не избранный, явился самъ на престолѣ. Возникъ новый Лжедимитрій; Шуйскій былъ сведенъ съ престола. Начались страшныя смуты. Наконецъ Земля вооружилась, и, какъ прежде Варяговъ, выслала изъ Москвы враговъ своихъ, и освободилась. Народъ Русскій находился въ томъ же положеніи, въ какомъ при началѣ своей исторіи, и то же явленіе повторилось. Земля была одна, побѣдившая враговъ своихъ; раздался общій голосъ: мы безгосударны, и вновь была призвана правительственная власть,

та же монархическая власть, которая постоянно правила Россіей. Великій соборъ народный избралъ на царскій престолъ Россіи Михаила Ѳеодоровича Романова, и, разумѣется, безъ всякихъ гарантій, вручилъ вновь монарху, съ прежней довѣрчивостью, судьбу свою.

Во все время Русской Исторіи народъ Русскій не измѣнилъ правительству, не измѣнилъ монархіи. Если и были смуты, то онѣ состояли въ вопросѣ о личной законности государя: о Борисѣ, Лжедимитріѣ и Шуйскомъ. Но никогда не раздавался голосъ въ народѣ: не надо намъ монархіи, не надо намъ самодержавія, не надо царя. Напротивъ, въ 1612 году, одолѣвъ враговъ своихъ и будучи безъ государя, вновь громко и единогласно призвалъ народъ царя (*).

Любопытно, хотя вкратцѣ, взглянуть на этотъ бытъ, на эти незыблемыя, неизмѣнныя отношенія между властію и народомъ, отношенія свободныя, разумныя, не рабскія, и потому обезпеченныя отъ всякой революціи.

Государево и Земское дѣло—вотъ слова, которыя слышались изъ устъ народа, вотъ слова, которыя слышались изъ устъ государя; какъ часто встрѣчаемъ ихъ въ древнихъ, и отъ государя и отъ народа идущихъ грамотахъ!

Эти слова указываютъ прямо на составъ Русской земли и обнимаютъ его весь.

(*) См. ниже „Вступленіе въ Исторію Земскихъ Думъ." Въ этой статьѣ, равно какъ и въ другихъ, взглядъ авторъ на особенныя отношенія народа къ власти въ племенахъ Славянскихъ объясняется полнѣе, съ устраненіемъ всякихъ недоразумѣній. Имѣя предъ собой несомнѣнный историческій фактъ и такія явленія, какъ напр. Новгородъ, не хотѣвшій, при своемъ Вѣчѣ, оставаться безъ князя (явленія, въ смыслѣ которыхъ мы до сихъ поръ мало вдумались),—авторъ полагаетъ, что народы Славянскіе поставили себѣ идеаломъ совмѣщеніе полной свободы жизни (слѣдовательно и свободы мысли и слова) съ свободою дѣйствованія, предоставленной правительству въ сферѣ государственной. Признавая начало государственное началомъ внѣшней правды, и стремясь къ правдѣ внутренней, народъ въ Россіи избѣгалъ гарантій, потому что онѣ противорѣчили началу нравственному, довѣрію, которое онъ положилъ въ основаніе своихъ отношеній къ Государству; потому что народъ искалъ не равновѣсія въ соперничествѣ, а *согласія*, не хотѣлъ условіями стѣснить ни себя, ни правительство, и боялся, ставши самъ какъ бы частью правительства, заразить *свою* жизнь элементомъ внѣшней правды и внѣшняго принужденія, элементомъ ложнымъ, гибельнымъ для внутренней правды и свободы. Эта свобода жизни должна находить себѣ вѣрное обезпеченіе въ свободѣ мысли и слова, въ единствѣ духовномъ, связующемъ народъ и власть. Таковъ, по мнѣнію автора долженъ былъ смыслъ историческихъ фактовъ, таковъ взглядъ Русскаго народа, изъ нихъ истекающій. *Прим. изд.*

Что было Государево, что было Земское дѣло, такъ союзно и пріязненно между собою соединенныя, что было правительство, что былъ народъ?

Земля или народъ пахалъ, промышлялъ и торговалъ; Государство поддерживалъ онъ деньгами и, въ случаѣ нужды, становился подъ знамена. Опъ составлялъ самъ собою одно огромное цѣлое, для котораго необходимо было Государство, чтобы можно было жить ему своею жизнію, и хранить безмятежно свою вѣру и безпрепятственно свой древній бытъ. Государь, первый защитникъ и хранитель Земли, поддерживалъ общинное начало, и народъ, подъ верховной властію государя, управлялся самъ собою. Сельскія общины выбирали своихъ старостъ, цѣловальниковъ и другихъ чиновниковъ. Иногда государь призывалъ Землю на совѣтъ и дѣлалъ ее участницею дѣлъ политическихъ.

Государство или государь, съ неограниченною никакимъ условіемъ властію, блюлъ тихую жизнь Земли. Вся администрація или управленіе было въ его рукахъ. Постоянное войско было собственно его заботой. Сношенія политическія вѣдалъ онъ одинъ. Всѣ, служившіе ему орудіемъ его прямой воли, были люди государевы. Они были воеводами или губернаторами, они сидѣли въ судахъ городскихъ и творили судъ и правду; всѣ люди, не пахавшіе, не промышлявшіе, не торговавшіе, не выборные отъ Земли, составляли, такъ сказать, дружину государеву и назывались людьми *служилыми*. Это были бояре, дворяне и проч. Число ихъ было огромно. Сюда причислялись также всѣ люди, служившіе лично боярамъ, дворянамъ и вообще всѣмъ людямъ государевымъ, собственно такъ называемые холопи. Люди служилые, бояре, окольничіе, стольники, дворяне и дѣти боярскіе (почти то же, что одноДворцы), пользовались за службу свою помѣстьями и вотчинами. Не всѣ бояре, въ особенности же не всѣ дворяне и дѣти боярскіе, потому что сіи послѣдніе были очень многочисленны, состояли въ дѣйствительной службѣ; но всѣ они, всѣ служилые люди безъ исключенія, всегда могли быть потребованы на службу и не имѣли *права* отказываться: они составляли, такъ сказать, резервъ служилыхъ людей, были нѣчто въ родѣ безсрочно-отпускныхъ, и такимъ образомъ не даромъ пользовались своими помѣстьями.

Земскіе соборы

Такимъ образомъ въ Россіи не было ни одного человѣка, пользующагося даромъ своими выгодами (тѣмъ менѣе по праву). Когда созывалась вся Россія, и служилая и земская, на совѣтъ къ государю, то такой совѣтъ назывался уже Земскимъ, и государь являлся тогда главою Земли.

Аристократіи не было и не могло быть, ибо боярство не было наслѣдственно. Князья часто попадаются въ жильцахъ; все зависѣло отъ службы. Сюда, правда, входило мѣстничество; но само мѣстничество на воспоминаніяхъ службы основывало права свои. Раздѣленія на неподвижныя сословія не было. Живое начало проникало весь составъ, и нигдѣ, ни въ какомъ сословіи не застаивалось кругообращеніе силъ государственныхъ; можно было дослужиться до боярина; изъ людей земскихъ можно было перейти въ служилые. Аристократіи Западной не было вовсе. Не было вовсе и Западной демократіи. Вся Россія была подъ двумя властями—*Земли* и *Государства*, раздѣлялась на два отдѣла—на людей *земскихъ* и людей *служилыхъ*.

Что же соединяло эти два отдѣла, что составляло неразрывную связь между ними? Мы говорили прежде о добровольномъ призваніи *Землею* власти; это относится собственно къ правительству, къ государю; но здѣсь мы говоримъ уже о проявленіи этихъ началъ, о двухъ классахъ: служиломъ и земскомъ. Что соединяло эти два отдѣла Россіи? Вѣра и жизнь; вотъ почему всякой чиновникъ, начиная отъ боярина, былъ свой человѣкъ народу; вотъ почему, переходя изъ земскихъ людей въ служилые, онъ не становился чуждымъ Землѣ. Выше всѣхъ этихъ раздѣленій было единство вѣры и единство жизни, быта, соединявшее Россію въ одно цѣлое. Вѣрою и жизнію само Государство становилось земскимъ.

Люди служилые всѣ, начиная отъ бояръ, писались холопами, что собственно значило *слуга* и болѣе ничего, точно также какъ и люди служилые бояръ и другихъ лицъ. Люди земскіе къ государю писались сиротами, что на Русскомъ языкѣ не имѣетъ значенія orphelin, Waise, а значитъ просто безпомощный, беззащитный, или нуждающійся въ защитѣ. Это названіе глубоко обозначаетъ и утверждаетъ отношеніе Земли къ Государству, Земли, призвавшей Государство на помощь. Повторяемъ: когда же созывалась вся, и служилая и земская Россія, въ своихъ выборныхъ, къ государю на совѣтъ, то такой совѣтъ назывался Земскимъ. На такомъ совѣтѣ

было и духовенство, соединявшее Государство съ Землею, постоянно роднившее его съ ней. Государство какъ бы исчезало на ту минуту, и государь являлся тогда главою Земли. Но это было только въ *исключительныя* минуты; невозможно было народу долго хранить этотъ напряженный образъ собранной *Земли*, продолженіе котораго мѣшало бы самой жизни Земли. Совѣтъ оканчивался, народъ уходилъ къ своимъ полямъ и работамъ, и Государство вновь, одно, бодрствовало надъ Землею.

Намъ скажутъ: не ужъ-то же было полное блаженство? Конечно, нѣтъ. На землѣ нельзя найдти совершеннаго положенія, но можно найдти совершенныя начала. Нѣтъ ни въ одномъ обществѣ истиннаго христіанства, но христіанство истинно, и христіанство есть единый истинный путь. Слѣдовательно, этимъ единымъ истиннымъ путемъ и надобно идти. Вся сила въ томъ, что человѣкъ призналъ за законъ, за начало. Въ основу Русской жизни легли истинныя начала, съ чѣмъ я думаю, нельзя не согласиться. Эти начала составляютъ постоянный камеръ-тонъ въ жизни, сейчасъ дающій чувствовать, указывающій уклоненія и въ то же время истинный путь. Въ этихъ началахъ лежитъ и осужденіе лжи, и исцѣленіе отъ лжи; идучи по истинному пути, можно упасть, можно и встать, но сила въ томъ, чтобы не измѣнять пути. Истинный христіанинъ, если бы и палъ онъ, не оставляетъ своей вѣры, но въ ней самой находя изцѣленіе, остается на истинномъ пути. Россія нашла истинныя начала, никогда не измѣняла имъ, и святая взаимная довѣренность власти и народа, легшая въ основу ея, долго неизмѣнно въ ней сохранялась.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Смотря на Русскую исторію, мы можемъ сказать смѣло, что народъ, вѣрный своему отношенію, своему началу, не измѣнилъ правительству отъ самыхъ древнихъ до самыхъ новѣйшихъ временъ включительно. Обратимъ вниманіе на другую сторону государственнаго состава, — на правительство.

Оно хранило съ своей стороны тѣ же начала; оно вѣрило народу, и довѣренность его выражалась собственно въ двухъ, какъ кажется, видахъ. ..

О РУССКОЙ ИСТОРІИ (*).

Русская исторія совершенно отличается отъ Западной Европейской и отъ всякой другой исторіи. Ее не понимали до настоящаго времени, потому что приходили къ ней съ готовыми историческими рамками, заимствованными у Запада, и хотѣли ее туда насильно втискать, потому что хотѣли ее учить, а не у нея учиться; однимъ словомъ, потому, что позабыли свою народность и потеряли самобытной Русской взглядъ. Настоящее время не таково: его смыслъ, его трудъ заключается именно въ пробужденіи Русскаго — въ Русскихъ, и въ возвращеніи Русскимъ—Русскаго. Русская исторія начинаетъ являться въ своемъ настоящемъ свѣтѣ.— Были патріоты на Западный ладъ, имъ хотѣлось было увидать въ Русской исторіи всѣхъ Западныхъ героевъ, всѣ Западныя славныя дѣла, и они разкрашивали Русскую исторію иностранными красками: дѣло, разумѣется, не клеилось, и исторія только обезображивалась. Такое направленіе настало вскорѣ послѣ переворота Петра Великаго, послѣ котораго появились въ Русской Землѣ невиданные дотолѣ патріоты—иностранные и по имени и по духу. Не только подвиги и герои Запада, но и Рима и Греціи, потребовались тогда для Русской исторіи поэтами и прозаиками, какъ будто бы Русская исторія непремѣнно нуждалась въ повтореніи великихъ дѣлъ народовъ чуждыхъ, какъ будто бы она не могла явить своихъ подвиговъ и своихъ мужей, которые ни у кого не заимствованы. Время такихъ попытокъ и такого патріотизма, кажется, наконецъ прошло. Между тѣмъ Западное вліяніе все еще держится. И вотъ, другіе люди, не желая (очень справедливо) строить Русской исторіи по

(*) Эта статья первоначально назначена была авторомъ для предисловія къ Русской Исторіи для дѣтей (см. ниже). Вѣроятно, впослѣдствіи, онъ измѣнилъ свое намѣреніе и предполагалъ обработать ее особою статьею. По крайней мѣрѣ, мы нашли въ бумагахъ позднѣйшій ея, впрочемъ не оконченный списокъ, сдѣланный самимъ авторомъ, съ тѣмъ заглавіемъ, подъ которымъ мы ее здѣсь и помѣщаемъ.

Прим. изд.

Западному образцу, но имѣя въ то же время (къ сожалѣнію) только Западныя понятія объ исторіи, и не находя въ Русской исторіи никакого сходства съ Западомъ,—въ ней уже ровно ничего не видятъ; то есть: просто ее не понимаютъ. Не трудно, кажется, угадать, что и то и другое мнѣніе ошибочно.

Въ самомъ дѣлѣ, Русская исторія, въ сравненіи съ исторіей Запада Европы, отличается такою простотою, что приведетъ въ отчаяніе человѣка, привыкшаго къ театральнымъ выходкамъ. *Русской* народъ не любитъ становиться въ красивыя позы; въ его исторіи вы не встрѣтите ни одной фразы, ни одного краснваго эффекта, ни одного яркаго наряда, какими поражаетъ и увлекаетъ васъ исторія Запада; личность въ Русской исторіи играетъ вовсе не большую роль; принадлежность личности — необходимо гордость, а гордости и всей обольстительной красоты ея — и нѣтъ у насъ. Нѣтъ рыцарства съ его кровавыми доблестями, ни безчеловѣчной религіозной пропаганды, ни крестовыхъ походовъ, ни вообще этого безпрестаннаго щегольскаго драматизма страстей. Русская исторія—явленіе совсѣмъ иное. Дѣло въ томъ, что здѣсь другую задачу задалъ себѣ народъ на землѣ, что христіанское ученіе глубоко легло въ основаніе его жизни. Отсюда, среди бурь и волненій, насъ посѣщавшихъ, эта молитвенная тишина и смиреніе, отсюда внутренняя духовная жизнь вѣры. Не отъ недостатка силъ и духа, не отъ недостатка мужества возникаетъ такое кроткое явленіе! Народъ Русской, когда бывалъ вынужденъ обстоятельствами явить свои силы, обнаруживалъ ихъ въ такой степени, что гордые и знаменитые храбростію народы, эти лихіе бойцы человѣчества, падали въ прахъ предъ нимъ, смиреннымъ, и тутъ же, въ минуту побѣды, дающимъ пощаду. Смиреніе, въ настоящемъ смыслѣ, несравненно бо́льшая и высшая сила духа, чѣмъ всякая гордая, безстрашная доблесть. Вотъ съ какой стороны, со стороны христіанскаго смиренія, надо смотрѣть на Русской народъ и его исторію. Въ такомъ народѣ не прославляется человѣкъ съ его дѣлами, прославляется одинъ Богъ. Чтобы въ этомъ увѣриться, стоитъ только припомнить нашу исторію. Русскіе одерживаютъ невѣроятную побѣду, и, говоря о ней безъ всякого слова похвалы или гордости, приписываютъ ее помощи Божіей; не чувство побѣднаго тріумфа одушевляетъ ихъ, а чувство благодарности къ Богу. Налетаютъ Татары или Поляки,—народъ говоритъ: это за грѣхи наши, мы

прогнѣвали Господа—кается и выходитъ на неизбѣжную брань. Побѣждены Татары, взята Казань, разбиты рыцари, освобождена Москва,—Русской народъ не ставитъ памятниковъ ни дѣлу, ни человѣку, а строитъ церкви и учреждаетъ крестные ходы. Скажемъ здѣсь кстати о Русскомъ народѣ, что до христіанства онъ былъ уже добрая почва, и что слово Божіе, упавшее на него, какъ на добрую почву, возрасло во благѣ. Поэтому (согласно и съ духомъ Русскаго народа, согласно и съ вѣчными началами Вѣры, которыми по благости Божіей, былъ онъ просвѣтленъ) исполнена такой глубокой простоты Русская исторія; поэтому не встрѣтите вы въ ней ни одной этой красивой лжи, которая заставляетъ человѣка любоваться собою въ своемъ собственномъ порывѣ, говорить фразы, щеголять нарядомъ тѣла и души. Въ Русскомъ мірѣ нѣтъ ничего гордаго, ничего блестящаго, ни единаго эффекта. Все просто. Слово скупо; вы встрѣтите его столько, сколько нужно для дѣла, скорѣе даже менѣе, чѣмъ нужно для дѣла. Совершаются великія дѣла—безъ щегольства и хвастливости. Собирается Земская Дума или Соборъ безъ всякихъ театральныхъ обстановокъ, а просто для дѣла. Идутъ освобождать Москву, зовутъ другъ друга на общій подвигъ, искренно и просто. И все кажется не красиво и не видно для неглубокаго взгляда,—тому, кто не замѣтитъ великости смиренія и внутренней силы, для того нужной. А кто замѣтитъ, кто увидитъ это, передъ тѣмъ поблѣднѣютъ всѣ иллюстрированныя картинки, которыми такъ богаты исторіи другихъ народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ тамъ быть красивость и блескъ, гдѣ нѣтъ поклоненія человѣку, гдѣ человѣкъ не любуется самъ собой гдѣ онъ, христіанинъ, постоянно сознаетъ себя грѣховнымъ и недостойнымъ, и смиряется молясь, передъ Богомъ. Здѣсь высшая духовная красота, не многимъ понятная. Но Русской народъ не впалъ и въ другую гордость, въ гордость смиренія, въ гордость Вѣрою, т. е. онъ не возгордился тѣмъ, что онъ имѣетъ Вѣру. Нѣтъ, это народъ христіанскій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, постоянно чувствующій свою грѣховность. *Исторія Русскаго народа есть единственная во всемъ мірѣ, исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но По жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни.* Да не подумаютъ, чтобы я считалъ исторію Русскую исторіею народа святаго. О, я тѣмъ бы нарушилъ и свое мнѣніе о немъ, и

святыню его смиренія! Нѣтъ, конечно это народъ грѣшный (безгрѣшнаго народа быть не можетъ), но постоянно, какъ христіанинъ, падающій и кающійся,—не гордящійся грѣхами своими, не имѣющій именно тѣхъ блестящихъ суетныхъ сторонъ, той славы, величанія и гордости земной другихъ народовъ, которыя показываютъ уже не христіанскій путь. Грѣхъ былъ для Русскаго народа всегда грѣхомъ, а не добродѣтелью; онъ въ немъ каялся, а не хвалился имъ. Начало всей его жизни, отъ котораго, по слабости человѣческой, онъ въ поступкахъ и отклонялся иногда, никогда его не отвергая, не переставая къ нему стремиться, и сознавая въ такомъ случаѣ себя виновнымъ,—есть Вѣра Православная. Не даромъ Русь зовется святая Русь (*).

Ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что, можетъ быть, въ этомъ выраженіи заключается какое-то гордое предпочтеніе и похвала Руси. Святая Русь: подъ этимъ словомъ Русской народъ разумѣетъ Вѣру Православную.... Я скажу даже, что чувство *Отечества* мало является въ нашей исторіи сравнительно съ чувствомъ Вѣры. Это давно уже выражено ясно на Руси. Несторъ въ лѣтописи, говоря, что у всякого народа (языческаго) свой обычай, сказалъ: *Мы же, христіане, законъ имамы единъ, елици во Христа крестихомся, во Христа облекохомся.* Вотъ когда (и вотъ какъ ясно, глубоко и истинно) уже перейдены были границы той исключительной національности, въ которой пребывали мы, по мнѣнію Запада, до начала прошедшаго столѣтія, и которой у насъ никогда не бывало.... И такъ, единство Вѣры—вотъ главное. Иной подумаетъ, что народность какъ будто исчезаетъ здѣсь; но развѣ не народъ Русской сталъ на такую высокую степень? Развѣ не онъ явилъ такое глубокое пониманіе Вѣры? Онъ, именно онъ поставилъ христіанскую вѣру главнымъ основаніемъ всего въ жизни,—и вотъ его духовная — народная связь, и вотъ эти, неуважаемыя міромъ духовныя сокровища его: терпѣніе, простота и смиреніе.

И Господь возвеличилъ смиренную Русь. — Вынуждаемая своими драчливыми сосѣдями и пришельцами къ отчаянной борьбѣ, она повалила ихъ всѣхъ одного за другимъ. Ей дался просторъ

(*) Съ боку приписано рукою автора: „Назначеніе Россіи было, казалось, явить на землѣ народъ христіанскій по своему вѣрованію, по стремленію, по духу своей жизни и, сколько то возможно, по своимъ дѣйствіямъ.“ *Прим. изд.*

на землѣ. Въ трехъ частяхъ свѣта ея владѣнія, седьмая часть земнаго шара принадлежитъ ей одной. Въ ея предѣлахъ невыносимое знойное лѣто и невыносимая вѣчная зима; въ ея предѣлахъ солнце восходитъ на одномъ концѣ и заходитъ на другомъ въ одно и то же время. И вотъ гордая Европа, всегда презиравшая Русь, презиравшая и не понимавшая ея духовной силы, увидѣла страшное могущество силы матеріальной, и для нея понятной,— и снѣдаемая ненавистью, въ какомъ-то тайномъ ужасѣ, смотритъ она на это страшное, полное жизни, тѣло, — души котораго понять не можетъ....

Еще въ началѣ предисловія, говоря о Россіи, мы указывали на Западъ и сравнили его съ нею. Мы намѣрены нѣсколько продолжить это сравненіе, но считаемъ нужнымъ здѣсь оговориться. Сравненіе Русской земли съ Западомъ, въ настоящее время, необходимо: 1) Потому, что поклонники Запада и порицатели Русской жизни на него указываютъ и непремѣнно вызываютъ насъ на то же самое. 2) Потому, что у насъ теперь и вообще господствуетъ Западная точка воззрѣнія на жизнь и на исторію, почему отдѣленіе Русской жизни отъ Запада, ея отличіе, выставлять необходимо. 3) Наконецъ потому, что Россія подверглась сильно вліянію Запада, что часть Русской земли, именно тѣ сословія, которыя считаются *передовыми*, пользуются преимуществами, властью и богатствомъ, пошли на Западный путь; потому что Западъ вошелъ и въ Россію, находится и въ ней, если не перерождая, то искажая Русскихъ людей, увлекая ихъ за собою, дѣлая ихъ жалкими себѣ и своей лжи подражателями, отрывая ихъ отъ самобытности, отъ ихъ родныхъ, святыхъ началъ.—Вотъ причины, почему, говоря о Россіи, считаемъ мы нужнымъ говорить о Западѣ, почему сравненіе и различеніе здѣсь, хотя въ нѣкоторой степени, по нашему мнѣнію, необходимо.

Самое поразительное различіе между Русью и Западомъ является при сравненіи хорошихъ, такъ сказать, сторонъ, славы послѣдняго со славою или, лучше, съ смиреніемъ первой. Это мы уже невольно сдѣлали выше, говоря о Русской землѣ. Но различіе тоже яркое является намъ, если мы сравнимъ и темныя стороны. Страшныя преступленія Запада, его превосходящее всякую мѣру звѣрство, предательство, всѣ возможныя гнусности составляютъ едва ли не противоположность къ темной сторонѣ исторіи Рус-

ской. Въ Русской исторіи встрѣчаются преступленія, но они лишены этого страшнаго, не человѣческаго характера, по которому человѣкъ становится въ разрядъ животныхъ, какъ новый, совершеннѣйшій видъ его, и которымъ отличаются кровавыя дѣла Запада. Въ Русской исторіи, какъ сказалъ я, этого не видать. Преступленія не носятъ на себѣ признаковъ утонченнаго звѣрства и они не часты; а если случаются, то приводятъ въ ужасъ всю землю Русскую. Есть паденія, пороки, но они не лишены человѣческаго характера, и если встрѣчается злодѣйство, то впечатлѣніе, производимое имъ, показываетъ какъ живо въ Русской землѣ человѣческое чувство.—Основное, что лежитъ въ душѣ Русской земли, что хранитъ ее, что высказывается въ ней, какъ главное, что движетъ ее—это чувство Вѣры.

Западъ весь проникнутъ ложью внутренней, фразою и эффектомъ: онъ постоянно хлопочетъ о красивой позѣ, картинномъ положеніи. Картинка для него все. Покуда онъ былъ молодъ, картинка еще была хороша и красива сама по себѣ; красивъ былъ рыцарь въ желѣзныхъ латахъ, красивъ былъ хитрый, безжалостный монахъ; красивы были художники XV-го столѣтія. Но когда молодость его прошла, когда исчезли кипящія силы жизни, и осталась одна только картинка, одна фраза, даже безъ пылкости юношеской, тогда это становится въ высшей степени жалкимъ, и сказать ли?—отвратительнымъ явленіемъ. Таковъ Западъ теперь въ своихъ смутахъ, безъ всякой внутренней жизни, даже безъ кипѣнія крови. Таковы теперешнія его борьбы и волненія, волненія и борьбы безъ малѣйшаго убѣжденія, безъ малѣйшей искренности, безъ малѣйшаго увлеченія, совершающіяся въ страшной апатіи, вялыя, не смотря на напряженность. Скука и безучастіе, отсутствіе энергіи во всѣхъ кровопролитіяхъ и смятеніяхъ. Старческія мечты Запада, мечты, лишенныя своей единственной правды, кипѣнія молодой крови, мечты, которыми разгорячалъ онъ себя такъ долгое время, подѣйствовали на него, какъ раздражительное средство, и привели въ механическое движеніе его ослабшій организмъ. Если нѣтъ духа, если нѣтъ внутренней силы, то нѣтъ и истинной жизни. Съ другой стороны: гибельна гордость, гибельна картинка и фраза для человѣка.

Мы сказали, въ чемъ сила и основа Русской земли, въ чемъ сущность ея жизни, въ чемъ отличіе ея отъ другихъ народовъ,

въ чемъ духъ ея исторіи. Мы сказали, что это единственныя во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не въ словѣ, но и въ дѣлѣ, не въ исповѣданіи, но и въ жизни,—по крайней мѣрѣ по стремленію. Но сохранила ли Русь свои святыя начала? То ли она нынѣ, что была прежде?—Вотъ вопросъ. Какой же отвѣтъ?

Я долженъ сказать теперь о переворотѣ въ Русской исторіи, важнѣйшемъ изъ всѣхъ переворотовъ, ибо онъ коснулся самыхъ корней роднаго дерева. Я говорю о переворотѣ Петра. Изъ могучей земли, могучей болѣе всего Вѣрою и внутреннею жизнію, смиреніемъ и тишиною, Петръ захотѣлъ образовать могущество и славу земную, захотѣлъ, слѣдовательно, оторвать Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, захотѣлъ втолкнуть Русь на путь Запада, путь, о которомъ мы сейчасъ говорили, путь ложный и опасный. Петръ подчинилъ Россію вліянію Запада; всѣмъ извѣстное подражаніе Западу доходило до неистовства. Отъ Запада Россія принимала все, начиная отъ началъ да результатовъ, отъ образа мыслей до языка и покроя платья (исторически всегда начиная съ послѣднихъ и доходя до первыхъ). Горькое, горькое явленіе! Бѣдственное и унизительное! Но—благодареніе Богу,—не вся Россія, а только часть пошла этимъ путемъ. Только часть Россіи оставила путь смиренія и, слѣдовательно, Вѣры,—въ дѣлахъ по крайней мѣрѣ. Но эта часть сильна и богата, отъ нея зависитъ другая, неизмѣнившая Вѣрѣ и землѣ родной... Но, явленіе горькое! измѣнившая роднымъ началамъ часть Россіи — все же Русскіе люди; они имѣютъ вліяніе на дѣла Русской земли и если не соблазняютъ всей массы вѣрныхъ, то часто отрываютъ отъ нея по одиначкѣ то того, то другаго. Сверхъ того, увлекшееся Западомъ общество составляетъ (невольно) наружность Русской земли, имѣетъ полный голосъ, и его соблазнительные возгласы и дѣйствія слышны и видны всей землѣ Русской, и конечно вредны. Оно именно на виду, къ соблазну народа; оно себя считаетъ дѣятельною стороною Русской земли... Но, какъ сказалъ я, только часть Россіи, такъ называемая образованная часть пошла по пути Запада, оставивъ путь родной земли, Слава Богу, и среди этой части, измѣнившей родной землѣ, возникла мысль, что надо воротиться къ началамъ родной земли, что путь Запада ложенъ, что постыдно подражаніе ему, что Русскимъ надо быть Русскими, идти путемъ Русскимъ, путемъ Вѣры, смиренія, жизни вну-

решней, надо возвратить самый образъ жизни, во всѣхъ его подробностяхъ, на началахъ этихъ основанный, и слѣдовательно надо освободиться совершенно отъ Запада, какъ отъ его началъ, такъ и отъ направленія, отъ образа жизни, отъ языка, отъ одежды, отъ привычекъ, обычаевъ его, именно отъ этого свѣта и свѣтскости, вошедшихъ къ намъ, однимъ словомъ отъ всего, что запечатлѣно печатію его духа, что вытекаетъ даже какъ малѣйшій результатъ изъ его направленія. Русскимъ надо освободиться отъ вліянія Запада, надо быть Русскими, надо быть необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрующими и смиренными, не на словахъ только, но въ самой жизни (общественной), во всемъ объемѣ жизни. Это мнѣніе высказывается сильнѣе и сильнѣе въ рядахъ измѣнниковъ и борется съ противоположнымъ Западнымъ направленіемъ.

И такъ, что же представляетъ теперь Земля Русская?—Въ основаніи видимъ мы простой народъ, также какъ и въ старину, вѣрующій глубоко, хранящій святыя свои основы, Вѣру и бытъ съ нею согласный; но онъ лишенъ всякого участія въ общихъ дѣлахъ; въ Русской исторіи его дѣйствіе чисто хранительное... Гордость, презрѣніе къ Русской жизни и языку, несогласіе образа жизни съ Вѣрою, нетерпѣніе и торопливая перемчивость—вотъ его добродѣтели. Но теперь именно надъ Русскимъ простымъ народомъ и надъ его священнымъ миромъ и тишиною, въ обществѣ, Русскимъ началамъ измѣнившемъ, идетъ вражда, и борятся два направленія. Одно силится поддержать свою неправду—измѣны всему Русскому и покорности Западнымъ уставамъ. Другое искренно жаждетъ возстановленія Русскихъ святыхъ началъ Вѣры, Русскаго основнаго образа жизни, всего Русскаго духа, Русскаго ума и христіанскихъ добродѣтелей, по крайней мѣрѣ въ общемъ дѣлѣ. Съ одной стороны: всякое упорство и желаніе, поблажающее удобной лѣни, остаться, безъ труда, подражателями Запада, пользоваться всѣми его политическими благами, повторять за нимъ всѣ слова и дѣйствія его, и не знать труда самостоятельной жизни; съ другой стороны: бодрая надежда и дѣятельное стремленіе возвратиться къ святымъ началамъ Русской жизни. Нужно ли говорить, что такое стремленіе есть правое и законное и спасительное? Вотъ борьба, которая идетъ надъ простымъ народомъ.

Таково современное положеніе Русской земли.....

РОДОВОЕ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНІЕ БЫЛО ИЗГОЙ? (*)

Недавно вышелъ въ Москвѣ: «Архивъ Историко-Юридическихъ свѣденій, относящихся до Россіи.» Издатель его, въ концѣ своего предисловія, между прочимъ, говоритъ: «Съ полною благодарностью примемъ мы всякое указаніе на тѣ недостатки, какіе замѣтитъ, какъ въ цѣломъ нашемъ изданіи, такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ его, нелицепріятная, но благонамѣренная критика, и съ своей стороны постараемся не только отдать ей должную справедливость, но и воспользоваться ею при первомъ удобномъ случаѣ» (Арх. Историко-Юрид. св. стр. 8). Основываясь на этихъ строкахъ предисловія, рѣшаемся мы сдѣлать замѣчанія на статью самого издателя и надѣемся, съ своей стороны, что замѣчанія эти, при желаніи пользы для науки, при уваженіи къ автору, не будутъ ему непріятны.

Сочинитель принимаетъ слово «Изгой» чисто въ родовомъ значеніи. Изгой, по его мнѣнію, есть человѣкъ, «отрѣшенный отъ своего рода, и поэтому поставленный внѣ всякихъ общественныхъ отношеній.» Гражданское значеніе Изгоя, по мнѣнію автора, пришло уже впослѣдствіи. Вся статья доказываетъ эту мысль, т. е. родовое значеніе Изгоя, какъ коренное и основное, и гражданское его значеніе, какъ не туземное, явившееся уже впослѣдствіи. Мы совершенно согласны, что слово Изгой значило исключеніе, потому естественна его замѣна варіантомъ «*Изгонъ*»; но теперь именно и состоитъ вопросъ въ томъ, изъ какого быта былъ исключеніемъ Изгой?

(*) Было напечатано въ 97 № Москов. Вѣд. 1850 г.

Г. авторъ утверждаетъ, что Изгой былъ исключеніе изъ родовыхъ отношеній; ибо, говоритъ онъ, родовыя отношенія были первоначальныя древнія отношенія Славянъ; въ доказательство, ссылается онъ на извѣстное выраженіе нашего древняго лѣтописца: «Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» (*). Не станемъ спорить, что въ древности (Несторъ говоритъ о временахъ до-Рюриковскихъ) они существовали; не объ томъ рѣчь; вопросъ теперь является въ томъ: было ли слово *Изгой* современно этимъ родовымъ отношеніямъ, или возникло оно позднѣе, когда уже опредѣлились отношенія общественныя и заняли, какъ должно быть извѣстно автору, такое важное самобытное мѣсто?

И такъ, для того, чтобы рѣшить, изъ какого союза былъ исключеніемъ Изгой, надо рѣшить: 1) Когда явилось слово *Изгой;* какъ относится оно, по времени, къ быту нашихъ предковъ? 2) Въ какомъ смыслѣ оно встрѣчается, въ родовомъ или общественномъ, и нѣтъ ли какихъ на то указаній?—Рѣшеніе этихъ вопросовъ рѣшаетъ дѣло.

I.

Слово *Изгой* является, въ первый разъ, сколько мнѣ извѣстно, въ Русской Правдѣ. Но могло быть указаніе, что слово это встрѣчается гораздо ранѣе, какъ указаніе напр. о словѣ *Князь*, которое относится къ временамъ до-Рюриковскимъ. Такого указанія однакоже о словѣ *Изгой* не имѣется. И такъ слово *Изгой* должны мы оставить (если не встрѣтимъ далѣе противорѣчащихъ указаній) за тою эпохою, въ которой оно является. Теперь, надо знать, каковы были отношенія въ эту эпоху. Обративъ вниманіе на историческія свидѣтельства, мы узнаемъ, что не только въ эту эпоху, не только при Владимірѣ, но при Игорѣ и при Олегѣ, существуетъ уже устройство и отношенія общественныя, или, лучше, общинныя.—Для этого стоитъ только указать на договоры съ Греками

(*) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. I, стр. 4.

Олега и Игоря. Разсмотримъ же ихъ здѣсь, хотя вкратцѣ.—Въ первомъ договорѣ послы посылаются отъ Олега, отъ князей и отъ всей Руси; въ немъ говорится: «и похотѣньемъ нашихъ князь, и по повелѣнію, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси (*). Подъ словомъ *Русь* иные, пожалуй, станутъ разумѣть только Русскихъ Варяговъ; но прочтемъ далѣе и увидимъ: «*Тако же и вы Греци, да храните такуже любовь къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Русскымъ и къ всѣмъ иже суть подъ рукою свѣтлаго князя нашего* «(**). —Изъ этихъ выписокъ слѣдуетъ:— 1) Посольство Олегово правилось отъ князя, князей и отъ всей Земли: отношеніе, бывшее уже и тогда и опредѣлившееся такъ ясно впослѣдствіи, какъ Государево и Земское дѣло. 2) Кромѣ Олега были князья на Руси, ему подчиненные, но, однако, самостоятельные; это доказываетъ, что Русская земля была уже и тогда раздѣлена, или, лучше, существовала въ самостоятельно-отдѣльныхъ городахъ, или областяхъ, и небыла, какъ думали прежде, цѣлымъ Государствомъ въ началѣ, раздѣленнымъ потомъ между размножившимися наслѣдниками князя. Города (или области) удерживались въ своей отдѣльности не родовыми отношеніями: потому что города приняли потомъ охотно и безъ сопротивленія князей Рюрикова дома, не теряя своей особности, и, наконецъ, потому что фактъ призванія князей очевидно существовалъ, если не древнѣе Рюрика, то, по крайней мѣрѣ, современно. Изъ словъ лѣтописи не видать, чтобы это было нѣчто новое; о призваніи упоминается, какъ о явленіи обыкновенномъ. Аскольдъ и Диръ сами предложили себя въ князья, и были приняты добровольно; по крайней мѣрѣ, въ разсказѣ лѣтописца нѣтъ и намека о насиліи. Новгородцы приходятъ къ Святославу, требуютъ сына его въ князья и грозятъ: «*Налеземъ Князя собѣ*» (***). Рогволодъ при Ярополкѣ пришелъ изъ-за моря княжить въ Кіевъ, Туръ въ Туровъ. Все это ясно намекаетъ на призваніе и пришествіе князей въ отдѣльные города и общины, гдѣ они и оставались съ ихъ согласія, ибо не только о завоеваніи, но и о насиліи нисколько не говорится. Вообще можно сказать обо всемъ этомъ періодѣ

(*) Пол. Собр. Русск. Летоп. Т. I, стр. 14.

(**) Пол. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. I, стр. 14.

(***) Тамъ же стр. 29.

усобицъ, что не города, не земли раздавались, или дѣлились по князьямъ, но князья дѣлились по городамъ и землямъ. Родоваго устройства, при всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ, допустить нельзя. Здѣсь выступаетъ другое устройство—общинное. Отдѣльность городовъ, общинъ, поддерживалась не отдѣльностью родовою, а отдѣльностью общинною.

Но то, что еще не ясно является въ договорѣ Олега, ясно и опредѣленно выступаетъ въ договорѣ Игоря. Договоръ этотъ начинается такъ: «*Мы отъ рода Русскаго съли и гостье*» (*). Изъ этого выраженія уже видно, что было званіе купцовъ, торговыхъ людей, и что значеніе ихъ было такъ велико, что они были въ числѣ пословъ, заключающихъ договоръ съ Цареградомъ. Думаемъ, что такое явленіе не показываетъ родоваго быта. Исчисленіе пословъ поименно, слѣдующее непосредственно потомъ, также очень важно по своимъ указаніямъ. Сперва именуется посолъ отъ самого Игоря—Иворъ; потомъ слѣдуютъ общіе послы (*обычій сли*): сперва отъ княжаго (Игорева) семейства, что ясно обозначается прилагательною, притяжательною формою собственныхъ именъ, иногда же родительнымъ падежомъ. Такъ: «*Вуефастъ Святъславль, Искусеви Ольги княгини*» (**) и пр.—За княжимъ семействомъ слѣдуютъ имена другихъ князей, обозначающіяся также притяжательною формою; за ними, думаемъ мы, идутъ послы отъ бояръ; ибо 1) въ договорѣ Олеговомъ говорится, что посольство правится и отъ бояръ; въ Игоревомъ же договорѣ (см. ниже) говорится прямо, что посольство идетъ и отъ бояръ, что даетъ возможность предполагать здѣсь ихъ имена. 2) Что здѣсь слѣдуютъ бояре, пославшіе пословъ, то, по моему мнѣнію, доказывается тѣмъ, что имена эти не княжія, особенность которыхъ нельзя не признать; впрочемъ, что это были именно бояре, мы не утверждаемъ; это могли быть и мужи княжіе, какъ тѣ, которымъ Рюрикъ роздалъ города, или какъ Аскольдъ и Диръ; но во всякомъ случаѣ не князья самостоятельные. Гдѣ же начинаются имена бояръ (пославшихъ)? Отвѣтъ нашъ будетъ въ то же время подтвержденіемъ и самой мысли, что въ числѣ пословъ находятся и послы отъ бояръ. Собственно княжихъ именъ, по моему мнѣнію,

(*) Пол. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. I, стр. 19.

(**) Тамъ же стр. 20.

только два: *Володиславъ и Передслава.* Кромѣ особенности княжихъ именъ, это, кажется, доказывается слѣдующимъ: Посолъ отъ Володислава—Улѣбъ, отъ Передславы—Каницаръ, вслѣдъ за тѣмъ говорится: *Шихъберинъ, Сфандръ — жены Улѣбли* (*). Шихъберинъ, Сфандръ—имена не княжія; но здѣсь это не важно, ибо они сами въ послахъ; это послы отъ Улѣбовой жены. Отчего же не отъ мужа ея Улеба? Но мужъ ея самъ былъ посломъ отъ князя Володислава, слѣдовательно, посольство шло уже отъ жены его, и, слѣдовательно: здѣсь начинаются не княжіе послы, а княжихъ мужей или бояръ (**).—Притяжательная форма (изрѣдка родительный падежъ) сохраняется при изчисленіи и этихъ пословъ, такъ что видно изъ нея прямо, отъ кого именно кто посланъ. Эта притяжательная форма идетъ постоянно до словъ: »*Купець Адунь*«, послѣ котораго она прекращается, и идутъ ужъ одни имена въ именительномъ падежѣ; это показываетъ, что здѣсь уже слѣдуютъ имена купцовъ, пословъ отъ купеческаго сословія, отъ Земли; доказательствомъ тому—то обстоятельство, что передъ этимъ рядомъ именъ, оканчивающихъ изчисленіе; пословъ, стоитъ слово: «*Купець*», разграничивающее порядокъ пословъ. Имена купцовъ—и Варяжскія и Славянскія, но нѣкоторыя изъ первыхъ скорѣе звучатъ по-Славянски; два же послѣднія рѣшительно Славянскія и по своему образованію могутъ скорѣе принадлежать простому народу: *Синко, Боричь* (*Боричевъ взвозъ*); такимъ образомъ, можно предположить здѣсь пословъ и отъ простыхъ людей. Все сказанное выше, какъ и послѣднее предположеніе, подтверждается слѣдующими непосредственно за изчисленіемъ пословъ словами: «*Посланіи отъ Игоря Великаго, Князя Русскаго и отъ всякоя Княжья и отъ всѣхъ людій Русскія земля*» (***). Далѣе еще подтвержденіе той же мысли: «*И Великій Князь нашъ Игорь и*

(*) Пол. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. I, стр. 20.

(**) Могутъ возразить: Почему жена Улѣбова должна быть женою Улѣба,—посла Володиславова? На это отвѣчаю: а) Жена Улѣбова должна быть женою извѣстнаго Улѣба, а иначе она была бы названа по имени. Здѣсь же, какъ видно, было достаточно назвать ея мужа. б) Улѣбъ только что былъ упомянутъ, и потомъ говорится: „Улѣбова жена.“ Кстати замѣтимъ, что именованіе жены именемъ мужа въ такомъ дѣлѣ указываетъ на право не ея, но мужа ея. Слѣдовательно, подтверждается мысль, что жена Улѣбова послала пословъ отъ себя, вмѣсто мужа, который самъ было посломъ отъ князя.

(***) Тамъ же стр. 20.

Князи (по списк. Р. и Т.) *и боляре его и людье вси Рустіи послаша ны»*(*). Кажется, ясны эти строки: вотъ наше общественное устройство, проходящее сквозь весь періодъ усобицъ и являющееся потомъ въ Московской Руси, какъ Земля и государство. Здѣсь, конечно, не видать родоваго устройства; съ этимъ, надѣюсь, и всѣ согласятся. Не говоримъ уже объ участіи всей Земли въ этомъ посольствѣ; даже самое то, что послы были посыланы отъ членовъ семьи, показываетъ, что не было, поглощающаго семью или родъ, значенія родоначальника.—Наконецъ, въ этомъ же договорѣ упоминается о городахъ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславлѣ, совершенно въ самобытномъ городовомъ или областномъ значеніи; о князьяхъ въ этомъ мѣстѣ не упоминается; но, конечно, какъ города самобытные, они имѣли и своихъ князей.—Скажемъ здѣсь наше предположеніе или, скорѣе, догадку: не былъ ли Володиславъ—князь Черниговскій, а Передслава—княгиня Переяславская? Кромѣ Кіева, въ которомъ былъ князь Игорь, только два эти города упоминаются въ договорѣ. Отчего? Не отъ того ли, что въ нихъ были князья? Догадка наша подтверждается мѣстомъ въ договорѣ Олега; тамъ говорится, что Олегъ заповѣдалъ «*Дати уклады на Русскіе городы*, первое на Кіевъ, тоже и на Черниговъ, и на Переяславъ и на Полътескъ, и на Ростовъ и на Любечь и на прочая городы; потѣмъ бо городомъ сѣдяху Князья подъ Ольгомъ суще (**).» И такъ, вотъ важное указаніе; слѣдовательно, и здѣсь, въ договорѣ Игоря, надо предположить въ подобномъ случаѣ, при городахъ, своихъ князей; упоминается только два города, кромѣ Кіева, и, какъ выше мы замѣтили, только два князя (князь и княгиня), кромѣ Игоря (съ семьей). Слѣдовательно, предположеніе наше, что Володиславъ былъ князь Черниговскій, а Передслава—княгиня Переяславская, получаетъ большую вѣроятность. Конечно, и другіе многіе города, кромѣ этихъ, были и самобытны, и имѣли своихъ князей; но они могли (поэтому самому) и не участвовать въ договорѣ и посольствѣ Игоревомъ.—Кажется, достаточно уже и этихъ историческихъ свидѣтельствъ о гражданскомъ, общинномъ бытѣ Руси первыхъ временъ; но укажемъ еще на два.

(*) Тамъ же стр. 20.
(**) Тамъ же стр. 13.

Кто рѣшаетъ, чтобы Ольгу выдать за Древлянскаго князя *Мала?*— Древляне, т. е. народъ, ибо и позднѣе подъ словомъ: *Людіе, Кыяне,* разумѣется всегда народъ. *Поимемъ жену его* (Игоря) *Вольгу за Князь свой Малъ»*, говорятъ Древляне (1). А пришедши къ Ольгѣ, Древляне говорятъ: «*Посла ны Дерьвьска Земля*» (2).

Позднѣе, когда Святополкъ и Владиміръ, въ 1096 году, посылали къ Олегу, они сказали такъ: «*Поиди Кыеву да порядъ положимъ о Рустѣй Земли, предъ Епископы и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Руськую Землю отъ поганыихъ*» (3). — Не есть ли это уже чистая Земская Дума, на которую звали Олега? И такъ вотъ когда встрѣчается первое о ней свидѣтельство.

Изъ всего сказаннаго выводимъ, что гражданственно-общественное устройство является въ глубокой древности, еще со временъ Рюрика (мы думаемъ, что и прежде, но теперь говорить объ этомъ не мѣсто). Слово же Изгой встрѣчается гораздо позднѣе, когда гражданственно-общественное устройство было еще сильнѣе, или, можетъ быть, опредѣленнѣе. — Зачѣмъ же слово Изгой истолковывать родовымъ устройствомъ, когда въ то время существовало, и такъ явственно и твердо, уже другое?

II.

Теперь, для полноты изслѣдованія и объясненія, слѣдуетъ опредѣлить, въ какомъ значеніи употреблялось слово Изгой. Самъ г. авторъ говоритъ: «Мы имѣемъ одно только прямое свидѣтельство источниковъ объ лицахъ, которыя слѣдуетъ считать изгоями. Оно находится въ уставѣ о церковныхъ судахъ Новгородскаго князя Всеволода-Гаврінла.» — Думаемъ, что это прямое свидѣтельство очень важно: что же говоритъ оно? — «Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ; холопъ изъ холопьства выкупится; купець одолжаетъ; а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ: аще Князь оспротѣетъ.» Первые три изгойства, очевидно, не родовыя, но общественныя, гражданскія; ибо во всѣхъ трехъ слу-

(1) Тамъ же стр. 23.
(2) Тамъ же стр. 24.
(3) Тамъ же стр. 98.

чаяхъ человѣкъ исключается изъ своей *общины* или *сословія*, и становится лишнимъ по собственной или чужой винѣ. Гражданскаго (а не родоваго) значенія первыхъ трехъ Изгоевъ и г. сочинитель не отвергаетъ. Что же касается до четвертаго изгойства, то о немъ слѣдуетъ поговорить. Очевидно, что Князь Всеволодъ-Гавріилъ принимаетъ за основное изгойство только три первые случая; онъ говоритъ: «*Изгои трои.*» Четвертый же случай изгойства приводится Княземъ, какъ примѣненіе, и притомъ его личное и произвольное примѣненіе: «*а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ.*» И такъ изгойство, какъ упоминается о немъ въ этомъ свидѣтельствѣ, имѣетъ смыслъ гражданскій, общинный.—Теперь далѣе; разберемъ самое выраженіе: *аще Князь осиротѣетъ.*» Что такое Князь, который осиротѣетъ? Княжескій родъ Рюрика не составлялъ общины, не представлялъ и гражданственно-родоваго быта, ибо каждый членъ рода былъ владѣтелемъ, или имѣвшимъ право на владѣніе; сверхъ того въ княжій распорядокъ входило участіе тѣхъ земель и областей, которыми владѣли Князья; родовой бытъ ихъ поэтому не могъ сохраниться, по крайней мѣрѣ, въ чистотѣ своей; между собой спорили они, собственно, о правахъ наслѣдственныхъ. Княжескій родъ былъ связанъ съ общиною, съ землею Русскою, посредствомъ родоваго преемства, дававшаго ему право на владѣніе землею; и такъ осиротѣвшій Князь былъ Изгой, не въ смыслѣ родовомъ, но въ томъ смыслѣ, что за прекращеніемъ родовой связи, терялъ онъ (хотя бы въ потомствѣ) свое общественное владѣтельное значеніе, терялъ свои права. И такъ онъ не исключался изъ Княжаго рода, но исключался изъ числа *владѣющихъ* Князей. Слѣдовательно, здѣсь не родовое значеніе, по крайней мѣрѣ, не то, которое хотятъ видѣть въ Россіи, на основаніи словъ Нестора; родъ здѣсь только связь съ общиною, съ землею, устроенною уже не по родовымъ отношеніямъ, а по гражданскимъ. Что касается до случаевъ сиротства, о которомъ говорится въ уставѣ, то это уже другой вопросъ, для рѣшенія котораго надо опредѣлить тогдашній современный взглядъ; одинъ случай, напр., намъ извѣстенъ: смерть сына, при жизни отца, лишала внука наслѣдства; но это требуетъ особаго изслѣдованія, которое въ настоящей статьѣ не нужно и отвело бы только въ сторону.—Самое слово *сирота* никогда не имѣло у насъ въ Россіи значенія orphelin или Waise; оно имѣетъ общее значеніе лишенія, безза-

щитности. Про родителей, лишившихся дѣтей, говорятъ, что они осиротѣли. Въ томъ смыслѣ могли быть употреблены слова Князя Всеволода-Гаврінла; бездѣтный Князь не передавалъ этого права своимъ дѣтямъ, терялъ свои права владѣнія въ потомствѣ, и могъ быть, по примѣненію, названъ Изгоемъ.

И такъ, изъ устава Князя Всеволода-Гаврінла видимъ, что было три случая изгойства, и всѣ три случая не родовые, а гражданскіе. Четвертое же изгойство есть только примѣненіе, и притомъ личное, отъ самого князя къ себѣ, къ княжему роду, и родовымъ, думаемъ, назваться не можетъ. Родоваго значенія изгойства отсюда вывести нельзя.

Кажется, и г. сочинитель знаетъ, что это свидѣтельство не въ пользу его мнѣнія. Хотя и говоритъ онъ сперва рѣшительно: «По понятіямъ древнихъ родовыхъ исключительныхъ отношеній, Князь, оставшійся круглымъ сиротой въ своемъ родѣ, долженъ былъ, *какъ и простыя лица* (гдѣ? какимъ образомъ? когда?), отрѣшенныя отъ своихъ родовыхъ общинъ, называться Изгоемъ» (1). Но далѣе г. сочинитель говоритъ: «Разсматривая всѣ приведенныя выше причины изгойства, нельзя не замѣтить, что въ нихъ первоначальное естественное значеніе Изгоя, какъ члена, отрѣшеннаго отъ своего прежняго рода (?), дополнилось еще гражданскимъ или юридическимъ его значеніемъ, какъ лица, вышедшаго изъ той гражданской общины, въ которой онъ замыкался и числился до того времени. Между тѣмъ, какъ мы замѣтили выше, *очевидно* (?), что не всѣ даже первоначальныя причины изгойства исчислены въ уставѣ Всеволода» (2). Черезъ нѣсколько строкъ: «Такую *неполноту* (?) Всеволодова устава можно отчасти объяснить» и пр. (3). Но прежде чѣмъ объяснять, надо посмотрѣть, существуетъ ли предметъ объясненія. Прежде всего мы спросимъ, отъ чего находитъ г. авторъ неполноту въ уставѣ Всеволода-Гаврінла? Неужели, если историческое свидѣтельство противорѣчитъ нашему мнѣнію (не подкрѣпленному другими свидѣтельствами), слѣдуетъ называть оное по тому самому неполнымъ? Не лучше ли прямо основаться на этомъ уцѣлѣвшемъ свидѣтель-

(1) Архивъ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, стр. 68.
(2) Тамъ же, стр. 70.
(3) Тамъ же, стр. 71.

ствѣ въ уставѣ Всеволода-Гавріила, тѣмъ болѣе, что и другія соображенія въ пользу онаго? Г. сочинитель говоритъ далѣе: «Такой же доступъ предлагали имъ (Изгоямъ), возникшія вновь (?), подъ покровительствомъ князей (?), общины, купеческія и сельскія (верви), какъ общины гражданскія въ противоположность туземнымъ, исключительно родовымъ союзамъ (???) (1). Но отъ чего же *вновь?* Общины образовались гораздо прежде, во времена Олега несомнѣнно, даже во времена Рюрика и ранѣе. И почему: «въ противоположность туземнымъ общинамъ?» — Земскія общины, сходки, вѣча, міръ, развѣ явленіе не туземное?

Я ограничиваюсь вопросомъ объ Изгояхъ; но много и много можно бы возразить противъ мнѣнія о древнемъ родовомъ бытѣ Русскихъ Славянъ и Славянъ вообще. Удерживаюсь здѣсь, и надѣюсь представить мое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ въ особой статьѣ.

Что касается до филологическаго значенія слова Изгой, приводимаго авторомъ, то оно, по его же толкованію, значитъ только исключеннаго изъ какой-нибудь жизни, изъ жизненнаго бытія, а поэтому можетъ относиться вполнѣ и къ гражданскому быту.

Относительно же покровительства Церкви Изгоямъ, ясно, что оно нисколько не утверждаетъ за ними значенія родоваго. Церковь покровительствовала всѣмъ безпомощнымъ, беззащитнымъ. А слово *сирота*, какъ сказано выше, не имѣло и не имѣетъ у насъ значенія *orphelin* или Waise, но значеніе собственно беззащитности. Сирымъ называютъ нищаго, и человѣка, лишеннаго опоры въ общинѣ, не обинуясь, народъ назоветъ сирымъ.

Что касается до рукописи XV-го вѣка, то мѣсто, приводимое оттуда г. авторомъ, можетъ относиться къ какому угодно быту. Слова: «всего же есть горѣе изгойство взимати, ниже взимающеи, тіи не отдадуть опять тѣмже», г. авторъ переводитъ: «нѣтъ болѣе тяжкаго грѣха, какъ самовольно дѣлаться Изгоемъ; кто беретъ на себя (принимаетъ на свою душу) изгойство, тотъ не тѣмъ поплатится» (2). Послѣднія слова едва ли такъ; я объясняю ихъ: кто беретъ на себя изгойство, тотъ уже назадъ отдать его не можетъ, не можетъ перестать быть Изгоемъ.

Какія же доказательства, спрашиваемъ мы, приводитъ г. сочи-

(1) Арх. Ист. Юр. свѣдѣній, стр. 71.
(2) Арх. Ист. Юр. свѣдѣній, стр. 63.

нитель въ пользу своего мнѣнія? Мы должны признаться, что доказательствъ въ его статьѣ нѣтъ. Онъ ссылается на слова Нестора, сказанныя только о Полянахъ и относящіяся вообще къ родовому быту. Все остальное въ его статьѣ—разсужденія. Свидѣтельство Всеволода-Гавріила, приводимое авторомъ и говорящее противъ него, называетъ авторъ неполнымъ.—Самъ собою возникаетъ простой вопросъ: за чѣмъ же слову «Изгой» придавать значеніе родовое, когда нѣтъ на то доказательствъ, а какія есть, тѣ говорятъ въ пользу гражданственнаго, общиннаго значенія?

Въ заключеніе, укажемъ на одно свидѣтельство, котораго сочинитель не приводитъ, а именно, на одно мѣсто въ Русской Правдѣ, гдѣ встрѣчается слово Изгой, и гдѣ, сколько мы видимъ, оно противорѣчитъ понятіямъ автора о родовыхъ отношеніяхъ. Возьмемъ Русскую Правду, изданную въ Русскихъ Достопамятностяхъ: въ трехъ первыхъ спискахъ изданія г. Калачова находится то же мѣсто съ незначащими измѣненіями; вотъ оно: «Ажь убьеть мужъ мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, любо сыну, любо браточаду, любо братию сынови. Ожели не будеть кто его мьстя то положити за голову И. гривенъ, аче будеть княжь мужъ, или тивуна княжя. Аче ли будеть Русинъ (въ Соф. сп. «Русинъ и горожанинъ») любо гридь, любо купець, любо тивунъ бояреск, любо мечникъ, любо изгой, любо Словенинъ, то М. гривенъ положити зань» (1).

Здѣсь перечисляются тѣ, которые могутъ остаться безъ родовыхъ мстителей: *ожели не будеть, кто его мьстя,* и въ числѣ перечисленныхъ встрѣчается и подходитъ подъ одну категорію съ ними—Изгой; слѣдовательно, и у него, какъ и у другихъ, могъ быть и не быть, *кто его мьстя* (родовой мститель). Въ такомъ случаѣ значеніе слова Изгой, какъ исключеннаго изъ рода, рѣшительно невозможно.—При родовомъ же значеніи слова Изгой, всѣ лишенные родовыхъ своихъ мстителей, всѣ поименованные, были бы Изгоями; но мѣсто это въ Русской Правдѣ доказываетъ противное.

И такъ, опять вопросъ: какимъ образомъ можно заключить, что изгойство имѣло значеніе родовое, когда всѣ свидѣтельства говорятъ противъ?

---

(1) Русскія Достопамятности ч. 1, стр. 10.

Изъ вышеприведенныхъ доказательствъ видимъ: 1) что въ древней Россіи, по крайней мѣрѣ, въ тѣ времена, когда встрѣчается слово Изгой, не было уже родоваго быта, какъ понимаетъ его г. авторъ. Напротивъ, изъ тѣхъ же доказательствъ видно, что былъ бытъ общинный, гражданственный. 2) Разбирая историческое значеніе слова Изгой, видимъ, что оно не имѣло значенія родоваго. Напротивъ того, всѣ свидѣтельства говорятъ, что слово Изгой имѣло значеніе общественное. И такъ, *Изгой не былъ явленіемъ родовымъ, но явленіемъ общественнымъ, гражданскимъ:* это былъ человѣкъ, исключенный, или самъ исключившій себя изъ общины или сословія.

Надѣемся, что многоуважаемый нами авторъ не посѣтуетъ на насъ за эти возраженія на его мысль объ Изгояхъ.

—

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОЙ ИСТОРІИ, ВОЗБУЖДЕННЫХЪ ИСТОРІЕЮ Г. СОЛОВЬЕВА.

По поводу I тома (1).

Трудолюбіе и даровитость г. Соловьева всѣмъ и давно извѣстны. Кромѣ лекцій университетскихъ, кромѣ пространныхъ статей, помѣщаемыхъ въ журналахъ, сборникахъ, вѣдомостяхъ, г. Соловьевъ нашелъ время для обработыванія и изданія въ свѣтъ важнаго труда, Русской Исторіи. Первый томъ передъ нами. Уважая вполнѣ даровитость автора, желая ему продолжать идти впередъ, мы однако не согласны со многими его воззрѣніями. Критики на сочиненіе г. Соловьева уже появились. И въ Москвитянинѣ, и въ Отечественныхъ Запискахъ, и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ были сказаны дѣльныя и полезныя замѣчанія; но на всѣ возраженія г. Соловьевъ отвѣчалъ, что они своею слабостью только утвердили его въ его мнѣніяхъ. Мы, съ своей стороны, пишемъ не критику на г. Соловьева, а хотимъ высказать нѣкоторыя мысли о Русской исторіи, пришедшія намъ въ голову по поводу его книги.

Прежде всего должны мы сказать, что едва ли въ наше время можно писать исторію Россіи. Исторія есть окончательный плодъ какой-нибудь эпохи, есть результатъ ея предварительныхъ историческихъ трудовъ; твердая, незыблемая основа для нея необходима. Наше время есть время изслѣдованій, изысканій, приготовительной обработки. Матеріалы являются съ каждымъ днемъ въ возрастающемъ количествѣ; безпрестанно выходятъ акты такого

---

(1) Черновая, неоконченная рукопись, писана по появленіи 1-го тома и до выхода въ свѣтъ 2-го тома исторіи г. Соловьева; стало-быть въ 1851 году. *Прим. изд.*

рода, которыхъ каждую строку должно читать и перечитывать, которыхъ каждое слово должно объяснять въ отношеніи не только историческомъ, но юридическомъ, филологическомъ и др. наукъ. А всѣ науки нераздѣльно между собою связаны. Среди этой предварительной работы можетъ ли быть производима работа окончательная? Можно ли строить зданіе, когда ни матеріалы, ни планъ не готовы? Зачѣмъ отнимать у эпохи ея трудъ и значеніе, зачѣмъ торопить ея время (себя можно торопить, но не время)? Мы согласны, что работа изслѣдователя не очень заманчива. Но что же дѣлать, если такова наша эпоха. Все, что можетъ явиться въ наше время, это развѣ монографія. Понятна, очень понятна потребность цѣлаго, потребность зиждущей дѣятельности; но, сознавая вполнѣ эту потребность, всегда живущую въ человѣкѣ не отвлеченномъ, въ человѣкѣ, для котораго жизнь есть первое дѣло, мы должны, однако, сказать, что, сберегая въ себѣ эту прекрасную, доводящую до истины потребность, можно ограничить себя изслѣдованіями; она, эта потребность жизни, поможетъ здѣсь много, дастъ имъ зоркость и цѣлость, и будетъ вездѣ выражаться. Исторія Россіи въ наше время возможна только въ видѣ опыта. Но такъ ли написалъ свою Исторію г. Соловьевъ? Едва ли. — Въ ней слышно противорѣчіе: она писана какъ исторія, какъ полный выводъ изъ предыдущихъ трудовъ; а между тѣмъ она имѣетъ характеръ собранныхъ изслѣдованій, не болѣе. Чего нельзя сдѣлать, то и не было сдѣлано, и Исторія Россіи г. Соловьева — не исторія.

Не винимъ въ этомъ автора; въ настоящее время, при состояніи исторической науки, исторія Россіи невозможна. Замѣчаніе наше автору состоитъ въ излишней поспѣшности; въ томъ, что онъ очень легко и скоро строитъ Русскую исторію, тогда какъ еще неизвѣстно, когда наступитъ для нея время. 1-й томъ его исторіи, не представляющій ничего новаго, можетъ, года черезъ два, быть анахронизмомъ и откинуть. Посвятимъ всѣ труды свои изслѣдованіямъ, будемъ стараться разрѣшить великую задачу нашей исторической жизни, обратимся для этого къ древней самобытной Россіи, и къ народному быту теперь; истинная мысль вдругъ найдетъ гармонію во всѣхъ явленіяхъ жизни. Все станетъ ясно и понятно. Но для этого много нужно предварительныхъ изысканій, много трудной и иногда мелочной работы.

Теперь обратимся къ самымъ мнѣніямъ г. Соловьева, высказаннымъ въ его Исторіи.

Въ предисловіи къ первому тому своей Исторіи Россіи, г. Соловьевъ говоритъ вообще противъ раздѣленія исторіи на эпохи, утверждая, что такого раздѣленія не бываетъ въ самой исторической жизни, гдѣ всѣ явленія связаны одно съ другимъ; онъ, между прочимъ, тутъ же высказываетъ мнѣніе (и, онъ, кажется, первый печатно), что еще до Петра Великаго начались у насъ преобразованія, и что Петръ только продолжалъ начатое. Мысль о томъ, что исторія не допускаетъ раздѣленій—справедлива, если понимать раздѣленія за какія-то рубрики и графы. Но съ другой стороны нельзя не признать въ ходѣ исторіи возникающихъ главныхъ идей, группирующихъ около себя предыдущія и послѣдующія явленія; эти господствующія идеи, въ теченіе извѣстнаго времени, составляютъ эпохи и періоды. Переходъ отъ періода къ періоду, отъ эпохи къ эпохѣ дѣлается незамѣтно, безъ всякаго видимаго отдѣла, ибо таковъ ходъ жизни исторической; но тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, нельзя не отличать этихъ эпохъ, съ чѣмъ, вѣроятно, согласится и самъ авторъ. Онъ самъ даже назначаетъ главныя эпохи.

Прежде, чѣмъ будемъ говорить о раздѣленіи Русской Исторіи, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ мнѣніи, которое выражаетъ въ предисловіи своемъ ученый авторъ, о преобразованіи Петра Великаго.

Г. Соловьевъ говоритъ, что Петръ былъ продолжателемъ, что дѣло заимствованія отъ иностранцевъ полезнаго было еще до него. Это совершенно справедливо, и все, что есть истиннаго въ переворотѣ Петра, было, конечно, начато до него. Но Петръ былъ не только продолжателемъ, а это-то и составляетъ характеристику его эпохи. Прежде принимали одно полезное отъ иностранцевъ, не заимствуя чуждой жизни, но оставаясь при началахъ своей жизни, и Россія оставалась самостоятельною. Петръ же, напротивъ, сталъ принимать все отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное, самую жизнь иностранную, со всѣми случайными ея подробностями; онъ перемѣнялъ всю систему управленія государственнаго и весь образъ жизни; онъ измѣнялъ на иностранный ладъ Русской языкъ, онъ принудилъ перемѣнить самую Русскую одежду на одежду ино-

страшную; переломленъ былъ весь строй Русской жизни, перемѣнена была самая *система*. Такимъ образомъ, даже самое полезное, что̀ принимали въ Россіи и до Петра, непремѣнно стало не свободнымъ заимствованіемъ, а рабскимъ подражаніемъ. Къ этому присоединилось еще другое обстоятельство: именно, насиліе, неотъемлемая принадлежность дѣйствій Петра. Это насиліе въ свою очередь измѣнило все дѣло; что̀ дѣлалось доселѣ свободно и естественно, то стало дѣлаться принужденно и насильственно. Поэтому преобразованіе Петра есть рѣшительно уже *переворотъ*, *революція*, а въ этомъ и заключается особенность и историческое значеніе его дѣла. Напрасно говорили (я самъ напечаталъ это нѣкогда) (1), что Петръ возсталъ противъ исключительной Русской національности. Исключительности въ Россіи не было вовсе; все полезное принималось и до Петра, только это не мѣшало Русскимъ оставаться Русскими. Напротивъ, исключительность національности (незнакомая Россіи никогда прежде) явилась со стороны Петра. Петръ именно стоялъ за исключительную національность, только не свою, а Западную, и повсюду истреблялъ всякое выраженіе Русской жизни, всякое Русское явленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, исключительности національной не было никогда въ до-Петровской Россіи. Еще Несторъ сказалъ, пересчитывая разные обычаи языческихъ народовъ: мы же Христіане законъ имамы единъ: елици во Христа крестихомся, во Христа облекохомся (2). Вотъ когда, и какъ хорошо и ясно, перейдены были границы исключительной національности во имя Христіанской Вѣры. Христіанская Вѣра—вотъ союзъ человѣческій, вотъ союзъ нашъ. Всѣ Христіане — братья. Это истинное пониманіе Христіанской Вѣры есть основаніе всей нашей исторіи; и въ то же время то же святое ученіе научило Русскій народъ, — эту изначала добрую почву слова Божія,—на всякаго человѣка смотрѣть какъ на ближняго. Посмотрите на время Междуцарствія, когда дѣйствовалъ народъ, перечтите эти безцѣнныя грамоты, въ которыхъ столько простоты, тихой, нескрепшей, непобѣдимой силы, столько чистоты и святости. Въ началѣ грамоты говорится обыкновенно, отъ кого писана она, перечисляются всѣ сословія, всѣ

(1) Въ разсужденіи о Ломоносовѣ. *Прим. изд.*

(2) Это важное указаніе принадлежитъ Ю. Ѳ. Самарину.

Русскіе люди, и съ ними тутъ же *и Нѣмцы и Литва*, и это не одинъ разъ. И теперь ни къ Нѣмцамъ, ни къ Полякамъ, въ простомъ народѣ нѣтъ никакой ненависти. Но этотъ высокой христіанской взглядъ нашего народа былъ недоступенъ народамъ другимъ, гордымъ народамъ Запада, которые только теперь, и то въ избранныхъ своихъ, въ нѣкоторыхъ сословіяхъ, дошли до человѣческаго взгляда Русскаго народа, да и то больше какъ космополиты, слѣдовательно впали въ новую ошибку. При этомъ истинномъ взглядѣ Русскаго народа на другіе народы, конечно, очень естественно принимать отъ нихъ все хорошее. Такъ оно всегда и было. При Димитріѣ Донскомъ было принято огнестрѣльное оружіе, при Іоаннѣ IV — книгопечатаніе и т. д. Наконецъ, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ даже внутреннее военное устройство. Исключительность національная не существовала у насъ, и это обвиненіе есть призракъ, изобрѣтенный преобразованными Петромъ Русскими, которые себя оправдываютъ этимъ, какъ креатуры Петра. Духъ нашего народа есть христіанско-человѣческій. И вдругъ среди него является исключительная національность со всею своею дикостью, и эта національность—чужая, которая гонитъ Русскую жизнь, а вмѣстѣ и весь высокій строй ея.

Слѣдовательно, дѣло Петра, какъ приниманіе (только) полезнаго отъ чужихъ странъ, не внесло ничего новаго; все это дѣлалось и до него, но свободно, постепенно и самобытно. Великое дѣло Петра, какъ исключительное поклоненіе Западу, какъ исключительное отрицаніе всего Русскаго, даже въ языкѣ и въ одеждѣ, какъ рѣзкое насильственное, поспѣшное и подражательное преобразованіе, другими словами, какъ *переворотъ*, было точно дѣло новое, не бывалое на Руси, и не принадлежитъ къ тѣмъ мирнымъ измѣненіямъ, которыя совершаются легко и непримѣтно; напротивъ, это именно *переворотъ*, и въ этомъ отношеніи продолжателемъ Петръ назваться не можетъ. Нѣтъ, у него не было предшественниковъ въ древней Руси. Хотя переворотъ Петра прямо подѣйствовалъ только на верхніе классы, но съ измѣненіемъ этихъ классовъ, и народъ, само собою разумѣется, долженъ былъ стать въ особыя отношенія. Такимъ образомъ, переворотъ подѣйствовалъ на всю Россію, разнымъ образомъ въ ней обозначась. Россія раздѣлилась на двѣ рѣзкія половины: на преобразованную Петромъ или верхніе классы, и на Россію, оставшуюся въ своемъ

самобытномъ видѣ, оставшуюся на корню, или простой народъ. Разумѣется, двѣ сіи половины, между которыми разрушена связь пониманія, не остаются безъ соприкосновенія, если не внутренняго, то внѣшняго; разумѣется, одна дѣйствуетъ на другую, и преимущества и выгоды играютъ здѣсь, конечно, большую роль. Изъ нашихъ словъ видно, что мы несогласны съ г. Соловьевымъ, который называетъ Петра только продолжателемъ.

Что же касается до того, какъ раздѣлять Русскую Исторію, то во 1-хъ признавая эпохи въ исторіи, мы признаемъ и возможность ея раздѣленія. Во 2-хъ думаемъ, что Русскую Исторію лучше раздѣлять, какъ она сама себя раздѣлила, т. е. по столицамъ: историческое раздѣленіе, собственно Россіи принадлежащее, которое не приходится ни къ какой иной странѣ.

Это раздѣленіе по столицамъ нуждается въ объясненіи. Прежде надо сказать, что Русская столица вовсе не то, что столица въ другихъ государствахъ; въ Русской столицѣ нѣтъ никакого исчерпывающаго, деспотическаго значенія, ничего централизирующаго. Столица есть городъ, въ которомъ болѣе, чѣмъ въ другомъ, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, выражается мысль эпохи; въ столицахъ сознаетъ себя исторически народъ; отъ этого въ Русской исторіи такое преемство столицъ, нигдѣ невиданное; отъ этого и исторія Русская можетъ дѣлиться по столицамъ, какъ по эпохамъ. Каждая эпоха имѣла свою столицу, и наконецъ, когда Россія раздѣлилась на двѣ стороны, Земскую и Государственную, явились и двѣ современныя столицы.

И такъ прослѣдимъ раздѣленіе Русской исторіи, какъ мы оное понимаемъ:

Новгородъ первый является на сценѣ исторіи. Онъ начинаетъ Русскую исторію. Но Новгородъ нельзя назвать столицею. Призванная имъ Русь (Варяги) оставалась тамъ не долго и перешла на Югъ. Это былъ первый станъ ея, и только; почему такъ — на это объясненіе уже дастъ сама исторія, объ этомъ здѣсь распространяться мы не станемъ, но быль такова (1). Первая столица безспорно Кіевъ, *мать градовъ Русскихъ*.

И такъ періодъ первый:

---

(1) Слѣдующія за симъ строки, помѣщаемыя въ выноскѣ, въ рукописи находятся на поляхъ, въ видѣ замѣтокъ для себя. *Прим. изд.*

1) Кіевская Русь или Кіевскій періодъ. Періодъ отдѣльныхъ областей или общинъ, соединенныхъ въ Земскомъ отношеніи единствомъ Вѣры Православной, а также и единствомъ народнымъ быта и языка; въ отношеніи Государственномъ соединенныхъ кровнымъ единствомъ князей, тѣмъ, что князья общинъ родные между собою, одного происхожденія. Иногда общины воюютъ другъ съ другомъ, и князья являются ихъ предводителями; иногда князья воюютъ между собою, и общины, смотря по обстоятельствамъ, помогаютъ имъ. Борьба между князьями идетъ за Кіевъ, не какъ за могущественное княжество, но какъ за почетнѣйшій престолъ. Здѣсь борьба идетъ за честь Кіевскаго сидѣнья, борьба за столъ. Кіевъ, какъ столица, имѣетъ значеніе только для князей; для Земли онъ важенъ какъ метрополія, и тѣмъ самымъ, что не имѣетъ никакого притязанія быть ея столицей, и имѣетъ значеніе чисто мѣстное, областное. Государственный элементъ еще не силенъ.

2) Владимірскій періодъ или Владимірская Русь. Борьба князей принимаетъ другой характеръ; родственная связь слабѣетъ, и борьба идетъ за могущественное княжество, за матеріальную силу. Является много великихъ княженій. Борьба общинъ продолжается, но не столь сильно. — Одно княжество думаетъ усиливаться на счетъ другаго. —Общины начинаютъ смыкаться въ матеріальныя,

---

„Поэтому, когда явился общій княжескій родъ, явилось и общее названіе, названіе Руси. Оно вошло не какъ названіе побѣдившаго народа къ побѣжденному, или даже просто одного народа къ другому. Русь вовсе не были народъ. Но Русь, выражая собою государственное и поэтому централизирующее начало, какъ такое, заключало въ себѣ единство, которое и распространялось на всѣ земли и общины, гдѣ это государственное начало утвердилось. Новгородцы, проводивъ Русь на Югъ, избавились отъ названія..... *.

„Такимъ образомъ названіе Руси перешло мало-по-малу на *(всю?)* Русь. Сперва княжество Кіевское, потомъ Южная Русь, потомъ Сѣверная.

„Признали *(Варяговъ)* отдѣльныя общины; въ своей отдѣльности онѣ и продолжали оставаться, и призывали и принимали князей они изъ одного племени Рюрикова, что, кромѣ неопредѣленной связи братства, единоплеменности и однобытности, составляло новую связь. Родъ Рюриковъ былъ для Славянскихъ общинъ разсадникомъ, *seminarium*, заводомъ князей. Князья Рюриковскаго завода казались лучше другихъ, какого-нибудь другаго завода. Славяне же были не заводъ, а община.

„Названія общаго очевидно не было; ибо тамъ, гдѣ исключительности національной не было, выступало человѣческое на первый планъ,—союзъ человѣческій. И теперь рѣдко крестьянинъ назоветъ себя Русскимъ, а скажетъ: я Костромичъ, Калужанинъ, и т. д. Названіе Славянъ было извѣстно Славянамъ, а употреблялось, кажется, рѣдко."

* Нѣсколько словъ, которыя невозможно было разобрать. *Прим. изд.*

отдѣльныя массы.—Южная Русь еще хранитъ прежнія преданія. Сѣверная Русь совокупляется въ матеріальныя, сильныя, отдѣльныя княжества. Новгородъ сохраняетъ свою древнюю отдѣльность особой общины, и, какъ особая община, идетъ впередъ, усиливается, завоевываетъ цѣлыя инородческія земли, ведетъ торговлю и войны, все на древнемъ Славянскомъ общинномъ основаніи.—Нашествіе Татаръ даетъ чувствовать всѣмъ Русскимъ общинамъ—и ихъ духовную связь и выгоду взаимнаго земскаго союза.—Метрополія перенесена во Владиміръ. Государственный элементъ, при ослабленіи родственной связи, на основаніи матеріальнаго могущества княженія, усиливается (цѣнитъ матеріальное могущество).

3) Московскій періодъ или Московская Русь. Государство, доселѣ, въ лицѣ князей, съ одной стороны соединявшее общины единствомъ ихъ происхожденія и взаимными ихъ притязаніями на княжескую власть, съ другой — раздѣляло эти общины особымъ властительнымъ значеніемъ каждаго князя и враждебностью ихъ отношеній. Такимъ образомъ Земля, будучи съ одной стороны болѣе соединена единствомъ происхожденія и родствомъ князей, съ другой стороны была и болѣе раздѣлена властительнымъ особеннымъ значеніемъ каждаго князя; каждая община слышала, что вольная отдѣльность ея получала чрезъ государственный элементъ, въ нее внесенный, твердость и рѣзкость, что она, однимъ словомъ, изъ отдѣльной общины переходила въ отдѣльное государство: обстоятельство, разрывавшее связь между общинами, нарушавшее общее единство Земли.—Государство съ своей стороны стремилось къ единству государственному; сперва, какъ въ періодъ Владимірскій, оно усиливалось матеріально, этимъ ограничивая свои притязанія. Возникаетъ Москва. Москва первая задумала единство государственное и начала уничтоженіе отдѣльныхъ княжествъ. Вся эта борьба княжествъ на общины не простиралась; общины были довольны, когда падали между ними государственныя перегородки. Государство, уничтожая ихъ, исполняло желаніе Земли, и, стремясь къ единству Государственному, содѣйствовало единству Земскому. Нѣтъ ни одного примѣра, чтобы община заступилась за своего князя. Москва провозглашаетъ, наконецъ, имя всея Руси, единаго Русскаго Государства и единой Русской Общины, Русской Земли. Вотъ значеніе Москвы. Особенности общинъ, ихъ обычаи сохраняются; но въ то же время Государство крѣпнетъ, власть

его принимаетъ сильнѣйшіе размѣры и царственный видъ.—Орда падаетъ и падаетъ Византія; но соблазнительная практика Татарскаго хана и соблазнительная теорія Византіи дѣйствуютъ сильно на Великаго Князя Московскаго. Удѣльные князья падаютъ, и, какъ бы истребляя память о какой нибудь родственной связи въ дѣлѣ власти, Иванъ Васильевичъ откидываетъ отчество и подписывается Іоаннъ. Отъ Византіи принимаетъ онъ гербъ двуглаваго орла и вѣнчаетъ (но безъ помазанія) на царство своего внука, который однако не царствовалъ. — Іоаннъ IV принимаетъ титулъ царя. Но Земля довѣрчиво смотритъ на новую великолѣпную наружность Государства, довѣрчиво хранитъ свой союзъ съ нимъ, основанный на добровольной сдѣлкѣ. И Государство Московское, не смотря на новый элементъ, не нарушаетъ въ основаніи этого союза. Русь, составляющая отнынѣ одну общину, созывается въ Москву на Земскій Соборъ, замѣняющій Вѣче.—Московскій періодъ представляетъ одно Государство всея Руси и одну Общину всея Руси, еще хранящія память о томъ взаимномъ довѣріи, которое было положено въ основу ихъ союза, еще при Рюрикѣ. Такимъ образомъ, Москва, соединяя Россію единствомъ Государственнымъ съ одной стороны, съ другой стороны соединяетъ всю Русскую Землю общимъ чувствомъ одной Великой Общины. Государство, опираясь на общину, утверждаетъ ея голосъ и участіе во всѣхъ дѣлахъ. Москва поддерживаетъ всѣ особенности, и племенныя и мѣстныя, и при единствѣ хранитъ разнообразіе.—Прекращается династія князей Московскихъ. Русская земля обнаруживаетъ въ эту минуту, что она отвергаетъ совершенно преданія удѣльныя и избираетъ на царство не кого-нибудь изъ многочисленныхъ Рюриковичей, а кто мудро ею правилъ, родственника послѣдняго царя древней династіи, Ѳеодора, — Бориса Годунова. — Нашествіе новыхъ враговъ. Поляки, Шведы и другіе враги расшибаютъ въ дребезги Государство Россійское. Москва находится въ рукахъ Поляковъ; тогда подымается сама Земля, сама община, и идетъ на бой. Побѣдоносно ея дѣло, враги низвергнуты, и Русская Земля въ 1612 году находится въ томъ же положеніи, какъ въ 862 году. Враги изгнаны, Государства нѣтъ, и Земля, какъ видно, довольная доселѣ Государствомъ, вновь его призываетъ. Но уже не изъза моря; она была не прочь и отъ этого, но попытки ея ей доказали, что времена уже не тѣ, и что чуждый призванный Госу-

дарь принесетъ съ собою чуждый строй. Земля выбираетъ Государя изъ своихъ Русскихъ людей.

Примѣчаніе издателя: Здѣсь рукопись кончается, но продолженіе находимъ въ слѣдующихъ листахъ, начинающихся съ очерка Московскаго періода и принадлежащихъ очевидно къ другому списку той же статьи, нѣсколько передѣланному. Очеркъ Московскаго періода излагается въ немъ въ болѣе сжатомъ видѣ.

3) *Московскій періодъ или Московская Русь.* — Общины или города соединяются въ одно цѣлое. Москва провозглашаетъ имя всей Руси. Государство, въ Москвѣ, уже не хочетъ быть сильнѣйшимъ изъ княжествъ, но поднимаетъ знамя во имя *всей Руси*, на которое отзывается вся Земля, прекращаетъ борьбу; князья падаютъ одинъ за другимъ, безъ всякаго содѣйствія народа на ихъ защиту; борьба идетъ нѣкоторое время, но спорящіе князья, лишенные опоры въ отдѣльности княжествъ, не могутъ долго бороться, и Іоаннъ III называется Великимъ княземъ всея Руси. Государство крѣпнетъ, опираясь на земскомъ чувствѣ единства всея Руси. Іоаннъ III принимаетъ гербъ отъ Византіи; Іоаннъ IV—титулъ Царя. Государство идетъ объ руку съ Землею. Русь составляетъ одну общину и созывается на Земскій Соборъ Іоанномъ IV; *вѣроятно при немъ ясно стала мысль всей Земли Русской и явилась и почувствовалась вся Земля Русская: это выразилось въ созваніи Земскаго Собора.* Одно Государство всея Руси, одна Община всея Руси. Государство, опираясь на общину, утверждаетъ ея голосъ и участіе во всѣхъ дѣлахъ. Соединяя все единствомъ Государственнымъ съ одной стороны, съ другой соединяетъ всю Землю общимъ чувствомъ одной великой Общины. Москва поддерживаетъ всѣ особенности, и племенныя и мѣстныя, и при единствѣ хранитъ разнообразіе.—Нашествіе Поляковъ обнаруживаетъ значеніе Москвы; она торжественно признается столицею всей Земли, но значеніе ея вовсе не исключительное (какъ напр. Рима); она не владычица Земли, ни есть власть надъ нею, но ея власть. Избранный ею, Шуйскій сводится съ престола имъ же, ибо не вся Земля его избрала; и въ ея стѣнахъ на перекличкѣ именуются всѣ города Русскіе. Земскіе Соборы продолжаютъ созываться еще чаще съ восшествіемъ на престолъ Рома-

новыхъ. Земля принимаетъ участіе не только въ избраніи новой династіи, но и во всякомъ важномъ дѣлѣ. И Земля и Государство продолжаютъ идти рука въ руку; отступленія, которыя встрѣчаются, случайны, но система не мѣняется.

4) *Петербургскій періодъ*. Государство совершаетъ переворотъ, разрываетъ союзъ съ Землею и подчиняетъ ее себѣ, начиная новый порядокъ вещей. Оно спѣшитъ построить новую столицу, *свою*, не имѣющую ничего общаго съ Россіею, никакихъ Русскихъ воспоминаній. Измѣняя Землѣ Русской, народу, Государство измѣняетъ и народности, образуется по примѣру Запада, гдѣ наиболѣе развилась государственность, и вводитъ подражательность чужимъ краямъ, Западной Европѣ. Гоненіе на все Русское. Люди государственные, люди служилые, переходятъ на сторону Государства. Народъ, собственно простой народъ, остается при прежнихъ началахъ. Переворотъ сопровождается насиліемъ. Впослѣдствіи переобразованные верхніе классы дѣйствуютъ соблазномъ разврата, выгодъ и преимуществъ на простой народъ; отъ него по одиначкѣ отстаютъ и переходятъ на враждебную сторону, но весь народъ, въ цѣломъ, остается тотъ же. Россія раздѣлилась на двое и на двѣ столицы. Съ одной стороны Государство съ своей иностранной столицей Санкт-Петербургомъ; съ другой стороны Земля, народъ, съ своей Русской столицей Москвой. Нашествіе Наполеона на Государство и Землю Русскую. Государство, въ смятеніи, обращается къ Землѣ и къ Москвѣ, и проситъ о помощи. Москва принимаетъ ударъ. Москва и Земля спасаютъ и себя и Государство. — Не смотря на то, полный плѣнъ нравственный, подъ игомъ Запада, верхнихъ классовъ, примыкающихъ къ Государству. — Наконецъ наступаетъ борьба. Москва начинаетъ и продолжаетъ дѣло нравственнаго освобожденія, поднимаетъ вновь знамя Русской самобытности, Русской мысли. Въ наше время среди верхнихъ, отъ народа оторванныхъ, классовъ пробуждается сознаніе ложности направленія иностраннаго, и стыдъ обезьянства. Русская мысль начинаетъ освобождаться изъ плѣна; вся дѣятельность ея въ Москвѣ и изъ Москвы,—и окончаніе долгаго испытанія, а вмѣстѣ и торжество и возникновеніе истинной Руси и Москвы, кажется, приближается.—Русскіе, позабывшіе свою Русь, начинаютъ ее вспоминать. Усилія ученой дѣятельности, направленной со всѣхъ сторонъ къ Россіи.—Глав-

ное, существенное дѣло — нравственная духовная свобода. Она возникаетъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, какъ дѣлится Русская исторія. То, что мы назвали 4-мъ періодомъ, лучше назвать эпизодомъ, ибо Москва не перестала (и не перестанетъ) быть истинною Русскою столицею. 1812 й годъ ясно это доказываетъ. По нашему мнѣнію, собственно три періода: *Кіевскій, Владимірскій, Московскій*. Москва, по нашему мнѣнію, нераздѣльна съ Россіею.

Г. Соловьевъ считаетъ призваніе Рюрика событіемъ всероссійскимъ, съ котораго справедливо начинаетъ Русскую исторію. Мы совершенно согласны съ г. Соловьевымъ въ знаменательности явленія, но мы объясняемъ оное иначе. Г. Соловьевъ видитъ въ призваніи начало прекращенія родоваго быта у Славянъ. По нашему мнѣнію, родоваго быта у Славянъ не было (объ этомъ мы уже сказали наше мнѣніе); слѣдовательно, и быль призванія имѣетъ другой смыслъ. Постараемся высказать нашу мысль объ этомъ начальномъ событіи Русской исторіи, и вмѣстѣ мысль о томъ, что, по нашему мнѣнію, служитъ основною задачею Русской исторіи.

Въ человѣкѣ есть всегда внутренняя нравственная правда, согласно или противъ которой онъ поступаетъ; но, во всякомъ случаѣ, въ самомъ человѣкѣ лежитъ и одобреніе и осужденіе его поступка. — Дѣйствіе этой внутренней правды или совѣсти есть чисто нравственное, свободное; поступая согласно съ совѣстью, человѣкъ поступаетъ свободно и нравственно. Таково дѣло каждой личности. Отъ личности перейдемъ къ обществу; человѣкъ живетъ, какъ общество: на томъ же началѣ зиждется и общество. Когда люди образовали общину, то общій внутренній нравственный законъ является, какъ порядокъ общей жизни, какъ обычай. Является другая, впрочемъ нравственная же сила, *общее мнѣніе*, составляющее уже общественную нравственность; эта сила возможна и законно права, ибо основаніе общества и его союза есть одно общее нравственное убѣжденіе. Такое общество есть общество въ настоящемъ смыслѣ человѣческомъ. Нравственное убѣжденіе лица согласно съ общимъ убѣжденіемъ; только на этомъ и основывается *(союзъ)* въ обществѣ; только поэтому и можно быть въ обществѣ. Общее нравственное убѣжденіе составляетъ общую связь. Какъ скоро лицо противорѣчитъ общему нравственному

убѣжденію общества,—общество должно удалить лицо, если оно нейдетъ само; какъ скоро все общество противорѣчитъ нравственному убѣжденію лица,—лицо должно само удалиться изъ общества, хотя бы оно его и не изгоняло. Единственное, законное распоряженіе общины есть удаленіе того изъ своей среды, который рѣшительно противорѣчитъ нравственнымъ ея началамъ и, слѣдовательно, не можетъ жить общею съ нею жизнію. Вотъ жизнь общины, управляемая внутреннею, нравственною, свободною правдою; но для общественнаго человѣка, по его личной слабости, по тому, что не всѣ люди образуютъ такія нравственныя общины и не всѣ признаютъ только господство нравственной *силы* (нравственнаго суда),—такое состояніе на землѣ невозможно. Тогда община прибѣгаетъ къ другой силѣ (и къ другому суду), къ силѣ (и суду) внѣшней правды, къ силѣ внѣшняго закона, или *закона* собственно. Законъ, — на нравственныхъ основаніяхъ, почерпнутыхъ изъ общества, согласно съ нравственнымъ требованіемъ общества, — опредѣляетъ *внѣшнія* обязанности людей другъ къ другу и къ обществу, и употребляетъ для исполненія своихъ постановленій — *принужденіе*. Законъ не требуетъ искренности, не требуетъ, чтобъ поступокъ человѣка былъ согласенъ съ его совѣстью; онъ требуетъ, чтобы поступокъ былъ таковъ, а не другой, — и только: до внутренней правды, до души, закону нѣтъ дѣла. Для этого, для достиженія своей цѣли, полагаетъ онъ внѣшнія преграды, формы, которыхъ соблюденія требуетъ. Такъ, напримѣръ, внутренній законъ, совѣсть, велитъ вамъ отдать то, что вы взяли взаймы, и обращается для этого къ вашему нравственному чувству. Законъ внѣшній, для той же цѣли заплаты долга, установляетъ росписки и векселя, за которые преслѣдуетъ судомъ и которые заставляютъ и плута поступать честно, нисколько тѣмъ не исправляя его нравственно. Но тутъ же являются и многіе случаи, гдѣ строжайшая правда закона бываетъ вполнѣ несправедлива. Человѣку не чѣмъ заплатить, онъ разорился; законъ сажаетъ его въ тюрьму. Человѣкъ заплатилъ, но случайно вексель не уничтоженъ, росписка въ заплатѣ не взята; законъ присуждаетъ платить. — Иначе внѣшній законъ и поступать не можетъ. Такимъ образомъ, законъ внутренній и законъ внѣшній хотя требуютъ и того же, но съ разныхъ сторонъ, отправляясь отъ противоположныхъ началъ, и поэтому совершенно противоположны другъ другу, и дѣло

измѣняется совершенно. Законъ нравственный (внутренній) требуетъ прежде всего, чтобы человѣкъ былъ нравственный и чтобъ поступокъ истекалъ, какъ свободное слѣдствіе его нравственнаго достоинства, безъ чего поступокъ теряетъ цѣну. Законъ формальный или внѣшній требуетъ, чтобъ *поступокъ* былъ нравственный по понятіямъ закона, вовсе не заботясь, нравствененъ ли самъ человѣкъ, и откуда истекаетъ его поступокъ. Напротивъ того, законъ стремится къ самой цѣли, къ такому совершенству, чтобы вовсе не нужно было быть на самомъ дѣлѣ нравственнымъ человѣкомъ, а чтобы только поступали нравственно или законно. Его цѣль—устроить такой совершенный порядокъ вещей, чтобъ душа оказалась не нужна человѣку, чтобъ и безъ нея люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди, дѣло бы дѣлалось, какъ слѣдуетъ, и общество бы благоденствовало. Внѣшняя правда требуетъ внѣшней нравственности и употребляетъ внѣшнія средства. Изъ этого свойства внутренняго и внѣшняго закона, внутренней и внѣшней правды, очевидно вытекаютъ различныя слѣдствія. Внутренній законъ поддерживаетъ нравственное достоинство человѣка, безпрестанно обращаясь къ его совѣсти, въ ней одной находя опору и ручательство его дѣлъ. Западъ — жертва внѣшняго закона. Законъ внѣшній требуетъ только соображенія съ своими постановленіями, исполненія учрежденій, не заботясь и не обращаясь къ совѣсти человѣка, и такимъ образомъ избавляетъ его отъ необходимости внутренняго нравственнаго голоса. Очевидно, что преобладаніе внѣшняго закона въ обществѣ ослабитъ нравственное достоинство человѣка, пріучая его поступать безъ внутренней нравственной причины и быть правымъ только предъ закономъ (внѣшнимъ). Цѣль человѣчества — осуществить нравственный законъ на землѣ....

Нравственный законъ или совѣсть даетъ отвѣтъ на всѣ возможные случаи, ибо идетъ отъ общаго нравственнаго начала. Законъ внѣшній, отправляясь отъ частности, опредѣляя случаи, требуя не началъ, а поступковъ, само собою разумѣется, не можетъ опредѣлить всѣ ихъ безчисленные виды и потому всегда даетъ возможность человѣку, поступивъ по закону (внѣшнему), поступить безнравственно; слѣдовательно, даже и съ этой стороны законъ не можетъ человѣка сдѣлать и внѣшне-нравственнымъ, давая возможность всегда себя обойдти.

Внѣшній законъ, внѣшняя правда въ обширномъ и вмѣстѣ опредѣленномъ смыслѣ, есть государственное устройство, *Государство* однимъ словомъ. — Вопросъ внутренней и внѣшней правды предлежитъ всякому человѣку, всякому обществу, всякой странѣ. Жизнь общественная и историческая рѣшаетъ его исторически разнообразно; но онъ постоянно основный, существенный вопросъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы часто видимъ, до какой степени человѣкъ способенъ вѣрить, и вѣритъ въ Государство, которое есть его собственное, человѣческое созданіе, *царство отъ міра сего*, слѣдовательно не Божіе царство. Какъ часто думаетъ человѣкъ учрежденіями замѣнить всѣ нравственныя начала, достигнуть однимъ словомъ *совершенства порядка*. Такое ошибочное стремленіе замѣнить совѣсть и нравственную свободу, связь народную, общественную, и самую Вѣру — закономъ и политическими правами, опустошаетъ душу человѣка и дѣлаетъ его неспособнымъ къ свободѣ и нравственной жизни, дѣлаетъ человѣка не стоющимъ хлопотъ. — Между тѣмъ, куда ни оглянемся, въ особенности на современныя намъ Западныя Государства, вездѣ видимъ поклоненіе Государству, вездѣ видимъ, что идеалъ его, идеалъ *порядка*, внѣшней стройности, ловко приложеннаго, такъ сказать механическаго устройства, плѣнилъ умъ человѣческій,—и одинъ думаетъ достичь своего идеала путемъ монархіи, другой— конституціи, третій—республики, четвертый путемъ коммунистическихъ учрежденій. Но Вѣра въ Государство, во внѣшнюю правду, сильна повсюду на Западѣ, и повсюду тамъ обѣднѣлъ человѣкъ внутренній, человѣкъ свободный, человѣкъ собственно. Въ Англіи всего менѣе; но она держится не силой своего закона, а силой своего обычая, не государствомъ, а народностью.

Обратимся къ Россіи.

Въ незапамятные дни Славяне жили одни, непокоренные, и отличались ненавистью къ чужеземному игу; изъ древнихъ свидѣтельствъ заключить можемъ, что у нихъ не было повелителя какого бы то ни было, что это была не терпящая надъ собою власти община. Кротость нравовъ свидѣтельствуетъ съ своей стороны о мирной и самостоятельной ихъ жизни; по всему видно, что это была мирная община, соединенная однимъ обычаемъ, однимъ вѣрованіемъ, одною жизнію,—община, надобно замѣтить, не исключительная, ибо позволяла плѣнникамъ, если хотятъ, остаться и

войдти въ нее, и жить въ ней, какъ братья. Общины Славянскія занимали большое пространство и жили очевидно въ силу обычая, въ силу нравственнаго союза; по крайней мѣрѣ таковъ былъ строй этихъ общинъ (не нарушали ли онѣ его случайно, — это другой вопросъ и дѣла не измѣнятъ). И такъ Славянская община была союзъ людей, основанный на нравственномъ началѣ, управляемый внутреннимъ закономъ, и оттуда обычаемъ общественнымъ. И такъ это была нравственная, или, лучше, просто *община* собственно. Но могла ли Славянская община удержать свой мирный и нравственный обычай? Враги набѣгали безпрестанно на Славянъ, давали имъ чувствовать, что есть толпы людей, совершенно иначе устроенныя, которыя не дадутъ имъ жить спокойно. Кромѣ того, слабость человѣческая съ своей стороны могла или дѣлать, неудовлетворительнымъ общинное нравственное устройство, или, напротивъ, заставляла часто нарушать оное. Устройство внѣшняго закона для человѣка легче дѣйствія закона внутренняго; исполнять какое-нибудь внѣшнее правило легче, чѣмъ слушаться совѣсти; порядокъ внѣшней жизни удобнѣе и менѣе затруднителенъ, чѣмъ строй жизни внутренней. Однимъ словомъ, легче вѣрить человѣку въ идола, чѣмъ въ Бога. —Въ 862 году видимъ мы, что сѣверныя и южныя общины Славянскія подпали подъ иго нашедшихъ на нихъ чуждыхъ народовъ, на югѣ—Козаръ, на сѣверѣ—Варяговъ. И предыдущія и послѣдующія событія показываютъ, что такое покореніе не есть слѣдствіе слабости или трусости Славянъ, но мирно-устроенная община должна была часто подвергаться такимъ нашествіямъ; нельзя же ей было постоянно быть въ сборѣ, на стражѣ, въ напряженномъ состояніи. — Сѣверные Славяне скоро собрали силы и выгнали вонъ своихъ побѣдителей, которые, очевидно, расположились у нихъ остаться. Всякое подобное нашествіе чуждыхъ враговъ, еще болѣе покореніе чужеземцами, вносило уже другое устройство, нарушало мирный внутренній строй и ходъ жизни, вносило принужденіе и внѣшній порядокъ. Славяне видѣли у себя на то время другое начало, другое устройство — внѣшней правды, устройство—и всегда готовое къ отпору извнѣ, и удовлетворяющее слабости человѣческой внутри общества. Это покореніе чуждыми врагами, съ одной стороны, показывало имъ невозможность жить на землѣ при чисто-нравственномъ общественномъ устройствѣ, съ другой — указывало на иной путь, который могъ

дать имъ безопасность отъ сосѣдей (главное), и порядокъ отъ смутъ внутреннихъ, сильно требовавшихъ нарушенія нравственнаго начала. Во всякомъ случаѣ устройство Варяжское могло быть соблазнительно. Славяне изгнали Варяговъ за море и начали сами владѣть въ себѣ или у себя, между собою, и *почаша сами въ собѣ володѣти*, говоритъ лѣтопись; слова очень важныя; прежде Славяне *не владѣли* въ себѣ, вовсе не было *владѣнія* въ нихъ. Это, кажется, слѣдуетъ прямо изъ этихъ словъ лѣтописи и изъ всего разсказа. Но устройство внѣшнее, заведенное Славянами, породило междоусобія и смуты, оно не подходило къ Славянскимъ началамъ и было чуждо Славянскому духу; *не бѣ въ нихъ правды*, говоритъ лѣтописецъ; слово *правда* не надо понимать здѣсь въ современномъ разговорномъ смыслѣ. Правда, въ древнемъ, въ настоящемъ смыслѣ, означаетъ судъ внѣшній и вмѣстѣ расправу, судебное устройство, судебный порядокъ, внѣшній законъ. Стоитъ только прочесть лѣтописи и граматы, чтобъ увидѣть, что такъ понимается слово *правда*. Въ этомъ смыслѣ, конечно, не было *правды «въ нихъ»*, у Славянъ. Послѣ изгнанія Варяговъ, желая *володѣть* и управляться сами, и отошедши, слѣдовательно, отъ своего нравственнаго внутренняго начала, они естественно возстали другъ на друга, ибо устройство внѣшней правды туземнымъ быть у нихъ не могло, было у нихъ чуждымъ. Они могли увидать въ это время собственнаго *гопыта]* и ложную сторону государственнаго устройства и всю несовмѣстность его ихъ Славянской жизни, ихъ Славянскимъ понятіямъ и началамъ; слѣдовательно, сами составить это устройство они не могли по существу ихъ, не могли и не хотѣли; не могли и не хотѣли принести въ жертву внѣшнему закону законъ внутренній; не могли и не хотѣли обратиться сами изъ общины въ Государство; не хотѣли такимъ образомъ разстаться съ общиной, съ *міромъ* и *миромъ*. Между тѣмъ выгоды и необходимость государственнаго устройства были очевидны. Какъ же быть, какъ же рѣшить дѣло? — Наконецъ собрались Славяне и приняли важное рѣшеніе: *призвать* Государство. Въ этомъ рѣшеніи важно то, что Государство *призывается*. Славяне сохраняютъ свое общинное устройство и находятъ необходимость *призвать* къ нему государственную защиту. Это очевидно изъ того, что они не въ себѣ основываютъ Государство, не дѣлаютъ его туземнымъ: сдѣлаться сами Государствомъ они не хотѣли, а хо-

тѣли, напротивъ, сохранить свой общинный бытъ, — но призываютъ его изъ земли чуждой, какъ *чуждое* устройство, оставляя за нимъ это значеніе, и становятъ его только *при* общинѣ, не переходя сами въ новое вѣрованіе—во внѣшній законъ, въ Государство, но сохраняя свою общину. И такъ 1) мы видимъ, что община Славянская признаетъ необходимость Государства. 2) Мы видимъ, что община соблюдаетъ себя, не смѣшивается съ Государствомъ, отдѣляетъ Государство отъ себя, призываетъ его изъ земли чуждой. *Земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, пріидите княжить и володѣть нами*, говоритъ Славянская община чуждымъ князьямъ. *Нарядъ* именно значитъ государственное, собственно даже военное устройство; впослѣдствіи онъ значитъ исключительно артиллерію. Въ особенности же важно въ этомъ призваніи: это—свобода и разумность сознательнаго поступка, ярко выражающаяся во всемъ повѣствованіи и въ этихъ приведенныхъ глубокозначительныхъ словахъ. Государство, внѣшняя сила, призвано; Исторія Россіи, игра внѣшнихъ силъ, началась (*).

Но какъ скоро община призвала Государство, не уничтожая себя и не переходя въ Государство,—такъ въ основу Русской исторической жизни должны были лечь два начала; они и легли; мы видимъ ихъ сквозь всю Исторію Русскую; община имѣетъ даже свое собственное постоянное наименованіе: *Земля*. И сквозь все проходятъ Земля и Государство, всюду являются какъ дѣйствующія силы (долго дружественно) въ Русской исторіи. Стоитъ только обратить вниманіе на проявленіе этого въ выраженіяхъ: *Земское и Государево* или *Государственное дѣло*, *люди Государевы и люди Земскіе*, *Холопи и Сироты*, *Земщина и Опричнина*. Государство съ Землей въ союзѣ любви. Нигдѣ Государство съ Землей не смѣшивается....

И такъ, вотъ огромное значеніе факта призванія, какъ мы его понимаемъ. Этотъ фактъ призванія поставилъ насъ совсѣмъ на особую дорогу и рѣзко, навсегда несмѣсимо, отдѣлилъ насъ отъ

(*) Сверху листа приписано нѣсколько строкъ, изъ которыхъ мы могли разобрать только слѣдующее: „Государство какъ принципъ — зло. Но явленія этого принципа, фактъ, подлежатъ особому сужденію. Государство должно быть Христіанское, но становится Христіанскимъ не принципъ, а люди, корпусъ государственный. Къ тому же внѣшній законъ правды долженъ быть почерпнутъ изъ внутренняго нравственнаго закона. Община на землѣ хочетъ осуществить нравственный законъ....“ Дальше разобрать нѣтъ возможности. *Пр. изд.*

другихъ Государствъ и народовъ. Наша исторія начинается съ свободы и сознанія. Исторія другихъ государствъ — съ насилія и принужденія (безсознательности). — Государство сознано было Славянами, какъ необходимая крайность, — и они призвали его, не смѣшивая его съ общиною, съ нравственнымъ внутреннимъ началомъ, съ началомъ жизни, которое сберегли въ себѣ. Вотъ почему Государство никогда у насъ не обольщало собою народа, не плѣняло народной мечты; вотъ почему, хотя и были случаи, не хотѣлъ народъ нашъ облечься въ государственную власть (въ республику), а отдавалъ эту власть выбранному имъ и на то назначенному Государю, самъ желая держаться своихъ внутреннихъ, жизненныхъ началъ. Вотъ почему и Государство наше никогда не боялось народа, но часто и всегда само призывало его на совѣтъ. Западъ— совершенная противоположность. На Западѣ было на оборотъ: гдѣ дѣло начинается съ темнаго насилія, гдѣ одинъ порабощенъ другимъ, при этой неравной борьбѣ, самое естественное чувство есть столкнуть побѣдителя и сѣсть на его мѣсто. Внѣшнее начало, законъ, сперва жестокій, почти непремѣнно дѣйствующій при завоеваніи и порабощеніи, долженъ былъ усилиться, развиться, и одинъ стать высоко въ глазахъ человѣка. Такъ и случилось. Вопросъ жизни и исторіи былъ рѣшенъ для Западныхъ народовъ: государство, учрежденіе (институтъ), централизація, власть внѣшняя стала ихъ идеаломъ; народъ (Земля) отказался отъ внутренняго, свободнаго, нравственнаго общественнаго начала и вкусилъ плоды начала внѣшняго, государственнаго; народъ (Земля) захотѣлъ государственной власти. Отсюда революціи, смуты и перевороты, отсюда насильственный внѣшній путь къ насильственному внѣшнему порядку вещей.—Народъ на Западѣ плѣняется идеаломъ Государства. Республика есть попытка народа быть самому Государемъ, перейдти ему всему въ Государство; слѣдовательно, попытка бросить совершенно нравственный свободный путь, путь внутренней правды, и стать на путь внѣшній, государственный. Самое крайнее выраженіе такой попытки, самое гибельное *огосударствленіе* народа видимъ въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ; тамъ это гибельное огосударствленіе народа можетъ имѣть мѣсто, потому что тамъ нѣтъ ни природной связи единородности, ни воспоминаній мѣстныхъ, ни преданія, ни единства вѣры. Вмѣсто живаго народа, тамъ государственная машина изъ людей. Отношенія тамъ стано-

вятся политическими: миръ и спокойствіе основаны не на любви, а на взаимной выгодѣ. Какъ ни блестящъ внѣшній порядокъ, но блескъ его наружный; какъ ни строенъ онъ кажется, но это строй машины; какъ ни кажется онъ свободенъ, но эта свобода — личный, взаимно ограниченный произволъ. Нѣтъ, свобода не тамъ: идѣ же духъ Господень, ту свобода.

Надѣемся, что мысль наша,—о значеніи призванія Рюрика въ Русскую Землю, и вмѣстѣ всей Русской исторіи, — ясна.... Но она должна вполнѣ осуществиться и стать еще яснѣе въ изображеніи подробномъ всей Русской исторіи. (Народъ считаетъ необходимымъ Государство, которое вытягиваетъ изъ него государственные соки, очищаетъ Землю.)

Мы должны сказать, что начала Русскаго народа, значеніе Земли и Государства, ихъ добровольный союзъ и отношенія, вся эта система нарушилась Петромъ (1). Государство перешло границы и сдавило общину въ ея обычаяхъ, въ ея жизни; оно распространило свое государственное начало на народъ и подчинило его этому внѣшнему началу. Народъ еще хранитъ свою общину и смотритъ на современное положеніе, какъ на преходящее зло; онъ не хочетъ самъ государственной власти; но уже многія отрываются отъ народнаго преданія, отъ внутренняго начала. Мало по малу скопляются буйныя ватаги, опасныя для будущаго. Государство не хочетъ дать власти народу, но, мѣшаясь въ жизнь его, внося даже въ устройство дома и домашней жизни, свой государственный порядокъ, оно вноситъ государственный духъ. Народъ еще держится и хранитъ, какъ можетъ, свои народныя кроткія общинныя преданія, но если уступивъ ..... проникнется онъ самъ государственнымъ духомъ, если захочетъ самъ быть наконецъ Государствомъ, тогда ..... погибнетъ внутреннее начало свободы (2)....

---

(1) Сверху строкъ приписано: „съ Петра Государство является *принципомъ*; съ Петра оно становится выше всего Христіанства: Земля, народъ, община, законъ нравственный....“ *Пр. изд.*

(2) Слѣдующія за тѣмъ строки приписаны сверху листа. *Пр. изд.*

О ДРЕВНЕМЪ БЫТѢ

У СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ И У РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ (1).

(По поводу мнѣній о родовомъ бытѣ.) (2)

—

Просвѣщеніе Западное вошло къ намъ не съ общечеловѣческимъ значеніемъ, а съ національностью и притомъ еще чужою. Вслѣдствіе этого явился и періодъ исключительной національности, только не своей, а чуждой, отъ которой своей приходилось плохо. Всякое самобытное явленіе Русской жизни подвергалось иностранному воззрѣнію науки и, будучи совершенно оригинальнымъ, терпѣло много отъ односторонности этого воззрѣнія. Наука есть не что иное, какъ сознаніе предмета, познаніе его законовъ изъ него самого; между тѣмъ науку часто понимаютъ, какъ собраніе заранѣе постановленныхъ правилъ, прилагаемыхъ къ предмету. Русскимъ явленіямъ пришлось испытать тиранію науки въ этомъ второмъ ея значеніи. Этой тиранiи подверглась Русская исторія, поэзія, языкъ,—однимъ словомъ все, что только могло составлять предметъ сознанія.

Нѣмцы первые стали объяснять Русскимъ ихъ исторію. Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Эверсъ, не принадлежа къ народу, не имѣя съ нимъ жизненной связи, принялись толковать его жизнь. Русскіе сами, получивъ иностранное воззрѣніе, смотрѣли также не по-Русски на свою исторію, какъ и на все свое. Ломоносовъ, въ

---

(1) Напечат. въ 1 томѣ Моск. Сборника 1852 г.: здѣсь является въ полнѣйшемъ видѣ. *Пр. изд.*

(2). Въ статьѣ нашей объ изгояхъ, помѣщенной еще въ 1850 году въ № 97 Московскихъ вѣдомостей, высказаны въ общихъ выраженіяхъ мысли наши о древнемъ бытѣ Русскомъ. Говорить подробнѣе объ этомъ предметѣ предоставили мы себѣ въ другой разъ. Настоящая статья есть исполненіе высказаннаго тогда намѣренія.

природѣ котораго, впрочемъ, болѣе другихъ проявлялись Русскія движенія, Карамзинъ и другіе изображали Русскую исторію такъ, что въ ней Русскаго собственно ничего не было видно. — Но дальнѣйшее знакомство съ лѣтописями и грамотами, по быту простаго народа, сохранившійся въ своей тысячелѣтней оригинальности, подѣйствовали наконецъ на взгляды нашихъ ученыхъ, и желаніе понять Русскую исторію настоящимъ образомъ, желаніе самобытнаго воззрѣнія—пробудилось. Политическій взглядъ, гдѣ обыкновенно рисуются князья, войны, дипломатическіе переговоры и законы, взглядъ Шлецеровскій и Карамзинскій, былъ наконецъ оставленъ, и, въ наше время, вниманіе обратилось на бытъ народный, на общественныя, внутреннія причины его жизни. Самъ г. Погодинъ, извѣстный послѣдователь Шлецера, сталъ отыскивать коренныхъ жизненныхъ началъ въ исторіи, сталъ смотрѣть не какъ на безсмыслицу—на періодъ усобицъ, и началъ его распутывать. Желаніе самостоятельнаго пониманія, воззрѣніе бытовое, высказалось (печатно) преимущественно въ новомъ поколѣніи ученыхъ и наболѣе въ профессорѣ Русской исторіи, г. Соловьевѣ. Желаніе не есть достиженіе; и г. Соловьевъ съ послѣдователями — все таки послѣдователь другаго Нѣмца, Эверса.

Такимъ образомъ и въ наше время, не смотря на измѣненія въ мірѣ науки, на стремленіе Русскихъ ученыхъ взглянуть самобытно и свободно на свою исторію, все-таки господствуютъ два направленія, данныя иностранцами: направленіе Шлецера и направленіе Эверса.

Что за дѣло, скажутъ намъ, что направленіе дано иностранцемъ; лишь бы оно было истинно. — Совершенно согласны, но истинно ли оно?—И потомъ: иностранцу трудно, по крайней мѣрѣ, угадать условія жизни народа, ему чуждаго, въ особенности народа Русскаго, котораго жизнь такъ отличается отъ жизни другихъ народовъ и отъ котораго образованные и просвѣщенные классы самихъ Русскихъ отдѣлились, подпавъ чуждымъ воззрѣніямъ.

Взглядъ г. Погодина на участіе Норманновъ въ нашей исторіи давно извѣстенъ, и если когда нибудь и пришлось бы говорить объ этомъ взглядѣ, то не теперь. На очереди, по нашему мнѣнію, находится другое, обозначенное нами направленіе, которое,

по новости, по числу послѣдователей, по разнообразію приложенія своихъ взглядовъ, заслуживаетъ предварительнаго вниманія.

Давно высказанное мнѣніе Эверса о родовомъ бытѣ недавно поднято молодыми учеными. Отправляясь отъ этой точки зрѣнія, они идутъ далѣе, изслѣдуютъ, развиваютъ, отыскиваютъ родовой бытъ вездѣ, и родовой бытъ принимаютъ за основаніе всего въ Русскомъ народѣ и вообще въ народахъ Славянскихъ. Иные доводятъ это мнѣніе до крайности. Много написано по этой части статей и цѣлыхъ сочиненій. Но надобно признаться, что ни одинъ изъ этихъ новыхъ ученыхъ не опредѣлилъ настоящимъ образомъ, что такое родовой бытъ. Они довольствуются тѣмъ значеніемъ, какое придается ему въ общественномъ разговорѣ: вмѣсто: родовой, употребляютъ они слово: патріархальный, также не опредѣливъ этого слова и также довольствуясь тѣмъ, что смыслъ его извѣстенъ. Но общественное пониманіе не должно быть достаточно для науки; общество понимаетъ, пожалуй, и слово: философія, но неужели поэтому не нужно опредѣлять его? Какъ бы то ни было, читателю, желающему дать себѣ вѣрное научное пониманіе, приходится самому изъ словъ поборниковъ родоваго быта или послѣдователей Эверса (1) извлекать положенія, и такимъ

(1) Одинъ изъ главныхъ представителей означеннаго мнѣнія, г. Калачевъ, выражается такъ: „Онъ (Эверсъ) первый изъ юристовъ бросилъ критическій взглядъ на древній бытъ нашего отечества,—первый старался объяснить его съ естественной точки зрѣнія, принявъ для этого въ основаніе общій ходъ развитія у всѣхъ народовъ государственнаго быта изъ патріархальныхъ родовыхъ отношеній, — первый наконецъ показалъ самый способъ, какъ приняться съ этой точки зрѣнія за разработку нашихъ древнихъ памятниковъ. Вотъ то глубокое значеніе, какое, намъ кажется, имѣетъ въ нашей наукѣ драгоцѣнное сочиненіе Эверса, вышедшее подъ заглавіемъ: Древнѣйшее Русское право.... Это сочиненіе такъ уже извѣстно всѣмъ ученымъ, пользуется уже такой заслуженной славой, что было бы безполезно объ немъ распространяться. Но нельзя оставить безъ вниманія, что сѣмя, брошенное Эверсомъ, принесло богатые плоды въ его непосредственныхъ и посредственныхъ ученикахъ: можно, по справедливости, сказать, что онъ былъ *основателемъ, отцомъ* историко-юридической школы, которая такъ усердно, на основаніи указанной имъ точки зрѣнія, занимается въ наше время разработкой древней отечественной исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, *старанія новѣйшихъ ученыхъ уяснить родовыя отношенія*, игравшія столь важную роль въ первоначальномъ бытѣ нашихъ предковъ и потому составляющія ключъ для уразумѣнія нашихъ древнихъ памятниковъ, *несвязываются ли непосредственно съ основной идеей Эверса*—о необходимости объяснять наше древнѣйшее право не основаніи понятій и отношеній, господствующихъ у первобытныхъ младенческихъ народовъ, а не на основаніи убѣжденій и правилъ настоящаго времени?..." (Арх. Ист. юр. свѣд. отд. V. пред. стр. I—II).

образомъ, утвердить и привести въ настоящую ясность ихъ мнѣніе, дабы потомъ можно было понять оное и, если нужно, возразить. Хотя мнѣніе нигдѣ не высказалось опредѣленно и научно, но оно чувствуется и слышится вездѣ, и извлечь его можно. Постараемся это сдѣлать за поборниковъ родоваго быта. Надо прибавить, что они, соглашаясь въ основной мысли, разнятся въ томъ отношеніи, что не всѣ доводятъ ее до одинакой крайности. Будемъ осторожны и не станемъ придавать мнѣніе одного ученаго другому, хотя бы даже разница была маловажна. Поэтому мы намѣрены опредѣлить мнѣнія главныхъ поборниковъ родоваго быта, каждаго порознь.

Г. Соловьевъ высказалъ свою мысль о родовомъ бытѣ наиболѣе ясно въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: въ статьѣ, напечатанной въ «Архивѣ» г. Калачева, и въ первомъ томѣ своей «Русской Исторіи.» Мы вполнѣ уважаемъ ученые труды г. профессора, и это самое побуждаетъ насъ говорить откровенно.

Въ своей статьѣ: «Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія», г. Соловьевъ повторяетъ нѣсколько разъ, что «Славяне жили подъ формами родоваго быта» (1). Онъ не опредѣляетъ, что̀ такое родъ и родовой бытъ, но изъ нѣкоторыхъ его словъ это отчасти видно. Говоря о бракѣ, авторъ выражается: «Похищеніе, при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо. Будучи слѣдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ въ свою очередь производитъ вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія. Это самое ведетъ уже къ продажѣ дѣвицъ: похититель можетъ, тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе» (2). Изъ этой картины очевидно, что авторъ подъ родомъ разумѣетъ *не семью*, а цѣлый рядъ семей, связанныхъ единствомъ происхожденія, цѣлое поколѣніе. И такъ мнѣніе автора становится яснымъ. Намъ скажутъ, можетъ быть: къ чему мы хлопочемъ выводить изъ словъ автора то, что ясно само собою?—Тамъ, гдѣ не сдѣлано опредѣленій, мы считаемъ себя обязанными вывести ихъ изъ словъ авто-

(1) Арх. Ист. вр. св. стр. 7. 8. 10. 17.
(2) Тамъ же, 10—11.

ра, не довольствуясь наглядным впечатлѣніемъ, — при ученомъ спорѣ это необходимо.

Далѣе г. авторъ говоритъ: «Каждая *многочисленная семья или родъ* жилъ особо, подъ управленіемъ своего родоначальника» (1). Итакъ здѣсь признается и родоначальникъ; само же опредѣленіе рода неопредѣленно. Г. авторъ очевидно не разумѣетъ здѣсь семью, только многочисленную, развѣтвленную; такія могутъ встрѣтиться вездѣ и всегда; авторъ говоритъ: подъ управленіемъ своего родоначальника, а это уже измѣняетъ все дѣло. Въ подтвержденіе своей мысли, авторъ на той же страницѣ говоритъ: «Значеніе князя или старшины рода понятно; если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтьми. Но если этотъ *патріархъ* умираетъ, то для рода является необходимость избирать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ *въ отца мѣсто*, какъ выражались впослѣдствіи наши князья (2).»—И такъ здѣсь уже нѣтъ естественной, простой родственной связи; это уже не семья многочисленная; родоначальникъ становится необходимымъ центромъ, не дробящимся, какъ въ быту семейномъ, но пребывающимъ постоянно. Выборъ родоначальника показываетъ уже искусственное, нравственное утвержденіе родовыхъ отношеній внѣ естественной связи, которой является недостаточно. И такъ здѣсь родъ понимается отвлеченно и становится *началомъ*, выражающимся въ родовомъ бытѣ. Очевидно, что авторъ признаетъ не *семейныя* отношенія (хотя бы семья была и развѣтвлена и многочисленна), а союзъ семей, болѣе или менѣе обширный, подъ управленіемъ одного родоначальника, союзъ, въ началѣ родственный и естественный, а потомъ, при недостаточности естественной связи, утвержденный искусственно чрезъ выборъ родоначальника, являющійся, какъ нѣчто цѣлое, замкнутое, именно *родъ*. Здѣсь ощутителенъ уже принципъ, начало.—Разница между семьею и родомъ ясна.

Вотъ что извлекли мы изъ означенной статьи автора; но и этого довольно. Мы видимъ, что онъ разумѣетъ здѣсь не семью, а родъ (слово это употребляемъ мы въ нашемъ современномъ зна-

(1) Тамъ же, стр. 17.
(2) Тамъ же, стр. 17.

чепіи), подъ управленіемъ родоначальника, гдѣ человѣкъ, не довольствуясь естественной связью, возводитъ родъ въ начало, которое хранитъ и подъ условіями котораго образуется бытъ.

Теперь обратимся къ исторіи г. Соловьева.

Въ исторіи своей онъ выражается также не совсѣмъ ясно. Онъ говоритъ: «что̀ касается быта Славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ объ немъ слѣдующее извѣстіе: каждый жилъ съ своимъ родомъ отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Скажемъ мимоходомъ, что эта цитата требовала бы изъясненія: каждый могъ принадлежать къ своему роду, но владѣть родомъ каждый не могъ; иначе что ни человѣкъ, то родоначальникъ; но объ этомъ надѣемся еще поговорить ниже. Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Мы теперь почти потеряли значеніе рода; у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; *но предки наши не знали семьи, они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ*; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой и потому употребляли родъ также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово: племя. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ: эти родоначальники носили разныя названія—старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ; родоначальника, *отца семейства*»—(?) (1).

Въ словахъ г. автора есть или противорѣчіе или неясность. Сказавъ, что предки наши *не знали семьи*, что родъ есть совокупность и близкихъ и дальнихъ степеней родства (опредѣленіе довольно ясное), авторъ потомъ ставитъ рядомъ «старшаго въ родѣ, родоначальника, *отца семейства*,» — какъ будто это одно и тоже! Отецъ семейства еще не былъ родоначальникомъ: если-же бы каждый отецъ семейства былъ родоначальникомъ, то родъ не

(1) Ист. Россіи Сергѣя Соловьева. Томъ I. стр. 46—47.

могъ-бы состоять изъ дальнихъ и близкихъ степеней родства (при чемъ могло-бы быть и много отцовъ семействъ) и не переходилъ-бы предѣлы обыкновенной семьи.—И такъ, принимая вышеприведенное опредѣленіе г. Соловьева, мы должны сказать, что родоначальникъ не то, что отецъ семейства, значеніе котораго ослабѣваетъ много при родовомъ бытѣ. Что г. Соловьевъ смѣшиваетъ (вопреки своимъ словамъ) родоначальника и отца семейства не только въ филологическомъ значеніи,—это доказывается его послѣдующими словами.

Далѣе авторъ говоритъ: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти» (1). Здѣсь, для устраненія вышеизложеннаго противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе, если-бъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго (согласно съ опредѣленіемъ автора) должно быть не одно семейство, не имѣлъ-бы никакого смысла.—И такъ, мы должны понимать, что надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти,—но дальнѣйшія слова автора опять заключаютъ въ себѣ противорѣчіе.

Сказавъ о необходимости избирать родоначальника для поддержанія единства рода, ибо естественный родоначальникъ не можетъ быть безсмертнымъ, авторъ указываетъ на южныхъ Славянъ, разсуждаетъ о значеніи и заботахъ старшаго въ родѣ, и потомъ, переходя къ Рюрикову дому, говоритъ: «Власть, сила старшаго основывались на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только чрезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній: не возможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; *каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія:* онъ уважалъ старшаго брата, какъ отца, но когда этотъ старшій братъ, *по его мнѣнію*, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ са-

(1) Тамъ-же, стр. 47.

мымъ родственный союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ не опредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйдти изъ рода; но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья, отсюда усобицы и распаденіе рода; если-же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйдти изъ рода, который избиралъ другаго старшаго (1)».

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ примѣръ Рюрикова дома распространяетъ авторъ на родовой бытъ вообще, но, кажется, приводя этотъ примѣръ, авторъ говоритъ вообще о родовомъ бытѣ. Въ такомъ случаѣ является новое противорѣчіе, уже не противорѣчіе выраженій, словъ, какъ видѣли мы сей-часъ (по случаю рода и семьи), а противорѣчіе мыслей. Если надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти, то какъ-же одно мнѣніе младшаго, что старшій поступаетъ съ нимъ не по родственному, разрушало родственныя связи? Правда, авторъ находитъ здѣсь нужнымъ судъ остальныхъ родичей; но тѣмъ не менѣе старшій могъ каждую минуту подлежать этому суду.—Здѣсь является противорѣчіе; какъ намъ рѣшить его? Остановимся на томъ, по крайней мѣрѣ, что авторъ признаетъ родоначальника или старшаго въ родѣ, какъ главнаго распорядителя.

И такъ изъ мнѣній г. автора мы извлекаемъ, что родъ былъ совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ, и управлялся однимъ избираемымъ, по необходимости, родоначальникомъ (семья и отецъ семейства, какъ было показано выше, имѣютъ другое значеніе); потомъ, что родоначальникъ имѣлъ высшую власть, противъ которой однако могъ быть протестъ каждаго, и вслѣдствіе протеста вмѣшательство и судъ родичей, но что, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ былъ главнымъ распорядителемъ.

Къ этому надо присоединить еще мнѣніе г. автора; онъ говоритъ: «Замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ разъединенія и несогласія Славянскихъ племенъ отличительную черту

(1) Тамъ-же, стр. 50.

Славянской народности; разрозненность и вражда племенъ Славянскихъ были необходимыми слѣдствіями ихъ формы быта, быта родоваго, а *эта форма быта не есть исключительная принадлежность Славянскаго племени:* черезъ нее проходятъ всѣ народы съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ оставляетъ ее прежде, а другой послѣ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ: такъ народы Германскаго племени оставили формы родоваго быта прежде, вслѣдствіе переселенія на Римскую почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, а Славяне, оставаясь на Востокѣ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ первоначальныхъ формахъ быта (1).

И такъ авторъ не считаетъ родовой бытъ исключительною принадлежностію Славянъ, а думаетъ, что они оставались только долѣе при его формахъ.

Вотъ мнѣнія г. Соловьева, которыя намъ нужно было знать, о бытѣ древнихъ Славянъ. О подробностяхъ его взгляда будемъ говорить ниже.

Но мы считаемъ нужнымъ сдѣлать еще одну выписку изъ «Исторіи» г. Соловьева. Изъ нея видно, что г. авторъ весьма различаетъ родъ и семью и по этому не долженъ бы смѣшивать ихъ, какъ онъ это дѣлаетъ при изложеніи того же мнѣнія о родовомъ бытѣ. Вотъ его слова,—авторъ говоритъ о времени послѣ призванія князей: «соединеніе многихъ родовъ въ одну общину, во главѣ которой стоялъ одинъ общій князь, необходимо должно было поколебать значеніе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властію одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствіи другой высшей общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженіе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно, что тѣ члены родовъ, которымъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженіемъ и представительствомъ. Такъ, долго видимъ мы городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ: они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ (?), съ ними совѣтуется князь. Но въ концѣ разсмотрѣннаго періода жизнь общинная получила уже такое развитіе, что необходимо условливала *распаденіе ро-*

(1) Тамъ же, стр. 93—94.

довъ на отдѣльныя семьи, при чемъ прежнее представительное значеніе старшихъ *въ цѣломъ родѣ* исчезаетъ, и когда князю нужно объявить, предложить что нибудь общинѣ, то собираются не одни старцы, собирается цѣлая община, является общенародное вѣче (1).»

Если роды, начиная терять свое значеніе, *распадались на отдѣльныя семьи* (а это означало уже упадокъ рода), стало прежде они не распадались на семьи, а замыкали или поглощали ихъ въ себѣ. Это совершенно справедливо; семья и родъ здѣсь различены ясно. Но какъ же послѣ этого говорить: семья или родъ, какъ же смѣшивать и то и другое?—Выраженіе: значеніе старшихъ *въ цѣломъ родѣ*, не можетъ также относиться къ семьѣ и ясно показываетъ, что авторъ различаетъ здѣсь семью и родъ; а въ другомъ мѣстѣ видимъ другое.—семья и родъ смѣшиваются, хотя родовой бытъ авторомъ всегда признается бытомъ древнихъ Славянъ. Видно, авторъ самъ невольно чувствуетъ, что объясненіе родовымъ бытомъ не вездѣ приходится къ явленіямъ народной жизни.

Теперь обратимся къ г. Кавелину, другому поборнику родоваго быта; онъ, сколько намъ извѣстно, наиболѣе отчетливо высказалъ свои мысли въ своемъ большомъ разборѣ книги г. Терещенка, помѣщенномъ въ № 9, 10 и 12, въ отдѣлѣ критики и библіографіи журнала: «Современникъ,» 1848 года. На эту статью ссылается и г. Соловьевъ. Отдавая должную справедливость трудамъ г. Кавелина, разсмотримъ его мнѣніе въ подробности.

Вотъ что говоритъ г. Кавелинъ: «Прежде племенъ и племенныхъ союзовъ, прежде общинъ и міровъ, существуютъ семья и родъ. По естественному закону, господствующему у первобытныхъ народовъ исключительно, глава *семьи* и *рода* неограниченно господствовалъ надъ ними: въ его рукахъ жизнь и смерть домочадцевъ; онъ ихъ верховный жрецъ, примиритель ихъ споровъ, каратель преступныхъ, словомъ онъ ихъ воплощенная судьба, все для нихъ. Только съ разрожденіемъ и распаденіемъ семей, съ соединеніемъ родовъ въ племена, мало по малу сглаживалось значеніе домоначальниковъ. Они удерживаютъ свою власть у себя дома; но, рядомъ съ внутренними родовыми отношеніями, появляются меж-

(1) Тамъ же. стр. 211.

ду-семейныя и между-родовыя, надъ которыми они не имѣютъ такого исключительнаго господства. Послѣднія сперва случайны. Общежитіе представляетъ хаосъ (1).»

Въ этомъ опредѣленіи есть большая неопредѣленность. Г. Кавелинъ, какъ и г. Соловьевъ, смѣшиваетъ семью и родъ. Онъ говоритъ, что, при появленіи между-семейныхъ и между-родовыхъ отношеній, домоначальники, теряя власть въ этихъ отношеніяхъ, удерживали власть у себя дома. Здѣсь есть противорѣчіе: въ началѣ, думаетъ г. Кавелинъ, не было между-семейныхъ отношеній (они появились впослѣдствіи). Чтоже было? или каждая семья отдѣлялась отъ другой и не приходила съ ней въ сношеніе? это и предположить трудно, тогда-бы уничтожался родъ, а объ немъ тутъ же рядомъ говоритъ г. авторъ,—или-же семьи поглощались родомъ, но тогда теряется семья, о которой авторъ также говоритъ, очевидно смѣшивая семью и родъ.

Это пока вообще; далѣе:

«Древнѣйшій Славянскій бытъ, какъ уже мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, былъ чисто природный, естественный Если-бы мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ (стало мы ихъ имѣемъ?), кромѣ развитія языческихъ вѣрованій Славянъ, мы пришли-бы къ тому-же заключенію» (2).

На той-же страницѣ авторъ говоритъ:

«Главная характеристическая черта древнѣйшей Славянской общественности заключалась въ томъ, что послѣдняя не знала никакихъ правилъ, не была построена и управляема по началамъ, какъ теперешнія человѣческія общества.... Его (первобытнаго Славянина) ничто не обузлывало, кромѣ страха и внѣшней силы.»

«Поэтому уже не трудно составить себѣ картину первоначальнаго Славянскаго общежитія и открыть основанія тогдашнихъ общественныхъ отношеній. Кровное родство было сперва единственной, исключительной связью между людьми; семьи и роды—единственными человѣческими союзами и обществами; семейный и родственный распорядокъ—единственнымъ общественнымъ устройствомъ. Чтобъ понять этотъ первоначальный патріархальный бытъ и вѣрно оцѣнить всѣ его явленія, надо замѣтить особенность,

(1) „Современникъ," 1848 г. отдѣлъ критики и библіогр. № 10, стр. 92—93.
(2) Тамъ-же, № 10, стр. 96.

свойственную однимъ первоначальнымъ обществамъ и исчезающую со временемъ: мы разумѣемъ совершенную неопредѣленность первоначальныхъ родственныхъ отношеній. Исторія представляетъ много обществъ, построенныхъ на началахъ кровнаго родства. Таково было сперва Римское. Таковъ весь Китай; *наконецъ такова Россія XVI и XVII вѣковъ* (!!??). Но всѣ эти общества не даютъ понятія о древнѣйшей патріархальности, потому что въ нихъ послѣдняя болѣе или менѣе опредѣлена, подчинена правиламъ, юридической формалистикѣ и расчитана съ математической точностью. Ничего подобнаго не было въ древнѣйшемъ патріархальномъ быту. Родственныя начала не были возведены въ юридическія опредѣленныя начала; они существовали на фактѣ, но не въ сознаніи, и потому произвольно соблюдались, но произвольно и нарушались, когда какія-нибудь причины къ этому побуждали» (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что г. авторъ говоритъ о первоначальномъ родовомъ бытѣ.—Этотъ-то бытъ находитъ онъ у древнихъ Славянъ: вотъ его слова:

«И такъ въ незапамятныя времена Славянскій бытъ представлялъ множество семей и родовъ. Они были разрозненны, чужіе между собою» (2).

Ниже черезъ нѣсколько строкъ:

«Слѣдовательно сначала не только не было между отдѣльными родами и семьями гражданскихъ отношеній: они даже не были соединены въ между-народный союзъ, какъ теперешнія Европейскія общества. Каждая семья и родъ жилъ самъ по себѣ, отдѣльно, независимо отъ другихъ и находился въ непостоянныхъ, случайныхъ сношеніяхъ съ ними. — Внутри себя онъ представлялъ замкнутое цѣлое, устроенное по началамъ естественнаго, физическаго родства въ его самомъ первобытномъ, неопредѣленномъ, грубомъ видѣ» (3).

Авторъ продолжаетъ говорить здѣсь о первоначальномъ бытѣ, но мы видимъ уже измѣненіе въ его словахъ. Припомнимъ, что онъ говорилъ въ началѣ на стр. 92—93. Похожа-ли теперь слѣдующая картина родоваго быта на первую? Вотъ слова автора:

---

(1) Тамъ-же, № 10, стр. 96—97.
(2) Тамъ-же, № 10. стр. 97.
(3) Тамъ-же, № 10. стр. 97—98.

«Впрочемъ и власть, какъ основаніе семейнаго союза, была тогда иною, чѣмъ теперь. Она не была еще сознана, опредѣлена, какъ начало, послѣдовательно проведенное въ малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ отношеній, и потому обнаруживалась случайно, неопредѣленно: безъ этихъ случайныхъ, временныхъ проявленій нельзя-бы и подозрѣвать ея присутствія въ бытѣ (а родоначальникъ, какъ верховный жрецъ, *воплощенная судьба* и пр., стр. 92? это уже начало, устройство, а не случайное проявленіе). Оттого, рядомъ съ данными, свидѣтельствующими о безграничной власти и господствѣ первобытныхъ родоначальниковъ, встрѣчаются другія данныя, доказывающія, напротивъ, неподвластность, неподчиненіе домочадцевъ главамъ семей и какъ-бы равенство между ними (кажется, это выходитъ уже совсѣмъ иное дѣло?): *собственность принадлежитъ семьѣ, а не родоначальнику, и управляется съ общаго согласія членовъ послѣдней:* домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависитъ отъ всѣхъ членовъ семейнаго союза» (1). Это послѣднее обстоятельство, котораго авторъ коснулся мимоходомъ, обстоятельство, само по себѣ нисколько не говорящее въ пользу родоваго быта, было, если не совершенно въ сказанномъ видѣ, *опредѣлено юридически*, о чемъ надѣемся сказать ниже.—Во всякомъ случаѣ, видимъ, что картина совершенно перемѣняется. Сперва выставляется передъ нами родоначальникъ, верховный жрецъ, воплощенная судьба для всѣхъ родичей: теперь—собственность принадлежитъ семьѣ, а не родоначальнику, и домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависитъ отъ *всѣхъ членовъ семейнаго союза.* Какая рѣзкая противоположность!

Что-нибудь одно: или была власть родоначальниковъ, или ея не было. Если была, то случаи неповиновенія, не уничтожая основнаго начала или обычая, являютъ только исключенія и поэтому важнаго значенія не имѣютъ, ибо подобныя нарушенія власти встрѣчаются въ исторіи и при всѣхъ формахъ государственныхъ и при юридическомъ порядкѣ. Если-же эти противорѣчащія явленія не исключительныя, а параллельныя, равносильныя (какъ видно принимаетъ авторъ), то названіе родоваго быта здѣсь не у мѣста. Если есть какой-нибудь бытъ, то противорѣчащія явленія суть только исключенія, какъ скоро-же противорѣчія не суть исключе-

(1) Томъ-же, № 10, стр. 98.

нія, слѣдовательно равносильны, какъ скоро всѣ проявленія *случайны, временны* (см. стр. 98), — то здѣсь нѣтъ вовсе никакого быта: это просто первоначальный хаосъ, о которомъ не помнитъ исторія, о которомъ можно дѣлать предположенія и который родовымъ, да и никакимъ бытомъ назваться не можетъ: это періодъ гадательный, гдѣ обширное поле воображенію, но намъ до воображенія нѣтъ дѣла; намъ нужна быль (фактъ). Можетъ быть, возразятъ намъ, что на всѣ эти сказанныя авторомъ противорѣчія есть свидѣтельства историческія, тогда мы повторяемъ: или это исключенія, или-же какое-нибудь рѣшеніе этихъ противорѣчій должно лежать въ самихъ данныхъ, для чего надо вникнуть въ данныя съ бо́льшимъ вниманіемъ, а можетъ быть и взглянуть съ другой точки зрѣнія. Принять-же родовой бытъ вмѣстѣ съ родоначальниками, да еще назвать ихъ сперва *верховными жрецами, воплощенною судьбою, всѣмъ для членовъ рода*, и потомъ, признавъ противорѣчащія равносильныя явленія, рѣшить такое противорѣчіе, сказавъ, что бытъ былъ неопредѣленъ,—такъ едва-ли можно поступать въ дѣлѣ науки. Скажемъ мимоходомъ, что врядъ-ли бы нашелъ г. Кавелинъ данныя для первой своей картины родоваго быта въ древнемъ быту Славянскомъ.—Мы, признаемся, думаемъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о неопредѣленности быта, что неопредѣленность находится въ самой статьѣ г. Кавелина. Вотъ почему дѣлаемъ мы изъ нея столько выписокъ, сравнительно съ сочиненіями г. Соловьева.

Первоначальный родовой бытъ приписываетъ г. Кавелинъ древнимъ Славянамъ. Хотя онъ и прибавляетъ: «въ незапамятныя времена», но далѣе, рисуя первоначальный бытъ, онъ говоритъ: «каждая семья и родъ жилъ самъ по себѣ» (1). Въ этихъ словахъ узнаемъ мы, нѣсколько измѣненныя, слова Несторовой Лѣтописи. Такимъ образомъ г. Кавелинъ (въ чемъ, конечно, и самъ онъ согласится) думаетъ, что объ этомъ первоначальномъ родовомъ бытѣ, при которомъ жили Славяне находятся историческія свидѣтельства.

Г. Кавелинъ приходитъ въ затрудненіе, говоря о значеніи женщины «въ первобытной Славянской семьѣ»: «Нельзя не сознаться, говоритъ онъ, что опредѣлить и въ нѣсколькихъ словахъ выразить

(1) Тамъ-же, № 10, стр. 91.

значеніе женщины въ древнѣйшемъ обществѣ чрезвычайно трудно» (1). Авторъ не можетъ не признать, что значеніе женщины у древнихъ Славянъ было высоко. Находя и тутъ разныя противорѣчія и упомянувши о правахъ женщины на наслѣдство, правахъ юридическихъ, онъ говоритъ самъ: «нѣкоторые замѣчаютъ даже, именно у Славянскаго племени, какое-то нравственное превосходство женскаго пола надъ мужскимъ; притомъ изъ исторіи Славянскаго народа мы знаемъ, что у однихъ племенъ женщины покупались и продавались, у другихъ, напротивъ, женщины добровольно вступали въ бракъ, даже выбирали себѣ жениховъ. Наконецъ у всѣхъ Славянскихъ племенъ дѣвушки жили на волѣ, не работали и не знали тягостей домашней жизни» (2). — Это высокое мѣсто, занимаемое женщиною въ Славянской семьѣ, старается объяснить авторъ физіологическимъ назначеніемъ женщины быть женой, матерью,—хотя приданое, «составлявшее отдѣльную собственность жены», свобода дѣвушекъ и проч. показываютъ нѣчто гораздо большее. Авторъ опять ссылается на неопредѣленность, говоря: «Но это назначеніе (быть женой, матерью), какъ всѣ первобытныя отношенія, не было возведено въ общее, строго выдержанное и послѣдовательно проведенное начало. Сверхъ того оно понималось грубо, слишкомъ матеріально, и потому не мѣшало обращаться съ женщиной, какъ со всѣми прочими домочадцами» (3).—Но гдѣ-же грубость и матеріальность, когда есть даже нравственное превосходство, есть права, есть наконецъ это нѣжное вниманіе къ дѣвушкамъ, составлявшимъ какое-то привилегированное общество, для котораго нѣтъ труда, нѣтъ работы, а только веселье и пѣсни (какъ это ярко видно изъ нашихъ свадебныхъ пѣсенъ)? Какъ-бы ни старался авторъ объяснить по своему значеніе Славянской женщины и согласнать его съ своими мыслями о родовомъ бытѣ,—значеніе Славянской женщины тѣмъ не менѣе остается яркимъ и противорѣчащимъ картинѣ грубаго первопачальнаго родоваго быта, изображаемой авторомъ.

Наконецъ г. Кавелинъ говоритъ объ общественномъ Славянскомъ устройствѣ:

---

(1) Тамъ-же, № 10, стр. 99.
(2) Тамъ-же, № 10, стр. 100.
(3) Тамъ-же, № 10, стр. 100.

«При такомъ порядкѣ вещей, *миры* — первыя договорныя общины—были важнымъ и многозначительнымъ явленіемъ въ древнемъ Славянскомъ быту. Они представляютъ первый, хотя и грубый еще, зачатокъ гражданскихъ отношеній. Формы міровъ чисто патріархальныя (?); видно, что они созданы народомъ, не знавшимъ никакого быта, кромѣ семейнаго, построеннаго на родственныхъ отношеніяхъ. Притомъ миръ—гражданское общежитіе, созданное на основаніи договоровъ и сдѣлокъ въ ихъ исключительномъ, первоначальномъ значеніи. Миры не *выражали* начала единства, союза между людьми; напротивъ они *вели* ихъ къ гражданскому союзу. Это его первая, безсознательная, отчасти случайная форма» (1).

Почему все это такъ? Все это сказано, но не доказано.

Вотъ еще слова г. Кавелина:

«Нѣкоторые изслѣдователи начинаютъ исторію извѣстныхъ народовъ съ того времени, когда отношенія между семьями и родами уже установились по образу тѣхъ, которыя существовали внутри семьи между членами родовъ, — другими словами, съ появленія и упроченія міровъ. Они забываютъ, что этотъ семейно-патріархальный бытъ, обнимающій цѣлый народъ, цѣлое племя, есть результатъ длинной эпохи вражды и страшнаго разъединенія, и уже поэтому не могъ быть такъ простодушно-наивенъ и искрененъ, какъ обыкновенно думаютъ» (2).

Итакъ г. авторъ думаетъ, что миры устроены по родовому быту; у мира, слѣдовательно, долженъ быть родоначальникъ, но гдѣ же онъ? и какъ тогда объяснится сходка, гдѣ всѣ равны? Впрочемъ объ этомъ рѣчь должна быть еще впереди.

Далѣе г. Кавелинъ говоритъ, подтверждая ту же мысль:

«Въ незапамятныя времена, общежитіе, какъ мы сказали, сосредоточивалось внутри разрозненныхъ, чуждыхъ, почти враждебныхъ между собой родовъ и семей. Эти семьи должны были современемъ разростись въ общины, которыхъ бытъ разительно былъ сходенъ съ семейнымъ (?) потому, что изъ семей онѣ образовались, и, слѣдовательно, семьи были ихъ историческимъ первообразомъ» (3).

(1) Тамъ же, № 10 стр. 102.
(2) Тамъ же, № 12, стр. 126.
(3) Тамъ же, № 12, стр. 127.

Опять не доказано; опять голословно. Наконецъ г. Кавелинъ говоритъ слѣдующее:

«Древняя Русская исторія упрочила, развила, утвердила эту семейно-патріархальную общественность, исторически — первую ступень и необходимое основаніе всякого гражданскаго союза. *Реформа Петра Великаго бросила на нашу почву первыя сѣмена иного быта (????)*» (1).

Статья г. Кавелина посвящена преимущественно изслѣдованію обычаевъ народныхъ, свадебныхъ пѣсенъ и пр., которыми онъ доказываетъ тотъ же патріархальный бытъ. Г. авторъ говоритъ:

«Письменные памятники не сохранили извѣстій объ этомъ времени; Несторова лѣтопись говоритъ о немъ по темнымъ преданіямъ и въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ этомъ бытѣ сохранилось со всею свѣжестію преданія» (2).

Мы не согласны съ этимъ; но изслѣдованіе нашихъ повѣрій, обрядовъ, пѣсенъ и пр.—есть предметъ очень важный, и мы намѣрены заняться имъ особо впослѣдствіи; потому здѣсь о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ мы не будемъ распространяться. Предметъ нашей настоящей статьи: преимущественно историческія данныя и явленія общественнаго быта.

Мы пишемъ не разборъ статьи г. Кавелина. Намъ нужно было какъ нибудь извлечь изъ нея и опредѣлить взглядъ автора, что мы и старались сдѣлать. Взглядъ его сходенъ весьма со взглядомъ г. Соловьева. Родовой бытъ и родоначальниковъ признаютъ они оба; оба смѣшиваютъ родъ и семью. Г. Соловьевъ видитъ нарушеніе власти родоначальниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; г. Кавелинъ признаетъ противорѣчащія этой власти явленія, какъ равносильныя. Но не смотря на нѣкоторую недосказанность у перваго и на неопредѣленность у втораго, оба, не безъ противорѣчій самимъ себѣ, все таки признаютъ родовой бытъ, вмѣстѣ съ родоначальниками, у древнихъ Славянъ. Разница главная въ томъ, что г. Соловьевъ, не считая родовой бытъ особенностью Славянъ, признаетъ, что онъ начинаетъ исчезать уже при Ярославѣ, — а г. Кавелинъ доводитъ родовой бытъ въ Россіи до Петра Великаго.

(1) Тамъ же, № 12, стр. 133.
(2) Тамъ же, № 12, стр. 96.

Теперь обратимся еще къ другому послѣдователю Эверса, г. Калачеву, котораго добросовѣстные труды вполнѣ заслуживаютъ уваженія.

Въ своей статьѣ объ изгояхъ онъ говоритъ такъ:

«Въ то время, когда каждый родъ, по свидѣтельству лѣтописца, составлялъ отдѣльную, самостоятельную общину, «живуще особѣ, на своемъ мѣстѣ», очевидно, что, при такихъ условіяхъ, только лица, принадлежавшія къ какому-либо роду, могли имѣть юридическое значеніе въ тогдашнемъ быту, общественномъ и частномъ. Основаніе, которымъ родъ связывался въ одно цѣлое, заключалось въ происхожденіи всѣхъ составлявшихъ его членовъ отъ одного общаго имъ предка — родоначальника. Это единство происхожденія или узы крови и родства, связывавшія между собою всѣхъ членовъ рода въ отдѣльную общину, опредѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ сожительство ихъ въ одномъ мѣстѣ и ихъ взаимныя отношенія. Такимъ образомъ быть членомъ извѣстнаго рода, по первоначальному понятію, значило не только быть связаннымъ единствомъ происхожденія или крови съ другими его членами, но также родиться и жить съ ними вмѣстѣ нераздѣльно. Факты служатъ яснымъ подтвержденіемъ, что, какъ у Славянъ вообще, такъ и у Славянъ Русскихъ, это было весьма естественное убѣжденіе, которое проявлялось въ самомъ образѣ ихъ жизни» (1).

И такъ авторъ понимаетъ родъ какъ нѣчто цѣлое, какъ союзъ лицъ, связанныхъ происхожденіемъ отъ одного предка — родоначальника. Кромѣ этой связи происхожденія, родъ, по мнѣнію автора, былъ соединенъ и *нераздѣльнымъ жительствомъ вмѣстѣ*. Такой бытъ видитъ авторъ у Славянъ вообще и у Славянъ Русскихъ.

Авторъ не смѣшиваетъ здѣсь, по крайней мѣрѣ, семью и родъ. Хотя онъ умалчиваетъ о родовомъ управленіи, но, кажется, мы можемъ предположить, что онъ признаетъ также родоначальника, если не естественнаго, то *избраннаго*.—Что касается до единства жительства, то, кажется, съ этимъ согласны будутъ и г. Соловьевъ и г. Кавелинъ.

Обратимся еще къ одному писателю, занимающемуся преимущественно изслѣдованіями Русскихъ языческихъ вѣрованій и обря-

(1) Арх. Ист. юр. свѣд. изд. Н. Калачевымъ кн. 1, стр. 57—58.

довъ, г. Аѳанасьеву; въ своей статьѣ: «Дѣдушка домовой»—онъ говоритъ:

«По свѣжести патріархальнаго физіологическаго чувства, старшаго глубоко уважали, считая всякое слово его за священный приговоръ: его устами говорило самое божество» (1).

Г. Аѳанасьевъ смѣшиваетъ семью и родъ; вотъ его слова:

«Въ домовомъ обожались предки, и если каждый родъ, каждая семья (будто это одно и тоже!) ограничивались поклоненіемъ своему роду, то естественно, что души чужихъ предковъ представлялись въ такомъ же отношеніи, въ какомъ представлялся чужой домовой. Роды спорили и враждовали между собой,—представителями ихъ интересовъ и, слѣдовательно, ихъ взаимной борьбы, были старшіе въ родахъ (2).

Если спорили роды, спорили и семьи, но хотѣлъ ли сказать это здѣсь г. Аѳанасьевъ? — Къ роду не совсѣмъ приходится домовой, ибо онъ можетъ быть у каждой семьи, а вражда не совсѣмъ приходится къ семьямъ.

Впрочемъ выше авторъ говоритъ: «эта вражда родовъ и семей была перенесена въ убѣжденія религіозныя и прикрѣплена къ домовому, какъ *представителю родоваго старѣйшинства* (3).

Мнѣнія г. Аѳанасьева того же рода; онъ, не дѣлая исключеній (впрочемъ, можетъ быть, и онъ ихъ принимаетъ, но здѣсь объ этомъ не говоритъ), признаетъ безусловную власть родоначальника и, какъ мы уже сказали, смѣшиваетъ семью и родъ.

О другихъ защитникахъ того же мнѣнія мы говорить не считаемъ нужнымъ, ибо это то же или почти то же (4).

Мы изложили мнѣніе, признающее родовой бытъ у древнихъ Славянъ вообще и также у Славянъ Русскихъ, изложили оное въ лицѣ названныхъ нами представителей этого мнѣнія.

Теперь приступаемъ къ основному предмету нашей статьи, къ рѣшенію, по историческимъ даннымъ, вопроса: въ какой мѣрѣ былъ, и былъ ли, родовой бытъ у древнихъ Славянъ, преимущественно Русскихъ?

---

(1) Тамъ же, стр. 17.

(2) Тамъ же, стр. 23.

(3) Тамъ же, стр. 22.

(4) Мы не говоримъ здѣсь о трудахъ г. Тюрина и г. Шульгина; мы пишемъ не разборы всѣхъ историческихъ мнѣній; иначе статья наша получила бы преимущественно критическій характеръ, тогда какъ назначеніе ея другое.

Мы должны начать съ опредѣленія родоваго быта.

Естественное, и только естественное, состояніе, лишенное всякого сознанія — не есть бытъ; о такомъ первомъ естественномъ состояніи исторія не помнитъ и рѣчи объ немъ быть не можетъ. Бытъ является тогда, когда естественный порядокъ впачалѣ замѣченъ человѣкомъ, когда онъ въ него вѣритъ и старается его удержать, когда является обычай и преданіе. — Первоначальный видъ общества и первопачальный бытъ—есть, безспорно, родовой (отвергать его существованія мы никогда и не думали).—Размножившаяся семья исчезаетъ и является родъ, поглощающій семью, значеніе семьи: ибо здѣсь владыка рода есть *не отецъ, а родоначальникъ;* отношенія дѣтей къ своему отцу *смущены* вліяніемъ и значеніемъ общаго родоначальника, безусловнаго владыки рода. Любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей своей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода. Такое отношеніе, замѣченное человѣкомъ, впачалѣ кажется ему истиннымъ, и онъ старается его поддерживать. Когда жизнь родоначальника оказывается короче жизни рода—родоначальникъ *избирается*, и ему передается все значеніе перваго родоначальника: иногда званіе это наслѣдственно. — Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь уже, при подобномъ устройствѣ, извѣстное начало (принципъ), порядокъ жизни, бытъ, именно бытъ родовой. — По мѣрѣ размноженія рода, родъ получаетъ болѣе общественное, гражданское значеніе. Родовыя отношенія, оставаясь еще родовыми, получаютъ смыслъ гражданскій, а родоначальникъ становится властителемъ и судьею этого родоваго общества. — Значеніе родоначальника, даже въ самомъ началѣ, какъ скоро онъ признается, какъ родоначальникъ, носитъ ужъ въ себѣ зародышъ гражданственности.

Вотъ родовой бытъ.—Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во-первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во вторыхъ, что отношенія родовыя не остаются въ своей чистотѣ; а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны *семью*, съ другой *гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ.

Такимъ образомъ *семья* и *родъ*, семейное и родовое начало не только не одно и то же, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родоваго или патріархальнаго, или же оно находится на слабой степени. Патріархальное и семейное начало образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу.

Родовой бытъ былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы, но одни только прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ бо́льшими или меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками.

Мы знаемъ, что родовой бытъ былъ у Римлянъ, гдѣ онъ формулировался юридически, былъ у Германцевъ, наконецъ былъ и даже теперь еще не совсѣмъ исчезъ у Шотландцевъ, гдѣ онъ такъ явственно, сильно и жизненно опредѣлился. Онъ есть и теперь у кочующихъ племенъ, именно у Киргизовъ. Букеевская орда дѣлится на роды, называющіеся, каждый, особымъ родовымъ именемъ.

Теперь обратимся къ Славянамъ. Былъ ли родовой бытъ у Славянъ? Былъ ли онъ для нихъ ступенью, черезъ которую они только прошли, или же онъ у нихъ продолжался нѣкоторое время? Можемъ ли мы только предполагать, что онъ былъ когда-то, единственно опираясь на убѣжденіе, что всѣмъ народамъ слѣдовало черезъ него пройдти, — или есть какія-нибудь на то историческія данныя, до насъ дошедшія?

Древнѣйшія извѣстія, приводимыя г. Соловьевымъ и другими учеными, говорятъ слѣдующее:

Прокопій говоритъ, что Славяне не повинуются одному мужу, но изъ начала живутъ при народномъ правленіи (ἐνδημοκρατία).— Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родоваго быта, ибо демократическое устройство такому быту противорѣчитъ (1).

(1) Арх. ист. юр. св. статья г. Соловьева стр. 18.—Mem. por. T. II, 28. S l. Staroz. Шаф. стр. 965 и 966.

Маврикій, говоря, что у Славянъ много царьковъ, въ то же время утверждаетъ, что они не знаютъ правительства (1).

Г. Соловьевъ соглашаетъ эти противорѣчія и разумѣетъ подъ царьками — родоначальниковъ, говоря, что Грекъ могъ принять родоначальниковъ за царьковъ, а родовыя отношенія младшихъ членовъ не могли быть для него понятны, ибо онъ привыкъ къ отношеніямъ государственнымъ и потому имѣлъ поводъ сказать, что Славяне живутъ въ демократіи (2).

Такое объясненіе есть объясненіе заранѣе принятой мысли. Что выборные начальники или старшины, которые во всякой демократіи бываютъ, могли показаться царьками, это дѣло возможное, но чтобы отношенія родовыя младшихъ къ старшимъ могли быть названы демократическими, это болѣе нежели сомнительно.

Прокопій говоритъ опять, что у Славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ (3).

Опять свидѣтельство, указывающее ярко на народное или общинное устройство. Отвергать его нельзя. Г. Соловьевъ думаетъ выдти изъ затрудненія, говоря: «по всѣмъ вѣроятностямъ сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ,—младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ» (4).

Это не болѣе, какъ догадка; указаніе на *старцевъ*, упоминаемыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ, надѣемся разобрать ниже. Но допустимъ пока (хотя и не имѣемъ на это основанія) догадку г. Соловьева, предположимъ, что старики были родоначальники, что на вѣчѣ совѣщались только одни родоначальники,—тѣмъ не менѣе несомнѣнное древнее свидѣтельство объ общинѣ остается во всей силѣ, и мы должны признать ея устройство; если примемъ даже, что совѣщались одни родоначальники, какъ думаетъ г. Соловьевъ, все мы должны признать общинное устройство, хотя между ними, хотя изъ нихъ однихъ состоящее. При родовомъ же устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо (что такъ часто повторяется гг. послѣдователями Эверса), никакая община невоз-

(1) Арх. ист. юр. св. стр. 19 Sl. Star. Шаф. стр. 968, 969, 970.

(2) Архивъ ист. юрид. св. отд. I. стр. 19.

(3) Арх. ист. юр. св. отд. I. стр. 19. Mem. popul. T. II, стр. 28. Sl. Star. Шаф. стр. 965, 966.

(4) Арх. ист. юр. св. отд. I, стр. 19—20.

можна. Хотя г. Соловьевъ старается выставить совѣщанія случайными и говоритъ, что необходимость не рѣдко должна была заставлять роды соединяться для общихъ совѣщаній; но Прокопій говоритъ прямо объ *обычаѣ* общихъ совѣщаній. Эти слова Прокопія, слѣдуя у него непосредственно за извѣстіемъ, что Славяне живутъ издревле при народномъ правленіи (въ демократіи), — соединены съ предыдущимъ предложеніемъ союзомъ *и* (καὶ) (1): очевидно, что оба извѣстія связаны между собою по значенію и второе подтверждаетъ первое; слѣдовательно, случайнаго явленія предполагать здѣсь нельзя, а надо предположить устройство, обычай.—Еслибъ современники видѣли патріарха или родоначальника, они не сказали бы, что Славяне не терпятъ повелителя. Между тѣмъ современники именно такъ выражаются. Что же это значитъ? Или вовсе не было родоваго устройства, или роды составляли нѣчто цѣлое, что̀ являлось уже какъ демократическая, не хотящая власти, община. Сверхъ того современникъ говоритъ, что были сходки. Надо предположить (если стоять за родовой бытъ), что или сходки были въ отдѣльномъ родѣ, но тогда совершенно уничтожается родовое устройство; или же, какъ думаетъ г. Соловьевъ, что сходки (совѣщанія) были только между родоначальниками. Эти родоначальники должны были быть очень многочисленны, если Славянское устройство было принято за демократическое древними писателями, если было сказано ими, что Славяне имѣютъ обычай совѣщаться вмѣстѣ во всѣхъ дѣлахъ, что они не признаютъ повелителя. Въ такомъ случаѣ г. Соловьеву остается признать, что родовое устройство уже было на второмъ планѣ и что община Славянская выдвигалась еще въ VI вѣкѣ: ибо (слѣдуя его догадкѣ) каждый отдѣльный родъ повинуется не своему родоначальнику, но общему совѣту старцевъ—родоначальниковъ всѣхъ родовъ, находящихся въ союзѣ (постоянномъ или временномъ); родоначальники были, слѣдовательно, естественно или свободно, только *выборными отъ рода* на общихъ совѣщаніяхъ. И такъ мы видимъ, что если принять даже догадку г. Соловьева, то и тогда результатъ оказывается не совсѣмъ въ пользу родоваго быта.

Но мы не находимъ основанія принимать догадку г. профессора, не имѣемъ никакого права сказать, что царьки были родоначаль-

(1) Slow. Slar. Шаффарика. стр. 965.

ники и что только они совѣщались на вѣчахъ. Никто изъ современниковъ о родоначальникахъ не говоритъ. Прокопій прямо утверждаетъ, что не повинуются одному мужу, но живутъ въ демократіи. Маврикій, сказавъ, что у Славянъ много царьковъ, говоритъ въ то же время, что они не терпятъ никакого повелителя (1), также, что ихъ невозможно никакимъ образомъ склонить къ рабству, или къ повиновенію (2). Наконецъ Прокопій говоритъ ясно о сходкахъ. Сравнимъ извѣстія позднѣйшія: Адамъ Бременскій говоритъ о Славянахъ, что они не терпятъ между собою господина или повелителя (3). Дитмаръ Мерзебургскій, повѣствуя о вѣчахъ Лутичей и, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Прокопій, говоря, что они не повинуются одному, а всѣ совѣщаются о дѣлахъ своихъ.—прибавляетъ, что дѣла рѣшались единогласіемъ, которое было необходимо (4). Все это, кажется, достаточно говоритъ въ пользу общественнаго быта у древнихъ Славянъ и, сверхъ того, быта вѣчеваго. Картина, знакомая Русскому. Что же касается до царьковъ, то это были или старшины, бывающіе при демократическомъ правленіи, или князья на всей волѣ народа, каковы потомъ были въ извѣстныя времена князья Новгородскіе; но родоначальниками ихъ почитать нѣтъ никакой причины. — Сверхъ того Прокопій говоритъ, что Славяне живутъ въ дрянныхъ избахъ далеко другъ отъ друга и часто перемѣняютъ мѣсто жительства (5). Причина тому: постоянная въ тѣ времена опасность отъ войны. Но если избы были далеко другъ отъ друга, то или не весь родъ жилъ вмѣстѣ, не составлялъ цѣлаго, что̀ противорѣчитъ условіямъ родоваго быта, какъ ихъ понимаютъ послѣдователи Эверса (вспомнимъ въ особенности вышеприведенныя слова г. Калачева),—или же каждый родъ весь помѣщался въ одной избѣ, чего опять нельзя предположить при родовомъ устройствѣ, при которомъ члены рода не могутъ быть такъ малочисленны.

До сихъ поръ мы не находимъ доказательствъ въ пользу родо-

(1) Ἄναρχα (neminem ferunt imperantem). Sl. Star. Шаффарика, стр. 968, 969.
(2) Тамъ же, стр. 967—969.
(3) Nullum inter se dominum pati volunt. Тамъ же, стр. 990.
(4) Тамъ же, 988. His autem omnibus, qui Luetici vocantur, dominus specialiter non presidet ullus. Unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero и т. д.
(5) Тамъ же, стр. 966.

ваго быта у Славянъ древнѣйшихъ временъ; напротивъ того, передъ нами выступаетъ въ самомъ отдаленномъ времени общинное устройство, знакомая сходка и знакомое единогласіе. Обратимся къ доказательствамъ позднѣйшимъ, къ свидѣтельствамъ, которыя находятся у самихъ Славянъ. При разсмотрѣніи однихъ свидѣтельствъ важно то, что говорятъ свидѣтельства другія, какъ дополняютъ и часто объясняютъ они другъ друга,—важна эта совокупность свидѣтельствъ, дающая имъ настоящую цѣну. И такъ посмотримъ, что говорятъ другія свидѣтельства.

Г. Соловьевъ ссылается (въ пользу своей мысли) на старинную Чешскую пѣсню. Обратимся къ ней; она извѣстна подъ названіемъ «Суда Любуши». Разскажемъ сперва содержаніе самой пѣсни и выпишемъ изъ нея нѣкоторыя мѣста.

Содержаніе пѣсни есть судъ по вопросу о наслѣдствѣ. Хрудошъ и Стяглавъ Кленовичи враждуютъ объ отцовской дѣдинѣ. Княжна Любуша собираетъ снемъ (сеймъ, сонмъ, сходку) изъ Кметовъ, Леховъ и Владыкъ, и призываетъ также обоихъ враждующихъ братьевъ. На снемѣ она предлагаетъ всѣмъ, на оный созваннымъ, рѣшить эту вражду, выражая въ то же время свою мысль, что, *по закону выкожизненныхъ боговъ*, братья — или должны владѣть вмѣстѣ, или раздѣлиться по ровну. «Соберн голоса, славная княжна, по *своему народу*,» говоритъ ей Лютоборъ. Собрали голоса и объявили рѣшеніе *въ народѣ, собранный на снемъ къ разсужденію*. Рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы оба брата владѣли вмѣстѣ. Хрудошъ съ яростію говоритъ, что наслѣдство надо дать первенцу, и грубо отзывается о Любушѣ. Любуша передъ всѣми свидѣтельствуетъ о своемъ оскорбленіи. Ратиборъ встаетъ и говоритъ противъ Хрудоша, объявляя, что «не хвально намъ въ Нѣмцахъ искать правды, у насъ правда по закону святому, которую принесли отцы наши.» Сюда относится отрывокъ пѣсни, находящійся, безъ связи, въ началѣ ея; безъ сомнѣнія, долженствующій стоять на концѣ; въ немъ, очевидно, излагается *правда*, о которой говоритъ Ратиборъ; вотъ онъ: «Всякой отецъ воеводитъ (предводитъ на войну) свою челядь (челядинъ, домочадецъ). Мужи пашутъ, женщины шьютъ одежды, и какъ скоро умираетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который, для пользы, ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ Кметами, Лехами, Владыками.

Встали Кметы, Лехи и Владыки, похвалили правду по закону (1)».

Г. Соловьевъ подтверждаетъ этою пѣснію, и именно мѣстомъ объ избраніи Владыкъ, догадку свою, что на сходку ходили одни родоначальники. Если допустимъ пока опять догадку г. Соловьева, то однако и здѣсь можетъ онъ признавать родовой бытъ лишь на второмъ планѣ, а на первомъ (хотя бы и изъ него вытекающій) бытъ общинный. Сверхъ снема, мы видимъ уже общую для всѣхъ княжескую власть, созывающую этотъ снемъ; стало, кромѣ сходки, здѣсь еще при родоначальникахъ (если принимать ихъ съ г. Соловьевымъ)—власть князя, становящая въ свою очередь родовое устройство на второмъ планѣ. Но точно ли подтверждаетъ Чешская пѣсня мнѣніе г. Соловьева?

Постараемся опредѣлить, кто такіе были эти Владыки.

Владыки ходятъ на снемъ. Въ пѣсни о судѣ Любуши изображается такой снемъ. Этотъ снемъ, это собраніе, называется народомъ, чѣмъ бы онъ едва ли могъ называться, еслибъ это были только родоначальники. Снемъ (или сходка) созывается въ настоящемъ случаѣ княжескою властію и имѣетъ вполнѣ самостоятельный характеръ, — но таково было при князѣ и Новгородское вѣче. Кромѣ Владыкъ, на снемъ собираются Кметы и Лехи; они поставлены рядомъ, какъ бы особыя сословія. Если-бы на снемъ собирались только главы родовъ, и эти главы родовъ назывались бы Владыками, то было-бы просто сказано, что собрались Владыки. Почему-же здѣсь, кромѣ Владыкъ, Кметы и Лехи? Это обстоятельство намекаетъ на сословія и такимъ образомъ еще съ другой стороны заподозриваетъ родовое устройство. — Могутъ сказать намъ, что Кметы и Лехи были званія, не исключающія собою званія Владыкъ; но почему въ пѣсни сказано вообще: всякой отецъ и т. д., сказано объ избраніи Владыкъ вообще, а потомъ тутъ-же говорится, что они ходятъ въ снемы съ Кметами и Лехами? Почему Владыки упоминаются отдѣльно и стоятъ ниже Кметовъ и Леховъ?

Встаху Кметы, Лехи и Владыки,—

Мои Кметы, Лехи и Владыки и проч. (2).

(1) Die Denkmäbler der Böhmischen Sprache. — стр. 34—37. Шаффарикъ счелъ теперь перемѣнилъ мысли объ этомъ отрывкѣ и принялъ мнѣніе, что начало пѣсни должно стоять на концѣ, — мнѣніе, которое онъ слишкомъ поспѣшно назвалъ Taschenspieler-stückchen.—Тамъ же, стр. 83.

(2) Тамъ-же, стр. 34, 35.

Далѣе: теперь обратимся къ самому суду, къ самому дѣлу о наслѣдствѣ. Любуша предлагаетъ или общее владѣніе, или ровный раздѣлъ. Снемъ рѣшаетъ общее владѣніе. Положимъ, что предметъ суда есть вопросъ родовой, вопросъ именно *родоваго* владѣнія, наслѣдства. Этотъ вопросъ о наслѣдствѣ рѣшается на основаніи родоваго устройства (думаетъ г. Соловьевъ), именно словами Ратибора, въ которыхъ изображается родовой бытъ. Допустимъ это. Кѣмъ же представляется родъ? *Двумя братьями*. Весь споръ между ними и для нихъ, для рѣшенія братскаго спора приводится весь порядокъ, *вся правда, принесенная предками*. Что должны мы заключить? Или то, что родъ не имѣлъ другихъ представителей, былъ весь, кромѣ двухъ, уничтоженъ (а то бы всѣ родичи должны были участвовать въ спорѣ, ибо всѣ имѣли общее право на общее владѣніе, по мнѣнію послѣдователей Эверса); но такую случайность предположить трудно и объ ней было бы упомянуто, тѣмъ болѣе, что оба брата—древняго происхожденія. Или же, что гораздо проще, судебный вопросъ этотъ былъ не родовой, а чисто *семейный*. Да и прямо говорятся, что споръ идетъ объ отцовской дѣдинѣ. Тогда дѣло перемѣняется и родовое устройство исчезаетъ: ибо, какъ скоро выступаетъ семья, какъ скоро рѣчь идетъ только между братьями и ни о какихъ родичахъ больше нѣтъ и рѣчи, то гдѣ же общее владѣніе рода, гдѣ же родовой бытъ, который допускаетъ участіе всѣхъ родичей, особенно когда родъ остался безъ главы?—И такъ на сценѣ только *семья*, выдѣлившаяся, слѣдовательно, изъ рода, а рода нѣтъ. Теперь, какъ объясняется то устройство, та правда предковъ, которая возвѣщается на снемѣ? — Эта правда, рѣшая вопросъ семейный, сама, слѣдовательно, имѣетъ семейное основаніе. И точно,—мы видимъ, что говорится объ отцѣ и дѣтяхъ. Но, скажутъ намъ, тутъ рѣчь идетъ объ общемъ владѣніи. Справедливо, но о владѣніи всей семьи,—другими словами, просто о томъ, что всѣ дѣти наслѣдуютъ отцу, и что, въ первую минуту наслѣдованія, они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться (см. ниже) (1). Ибо, если бы было общее владѣніе нераздѣлимое, то со временемъ оно точно было бы

(1) Съ этимъ согласенъ и Шаффарикъ, который объ мѣры, предложенныя Любушей, признаетъ древне-Славянскими. Тамъ же, стр. 100, 101.

владѣніе всѣхъ потомковъ. Какимъ же образомъ передъ нами, очень ясно, только два брата, спорящіе о наслѣдствѣ? Въ доказательство нашихъ словъ, вспомнимъ, что Любуша, *по закону вѣкожизненныхъ боговъ*, говоритъ братьямъ: или владѣйте вмѣстѣ, или раздѣлите по-ровну. И такъ и то и другое—по закону боговъ. Потомъ снемъ, выслушавъ рѣчь Любуши, сталъ говорить тихо между собою и *хвалить ея слова* (*выповѣди*, мнѣнія, рѣшенія) (1); слѣдовательно, въ нихъ противорѣчія онъ не находилъ и своимъ рѣшеніемъ имъ не противорѣчилъ. Хрудошъ хочетъ не того: онъ хочетъ маіоратства; слова Любуши его оскорбляютъ. Въ противоположность ему, Хрудошу, приводится древній обычай, которому противорѣчить Любуша не могла, ссылаясь на законъ боговъ. Къ тому же вопросъ наслѣдства здѣсь не разсматривается въ подробности, а онъ сейчасъ видоизмѣняется, какъ скоро подъ наслѣдствомъ разумѣется, напримѣръ, недвижимое или движимое имущество. Въ эти подробности, очевидно, мы не имѣемъ права входить. Одно можемъ сказать, что здѣсь весь вопросъ между братьями, слѣдовательно вопросъ семейный, что онъ рѣшается древнимъ обычаемъ, слѣдовательно также обычаемъ семейнымъ, ибо для рѣшенія семейнаго вопроса обычаемъ, нужно, чтобъ и обычай былъ семейный. Далѣе: въ пѣсни говорится, что дѣти выбираютъ себѣ владыку (а не отца, не родоначальника), который ходитъ въ снемы съ Кметами и Лехами. Это значило, что каждая семья посылала на сходку своего представителя: кто знаетъ устройство нашихъ сходокъ, тотъ увидитъ, что этотъ обычай и до сихъ поръ у насъ сохранился въ народѣ; на сходку ходитъ или старшій въ домѣ, или же избранный въ домѣ отъ семьи. Кого послать — это былъ и есть домашній распорядокъ внутри дома, но за порогъ дома семья у насъ не переходила. И такъ владыки были то же, что̀ и теперь у насъ—избранные или не избранные представители семей на сходкѣ. Кметы и Лехи, составлявшіе, какъ видно, званія (можетъ быть, мужи княжіе), уже и по званію своему тамъ засѣдали, какъ у насъ потомъ на земскихъ соборахъ бояре и выборные люди. И такъ въ Чешской пѣсни «Судъ Любуши» выступаетъ съ одной стороны семейное, съ другой—общественное

(1) Любуша, сказавъ свое рѣшеніе, говоритъ: разрѣшите мои выповѣди. Именно такъ называетъ она свое рѣшеніе. Тамъ же стр. 36.

устройство; въ послѣднемъ нѣтъ уже ничего семейнаго. Такимъ образомъ, оба начала являются во всей силѣ, отдѣльно, не смѣшиваясь одно съ другимъ, какъ, напротивъ, это бываетъ въ бытѣ родовомъ. Что касается до слова: *родъ*, два раза употребленнаго въ пѣсни въ выраженіяхъ: «изъ роду выбирая» и «рода стара, Тетвы Попасова», то родъ означалъ или семью (что видимъ въ первомъ выраженіи), или происхожденіе (что видимъ во второмъ); родоваго же быта не означалъ и означать не могъ, ибо его не было.

Стало быть, Чешская пѣсня «Судъ Любуши» приводитъ насъ къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ мнѣнію о родовомъ бытѣ: 1) споръ идетъ о *семейномъ* наслѣдствѣ; 2) древній обычай указываетъ на *семейное* устройство; 3) владыки были избранные отъ семействъ; 4) снемъ или сходка называется народомъ, дѣйствуетъ свободно и съ полнымъ равенствомъ, и ясно обнаруживаетъ общественное устройство, представляемое самостоятельною общиною и княземъ. — И такъ, на основаніи этой пѣсни, мы видимъ, что родоваго устройства не было, а видимъ семью и общину. Любопытно здѣсь обстоятельство, что Хрудошъ хочетъ маіората, столько противнаго Славянину (у котораго былъ скорѣе минораторъ), и Ратиборъ, опровергая его, говоритъ, что не любо намъ искать правды у Нѣмцевъ, указывая этими словами, что маіоратъ—обычай Нѣмецкій; этому Нѣмецкому обычаю противополагаетъ онъ древній Славянскій, по которому всѣ дѣти наслѣдуютъ, и описываетъ все, и семейное и общественное, Славянское устройство. Изъ требованія Хрудоша видно, что вліяніе Германское могло уже быть; этимъ можетъ быть объяснено то, что, въ противность Славянскому обычаю, на снемѣ считали голоса.

Не обходя никакихъ свидѣтельствъ, приводимъ здѣсь отрывокъ изъ Русинской пѣсни, который помѣщенъ въ примѣчаніяхъ на «Судъ Любуши», въ томъ же изданіи:

Ой всадивъ три села зъ людьми,
А едно село зъ старыми людьми,
А другое село зъ парубочками,
А трете село зъ паненочками.
Старыи люде усимъ судили,
А парубочки въ войску служили,
А паненочки шитинка шили.

Хотя эта пѣсня и не приводится нашими учеными послѣдователями Эверса, но, можетъ быть, они нашли бы въ ней подтвержденіе своихъ мыслей. Подтвержденіе очень шаткое. Въ пѣсни ясно разумѣются возрастъ человѣческій и полъ. Старики сидятъ дома и судятъ, а молодые дерутся на войнѣ, а женщины шьютъ платье. Очень естественное представленіе всѣхъ временъ и народовъ, что старикамъ прилично судить, а молодымъ во цвѣтѣ лѣтъ воевать, а женщинамъ заниматься шитьемъ. Можетъ быть скажутъ: а раздѣленіе на села?—Такое раздѣленіе, вѣроятно, не будетъ признано за доказательство родоваго быта самими его защитниками. Припомнимъ, что есть и третье село, гдѣ одни женщины; неужь-то же можно принять, не шутя, такое раздѣленіе?

Теперь обратимъ вниманіе на другія свидѣтельства у соплеменныхъ Славянъ. Передъ нами изслѣдованіе Губе о наслѣдственномъ правѣ. Что намъ открываетъ оно?

Изъ этого изслѣдованія мы видимъ цѣлость и неразрывность семейства; это неоспоримо; это говоритъ и самъ авторъ (1). Конечно, авторъ вовсе не опредѣляетъ семейства, еще менѣе родъ; его собственные выводы шатки и сбивчивы (2), но тѣмъ не менѣе выставилъ онъ и собралъ драгоцѣнныя свидѣтельства. Мы видимъ, что у древнихъ Славянъ имущество принадлежало всѣмъ вмѣстѣ, всему семейству. Не значило ли это всему роду?—могутъ спросить насъ. Нѣтъ. Имѣніе считалось выморочнымъ, какъ скоро не было дѣтей (3), и переходило къ князю или вообще къ правителю. Впослѣдствіи времени, *поздно*, стало оно переходить, какъ выморочное, къ родственникамъ, и потомъ уже какъ наслѣдство (4). И такъ родовое наслѣдство образовалось поздно, вслѣдствіе распоряженій правительства. Какъ же должно понимать семейство? Бездѣтность, оставляющая имущество безъ владѣ-

---

(1) Ист. и слат. сборникъ, Ч. 1. Іос. Губе: Исторія др. наслѣдствен. права у Славянъ стр. 54—95.

(2) Такъ авторъ иногда говоритъ, что семья стѣснялась съ теченіемъ времени (стр. 82), и приводитъ доказательства тому противныя, изъ которыхъ, напротивъ, видно, что она впослѣдствіи, мѣрами правительства, расширялась въ родственномъ отношеніи, такъ что наконецъ образовалось наслѣдство родовое.

(3) Тамъ же стр. 70, 74, 82 и др.

(4) Тамъ же, стр. 83.

нія и дѣлая его государственною или общественною собственностію, ясно показываетъ, что семейство понималось въ тѣсномъ, чисто семейномъ смыслѣ. При такихъ тѣсныхъ предѣлахъ семьи, могъ ли развиться родъ?—Конечно нѣтъ.—Сверхъ того въ Польшѣ отдѣлившійся братъ, ставшій во главѣ новаго семейства, не имѣлъ, по крайней мѣрѣ въ древности, никакого права на наслѣдство прочихъ братьевъ (1). Мало того: отдѣлившіеся сыновья, отошедшіе отъ семейства, не имѣли права на семейное наслѣдство. Только дѣти, непокидавшіе отцовскаго дома и жившіе съ нимъ въ семейномъ единствѣ, имѣли право на его наслѣдство (2). Съ другой стороны мы видимъ, что въ случаѣ отказовъ или вкладовъ, дѣлаемыхъ въ пользу церкви, равнымъ образомъ и въ случаѣ заключаемыхъ съ церковью договоровъ о продажѣ, — согласіе членовъ семьи было необходимо, даже сыновей для отца. «Въ 1178 году нѣкто dominus Zyro отказалъ Міеховитскому монастырю двѣ деревни Kize и Lamogost, съ согласія своего сына Оттона. Такимъ же образомъ dominus Grzewomirus, съ согласія сына, отказалъ Мѣховитамъ имѣніе Lauthkowice. Подобный же отказъ сдѣлалъ нѣкто Berloch вмѣстѣ съ сыновьями (3)». — Кромѣ того, «нѣкто Tranyco, dictus Szeko, отказалъ въ 1325 году часть имѣнія Мѣховитамъ, ob remedium animarum, съ согласія матери, брата, сестры и сестриной золовки. Подобнымъ образомъ отъ всего семейства зависѣли и дары, дѣлаемые лицамъ свѣтскаго званія, если только дарилось недвижимое имѣніе (4).» То же нужно было и въ случаѣ продажи. Такъ «въ 1223 году нѣкто Subislaus продалъ деревню Czyrkowice cum consensu omnium filiorum suorum (съ согласія всѣхъ своихъ сыновей). Въ 1202 году Diaconus de Borow продалъ свою деревню, patris et fratris prius favore et assensu expostulato (испросивъ наперед милости и согласія отца и брата). Еще во второй половинѣ XIV вѣка встрѣчаемъ мы подобныя отчужденія cum bona et unanimi voluntate filiorum (съ доброй и единодушной волею сыновей)» (5). Такіе

(1) Тамъ же, стр. 82.
(2) Тамъ же, стр. 82.
(3) Тамъ же стр. 78.
(4) Тамъ же, стр. 78.
(5) Тамъ же, стр. 78.

примѣры (которыхъ много) очень замѣчательны. Изъ нихъ мы видимъ въ то же время, что если могли отчуждаться отъ семейства, то могли и входить въ составъ семейства лица, примкнувшіяся къ семейству, роднившіяся съ семьею (а не съ родомъ), именно зятья, даже золовки, какъ скоро они жили въ семьѣ, составляли съ нею одно. Семья такимъ образомъ могла сжиматься и расширяться, смотря по желанію и произволу членовъ, постоянно оставаясь на своей тѣсной, только семейной основѣ. Подобные же примѣры встрѣчаемъ и въ древнихъ Русскихъ купчихъ, мѣновыхъ, данныхъ; въ купчихъ не рѣдко говорится, что куплено отъ такого-то лица и дѣтей его, или что продано такимъ-то вмѣстѣ съ дѣтьми. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Доложа дворского Бѣлоозерьского, Якова Михайлова сына Гиѣвашева, се язъ Василей Левонтьевъ сынъ Дьяконовъ купилъ есми собѣ и своимъ дѣтемъ у Марьи у Ивановскіе дочери Курачева, и у Гавриловскіе жены и у еѣ сына у Григорія у Гаврилова сына у Залама, и у его жены у Дарьи у Ивановы дочери у Игумновы и у Заламовыхъ дѣтей у Евсевія, да у Фоки, пожни шесть остожей и пр.» Также: «Се язъ боярин князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, своими дѣтми со князь Петромъ да со князь Иваномъ Дмитріевичи, дали есмя въ домъ Пресвятые живоначальные Троицы и великихъ чюдотворцевъ Сергія и Никона, при Архимандритѣ Діонисіѣ и пр., по сынѣ своемъ по князь Ѳедорѣ Дмитріевичѣ, а князь Петръ, да я князь Иванъ по братѣ своемъ, вкладу, вотчину и пр.» (1).

Здѣсь особенно важно сравненіе съ современнымъ бытомъ Русскаго народа, до сихъ поръ сохраняющимся. У крестьянъ нашихъ отдѣлившійся отъ семейства сынъ, при жизни отца, не имѣетъ никакого права на имущество семейное; онъ основываетъ уже свою семью; семью составляютъ тѣ, которые не выходятъ изъ семейнаго союза, не выдѣляются изъ него. —Такимъ же образомъ въ составъ семьи могутъ приниматься и зятья, и золовки, и дальніе родственники, и даже посторонніе. Все это зависитъ отъ воли семьи. Быта родоваго здѣсь вовсе нѣтъ; вопроса о совокупности родичей нѣтъ и тѣни. Здѣсь все зависитъ отъ свободной воли семьи. Братья, жившіе сначала вмѣстѣ, одною семьею, мо-

(1) Ак. Юр. стр. 124. 129. Примѣровъ можно привести много.

гутъ сейчасъ, если захотятъ, раздѣлиться и потомъ опять соединиться въ одну семью и въ одно хозяйство; само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ старшіе въ родѣ не отецъ и мать, а братья, слѣдовательно ровные, они выбираютъ кого нибудь одного, кто всѣмъ завѣдуетъ и хозяйничаетъ, конечно съ согласія остальныхъ, потому что въ домѣ долженъ быть кто нибудь одинъ хозяинъ. Это могутъ сдѣлать и лица, вовсе не родныя другъ другу, но само собою разумѣется, что роднымъ естественнѣе такъ соединяться. Очевидно, что при такомъ сожительствѣ главный вопросъ *хозяйство;* ибо имѣніе, при бездѣтности, все таки не переходило къ родственникамъ, а считалось выморочнымъ; стало, родоваго владѣнія не было. И такъ родоваго быта здѣсь вовсе нѣтъ, здѣсь дѣйствуетъ *свободная воля* семьи, которая, какъ увидимъ ниже, означаетъ собственно *союзъ* людей, связанныхъ чисто *семейнымъ* родствомъ, на тѣсной семейной основѣ, союзъ въ своихъ дѣйствіяхъ свободный и могущій по произволу расширяться и сжиматься для совокупнаго жительства и хозяйства, даже не обращая вниманія на родство (1); этотъ свободный входъ и выходъ изъ семьи и своихъ и чужихъ—показываетъ, что даже кровное семейное родство не было обязательною, принудительною силою. Гдѣ такая свободная воля семьи, какая тутъ можетъ быть связь рода, какой родоначальникъ? Особенно, когда всѣ въ ней имѣли свободный голосъ, и, при отсутствіи дѣтей, имѣніе становилось

(1) Теперь еще понятіе нашъ „Судъ Любуши". Совершенно понятны и Владыка и споръ Хрудоша съ Стягнѣвомъ; понятно и отсутствіе противорѣчія въ двойномъ рѣшеніи Любуши. Шаффарикъ причисляетъ Владыку къ низшему сословію дворянства; это не измѣняетъ нисколько дѣла: образъ жизни Славянской, изображаемой въ пѣснѣ, остается тотъ же. Знаменитый ученый признаетъ, какъ видно, также родовой бытъ. Въ объясненіе Владыкъ онъ приводитъ слова Вука Стефановича Караджича, которыя послѣдователи Элерса обратятъ вѣроятно въ свою пользу; но слова эти нимало, по нашему мнѣнію, не говорятъ въ подтвержденіе ихъ мысли. Вукъ Стефановичъ Караджичъ изображаетъ (Die aeltesten Denkmäler der Böhmischen Sprache, стр. 68) власть старѣйшинъ Сербскихъ, и изъ его словъ видно, что старѣйшина *хозяинъ* и дѣйствуетъ съ согласія членовъ семьи; изъ словъ его видно, что онъ можетъ быть и неизбранный (отецъ), или избранный, какъ скоро члены семьи равны, какъ напримѣръ, братья. Послѣ сдѣланнаго объясненія мы нимало не находимъ здѣсь родоваго быта. Вукъ Стефановичъ Караджичъ не говоритъ о возможности раздѣла; но другія свидѣтельства о Славянскомъ бытѣ прямо говорятъ объ этомъ. Если же у Сербовъ нѣтъ этого, то значитъ, что Славянскія начала у нихъ не сбереглись въ своей чистотѣ.

выморочнымъ. Устройство, съ чѣмъ нельзя не согласиться, совершенно особенное, оригинальное, самобытное; за что же его непремѣнно подводить подъ извѣстную классификацію родоваго быта?

И такъ изъ изслѣдованія Губе мы видимъ, что рода у древнихъ Славянъ не было, а была *семья*.

Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго, патріархальнаго характера. Напротивъ мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родоваго, патріархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта,—мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ (напримѣръ въ Китаѣ). Но когда передъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найдти родовой бытъ?

Что же вообще была Славянская семья?

Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ напримѣръ вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама общиною. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною и отъ нея шелъ представитель: или старшій, или избираемый ею (какъ въ «Судѣ Любуши»). — Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не наслѣдовалъ ей,—семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже посторонихъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства:* собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наслѣдство), но общимъ было *пользованіе имуществомъ*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой.—Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась какъ община, имѣли

голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятыя въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи, въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? — Нисколько.

Семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у Славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать, да и предметъ статьи нашей не позволяетъ намъ объ этомъ распространяться. Семейное начало, конечно, было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ говоримъ, — и было твердо оно, какъ начало чисто нравственное; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ человѣка; оно было вполнѣ чисто у Славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ семейной общинѣ свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого объясненія видимъ мы, какъ свято и нравственно понята была Славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святаго семейнаго чувства. Чисто нравственная, чисто духовная сила семейнаго начала (каково оно у Славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А чувство семейное и семейное начало, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединено съ существомъ Славянина.

До сихъ поръ изъ изслѣдованій нашихъ видимъ мы, что у Славянъ родоваго быта не было, а выступаютъ опредѣленно: *семья* и *община* (1).

(1) Г. Поповъ въ своей любопытной книгѣ: „Путешествіе въ Черногорію“ указываетъ на родовой бытъ Черногорцевъ. По его словамъ (глава V. стр. 123 — 163), Черногорскій родовой бытъ былъ такъ силенъ, что даже собранія, на которыя стали собираться роды, появились у нихъ лишь въ осьмнадцатомъ столѣтіи; это — такой родовой бытъ, котораго не встрѣчаемъ и у древнѣйшихъ Славянъ (у коихъ и г. Соловьевъ признаетъ собранія старѣйшинъ), которому противорѣчатъ самыя древнѣйшія свидѣтельства, ибо въ нихъ говорится о народныхъ собраніяхъ (на коихъ, по мнѣнію г. Соловьева, имѣли голосъ старѣйшины, но даже и такихъ собраній не было у Черногорцевъ), собраніяхъ, нарушающихъ (и по мнѣнію г. Попова) устройство родовое, вносящихъ съ собою устройство общественное. Кромѣ того, всѣ другія позднѣйшія свидѣтельства противорѣчатъ родовому быту у Славянъ (см. выше: г. Соловьевъ признаетъ народное вѣче при Ярославѣ). Впрочемъ

Теперь обратимся къ нашимъ Русскимъ свидѣтельствамъ.

Лѣтопись Нестора есть, конечно, самое первое и важное основаніе и источникъ свѣденій нашихъ о древней жизни Славянъ, Русскихъ собственно. Что говоритъ она?

Въ лѣтописи Нестора мы находимъ мѣсто, служащее краеугольнымъ камнемъ для мнѣнія гг. поборниковъ родоваго быта у древнихъ Славянъ. Выпишемъ это мѣсто.

«Поляномъ же живущемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» (1).

Постараемся, со всѣмъ вниманіемъ, вникнуть въ смыслъ этихъ словъ и объяснить ихъ.

Прежде всего надобно въ этомъ, нѣсколько спутанномъ, мѣстѣ возстановить, или, лучше, опредѣлить грамматическій смыслъ. Дательный самостоятельный у насъ, въ древнихъ сочиненіяхъ, часто употребляется неправильно противъ употребленія, опредѣляемаго грамматикою. Напримѣръ: «Князю Святославу възростъшю и възмужавшю, нача (онъ же, Святославъ) вои совокупляти» (2). Также какъ здѣсь: «Поляномъ же живущемъ.... и живяху.» «И живяху» относится къ Полянамъ же. «Иже и до сее братьѣ бяху Поляне»—есть вставочное предложеніе. Этому рѣченію соотвѣтствуетъ грамматически рѣченіе ниже: «Поляномъ же живущемъ особѣ, якоже рекохомъ, суще отъ рода Словѣнска, и нарекошася Поляне.» (3). Теперь, понявъ употребленіе дательнаго самостоятельнаго и оставивъ его въ сторонѣ, мы читаемъ это мѣсто такъ:

Поляне же жили особо и владѣли родами своими, — они были Поляне и до этой братьи (Кія, Щека и Хорива)—и жили каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, каждый владѣя родомъ своимъ.

и самъ г. Поповъ говоритъ, что родовое устройство стало развиваться у Черногорцевъ уже послѣ покоренія Сербіи (стр. 124), и что при власти первыхъ владыкъ «сильно начинаетъ развиваться родовое устройство» (стр. 127). Слѣдовательно, это явленіе не древнее, и позднѣйшее и не существенное. Изъ всего этого заключаемъ, что родовой бытъ у Черногорцевъ есть собственно Черногорское явленіе, возникшее въ Черногоріи, по ея особеннымъ причинамъ, заставившимъ отступить Черногорцевъ отъ древняго Славянскаго быта.

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. т. I, стр. 4.

(2) Тамъ-же, стр. 27.

(3) Тамъ-же, стр. 5.

«Поляне владѣли родами своими». Значитъ ли это, что Поляне владѣли потомствами своими (progenies)? Но этого предположить невозможно. Не говоримъ уже, что въ такомъ смыслѣ выраженіе это показывало бы уже слишкомъ опредѣленное понятіе о родовомъ устройствѣ. Очевидно, что въ такомъ случаѣ одни бы изъ Полянъ владѣли, а другіе находились бы во владѣніи. Другое объясненіе можетъ быть вѣроятнѣе. «Поляне владѣли родами своими» — надо понимать не въ томъ смыслѣ, что они имѣли власть надъ родами своими, а въ томъ, что они владѣли (безъ предмета владѣнія) цѣлыми своими отдѣльными родами, *по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ;* способъ выраженія вполнѣ Русскій, какъ напримѣръ: они играли толпами: это не значитъ, чтобъ предметомъ игры были толпы, но что играли отдѣльно, по толпамъ, каждая толпа сама по себѣ. Такое объясненіе подтверждается слѣдующими словами: «жили каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, каждый владѣя родомъ своимъ.» Подъ «каждый» нельзя разумѣть родоначальника, жившаго съ своимъ родомъ. Не каждый былъ родоначальникъ,—это очевидно невозможно; надо разумѣть, что каждый Полянинъ жилъ съ своимъ родомъ, съ тѣмъ родомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Въ томъ же смыслѣ надо понимать слова: «владѣя каждый цѣлымъ родомъ», какъ отдѣльный цѣлый родъ, или, можетъ быть, просто (смыслъ будетъ тотъ же) съ родомъ своимъ. Такой способъ выраженія опять согласенъ съ Русскимъ языкомъ (то есть, что каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ совокупно),—напримѣръ: мы всѣмъ народомъ пришли къ тебѣ.

И такъ это мѣсто въ лѣтописи Нестора, по нашему мнѣнію, значитъ, что Поляне жили особо (то есть между собою, другъ отъ друга), владѣли отдѣльными родами (то есть по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ); каждый жилъ съ своимъ родомъ (съ тѣмъ, къ которому онъ принадлежалъ) и на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ (съ своимъ родомъ, съ цѣлымъ родомъ совокупно, какъ отдѣльный цѣлый родъ).

Что такое былъ родъ? Въ этомъ состоитъ главный вопросъ: его надобно разрѣшить, чтобы понять настоящій смыслъ приведеннаго мѣста изъ лѣтописи.

Несторъ, говоря о Полянахъ, вслѣдъ за вышеприведенными

словами (1), разсказываетъ о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ; это даетъ намъ возможность на дѣлѣ прослѣдить и повѣрить слова Нестора о Поляпахъ. Кій, Щекъ и Хоривъ — три брата: одинъ ли это родъ? Конечно, если сколько нибудь есть родовое устройство. Что же мы видимъ? Что всѣ трое жили особо, на своихъ мѣстахъ. Кій живетъ на горѣ, гдѣ увозъ Боричевъ, Щекъ на другой горѣ, Щековицѣ, а Хоривъ на третьей, Хоревицѣ. И такъ каждый братъ составляль особый родъ, но возможно ли это при родовомъ устройствѣ? Три брата не могли быть тремя родоначальниками и раздѣлить родъ на трое, ибо родовое устройство такого дѣлежа не допускаетъ. Если же у каждаго изъ нихъ могъ быть свой родъ, ибо они жили особо другъ отъ друга, то это можно объяснить не иначе, какъ тѣмъ, что родъ былъ *семья*. Правда, говорится, что три брата построили *градъ* (крѣпость, острогъ) во имя старшаго брата, но такое общее дѣло могли сдѣлать даже и отдѣльные роды; мы знаемъ несомнѣнно, что у Славянъ какъ мы объяснили ихъ бытъ) составлялись общественные союзы. Во всякомъ случаѣ, могла ли крѣпость обнимать всѣ три мѣста трехъ братьевъ? да и какъ бы то ни было, слова Нестора прямо показываютъ, что всѣ три брата жили особо другъ отъ друга. Несторъ опровергаетъ мнѣніе, что Кій былъ перевощикъ и объясняетъ тѣмъ, что такъ какъ у Кія былъ перевозъ съ той стороны Днѣпра, то и говорили «на Кіевъ перевозъ». Между тѣмъ ошибка, которую опровергаетъ Несторъ, доказываетъ, что глава рода не имѣлъ такого замѣчательнаго значенія (которое въ преданіи обыкновенно выростаетъ). Если же глава рода не былъ такъ важенъ, то значитъ, что самъ родъ не былъ замѣтнымъ, крупнымъ явленіемъ. Несторъ говоритъ далѣе, что еслибъ Кій былъ перевощикъ, то онъ бы не ходилъ къ Царю-граду, «но сей Кій княжаше въ родѣ своемъ» (2). Что значитъ: «княжаше въ родѣ своемъ»? Значитъ ли, что былъ старѣйшимъ въ родѣ своемъ (чѣмъ бы родъ ни былъ), или же, напротивъ, что онъ въ своемъ роду первый, изъ своего рода первый, сталъ княжить, былъ княземъ? На второе объясненіе наводятъ насъ слѣдующія слова: «и по сихъ братьи держати начаша родъ ихъ княженье въ По-

(1) Тамъ же, стр. 4.
(2) Тамъ же, стр. 4.

ляхъ» (1). Можно ли предположить, что родъ, уже образовавшійся и конечно имѣвшій численное значеніе, родъ (въ родовомъ значеніи, какъ понимаютъ оный наши послѣдователи Эверса), надъ которымъ княжилъ Кій, сдѣлался самъ княжащимъ родомъ надъ Полянами? — Надо предположить другое. Вспомнимъ, что Несторъ говоритъ, что родъ трехъ братьевъ сталъ держать княженье въ Полянахъ. Перваго князя онъ не называетъ, но упоминаетъ о трехъ братьяхъ, говоритъ, что послѣ нихъ родъ ихъ началъ княжить (а прежде, слѣдовательно, этого не было), и говоритъ о Кіѣ, что онъ княжилъ. Это даетъ право заключить, что первымъ княземъ былъ Кій, и послѣ него стали княжить потомки (династія) трехъ братьевъ; родъ здѣсь очевидно значитъ потомки, или дѣти въ обширномъ смыслѣ. При всемъ вышесказанномъ, объясненіе наше словъ: «княжаше въ родѣ своемъ» становится понятно. И такъ повѣствованіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ говоритъ противъ родоваго быта.

Кромѣ того, надобно замѣтить (обстоятельство очень важное), что вышеприведенный образъ жизни особыми родами Несторъ приписываетъ *однимъ* Полянамъ. Несторъ *три раза* повторяетъ: «*Поляномъ же живущемъ особь*» (2). И потомъ, описывая обычаи Славянскихъ народовъ, онъ говоритъ объ однихъ Полянахъ, что у нихъ были обычаи кротки и что у нихъ *однихъ* былъ *бракъ* (3), —и, слѣдовательно, семья.—Теперь понятно, почему онъ именно объ нихъ однихъ говоритъ, что они жили *родами*, отдѣльно, то есть *семьями*,—ибо у нихъ былъ бракъ. Мы знаемъ изъ древнихъ свидѣтельствъ (см. выше), что Славяне жили въ избахъ далеко другъ отъ друга; а въ избѣ, какъ выше было замѣчено, трудно было помѣститься роду; она могла помѣщать только извѣстное небольшое количество, а родъ могъ быть многочисленъ. Свидѣтельство Нестора вполнѣ согласуется съ этимъ древнимъ свидѣтельствомъ и, сверхъ того, объясняетъ оное. Теперь припомнимъ еще всѣ вышеприведенныя доказательства о существованіи и значеніи семьи у Славянъ, и намъ станетъ ясно и несомнѣнно, что родъ здѣсь у Нестора имѣетъ значеніе семьи.

(1) Тамъ же, стр. 5.
(2) Тамъ же, стр. 3, 4, 5.
(3) Тамъ же, стр. 6.

Сверхъ того, лѣтопись Нестора южно-Русская, и въ ней много встрѣчается, и до сихъ поръ сохранившихся въ Малороссіи, южно-Русскихъ выраженій,—а въ Малороссіи и теперь родъ имѣетъ значеніе семьи. Малороссъ, говоря про свою семью, скажетъ: *се мій родъ*.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что *родъ* въ вышеприведенномъ мѣстѣ лѣтописи имѣетъ значеніе *семьи*; онъ упоминается только у Полянъ, у которыхъ однихъ былъ *бракъ* и, слѣдовательно, *семья* (1).

Вотъ, по нашему мнѣнію, понятное объясненіе вышеприведеннаго мѣста изъ лѣтописи Нестора, которое принимаютъ за одно изъ главныхъ основаній защитники родоваго быта.

Здѣсь кстати будетъ взглянуть вообще на значеніе, которое имѣетъ у насъ слово *родъ*. Слово всякое неопредѣленно, не имѣетъ какого-нибудь одного такого смысла, который бы рѣзко и ограниченно ему принадлежалъ; оно не какая нибудь по мѣркѣ сдѣланная форма. Имѣя основное значеніе, оно въ то же время отливаетъ многими оттѣнками. Слово родъ 1) первоначально значитъ *рожденіе*, дѣтей и оттуда семью, ибо семья стала основною особенностію жизни Славянина, и потому частное, спеціальное значеніе рода—семья; 2) означая рожденіе, родъ берется и въ неопредѣленномъ смыслѣ *происхожденія*, означаетъ и предковъ и потомковъ. Происхожденіе это понимается иногда въ обширномъ смыслѣ и расширяется до значенія народа,—иногда въ тѣсномъ и значитъ родство: и тамъ и здѣсь означается единство происхожденія. Такое значеніе можно, если угодно, назвать генеалогическимъ (хотя и это названіе будетъ не вѣрнымъ, ибо единство происхожденія еще не родословіе), но не родовымъ: это вовсе не одно и то же. Въ рыцарствѣ играло большую роль значеніе генеалогическое, а никто не назоветъ рыцарство бытомъ родовымъ.

Вотъ два значенія, которыя имѣетъ у насъ слово родъ. Но никогда родъ не значитъ совокупность родичей, какъ нѣчто цѣлое, совокупность современную (то есть совокупность живыхъ родичей),—тотъ смыслъ, напримѣръ, который мы понимаемъ подъ словомъ *колѣно*.

---

(1) Мы не входимъ въ изслѣдованіе, былъ ли этотъ бытъ и у другихъ племенъ, и въ какой степени; нужно для насъ извѣстіе, сообщаемое лѣтописцемъ, и самый взглядъ его.

Примѣръ перваго значенія мы сейчасъ видѣли. Въ этомъ же значеніи могло быть употреблено слово родъ въ выраженіи: «и избрашася три братья съ роды своими» (1). Невозможно вообразить, чтобы эти три брата были три родоначальника. Во всякомъ случаѣ, при родовомъ бытѣ, не могли бы быть они родоначальниками всѣ трое. Нельзя предположить, чтобъ у каждаго былъ свой родъ, ему подчиненный; это невозможно, ибо это были братья, слѣдовательно родъ у нихъ былъ одинъ. Раздѣлять же родъ, какъ наслѣдство, на три части — этого не допускаетъ родовое устройство. Что же остается предположить? Множественное, которое здѣсь очень важно, прямо указываетъ, что родъ былъ у каждаго; этотъ родъ (личное потомство) могъ быть только *семья*, которая и можетъ быть своя у каждаго изъ братьевъ. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь родъ употребленъ и во второмъ значеніи, то есть: единородцы, принадлежащіе по происхожденію одному народу. Но въ значеніи рода, соотвѣтствующемъ понятію о родовомъ бытѣ, принимать слово «родъ» здѣсь нельзя. Такъ не принимаетъ даже и г. Соловьевъ, который понимаетъ здѣсь родъ во второмъ значеніи (единородцы). Въ примѣръ перваго или опять, пожалуй, втораго значенія можно привести мѣсто изъ лѣтописи, гдѣ Святославъ беретъ дань и на убитыхъ, говоря: «Яко родъ его возметь» (2). Въ примѣръ перваго значенія можно также привести выраженіе: «и вста родъ на родъ» (3), то есть встала семья на семью, *братъ на брата*, какъ говоримъ мы и теперь, или, пожалуй, *родные* на *родныя*.—Объясненіе очень понятное. Нѣтъ никакого основанія (особенно если сообразимъ всѣ указанія) и никакой нужды принимать здѣсь родъ въ патріархальномъ значеніи (какъ думаютъ послѣдователи Эверса), въ значеніи колѣна.

Въ примѣръ втораго значенія можемъ привести выраженіе: «отъ рода Вяряжска» (4): происхожденіе въ обширномъ смыслѣ—народное; «Рюрикъ предастъ княженье свое Ольгови, отъ рода ему суще» (5): происхожденіе въ тѣсномъ смыслѣ—родственное и, вѣроятно, близкое; Аскольдъ и Диръ идутъ на югъ также «съ

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I. стр. 8.
(2) Тамъ же, Т. I, стр. 30.
(3) Тамъ же, стр. 8.
(4) Тамъ же, стр. 9.
(5) Тамъ же, стр. 9.

родомъ своимъ» (1) (съ родными или роднею).—Кіевляне говорятъ Аскольду и Диру о трехъ братьяхъ: Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, и прибавляютъ: «и мы сѣдимъ, платяче дань родомъ ихъ Казаромъ» (2), то есть: съ родомъ ихъ (трехъ братьевъ), или посредствомъ ихъ рода.—Родоваго устройства здѣсь опять принимать нельзя, ибо Кіевляне явно исключаютъ себя изъ рода трехъ братьевъ. Здѣсь родъ очевидно значитъ: потомство, княжую династію (см. выше). Олегъ, приплывъ въ Кіевъ, велитъ сказать Аскольду и Диру, что онъ гость, идетъ отъ Олега и отъ княжича Игоря (то-есть гость Варяжскій) и прибавляетъ: «да придѣта къ намъ, къ родомъ своимъ» (3). Здѣсь родъ ясно употребленъ въ смыслѣ единородства, единоплеменности. Какъ бы въ полное опроверженіе понятіямъ о родовомъ бытѣ, здѣсь не сказано: къ роду своему, а къ своимъ родамъ (единородцамъ). Когда Аскольдъ и Дирь явились, Олегъ имъ говоритъ: «Вы нѣста князя, ни роду княжа, но азъ есмь роду княжа» (4). Здѣсь слово родъ употребляется въ смыслѣ происхожденія.

Мы, думаемъ, достаточно привели примѣровъ употребленія слова «родъ» въ двухъ означенныхъ нами значеніяхъ. Повторяемъ, что въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родоваго быта, предполагаемаго послѣдователями Эверса, или, другими словами, въ значеніи *колѣна*, слово «родъ» не употребляется.

Въ подтвержденіе того, что родъ имѣлъ у насъ значеніе семьи, приведемъ доказательство изъ Русскаго языка. Мы говоримъ: *двоюродный братъ*. Что значитъ: *двоюродный?* Здѣсь мы легко открываемъ двойное число: *двою роду*, то-есть: *двухъ родовъ:* и такъ двоюродный братъ значитъ братъ *двухъ родовъ*, то-есть *двухъ семей*. Братъ родной значитъ братъ одной семьи, односемейный; братъ двоюродный — братъ двухъ семей, дву-семейный,—что такъ и есть. Впрочемъ о значеніи этого слова мы поговоримъ еще ниже, подробнѣе.

Г. Соловьевъ въ старцахъ, нѣсколько разъ упоминаемыхъ въ началѣ Несторовой лѣтописи, видитъ родоначальниковъ или кня-

(1) Тамъ же, стр. 9.
(2) Тамъ же, стр. 9.
(3) Тамъ же, стр. 10.
(4) Тамъ же, стр. 10.

зей. «По всѣмъ вѣроятностямъ, говоритъ онъ, сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но старцы, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ и являются вѣча общенародныя: знакъ ослабленія родоваго быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ разсказъ лѣтописца о Бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при св. Владимірѣ по случаю осады Бѣлгорода Печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ и когда узналъ объ его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые *одни имьютъ власть перемьнять рѣшеніе вьча, не созывая новаго*» (1).

Здѣсь явное противорѣчіе. Если старцы одни участвуютъ на вѣчахъ, то нѣтъ ничего особеннаго и удивительнаго, что они перемѣняютъ свое же собственное рѣшеніе. Какого вѣча имъ созывать, когда они одни на немъ участвуютъ и они опять собрались? Если принять послѣднія слова г. Соловьева, то, по смыслу ихъ, мы должны предположить, что на вѣчѣ участвовали и другіе, слѣдовательно не одни старцы, что прямо противорѣчитъ первымъ его словамъ. Приходится принять либо то, либо другое. Но оставимъ г. Соловьеву самому разрѣшить противорѣчіе; обратимся къ примѣру, которымъ онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе. На вѣчѣ, при описаніи котораго лѣтопись ни слова не говоритъ о старцахъ (2), рѣшено было сдаться. Одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, спросилъ, чего ради было вѣче (створиша вѣче *людье* (3), въ спискѣ Ипатьевскомъ), узналъ его рѣшеніе, послалъ за градскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ не *перемѣнить рѣшеніе*

(1) Арх. Ист. юр. св. стр. 19—20.

(2) Что старцы могли быть на вѣчѣ, въ этомъ нѣтъ никакого спора, но на нихъ лѣтопись не указываетъ, не выдвигаетъ ихъ впередъ, не придаетъ имъ значенія и даже не упоминаетъ при описаніи вѣча.

(3) Полн. Собр. Русск. лѣт., стр. 55.

вѣча, какъ говоритъ г. Соловьевъ, а *отложить исполненіе на три дня* (1). Это совершенно измѣняетъ дѣло; это, такъ сказать, мѣра административная, а не законодательная. Да и почему знаемъ мы, что вѣче рѣшило сдаться немедленно? оно могло и вовсе не опредѣлять срока. Потомъ, въ странѣ, какова Русь, гдѣ формальности не было почти вовсе, если бы, послѣ рѣшенія вѣча, кто бы ни было придумалъ полезный совѣтъ, измѣняющій рѣшеніе вѣча, и совѣтъ этотъ сдѣлался бы извѣстенъ, то народъ, нашедши его полезнымъ, согласился бы съ нимъ, не требуя созванія новаго вѣча, соблюденія одной формы. Если народъ, имѣющій голосъ, узнавъ объ измѣненіи, допуститъ оное, то это значитъ, что онъ его одобряетъ. Примѣръ Бѣлгородскаго вѣча очевидно не подкрѣпляетъ г. Соловьева, но противорѣчитъ ему, выставляя старцевъ вовсе не тѣмъ, что онъ предполагаетъ: въ Ипатьевскомъ спискѣ (который весьма уважается) именно сказано *людье*, что, какъ извѣстно, употребляется въ лѣтописи въ смыслѣ народа. На чемъ же основываетъ г. Соловьевъ мнѣніе свое, что одни старцы прежде участвовали на *вѣчахъ?* Неизвѣстно, — по крайней мѣрѣ мы рѣшительно этого не знаемъ. Онъ говоритъ, что старцы призывались на совѣтъ, что они участвовали въ важныхъ рѣшеніяхъ: это правда. Есть мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится, что, когда Владиміръ сталъ приносить жертвы кумирамъ, старцы и бояре сказали: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицю» (2).—Владиміръ созываетъ старцевъ и бояръ для совѣта о Вѣрѣ, созываетъ ихъ опять, когда возвращаются посланные для испытанія Вѣры. Но развѣ это вѣче? — Князь созываетъ *своихъ совѣтниковъ:* похоже ли это на народное совѣщаніе? Мы совершенно согласны, что были старѣйшины въ городѣ, или въ народѣ,—это можетъ быть при самомъ демократическомъ устройствѣ,—что старцы пользовались уваженіемъ къ своимъ лѣтамъ: это бываетъ всегда и вездѣ; для этого не нужно родоваго быта. Но чтобы старѣйшины или старцы *одни* участвовали въ рѣшеніяхъ на вѣчѣ, чтобы они имѣли права или вѣсъ, кромѣ простаго уваженія, или же не какъ обыкновенные старосты, а какіе-то родоначальники: откуда это слѣдуетъ, этого мы *рѣшительно не*

(1) Тамъ же, стр. 54, 55.
(2) Тамъ же, стр. 35.

видимъ. Напротивъ того, участіе и значеніе старцевъ даже слишкомъ маловажно. Рѣшенія старцевъ не самостоятельны, не важны, да и рѣшеній этихъ такъ не много.—Не старцы призываютъ Рюрика, не старцы шлютъ пословъ къ Ольгѣ; мы не говоримъ уже о болѣе позднѣйшихъ проявленіяхъ народной воли, которыя и г. Соловьевъ считаетъ народными, начиная съ вѣча, созваннаго Ярославомъ. Для поясненія отношеній старцевъ, обратимся къ современному Русскому народу, къ крестьянскому быту. У нашихъ крестьянъ есть общая сходка, и сходка стариковъ. Общая сходка собирается въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ, другая въ дѣлахъ менѣе важныхъ (преимущественно по разбору жалобъ и т. п.). Эти *старики* (такъ они называются) и эта общая сходка могутъ имѣть соотвѣтствіе съ старцами и вѣчемъ. Старцы *созываются* обыкновенно княземъ. Сходка стариковъ тоже *созывается* помѣщикомъ или кѣмъ бы то ни было (даже и самими крестьянами, если имъ будетъ угодно); общая сходка можетъ быть созвана, можетъ и *сама* собраться въ какихъ нибудь случаяхъ для рѣшенія; но *невозможно*, чтобы *сами* собрались старики и объявили свое рѣшеніе всѣмъ остальнымъ.

Г. Соловьевъ думаетъ, что старцы потомъ исчезаютъ. Но, по нашему мнѣнію, старцы не исчезаютъ. Вспомнимъ, какъ выражается Владиміръ, когда, созвавъ бояръ и старцевъ, онъ велитъ посланнымъ въ Грецію говорить передъ ними: «скажите предъ дружиною» (1). Здѣсь старцы вмѣстѣ съ боярами называются дружиною. Дружина не исчезла и позднѣе; а что дружина, и кромѣ приведеннаго мѣста, часто имѣетъ смыслъ не войска и не военнаго, а гражданскаго совѣта,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, съ этимъ не станетъ спорить и г. Соловьевъ. — Замѣтимъ, что старцы всегда созываются княземъ, созываются вмѣстѣ съ боярами, и, какъ мы видѣли выше, вмѣстѣ съ ними называются и дружиною. Старцы или старѣйшины—совѣтники княжіе—стали, мало по малу, и княжими людьми и слились съ боярами. Мы говорили о томъ неважномъ значеніи народномъ, которое имѣли старцы: тѣмъ легче могло произойти это слитіе; оно не важно было для народа, котораго общественная жизнь выражалась (какъ потомъ это ярко видно) не въ старшинахъ, а во

(1) Тамъ же, стр. 16.

всемъ народѣ, имѣвшемъ равное право на совѣщаніе. Дружина князя, сперва неопредѣленная, получила постоянный смыслъ, собственно съ княземъ связанный, и наконецъ явилась Боярская Дума, поглотившая древній совѣтъ бояръ и старцевъ, или совѣтъ дружины; въ соотвѣтствіе съ нею, какъ общее народное, Русское или, лучше, Всерусское вѣче, явилась Дума Земская, или земскій соборъ, поглощавшій, въ минуту своего собранія, бояръ и всѣхъ служилыхъ людей.

Теперь надобно намъ обратиться къ Русской Правдѣ и посмотрѣть, что говоритъ она.

Въ Русской Правдѣ опредѣляется месть родственная. Мстить долженъ или братъ, или отецъ, или сынъ, или племянникъ съ братниной и сестриной стороны (1): вотъ всѣ родовые мстители; за этимъ въ Русской Правдѣ говорится: «ожели не будетъ кто его мъстя, то положити за голову и гривенъ, аче будетъ княжь моужь и пр.» (2). И такъ больше мстить было некому. Здѣсь ясно означены предѣлы семьи, а не рода. Если племянникъ и не въ семьѣ, то это ближайшій къ ней изъ другой семьи. Г. Поповъ, въ разсужденіи своемъ о Русской Правдѣ, замѣтилъ, что право или обычай мщенія принадлежалъ только семьѣ и обозначалъ ея предѣлы. Это очевидно, но почему даровитый авторъ не останавливается на этомъ, не принимаетъ дѣла, какъ оно есть, а предполагаетъ, что родъ, существовавшій прежде, былъ ограниченъ этимъ постановленіемъ до семьи? На чемъ основываетъ онъ, что было прежде *родовое* мщеніе и родовой бытъ? (3) — этого онъ не доказываетъ. Свидѣтельство Русской Правды прямо противорѣчитъ родовому быту.

Въ Русской Правдѣ есть также ясное свидѣтельство о наслѣдствѣ, совершенно согласное съ выводами о наслѣдствѣ, нами сдѣланными (см. выше объ изслѣдованіи Губе). По Русской Правдѣ наслѣдство смерда (гражданина, человѣка земскаго), какъ *скоро у него пять дѣтей, переходитъ къ князю, считается, слѣдовательно, вымороченымъ; если пять сыновей, а есть дочери, то дочерямъ незамужнимъ выдается часть.* Наслѣдство послѣ бо-

(1) Русскія Достоп. ч. 1, стр. 28.
(2) Тамъ же, стр. 28.
(3) О Русской Правдѣ, разсужд. Ал. Попова, стр. 37—38.

ярина, сказано въ Русской Правдѣ, князю нейдетъ, но если не будетъ сыновей, то возьмутъ дочери. Очевидно, что здѣсь слова: «за князя задница (наслѣдство) нейдетъ», относятся только къ послѣднему случаю, то-есть когда есть дочери, — чѣмъ наслѣдство боярина разнится отъ наслѣдства смерда. Слѣдовательно, здѣсь видимъ только, что наслѣдство боярина, въ противоположность наслѣдству смерда, нейдетъ за князя и тогда, когда нѣтъ сыновей, а есть одинѣ дочери. И такъ, вся разница въ пользу дочерей, и наслѣдство остается въ предѣлахъ только семьи, дѣтей, при отсутствіи которыхъ идетъ за князя, считается выморочнымъ.

Свидѣтельство Русской Правды, на основаніи которой имѣніе, при отсутствіи дѣтей, считается выморочнымъ, — согласуясь съ другими подобными свидѣтельствами у Славянскихъ народовъ, ясно указываетъ на семью и опровергаетъ родовой бытъ.

Мы говорили уже (см. выше) о томъ, что участіе въ наслѣдствѣ другихъ родственниковъ, кромѣ дѣтей, образовалось у Славянъ позднѣе, вслѣдствіе распоряженій правительства. Такимъ образомъ права рода, въ этомъ случаѣ, суть явленіе позднѣйшее и правительственное; прежде ихъ не существовало. Это совершенно обратно относится къ предположеніямъ гг. послѣдователей Эверса. То же самое видимъ и въ Россіи. Въ Судебникѣ Іоанна III сказано прямо: «если кто умретъ безъ духовной, и сына у него не будетъ, то возметъ дочь; если дочери не будетъ, то *ближній отъ его роду*» (1). Здѣсь родъ употребленъ опять въ тѣсномъ значеніи, ибо здѣсь разумѣется ближній къ роду того, чье имущество. Остальные случаи употребленія слова «родъ» въ Судебникѣ — даютъ намъ право такъ понимать и здѣсь это слово. Дополнительныя статьи къ Судебнику Іоанна IV входятъ въ нѣкоторыя подробности о наслѣдствѣ, различая древнія вотчины служилыхъ князей и бояръ отъ вотчинъ жалованныхъ. — Распространяться объ этомъ мы не имѣемъ причины; выпишемъ любопытное для насъ употребленіе слова родъ: «А который князь вотчину свою напишетъ брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего роднаго брата сыну, или *которому своему ближнему роду*, опричь тѣхъ, какъ *кому мочно межъ собою женитися*» (2). Выраженіе,

(1) А. И. Т. I, стр. 155.
(2) А. И. Т. I, стр. 268, 269.

здѣсь употребляемое, показываетъ, что у человѣка могъ быть *ближній родъ;* если самые роды были родственны, то родъ опять не представлялъ совокупность родичей, ибо роды отдѣлялись одинъ отъ другаго внутри предѣловъ родства; здѣсь родъ употребленъ въ смыслѣ родственной семьи, пожалуй съ ея потомствомъ, какъ естественнымъ слѣдствіемъ семьи; съ дальнѣйшимъ потомствомъ прекращалось и вовсе всякое родство.

И такъ родовыя права на наслѣдство были даны у насъ, какъ и у другихъ Славянъ, въ позднѣйшемъ времени, и даны Правительствомъ (1).

---

(1) Г. Неполинъ въ своемъ, заслуживающемъ всеобщей благодарности, сочиненіи не могъ не замѣтить явственнаго свидѣтельства Русской Правды о наслѣдствѣ, противорѣчащаго рѣшительно всякому родовому устройству. Но какіе же результаты выводитъ авторъ? Онъ говоритъ: „Это предпочтеніе выходящихъ боковымъ родственникамъ и совершенное исключеніе послѣднихъ отъ участія въ наслѣдствѣ были связаны одно съ другимъ: новый порядокъ наслѣдованія могъ на первый разъ не иначе явиться, какъ въ совершенной противоположности съ прежнимъ“ (И. Р. Г. З. т. 3, стр. 351). Если порядокъ наслѣдованія по Русской Правдѣ г. Неполинъ называетъ новымъ, то какой же былъ прежній? Кажется, что г. авторъ предполагаетъ въ древности родовое устройство. — Исчисливъ порядокъ мстителей въ Русской Правдѣ, г. авторъ говоритъ: „порядокъ исчисленія мстителей у Ярослава есть порядокъ родоваго старшинства лицъ“ (стр. 345). Странно. По этому старше всѣхъ братъ, потомъ сынъ, потомъ отецъ (!). Можно ли это допустить, въ какомъ родовомъ быту отецъ по старшинству займетъ не только не первое, но даже третье мѣсто? Потомъ, предполагая, что поименованныя лица могли и не жить вмѣстѣ (что совершенно такъ), г. авторъ прибавляетъ: „Слѣдовательно, уже во время Ярослава члены рода не жили по общему правилу, совокупно“ (стр. 345). Слѣдовательно, прежде Ярослава это было; изъ этихъ словъ видимъ, что авторъ предполагаетъ въ древности у Русскихъ Славянъ родовое устройство; но на чемъ основывается такое предположеніе? На это авторъ не даетъ объясненія. — Авторъ думаетъ, что лица наслѣдовали въ томъ порядкѣ, въ какомъ они исчислены, какъ мстители; но тогда бы отецъ наслѣдовалъ сыну, и опять въ третьихъ. Это, по нашему мнѣнію, не имѣетъ доказательствъ и противорѣчитъ совершенно Славянскому устройству, гдѣ было вначалѣ общее семейное владѣніе и гдѣ по этому вопросъ получаетъ другое значеніе. Ниже авторъ, разсматривая наслѣдство въ пространной Русской Правдѣ, говоритъ. „Въ видѣ общаго правила преимущество выходящихъ предъ боковыми родственниками могло быть признано въ законахъ только тогда, когда союзъ родовой глубоко потрясенъ былъ разными событіями. Кажется, потрясеніе его (родоваго союза) въ жизни частной и потрясеніе въ жизни общественной послѣдовали въ одно и то же время, въ періодъ междоусобій, обуревавшихъ Русскія земли по смерти Ярослава до нашествія Монголовъ“ (351—352). Но почему именно тогда и почему былъ онъ прежде? Авторъ самъ ниже говоритъ: „Если по пространной Русской Правдѣ къ законному наслѣдству дѣйствительно призываются только дѣти умершаго, съ исключеніемъ его братьевъ, то надобно полагать, что, въ промежуткѣ времени между изданіемъ простран-

Замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти, найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ. Неужели можно сдѣлать такое предположеніе, что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ Русской земли? Несообразность такого предположенія очевидна. Сверхъ того, мы видѣли, что и до Рюрика, *искони*, не было у Славянъ родоваго устройства. Еще замѣчательнѣе то, что Русская земля была совершенно равнодушна къ родовымъ правамъ князей, какъ видно ни-мало не сочувствуя родовымъ вопросамъ. Нигдѣ не видать, чтобы города заступались за старшаго, или за права своего князя. Они заступаются за князя, или прогоняютъ его, смотря по своимъ къ нему отношеніямъ, смотря потому, любятъ ли они его, хорошъ ли онъ для нихъ, и безопаснѣе ли и выгоднѣе ли будетъ для ихъ общественной жизни съ нимъ или безъ него. Такое отсутствіе сочувствія къ родовому вопросу, столь близко до народа касающемуся, показываетъ полное отсутствіе родоваго начала въ народѣ.

Г. Соловьевъ видитъ родовое начало въ народѣ, считаетъ его туземнымъ. Въ дружинѣ княжой видитъ онъ уже другое начало, освобождающееся отъ начала родоваго. Дружина образовывалась и возобновлялась пришельцами. Г. Соловьевъ говоритъ такъ объ ней: «эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому» (1). Какимъ же образомъ мѣстничество, — въ которомъ (хотя едва ли справедливо) находятъ слѣдъ родоваго начала, но въ которомъ есть хотя начало родословное, — мѣстничество было именно только у бояръ, у потомковъ дружины, наслѣдниковъ ея духа и устройства, наконецъ у людей служилыхъ, *государевыхъ*, а земля, народъ, все, что внѣ

ной Русской Правды и изданіемъ судебника Іоанномъ III, право законнаго наслѣдованія распространено было и на боковыхъ родственниковъ" (355—356). И такъ вотъ когда и какъ были утверждены родовыя права. Въ этихъ словахъ почтеннаго автора есть нѣкоторое противорѣчіе съ предыдущими его словами. Впрочемъ во 2 томѣ своего сочиненія почтенный авторъ, кажется, отвергаетъ родовой бытъ въ древности; но въ дальнѣйшія объясненія мы теперь не входимъ, ибо для этого нужно было бы посвятить особую статью на разборъ цѣлой книги.

(1) Архивъ ист. юрид. св. Отд. I, стр. 17.

дружины, его и не знали? — Это обстоятельство также говоритъ сильно противъ мнѣнія гг. защитниковъ родоваго быта.

И такъ есть два явленія, гдѣ сколько нибудь (хотя не въ томъ видѣ, какъ желаютъ гг. послѣдователи Эверса) можно отыскать слѣды родоваго начала. Это родъ Рюриковъ, съ его спорами о правахъ, и мѣстничество. И оба явленія — не туземныя, по крайней мѣрѣ въ основаніи: родъ Рюриковъ — призванный; мѣстничество было у людей, наслѣдниковъ княжой дружины, пополнявшейся пришлецами. — И въ обоихъ явленіяхъ земля или народъ (настоящіе туземцы) не принималъ никакого участія.

Оставивши въ сторонѣ доказательства историческія, обратимся къ обычаю и языку.

Новобрачныхъ называютъ у насъ и до сихъ поръ: князь и княгиня. Г. Соловьевъ видитъ въ этомъ доказательство своей мысли, «потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода» (1) (какъ будто домовладыка и родоначальникъ — одно и то же). Если есть родовое устройство, то новая семья, являющаяся въ роду, не можетъ быть новымъ родомъ, и молодые супруги — родоначальники; иначе каждая новая семья отдѣлялась бы отъ рода и составляла особый родъ, а молодымъ пришлось бы быть родоначальниками будущихъ родоначальниковъ, ибо дѣти ихъ также могутъ вступить въ брачный союзъ, дававшій наименованіе князя и княгини. Если же это такъ, если всякая семья есть новый родъ, то гдѣ же родъ самый, какъ понимаютъ его гг. защитники родоваго быта? — Его нѣтъ: предъ нами отдѣльныя семьи, каждая сама по себѣ. — И такъ наименованіе новобрачныхъ княземъ и княгиней, чтобы оно ни значило, очень явственно противорѣчитъ мнѣнію о родовомъ бытѣ....

Извѣстенъ, и доселѣ въ полной силѣ существующій, обычай въ Россіи всякого называть отчествомъ, именемъ отца; это видимъ и въ глубокой древности. Но въ то же время, при необходимости названія по отцу, мы рѣшительно не видимъ въ древности названія по *роду:* родовыхъ прозвищъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ и теперь у народа, у крестьянъ, сохранившихъ древній свой бытъ. —Исключенія чрезвычайно рѣдки и легко объясняются вліяніемъ

(1) Арх. ист. юр. св. Отд. I, стр. 17.

такъ называемыхъ образованныхъ классовъ. У крестьянъ есть личныя прозвища, — ихъ видимъ и въ древности, — и только. Необходимость названія по отцу и отсутствіе названія по роду рѣшительно указываютъ, съ одной стороны, на силу начала и быта семейнаго, съ другой — на отсутствіе начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быта родоваго.

Русскій народъ, такъ богато обставившій словами всѣ отношенія семейныя (дѣверь, золовка, невѣстка, шуринъ и проч.), не имѣетъ слова для grand oncle или petit neveu.—Здѣсь, какъ видно, для него уже кончались предѣлы родства. Вмѣсто cousin употребляетъ народъ составное слово: *братъ двоюродный*, то-есть: двухъ родовъ (выше мы объясняли это). Чтобы опредѣлить односемейнаго брата, говоритъ онъ: *братъ родной;* это было бы очень недостаточно, еслибъ слово родной имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это значитъ: братъ семьи, то-есть, одной семьи (одного рода). Это объясняется выраженіемъ: братъ двоюродный, братъ двухъ родовъ, двухъ семей. А *родня?* — скажутъ намъ. Родня означаетъ единство происхожденія; кромѣ того, слово это могло означать родство семейное. — Но мы употребляемъ слово родня въ болѣе обширномъ смыслѣ? — Да; но это употребляемъ мы, классы переобразованные, — это ужъ наше дѣло, — и все-таки родня не имѣетъ у насъ значенія, придаваемаго роду послѣдователями Эверса. Родство означаетъ у насъ родственныя связи, которыя всегда и вездѣ имѣютъ мѣсто. О самомъ словѣ родъ надобно сказать, что въ современномъ языкѣ нашего переобразованнаго общества родъ употребляется въ болѣе обширномъ и вмѣстѣ неопредѣленномъ, генеалогическомъ смыслѣ, но даже и здѣсь не значитъ онъ совокупности родичей, не значитъ *колѣна:* это патріархальное значеніе придано ему нашими учеными. Родовыя понятія, если они есть у насъ (въ нашемъ переобразованномъ обществѣ)—явленіе позднѣйшее. Выше мы указали на участіе правительства въ этомъ дѣлѣ.

Выраженія: *въ родъ и родъ* и *въ роды и роды, изъ рода въ родъ* — опять противорѣчатъ взгляду гг. послѣдователей Эверса. Эти выраженія показываютъ рядъ семей, и такъ какъ здѣсь говорится вообще, то родъ и принимается въ смыслѣ поколѣнія (генераціи).

Г. Соловьевъ думаетъ, что слово племя употреблялось для означенія родовыхъ линій (1). И такъ, племя есть подраздѣленіе рода, относится къ роду, какъ часть къ цѣлому, какъ нѣчто къ болѣе широкому; ибо г. Соловьевъ говоритъ: «Единство рода, связь *племенъ* поддерживалась единымъ родоначальникомъ» (2). Слѣдовательно родоначальникъ былъ начальникъ одного рода и нѣсколькихъ племенъ.—Но мы не можемъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ племени. По крайней мѣрѣ употребленія словъ рода и племени показываютъ, что, напротивъ, родъ имѣлъ значеніе болѣе тѣсное, а племя болѣе широкое. Самое выраженіе: *родъ — племя, ни роду — ни племени* — показываетъ это. Если бы *племя* было часть рода, — то, сказавши, что нѣтъ роду, вовсе не было нужды прибавлять, что нѣтъ племени. Слѣдовательно племя понимается въ обширнѣйшемъ значеніи, и въ выраженіи: *ни роду — ни племени*, это такъ ощутительно, что всякій Русскій иначе и не пойметъ; другими словами, выраженіе это значитъ: не только нѣтъ роду, но и племени. — Это еще видиѣе въ постановленіяхъ церковныхъ о бракѣ: «ни въ роду, ни въ племяни» (3), и въ вѣнечныхъ памятяхъ также: «и ты бъ про нихъ обыскалъ, чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ», или же: «чтобъ ни въ роду, ни въ племени, ни въ крестномъ братствѣ, ни третьимъ бракомъ» (4). — Здѣсь ясно видно, что если бы племя имѣло болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ родъ (а оно, по мнѣнію г. Соловьева, есть отдѣлъ рода) , то не нужно было бы его и упоминать; достаточно было сказать: «въ роду»; но здѣсь упомянутъ родъ и сверхъ того упомянуто, *послѣ* рода, племя. Очевидно, что оно имѣло болѣе широкое значеніе: поэтому запрещалось жениться не только въ роду, но и въ племени. Гдѣ же оканчивался родъ?—Тамъ, гдѣ начиналось племя; а племя начиналось близко: дѣти брата или сестры уже были *племянниками* . Въ Русскихъ пѣсняхъ тетка называетъ племянницу: ты послушай, мое племечко (5). Итакъ это слово «племя»

---

(1) Ист. Росс. Сергѣя Соловьева, стр. 46
(2) Тамъ же, стр. 46.
(3) А. И. Т. I. стр. 274.
(4) А. Юр. стр. 425.
(5) Бытъ Русск. Нар. Терещенки, ч. II, стр. 176.

опредѣляетъ границы рода, границы семейныя, въ отношеніи ихъ къ другому родственному роду, какъ къ родственной семьѣ. — Особеннаго родоваго какого нибудь значенія племя у насъ не имѣетъ, и самое слово встрѣчается не часто, такъ что не на немъ основано зданіе родоваго быта нашими учеными.

Мы полагаемъ (на основаніи вышеприведенныхъ доказательствъ), что *родъ* въ собственномъ, опредѣленномъ значеніи значитъ *семью*. Какое же значеніе имѣетъ слово: семья? Мы думаемъ (также какъ и г. Соловьевъ), что семья происходитъ отъ сниматься, но выводимъ изъ этого словопроизводства не значеніе супруга и супруги (какъ выводитъ онъ (1)), а другое. По мнѣнію нашему, семья, происходя отъ снимать, сниматься, согласно и съ другими подобными производствами, означаетъ *союзъ*, *соймъ*, *сеймъ*, *снемъ*. — Это слово ясно указываетъ на общинный характеръ, который имѣла у насъ семья; оно выражаетъ такъ ощутительно общинную сторону семьи. —Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ изъ Судебника Іоанна IV употребленіе слова: семья: «и въ обыскахъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры великими»; также: «чтобъ семьями и заговоры стакався въ обыскахъ, не по дѣломъ не говорили»; также: «кто семьями и заговоры въ обыскахъ говорятъ неправду»;—также: «и не учнуть къ Государю на тѣ семьи и заговоры отписывати» (2). — Здѣсь семья поставлена рядомъ съ заговоромъ: очевидно семья употреблена въ значеніи согласія, стачки, союза; въ подтвержденіе этому, въ одномъ изъ списковъ Судебника, поставлено вмѣсто семьи — *артели*. Археографическая коммиссія ставитъ подлѣ этого слова знакъ вопроса; но, по нашему мнѣнію, такое замѣненіе вполнѣ понятно и многое объясняетъ. — Примѣры, нами приведенные, кажется, достаточно подтверждаютъ то, что семья означаетъ собраніе, сеймъ или соймъ, выражая такимъ образомъ общинную

(1) Ист. Русск. Сергѣя Соловьева, примѣч. 47. — Г. Соловьевъ говоритъ: семья (отъ со-имаю) означала первоначально жену, супругу (со-прягаю, со-имаю), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: семьица твоя такая-то; семьяниться значило соединяться: въ крестоприводныхъ записяхъ полагается обязанность не семьяниться ни съ кѣмъ на государя.

(2) А. И. Т. I, стр. 254, 256.

свою сторону, что̀ такъ согласно со всѣми извѣстіями, приведенными выше (1).

Мы, думаемъ, достаточно привели опроверженій родовому быту у Славянъ указаніями на бытъ семейный въ особенности, и на бытъ общинный. Считаемъ нужнымъ присоединить здѣсь еще нѣкоторыя указанія собственно на бытъ общинный.

Изъ прежнихъ свидѣтельствъ древнихъ, изъ суда Любуши, даже отчасти изъ устройства самой семьи, — видѣли мы бытъ общественный, видѣли народную общину, имѣющую самостоятельный, свободный голосъ. Но вотъ еще примѣры.

Кѣмъ призываются Варяги? Въ лѣтописи говорится просто: «рѣша Руси, Чюдь, Словѣни и Кривичи» (2). Собственныя названія племенъ или гражданъ означаютъ обыкновенно въ лѣтописяхъ народъ. Такъ Кыяне значитъ народъ Кіевскій, Новогородцы — народъ Новогородскій и т. д. Здѣсь видимъ названія племенъ и имѣемъ полное право предположить тотъ же смыслъ; ни о старѣйшинахъ, ни о старцахъ нѣтъ ни слова. Слѣдовательно, призваніе Рюрика было дѣйствіемъ народной воли. Это заставляетъ предполагать бытъ народный, общинный. — Самое призваніе князя, особенно же племенами, даже чужеродными (Славяне, Чудь), устраняетъ всякую мысль о родовомъ бытѣ. Это поступокъ гражданскій, государственный и сознательный. Не объясняемъ здѣсь его причины и ограничиваемся тѣмъ, что̀ прямо нужно для нашихъ доказательствъ.

Въ договорѣ съ Греками Олега, еще видиѣе въ договорѣ Игоря, высказывается вполнѣ общинное устройство, котораго вдругъ завести нельзя. Не желая повторять что̀ было напечатано, мы отсылаемъ читателей къ статьѣ нашей объ изгояхъ, гдѣ договоры эти изложены довольно подробно (3). Въ этихъ договорахъ посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и отъ всей земли. Бытъ вполнѣ общественный. — Это то же явленіе,

---

(1) Также объясняемъ мы и употребленіе слова въ крестоприводныхъ записяхъ—семьяниться, которое и г. Соловьевъ объясняетъ словомъ соединяться. Названіе же жены семьицею есть не уменьшительная, а личная форма (примѣровъ можно найдти много) и конечно могло относиться къ женѣ, соединенной съ мужемъ узами брака, началомъ семьи: припомнимъ слово: *семьянинъ*.

(2) Полн. Собр. Р. Лѣт. Т. I, стр. 8.

(3) Моск. Вѣдом. 1850 г. № 97.

какое мы видимъ и впослѣдствіи, и которое приняло образъ Земской Думы, Земскаго Собора. Въ договорахъ этихъ выступаетъ значеніе всей Земли, всего народа. Такое общественное устройство основано уже вовсе не на родовомъ началѣ, даже прямо противорѣчитъ ему.

Игорь бралъ дань съ Древлянъ; онъ не владѣлъ ими, ибо у нихъ былъ свой князь Малъ. Тѣмъ лучше для изслѣдованія; бытъ Славянскій у Древлянъ долженъ былъ соблюдаться въ своемъ собственномъ видѣ. Какой же онъ былъ? Посмотримъ. Игорь, захотѣвъ взять дани больше, идетъ къ Древлянамъ, собираетъ съ нихъ дань, наконецъ идетъ къ нимъ опять за тѣмъ же. *Древляне, сдумавши* съ княземъ своимъ Маломъ (а не князь Малъ самъ по себѣ), и не видя конца насиліямъ, убиваютъ Игоря. — Послѣ этого опять *Древляне* (то есть народъ) говорятъ: возьмемъ Ольгу за нашего князя Мала. — Любопытно здѣсь, что и позднѣе встрѣчаемъ совершенно подобное обстоятельство: Новогородцы женятъ своего князя: «ожениша Новогородци Мстислава Гюргевича и пояша зань Петровну Михаиловича» (1). — *Древляне* же посылаютъ лучшихъ мужей къ Ольгѣ. — Мужи эти, пришедши къ Ольгѣ, говорятъ: «посла ны *Деревьска земля*» (2). — Это выраженіе вполнѣ ясно. — Очевидно также, что посланы они не отъ одного города Изкоростѣня, а отъ всей земли Древлянской, ибо потомъ война была со всѣми Древлянами; а это видно изъ того, что впослѣдствіи говорится объ усмиреніи всѣхъ другихъ Древлянъ, кромѣ Изкоростѣня, который боится не за предложеніе замужства, а за убійство Игоря, совершенное только имъ однимъ. — Князь Малъ вѣроятно былъ общимъ княземъ Древлянскимъ; вся Древлянская земля проситъ за него. Правда, въ лѣтописи Древляне говорятъ Ольгѣ: «наши князи добри суть» (3); но это, кажется, не слѣдуетъ принимать въ томъ смыслѣ, чтобы у нихъ современно были многіе князья, — а что Древлянскіе князья бываютъ всегда (живутъ) добры; все равно, какъ Русскій при Ѳеодорѣ Ивановичѣ могъ выразиться вообще: у насъ цари добрые. — Ольга, совершивъ месть надъ первыми послами, требуетъ новыхъ,

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I. стр. 148.
(2) Тамъ же, стр. 24.
(3) Тамъ же, стр. 24.

почетныхъ; иначе, говоритъ она, не пустятъ меня люди Кіевскіе. «Се слышавше Древляне, избраша лучьшіе мужи, иже держаху Деревьску землю» (1) и послали къ Ольгѣ, которая совершила месть надъ ними. Изъ всего этого разсказа видимъ, что на первомъ планѣ дѣйствуютъ и распоряжаются Древляне, народъ. Они *думаютъ* съ княземъ своимъ Маломъ; они рѣшаютъ женить его на Ольгѣ; они опять посылаютъ лучшихъ мужей, наконецъ такихъ, которые держали Древлянскую землю. Посольство правится отъ *Древлянской земли*. Мы видимъ, что у Древлянъ были и лучшіе мужи, и державшіе Древлянскую землю, вѣроятно старѣйшины, о которыхъ упоминается ниже. Но мы видимъ также, что не эти лучшіе мужи, не эти старѣйшины распоряжаются и посылаютъ пословъ, а напротивъ ими распоряжается, ихъ посылаетъ народъ. Выше лучшихъ мужей, выше старѣйшинъ, выше и князя Мала, о которомъ потомъ не говорится ни слова, стоятъ Древляне, народъ. Старѣйшины у Древлянъ вѣроятно были власти выборныя, надъ которыми (какъ ясно это изъ разсказа) была власть всей Земли. — И такъ Древлянскій бытъ есть бытъ чисто общинный; а конечно это — бытъ еще до-Рюриковскій.

Когда Святославъ жилъ въ Переяславлѣ, и Кіевъ едва былъ спасенъ воеводою Претичемъ отъ Печенѣговъ, Кіевляне посылаютъ сказать ему, что онъ бросилъ свою землю и ищетъ чужой, напоминаютъ ему о матери его и дѣтяхъ, о семейныхъ его обязанностяхъ (2). Нечего и говорить, что тутъ между княземъ и народомъ не было никакихъ родовыхъ или патріархальныхъ отношеній. Съ этимъ согласится, можетъ быть, и г. Соловьевъ; и онъ думаетъ, что родовой бытъ слабѣетъ послѣ призванія Рюрика. Одинъ г. Кавелинъ видитъ его въ Россіи до Петра Перваго!!!! Это мѣсто изъ лѣтописи о Святославѣ привели мы для того, чтобы указать на голосъ народный, поднимающійся и въ этомъ случаѣ.

Святославъ, послѣ Ольги, рѣшаясь, какъ кажется, переѣхать въ Переяславецъ, сажаетъ въ Кіевѣ Ярополка, а Олега у Древлянъ,—«въ Деревѣхъ»—какъ сказано. Въ это время приходятъ Новогородцы и просятъ себѣ князя съ угрозою: «если вы не

(1) Тамъ же, стр. 24.
(2) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. I, стр. 28.

пойдете, говорятъ они, мы найдемъ себѣ князя.» Такая рѣчь отзывается устройствомъ общественнымъ, народнымъ, вѣчевымъ, которое скоро и по лѣтописямъ обозначилось ярко въ Новѣгородѣ.—«Если пойдетъ кто къ вамъ» — отвѣчаетъ Новогородцамъ Святославъ. Ярополкъ и Олегъ отказываются. «Дай намъ Владиміра,» говорятъ Новгородцы. «Вотъ онъ вамъ,» отвѣчаетъ Святославъ. Новгородцы берутъ Владиміра и уходятъ (1). Видно здѣсь, между прочимъ, что идти въ Новгородъ для князей было не очень заманчиво.

Мы не знаемъ вполнѣ, въ какихъ отношеніяхъ находился Новгородъ къ князьямъ Кіевскимъ при Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ. Черезъ четыре года своего княженія, Олегъ выѣхалъ изъ Новгорода и направился къ югу. Что значитъ выѣздъ? Если вспомнимъ свидѣтельство Никоновской лѣтописи о волненіяхъ Новогородцевъ при Рюрикѣ, о Вадимѣ, если припомнимъ въ позднѣйшія времена независимый духъ Новогородцевъ, то невольно думается, что Олегъ *принужденъ* былъ оставить Новгородъ, что и ему было сказано: путь чистъ! кланяемся тебѣ!—Правда, Олегъ собралъ цѣлое войско; въ которомъ были и *Словене* (конечно Новогородцы), но, уходя безъ брани, по взаимному соглашенію, онъ могъ ихъ имѣть въ войскѣ. Во всякомъ случаѣ, уходя изъ Новгорода, Олегъ, кажется, не думалъ возвращаться, ибо взялъ съ собою малолѣтняго Игоря.—Русь оставила Новгородъ и перешла на югъ; туда перенесла она свое мѣстопребываніе и свое имя. Замѣчательно, что Несторъ, послѣ занятія Олегомъ Кіева, повторяетъ вновь: «бѣша у него Варязи и *Словѣни* и прочи, прозвашася Русью» (2). Отсюда понятно, почему южная Россія преимущественно называлась Русью: туда съ Сѣвера перешла призванная Русь и тамъ утвердилась дѣятельность Русскихъ князей. Въ началѣ, впрочемъ, названія Русская земля и Русскій князь, кажется, имѣли значеніе тѣсное, то есть, означали Кіевскую землю и Кіевскаго князя. Древляне говорятъ про Игоря: «се князя убихомъ Рускаго» (3), отдѣляя такимъ образомъ себя отъ Руси. Встрѣчаемъ также въ лѣтописи мѣсто: «Поляне, яже

(1) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. I, стр. 10.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же, стр. 23.

нынѣ зовомая Русь» (1). Какая бы ни была причина, по которой вышелъ Олегъ изъ Новгорода, остается тотъ же фактъ, что Русь перешла на югъ. Но Новгородъ не разрывалъ общенія съ Русью, имъ первымъ призванною, и съ южными Славянами. Отношенія его къ князю лишь опредѣлились иначе. Несторъ говоритъ, что онъ платилъ дань Варягамъ, ежегодно, по установленію Олега, 300 гривенъ, *мира дьля* (2) (300 — вѣроятно ошибка, ибо лѣтопись говоритъ, что эту дань платили до смерти Ярослава, а при Ярославѣ, сказано, не 300, а 3000, съ распредѣленіемъ, кому именно). Что значитъ *мира дьля?* — Для того ли, чтобы Варяги защищали Новгородъ, составляли его дружину и берегли его миръ? — Но такое объясненіе, кажется намъ, нѣсколько натянуто; такого сложнаго понятія не можетъ высказывать это выраженіе. Кажется, проще понять, что Новгородцы платили эту сумму или для союза (міра) съ Олегомъ, или для мира, чтобъ сохранять миръ, то есть, чтобъ имъ самимъ жить въ мирѣ, съ кѣмъ? — конечно съ Олегомъ, который ихъ оставлялъ въ покоѣ. Слѣдующее мѣсто въ лѣтописи очевидно относится сюда: «Ярославу же сущу Новѣгородѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячи гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху; а тако даяху посадници Новгородстіи, а Ярославъ почя сего не даяти Кыеву (3).» И такъ эта дань продолжалась до Ярослава. Мы видимъ здѣсь дань только Кіеву и гридемъ. Кто же были гриди? Дружина княжеская. Съ тѣхъ поръ, какъ Новогородцы имѣли своего князя, треть дани шла на его дружину, а двѣ трети шли въ Кіевъ (какъ и прежде, конечно), — и такимъ образомъ выходила вся сумма — 3000. — Вѣроятно, мысль, что съ присутствіемъ князя нѣтъ никакой надобности платить дань въ Кіевъ, была причиною отказа Ярослава платить дань. Въ этомъ отказѣ очень естественно предположить участіе Новогородцевъ. — Кромѣ этого отношенія дани къ Кіевскому князю или къ Кіеву, мы видимъ, что въ Новѣгородѣ сидѣли посадники; кѣмъ выбирались они — трудно рѣшить. Мы знаемъ, что потомъ они иногда ставились княземъ, иногда народомъ. Конечно посадники, во всякомъ слу-

(1) Тамъ же, стр. 11.
(2) Тамъ же, стр. 10.
(3) Тамъ же, стр. 56.

чаѣ, менѣе могли стѣснять Новогородцевъ. При Святославѣ, наскучивъ быть съ посадниками, Новогородцы захотѣли себѣ своего князя, и взяли Владиміра. — Все это устройство и всѣ эти отношенія Новгорода не имѣютъ въ себѣ и признаковъ быта родоваго.

Но чѣмъ далѣе подвигаемся и чѣмъ подробнѣе лѣтописи, тѣмъ яснѣе и сильнѣе является устройство общины и вѣча. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

При Изяславѣ I мы слышимъ уже громкій голосъ общины въ Кіевѣ.—Въ 1067 году, когда Изяславъ со Всеволодомъ, разбитые Половцами, прибѣжали въ Кіевъ, Кіевляне собрали вѣче на площади и послали сказать князю: Половцы разсѣялись по землѣ; дай, князь, намъ оружья; мы еще хотимъ съ ними биться. — Изяславъ не послушалъ. Народъ освободилъ заключеннаго Всеслава и поставилъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ (1).

Въ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали къ Олегу сказать: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьтѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили Русьскую землю отъ поганыхъ» (2). — Устройство общественное ясно видно въ этихъ словахъ. Позднѣе является оно, какъ Земская Дума, Земскій Соборъ.

Въ 1097 году Святополкъ, заключивъ Василько въ оковы, не рѣшается самъ сдѣлать надъ нимъ зла, но созываетъ на совѣтъ бояръ и Кіевлянъ, и объявляетъ имъ объ умыслахъ Василька на него, сообщенныхъ ему Давидомъ. Бояре и народъ сказали: тебѣ, князь, прилично заботиться о головѣ своей; если Давидъ сказалъ правду, то пусть Василько приметъ наказанье; если Давидъ сказалъ неправду, то пусть приметъ месть отъ Бога и отвѣчаетъ передъ Богомъ (3). Этотъ осторожный отвѣтъ принялъ Святополкъ за позволеніе на злодѣйство, совершенное имъ надъ Васильком.

Въ томъ же году, когда Володарь и Василько осадили Давида во Владимірѣ (на югѣ), они послали сказать, не Давиду, а Вла-

(1) Тамъ же, стр. 73, 74.
(2) Тамъ же, стр. 98.
(3) Тамъ же, стр. 110.

димірцамъ: мы пришли не на городъ вашъ и не на васъ, а на враговъ нашихъ, наушниковъ Давида; если вы за нихъ хотите биться,—мы готовы; или выдайте намъ нашихъ враговъ. «Гражане же се слышавъ, созваша вѣче», и сказали Давиду: выдай этихъ мужей, не бьемся за нихъ; за тебя биться можемъ: если же не выдашь ихъ, то отворимъ ворота города, а самъ промышляй о себѣ, «и неволя бысть выдати я.» Давидъ хотѣлъ было хитростію скрыть наушниковъ и выслалъ ихъ въ Луцкъ; одинъ изъ нихъ бѣжалъ въ Кіевъ, другіе воротились въ Турійскъ. «И слышаша людье, яко Турійскѣ суть, кликнуша людье (народъ) на Давида и рекоша: выдай кого ти хотятъ,» если нѣтъ, то отворимъ городъ. Давидъ выдалъ наушниковъ (1).

Въ 1146 году, послѣ брата своего Всеволода Ольговича, Игорь сталъ княземъ Кіевскимъ. «И неугоденъ бысть Кіяномъ Игорь, и послашася къ Переяславлю къ Изяславу, рекуче: пойди, княже, къ намъ, хощемъ тебѣ.» Изяславъ двинулся къ Кіеву; на дорогѣ къ нему пришли Черные Клобуки и все Поросье и сказали: ты нашъ князь; не хотимъ Ольговичей; ступай скорѣе, а мы съ тобою. Потомъ пришли Бѣлгородцы и Василевцы съ такими же словами: иди! Ты нашъ князь, не хотимъ Ольговичей. Наконецъ пріѣхали мужи (выборные) отъ Кіевлянъ и сказали: ты нашъ князь—иди! Не хотимъ Ольговичей; *не хотимъ быть какъ бы въ наслѣдствѣ* (доставаться какъ бы по наслѣдству); гдѣ увидимъ твой стягъ, тутъ и мы съ тобою готовы.—Въ 1147 году Изяславъ побѣдилъ Игоря и сталъ Кіевскимъ княземъ.—Собираясь съ Ольговичами идти на своего дядю, Георгія, Изяславъ созвалъ бояръ, всю свою дружину и Кіевлянъ, и сказалъ имъ: я уладился съ своею братьею, съ Владиміромъ и съ Изяславомъ Давидовичами и съ Святославомъ Всеволодовичемъ: хотимъ идти на Юрья, на своего дядю, и на Святослава, къ Суздалю, потому что Юрій принялъ къ себѣ врага моего Святослава Ольговича; а братъ Ростиславъ тамъ соединится съ нами; онъ идетъ ко мнѣ съ Смольянами и Новогородцами.—Кіевляне, выслушавъ, сказали: Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего; лучше какъ нибудь съ нимъ уладься; не вѣрь Ольговичамъ и не ходи съ ними въ путь.—Изяславъ сказалъ народу: они цѣловали ко мнѣ крестъ;

(1) Тамъ же, стр. 113—114.

я думалъ съ ними думу, и никакъ этого пути не хочу отложить; а вы поспѣшайте. — Кіевляне отвѣчали: Князь! Ты на насъ не гнѣвайся; мы не можемъ поднять руки на Володимірово племя (1); если на Ольговичей, то готовы хоть и съ дѣтьми. — И такъ Кіевляне отказали Изяславу. Изяславъ пошелъ въ путь съ Ольговичами, скоро узналъ ихъ измѣну, отложилъ походъ и послалъ двухъ пословъ, Добрынку и Радила, въ Кіевъ къ брату Владиміру, къ митрополиту Климу, къ тысяцкому Лазарю, и велѣлъ имъ сказать: созовите всѣхъ Кіевлянъ на дворъ къ Святой Софіи; пусть мои послы молвятъ рѣчь мою къ нимъ и скажутъ лесть (предательство) Черниговскихъ князей. — Владиміръ поѣхалъ къ митрополиту и позвалъ Кіевлянъ. Кіевляне сошлись всѣ, отъ мала и до велика, къ Святой Софіи на дворъ, составили вѣче, и сѣли.—Владиміръ сказалъ митрополиту: братъ мой прислалъ двухъ мужей Кіевскихъ, чтобы они повѣдали братьѣ своей.—Добрынка и Радило выступили и сказали: братъ тебя (Владиміра) цѣлуетъ, кланяется митрополиту; цѣлуетъ Лазаря и всѣхъ Кіевлянъ.—Кіевляне сказали: молвите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ. — Послы сказали: такъ говоритъ князь: я объявлялъ вамъ, что думалъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Володиміромъ и съ Изяславомъ Давидовичами пойдти на дядю своего, на Юрья, — и звалъ васъ съ собою. Вы мнѣ сказали: не можемъ поднять руки на племя Володимірово, на Юрья; но если на Ольговичей, то хоть и съ дѣтьми идемъ съ тобою. Теперь я объявляю вамъ: Владиміръ Давидовичъ и Изяславъ, и Всеволодовичъ Святославъ, которому я много сдѣлалъ добра, цѣловали ко мнѣ крестъ; нынѣ же тайно отъ меня цѣловали крестъ къ Святославу Ольговичу и послались къ Юрью, а надо мною учинили измѣну, хотѣли меня или взять или убить за Игоря, но меня защитилъ Богъ и крестъ честный. Теперь же братья Кіевляне! чего хотѣли, чѣмъ мнѣ обѣщались—исполните; идите по мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, поспѣшайте отъ мала и до велика: у кого конь — на копѣ; у кого нѣтъ копя—въ ладьѣ. Они не меня одного хотѣли убить, но и васъ искоренить. — Кіевляне сказали: мы рады, что Богъ избавилъ намъ тебя отъ великой измѣны, братью нашу (*и* братью

(1) Юрій былъ сынъ Владиміра Мономаха.

нашу ?); идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, какъ ты хочешь (1). — Любопытный въ высшей степени разсказъ этотъ передали мы почти слово въ слово изъ лѣтописи, пользуясь спискомъ Ипатьевскимъ и Лаврентьевскимъ, отступая отъ буквальной вѣрности тамъ, гдѣ требовалъ этого современный языкъ.

Кіевляне не хотятъ поднять руки на племя Володиміра Мономаха. Здѣсь нѣтъ никакого вопроса о родовыхъ правахъ. Мономахъ былъ младшая линія ; но онъ былъ *любимъ* народомъ , и изъ уваженія къ нему они не хотятъ драться съ его сыномъ. Къ племени Мономахову принадлежалъ и Изяславъ Мстиславичь: онъ былъ внукъ Мономаха (2). Здѣсь нѣтъ нимало вопроса о княжихъ правахъ, ибо киземъ Кіевляне признаютъ себѣ Изяслава, и не хотятъ только драться, поднимать руки на Юрія. Въ доказательство, что здѣсь не было и мысли о старѣйшинствѣ Юрія предъ Изяславомъ, мы приводимъ, что, когда Вячеславъ, старшій братъ Юрія, которому, по сознанію и самого Юрія и Изяслава, принадлежало старшинство , сѣлъ въ Кіевѣ въ то время, какъ владѣвшій имъ на тотъ разъ Юрій выѣхалъ изъ него, — Кіевляне говорятъ Изяславу: «Гюрги вышелъ изъ Кіева , а Вячьславъ сѣдить ти въ Кіевѣ; а мы его не хочемъ» (3).

Изяславъ призвалъ потомъ самъ въ Кіевъ Вячеслава, назвалъ его отцомъ и всю жизнь почиталъ его, какъ отца. На дѣлѣ княземъ Кіевскимъ былъ Изяславъ, но Вячеславу онъ оказывалъ постоянно сыновнее почтеніе. Кіевляне радовались такимъ согласнымъ и умилительнымъ отношеніямъ. Изяславъ Мстиславичь умеръ въ Кіевѣ 1154 года. «И посадиша въ Кіевѣ Ростислава Кіане, рекуче ему: якоже братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, такоже и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой» (4). Здѣсь народъ распоряжается Кіевскимъ княжествомъ.

Ростиславъ былъ братъ Изяслава, наиболѣе имъ любимый. Онъ сталъ къ Вячеславу совершенно въ отношенія брата своего Изяслава. Скоро Ростиславъ долженъ былъ идти противъ Юрія. Въ

(1) Полн. Собр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 130—137.—Тамъ же, Т. II, 23—33.

(2) Здѣсь употреблено слово: племя; очевидно, что здѣсь Кіевляне говорятъ не о дѣтяхъ только, не о семьѣ Мономаха; напротивъ расширяютъ понятіе семьи или рода и потому употребляютъ слово: племя.

(3) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. II, стр. 49.

(4) Тамъ же, Т. II, стр. 75.

полки пришла къ нему вѣсть, что Вячеславъ умеръ въ Кіевѣ. Ростиславъ поскакалъ въ Кіевъ, отдалъ послѣдній долгъ Вячеславу и воротился къ войску. Онъ собирался идти къ Чернигову, но мужи его не совѣтовали ему, говоря: Богъ взялъ дядю твоего, а ты съ *людьми* (народомъ) въ Кіевѣ еще не *утвердился;* поѣзжай лучше въ Кіевъ, утвердись съ народомъ. Когда придетъ на тебя дядя Юрій, послѣ того какъ ты съ народомъ утвердишься, если угодно будетъ тебѣ съ нимъ мириться,—помиришься, если нѣтъ,—начнешь съ нимъ рать (1). - Этотъ совѣтъ мужей достаточно показываетъ отношеніе народа къ князьямъ.

Въ 1158 году (въ 1157 л. Л.) «сдумавши Ростовцы и Суздальцы и Володимирци вси, поняша Андрея сына Гюргева старѣйшаго и посадиша и на отни столѣ, Ростовѣ и Суздали и Володимири, зане бѣ прелюбимъ всимъ за премногую его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и къ всѣмъ сущимъ подъ нимъ» (2).

Въ 1159 г. «Выгнаша Ростовци и Суздальци Леона епископа, зане умножилъ бяше церковь, грабяй попы» (3).

Въ 1176 году Ростиславичи (Ярополкъ и Мстиславъ) княжили въ землѣ Ростовской, и стали угнетать народъ поборами, слушали бояръ, а бояре научали ихъ на многое иманіе. Князья обобрали даже церковь святой Богородицы Владимірской. Тогда Владимірцы заговорили: мы вольно приняли къ себѣ князей (4), а они грабятъ не только волость (землю), но и церкви. А промышляйте братья!—Они послали къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, «являюще имъ свою обиду»; но тѣ по враждѣ не хотѣли под-

---

(1) Тамъ же, Т. II, стр. 75—76.

(2) Полн. Собр. Р. лѣт. Т. II, стр.

(3) Тамъ же, Т. I. стр. 149. Т. II, стр. 89.

(4) „Мы есмы волная князя пріяли къ собѣ". (Полн. собр. Русск. лѣт. Т. I, стр. 159): въ другихъ спискахъ: „мы есмы волни, а князя пріяли къ собѣ". Читать слѣдуетъ по нашему мнѣнію: мы есмы, волніи, князя пріяли къ собѣ, — Владимірцы точно приняли князей сами. У нихъ былъ князь Михалко; но на нихъ пришла Ростовская земля, приведши Муромцевъ и Рязанцевъ. Ростовцы хотѣли Ростиславичей. Не терпя голода, Владимірцы рѣшились *добровольно* принять Ростиславичей, потому что, прибавляетъ лѣтопись, дрались Владимірцы не противъ Ростиславичей, а противъ Ростовцевъ. Рѣшившись не терпѣть больше осады, Владимірцы сказали князю Михалку: мирись, князь, или промышляй о себѣ. Михалко отвѣчалъ: вы правы: развѣ вамъ изъ-за меня гибнуть? и уѣхалъ на югъ. Владимірцы охотно приняли Ростиславичей, но они стали обирать народъ и церкви, и дѣла перемѣнились (Полн. Собр. Русск. лѣт, Т. I. стр. 158—159).

держать ихъ; тогда Владимірцы вызвали опять бывшаго у нихъ прежде князя Михалко, рѣшась теперь снова на борьбу съ Ростовцами и Суздальцами. Михалко пріѣхалъ съ братомъ Всеволодомъ и съ Владиміромъ Святославичемъ. Ростиславичи были разбиты и бѣжали. Михалко сѣлъ княземъ во Владимірѣ, къ великой радости народа, и возвратилъ церкви Святой Богородицы имѣніе, отнятое Ярополкомъ (1).—Во всемъ разсказѣ, нами приведенномъ, дѣйствуютъ на первомъ планѣ и распоряжаются Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы.

Нѣсколькими строками ниже лѣтопись говоритъ въ высшей степени замѣчательныя и важныя слова: *Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане и вся власти* (волости, земли; выше слово: власть — употреблено въ томъ же смыслѣ), *якоже на думу, на вѣча сходятся, на чтоже старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стапутъ*» (2). А здѣсь, продолжаетъ лѣтопись, городъ старый Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре хотѣли поставить свою правду, не хотѣли сотворить правды Божіей, но, какъ намъ любо, сказали, такъ и сдѣлаемъ; Володиміръ — пригородъ нашъ. Но Владимірцы стали крѣпко за правду и прославлены Богомъ по всей землѣ за ихъ правду (3).—При устройствѣ народномъ цѣлыхъ волостей или земель, села и города новые, называвшіеся пригородами, соглашались съ рѣшеніемъ народнымъ, мѣсто дѣйствія котораго было въ городѣ древнемъ, гдѣ и велось оно еще до основанія новыхъ городовъ; но соглашались только въ такомъ случаѣ, когда рѣшеніе было правдиво. Кромѣ частныхъ своихъ вѣчъ, города новые и въ общемъ вопросѣ всей волости или земли (здѣсь земли Ростовской) могли отдѣляться и самостоятельно дѣйствовать, независимо отъ городовъ старыхъ (какъ въ примѣрѣ, нами приведенномъ, гдѣ за свое самостоятельное дѣйствіе Владиміръ пріобрѣтаетъ еще славу). Устройство городовъ новыхъ было, по нашему мнѣнію, совершенно одинаково съ устройствомъ городовъ старыхъ. — Слова лѣтописи, нами приведенныя, указываютъ наконецъ прямо на общинное устройство во всей Русской землѣ.

---

(1) Полн. Собр. Р. лѣт., Т. I, стр. 159—160.
(2) Тамъ же, стр. 160.
(3) Тамъ же, Т. I, стр. 160.

Мы приводили примѣры общиннаго устройства южныхъ и сѣверныхъ земель Русскихъ, не указывая на Новгородъ. Въ общинномъ устройствѣ Господина Государя Великаго Новгорода никто не сомнѣвался, но тѣмъ не менѣе хотимъ мы указать на замѣчательное выраженіе Новогородское. Новогородцы говорятъ имя приглашаемому князю Ярославу (1228): «на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославлихъ, ты нашъ князь, — или ты собѣ, а мы собѣ» (1).

Мы привели достаточно примѣровъ, доказывающихъ, что въ древней Руси было общественное, именно общинное устройство,—общинный бытъ. Здѣсь нѣтъ и мѣста родовому быту. Это общинное устройство со времени единодержавія Москвы, провозгласившей имя всей земли Русской, не уничтожилось. Изъ грамотъ мы видимъ, какъ цѣлыя волости, слободы управляются выборными людьми. Губные старосты, цѣловальники, выборные люди, присутствовавшіе на судахъ (2), — все показываетъ, что древняя основа хранилась. —Наконецъ Земскіе Соборы, созываемые царями ото всей Земли, представляли голосъ и совѣтъ всей Русской Земли, что тогда ясно чувствовалось и сознавалось. — Междуцарствіе, въ теченіе котораго разлетѣлась на время государственная оболочка и обнажилась *Земля*, показываетъ намъ, что она не отвыкла отъ своего устройства: безпрестанныя совѣщанія народныя въ городахъ и селахъ, совѣщанія, на которыхъ, по обычаю Русскому, всѣ сословія, весь народъ принималъ участіе, — условія Земли съ воеводами-троеначальниками, наконецъ выборный отъ всей земли Русской, все это свидѣтельствуетъ, что община постоянно была и тогда *основою Русскаго общественнаго устройства*. Въ посольствѣ къ Пожарскому князь Оболенскій указываетъ на то, что князь Шуйскій былъ выбранъ не всею Землею (3). Позднѣе, послѣ избранія всею Землею Михаила Ѳеодоровича, въ наказѣ посламъ къ Императору Австрійскому сказано, что ни у кого и въ мысляхъ не бывало выбирать брата его на Россійскій престолъ, высказано сомнѣніе, чтобы князь

(1) Тамъ же, Т. III. стр. 44.

(2) Судебникъ Іоанна IV. А безъ старосты, и безъ цѣловальниковъ суда не судите А. И. Т. II, стр. 236.

(3) А. А. Э. Т. II, стр. 267.

Пожарскій сдѣлалъ это предложеніе, говорится, что развѣ онъ это сдѣлалъ безъ совѣту всей Земли, и прибавляется: «а то вамъ думнымъ людямъ можно и самимъ разумѣти, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей земли не дѣлается» (1).

Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе:

Русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, — наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля.

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. Т. III, стр. 68.

ПО ПОВОДУ VI ТОМА

ИСТОРІИ РОССІИ, Г. СОЛОВЬЕВА (*).

Передъ нами шестой томъ Исторіи Россіи, сочиненіе даровитаго и трудолюбиваго Московскаго профессора. Предлежащій томъ заключаетъ въ себѣ въ высшей степени важную и замѣчательную эпоху нашей исторіи. Содержаніе этого тома—Іоаннъ IV.

Мы прочли съ величайшимъ любопытствомъ новое сочиненіе г. Соловьева, и выскажемъ наше мнѣніе съ тою откровенностью и правдою, на которыя имѣетъ право добросовѣстный, съ любовію и убѣжденіемъ совершенный трудъ, не нуждающійся въ снисхожденіи, въ умышленномъ поощреніи или ободреніи. Мы надѣемся, что уважаемый нами сочинитель выслушаетъ безъ неудовольствія наши замѣчанія, возраженія и предположенія, дѣлаемыя нами изъ единаго побужденія: достигнуть истины въ пониманіи исторіи нашего отечества, нашей Россіи, доселѣ стоящей загадкою среди остальныхъ народовъ человѣчества.

Останавливаемся прежде всего на самомъ построеніи или историческомъ расположеніи VI тома. Сочинитель раздѣлилъ свою исторію царствованія Іоанна IV—на VI главъ, Іносящихъ названія: I. Правленіе Великой Княгини Елены. II. Правленіе боярское. III. Казань, Астрахань, Ливонія. IV. Опричнина. V. Полоцкъ. VI. Стефанъ Баторій. VII. Строгановы и Ермакъ.—Глава о внутреннемъ состояніи Русскаго общества во времена Іоанна IV назначена для VII-го тома. Такимъ образомъ г. Соловьевъ выбралъ главныя минуты изъ государственной жизни Іоанна и въ этихъ семи главахъ разсказалъ о нихъ подробно,—но за то это самое лишило

(*) Напечатано въ IV томѣ Р. Бесѣды 1856 года, съ нѣкоторыми пропусками, здѣсь вновь вставленными. *Пр. изд.*

цѣлости и полноты весь разсказъ. Вышло прекрасное историческое сочиненіе о царствованіи и эпохѣ Іоанна, но не исторія его царствованія и эпохи. Рядъ поименованныхъ нами главъ есть рядъ прекрасныхъ монографій, расположенныхъ хронологически, но тѣмъ не менѣе монографій, или, вѣрнѣе, изслѣдованій. Положимъ, что здѣсь схвачена сущность эпохи, но все же это будетъ не исторія, а извлеченіе изъ исторіи. Вотъ общій недостатокъ, какъ намъ кажется, самаго изложенія. Разсмотримъ подробнѣе.

Первыя двѣ главы: Правленіе В. К. Елены и Правленіе боярское, идутъ довольно послѣдовательно; хотя и тутъ мы могли бы спросить почтеннаго автора: отъ чего продолжаетъ онъ правленіе боярское послѣ того, когда, по словамъ лѣтописи, бояре начали имѣть страхъ отъ Царя (29-го Декабря 1543), даже послѣ вѣнчанія Іоанна на царство? Впрочемъ на это можно отвѣчать тѣмъ, что авторъ считаетъ тогда только оконченнымъ правленіе боярское, когда Іоаннъ всенародно обвинилъ бояръ и сказалъ, что отнынѣ самъ будетъ распоряжаться. Такъ, здѣсь кончилось боярское правленіе, но не то боярское правленіе, которое было въ малолѣтство Іоанна и которое стоитъ въ заглавіи главы,—оно кончилось прежде, — но то боярское правленіе, которое шло отъ самого Рюрика подъ именемъ дружины; впрочемъ, сказать по правдѣ, оно не было правленіемъ: оно было совѣтомъ, получившимъ лишь вслѣдствіе обычая большой вѣсъ и значеніе. — Связь боярства и дружины очень вѣрно указана г. Соловьевымъ. Это одна изъ такихъ мыслей, которыя проливаютъ обильный историческій свѣтъ. Намъ кажется (на основаніи мысли самого г. Соловьева), что въ знаменитой рѣчи своей Іоаннъ (хотя въ ней сказано о боярахъ, властвовавшихъ во время его малолѣтства) возвѣстилъ уничтоженіе прежней власти и значенія дружины, — возвѣстилъ только: ибо черезъ тринадцать съ небольшимъ лѣтъ началъ онъ съ остатками этой, въ то же время исполненной доблестей и силъ духовныхъ, дружины ожесточенную борьбу. Этою борьбою опредѣляетъ и объясняетъ намъ г. Соловьевъ лютыя казни Іоанновы, и это объясненіе, вытекая изъ мысли автора, выше нами упомянутой, превосходно и ярко освѣщаетъ страшную картину казней, которая, не переставая быть отвратительною и ужасною, перестаетъ быть безсмысленною.

И такъ, если въ рѣчи Іоанна дѣло идетъ вообще о боярствѣ,

съ которымъ началъ борьбу еще дѣдъ его, то, намъ кажется, правленіе боярское, бывшее во время малолѣтства Іоанна, не нужно доводить до этой рѣчи. Но важности это замѣчаніе конечно не имѣетъ. — Въ III-й главѣ авторъ разсказываетъ о Казани, Астрахани и Ливоніи. Этотъ разсказъ объемлетъ время отъ 1549-го до 1560 года. Разсказъ исключительно посвященъ этимъ предметамъ (говоря объ Астрахани, авторъ говоритъ о Крымѣ, говоря о Ливоніи, говоритъ о Литвѣ): а между тѣмъ, въ теченіе этого времени было событіе великой важности, о которомъ авторъ здѣсь, въ этой главѣ, не упоминаетъ: это болѣзнь Іоанна (1553) и сопротивленіе бояръ требованію Царя цѣловать крестъ его младенцу-сыну. — Доведя повѣствованіе до 1560 и разсказавъ о утвержденіи сношеній съ Англіею, авторъ оканчиваетъ главу и начинаетъ новую. Слѣдующая глава (IV-я) носитъ наименованіе: Опричнина, и объемлетъ собою время отъ 1543 до 1574. Авторъ разсказываетъ здѣсь обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь Іоанна, говоритъ объ удаленіи Сильвестра и Адашева, объ отъѣздѣ Курбскаго, о перепискѣ его съ Царемъ и наконецъ объ учрежденіи Опричнины и о казняхъ. Вся глава эта въ особенности носитъ характеръ изслѣдованія, и изслѣдованія дѣльнаго, но изслѣдованіе—не исторія. Въ этой главѣ, вернувшись 7 лѣтъ назадъ, авторъ забѣгаетъ 14 лѣтъ впередъ. О казняхъ говорится очень кратко и неполно. Странно, что, говоря о прибытіи Іоанна изъ опустошеннаго имъ Новгорода въ Псковъ, авторъ не говоритъ о юродивомъ Николаѣ Салосѣ, и о словахъ его Іоанну, тогда какъ это явленіе совершенно особенное, характеристическое, принадлежащее древней Россіи. О смерти Анастасіи мы впервые узнаемъ только изъ приводимыхъ авторомъ словъ Курбскаго и Іоанна. А со смертію Анастасіи совпадаетъ начало казней. Положимъ, что это случайно; но оно такъ. Сверхъ того, мы не думаемъ, чтобъ это было совершенно случайно. Іоаннъ любилъ Анастасію, это очевидно. Онъ самъ говоритъ, и слова его запечатлѣны искреннимъ и горестнымъ чувствомъ: — «А и съ женою меня вы про что разлучили? Только бы не отняли у меня юницы моея, ино бы кровопролитія не было.» (1) Доведши разсказъ до завѣщанія Іоаннова (прекрасно объясненнаго) и до 1574 года,

(1) Сказ. кн. Курбскаго, Ч. 2. стр. 112.

до казни знаменитаго князя Воротынскаго, авторъ оканчиваетъ главу и, начиная новую, носящую наименованіе: Полоцкъ, опять обращается къ войнѣ Ливонской, къ 1560 году, слѣдовательно опять назадъ за 14 лѣтъ, когда Курбскій еще бился за Россію. Въ этой главѣ авторъ разсказываетъ дѣла Ливонскія и Литовскія, дѣла Шведскія, Крымскія, доводя свой разсказъ до 1572 года. Слѣдующая глава называется: Стефанъ Баторій; въ ней авторъ разсказываетъ войну съ Баторіемъ, съ Шведами и сношенія съ Англіею, доходя до 1584 года. — Посвящая исключительно разсказъ свой этимъ событіямъ, авторъ опять не говоритъ о томъ, что дѣлалось тогда внутри Государства, и помѣщаетъ между словъ, мимоходомъ, такія извѣстія, которыя для читателя должны быть непонятны. Такъ, начавъ говорить о сношеніяхъ Іоанна съ Елисаветой, съ цѣлію жениться на ея родственницѣ, авторъ говоритъ въ скобкахъ, что Іоаннъ былъ женатъ въ пятой или седьмой разъ. Читатель знаетъ лишь объ Анастасіи, первой женѣ, и, ничѣмъ не приготовленный къ такому многоженству (ибо разсказъ касался лишь свирѣпостей Іоанна), непремѣнно долженъ изумиться. Точно также изумляется читатель, знавшій мимоходомъ изъ разсказа автора, что у Іоанна два сына: Иванъ (старшій) и Ѳедоръ,—точно также изумляется, читая, что посолъ нашъ въ Англіи, говоря о сватовствѣ, долженъ былъ объявить, что наслѣдникомъ Государства будетъ царевичъ Ѳедоръ. Куда же дѣвался Иванъ? Любопытство и недоумѣніе читателя возбуждено; но онъ долженъ подождать до конца книги. Слѣдующая глава, VII-я, посвящена завоеванію Сибири и называется: Строгановы и Ермакъ. Здѣсь разсказъ идетъ о событіяхъ съ 1581 до 1584 года: авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ временъ, болѣе отдаленныхъ, что совершенно естественно: здѣсь объясняется происшествіе отдѣльное; разсказъ же о самомъ происшествіи хронологически почти примыкаетъ къ предыдущему разсказу. Доведя свое повѣствованіе до 1584 года, до грамоты Царя къ Строгановымъ касательно князя Семена Болховскаго, отправляемаго въ Сибирь, авторъ приводитъ самую грамоту и прибавляетъ: «это распоряженіе Іоанна относительно Сибири было послѣднее: онъ не дождался вѣстей ни о судьбѣ Болховскаго, ни о судьбѣ Ермака.» Послѣ того авторъ говоритъ о самомъ Іоаннѣ, о его женитьбахъ, объ убійствѣ имъ сына и наконецъ о его смерти. Затѣмъ авторъ говоритъ объ Іоаннѣ, какъ

лицѣ, и объясняетъ его исторически. Описаніе Іоанна оканчиваетъ авторъ описаніемъ его наружности и привычекъ.

Такимъ образомъ, изъ одного уже расположенія исторіи видно, что это скорѣе монографіи или лучше историческія изслѣдованія объ Іоаннѣ Грозномъ и его эпохѣ, а не исторія. О многихъ событіяхъ сказано вскользь, мимоходомъ; между прочимъ, о ереси Матвѣя Башкина и игумена Артемія. О Стоглавомъ Соборѣ почти и не упомянуто; о Судебникѣ не упомянуто вовсе. Быть можетъ, все это еще будетъ въ обѣщанной главѣ: о внутреннемъ состояніи Русскаго общества. Но такія явленія, какъ Стоглавъ и Судебникъ, кажутся намъ явленіями, занимающими мѣсто наравнѣ съ *событіями*, слѣдовательно должны были бы найти мѣсто въ VI-мъ томѣ. Скажутъ можетъ быть: въ нихъ уже проявляется внутреннее состояніе общества. Да вѣдь оно проявляется и во всемъ; а явленія, о которыхъ мы говоримъ, принадлежатъ къ жизни государственной, внѣшней, повѣствовательной. Но еслибъ это были явленія чисто внутреннія, то и тогда, разсказывая всю повѣсть царствованія Іоанна, какъ не упомянуть о нихъ? Вѣдь разсказъ долженъ быть полонъ, изобразителенъ; а можетъ ли онъ быть такимъ, если изъ него выпущены такія важныя явленія, какъ Стоглавъ и Судебникъ? Если ужъ относить ихъ къ внутреннему состоянію общества, то, упомянувъ о нихъ вообще между событіями историческими, потомъ можно было бы сказать о нихъ подробно.—Самое изложеніе автора принимаетъ часто характеръ изслѣдованія, и факты приводятся, какъ примѣръ или подкрѣпленіе.—Наконецъ, числъ такъ мало, что въ нихъ, при чтеніи, безпрестанно чувствуешь недостатокъ. Нельзя же помнить всѣ числа самому.

Самый слогъ исторіи какъ-то неровенъ, какъ-то перѣшителенъ; онъ постоянно колеблется между строемъ древней Русской рѣчи и выработанною, современною, насущною прозою. — Мѣстами, когда авторъ одушевляется, слогъ становится выразителенъ, живописенъ и силенъ.—Причина такой двойственности или шаткости слога заключается, кажется намъ, въ томъ же: то есть, въ томъ, что сочиненіе автора не исторія, а изслѣдованіе, изысканіе, исполненное напряженнаго вниманія къ изслѣдуемому предмету; понятно, что здѣсь слогъ, то передаетъ рѣчь изслѣдуемыхъ источниковъ, то становится слогомъ обиходнымъ, безцвѣтнымъ,

нужнымъ только, чтобы заявить ту или другую мысль, то или другое соображеніе. Мѣстами, когда цѣльная историческая картина увлекаетъ автора, то и слогъ становится цѣленъ, живъ и одушевленъ; этотъ живой слогъ уже знакомъ намъ по нѣкоторымъ прежнимъ сочиненіямъ г. Соловьева. — Но въ то же время мы благодарны г. Соловьеву за то, что онъ, въ слогѣ своемъ, на дѣлѣ показываетъ возможность перенесенія, въ нѣкоторой степени, старой древней Русской письменной рѣчи въ нашу современную письменную рѣчь, возможность пользоваться ею и слѣдовательно обогащаться новымъ притокомъ свѣжаго, сильнаго слова.

Читатель, самъ хорошо знающій Русскую исторію, или по крайней мѣрѣ знающій ее, какъ послѣдовательный и совокупный ходъ событій, прочтетъ съ большимъ удовольствіемъ и съ пользою VI-й томъ «Исторіи Россіи». Но читатель, который не имѣетъ предварительныхъ свѣдѣній объ эпохѣ Іоанна, рѣшительно потеряется въ этомъ томѣ; для него будетъ многое нечаянно, многое неясно, неполно, непонятно, и наконецъ у него не останется въ памяти ни связнаго, послѣдовательнаго хода событій, ни полной, цѣльной картины всего царствованія, а одни прекрасные этюды.

Но можетъ быть спросятъ насъ, какъ же различить историческое изслѣдованіе отъ исторіи?

Не думаемъ, чтобъ эти понятія были сбивчивы даже въ общемъ обыкновенномъ пониманіи. Но скажемъ нашу объ этомъ мысль. — Подъ исторіею понимаемъ мы непосредственное, наглядное представленіе событій въ ихъ *послѣдовательности* и въ ихъ *современности* (разумѣется, на сколько возможно этого достигнуть человѣческому слову). Не даромъ событіе является одно послѣ другаго и одно вмѣстѣ съ другимъ, хотя бы, по видимому, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, не было связи между ними. Не должно нарушать хода событій, какъ они были на самомъ дѣлѣ, какъ они явились на землѣ. Исторія должна уважить этотъ ходъ и взять его себѣ въ основаніе. Но одно такое изложеніе событій было бы простымъ разсказомъ, повѣствованіемъ въ родѣ лѣтописи; при событіяхъ осталось бы и все случайное, преходящее, что обыкновенно сопровождаетъ ихъ. Исторія — не лѣтопись. Взявъ этотъ былевой ходъ событій, совершающихся въ случайности, исторія должна понять ихъ смыслъ и, оставивъ неприкосновен-

нымъ этотъ великій ходъ, должна отхлынуть все случайное, ненужное, сопровождающее ходъ исторической жизни. Исторія должна освѣтить мыслію этотъ ходъ событій, мыслію въ нихъ же таящеюся, изъ нихъ же извлеченною,—и по возможности такъ, чтобъ изъ одного изложенія ихъ видна уже была эта мысль.— И такъ исторія есть *непосредственное представленіе событій* (народа, человѣчества) въ ихъ естественномъ ходѣ, въ ихъ дѣйствительной былевой современности и послѣдовательности, но *представленіе, освѣщенное въ то же время мыслію*, движущею эти событія, очищенное отъ всего мгновеннаго и случайнаго (ибо среди этого дѣйствуютъ историческія идеи), затемняющаго ихъ смыслъ. Слѣдовательно элементъ художественный необходимъ въ исторіи.

Историческое изслѣдованіе есть исканіе или доказываніе мысли, выражающейся въ историческихъ событіяхъ. Историческое изслѣдованіе, по свойству своему, составляетъ совершенную противуположность безъискусственному лѣтописному разсказу. Оно не есть разсказъ событій. Напротивъ, оно обращается къ нимъ на столько, на сколько нужно для пониманія, для объясненія мысли, въ нихъ выражающейся; событія приводятся въ доказательство, въ подтвержденіе, какъ факты. Художественный элементъ вовсе не нуженъ въ историческомъ изслѣдованіи. Оно не повѣствуетъ, а ищетъ, доказываетъ, роется въ событіяхъ. — И такъ исторія и историческое изслѣдованіе двѣ вещи розныя. Историческое изслѣдованіе возможно и тогда, когда еще не создалась исторія, но безъ историческаго изслѣдованія исторія создаться не можетъ.— Конечно, могутъ быть сочиненія смѣшанныя, то есть, историческое изслѣдованіе можетъ мѣшать историческому разсказу. — Это отчасти видимъ мы мѣстами и въ сочиненіи, нами разсматриваемомъ; впрочемъ и тутъ оно принимаетъ характеръ смѣшанной съ изслѣдованіями монографіи, а не исторіи. — Основываясь на общей его характеристикѣ, мы относимъ это новое сочиненіе г. Соловьева (VI томъ Исторіи Россіи) прямо къ историческимъ изслѣдованіямъ.

Но возможна ли у насъ теперь исторія? Конечно нѣтъ. Исторія есть уже плодъ яснаго самосознанія, плодъ спокойнаго самосозерцанія. А мы еще далеки отъ того. У насъ теперь пора историческихъ изслѣдованій, не болѣе. И кажется, эта пора только еще начинается. — Слишкомъ крѣпко была отшибена у

насъ память, слишкомъ рѣшительно была разорвана нами связь съ прошедшимъ, чтобы не легло на насъ за это законнаго наказанія: непониманія жизни нашихъ предковъ, непониманія своей собственной народной жизни. Скоро ли можемъ мы добраться до самосознанія, когда и теперь требованіе народнаго или самостоятельнаго воззрѣнія кажется для многихъ непонятнымъ, а для многихъ слишкомъ гордымъ, даже дерзкимъ, ибо, по ихъ мнѣнію, выходитъ, что *намъ не должно имѣть свое сужденіе имѣть*.—И такъ устремимъ же всѣ силы наши на то, чтобъ сперва разработать и понять наше прошедшее, и стать наконецъ на свои ноги, вопреки любителямъ ходить на помочахъ. А исторію писать погодимъ.—У насъ есть исторія, трудъ великій, монументальный: это Исторія Карамзина. Она принадлежитъ той ложной подражательной эпохѣ, которая, какъ ни хлопочутъ объ ней защитники исключительной національности Западно-Европейской, сдвинулась съ своего мѣста и увлекается, хотя медленно, потокомъ времени. Карамзинъ *могъ* писать исторію; онъ не замѣчалъ недостатка яснаго самосознанія. Неизбѣжныя сомнѣнія, необходимыя недоумѣнія и вопросы возбуждены еще не были. Карамзинъ подъялъ огромные труды; онъ старался объяснить темныя и непонятныя *мѣста* въ исторіи; но ни сомнѣнія, ни недоумѣнія не видать въ его сочиненіи; онъ нашелъ и тонъ и слогъ для исторіи, имъ писанной.—При Исторіи Карамзина мы не можемъ остаться; но она не потеряетъ для насъ своихъ правъ на глубокую благодарность и уваженіе. Цѣна ея, можемъ сказать, будетъ возрастать съ временемъ. Сознавая общую ложность самой Исторіи, мы, кромѣ глубокаго уваженія къ великому труду, будемъ прибѣгать къ ней за указаніями, справляться съ нею въ томъ или другомъ случаѣ, и, вышедши за предѣлы ея круга, оцѣнимъ ее лучше и поблагодаримъ за нее горячѣе. Повторяемъ, Карамзинъ точно могъ писать исторію. Но наше время не таково. Исторія такого рода насъ удовлетворить не можетъ. Мы чувствуемъ, что почва колеблется подъ нашими ногами. Гдѣ же тутъ строить зданіе?—И такъ намъ надобно понять сперва Русскую исторію, понять самихъ себя, послѣ полуторастолѣтняго попугайства; а это не легко для насъ, отвыкшихъ жить своимъ умомъ и даже чувствовать своимъ чувствомъ. Для того, чтобъ достигнуть главной цѣли: понять свою исторію и самихъ себя, — намъ необходимы

изслѣдованія, изслѣдованія и изслѣдованія.—Само собою разумѣется, что учебникъ всегда возможенъ. Возможна, можетъ быть, и монографія, скорѣе въ видѣ простаго изложенія событій.

Не знаемъ, согласенъ ли съ нами уважаемый авторъ; во всякомъ случаѣ, самая книга его согласна съ нами. Г. Соловьевъ предположилъ себѣ писать исторію, но его вѣрный историческій тактъ, но потребность современной науки Русской исторіи, потребность, имъ чувствуемая и понимая, не допустили его до этого и заставили его, *на дѣлѣ*, написать не исторію, а историческое изслѣдованіе,—и мы очень этому рады. Попытка, еслибъ она осуществилась на дѣлѣ, написать исторію, попытка преждевременная, непремѣнно была бы неудачна. Мы знаемъ, что не отъ недостатка дарованія г. Соловьевъ не написалъ намъ Русской исторіи. Изъ его лекцій, которыя удалось намъ слышать, изъ разныхъ мѣстъ его сочиненій, видимъ мы совершенно тому противное. Мы знаемъ: у него довольно историческаго художественнаго таланта для непосредственнаго представленія мыслію проникнутыхъ событій;—но эпоха не та, но не пришла еще пора для Русской исторіи, и потому г. Соловьевъ можетъ написать только историческое изслѣдованіе.

Сказавъ теперь, къ какому роду принадлежитъ, по нашему мнѣнію, новый трудъ г. Соловьева, обратимся къ самому труду и посмотримъ, что высказываетъ въ немъ авторъ, какъ смотритъ на Іоанна IV, на его эпоху, на Россію XVI вѣка.

Не часто въ исторіи встрѣчаются эпохи, въ которыхъ бы историческій интересъ былъ такъ возвышенъ и такъ сосредоточенъ, какъ въ царствованіе Іоанна. Іоаннъ провелъ всю свою жизнь на престолѣ, съ лѣтъ младенческихъ до старческихъ, и какую измѣнчивую, бурную и многознаменательную жизнь. И общее значеніе эпохи, и великія событія, и личности, какъ самого Іоанна, такъ и окружающихъ его людей, все становитъ эту историческую въ жизни народа эпоху на ряду съ самыми замѣчательными.

Авторъ въ началѣ книги, говоря о первыхъ годахъ Іоаннова царствованія, высказываетъ очень вѣрную и важную мысль, о которой мы уже упоминали. Въ отношеніяхъ Іоанна къ боярамъ видитъ онъ послѣднее проявленіе борьбы между Государемъ, начинающимъ новый порядокъ вещей, пришедшимъ къ новому

понятію о власти, — и его дружиною, помнящею прежнее свое значеніе и старающеюся оное удержать. Приводимъ слова самого автора.

«Въ это правленіе рѣшенъ былъ чрезвычайно важный вопросъ для государственной жизни Россіи. Сѣверовосточная Русь объединилась, образовалось государство, благодаря дѣятельности князей Московскихъ; но около этихъ князей, ставшихъ теперь государями всей Руси, собрались, въ видѣ слугъ новаго государства, потомки князей великихъ и удѣльныхъ, лишенныхъ отчинъ своихъ потомками Калиты; они примкнули къ Московской дружинѣ, къ Московскому боярству, члены котораго должны были теперь, по требованію новаго порядка вещей, перемѣнить свои отношенія къ главѣ государства. Вокругъ великаго князя Московскаго, представителя новаго порядка, находившаго свой главный интересъ въ его утвержденіи и развитіи, собрались люди, которые жили въ прошедшемъ всѣми лучшими воспоминаніями своими, которые не могли сочувствовать новому, которымъ самое ихъ первенствующее положеніе, самый ихъ титулъ указывали на болѣе блестящее положеніе, болѣе высокое значеніе въ недавней, очень хорошо всѣмъ извѣстной старинѣ. При такомъ сопоставленіи двухъ началъ, изъ которыхъ одно стремилось къ дальнѣйшему, полному развитію, а другое хотѣло удержать его при этомъ стремленіи, удержать во имя старины, во имя старыхъ, исчезнувшихъ отношеній, необходимо было столкновеніе. Это столкновеніе видимъ въ княженіи Іоанна III и сына его, столкновеніе, выражающееся въ судьбѣ Патрикѣевыхъ, Ряполовскихъ, Холмскаго, Берсеня и другихъ; необходимы были стремленія со стороны великихъ князей освобождаться отъ людей, живущихъ стариною и во имя этой старины мѣшающихъ новому; необходимы были стремленія выдвигать людей новыхъ, которые бы не оглядывались назадъ, смотрѣли бы только впередъ и поэтому были бы покорными слугами новаго, отъ котораго получили свое значеніе, свое общественное бытіе. Но вотъ великому князю Василію Іоанновичу наслѣдуетъ малолѣтній сынъ его, Іоаннъ, который остается все еще малолѣтнимъ и по смерти матери своей, правившей государствомъ; въ челѣ управленія становятся люди, не сочувствовавшіе стремленіямъ государей Московскихъ; какъ же поступятъ теперь эти люди, у которыхъ развязались руки, которые получили полную возможность дѣйствовать въ свою пользу, по своимъ понятіямъ? Оправдаютъ ли они свое противоборство новому порядку вещей дѣлами благими, дѣлами пользы государственной? Уразумѣютъ ли, что безсмысленно вызывать на всегда исчезнувшую удѣльную старину, на всегда исчезнувшія отношенія, что этимъ вызовомъ можно вызвать только тѣни, лишенныя дѣйствительнаго существованія? Съумѣютъ ли признать необходимость новаго порядка, но не

отказываясь при этомъ отъ старины, съумѣютъ ли заключить сдѣлку между старымъ и новымъ во благо, въ укрѣпленіе государству? Съумѣютъ ли показать, что отъ старины остались крѣпкія начала, которыя, при искусномъ соединеніи съ новымъ, могутъ упрочить благосостояніе государства? Мы видѣли, какъ Шуйскіе съ товарищами воспользовались благопріятнымъ для себя временемъ. Въ стремленіи къ личнымъ цѣлямъ, они разрознили свои интересы съ интересомъ государственнымъ, не съумѣли даже возвыситься до сознанія сословнаго интереса. Своимъ поведеніемъ они окончательно упрочили силу того начала, которому думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ; и безъ того уже связь, соединявшая ихъ съ землею, была очень слаба: мы видимъ, что дѣйствуютъ на первомъ планѣ, борются, торжествуютъ, гибнутъ князья, потомки Рюрика, князья Суздальскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Смоленскіе, но гдѣ сочувствіе къ нимъ въ этихъ областяхъ? Не говорится, что за Шуйскихъ стояли Суздальцы и Нижегородцы всѣ городомъ, какъ за потомковъ своихъ прежнихъ князей; а сказано, что за Шуйскихъ стояли Новгородцы великаго Новгорода всѣ городомъ: вотъ одно только чувствительное мѣсто, которое отзывается на новыя движенія во имя старыхъ отношеній! Понятно, что еще меньше могли найти сочувствія князья Бѣльскіе и Глинскіе, Литовскіе выходцы. Сочувствіе могло быть возбуждено къ этимъ людямъ, еслибъ они тѣсно соединили свой интересъ съ интересами земли; но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться какъ можно сытнѣе. Понятно, что земля всѣми своими сочувствіями обратилась къ началу, которое одно могло защитить ее отъ этихъ людей, положить границу ихъ своекорыстнымъ стремленіямъ, — и вотъ молодой Царь пользуется ошибками людей, въ которыхъ видитъ враговъ своихъ, и съ лобнаго мѣста, во услышаніе всей земли говоритъ, что власть князей и бояръ, лихоимцевъ, сребролюбцевъ, судей неправѣдныхъ кончилась, что онъ самъ будетъ теперь судья и оборона, — и разборъ просьбъ поручаетъ человѣку, котораго взялъ изъ среды бѣдныхъ и незначительныхъ людей: на мѣстѣ Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, видимъ Адашева; Исавъ продалъ право первородства младшему брату за лакомое блюдо» (1).

Мы выписали цѣликомъ все мѣсто, хотя не все въ немъ кажется намъ справедливо.

Авторъ, въ окончаніи книги, касается опять той же мысли и говоритъ:

(1) И. Рос. Т. VI. Стр. 61—64.

«Долго Іоаннъ Грозный былъ загадочнымъ лицемъ въ нашей исторіи, долго его характеръ, его дѣла были предметомъ спора. Причина недоумѣній и споровъ заключалась въ незрѣлости науки, въ непривычкѣ обращать вниманіе на связь, преемство явленій. Іоаннъ IV не былъ понятъ, потому что былъ отдѣленъ отъ отца, дѣда и прадѣдовъ своихъ. Одно уже названіе: Грозный, которое мы привыкли соединять съ именемъ Іоанна IV, указываетъ достаточно на связь этого историческаго лица съ предшественниками его, ибо и дѣда его, Іоанна III, называли также Грознымъ. Мы жаловались на сухость, безжизненность нашихъ источниковъ въ Сѣверной Руси до половины XVI вѣка; жаловались, что историческія лица дѣйствуютъ молча, не высказываютъ намъ своихъ побужденій, своихъ сочувствій и непріязней (1). Но во второй половинѣ XVI вѣка борьба стараго съ новымъ, раздражительность при этой борьбѣ доходятъ до такой степени, что участвующіе въ ней не могутъ болѣе оставаться молчаливыми, высказываются; явно уличившаяся въ Москвѣ съ половины XV вѣка начитанность, грамотность помогаютъ этому высказыванію, этому веденію борьбы словомъ, и являются двое борцовъ, — внукъ Іоанна III и Софіи Палэологъ, Іоаннъ IV, и потомокъ удѣльныхъ Ярославскихъ князей, Московскій боярин, князь Андрей Курбскій. Курбскій указываетъ намъ начало непріязни въ самомъ собраніи земли, въ подчиненіи всѣхъ княжествъ сѣверной Руси княжеству Московскому; какъ боярин и князь, Курбскій указываетъ перемѣну въ отношеніяхъ Московскихъ великихъ князей къ дружинѣ ихъ, начало борьбы при Іоаннѣ III, указываетъ на Софію Палэологъ, какъ на главную виновницу перемѣны, еще сильнѣе вооружается онъ противъ сына Іоанна III и Софіи, Василія, и въ Іоаннѣ IV видитъ достойнаго наслѣдника отцовскаго и дѣдовскаго, достойнаго продолжателя ихъ стремленій. Слова Курбскаго вполнѣ объясняютъ намъ эти стремленія Іоанна IV, стремленія, обнаружившіяся очень рано, высказывавшіяся постоянно и сознательно. Намъ понятно становится это поспѣшное принятіе царскаго титула, желаніе сохранить его, желаніе связать себя и съ Августомъ Кесаремъ, и съ царемъ Владиміромъ Мономахомъ, желаніе выдѣлить себя, возвыситься на высоту недосягаемую; понятно становится намъ презрѣніе къ королю Шведскому, къ которому приписывается земля, къ Стефану Баторію, многомятежнымъ сеймомъ избранному, объявленіе, что нѣтъ имъ равенства съ Царемъ Московскимъ» (2).

Основная мысль—мысль очень вѣрная и много объясняющая. Она объяснитъ намъ и начало царствованія Іоаннова, и потомъ

(1) Впрочемъ Берсень не молчалъ. *Пр. К. А.*

(2) Ист. Рос. Т. VI стр. 135—37.

вновь возникшую борьбу, сопровождавшуюся такими страшными казнями, которыми истреблялъ Іоаннъ древнюю доблестную дружину. Точно, это было уничтоженіе прежнихъ отношеній князя и дружины; но уничтоженіе свирѣпое и безчеловѣчное, въ чемъ никогда не можетъ быть нужды. Намъ кажется, что почтенный авторъ не совсѣмъ справедливъ къ боярамъ, многимъ изъ которыхъ нельзя отказать въ доблести, и потому жалѣемъ, что г. Соловьевъ не развилъ еще осязательнѣе своей мысли, не представилъ, какъ насупротивъ Іоанна, проникнутаго идеальнымъ значеніемъ Царя, Іоанна, всюду носящаго съ собою сознаніе царскаго достоинства, — достоинства, еще новаго въ Россіи, — какъ насупротивъ этого Іоанна, блестящаго умомъ и способностями, стоитъ старое боярство, хотя уже много измѣнившаяся, но все доблестная, все знаменитая дружина, въ которой теперь уже тѣснятся густыми рядами недавно сидѣвшіе на удѣльныхъ своихъ столахъ Рюриковичи: князья Шуйскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Оболенскіе и пр. и пр.—Древняя доблесть ихъ ярко блещетъ въ началѣ царствованія Іоанна; имена ихъ раздаются около стѣнъ Казани, на поляхъ Ливоніи, передъ ними бѣгутъ Крымскіе ханы... Но значеніе ихъ миновало, и судъ исторіи совершается надъ древнею дружиною. Повторяемъ, вполнѣ сочувствуя съ авторомъ: историческая причина объясняетъ дѣло, но нисколько не оправдываетъ его нравственно. Если историческая необходимость вызываетъ ту или другую идею, то эта необходимость никогда не простирается на способъ и средства, съ помощію которыхъ проявляется идея. Преемство идей, по существу своему, должно совершаться въ духѣ человѣческомъ; тамъ должна идея бороться и побѣждать въ области свободнаго убѣжденія; и только несовершенство человѣчества вообще, или личный грѣхъ человѣка, заставляютъ сопровождаться ужасами то или другое начало.

Мы согласны съ самою мыслію, но однако позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія.

Прежде всего скажемъ, что борьба эта (Царя съ боярствомъ) была весьма не ровная, не только по силѣ той и другой стороны, силѣ, даруемой большею или меньшею современною потребностью, но и по характеру своему; съ одной стороны — борьба дѣйствительная, съ другой—чисто страдательная, такъ что

слово: борьба, принимаемое и г. Соловьевымъ, и нами, едва ли есть впрочемъ вполнѣ соотвѣтственное слово. Бояре противупоставляли Іоанну одно терпѣніе. Единственное, что они употребляли въ свою защиту,—это отъѣздъ, ихъ древнее право. Но для Іоанна врагъ, и врагъ опасный, точно существовалъ въ его воображеніи, и онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры и умыслы противъ него. — Мы не согласны съ словами автора, приведенными въ сдѣланной нами выпискѣ, которыя говоритъ онъ о боярахъ: «уразумѣютъ ли, что безсмысленно вызывать на всегда изчезнувшую удѣльную старину.... Своимъ поведеніемъ они упрочили силу того начала, которому думали противодѣйствовать во имя старыхъ правъ своихъ.»—Но они (бояре) ничего и не думали вызывать, ничему не противодѣйствовали. Правили они государствомъ даже по необходимости, ибо кому же было править въ малолѣтствѣ Государя, у котораго и матери не было? Правя государствомъ, они ссорились, боролись между собою, поступали своекорыстно, обходились грубо съ малолѣтнимъ Государемъ,—но ничего болѣе мы не видимъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Мало того: предъ Іоанномъ стояла не только древняя удѣльная дружина; въ эту дружину вошли князья, потомки Рюрика, и удѣльныя княжескія воспоминанія безспорно должны были имѣть здѣсь свое мѣсто.—Но и тутъ (и это составляетъ особенность Русской исторіи) мы нигдѣ не видимъ попытки возвратиться назадъ *на дѣль*. Рюриковичи, окружавшіе престолъ во время малолѣтства Іоанна, ни сколько не думали о возвращеніи своихъ удѣльныхъ правъ; а, кажется, время было какъ нельзя болѣе удобно. Бывшіе, такъ недавно, удѣльные князья довольствуются одними воспоминаніями, какъ Курбскій,—и только. Возможность дѣйствительнаго удѣльнаго права тогда уже ограничивалась необходимотѣснымъ кругомъ, семействомъ В. Князя Московскаго; тамъ еще оно признавалось самимъ Государемъ, — и потому двоюродный братъ Великаго Князя, Князь Владиміръ Андреевичъ, еще имѣетъ удѣлъ, еще помышляетъ о велико-княжескомъ и царскомъ престолѣ, мимо своего племянника. Но и здѣсь, гдѣ еще сама власть Государя хочетъ признавать удѣльное устройство, чувствуется, что это безсильный остатокъ разрушеннаго прошедшаго, одна тѣнь минувшаго. остальная засыхающая вѣтвь подрубленнаго дерева. Скоро изчезъ и этотъ послѣдній слабый слѣдъ удѣла. —

Удѣльныя воспоминанія должны были однако внести новую горечь въ то тяжелое чувство, которое безспорно обхватывало бояръ. Но повторяемъ: боярство вовсе не вело дѣйствительной борьбы.— Одна *идея* дружины, отвлеченная и молчаливая, стояла передъ царскимъ трономъ, — и она-то безпокоила Іоанна. Мы готовы скорѣе принять, что не въ малолѣтство Іоанна, а въ эпоху Сильвестра и Адашева, дружина или совѣтъ боярскій получилъ значеніе, но получилъ онъ значеніе вслѣдствіе нравственнаго преобладанія надъ Іоанномъ, хотя бы, можетъ быть, посредствомъ разныхъ устрашеній, о которыхъ онъ самъ говоритъ. — Но какъ скоро Іоаннъ рванулся на иной путь, то онъ не встрѣтилъ никакихъ препятствій, никакого сопротивленія; онъ рубилъ и терзалъ бояръ, сколько хотѣлъ; а они шли кротко на казнь, нѣкоторые только позволяли себѣ бѣгство.

Не можемъ не сдѣлать еще двухъ замѣчаній. Авторъ говоритъ о боярахъ (смотри наши выписки): «но вмѣсто того народъ увидалъ въ нихъ людей, которые остались совершенно преданы старинѣ и въ томъ отношеніи, что считали прирожденнымъ правомъ своимъ кормиться на счетъ ввѣреннаго имъ народонаселенія, и кормиться, какъ можно, сытнѣе.» — Часто повторялось съ ужасомъ это слово *кормиться*, понимаемое въ современномъ разговорномъ значеніи, безъ изслѣдованія историческаго, — и публика думала, что бояринъ, отправляющійся кормиться, беретъ, что хочетъ, что все имущество ввѣреннаго народонаселенія предоставляется ему *по праву*, въ полное распоряженіе. Но таково ли было дѣло, какимъ кажется теперь слово? То ли значило прежде *кормиться*, что̀ такъ наивно и легко подразумѣваютъ теперь подъ этимъ словомъ? — Знакомство съ памятниками показываетъ намъ совсѣмъ другое. Поэтому мы не можемъ не удивиться, какъ ученый авторъ, столь близко знакомый съ источниками, употребляетъ слово: кормиться, кажется, почти въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ употребляется оно людьми, знакомыми съ Русскою исторіей по слухамъ или поверхностно. — Кормленіе не было *произвольно*, оно было *опредѣлено* со всею точностію. Это было тоже жалованье, какое и теперь, жалованье, *строго опредѣленное*, но только получаемое натурою (а еслибъ хотѣлъ кормленщикъ, то и деньгами), и получаемое не изъ рукъ государства, а прямо изъ первыхъ рукъ народа. — Кормленщикъ не могъ потре-

бовать ничего болѣе того, что было ему назначено правительствомъ. И такъ мы столько же можемъ приходить въ ужасъ отъ слова: *кормиться*, сколько отъ слова: *получать жалованье*. Наши слова доказываются многими уставными грамотами, въ которыхъ подробно говорится, сколько должно давать корму, — а болѣе того брать не позволяется. Выписываемъ изъ одной уставной грамоты 1506 года:

«На въѣздъ волостелю кто что принесетъ, то ему взяти, а на Рожество Христово дадутъ волостелю кормъ со штижъ деревень: полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна; а на Петровъ день со штижъ деревень дадутъ волостелю кормъ: баранъ, десятеро хлѣбовъ; а пелюбъ волостелю кормъ, и они ему дадутъ за полоть мяса десять денегъ, за баранъ алтынъ, за мѣхъ овса алтынъ, за возъ сѣна алтынъ, за хлѣбъ по денгѣ. А тіуну его дадутъ кормъ, со штижъ деревень на всѣ тѣ три праздники (1) въ полы того; а праветчику его дадутъ поборъ съ деревни: на Рожество Христово восемь денегъ, а на Великъ день четыре денги, а на Петровъ день четыре жъ денги, а доводчику его дадутъ поборъ съ деревни: на Рожество Христово за коврягу денга, за часть мяса денга, за зобню овса двѣ денги, а на Великъ день за коврягу денга, за часть мяса денга, а на Петровъ день за коврягу денга, за сыръ денга. А тѣ три кормы и поборы волостелю и тіуну и праветчику и доводчику, на весь годъ; а болѣ того имъ иныхъ кормовъ и поборовъ нѣтъ никоторыхъ.» (2)

Кажется, ясно. Мы выбрали грамоту древнѣе той эпохи, о которой говоритъ г. Соловьевъ, чтобы показать, въ чемъ состояло это древнее право кормленія. Но есть опредѣленія этого кормленія гораздо древнѣе (3). Указываемъ на подобную грамоту 1536 года. Вотъ наконецъ еще свидѣтельство: грамота Іоанна IV, 1556 г. Въ грамотѣ сказано:

«Пожаловалъ есми Матѳея Мунзорина сына Хлудепева половиною ямскимъ, подъ Алабышемъ, Колобовымъ сыномъ Перепечина, въ *кормленье*; а наѣхати ему на свое жалованье велѣлъ въ Благовѣщеньевъ день, лѣта 7064. — И вы бъ ему дали *доходный списокъ съ книгъ, по чему* ему то

(1) Археограф. Ком. справедливо замѣчаетъ, что тутъ пропускъ; ибо сказано лишь о двухъ праздникахъ, о Рожествѣ, о Петровѣ днѣ, а о Пасхѣ не сказано, о которой упоминается въ другихъ грамотахъ, да и здѣсь ниже.

(2) Акты А. Э. Т. I. стр. 116.

(3) На пр. 1453—1462. См. Акт. Ист. Т. I. стр. 166.

ямское вѣдати и пошлина своя сбирати, *но тому жъ, какъ прежніе кормленщики то ямское вѣдали.*» — (1)

И такъ вотъ что значило кормленье. — Намъ могутъ сказать, что этотъ способъ жалованья, получаемаго не прямо отъ правительства, — не хорошъ. Но это уже совсѣмъ другой вопросъ, о которомъ мы здѣсь разсуждать не намѣрены. — Намъ скажутъ, что кормленщики не довольствовались положенною имъ мѣрою, а брали больше опредѣленнаго; но это была уже личная вина кормленщиковъ: на это законъ имъ *права* не давалъ. Это было уже *злоупотребленіе*, осуждаемое закономъ и устройствомъ древней Руси. Злоупотребленіе бываетъ всегда вездѣ, со всякимъ справедливымъ закономъ. — Разсматривайте же кормленщиковъ-грабителей, не какъ пользующихся правомъ, а какъ нарушающихъ право кормленія. Тогда вопросъ будетъ поставленъ вѣрно и совершенно иначе. — Не можетъ быть, чтобъ г. Соловьевъ, ученость котораго извѣстна, не зналъ этихъ грамотъ; онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что это право кормленія представляло много удобства къ его нарушенію. Тогда это уже совсѣмъ другое, и рѣчь должна пойти о томъ, какого рода законъ представляетъ болѣе удобствъ къ его нарушенію. — Намъ кажется, что это едва ли не все равно, и человѣкъ, въ которомъ въ самомъ нѣтъ внутренняго закона совѣсти, всегда, какъ скоро захочетъ, безъ труда можетъ нарушить законъ государственный. Примѣры тому видѣли и видятъ всѣ народы. — Мы пишемъ наше объясненіе кормленія не для г. Соловьева (онъ въ томъ, конечно, не нуждается), а для множества несостоятельныхъ судей о древней Руси, которые тѣмъ рѣзче судятъ о ней, чѣмъ менѣе ее знаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, просвѣщенный міръ едва ли представлялъ что-нибудь подобное тому легкомыслію, съ которымъ отзываются у насъ о древней Россіи. — Въ этомъ легкомысліи много дѣтскаго, много похожаго на желаніе *казаться большими*, къ которому такъ склонны дѣти, не замѣчая, что въ эту минуту они всего болѣе дѣти. — Это легкомысліе показываетъ, что мы все еще не привыкли къ Европейскому фраку, и все еще рады ему, какъ дѣти, которымъ только что повязали галстучекъ. — Похожее нѣчто представляютъ намъ также люди, вышедшіе въ знать и сты-

(1) Дополн. къ Акт. Ист. Т. I. стр. 153.

дящіеся среды, изъ которой они вышли, въ то время какъ она, можетъ быть, возвышеннѣе и благороднѣе ихъ блестящаго знакомства. Право, у насъ похвалить древнюю до-Петровскую Русь боятся, какъ mauvais genre.... Нѣтъ, это не просвѣщеніе! Это то полупросвѣщеніе, которое научаетъ только поднимать спѣсиво голову надъ всѣмъ, что къ этому полупросвѣщенію не подходитъ, и нагибать голову передъ всѣмъ, что считается авторитетомъ.— Но мы невольно увлеклись въ сторону; обратимся къ предмету.

На страницахъ 438 и 439 (см. выписку) авторъ видитъ родовое начало въ томъ, что Русскій бояринъ прибавляетъ къ своему имени имя отца, дѣда и прадѣда. «Но обратимся къ нашимъ боярамъ, къ ихъ именамъ, говоритъ авторъ: что встрѣтимъ? Даніла Романовичь Юрьевича Захарьина, Иванъ Петровичь Ѳедоровича.» Во первыхъ, этихъ примѣровъ не много. Мы желали бы, чтобъ авторъ привелъ еще примѣръ прибавленія имя прадѣда, кромѣ имъ приведеннаго. Прибавленіе же имени отца къ своему имени указываетъ прямо на семейное, а не родовое начало, ибо семья слагается изъ родителей и дѣтей. Во вторыхъ, обычай, встрѣчающійся иногда, прибавленія имени дѣда, указываетъ, кажется, намъ не на родовое, а на родословное (генеалогическое) начало, которое авторъ конечно находитъ, даже доселѣ, на Западѣ Европы; тогда отъ чего же дѣлать изъ него особенность нашего народа? Боярин «крѣпко стоитъ за то (гов. авторъ), чтобъ роду не было порухи». То есть, онъ стоитъ за честь своего рода, за честь своего имени, — чувство, весьма общее и очень сильно развитое на Западѣ. Но гдѣ же родовой *бытъ?* Спорятъ древнія имена и, въ этомъ смыслѣ, древніе роды, но гдѣ же у нихъ родовое устройство? Мы напротивъ думаемъ, что еслибъ было у Русскаго боярина чувство цѣлаго рода, то имѣлъ бы онъ и родовое прозвище. А онъ его не имѣлъ: оно является позднѣе. Онъ напротивъ соединялъ съ своимъ именемъ родословіе, и родословіе ближайшее, а не чувство цѣльнаго рода, которое выразилось бы однимъ общимъ прозвищемъ; а такого постояннаго прозвища въ древности не было: оно часто перемѣнялось, подвигаясь впередъ съ новымъ поколѣніемъ, и имя новаго дѣда или отца становилось въ свою очередь прозвищемъ. Впрочемъ, собственно имя дѣда есть прозванье, а имя отца — не прозвище, а отчество. — Это и теперь видимъ мы въ нашемъ народѣ: такъ нынче крестья-

нипъ такой-то прозывается Антоновъ, потому что дѣдъ его Антонъ, но правнукъ Антона называется Петровъ, потому что сынъ Антона, а его дѣдъ, зовется Петръ. Иногда прозвище идетъ черезъ нѣсколько поколѣній и потомъ уступаетъ мѣсто новому; иногда прозвище устанавливается. — Въ древности было то же самое и въ боярскихъ родахъ. При томъ, кажется, въ нихъ довольно часто имя дѣда удерживалось для внуковъ, и уступало имени новаго дѣда, черезъ поколѣніе. Такъ Романовы, во время Іоанна, называются *Захарьины*, по имени дѣда; а потомъ, черезъ поколѣніе, называются *Романовыми*, по имени Романа внука Захарьи и въ свою очередь дѣда знаменитаго Ѳедора (Филарета) Никитича. И такъ за ними удержалось не прозвище древнѣйшее: Захарьины, а позднѣйшее прозвище: Романовы. Всѣ такія обстоятельства родовому быту противорѣчатъ. Далѣе: всѣ эти явленія, которыя, по мнѣнію автора, доказываютъ начало родовое, находятся, какъ ему самому извѣстно, *только* въ служиломъ сословіи; странно, что авторъ какъ будто не замѣчаетъ этого и дѣлаетъ отъ нихъ заключеніе къ цѣлому народу; онъ говоритъ, по нашему мнѣнію, безъ всякихъ на то правъ: «въ глубинѣ жизни народной коренилось начало родовое.» — Вопросъ о родовомъ бытѣ, котораго мы лишь слегка здѣсь касаемся, разобранъ нами обстоятельно въ статьѣ нашей, помѣщенной въ I Т. Московскаго Сборника. Намъ бы весьма было желательно услышать, также *обстоятельныя*, возраженія на нее отъ кого-нибудь изъ защитниковъ родоваго быта.

Вотъ наши замѣчанія. Они не противорѣчатъ главной мысли автора. Необходимо прибавить, что отношенія Государя къ дружинѣ или, въ половинѣ XVI вѣка, Царя къ боярамъ, что вся эта борьба совершалась во внутреннемъ составѣ правительственномъ; все это происходило безъ участія народа, такъ сказать, надъ народомъ, а не въ немъ самомъ.

Думаемъ, что не худо кинуть здѣсь бѣглый историческій взглядъ на государственную власть въ Россіи въ ея внутреннемъ составѣ.

Первые три брата-князя, призванные Славянами, пришедши съ дружиною, сей часъ размѣстились по городамъ, и съ перваго же разу видимъ мы явленіе, совершенно противуположное единодержавію: сейчасъ являются три князя. При Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ, повидимому, возникаетъ единодержавіе, но совершенно

случайно, ибо у этихъ князей не было братьевъ. Къ тому же договоры ихъ съ Греками показываютъ, что въ городахъ было много подручныхъ имъ князей. Въ послѣдствіи, когда родъ княжой размножился, вся Россія управлялась всѣмъ этимъ княжимъ родомъ, всѣми наличными князьями. Такимъ образомъ Россія не представляла единаго, цѣльнаго государства, но, съ другой стороны, не представляла и отдѣльныхъ государствъ, не представляла даже федеративнаго государственнаго союза, ибо владѣнія князей были непрочны, и они сами переходили изъ города въ городъ. Возможность этихъ переходовъ показываетъ, что въ то же время *почва была одна*, что вся Россія была едина. И точно, Россія была едина, какъ одна Русская земля, соединенная вѣрою, языкомъ, жизнію и бытомъ; но, какъ Русское государство, цѣлости она не представляла. На единой Русской землѣ строились государственныя перегородки; князья, вмѣстѣ съ своими дружинами, переходили изъ города въ городъ, ссорились, сражались, выгоняли другъ друга. Несложившееся государственное устройство носилось надъ Землею. — Но какъ же могла выносить Русская земля такое безпокойное государственное устройство, это множество воинственныхъ, задорныхъ князей, сейчасъ прибѣгающихъ къ мечу въ своихъ спорахъ? Мы же знаемъ при томъ, что въ каждомъ городѣ собиралось народное вѣче. Отвѣтъ на это одинъ: мѣнялись князья, но отношеніе ихъ къ народу не мѣнялось; устройство народное отъ этой перемѣны не терпѣло: и потому Ростиславъ или Изяславъ, Всеволодъ или Олегъ, — для народа было все равно, ибо отношенія князя къ народу и народное устройство оставались тѣ же: какое же тутъ дѣло до лица самого князя? Всѣ эти споры и ссоры князей были дѣломъ промежду ихъ; въ этомъ дѣлѣ непосредственное участіе принимали ихъ княжія дружины. Народу не было дѣла до ихъ родовыхъ счетовъ, до ихъ правъ на старшинство; родовое устройство, бывшее отчасти въ Рюриковскомъ родѣ (родѣ пришломъ, не забудьте), чуждое Русскому народу совершенно, не могло возбуждать въ немъ участія, ни даже быть ему понятно. Впрочемъ иногда народъ вмѣшивался въ княжую борьбу; это бывало: или когда эти безпрестанныя сраженія уже слишкомъ вредили его матеріальному благосостоянію, — и тогда народъ удалялъ отъ себя князя, изъ-за котораго шелъ споръ; или же,

когда князь имъ лично былъ по душѣ, — и тогда народъ вооружался за него, какъ на пр. Кіевъ за Изяслава Мстиславича. Но и тутъ, если борьба должна была быть тяжела и разорительна для общественнаго благосостоянія, народъ говорилъ даже и любимому князю (на пр. тому же Изяславу Мстиславичу): мы тебя любимъ, князь, но нечего дѣлать, иди прочь: не твое время. — Иногда ссорились и воевали городъ съ городомъ, и тогда князья были ихъ военачальниками и служили иногда для нихъ предлогомъ. — Скажутъ, что такое устройство было для народа обременительно, имѣло много недостатковъ: нѣтъ спору; но какое же ихъ не имѣетъ? И такъ какъ всякое устройство имѣетъ свои недостатки, то Русская земля терпѣла и это устройство, стараясь по возможности уменьшать его неудобства и брать противъ нихъ мѣры, не участвуя въ княжихъ распряхъ и иногда прекращая ихъ, чрезъ объявленіе князю, чтобъ онъ удалился; дальнѣйшее улучшеніе государственнаго устройства Русская земля предоставляла времени и постепенному ходу жизни.—И такъ Русскою землею владѣли *князья*. Правда, одинъ изъ нихъ, еще въ самыя первыя времена, назывался: *великій*, но это не былъ титулъ, означающій особую власть. Это значило: *старшій*,—какъ и теперь, *большой* значитъ *старшій* (*большой* сынъ, *большой* братъ, употребляется въ смыслѣ *старшій*). Уже самое множество князей, въ одной землѣ, уничтожало единодержавіе и лишало ихъ значенія самовластнаго Государя.—Сверхъ того князь изначала явился на Руси, окруженный дружиною; значеніе дружины было важно; это былъ совѣтъ, общество князя; мнѣніемъ дружины онъ дорожилъ и совѣту ея слѣдовалъ; здѣсь не было никакого прямаго ограниченія власти князя, но, единственно въ силу обычая, дружина имѣла постоянный вѣсъ въ его намѣреніяхъ и предпріятіяхъ, и являлась сама независимою: дружинникъ имѣлъ право переходить отъ князя къ князю. Дружина, съ своей стороны, хотя только въ силу обычая, какъ мы сказали, умѣряла самовластіе князя. — Таково было сначала государственное устройство въ Россіи. Споры у князей шли сперва за Кіевъ. Кіевъ былъ для нихъ домъ отцовскій; здѣсь была мысль о *чести* княжескаго стола, и споръ былъ за нее. Но время шло своимъ необходимымъ ходомъ; значеніе Государства выступало; междоусобіе князей приняло иной характеръ. Кіевъ потерялъ свое значеніе.

Возникъ Владиміръ. Князь его, Андрей Суздальскій, по словамъ лѣтописи, хотѣлъ быть *самовластецъ* (единодержецъ) въ Русской землѣ. Явилась мысль у князей уже не только о чести княжескаго стола, но о матеріальномъ могуществѣ княжества. А въ это время нагряпули Татары и соединили Русь новымъ общимъ союзомъ, союзомъ общей бѣды, общаго плѣна.—Русскіе князья давно знали, что есть иная власть Государева, власть Царская, власть единодержавная и нераздѣльная. Духовенство давно говорило имъ о этой власти. Это классическое понятіе сообщено было имъ Византіею; оно осѣнило Владиміра Мономаха, но тогда это было преждевременно, больше какъ пророчество. Теперь явилась передъ Россіею или, лучше, вознеслась надъ нею, иная, цѣльная, страшная власть, власть Татарскаго Хана. Въ Россіи стали давать ему тоже титулъ *Царя*. Татары не властвовали Россіею, но держали ее подъ игомъ, оставя ей прежнее устройство и лишь подчинивъ его своей верховной власти, и отъ времени до времени вторгались въ нее, все истребляя и разрушая. Князья, признавъ власть Татарскаго Хана, продолжали между собою тѣ же отношенія, но уже въ измѣненномъ видѣ. Поссорившись, они принуждены были ѣздить въ Орду: тамъ выпрашивать себѣ права на великое княженіе, тамъ искать рѣшенія своего спора. Тамъ видѣли они передъ собою и чувствовали на себѣ страшную, цѣльную, единую власть, въ лицѣ Татарскаго Хана; но между собою они не забывали при этомъ и другаго способа: своего стараго боеваго Варяжскаго меча. Еще нѣсколько времени и подъ властію Татаръ, междоусобіе князей носитъ предыдущій отпечатокъ: то есть, стремленіе усилить свое княжество на счетъ другаго; къ усиленію своего могущества стремится и Рязань, и Тверь, и Нижній Новгородъ. Наконецъ Москва поднимаетъ знамя *всей Руси*,— уже не Москвы, а всей Руси, не только въ земскомъ, но и въ государственномъ значеніи. Съ этой минуты, какъ поднято наконецъ это знамя, прекращеніе междоусобій становится неизбѣжнымъ. Передъ такимъ знаменемъ все должно было смириться! Единство Русскаго государства и единство Русской земли должны были наконецъ возникнуть рядомъ, ибо доселѣ дробленіе государственное затрудняло единство Русской земли. Около знамени всей Россіи, поднятаго Москвою, начинаетъ собираться вся Россія. — Великій Князь Московскій именуется Великимъ Кня-

земъ всея Руси, и удѣльные князья быстро падаютъ передъ нимъ одинъ за другимъ, и нигдѣ не видимъ мы ни малѣйшаго къ нимъ сочувствія со стороны народа, въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Русская земля, и прежде мало принимавшая къ сердцу ихъ споры, теперь не обнаружила ни малѣйшаго сожалѣнія о ихъ паденіи. Естественно, что единая цѣльная земля тяготилась государственнымъ раздѣленіемъ и была рада, когда Москва сильною рукою стала ломать всѣ эти государственныя перегородки. Русская земля, очевидно, охотно признаетъ единодержавіе Великаго Князя, уже не только Московскаго, но всея Руси. Два царства, столь близко знакомыя Россіи по различнымъ отношеніямъ,— падаютъ въ это время: падаетъ Византія, разваливается Орда; но соблазнительная теорія Византійскаго Императора и соблазнительная практика Татарскаго Хана сильно дѣйствуютъ на Великаго Князя Московскаго и оставляютъ на немъ слѣды. Онъ не сдѣлался ни Грекомъ, ни Татариномъ; онъ только невольно принялъ на себя эти оттѣнки, данные исторіей, и тѣмъ быстрѣе и рѣзче пошелъ къ *своей* самостоятельной предположенной цѣли. Изъ-подъ двухъ разрушенныхъ, хотя и различныхъ царствъ, является новое, цѣльное, единое царство — Царство Русское; является новый самодержавный царь — Царь Русскій. Но не смотря на постороннія вліянія, новое Русское Царство и новый Русскій Царь были своеобразны, самобытны и представили міру еще небывалое явленіе. Вліянія, оттѣнки могли быть посторонніе; но Царство Русское, въ существѣ своемъ, было создано народнымъ самостоятельнымъ духомъ Россіи. Это, надѣюсь, будетъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ нашихъ.

Чѣмъ же теперь могла быть при царѣ древняя княжая дружина? Времена измѣнились. Настала иная пора. Уже не было переходныхъ князей, съ которыми переходила и дружина, не пуская корней въ землю, составляя бродячій совѣтъ князя, — князя, который и самъ не имѣлъ настоящей осѣдлости. Съ жизнью народной дружина была прежде мало связана и не могла тяготѣть надъ нею, по крайней мѣрѣ, сильно. Въ послѣдствіи удѣльные князья стали оставаться долѣе, и потомъ даже постоянно, на своихъ удѣлахъ. Наконецъ и удѣлы изчезли,—и явился уже одинъ Царь и Великій Князь Московскій и всея Руси: единый Царь и единая цѣльная Русская Земля. Дружина окружила престолъ Царя. Дру-

жина была доблестна, правда,—но, не смотря на всю свою доблесть, дружина уже начала составлять теперь сословіе, болѣе или менѣе втягивающее въ себя благородныя силы народа, себѣ предоставляющее подвиги, себѣ присвоивающее исключительную славу, мѣшающее дружному теченію всего народа; а дружнаго теченія всего народа не замѣнятъ никакія доблести извѣстнаго сословія. Дружина, съ своимъ прежнимъ значеніемъ, была необходима для князей, переносившихся изъ города въ городъ; она не нужна, она вредна для единаго Царя и для всей Земли. Становясь между народомъ и Царемъ, дружина стѣсняла обоихъ. Народъ, призывая нѣкогда государственную власть, призывалъ Князя, а не дружину: народъ хотѣлъ знать его да себя; повиноваться боярамъ Русскій народъ никогда не думалъ. Съ другой стороны, новое самодержавіе не хотѣло дѣлиться властію съ дружиною. Мы сказали, что права дружины не были опредѣлены, но, вслѣдствіе обычая, значеніе ея было велико. Теперь, когда идея самодержавія, идея власти государственной, цѣльной и нераздѣльной, проникла убѣжденіе правительства, правительство не захотѣло быть *обязанным*ъ, хотя и по обычаю, во всѣхъ дѣлахъ совѣтоваться съ дружиною. Іоаннъ III и сынъ его начали ослаблять и уничтожать дружину, получившую въ послѣдствіи новую силу отъ прилива въ нее князей Рюриковичей, лишенныхъ удѣловъ. Наконецъ возникъ Царь Іоаннъ IV, Царь съ идеальнымъ понятіемъ о царской власти, религіозно проникнутый уваженіемъ къ своему царскому сану. Онъ говоритъ: «народился есми Божіимъ изволеніемъ на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ, благословилъ государствомъ; и взросъ есми на государствѣ» (1). При такомъ Царѣ борьба должна быть рѣшена. Старой дружинѣ нѣтъ уже мѣста въ Русскомъ государствѣ. Требованіе исторіи совершается: Царь сокрушаетъ дружину, а народъ молча присутствуетъ при ея сокрушеніи. Народъ не принималъ участія въ борьбѣ князей, не принималъ участія въ уничтоженіи удѣловъ, не принималъ участія въ истребленіи дружины, и потому на казни смотрѣлъ только съ человѣческой стороны, съ ужасомъ и состраданіемъ. Послѣдняя тѣнь дружинныхъ преданій должна была изчезнуть, и она изчезла; борьба окончилась, заключившись письменною борьбою

(1) Сказанія кн. Курбск. Ч. II., стр. 121.

новаго Царя и стараго дружинника, потомка князей удѣльныхъ. Это явленіе, что Царь и подданный прибѣгаютъ къ перу, къ силѣ слова, и вступаютъ въ словесный споръ, показываетъ, что для сознанія и того и другаго—мало побѣды грубой силы, но нужна побѣда духа; и тому, и другому нужно быть правымъ передъ нравственнымъ судомъ мысли, совѣсти, исторіи. Г. Соловьевъ справедливо придаетъ важность этой перепискѣ. Бояре впрочемъ не изчезли; остался думный бояринъ, осталась боярская Дума; но боярская Дума — было правительственное *мѣсто;* но думный бояринъ была правительственная *должность.* Царь совѣтовался съ ними, соблюдая обычай, но свободно, не будучи обязаннымъ совѣтоваться.

Мы видимъ, что государство измѣнилось во внутреннемъ своемъ составѣ, что оно устроилось иначе внутри себя, что дружина изчезла, и бояре стали холопи государевы. Вся эта перемѣна совершилась внутри самого правительства, ибо дружина, бояре, все это были части государства, участники правительственной власти. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, въ какія отношенія стало новое государство къ народу или къ Землѣ? Измѣнились или нѣтъ эти отношенія? Опредѣлила ли себя новая правительственная власть передъ народомъ или Землею, какъ поняла она народъ или Землю? Не можетъ быть, чтобъ этого не было. Народъ въ древней Россіи не былъ одною вещественною массою, до которой правительству не было дѣла, изъ которой правительство брало только или войско, или деньги; самъ онъ также никогда не смотрѣлъ на себя, какъ на существо безсловесное. Вспомнимъ, что до Московскаго періода, при множествѣ отдѣльныхъ княжествъ, мы безпрестанно видимъ вѣча (вѣче—отъ вѣщать), видимъ сильный элементъ совѣщательный. Чтожъ съ нимъ сталось, съ этимъ элементомъ? Внутри государственнаго состава произошла перемѣна. Отношенія Государя къ дружинѣ перемѣнились. А что же отношенія Государя къ Землѣ? Перемѣнились они или нѣтъ? какъ перемѣнились? и чѣмъ стали они?—Какъ отразилась или обозначилась правительственная перемѣна въ отношеніи къ народу?

На этотъ вопросъ книга г. Соловьева не даетъ никакого отвѣта. Правда, г. Соловьевъ касается именно тѣхъ явленій, которыя могли бы дать здѣсь ясное указаніе, но онъ ихъ касается совершенно слегка и объясняетъ весьма поверхностно. Поэтому мы

считаемъ нужнымъ на вопросъ, нами указанный, дать отвѣтъ и высказать, какъ мы понимаемъ это дѣло.

Государство, какъ мы видѣли, было въ разрозненномъ и раздробленномъ видѣ надъ единою Русскою землею. Земля Русская, въ ту пору, являлась отдѣльными общинами, имѣвшими отдѣльныхъ князей, но сознавала свою общую цѣлость. Жизнь земская выражалась вѣчами, бывшими въ этихъ отдѣльныхъ общинахъ. Съ этими вѣчами совѣщался князь, и въ нихъ вообще выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе *власти* государственной къ *мысли* народной. Входить здѣсь въ подробности мы не имѣемъ нужды.—Мы видѣли также, что Земля была равнодушна къ распрямъ князей, во сколько онѣ не касались ея благосостоянія и быта. Мы уже сказали, что это государственное дробленіе мѣшало цѣлости всей Русской земли. — Какъ скоро государство стало единымъ надъ единою Русскою землею; какъ скоро оно почувствовало свою цѣлость; какъ скоро великій князь Московскій сталъ Царемъ: тогда государство, единое, обращается къ единой Русской Землѣ и зоветъ ее всю на совѣтъ. Первый Царь созываетъ первый Земскій Соборъ. На этомъ Соборѣ встрѣчаются Земля и Государство, и между ними утверждается свободный союзъ. Отношенія Царя и народа опредѣляются: Правительству — сила власти, Землѣ — сила мнѣнія. На Земскомъ Соборѣ торжественно признаются эти двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыя стала пріобрѣтшая единство, государственная власть — къ Землѣ. Древнія областныя вѣча, не всегда остававшіяся въ предѣлахъ одного мнѣнія, но примѣнявшія нерѣдко употребленіе грубой внѣшней силы, преобразились, при единодержавіи, въ Земскій Соборъ всей Россіи,—явленіе, уже имѣющее одну *чисто нравственную* силу мнѣнія, безъ всякой примѣси внѣшней принудительности, — силу, къ которой обращалось Правительство, какъ къ самой надежной и вѣрной подпорѣ. Выборные на Земскомъ Соборѣ обыкновенно отвѣчали въ такомъ родѣ: «Какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, Государь, — это твоя воля; а наша мысль — такова.»

Обратимся къ самой исторіи, къ самымъ событіямъ. Первымъ движеніемъ Іоанна, — въ характерѣ котораго лежала потребность

все выразить, всему дать форму, названіе, торжественное опредѣленіе, — первымъ движеніемъ Іоанна Царя было: созвать на Красную площадь Земскій Соборъ. На этомъ Соборѣ Царь возвѣстилъ только Землѣ, что наступила новая эпоха, новыя между ними отношенія. На этомъ Соборѣ Царь и Земля увидались другъ съ другомъ, и ярко выступилъ новый составъ Россіи: *единый* Царь и *вся* Земля. Созваніе Земскаго Собора было собственнымъ дѣйствіемъ Іоанна, внушенное сознаніемъ значенія Царя въ Россіи. Новое возвѣщенное начало, заявившее себя созваніемъ отъ Царя перваго Земскаго Собора, было приложено къ дѣлу въ послѣдствіи. Въ 1566 году, Іоаннъ IV созвалъ опять Земскій Соборъ и спрашивалъ мнѣнія, мириться ли съ Польшею на предложенныхъ ею условіяхъ, или воевать, требуя бо́льшихъ уступокъ.

Если скажутъ, что созваніе Земскаго Собора не имѣло того значенія, что это было личное дѣйствіе Іоанна, его личное желаніе, то въ отвѣтъ на это мы укажемъ на цѣлый рядъ Земскихъ Соборовъ, отсюда возникающихъ и продолжающихся вплоть до самаго Петра I-го, такъ что послѣдній Земскій Соборъ распускается отъ имени Петра. Намъ скажутъ, что этихъ Соборовъ мы не видимъ ни въ царствованіе Ѳедора, ни въ царствованіе Годунова. Отвѣчаемъ на это во первыхъ, что, начиная съ Царя Михаила Ѳедоровича, нельзя уже не признать цѣлаго ряда Соборовъ, и что все-таки первый Земскій Соборъ былъ созванъ первымъ Русскимъ Царемъ. Во вторыхъ: только о нѣкоторыхъ Соборахъ сохранились извѣстія полныя, цѣлые протоколы засѣданій; объ иныхъ извѣстія краткія; объ иныхъ узнаемъ изъ грамотъ, до нихъ касающихся; а объ иныхъ изъ грамотъ, даже не касающихся до нихъ, но гдѣ однако ясно и опредѣленно объ нихъ говорится въ нѣсколькихъ строкахъ. И такъ, мы можемъ предположить, что Земскіе Соборы могли быть при Ѳедорѣ и Борисѣ, но что извѣстія о нихъ или потеряны, или существуютъ въ другихъ грамотахъ, между множествомъ постороннихъ словъ, точно такъ же, какъ укрывались извѣстія и о позднѣйшихъ Соборахъ, пока нашелъ ихъ внимательный глазъ изслѣдователя.

И такъ при первомъ Русскомъ Царѣ созванъ былъ первый Земскій Соборъ. Отсюда идутъ Земскіе Соборы до самаго Петра.

При Іоаннѣ IV извѣстны намъ два Собора, о которыхъ мы упомянули; но быть можетъ было ихъ и больше (1).

При Ѳедорѣ Ивановичѣ мы вовсе не имѣемъ извѣстія о Соборахъ; но однако именно при Ѳедорѣ Ивановичѣ произносятся боярами замѣчательныя слова, показывающія, что Земскіе Соборы или совѣтъ со всею Землею вошли въ жизнь и сознаніе Россіи, были ея убѣжденіемъ. Бояре, при переговорахъ съ Поляками о избраніи на престолъ Ѳедора Ивановича, на предложеніе посла Гарабурды постановить вѣчный миръ, говорятъ: «это дѣло великое для всего Христіанства; Государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ со всею Землею, сперва съ Митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею Землею; на такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ» (2). Еслибъ даже это была и отговорка, то это указываетъ на существующее явленіе и мнѣніе въ Россіи; отговариваются тѣмъ, что есть, что возможно, а небывалыми, необычными вещами не отговариваются. Поляки возражаютъ, что въ Россіи думаетъ Государь съ боярами, а Землѣ до того нѣтъ дѣла (3). Но это показываетъ только, что Поляки не понимали Русской жизни, ибо въ ней не было ничего опредѣленно-условнаго и принудительнаго, не понимали, что Землѣ предоставлялась чисто нравственная власть, нисколько не стѣсняющая насильственно власти государственной. Этого имъ и растолковать было нельзя.—Земскій голосъ скоро проявился явственно при избраніи на царство Бориса, когда избирательная ему на царство грамота была подписана выборными отъ всѣхъ сословій Россіи. При восшествіи на престолъ Василія Шуйскаго, выражается уже ясно

---

(1) Въ описи царскаго Архива встрѣчаемъ слова, не очень ясныя, которыя какъ будто указываютъ на какія-то засѣданія, можетъ быть, на Земскіе Соборы; но указаніе неясно, и мы можемъ лишь догадываться. Вотъ эти слова: при описаніи разныхъ бумагъ, находящихся въ 191 ящикѣ, говорится: „А въ немъ указъ, какъ Государь пріѣхалъ изъ Слободы о опричинѣ и списокъ судовъ серебреныхъ, которые отданы въ земское; отпускъ Яни Янова сына въ Литву, и запись поручная Доношкова, *и списки Государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ*, въ сафьянномъ мѣху. 76 (1568) лѣта, Генваря мѣсяца".—Акты Ар. Эк. Т. I, стр. 349.

(2) Избраніе Сигизмунда Вазы, г. Соловьева. Р. В. № 17, стр. 16.

(3) Тамъ же, стр. 19.

требованіе, чтобы, при избраніи Царя, Царь былъ выбранъ всею Землею, и Василій Шуйскій считается незаконнымъ, ибо онъ не былъ выбранъ всею Землею. — Во время междуцарствія, Русская земля, лишенная Государства, предоставленная самой себѣ, принужденная взяться за всѣ дѣла, явила, какъ живо въ ней земское совѣщательное начало. Города, области ссылались между собою; вся страна покрылась совѣтами, вѣчами, сходками. — Приводимъ замѣчательныя слова князя Василія Васильевича Голицына, посланнаго въ послахъ отъ всей Земли къ Сигизмунду III просить въ Цари сына его Владислава, слова, въ отвѣтъ на требованіе Поляковъ, чтобы послы повиновались грамотамъ изъ Москвы, подписаннымъ боярами.—Сказавъ уже однажды, что они отпущены на посольство отъ всего освященнаго Собора, отъ всѣхъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всея Земли, и потому они и о дѣлахъ своихъ отдаютъ отчетъ не однимъ же боярамъ, но въ началѣ Патріарху и властямъ, а потомъ имъ боярамъ и всей Землѣ (стр. 169),—князь В. В. Голицынъ повторилъ опять свои слова такъ: «Отпущали насъ къ Великимъ Государемъ бити челомъ Патріархъ и бояре и всѣ люди Московскаго Государства, а не одни бояре; и въ прочихъ грамотахъ и въ наказѣ и во всякихъ дѣлахъ писанъ у насъ въ началѣ Патріархъ и весь освященный Соборъ, и бояре, и всѣхъ чиновъ всякіе люди Московскаго Государства: *а отъ однихъ бы бояръ я князь Василій и не поѣхалъ*» (1). Вотъ какъ смотрѣли сами бояре на значеніе всей Земли.—Наконецъ, когда, сломивъ враговъ своихъ, Русская земля вновь, какъ въ 862 году, поставила себѣ Государство, — она выбрала себѣ Царя, вся, всею Землею. — Вскорѣ послѣ избранія Михаила Ѳедоровича на царство, Земскій Соборъ, еще не распущенный, въ наказѣ посламъ къ Императору Австрійскому велитъ сказать ближнимъ, думнымъ его людямъ, что ни у кого изъ Русскихъ и въ мысляхъ не бывало выбирать брата его на Россійскій престолъ; высказываетъ сомнѣніе, чтобы князь Пожарскій сдѣлалъ это предложеніе; говоритъ, что развѣ онъ это сдѣлалъ безъ совѣту всей Земли, и прибавляетъ: «*а то вамъ думнымъ людямъ мочно и самимъ разсудити, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей Земли не дѣлается* (2). — Кажется, все приведенное, а въ

(1) Дополн. къ Дѣян. И. В. Т. II, стр. 164—165.
(2) С. Г. Г. и Д. III.—стр. 68.

особенности эти слова ясно говорятъ, что совѣтъ всей Земли, Земскій Соборъ, былъ явленіемъ не случайнымъ, но кореннымъ, основнымъ, жизненнымъ явленіемъ древней Россіи. — Отстоявъ свою независимость, Русская Земля вновь призвала Государство и вновь поставила себѣ Царя, избраннаго всею Землею. Послѣ этого великаго подвига освобожденія, послѣ яркаго свидѣтельства довѣренности Земли Русской къ Государству, которому предоставлена была вновь неограниченная власть,—Русская Земля и Государство стали еще въ тѣснѣйшія отношенія. Отсюда начинается уже цѣлый рядъ Земскихъ Соборовъ: Государство часто призываетъ Землю на совѣтъ. Три первые Царя изъ роду Романовыхъ охотно собираютъ Земскіе Соборы, какъ скоро встрѣчается важное дѣло, касающееся до всей Россіи.—Мы сказали, что, къ сожалѣнію, о многихъ Соборахъ мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній, а часто только однѣ, несомнѣнныя впрочемъ, на нихъ указанія, встрѣчающіяся между словъ, изъ чего можно заключить, что ихъ было еще гораздо болѣе. При одномъ Царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ насчитывается до 12 Земскихъ Соборовъ, изъ которыхъ нѣкоторые собирались для обсужденія новыхъ налоговъ. — При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, для обсужденія Уложенія (кодекса законовъ) былъ собранъ Земскій Соборъ. Выборные долго жили въ Москвѣ, представляя свои мнѣнія особыми бумагами, которыя назывались «челобитными»; наконецъ составленное Уложеніе было прочтено выборнымъ, и они приложили къ нему свои подписи для того, какъ сказано въ древнемъ актѣ объ Уложеніи, «чтобы то все уложенье было прочно и неподвижно» (1). — Когда Малороссія просила Царя о присоединеніи ея къ Россіи, то рѣшеніе этого важнаго вопроса было предложено также Земскому Собору. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, въ свое короткое царствованіе, созывалъ два Собора: одинъ для уничтоженія мѣстничества; на этомъ Соборѣ были только служилые люди, ибо вопросъ о мѣстничествѣ до Земли не касался: Земля не служила и не мѣстничалась. Другой — былъ Земскій Соборъ, предметъ котораго былъ весьма важенъ. Онъ былъ созванъ для уравненія всякихъ службъ и податей; объ немъ знаемъ мы только изъ грамоты къ князю Борятинскому, 1682 г., Мая 6, въ которой сказано, что онъ распус-

(1) П. С. З. Р. И. Т. I. стр. 2.

кается.—Это былъ послѣдній Земскій Соборъ; онъ распускается отъ имени Петра, тогда еще малолѣтняго. Во время этого Собора, Царь Ѳедоръ Алексѣевичь умеръ, и вѣроятно этотъ самый Соборъ утвердилъ Петра Царемъ: ибо въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ говорится, что Петръ выбранъ всею Землею. Приведемъ выписки изъ этой грамоты, содержащей въ себѣ такое драгоцѣнное свѣдѣніе: «Отъ Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, къ Соли Камской, стольнику нашему и воеводѣ, Князю Ѳедору Юрьевичу Борятинскому. Указали мы Великій Государь и бояре наши приговорили: всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей, которые, по указу брата нашего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, присланы были къ Москвѣ, для разборовъ и исправленія во всякихъ службахъ и податяхъ, съ посадовъ въ двойникахъ, — всѣхъ отпустить по домамъ.» Далѣе говорится, что эти двойники (т. е. двое отъ одного избирательнаго мѣста) должны, съ другими со всякими людьми, выбрать въ таможни, на кружечные дворы, и къ иным сборамъ, головъ и надежныхъ цѣловальниковъ. И что какъ скоро двойники Соли Камской пріѣдутъ домой, то они должны у Соли Камской сдѣлать тоже. Воеводѣ приказано оказывать всякое вспоможеніе въ этихъ выборахъ, и ни подъ какимъ видомъ въ нихъ не вмѣшиваться. Въ заключеніи грамоты говорится: «А о избраніи службъ и всякихъ податей, и о чемъ тѣ двойники о мирскихъ дѣлахъ били челомъ и подавали челобитные (выше мы объяснили это выраженіе),— и о томъ, противъ (т. е. въ отвѣтъ на) ихъ челобитья, нашъ Великаго Государя указъ къ Соли Камской присланъ будетъ вскорѣ» (1). Грамота вообще очень замѣчательна; видно, что достоинство выборнаго на Земскій Соборъ весьма уважалось Правительствомъ; это видно уже и изъ того, что имъ поручается, возвратясь, совѣщаться со всѣми мірскими людьми для выборовъ въ разныя должности. Видно, что выборные говорили и подавали свои мнѣнія, и что, въ отвѣтъ на нихъ, Правительство хотѣло дать указъ.

Но при этихъ Земскихъ Соборахъ, были ли соборы мѣстные,

(1) Ак. Ис. Т. V. стр. 133—134.

частные, приготовительные, на которыхъ бы давались выборнымъ наставленія отъ выбравшаго ихъ мѣстнаго міра? Есть ли о томъ хотя какіе-нибудь слѣды? Намъ кажется, что вопросъ этотъ разрѣшается уже и самъ собою. Нельзя предположить, чтобъ не было мѣстныхъ соборовъ, на которыхъ область или городъ (вообще избирательная округа) давали наставленія выборнымъ, отъ нихъ посылаемымъ, на общій Земскій Соборъ. Особенно нельзя этого допустить, принимая въ разсчетъ сильное совѣщательное начало, проявлявшееся всюду и постоянно по всей Русской землѣ, и еще поддерживаемое и возбуждаемое Правительствомъ древней Россіи. — Но кромѣ этихъ соображеній, мы можемъ указать, въ двухъ грамотахъ отъ Земскаго Собора къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и къ его матери, Марьѣ Ивановнѣ, на выраженіе, ясно показывающее, что такого рода мѣстныя предварительныя совѣщанія были. Вотъ эти слова: «и для бъ Государскаго избиранья ѣхали изъ городовъ къ Москвѣ изо всякихъ чиновъ люди, *договоряся въ городахъ накрѣпко и взявъ у всякихъ людей о Государскомъ избираньи полные договоры*» (1).

Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за отступленіе; думаемъ, что вопросъ, поставленный нами, объ отношеніи правительства, со времени единодержавія, къ народу въ древней Россіи — стоилъ того, чтобы, по возможности, дать на него отвѣтъ. Обращаемся вновь къ Исторіи г. Соловьева.

Г. Соловьевъ объясняетъ Опричнину, по нашему мнѣнію, неудовлетворительно. Онъ говоритъ, что это было для Іоанна средствомъ освободиться отъ всѣхъ бояръ своихъ, имъ заподозрѣнныхъ, по крайней мѣрѣ освободиться отъ постояннаго сообщенія съ ними; что всѣхъ ихъ удалить и замѣнить людьми новыми или *молодыми* — было невозможно. Авторъ говоритъ: «Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство — самому уйти отъ него: Іоаннъ такъ и сдѣлалъ» (стр. 219). Далѣе, на страницѣ 220-й: «Опричнина была учреждена, потому что Царь заподозрилъ вельможъ въ непріязни къ себѣ и хотѣлъ имѣть при себѣ людей, вполнѣ преданныхъ ему.» — Наконецъ, на стр. 439, авторъ говоритъ: «Такъ Опричнина, съ одной стороны, была слѣдствіемъ враждебнаго отношенія

(1) С. Г. Г. и Д. Т. III. стр. 6

Царя къ своимъ боярамъ; но, съ другой стороны, въ этомъ учрежденіи высказался вопросъ объ отношеніяхъ старыхъ служилыхъ родовъ, ревниво берегущихъ свою родовую честь и вмѣстѣ свою исключительность посредствомъ мѣстничества, къ многочисленному служилому сословію, день ото дня увеличивавшемуся въ слѣдствіе государственныхъ требованій и въ слѣдствіе свободнаго доступа въ него отовсюду.» — Хотя здѣсь авторъ видитъ во Опричинѣ уже не только простое дѣйствіе вражды и личнаго самоохраненія, но его объясненіе кажется намъ не изчерпывающимъ смысла Опричины. Въ ней, думаемъ, таится мысль поглубже.

Желаніе формулировать, сказали мы, было потребностью Іоанна IV. Мысли свои онъ опредѣлялъ, давалъ имъ наименованіе и осуществлялъ въ жизни. Къ разряду такого рода явленій причисляемъ мы Опричину. Ясно сознавъ два, соединенныя союзомъ, но не смѣшанныя начала въ Россіи, Государство и Землю (что такъ часто высказывается въ его разныхъ грамотахъ и постановленіяхъ), онъ пришелъ къ мысли разрознить эти два начала. Главною его цѣлью было, при раздѣленіи осязательномъ двухъ началъ, — главною его цѣлью было: отвлечь Государство, чтобы вполнѣ подчинить оное себѣ, чтобы не было въ немъ никакихъ другихъ побужденій, кромѣ исполненія воли его, главы Государства, чтобъ не было въ немъ ни связей съ Землею, ни преданій,—ничего; онъ хотѣлъ въ окружающихъ себѣ безусловныхъ слугъ. И такимъ образомъ, какъ опытъ, произвелъ онъ разрывъ между Государствомъ и Землею (онъ самъ называетъ Опричину образцомъ). Явилась Опричина, Государство, вполнѣ отъ Земли отдѣленное, не имѣвшее никакой связи съ народомъ, никакихъ убѣжденій, кромѣ воли Государя, никакими нравственными требованіями не стѣсняемое, и потому необузданное. Это для Іоанна было идеалъ Государства. — При прикосновеніи къ дѣйствительности, раздѣленіе Государства и Земли не могло осуществляться строго, раздѣлить ихъ совершенно было невозможно, да и возметъ ли Іоаннъ къ себѣ бояръ, людей съ преданіями, бояръ, которымъ онъ не вѣритъ? Онъ оставилъ при земщинѣ особое управленіе и бояръ, назвавъ ихъ земскими.—И такъ, въ дѣйствительности не было строгаго осуществленія мысли, но мысль, основная мысль отрѣшенія Государства отъ Земли,—выражалась очевидно, выражалась въ самомъ названіи: *Опричина* и *Земщина*.

Мы намѣрены опять коснуться этого вопроса, говоря о характерѣ Іоанна. На Землю Іоаннъ не гнѣвался. Съ его стороны, Опричнина была только его попытка, его осуществленная фантазія, имъ начертанный идеалъ Государства, возведеннаго до крайнихъ размѣровъ, идеалъ, который носился передъ нимъ, исключительно проникнутымъ благоговѣйнымъ религіознымъ понятіемъ о земномъ самовластіи. Потому именно, что это была мечта его, Іоаннъ, осуществляя ее въ однихъ государственныхъ предѣлахъ, особенно въ отношеніи къ боярамъ,—въ дѣйствительности признавалъ Землю, и, въ 1565 году учредивъ Опричнину, — въ 1566 году призывалъ Землю на совѣтъ, выходя, когда желалъ, изъ этой отвлеченности, и опять удаляясь въ нее. Рѣдко можно видѣть Государя, который до такой степени былъ бы исполненъ идеаловъ и такъ бы старался ихъ осуществить.—Такъ понимаемъ мы Опричнину. — Замѣчательно, что Царь, дошедшій до страшной свирѣпости и захотѣвшій жить *опричь*, не могъ оставаться въ Москвѣ; ему нужна была своя новая резиденція, гдѣ бы ничто не стѣсняло его деспотической воли: Іоаннъ уѣзжаетъ изъ Москвы и переселяется въ Александровскую слободу. Такъ чутка была его душа ко всѣмъ проявленіямъ жизни, что въ Москвѣ ему уже жить было тяжело. — Опричнина была только *образецъ*, по словамъ самого Іоанна IV. Александровская слобода была, конечно, тоже *образецъ*. Ближайшій преемникъ Іоанна, кроткій сынъ его Ѳеодоръ, не воспользовался такими образцами. Опричнина изчезла. Москва по прежнему стала единою столицею, и Царь не удалялся отъ Земли.

Характеристика Сильвестра, выраженная авторомъ, неудовлетворительна по нашему мнѣнію; между тѣмъ есть довольно, кажется, для нея данныхъ. Эти данныя, кромѣ лѣтописи, писемъ Іоанна и Курбскаго, — Домострой Сильвестра и дѣло Матвея Башкина. Объ этомъ дѣлѣ, связанномъ съ дѣломъ Артемія, игумена Троицкаго, авторъ едва упоминаетъ. Вѣроятно, все это будетъ въ обѣщанной дополнительной главѣ; но авторъ здѣсь говоритъ о личности Сильвестра, и мы, кажется, имѣемъ право желать, чтобъ она была вполнѣ очерчена, и чтобъ авторъ воспользовался тѣми указаніями, какія даютъ Домострой и дѣло Матвея Башкина. Въ этомъ замѣчательномъ дѣлѣ Сильвестръ—одно изъ дѣйствующихъ лицъ. Мы видимъ здѣсь, что Сильвестръ пользовался доброю сла-

вою. Матвей Башкинъ приходилъ на духъ къ другому Благовѣщенскому священнику, Симеону, и когда Симеонъ не могъ отвѣчать ему на его вопросы, по разнымъ замѣткамъ на Апостола, тогда Башкинъ сказалъ Симеону: «пожалуй, спрашивайся съ Сильвестромъ: онъ тебѣ скажетъ, а ты пользуй тѣмъ душу мою; а тебѣ, знаю и я, некогда тебѣ вѣдать: въ суетѣ мірской, ни во дни ни въ ночи, покоя не знаешь» (1). Самъ Сильвестръ не обвиняетъ Башкина и не оправдываетъ; въ его челобитной видно желаніе себя выгородить. Впрочемъ Сильвестръ сказалъ Симеону, когда тотъ объявилъ ему о своемъ новомъ сынѣ духовномъ, Матвеѣ Башкинѣ: «каковъ тотъ сынъ духовный будетъ; слава про него не добра носится» (2). Священникъ Симеонъ, человѣкъ, кажется, весьма простой, разсказываетъ очень правдоподобно всѣ свои сношенія съ Башкинымъ, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ нельзя принять Башкина за еретика; ибо онъ просилъ священника *поповить* его, то есть, исповѣдать; слѣдовательно онъ не отрицалъ исповѣди, въ чемъ обвиняетъ его потомъ соборная грамота; онъ сказалъ Симеону, что поклоняется иконамъ, слѣдовательно не отвергалъ изображеній Святыхъ, въ чемъ онъ также обвиняется. Быть можетъ, что пытливый умъ Башкина и сбивался съ истинной дороги, но, кажется, въ немъ была жажда истины и потребность вѣры и братской любви. Замѣчательны слова, которыя говоритъ онъ священнику Симеону: «а мы де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братьею нарицаетъ, а у насъ де на иныхъ и кабалы, на иныхъ бѣглыя, а на иныхъ парядныя, а на иныхъ полныя; а я де благодарю Бога моего, у меня де что было кабалъ полныхъ, то де есми все изодралъ, да держу де, государь, своихъ добровольно: добро де ему—и онъ живетъ, а не добро—и онъ куды хочетъ« (3).— Видно, что Сильвестръ оправдываетъ себя отъ сношеній съ Башкинымъ и Артеміемъ, слѣдовательно можно было предположить эти сношенія. Твердаго, смѣлаго и прямаго характера здѣсь не видать; вовсе не видать также, какъ справедливо замѣчаетъ г. Соловьевъ, человѣка съ такимъ сильнымъ вліяніемъ, какое ему при-

(1) Актъ Арх. Экс. Т. I. стр. 249.
(2) Тамъ же, стр. 249.
(3) Тамъ же, стр. 249.

писываютъ; хотя въ то же время видно, что онъ пользовался большимъ довѣріемъ Іоанна.—Въ своемъ Домостроѣ также выражается Сильвестръ. Здѣсь выражается онъ мелочною стороною и сверхъ того странными воззрѣніями: на пр. случайную возможность, что мужъ побьетъ свою жену, онъ возводитъ въ правило. Вообще охота подводить подъ формы видна въ немъ большая; рѣчь его суха, кромѣ нѣсколькихъ одушевленныхъ словъ о молитвѣ: «и пожретъ молитва сердце, и сердце пожретъ молитву» (1). Кстати скажемъ здѣсь наше мнѣніе о Домостроѣ. Многіе, и чуть ли почти не всѣ, считаютъ Домострой очеркомъ тогдашнихъ нравовъ. Это, по нашему мнѣнію, совершенно не вѣрно. Кто писалъ Домострой? Священникъ XVI столѣтія. Если мы обратимъ вниманіе на сочиненія духовенства въ древнія времена, собственно такого, которое было просвѣщено, мы увидимъ въ нихъ часто сильную реторику, рѣзко отдѣляющую его слово отъ народной рѣчи, простой, краткой и точной. Высокій союзъ вѣры соединилъ народъ нашъ съ духовенствомъ. Духовенству сейчасъ выпало на долю великое призваніе въ жизни Россіи. Оно стало хранителемъ единства Русской земли въ эпоху усобицъ и другихъ смутъ. Оно наставляло въ лицѣ Иларіона, Никифора, Кирилла, просвѣщало въ лицѣ Стефана, обличало въ лицѣ Вассіана и Филиппа, принимало мученическій вѣнецъ въ лицѣ Гермогена. Не въ краткихъ строкахъ можно исчислить его святые подвиги для Русской земли. Здѣсь мы говоримъ не о сихъ высокихъ его дѣйствіяхъ: мы говоримъ о слогѣ, о характерѣ нѣкоторыхъ сочиненій нашего духовенства; въ древности мы видимъ въ нихъ часто витійство. Это витійство невольно искажаетъ даже простыя вещи, и при изслѣдованіяхъ надо быть здѣсь очень осторожнымъ. Эта реторика касается въ нѣкоторомъ отношеніи и мысли самой и отдѣляетъ иногда мысль сочиненій нашего духовенства отъ мысли народной. Вліяніе классическаго міра Греціи имѣетъ тутъ свое мѣсто. Считаемъ не нужнымъ приводить примѣры (2). Стоитъ прочесть, въ позднѣйшее время, хоть реторическое сочиненіе Авраамія Палицына, и рядомъ съ нимъ простыя выразительныя грамоты тѣхъ временъ.—И такъ въ древ-

(1) Врем. 1849. Кн. I. стр. 19.

(2) Въ сочиненіи нашемъ: Ломоносовъ, они приведены, хотя не въ большомъ числѣ.

нія времена не рѣдко, хотя и не всегда, встрѣчалась сильная разница между рѣчью духовною и рѣчью народною. Послѣ Петровскаго преобразованія, новая реторика обхватила на долго всю нашу свѣтскую словесность, совершенно отдѣленную отъ народа,—и жестоко ошибутся тѣ, которые вздумаютъ заключать о народѣ нашемъ по тѣмъ реторическимъ опредѣленіямъ, которыя встрѣчаются въ нашей литературѣ. И такъ, сочиненіе духовнаго лица древнихъ временъ не можетъ, по нашему мнѣнію, быть вѣрною картиною жизни народной, хотя бы оно имѣло цѣлію изобразить эту жизнь. При томъ Домострой не есть картина тогдашней современной жизни. Что такое Домострой? — Это совѣты, какъ вести хозяйство, какъ обращаться съ людьми, и проч. и проч. Но совѣты развѣ суть изображеніе того, *что есть?* Нѣтъ, совѣты суть изображеніе того, что *должно быть*. И такъ, въ совѣтахъ выражается идеальное представленіе того, кто пишетъ совѣты, — выражаются желанія. Это самое представляетъ намъ Домострой. Это во первыхъ, по самой цѣли своей, нисколько не картина того времени: это воззрѣнія и желанія Сильвестра, его личныя желанія и воззрѣнія, или, пожалуй, вообще духовнаго лица того времени; но это нисколько не желанія и не взглядъ народа. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ никакого права понятія Домостроя, на основаніи того же Домостроя, видѣть осуществленными въ тогдашнемъ состояніи народа, или полагать, что народъ стремился къ этому и считалъ эти понятія своимъ идеаломъ. Это не картина народа, это и не идеалы народа; это ріа desideria Сильвестра, быть можетъ и другихъ духовныхъ лицъ, — и только.

Г. Соловьевъ говоритъ, что Іоаннъ при Сильвестрѣ и Адашевѣ не терялъ свободы своихъ дѣйствій, и что слѣдовательно честь славныхъ дѣлъ, совершенныхъ во время этихъ совѣтниковъ, не можетъ быть у него отнята. Это справедливо: Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ, но, съ другой стороны, онъ былъ подъ авторитетомъ Сильвестра и Адашева,—этого отрицать нельзя. Онъ самъ со всею искренностію говоритъ объ этомъ; онъ объясняетъ даже намъ, чѣмъ держали его въ уздѣ: «и еже убо согрѣшеній нашихъ ради приключающихся болѣзней (т. е. приключающіяся болѣзни) на насъ и на Царицѣ нашей и на чадахъ нашихъ, — и сія убо вся вмѣняху, яко ради же нашего къ нимъ

непослушанія сія бываху» (1).—Умъ Іоанна, конечно, не вдругъ же оказался въ немъ; онъ и вначалѣ понималъ и цѣнилъ всѣ справедливые и дѣльные совѣты, принималъ ихъ свободно и сознательно, и, конечно, имѣетъ полное право на все доброе въ своемъ царствованіи. Если же онъ, находясь лишь подъ нравственнымъ авторитетомъ, имѣлъ свободу въ выборѣ (въ чемъ мы согласны съ г. Соловьевымъ) и принималъ совѣты сознательно, то жаловаться ему тутъ было нечего. Такого рода вліяніемъ Іоаннъ, конечно, слишкомъ не могъ тяготиться. Но тѣмъ не менѣе онъ тяготился, онъ былъ сильно стѣсненъ: это такъ очевидно высказывается въ его словахъ. Въ чемъ же состояло это стѣсненіе? Трудно сказать. Но вѣроятно, оно было скорѣе отрицательное. Вѣроятно, Іоанна удерживали отъ многихъ дѣйствій, не давали воли его страстямъ, и конечно въ такомъ случаѣ грозили погибелью душевною и разореніемъ Царства; это видно отчасти изъ словъ Іоанна: «еже намъ сотворити словіе — ни единому же отъ худѣйшихъ совѣтниковъ его тогда потреба рещи, но сія вся, акы злочестива творяхуся.... Ащели же кто раздражитъ насъ чѣмъ или кое принесетъ намъ утѣсненіе, — тому богатство, слава и честь, и аще не тако, то души пагуба и Царству разореніе» (2). — Изъ этихъ словъ видно, что Іоанну не давали изливать гнѣвъ свой на тѣхъ, кто, по его мнѣнію, его заслуживалъ. Очень можетъ быть, что въ то же время обращались съ нимъ не съ должнымъ почтеніемъ, или лучше не съ тѣмъ почтеніемъ, какого хотѣлъ Іоаннъ, весь проникнутый идеею о величіи Царскомъ. Вспомнимъ, что въ первой юности Іоаннъ былъ уже жестокъ и предавался страстямъ, и что во время Сильвестра и Адашева онъ, слѣдовательно, подавлялъ свою страшную природу. Очень вѣроятно, что видъ бояръ, еще не утратившихъ прежняго значенія, еще не привыкшихъ къ титулу Царя, и быть можетъ (въ надеждѣ на вліяніе свое) позволяющихъ себѣ обращаться съ Царемъ запросто,—очень можетъ быть, что все это раздражало Іоанна, въ особенности же послѣ болѣзни его,— и онъ не разъ порывался противъ нихъ, но былъ отъ того постоянно удерживаемъ Сильвестромъ и Адашевымъ. Очевидно, что

(1) Сказ. К. Курб. часть II. стр. 61.
(2) Тоже стр. 58.

Сильвестръ былъ заступникомъ опальныхъ. Подозрительный и раздражительный, Іоаннъ воображалъ себя въ полной неволѣ, ему казалось, что его оскорбляютъ на каждомъ шагу, держатъ, какъ младенца. Обстоятельства, сопровождавшія болѣзнь Іоанна, могли убѣдить его въ справедливости его подозрѣній; злой совѣтъ могъ усилить то, что уже было въ его душѣ. Но и здѣсь видимъ мы нѣкоторую постепенность, ибо не вдругъ разгорѣлись дикія, свирѣпыя побужденія, постоянно потушаемыя въ теченіи стольких лѣтъ. Адашевъ и Сильвестръ были удалены, и только. Но потомъ, когда бывшіе наставники были означены измѣнниками, когда слѣдовательно всякое воздержаніе, всякое слово совѣта и укоризны было слито съ измѣною въ глазахъ Іоанна, — онъ уже болѣе не находилъ преграды своему дикому нраву. Ему захотѣлось полнаго произвола, не сдержаннаго *ничѣмъ*, никакими, слѣдовательно и нравственными, узами. А человѣкъ, лишенный нравственнаго сдерживанія, именно тогда наслаждается своимъ произволомъ, когда онъ дѣлаетъ вещи непозволенныя, беззаконныя, неслыханныя, невѣроятныя. Нарушеніе всѣхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ составляетъ потребность и наслажденіе необузданнаго произвола. Такимъ сталъ Іоаннъ. Если вторая половина его царствованія, съ 1560 года, уступаетъ первой половинѣ въ славѣ и достоинствѣ, то это не отъ того, чтобъ въ первой половинѣ царствованія дѣйствовалъ не Іоаннъ, а совѣтники, — но отъ того, что Іоаннъ былъ уже не тотъ. Страсти разгорѣлись въ Іоаннѣ страшнымъ пожаромъ, потрясли его нравственную природу, опустошили его душу; надъ мрачною бездною еще свѣтился лучъ природнаго ума, нужный Іоанну для своего оправданія. Но понятія нравственныя не пропали изъ сознанія Іоанна, и это составляло его страшную муку, ибо при этомъ чувствовалъ онъ нравственное безсиліе. Звѣрь, разтерзавшій многихъ въ своей свирѣпости, не чувствуетъ угрызенія совѣсти; но Іоаннъ былъ человѣкъ, — человѣкъ, дошедшій до звѣрства, но помнящій, и помнящій безсильно, что онъ человѣкъ. Онъ вдругъ кидался за помощью къ обрядамъ Церкви, жилъ, какъ игуменъ, молился, изнурялъ себя, клалъ поклоны, но сила молитвы была потеряна. О, еслибъ можно было также легко умилиться душою, какъ легко изнурять себя и класть земные поклоны! Іоаннъ испыталъ это. Іоаннъ былъ не такой тиранъ, который равнодушно лилъ человѣ-

ческую кровь и мучилъ людей; онъ зналъ, онъ чувствовалъ всю свою внутреннюю мерзость, всю низость нравственнаго паденія, и не имѣлъ силъ, или лучше, не имѣлъ воли подняться! «Угрызеніе совѣсти безъ раскаянія»: такъ опредѣляетъ прекрасно Карамзинъ состояніе души Іоанна.—Страшною казнію Провидѣніе потрясло все существо Іоанна. Іоаннъ убилъ сына. Казалось, это такого рода потрясеніе, которое должно было сокрушить его: и точно, его отчаянію не было мѣры. Но однако послѣ этого странно видѣть Іоанна, сватающагося за родственницу Англійской Елисаветы и готоваго прогнать свою седьмую жену.—Вѣрить ли другимъ, гораздо худшимъ извѣстіямъ? Страшно сказать, но, кажется, онъ до конца дней остался тѣмъ же.

Что касается до бояръ, дѣйствовавшихъ въ царствованіе Іоанна, то нельзя отказать многимъ въ доблести. Конечно, взятые, какъ цѣлое сословіе, они не принесли пользы Россіи. Напротивъ, Русскій народъ боярствомъ не былъ доволенъ. Стоитъ прочесть отзывъ Псковскаго Лѣтописца о боярахъ; разсказывая, что бояре мимо всей Земли хотѣли выбрать Шведскаго королевича, но что былъ выбранъ Царь Михаилъ Ѳедоровичь, онъ прибавляетъ: «и не сбысться ихъ злый боярской совѣтъ». (1) Потомъ, описывая вредныя дѣйствія бояръ въ первое время царствованія Михаила Ѳедоровича,—онъ восклицаетъ: «сицѣво бѣ попеченіе боярско о земли Русской!» (2) Но тѣмъ не менѣе, потомки воинственной дружины, потомки Рюрика, имѣли въ себѣ много доблестей. Имена Воротынскаго, Шуйскаго, Курбскаго (пока онъ не запятналъ себя измѣною) и другихъ невольно соединяются въ представленіи съ славными и высокими качествами.

Вѣрно объяснено значеніе Казани, оплота Магометанскаго міра, и отсюда сочувствіе магометанства къ Казани.

Странно, что г. Соловьевъ не упоминаетъ объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ говоритъ Карамзинъ. Отъ вниманія Карамзина не ускользало ни одно явленіе, могущее быть ему извѣстнымъ, хотя бы онъ и невѣрно объяснялъ самое явленіе.—Обстоятельство, о которомъ теперь идетъ рѣчь, имѣетъ, по нашему мнѣнію, весьма важное значеніе. Когда Баторій взялъ Полоцкъ

(1) П. С. Р. Л. т. V. стр. 63.
(2) Тамъ же, стр. 64.

и Соколъ, тогда Іоаннъ, находившійся во Псковѣ, послалъ къ государственному дьяку, Андрею Щелкалову, въ Москву, чтобъ онъ собралъ въ Москвѣ народъ и сообщилъ ему о неудачахъ нашего оружія, чтобъ постарался при этомъ успокоить народъ и утвердить его духъ. Щелкаловъ исполнилъ волю Іоанна, созвалъ народъ и сообщилъ ему положеніе нашихъ дѣлъ, не скрывая ничего, но ободряя въ то же время. Народъ выслушалъ рѣчь его, и хотя глубоко огорчился неблагопріятными извѣстіями, однакоже не потерялъ твердости, но еще болѣе укрѣпился духомъ на перенесеніе всенародныхъ бѣдствій. Одерборнъ (на которомъ основывается Карамзинъ), сообщая объ этомъ народномъ собраніи въ Москвѣ, созванномъ по повелѣнію Царя, прибавляетъ, что женщины пришли въ отчаяніе, что дьякъ снова вышелъ къ народу съ жалобою на женщинъ и, чтобъ унять ихъ, прибѣгнулъ къ угрозамъ. Одерборнъ приводитъ рѣчь Щелкалова (1). Въ какой степени вѣрно передана эта рѣчь Одерборномъ — это вопросъ другой; но само происшествіе, какъ былъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Царь велитъ созвать торжественно народъ, чтобъ сообщить ему о неудачномъ ходѣ военныхъ дѣлъ въ Рос-

(1) Вотъ эта рѣчь: „Вы не знаете, о граждане (cives), ради какой причины назначилъ я это собраніе (сходку: conventum). Знайте же, что Полоцкъ нашъ взятъ и Соколъ истребленъ огнемъ и мечемъ, и прочія сосѣднія крѣпости подпали подъ власть нашего врага. Эта вѣсть могла бы внушить вамъ ужасъ и отчаяніе, если вы не захотите поразмыслить съ своимъ разумомъ: какова перемѣнчивость вещей, и что нѣтъ на землѣ ни одного Государя, съ которымъ бы не случалось что-нибудь непріятное. Впрочемъ, если Поляки взяли обратно Полоцкъ, мы за то, напротивъ, владѣемъ всею Ливоніею; они разорили немногія крѣпости, мы имѣемъ подъ властію большіе ихъ города. Ихъ войско заняло малое пространство Бѣлоруссіи, наше— Смоленскъ, Стародубъ и Ливонію. Но, быть можетъ, погибель людей терзаетъ ваши души; я съ своей стороны признаюсь: мы потеряли въ Полоцкѣ столько знатныхъ военачальниковъ, столько богатствъ нашихъ! Въ Соколѣ погибъ цвѣтъ боярства (знати: nobilitatis) и крѣпкихъ мужей, храмы, алтари, города и поля выжжены. Намъ должно переносить это, когда непріятели испытали бѣдствія, гораздо болѣе тяжкія. Ибо, какъ они нашихъ, такъ наши выгнали ихъ нѣкогда изъ Полоцка, Смоленска и Ливоніи; какъ ихъ мечь пролилъ кровь братьевъ нашихъ, такъ мы ихъ кровію очень часто были обрызганы."—Карамзинъ, ссылаясь на Одерборна, указываетъ на страницу 299. Мы пользовались изданіемъ Одерборна, чрезвычайно рѣдкимъ находящимся въ Университетской Библіотекѣ. Въ этомъ изданіи нѣтъ счета страницъ, и мѣсто, оттуда заимствованное, мы должны означить: Час. III, листъ Q. 3.—Это изданіе напечатано въ 1585 году, черезъ годъ по смерти Іоанна IV. На послѣднемъ листѣ стоитъ: Wittebergae. Excudebant haeredes Joannis Cratonis. M. D. LXXXV.

сіи и утвердить духъ народный къ перенесенію всеобщихъ невзгодъ. Изъ этого видно, что правительство древней Россіи было въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ и уважало народъ; изъ этого видно, что дѣло Россіи было, по общему убѣжденію, дѣломъ, касающимся до всѣхъ Русскихъ людей. Вспомнимъ, что велся Государственный Лѣтописецъ дѣлъ Россіи (1); вспомнимъ, что Гермогенъ, дабы остановить народъ въ дѣйствіяхъ его противъ Василія Шуйскаго, грозитъ записать эти дѣла въ Лѣтописецъ. Какъ видно, высоко стоитъ въ нравственно-общественномъ, въ гражданскомъ образованіи, тотъ народъ, съ которымъ возможно употреблять такую, чисто нравственную угрозу. Подобныя обстоятельства краснорѣчиво говорятъ за древнюю до-Петровскую Россію и возносятъ ее высоко. Какъ странны, какъ жалки усилія затемнить ея величавый образъ, все бывшее до Петра находить недостойнымъ и ничтожнымъ и только съ Петра и чрезъ Петра видѣть въ Россіи все хорошее. Какъ странно, какъ непонятно (для насъ, по крайней мѣрѣ) все величіе многовѣковыхъ подвиговъ и трудовъ *народныхъ* приписать *одному* человѣку, хотя бы и геніальному (2).

Въ заключеніе книги своей, авторъ дѣлаетъ очеркъ личности Іоанна. Авторъ справедливо соединяетъ Іоанна съ его отцомъ и дѣдомъ, и видитъ въ немъ преемника ихъ государственнаго дѣла, продолжателя и совершителя начатой ими борьбы. Что касается до самой личности Іоанна, то, кромѣ того, что это человѣкъ страстный, намъ кажется, о немъ можно бы сказать болѣе.

---

(1) Съ этимъ согласенъ Бодянскій, въ своемъ послѣсловіи къ Нет. Росс. Татищева. Кн. V. стр. 532.

(2) Люди, уничтожающіе всю древнюю Россію передъ Петромъ, должны ужъ быть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и принять мнѣніе Гр. Канкрина, который, совершенно вѣрно и строго выражая эти убѣжденія, говоритъ, что *Россія должна называться не Россіей, а Петровіей, а Русскіе должны называться не Русскими, а Петровцами* (См. Москв. 1846 г. № 5, стр. 191—2).—Тѣ же должны видѣть въ г. Кукольникѣ поэта, ярко выразившаго ихъ убѣжденія, и повторять съ восторгомъ стихи его, въ которыхъ, исполненный безграничнаго благоговѣнія къ Преобразователю Россіи, г. Кукольникъ, между прочимъ, вдохновенно восклицаетъ, что Петръ въ Россіи:

Перемѣнилъ всю внутренность гнилую,
За уши поднялъ, на ноги поставилъ.

У насъ нѣтъ подъ рукою этихъ стиховъ, а они очень любопытны, какъ яркое слово цѣлаго образа мыслей.

Іоаннъ IV былъ—природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести, — и наконецъ самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ, на суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Съ одной стороны, оно не допуститъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно; онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отъ чего, и въ исторіи, и въ частной жизни, встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ, на примѣръ, плачетъ умиленными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи,—и въ то же время самъ мучитъ и терзаетъ ближняго; — и онъ не обманываетъ: эти слезы не притворны; но онъ тронутъ, какъ художникъ, съ художественной стороны, — а одно это еще ничего не значитъ, на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро, само по себѣ, вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ, безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную красоту добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое добра ему не нужно и не подъ силу, онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно-хорошо,—и довольствуется этимъ.—Такое состояніе почти безнадежно. Ибо тотъ, кто не понимаетъ добра и не чувствуетъ его, можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ же, кто чувствуетъ добро, но только художественно, кто наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откидываетъ,—тотъ едва ли можетъ исправиться. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не художественное чувство вообще, а одно художественное чувство, отвлеченное, безъ нравственныхъ основаній, что̀ встрѣчается въ жизни чаще, чѣмъ можетъ быть думаютъ. Тогда и дѣло самое добра, если захотятъ его совершить, является, лишь какъ картина, безъ своей истины и существенности.

Но есть другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ оты-

скать красоту и въ самомъ дикомъ и въ самомъ низкомъ явленіи. На примѣръ, что можетъ быть возмутительнѣе для нравственнаго чувства, какъ образъ кромѣшника, терзавшаго несчастныя жертвы Іоанновой жестокости? А вспомнимъ стихотвореніе Пушкина: Кромѣшникъ! Поэтъ представляетъ его не въ такомъ свѣтѣ, но какъ бы съ художественнымъ сочувствіемъ.

Въ Іоаннѣ была такая художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ,— и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей Земли представителей,— и Царь, стоящій торжественно, подъ осѣненіемъ крестовъ, на Лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства, и опять Царь по срединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, и тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... и вотъ — ужасы казней Московскихъ, ужасы Новгорода. То являлся предъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны,—картина царскаго смиренія,— и, увлеченный ею, онъ обращалъ и себя и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой—въ обитель.—Какъ трудно тому, кто любитъ красоту покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ!

Мы не говоримъ, чтобъ эта художественность была одна движущею силою въ Іоаннѣ (человѣкъ вообще есть явленіе сложное). Нѣтъ, много было двигателей его духа; но такова была его природа, и она брала, разумѣется, сильное участіе въ каждомъ его дѣйствіи, на многое имѣла вліяніе, и многое психологически въ немъ объясняетъ.

Г. Соловьевъ говоритъ, что иные историки представили его сперва героемъ, а потомъ робкимъ и трусомъ, и говоритъ объ этомъ весьма неодобрительнымъ тономъ. Нельзя не согласиться, что въ рѣзкомъ разграниченіи Іоанна: на добродѣтельнаго и злодѣя—нѣтъ истины, хотя и тутъ нельзя очень обвинять историковъ, ибо самъ Курбскій начинаетъ этимъ разграниченіемъ свое посланіе къ Іоанну; а слова его, какъ бы ни были пристрастны, не могутъ быть ни на чемъ не основаны. Съ другой стороны, мы не видимъ ничего удивительнаго въ томъ, что человѣкъ, въ тече-

нін своей жизни, можетъ испортиться, нравственно пасть и быть не похожъ на себя самаго въ нравственномъ отношеніи. Это самое можетъ случиться и на престолѣ. Въ Іоаннѣ точно мы видимъ нравственное измѣненіе, и хотя не мгновенное, однако довольно быстрое. Стоитъ снять только узду съ своей воли, и порча произойдетъ скоро. Намъ кажется, что порча въ Іоаннѣ именно пошла быстро тогда, когда онъ избавился отъ своихъ совѣтниковъ, когда сбросилъ съ себя нравственную узду стыда, когда значеніе Царя слилось въ его понятіи съ произволомъ, и когда этотъ произволъ явилъ полное отсутствіе воли въ человѣкѣ: ибо отсутствіе воли и необузданная воля—это все равно.

Русская земля вынесла Іоанна, чтобъ сохранить свою недавнюю цѣлость и удержать возникающую крѣпость. Къ тому же, и это главное, Іоаннъ нападалъ на лица; именно на бояръ, выгораживая постоянно народъ. (На Новгородцевъ онъ напалъ, обвиняя ихъ въ общей измѣнѣ). Ни быта, ни учрежденій земскихъ онъ не трогалъ. Онъ слышалъ требованія исторіи, онъ исполнялъ ихъ. Онъ созвалъ Земскій Соборъ, и постоянно всюду давалъ наибольшій просторъ народному голосу и мнѣнію, въ дѣлахъ общественныхъ. Между тѣмъ, не въ молчаніи со стороны древней Россіи проходили страшныя дѣла Царя: Іоаннъ слышалъ обличенія.... Въ этомъ случаѣ мы раздѣляемъ съ г. Соловьевымъ его оправданіе древняго Русскаго общества.

Этотъ произволъ, это служеніе своей личности, много измѣнили Іоанна. Подозрѣнія обступили его со всѣхъ сторонъ, — и какъ не справедливы были эти подозрѣнія! Онъ всюду видѣлъ небывалые заговоры. — Нѣтъ ничего вреднѣе для правительства, какъ подобный страхъ; онъ отнимаетъ у монарха довѣренность къ странѣ, онъ лишаетъ мужества и дѣлаетъ робкимъ. Правда, Іоаннъ никогда не велъ себя Ахиллесомъ; но робость его, которую мы видимъ во второй половинѣ царствованія, — изумительна. Мы думаемъ, что она есть плодъ деспотизма и недовѣрчивости, столь незаслуженной, къ своему народу. Умѣвши быть гордымъ при успѣхѣ, Іоаннъ не могъ сберечь своего достоинства, какъ скоро счастіе повернулось къ нему, хоть не много, спиною. Говорившн гордо съ Крымскимъ ханомъ, онъ потомъ ему билъ челомъ; не хотѣвъ сперва назвать Баторія братомъ, а назвавъ его сосѣ-

домъ (1),—онъ потомъ дѣлалъ ему уступку за уступкою и униженно добивался мира. И тотъ самый Іоаннъ, столь робкій передъ врагами, поразилъ своего сына смертельнымъ ударомъ за то, что тотъ сталъ говорить ему объ обязанности выручить Псковъ. Во время войны,. Іоаннъ ссылался о мирѣ, и послы его униженно слѣдовали за Баторіемъ, опустошавшимъ Русскую землю. Деспотизмъ и служеніе своей личности есть часто источникъ робости и мелкости душевной.

Замѣчательно, что былъ одинъ изъ Русскихъ Государей, который питалъ, какъ извѣстно, къ Іоанну особенное уваженіе: это Петръ Великій. Такое сочувствіе замѣчательно. Намъ скажутъ можетъ быть, что оно очень просто, что Петръ желалъ также просвѣщенія, также хотѣлъ пріобрѣсти Ливонію; но просвѣщенія хотѣли и всѣ наши Государи, а Борисъ болѣе всѣхъ. Желаніе пріобрѣсти Ливонію было естественно, и конечно было желаніемъ не одного Іоанна; только трудныя обстоятельства мѣшали нашимъ Царямъ исполнить это намѣреніе. Намъ кажется, что сочувствіе это лежитъ глубже, а не привязано къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ, — что это сочувствіе личностей. По характеру Петра былъ иной, чѣмъ Іоанна. — Невольно, на основаніи сочувствія Петра къ Іоанну, рисуется сравненіе обоихъ Государей. Замѣчательно сходство въ иныхъ частныхъ проявленіяхъ. Укажемъ на одно изъ нихъ.

Іоаннъ вдругъ сдѣлалъ Симеона Бекбулатовича Государемъ всея Россіи, съ титломъ Великаго Князя, самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и ходилъ, какъ простой бояринъ (2). Но вся власть оставалась при немъ: онъ снялъ только съ себя царскую одежду. То же самое сдѣлалъ и Петръ. Онъ облекъ князя Ромодановскаго въ санъ царскій, назвалъ его Кесаремъ, говорилъ ему: «Ваше Величество», и, навѣсивъ на него, какъ на вѣшалку, все великолѣпіе царское, оставилъ при себѣ всю власть. Намъ пенз-

(1) „Тебѣ, сосѣду нашему, Стефану Королю"—такъ выражается Іоаннъ въ своей грамотѣ къ Баторію. Ист. Рос. стр. 356.

(2) Лѣтопись говоритъ: „въ тоже время произволилъ Царь Иванъ Васильевичь и посадилъ царемъ на Москвѣ Симеона Бекбулатовича и царскимъ вѣнцомъ его вѣнчалъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ и вышелъ изъ города, жилъ на Петровкѣ; весь свой чинъ царскій отдалъ Симеону, а самъ ѣздилъ просто, какъ бояринъ, въ оглобляхъ, и какъ пріѣдетъ къ царю Симеону, скажинается отъ царева хѣста далеко, вмѣстѣ съ боярами". Исторія Россіи г. Соловьева. Т. VI. стр. 235.

вѣстно, зналъ ли Петръ о поступкѣ Іоанна. Если нѣтъ, то въ этомъ случаѣ особенно замѣчательно такое сочувствіе обоихъ Государей. Какъ объяснить подобный поступокъ? Объяснить, кажется, можно. Здѣсь видимъ полнѣйшее самоощущеніе безграничной, чистой власти, откинувшей весь блескъ, пышность и великолѣпіе, всѣ свои аттрибуты, на которые какъ будто она опирается. Передъ всею великолѣпною обстановкою, въ лицѣ Великаго Князя Симеона и Кесаря Ромодановскаго, передъ этимъ безсильнымъ изображеніемъ власти — являлась сама власть, лишенная всякого величія, всякого гордаго одѣянія, власть, облекшаяся въ образъ подчиненности. но тѣмъ сильнѣе чувствующая всю свою силу и безграничность. Это ощущеніе безграничной власти, во всей ея чистотѣ, конечно испытывалось и Иваномъ Московскимъ и Петромъ Шкиперомъ. Въ Петрѣ это явилось еще рѣзче и сильнѣе, чѣмъ въ Іоаннѣ, какъ и все, въ чемъ сходились они.

Если мы обратимъ безпристрастное вниманіе наше на ту эпоху, то есть, на XVI вѣкъ, то насъ невольно остановитъ зрѣлость политическихъ намѣреній Россіи въ томъ вѣкѣ. Едва сплотившаяся въ цѣльное государство, она уже устремляетъ свои взоры на Черное и Балтійское моря и стремится пріобрѣсти берега ихъ. Россія XVI вѣка сознаетъ необходимость обладанія Крымомъ, и Русскіе полки проникаютъ туда. Здѣсь-то вышелъ споръ у Іоанна съ боярами: они предпочитали берега Чернаго моря, они не желали войны съ государствами Христіанскими; но Іоаннъ добивался Ливоніи и береговъ Балтійскаго моря. Кто былъ правъ — трудно рѣшить. По крайней мѣрѣ Іоаннъ какъ будто потомъ согласился съ своими боярами, завѣщавъ не воевать съ державами Христіанскими. Россія помнила ясно свои права, старину свою: Кіевъ называется отчиною Царя; на Ливонію смотритъ Россія, какъ на древнее свое достояніе. И этотъ взглядъ Россіи XVI вѣка нельзя не признать вѣрнымъ. И такъ, Россія въ XVI вѣкѣ частію пріобрѣла тѣ владѣнія, какими пользуется теперь, частію намѣтила себѣ предѣлы, совершенно почти въ томъ объемѣ, въ какомъ находится Россія XIX вѣка.

Съ другой стороны, относительно внутренняго совершенствованія, Россія XVI вѣка стремилась къ просвѣщенію, стремилась къ сближенію съ Западною Европой, стараясь заимствовать отъ

нея всѣ ея изобрѣтенія и успѣхи, но *оставаясь самостоятельною* (при чемъ только и можетъ быть плодотворно заимствованіе). А просвѣщенная Европа, напротивъ, не давала просвѣщенія и всѣми силами старалась препятствовать Россіи въ ея благородномъ стремленіи пріобрѣтать полезныя знанія отъ своихъ сосѣдей. Приведемъ здѣсь выписку изъ исторіи г. Соловьева. «Въ 1539 году, когда бѣжавшій изъ Москвы Петръ Фрязинъ былъ представленъ Дерпскому епископу, тотъ спросилъ его: знаетъ ли онъ въ Москвѣ Нѣмца Александра? Петръ отвѣчалъ: «знаю, я жилъ съ нимъ на одной улицѣ; этотъ Александръ сказывалъ въ Москвѣ боярамъ, что у него есть товарищъ въ Дерптѣ, который умѣетъ пушки лить и стрѣлять изъ нихъ и думаетъ ѣхать въ Москву служить Великому Князю». *Услыхавъ это, Епископъ допытался объ этомъ Пѣмцѣ и сослалъ его невѣдомо куда.*»—(1) Какъ ошибочно закоренѣлое въ людяхъ несвѣдущихъ мнѣніе (а вѣдь такихъ людей еще много), что до-Петровская Россія чуждалась просвѣщенія и дичилась Западной Европы, и что только съ Петра явилось стремленіе къ знанію. Пусть они прочтутъ VI томъ Исторіи г. Соловьева: они увидятъ тому совершенно противное. Они увидятъ, что стремленіе къ просвѣщенію, къ заимствованію всего полезнаго отъ Европы, было и до Петра.

Что касается до внутренняго устройства самой страны, то мы видимъ, что въ XVI вѣкѣ созванъ былъ Земскій Соборъ, съ котораго начинается рядъ Земскихъ Соборовъ до самаго Петра I.— Мы видимъ всюду покровительствуемое земское мнѣніе и участіе въ государственныхъ дѣлахъ; видимъ мы это изъ губныхъ грамотъ и другихъ актовъ. Мы видимъ, что правительство обращается къ народу въ трудныя минуты и дѣлится съ нимъ сочувствіемъ къ общему дѣлу. Мы видимъ, что совѣщательное начало было въ высшей степени распространено въ Россіи и на него сильно опиралось правительство.

Мнѣніе свое о новомъ трудѣ г. Соловьева мы высказали. Мы сказали, что это не исторія, а историческое изслѣдованіе.

Ожидаемъ слѣдующихъ томовъ.

---

(1) Ист. Рос. Т. VI стр. 139.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ Г. СОЛОВЬЕВА:

«ШЛЁЦЕРЪ И АНТИ-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ» (1).

Въ статьѣ своей подъ названіемъ: «Шлёцеръ и анти-историческое направленіе», извѣстный ученый нашъ, г. Соловьевъ говоритъ съ великимъ неодобреніемъ о цѣломъ направленіи въ наукѣ, которое называетъ онъ *анти-историческимъ*. Не легко было бы угадать, что̀ это за направленіе, если бъ почтенный профессоръ не приводилъ его положеній и не указывалъ прямо на статьи, въ которыхъ оно выражается. Всѣ эти статьи помѣщены въ Русской Бесѣдѣ; и такъ понятно, противъ какого направленія вооружается г. Соловьевъ.

Направленіе названо *анти-историческимъ*. Почему? Отвергаетъ ли оно историческія данныя, считаетъ ли не нужнымъ знать прошедшее? Нѣтъ, самъ г. Соловьевъ не могъ сказать этого. Онъ не оспориваетъ, что направленіе опирается на историческихъ фактахъ, но.... оно ихъ не такъ перетолковываетъ. Въ такомъ случаѣ названіе «анти-историческое» сюда пейдетъ, ибо ошибочно перетолковывать исторію не значитъ исторію отвергать и идти въ наукѣ путемъ неисторическимъ; въ противномъ случаѣ, г. Соловьевъ всѣхъ, несогласныхъ съ нимъ, долженъ былъ бы причислить къ анти-историческому направленію, оставивъ при историческомъ лишь себя и своихъ партизановъ или (какъ теперь довольно неудачно переводятъ у насъ) *сторонниковъ*.

Названіе: *анти-историческое*, придумано невѣрно, и говорить объ этомъ мнѣ нечего. Но слово сказалось не даромъ. *Историческое* направленіе, какъ называетъ свое направленіе г. Соловьевъ, понимаетъ исторію точно исключительнымъ и односторонним

---

(1) Напечатано въ Р. Бесѣдѣ 1857 г. Т. III, а статья г. Соловьева—въ Русск. Вѣстникѣ.

образомъ. Оно думаетъ, что преемство всѣхъ историческихъ явленій есть непремѣнное восхожденіе отъ лучшаго къ лучшему, такъ что день настоящій есть всегда день правдивый, а вчерашній день есть день осужденный. Это — поклоненіе не исторіи, а *времени*. Здѣсь нѣтъ вопроса объ истинѣ въ ней самой, вѣря въ которую, вы не справляетесь: ея ли время теперь, или нѣтъ? здѣсь вопросъ только о времени, и ужъ тотъ непремѣнно правъ, чье время. Это странное, *привременное*, если можно такъ выразиться, направленіе есть постоянное. оправданіе историческихъ дѣятелей-временщиковъ (подъ дѣятелями мы разумѣемъ здѣсь не одни лица, а всякую движущую идею эпохи). Но, постоянно прославляя настоящую идею, историкъ съ такимъ историческимъ направленіемъ можетъ впадать въ безпрестанныя ошибки. Приковать себя къ колесу времени — дѣло неудобное: придется не разъ упасть внизъ, ибо коловратно время. Положимъ, историкъ, въ эпоху реставраціи, совершенно согласно съ ходомъ времени, изложилъ бы исторію Франціи, сказавъ, какъ выработалась въ ней идея монархіи, прошедшая сквозь такія-то испытанія; вывелъ бы, что республика есть испробованная и брошенная форма и т. д.; историкъ могъ все это доказывать наканунѣ Іюльской революціи. Послѣ Іюльской революціи, онъ былъ бы уже въ затрудненіи; но вотъ вдругъ республика, а тамъ Наполеоновская имперія!—Нѣтъ, истина—не временщикъ, и отъ времени не зависитъ. Что мнѣ за дѣло, что такая-то идея *теперь* торжествуетъ. О ея ложности и неложности сужу я на основаніи требованій истины независимой, и не усомнюсь назвать ее ложною (если такою найду), какъ бы ни была она сильна во времени. Основаніемъ для пониманія исторіи должна быть, съ одной стороны, идея общей истины, ибо всякая исторія представляетъ такое или иное къ ней отношеніе, съ другой—начало (принципъ) народное, проникающее всю исторію, — а не преемство историческихъ явленій или формъ. Вотъ что должно быть критеріумомъ (мѣриломъ), и вотъ чего нѣтъ у школы исторической (какъ она сама себя называетъ), школы, которая служитъ времени и всякой послѣдней исторической идеѣ, на примѣръ, теперь — идеѣ Петровскаго переворота. Вотъ что называемъ мы: покланяться времени. Должно или отказаться отъ господства времени и прибѣгнуть къ истинѣ самой по себѣ, на основаніи которой объясняется самое время, или обоготворить

время и отказаться тогда отъ истины самой по себѣ, независимой. *Историческое* (какъ оно называетъ себя) направленіе избрало второй путь. Понятно, что это направленіе страдаетъ недостаткомъ критики, и потому, отбинувъ исключительное названіе историческаго (названіе, которое принадлежитъ всякому направленію, на исторіи основанному), оно, въ отличіе отъ другихъ, гораздо вѣрнѣе можетъ назваться *анти-критическимъ*. У него, если хотите, можетъ быть критика прошедшаго, но никогда настоящаго; между тѣмъ, какъ настоящее не есть еще истина, потому что оно настоящее и торжествующее, и подлежитъ также критикѣ (1). Критика же одного прошедшаго не есть свободная критика, а осужденіе. Гдѣ критика является только орудіемъ заранѣе изреченнаго приговора, тамъ нѣтъ критики. И потому повторяемъ, что направленію, о которомъ говоримъ, приличпо названіе *анти-критическаго*. Но изъ этого названія мы не намѣрены дѣлать прозвища, считая это неумѣстнымъ въ серьезной статьѣ.

Сказавъ это нелишнее замѣчаніе, мы постараемся отвѣчать на нападенія, собственно на насъ направленныя.

Авторъ начинаетъ съ вопроса о родовомъ бытѣ. Споръ давнишній. Отрицать по его мнѣнію родовой бытъ можно, только отвергая историческія свидѣтельства. Но обвинять въ этомъ противоположное историческое направленіе — не было никакой возможности; и такъ авторъ говоритъ, что оно «перетолковываетъ ясный смыслъ лѣтописныхъ извѣстій, употребляетъ натяжки.» — Докажите это! Обличите перетолкованія и натяжки; это, вѣроятно, не трудно, если это такъ. А вы говорите лишь слѣдующее:

«Тамъ, гдѣ на сценѣ прямо явленіе изъ родоваго быта, какъ на примѣръ, если братья владѣютъ нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, тамъ послѣдователи анти-историческаго направленія видятъ явленіе семейное! Лѣтописецъ говоритъ ясно, что у восточныхъ Славянъ каждый жилъ особо съ родомъ своимъ и владѣлъ имъ: нѣтъ, говорятъ, это значитъ, что Славяне владѣли по родамъ, цѣлымъ родомъ совокупно, — и такимъ образомъ, вопреки своему желанію, прямо доказываютъ господство родоваго быта.

(1) Говоря прошедшее и настоящее, мы разумѣемъ историческія, движущія идеи эпохъ, являющіяся въ прошедшемъ и настоящемъ; мы сказали, какая идея торжествуетъ въ настоящемъ.

Всѣмъ, сколько нибудь знакомымъ съ языкомъ древнихъ памятниковъ, извѣстно, что слово родъ употреблялось для означенія современной совокупности всѣхъ живыхъ родственниковъ: послѣдователи анти-историческаго направленія отвергаютъ и это; говорятъ, что слово родъ означало *только* (?) семью; родовыя княжескія отношенія они объясняютъ тѣмъ, что князья не были Славянскаго племени, не указывая на тотъ не Славянскій народъ, у котораго это явленіе было бы въ такой степени развито, и умалчивая о тѣхъ Славянскихъ народахъ, у которыхъ оно было развито» (Р. Вѣст. № 8. 1857, стр. 440).

Развѣ это ученое возраженіе? Здѣсь очевидно указывается на мою статью: О древнемъ бытѣ Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности (Моск. Сборникъ, 1852). Но вѣроятно въ статьѣ приведены какія-нибудь доказательства, что же вы ихъ не опровергнете? Г. Соловьевъ сказалъ, впрочемъ, что онъ уже опровергъ эту статью еще въ IV-мъ томѣ своей Исторіи, въ примѣчаніяхъ къ I-му тому. Это опроверженіе на пяти съ небольшимъ страницахъ (въ статьѣ же моей, состоящей почти изъ однихъ фактовъ, 90 стр. слишкомъ). Но и тамъ статья эта нисколько не опровергнута, уже по одному тому, что изъ нея взяты лишь нѣкоторыя мѣста, а она сильна совокупностью доказательствъ; да и взятыя изъ нея мѣста опровергаются болѣе тономъ, чѣмъ значеніемъ возраженій.

Здѣсь будетъ кстати разобрать эти возраженія, тѣмъ болѣе, что приговоры касательно мнѣній о родовомъ бытѣ въ настоящей статьѣ г. Соловьева, приведенные выше, всѣ вытекаютъ оттуда.

Выпишемъ всѣ возраженія г. Соловьева цѣликомъ; они не обширны; позволимъ себѣ ставить курсивъ тамъ, гдѣ выраженіе кажется намъ страннымъ.

Стр. 46 и 47 (томъ I).

««Слово: князь — имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства»». Этимъ лексикоппымъ опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели воспользовались для того, чтобы обвинить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подъ предлогомъ смѣшенія, возражатели должны были объявить непозволительнымъ всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ, близкихъ другъ къ другу по значенію словъ. Если бъ означенное лексиконное объясненіе слова князь было единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бы я высказалъ свои по-

нятія о родѣ, то конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ *придирокъ*, я измѣнилъ бы это мѣсто; но если сами возражатели *признаются*, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ семья и родъ различены ясно, то я не считаю себя обязаннымъ дѣлать подобныя измѣненія.»

Остановимся пока. Г. Соловьевъ, какъ видно изъ тона его статьи, отвѣчаетъ весьма неравнодушно: но главное дѣло не въ тонѣ. — Возражателямъ стоило довольно труда опредѣлить, какъ понимаетъ г. Соловьевъ родовой бытъ; имъ вовсе не нужно было обвинять его въ смѣшеніи рода и семьи. Для нихъ всего нужнѣе было извлечь изъ словъ г. Соловьева, что онъ различаетъ родъ и семью, ибо тогда только и становилось возможно опроверженіе мнѣнія, защищающаго въ Славянскихъ народахъ родовое начало, что̀ и сдѣлано было возражателями. Но при извлеченіи мысли г. Соловьева, не могли жѐ возражатели не видѣть, что въ словахъ его неоднократно смѣшиваются семья и родъ.—Возражателямъ нечего было объявлять «непозволительнымъ» всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ, близкихъ другъ къ другу, по значенію, словъ. И безъ этого объявленія извѣстно, что иногда такое сопоставленіе полезно, а иногда именно эта близость и сбиваетъ; это зависитъ отъ того, на чемъ основана близость словъ: на однородномъ ли значеніи идеи, выражаемой въ словахъ, или на наружномъ сходствѣ. Если самъ авторъ оскорбляется тѣмъ, что его обвиняютъ въ смѣшеніи рода и семьи, какъ же ставитъ онъ рядомъ слова, означающія бытъ родовой и бытъ семейный, родоначальника и отца семейства? Онъ называетъ это лексикоппымъ опредѣленіемъ; почему же предполагаетъ онъ плохіе лексиконы? Возражатели не думали *придираться*, и *признаваться* имъ нечего въ томъ, что г. Соловьевъ, смѣшивая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, все же въ результатѣ различаетъ родъ и семью. Это различеніе извлечь было нужно возражателямъ, какъ уже мы сказали, и только неопредѣленность рѣчи г. Соловьева дала имъ этотъ лишній трудъ. — Въ свою очередь мы съ бо̀льшимъ правомъ могли бы выразиться: г. Соловьевъ, утверждая, что его обвиняютъ въ смѣшеніи рода и семьи, *признается*, однакоже, что обвинители его находятъ, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи семья и родъ различены ясно. — И такъ обвиненіе въ смѣшеніи семьи и рода падаетъ лишь на нѣкоторыя мѣста; а такихъ мѣстъ

не одно.—Всего же лучше просимъ читателей обратиться къ нашей статьѣ (ибо насъ г. Соловьевъ разумѣетъ подъ словомъ: возражатели) и прочесть стр. 7, 8, 9, 10, 11, 12. Статья наша, подъ заглавіемъ: О древнемъ бытѣ у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности, напечатана въ Московскомъ Сборникѣ 1852 года.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Далѣе у меня сказано: Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти. Возражатель говоритъ, что «здѣсь, для устраненія противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе, если бъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла.» Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто? тогда бы каждый читатель увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ, объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнію и смертію своихъ дѣтей, право, *при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти, власти родоначальника*».

Если бъ г. Соловьевъ при выраженіи своемъ, о которомъ идетъ рѣчь, вставилъ слова, теперь имъ сказанныя, такъ не о чемъ было бы и говорить. Но все недоразумѣніе происходитъ отъ запутанности и сбивчивости изложенія г. Соловьева; если бы онъ выражался наукообразно (wissenschaftlich), какъ бы упростилось дѣло! Возражателю было бы не нужно трудиться надъ яснымъ опредѣленіемъ или извлеченіемъ образа мыслей г. Соловьева, а оставалось бы прямо возражать на оный. Г. Соловьевъ упрекаетъ возражателя, за чѣмъ онъ не выписалъ всей статьи. Это можно сдѣлать, но выгодно ли будетъ это для г. Соловьева? Вотъ эта статья, къ которой относится упомянутое мѣсто.

«Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи, *но предки наши не знали семьи, они знали только родъ* (1), который означалъ всю совокупность

(1) Просимъ читателей замѣтить эти слова г. Соловьева.

степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ: родъ означалъ и совокупность родственниковъ, и каждаго изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой, и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили родовыя разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ Русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ *старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства* (?). Существуютъ различные взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, при чемъ приводятъ въ примѣръ семью Римскую и Германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать дѣтей на рабство и смерть. — Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родоваго быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ, младенческомъ состояніи народа, у котораго движенія страсти мало чѣмъ обуздываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы не можемъ вполнѣ раздѣлять и противоположнаго взгляда: *правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти;* но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій? Не имѣемъ ли мы право предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владиміръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться сво-

имъ правомъ — не входитъ малютка-сынъ, и мечь выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія?» (Ист. Р. С. Соловьева, т. 1. стр. 46—47).

Кажется, мы выписали, и прежде и послѣ спорнаго реченія (фразы), все, что̀ нужно; дальнѣйшее не прибавляетъ ничего къ объясненію спорнаго вопроса. Точно, г. Соловьевъ приводитъ права отца надъ дѣтьми; но тутъ же ставитъ онъ рядомъ родоначальника и отца семейства, тутъ же говоритъ, что при родовомъ бытѣ (по крайней мѣрѣ у предковъ нашихъ) семьи не было, такъ что весьма позволительно было въ приведенномъ мѣстѣ, для устраненія противорѣчія, предположить родоначальника. Впрочемъ, сила не въ томъ. Г. Соловьевъ различаетъ семью и родъ: этого довольно. Всѣ эти хлопоты извлечь изъ мнѣній г. Соловьева опредѣленную мысль проистекали изъ желанія вѣрно изложить его взглядъ.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Возражатель имѣетъ свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ, что «любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой верховный отецъ, патріархъ всего рода.» Этого мы уже никакъ понять не можемъ; не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ считался двоюродный дядя ихъ, Святополкъ Изяславичъ. По мнѣнію возражателя выходитъ, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ, какъ должно, любить отца при существованіи дѣда (?). Такъ отрѣшенно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія рушатся при первомъ появленіи живаго событія, живыхъ отношеній!»

Не напрасно ли такъ скоро торжествуетъ г. Соловьевъ? Въ его собственныхъ словахъ находится ему возраженіе. Онъ говоритъ, что *предки наши не знали семьи, а знали только родъ*. Мы думаемъ, что слова эти сказаны не на вѣтеръ,—а они ясны. Если предки наши не знали семьи, то не знали слѣдовательно и семейнаго чувства, семейной любви. Отцы и дѣти конечно всегда были; но семья есть извѣстное отношеніе родителей къ дѣтямъ, извѣстный союзъ родителей и дѣтей; если *семьи* не было, то не было и *семейной* любви. Если семья была поглощена родомъ,

то послѣ этого какъ же думать, что семья оставалась въ своемъ значеніи? другими словами, это значило бы сказать: конечно семья поглощалась родомъ, но, разумѣется, она не поглощалась родомъ. Г. Соловьевъ рѣшительнѣе насъ. Мы говоримъ: семья была поглощена, стѣснена, а онъ говоритъ прямо: *семьи не знали*. Можно бы посовѣтовать почтенному профессору лучше помнить свои собственныя слова и не слишкомъ скоро торжествовать побѣду. — Примѣръ дѣтей Мономаха показываетъ между прочимъ лишь то, что родовое устройство въ Рюриковомъ родѣ являлось только отчасти. Возраженія же, что слѣдовательно и теперь въ нашихъ семьяхъ, при существованіи дѣда, дѣти не могутъ, какъ должно, любить отца—нельзя было ожидать отъ ученаго историка. Вѣдь рѣчь шла о родовомъ бытѣ, и о родоначальникѣ при такомъ бытѣ. А развѣ гдѣ есть дѣдъ, тамъ непремѣнно родовой бытъ? послѣ этого всѣ народы жили бы, и осуждены бы были жить вѣчно въ родовомъ бытѣ.... Ну, можно ли дѣлать такія возраженія, и еще самому радоваться ихъ успѣшности?

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Такъ же составилось положеніе возражателя, что при родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо, никакое общее совѣщаніе невозможно; изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами невозможно никакое общее совѣщаніе, конгрессъ.»

Да развѣ можно выработанныя и сознательныя отношенія государствъ сравнивать съ первобытнымъ общественнымъ состояніемъ? Сверхъ того слова наши измѣнены г. профессоромъ. У насъ сказано слѣдующее положеніе (стр. 32): «При родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо (что такъ часто повторяется гг. послѣдователями Эверса), *никакая община* не возможна.»—Развѣ г. Соловьевъ такъ выставилъ положеніе, сказанное нами?

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Также составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку въ отдѣльномъ родѣ, то родовое устройство уничтожается: мы видимъ съѣзды, совѣщанія князей, родичей, принадлежащихъ къ одному роду, и родовыя отношенія между ними отъ того не рушатся.»

Но развѣ родъ Рюрика представляетъ тотъ родовой бытъ, о какомъ говорится? Вспомнимъ, что это былъ родъ княжой, гдѣ

каждый членъ рода, каждый простой родичь—былъ *князь, владѣлъ*. (Вѣроятно г. Соловьевъ ни Новгородцевъ, ни Кіевлянъ, ни другихъ не причислитъ же къ роду Рюрика). Развѣ родъ обыкновенно состоитъ изъ князей? Этого г. Соловьевъ вѣроятно не думаетъ. И такъ Рюриковъ родъ есть родъ не нормальный, не обыкновенный. Уже по одному тому, что всякой членъ рода былъ князь и владѣтель (по крайней мѣрѣ по праву), родовой бытъ не могъ бы удержаться; вообразите себѣ родъ, гдѣ каждый родичь—государь и владѣтель: какой уже это родовой бытъ? Вотъ почему и съѣзды были возможны, ибо государственное значеніе князей заставляло ихъ дѣлать эти съѣзды, и вотъ почему примѣръ Рюрикова дома совсѣмъ нейдетъ сюда въ защиту родоваго быта.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Для объясненія родоваго устройства я привелъ извѣстную старую Чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель говоритъ, что здѣсь «вопросъ семейный, а не родовой, на сценѣ семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода нѣтъ.» Умираетъ отецъ, оставляетъ двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обоихъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, — и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовой! (?) Что же по его мнѣнію будетъ семья, и что родъ? До какихъ поръ будетъ простираться семья, и гдѣ долженъ начинаться родъ? Если братья, по смерти отца, составляютъ семью, а не родъ, то это все равно, что *назвать зеленое желтымъ*, и *утверждать, что зеленаго нѣтъ (?)*. Возражатель самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкѣ. «Рѣчь идетъ о томъ, говоритъ онъ, что всѣ дѣти наслѣдуютъ отцу, и что, въ первую минуту наслѣдованія, они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться.» Но откуда взялась эта первая минута? гдѣ объ ней говорится?»

Напрасно такъ скоро и такъ рѣшительно. Мы спросимъ въ свою очередь г. Соловьева, о комъ говорится въ пѣснѣ, объ отцѣ и двухъ его сыновьяхъ, что это: семья или родъ? г. Соловьевъ не поспоритъ, что семья, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Теперь отецъ этотъ умираетъ, и остаются два сына и дѣлятъ наслѣдство; кто жъ дѣлитъ, семья или родъ? конечно семья; это дѣлежъ чисто семейный. Такъ и теперь онъ будетъ всегда названъ. Конечно то, что сей часъ было семьею въ самомъ тѣсномъ смыслѣ,

не могло вдругъ обратиться въ родъ. На сценѣ, у насъ въ этой пѣсни, два брата спорятъ о наслѣдствѣ, по смерти ихъ отца. Что же это, какъ не семья? а г. Соловьевъ говоритъ, что родъ. Если это родъ, то что же будетъ семья? Такихъ родовыхъ, по мнѣнію г. Соловьева, споровъ, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, онъ и теперь найдетъ великое множество; неужели же будетъ онъ утверждать, на основаніи этого, что Европа и теперь живетъ подъ условіями родоваго быта? А вѣдь онъ долженъ это утверждать, если не хочетъ себѣ противорѣчить..... Не надобно быть поспѣшнымъ.

Лучше бы г. Соловьевъ обратилъ вниманіе на замѣчаніе наше, отчего,—если принимать родовой бытъ,—весь родъ представляется двумя родными братьями, почему нѣтъ другихъ родичей? неужели всѣ остальные родичи вымерли? а это родъ старый, Тетвы Попелова. Но г. Соловьевъ не заблагоразсудилъ обратить своего вниманія на этотъ вопросъ, отвѣтъ на который былъ бы естественно не въ пользу существованія родоваго быта. Г. Соловьевъ спрашиваетъ, что по нашему мнѣнію семья, и что родъ; на это въ статьѣ нашей мы отвѣчали довольно обстоятельно; но такъ какъ со стороны г. Соловьева это вопросъ, а не возраженіе, то и не считаемъ нужнымъ выписывать здѣсь мѣста, а довольствуемся указаніемъ на нашу статью, въ особенности на страницы: 94, 95, 96 (Моск. Сбор. 1852).

Возражатель не могъ чувствовать невыгоду своего положенія, какъ это, я думаю, достаточно видно изъ объясненнаго выше. Но г. Соловьевъ не совсѣмъ вникъ въ слова наши; мы говоримъ здѣсь не о томъ, что на сценѣ вопросъ и споръ семейный, объ этомъ и говорить много не нужно, а о совокупномъ владѣніи наслѣдственномъ; здѣсь точно мы говоримъ, что въ первую минуту наслѣдованія дѣти всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ, и противъ этого, я думаю, едва ли кто будетъ спорить; покуда дѣти не раздѣлились, они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ. Эта первая минута можетъ длиться больше, перейти въ первое время наслѣдованія, а время это можетъ продлиться и очень долго, впередъ до новаго наслѣдованія, что видимъ теперь даже и въ дворянскихъ семьяхъ, которыя отъ того не могутъ же быть причислены къ родовому быту. Откуда взялась эта первая минута?—изъ дѣйствительности, изъ жизни. Это такая простая дѣйстви-

тельность, которая постоянно повторяется. Прибавимъ здѣсь еще указаніе на крестьянскую семью: очень часто между крестьянами, сыновья—возьмемъ для примѣру двухъ сыновей — послѣ смерти отца, не раздѣлятся, а будутъ жить вмѣстѣ *однимъ хозяйствомъ*, какъ было и прежде, сохраняя такимъ образомъ свою *семейную цѣлость*, бывшую при жизни отца ихъ; одинъ изъ нихъ будетъ ходить на сходку (какъ Чешскій владыка); но если бы вдругъ одинъ братъ, или оба вмѣстѣ задумали раздѣлиться (и это было также въ употребленіи), они вольны были это сдѣлать. Здѣсь видимъ мы крестьянскую Славянскую семью, но родоваго быта и признака здѣсь нѣтъ.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «За натяжкою слѣдуетъ неправильное толкованіе текста пѣсни: возражатель говоритъ, что Любуша предлагаетъ имъ общее владѣніе, или раздѣленіе поровну — оба по старому закону, закону вѣкожизненныхъ боговъ: но Любуша говоритъ: «рѣшите, по закону боговъ, владѣть имъ сообща наслѣдствомъ, или раздѣлиться поровну». Если бы старый законъ говорилъ и то, и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вотъ что говоритъ законъ!» Но ясно, что Снемъ не имѣлъ права одному положенію закона давать преимущество предъ другимъ, когда оба предлагались на выборъ (тяжущимся?). Кромѣ стараго закона, Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ ровнымъ раздѣленіемъ наслѣдства, и предлагаетъ Снему рѣшить, что лучше? Но намъ не нужно вдаваться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣсни, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему, дѣти должны сообща владѣть наслѣдствомъ,—о раздѣлѣ ни слова».

На это прежде мы можемъ отвѣчать г. Соловьеву то, что слова Любуши, отдѣльно взятыя, могутъ быть, въ грамматическомъ отношеніи поняты и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ. Вотъ ея слова въ подлинникѣ, понятномъ всякому Русскому:

По закону вѣкожизныхъ боговъ,
Будета имъ оба въ едно власти,
Чи се раздѣлита ровну мѣру.

Будета,—это двойственное число; и такъ, по закону вѣкожизненныхъ боговъ, они оба будутъ владѣть вмѣстѣ (заедино) или раздѣлятъ себѣ ровную мѣру. Отнести ли: *по закону вѣко-*

жизненныхъ боговъ, къ первому только мнѣнію, или и ко второму? Изъ одного этого мѣста рѣшить трудно. Надобно поискать объясненія въ самой пѣсни. Объясненіе же г. Соловьева, что если бъ законъ говорилъ и то, и другое, то оставалось бы отдать на выборъ тяжущимся, совершенно не основательно; ну, а если тяжущіеся не согласны, одинъ выбираетъ одно, а другой — другое, какъ тутъ быть? тутъ приходится рѣшать лицамъ посторонимъ, въ настоящемъ случаѣ княжичѣ и Снему. «Любуша должна была бы сказать: вотъ что говоритъ законъ!» да Любуша такъ и говоритъ. Но обратимся къ пѣсни и посмотримъ, нѣтъ ли въ ней какихъ указаній. Любуша, сказавъ свое мнѣніе, говоритъ: «разрѣшите мои выповѣди (приговоры, изреченія), будутъ ли у васъ по разуму; если не будутъ у васъ по разуму, уставьте имъ новый приговоръ, который *смирилъ* бы поссорившихся братьевъ.» Снемъ, выслушавъ слова Любуши, сталъ хвалить ея выповѣди. Если бы первая только мѣра была по закону боговъ и основывалась на родовомъ бытѣ, то вторая мѣра Любуши, *новая ею придуманная* (по мнѣнію г. Соловьева), нарушающая этотъ бытъ, могла ли быть встрѣчена равнодушно Снемомъ и заслужить равныя похвалы съ первою мѣрою? Снемъ, начавъ тихо говорить, сталъ хвалить изреченія Любуши. — Далѣе, Хрудошъ, старшій братъ, хочетъ не того; онъ хочетъ маіоратства, и это, какъ чуждая, не народная мѣра, возбуждаетъ негодованіе, и *въ противоположность Хрудошу, а не Любушѣ*, и приводится старый отцовскій законъ; правда, въ этомъ законѣ говорится о владѣніи дѣтьми сообща наслѣдствомъ, но вспомнимъ нашу крестьянскую семью, гдѣ обыкновенно такъ бываетъ, но гдѣ это не мѣшаетъ потомъ выдѣляться; то же можемъ мы и здѣсь предположить, но это, не какъ правило, а какъ право или возможность, не имѣло надобности быть приведено въ словахъ Ратибора. Если же бы это было что-нибудь новое, не вытекающее изъ древняго обычая, то Снемъ, повторяемъ, сказалъ бы что нибудь противъ такой мѣры и не сталъ бы хвалить всѣхъ изреченій Любуши,—какъ онъ это дѣлаетъ. Вѣдь Снемъ объявляетъ же себя противъ Хрудоша. Въ подкрѣпленіе приведемъ, что и Шафарикъ обѣ мѣры, предложенныя Любушей, признаетъ древне-Славянскими. Что эти мѣры — обѣ древнія, другъ другу не противорѣчащія, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы съ своей стороны, на основаніи всего

вышесказаннаго, продолжаемъ думать, что и вторая мѣра была тоже по старому закону *вѣкожизненныхъ* боговъ,—служа можетъ быть его признаннымъ видоизмѣненіемъ, — по крайней мѣрѣ согласна съ нимъ.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у Славянскихъ народовъ, то эти явленія нейдутъ къ нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родоваго быта только до половины IX вѣка; а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту, какъ постоянно и показывается въ моей книгѣ; нарушаютъ полноту, говорю, и только; ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родоваго быта такъ могущественны въ Русской исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто: таково, напримѣръ, господствующее явленіе въ древней нашей исторіи — родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ объ нихъ возражатель? Вотъ какъ: «Замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти (!!) найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ.» И такъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не Славянскимъ, а Варяжскимъ, т. е. Скандинаво-Германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражателю слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родоваго быта у Скандинаво-Германскихъ племенъ, и отвергнуть его у Славянскихъ; но любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у Западныхъ Славянъ была давно уже извѣстна; возражатель однако заблагоразсудилъ умолчать о ней, заблагоразсудилъ умолчать о томъ, что такія же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ Славянскихъ народовъ, а у другихъ иноплеменныхъ народовъ не существовали!»

Г. Соловьевъ смущается нашимъ выраженіемъ: *хотя отчасти*, и ставитъ два знака восклицанія въ скобкахъ. Мы не видимъ, почему оно кажется ему такъ страннымъ, ибо онъ самъ говоритъ, что полнота родоваго быта нарушена, хотя считаетъ, что онъ былъ еще могущественъ и послѣ Рюрика. Мы, не видя ничего страннаго въ этомъ выраженіи, употребили его опять (см. выше). Но не въ этомъ дѣло. О родовыхъ отношеніяхъ князей

между собою мы точно сказали мало въ нашей статьѣ, считая нужнымъ опровергнуть главныя положенія защитниковъ родоваго быта, и потому еще, что считали возможнымъ, хотя отчасти, находить родовое устройство въ родѣ Рюриковомъ. Теперь кстати скажемъ свое мнѣніе объ этомъ.

Первое, что̀ должно поразить каждаго изслѣдователя, такъ это совершенное отсутствіе всякого слѣда родоваго начала въ городахъ, въ народѣ, призвавшемъ Рюрика, и съ другой стороны, присутствіе слѣда этого родоваго быта въ княжемъ родѣ, не туземномъ, который былъ призванъ изъ-за моря. Очень естественно было остановить на этомъ явленіи свое вниманіе, что̀ мы и сдѣлали, но что̀ такъ сильно не нравится г. Соловьеву. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялся родовой элементъ въ призванномъ родѣ Рюрика, когда этого элемента вовсе не было въ народѣ, такъ что и г. Соловьевъ его въ немъ не можетъ найти послѣ Рюрика, по крайней мѣрѣ послѣ Ярослава, со времени котораго и начались родовые княжіе счеты (впрочемъ прежде имъ нельзя было и явиться въ опредѣленномъ видѣ)? Что за странный volte-face! Народъ находится въ родовомъ бытѣ; является къ народу князь съ дружиною и съ ними государственный элементъ; вдругъ.... въ князѣ и дружинѣ является элементъ родовой, а въ народѣ его нѣтъ вовсе. Такія превращенія въ исторіи невозможны, а если они, по видимому, происходятъ, значитъ—точка зрѣнія не вѣрна. По этому постараемся вникнуть въ то, что̀ представляетъ намъ исторія. Прежде всего, самое естественное—устранить напраслину родоваго быта, взведенную на Славянъ вообще и на Русскій народъ въ особенности, что̀ мы и старались доказать въ статьѣ нашей о родовомъ бытѣ Славянъ, предложенной въ Московскомъ Сборникѣ на судъ читателямъ. Это внезапное отсутствіе родоваго элемента въ народѣ послѣ призванія Рюриковскаго рода (въ которомъ на первый взглядъ есть слѣдъ этого элемента), уже не будетъ насъ изумлять. Чего не было прежде, того не явилось и послѣ. Но откуда же взялся родовой элементъ въ родѣ Рюрика?—Самый естественный отвѣтъ, что онъ былъ принесенъ имъ съ собою. Здѣсь г. Соловьевъ и требуетъ, чтобъ мы показали господство родоваго быта у Скандинаво-Германскихъ племенъ и отвергнули его у Славянскихъ; второе требованіе мы исполнили, ибо вся статья наша написана объ этомъ. Но первое

нами не выполнено, ибо мы такой задачи себѣ не задавали. Хотя вопросъ о томъ, къ какому племени принадлежитъ Рюрикъ, еще нельзя назвать рѣшеннымъ; но положимъ, что онъ принадлежалъ къ племени Скандинаво-Германскому; въ такомъ случаѣ намъ извѣстно, что родовой бытъ былъ у этихъ племенъ (см. объ этомъ статью всѣмъ намъ дорогаго Гриневскаго); и князья изъ этого племени, призванные народомъ, не знающимъ родоваго быта, очень естественно, могли и должны были измѣниться нѣсколько въ своемъ бытѣ, и такимъ образомъ представили то явленіе, какое видимъ мы въ княжескихъ отношеніяхъ. Вотъ самый простой выводъ, если и не вникать въ княжія отношенія. Но обратимъ на нихъ болѣе пристальное вниманіе. Мы сказали условно: если гдѣ можно, хотя отчасти, найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ. Теперь поищемъ, есть ли здѣсь родовое устройство.

Мы видимъ прежде всего два явленія: 1) всякой князь имѣетъ *часть* въ Русской землѣ, какъ они сами выражаются, и 2) споры о томъ, кто имѣетъ право быть на старшемъ княженіи въ Кіевѣ, споры о старшинствѣ, какъ говорится. Если бы Россія въ эпоху призванія Рюрика, и позднѣе, составляла одну цѣльную землю, тогда нѣтъ сомнѣнія, что, или бы владѣла только старшая линія, или же, если бъ Россія раздѣлялась на части для удовлетворенія всѣхъ членовъ рода, пришлось бы признать отчасти родовой бытъ; но мы видимъ передъ собою совсѣмъ иное. Совокупнаго владѣнія (какое предполагаетъ г. Соловьевъ въ родовомъ бытѣ) мы не видимъ. Мы видимъ, что у князя есть своя волость; князья нѣкоторое время съѣзжались, чтобъ совѣтоваться объ общихъ дѣлахъ, но никакого общаго владѣнія у нихъ не было; доходы съ волостей шли каждому отдѣльно. И такъ это уже противорѣчитъ родовому быту, какъ понимаютъ его г. Соловьевъ съ товарищи. Но что же это было за владѣніе?—Россія была земля единая въ силу единства вѣры, племени, языка и обычая, но живущая отдѣльными общинами. Вотъ почему родъ Рюрика, размножаясь, раздѣлялся по этимъ общинамъ, вотъ почему, призванный множествомъ общинъ, родъ этотъ считалъ себя ихъ природными князьями и признавалъ за собою, какъ за цѣлымъ родомъ, право на Русскую землю. Князья могли требовать себѣ *части* (доли) въ Русской землѣ; ибо она и безъ нихъ состояла изъ частей и

долго не требовала государственнаго единства. Мы видимъ примѣръ, что городъ самъ требуетъ себѣ князя, именно Новгородъ; онъ присылаетъ съ этимъ требованіемъ къ Святославу, грозя, что найдетъ князя въ другомъ мѣстѣ; Святославъ даетъ имъ Владиміра. Покуда еще Рюриковъ родъ не размножился, мы видимъ князей изъ другаго даже рода, такъ напр. Тура въ Туровѣ, Рогволода въ Полоцкѣ. Родоваго устройства мы здѣсь не видимъ, ибо его нѣтъ. Можно сказать (какъ выразились мы нѣкогда въ нашей статьѣ объ изгояхъ), что не города дѣлились по князьямъ, а князья дѣлились по городамъ. Изъ такого взаимнаго отношенія городовъ, или волостей Русскихъ, и размножающихся князей Рюрикова племени, и вышло то явленіе, которое представляетъ намъ *волостная* Русь (замѣняемъ этимъ словомъ названіе удѣльной; здѣсь слѣдуемъ мы прекрасной мысли г. Соловьева объ удѣльномъ періодѣ); вышло то, что всѣ Рюриковичи стали князьями и считали себя въ правѣ имѣть часть въ Русской землѣ. А города въ свою очередь хотѣли князей Рюриковскаго рода; въ его единствѣ имъ живѣе чувствовалось собственное единство, да и любили этотъ славный родъ, давшій Россіи столько подвижниковъ и мучениковъ вѣры, столько защитниковъ и страдальцевъ за Русскую землю. Но, не смотря на то, мы встрѣчаемъ Литовскихъ князей, на примѣръ, Довмонта, и даже помнится, князя Половецкаго. Повторяемъ: родоваго быта тутъ никакого нѣтъ, и дѣло является очень просто.

Но споръ о старшинствѣ, по счетъ, кто старше? Если владѣютъ князья одного рода, если всѣ они могутъ переходить изъ волости въ волость, то должны же они свое размѣщеніе основывать на какихъ нибудь причинахъ, на какихъ нибудь правахъ. Самое естественное вездѣ и всюду въ такомъ случаѣ, это право старшинства; но это чувство уже не родовое, а скорѣе родословное. Да и это право старшинства постоянно не уважается. Какое же это родовое устройство, гдѣ сейчасъ выступаетъ впередъ личность князя? одинъ говоритъ: я хочу владѣть — я старшій; другой говоритъ: меня позвали жители. Если вопросъ о старшинствѣ былъ главный, то споры были бы только о старшинствѣ. Изяславъ Мстиславичъ знаетъ, что Юрій Долгорукій старше его и воюетъ съ нимъ. Вопросъ старшинства не избѣженъ тамъ, гдѣ владѣетъ множество князей одного происхожденія, размѣщаясь

по множеству волостей и переходя изъ одной въ другую; но такъ какъ этотъ вопросъ въ то же время не былъ существенный, то онъ нарушался и личною волею князя, и волею народа. Родоваго быта мы опять здѣсь не видимъ. Здѣсь родоваго элемента на столько, на сколько можно его найти всегда, во всякомъ обществѣ. Старшинство въ своемъ видѣ существуетъ и въ Англіи и во Франціи. Какъ скоро, на примѣръ, рѣчь пойдетъ о подвижномъ титулѣ, о владѣніи, такъ и вопросъ о старшинствѣ подымается. Но оно можетъ и не составлять непреложнаго закона, и не составляло въ древней волостной Руси и въ теперешней крестьянской.

И такъ мы рѣшительно не видимъ элементовъ родоваго быта и въ Рюриковомъ родѣ.

Г. Соловьевъ упрекаетъ насъ, что мы умолчали о его статьѣ о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у Западныхъ Славянъ. Признаемся со всею откровенностію, что мы тогда ея не читали, потому и не говорили. Прочли ее потомъ, и она ничего не могла измѣнить въ нашихъ мнѣніяхъ; ибо княжескія отношенія у другихъ Славянъ, изображаемыя ею, будучи сходны съ Рюриковскими, подлежатъ тому же объясненію, какое мы сейчасъ дали. Мы видимъ, что характеристика этихъ отношеній происходитъ болѣе отъ устройства и состава Русской земли, существующей, какъ множество волостей, нежели отъ самихъ Рюриковичей. Вотъ почему это явленіе княжескихъ отношеній, явленіе Русское и вообще Славянское, встрѣчается только у Русскихъ и вообще у Славянъ. Вотъ почему его не было у иноплеменныхъ народовъ.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Неужели можно сдѣлать такое предположеніе, говоритъ возражатель, что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, изчезло совершенно изъ Русской земли?» Но кто же говоритъ, что оно изчезло? Въ мѣстничествѣ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное, выраженіе: «хотя едва ли справедливо» — ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это лѣтописи княжескія, говорящія преимущественно, исключительно почти, о княжескихъ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны; даже о вельможескихъ отношеніяхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстни-

чества, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника, изъ Книгъ Разрядныхъ; но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отношеній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служилыхъ записаны въ Разрядныхъ Книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственнымъ интересомъ, съ государственною службою, то въ какихъ лѣтописяхъ и въ какихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? Изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остальнаго народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?»

Г. Соловьевъ говоритъ, что родовое начало не изчезло изъ Русской земли послѣ призванія Рюрика и видитъ его въ мѣстничествѣ. О мѣстничествѣ такъ же, какъ и о княжескихъ отношеніяхъ, и по той же причинѣ, мы упоминали въ нашей статьѣ вскользь. Поговоримъ теперь о мѣстничествѣ подробнѣе. Приведемъ сперва слова г. Соловьева о дружинѣ. «Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его *новое начало, сословное, въ противоположность прежнему, родовому.*» (Архивъ ист. юр. св., отд. 1. стр. 17). Какимъ же образомъ мѣстничество, въ которомъ г. Соловьевъ видитъ родовое начало, находимъ мы именно только въ этой дружинѣ, въ позднѣйшее время, или, что все равно, у потомковъ ея, у наслѣдниковъ ея духа и устройства, у людей служилыхъ, *государевыхъ?* А земля, народъ, все, что внѣ дружины, и куда дружина, по мнѣнію г. Соловьева, вносила начало противоположное родовому,—мѣстничества и не знали. А можетъ быть оно у нихъ и было, думаетъ г. Соловьевъ. Да развѣ такъ доказываютъ въ наукѣ?

Что же, въ самомъ дѣлѣ, было мѣстничество?

Мы видимъ, что служилые люди спорили между собою о мѣстахъ, о томъ, кто кого выше мѣстомъ, и именно даже сколькими мѣстами, и вслѣдствіе этихъ споровъ и на этихъ-то отношеніяхъ между собою основывали они отношенія свои по службѣ, при царскихъ выходахъ и столахъ и при другихъ церемоніяхъ, то есть, не хотѣли быть ниже тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, ниже ихъ, по спорамъ о мѣстахъ.

На чемъ же основывался споръ о мѣстахъ: на службѣ предковъ и на отношеніяхъ къ этой службѣ по родовой лѣствицѣ ихъ потомковъ. Здѣсь видимъ мы не родовое, а родословное начало, примѣненное къ службѣ; значеніе городовъ сюда входитъ, такъ что судный Владимірскій приказъ и при царяхъ считался старше Московскаго, потому что Москва была прежде пригородомъ Владиміра. Память о древности мѣсть, службъ и служилыхъ родовъ соединенно выражалась въ мѣстничествѣ. Конечно, никакого родоваго быта нельзя найти въ спорахъ городовъ о старшинствѣ, точно также и въ спорѣ служилыхъ родовъ; *быта* нѣтъ: нѣтъ ни родоваго правленія, ни родоваго владѣнія; есть—служба и отношеніе къ этой службѣ (при обѣдахъ, выходахъ—случаевъ меньше) по родовымъ счетамъ старшинства. Здѣсь видимъ, повторяемъ, чисто генеалогическое или родословное начало, которое въ древней Россіи, при отсутствіи аристократическаго сословнаго элемента, получило значеніе служебное и подвижное, а отсюда и споры. *Все* служилое сословіе обязано было служить, слѣдовательно все, всѣ послѣдніе члены его, считались службою, на родовомъ основаніи, ибо оно служило въ то же время добровольно и самобытно, а не по одному государеву приказанію; самобытность его выражалась взаимными отношеніями его по родовымъ счетамъ на службѣ.

Вотъ краткое объясненіе мѣстничества; но этотъ огромный отдѣлъ доселѣ почти нетронутый, кромѣ добросовѣстнаго и прекраснаго труда Д. Валуева, памятнаго своимъ чистымъ стремленіемъ къ знанію и къ пользѣ своего отечества, этотъ огромный отдѣлъ нашей древней исторіи доселѣ лежитъ впустѣ.

Г. Соловьевъ говоритъ, что лѣтописи наши—лѣтописи княжескія. Но однако изъ лѣтописей узнаемъ мы и о томъ, что во всѣхъ городахъ были вѣча, и о томъ, что города спорили старшинствомъ другъ съ другомъ; а про Новгородъ и говорить нечего: онъ очерченъ довольно живо. Г. Соловьевъ говоритъ: въ какихъ лѣтописяхъ, въ какихъ разрядахъ можно найти подробности объ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? Но въ лѣтописяхъ о немъ говорится часто; именно при княжескихъ спорахъ можно видѣть это народонаселеніе, ибо оно принимало участіе, поддерживало то того, то другаго князя, но совершенно было равнодушно къ родовымъ правамъ князей, какъ видно, ни мало не со-

чувствуя родовымъ вопросамъ. Такое отсутствіе сочувствія къ родовому вопросу, столь близко до народа касающемуся (ибо на рѣшеніи этого вопроса князья основывали права свои), показываетъ полное отсутствіе родоваго начала въ народѣ. На народный бытъ, кромѣ лѣтописей, указываютъ многія грамоты, въ особенности юридическіе акты (купчія, закладныя, и пр.); также 1612 годъ, гдѣ народъ дѣйствовалъ самъ и безпрестанно выражалъ себя въ словѣ; наконецъ современная крестьянская Русь, въ которой сохраняются начала древней Руси, съ чѣмъ вѣроятно не будетъ очень спорить и г. Соловьевъ. Указаній довольно для опредѣленія быта народнаго. И что же? нигдѣ нѣтъ свидѣтельствъ въ пользу родоваго быта. Напротивъ того, вездѣ видимъ ясно и опредѣленно бытъ общинный.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «О до-Рюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ Славянъ самое ясное указаніе находимъ въ извѣстныхъ словахъ лѣтописца: «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Возражатель, отвергающій родовый бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, что *родомъ своимъ* будетъ отвѣчать не на вопросъ: чѣмъ? а на вопросъ: какъ? и приводитъ два примѣра: они играли толпами, пришли всѣмъ народомъ. Но во 1) въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы: играть и придти имѣютъ среднее значеніе, какого не можетъ имѣть глаголъ владѣть у лѣтописца: каждый Полянинъ владѣлъ (какъ?) родомъ, но чѣмъ же онъ владѣлъ? во 2) любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергать родовой бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что, по словамъ лѣтописца, Поляне владѣли цѣлыми своими отдѣльными родами, по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ, совокупно. Но если Поляне владѣли по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ цѣлымъ родомъ совокупно, если каждый родъ составлялъ отдѣльное совокупное владѣніе, то спрашивается, какой же можетъ быть здѣсь другой бытъ, кромѣ роловаго? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые стараются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора!»

Здѣсь опять г. Соловьевъ оканчиваетъ свое опроверженіе съ какимъ-то торжествомъ. Этой торжественной фразы мы рѣшительно не понимаемъ. Въ объясненіи нашемъ на слова лѣтописи г. Соловьевъ видитъ подтвержденіе родоваго быта, но, кажется, онъ

не пользуется этимъ подтвержденіемъ, ибо возражаетъ противъ нашего объясненія. Отвѣчаемъ сперва на возраженіе. Во 1) глаголъ *владѣть* имѣетъ среднее значеніе и очень можетъ быть употребленъ безъ вопроса: чѣмъ; если сказать, что совокупное владѣніе, на примѣръ, есть принадлежность рода, то очень легко можно обойтись безъ вопроса: *владѣніе чьимъ?* Во 2) объясненіе мое вовсе не въ пользу родоваго быта, ибо г. Соловьевъ, выписавъ начало только моего объясненія лѣтописныхъ словъ, оставляетъ въ сторонѣ самое объясненіе, изъ котораго и видно, что здѣсь подъ родомъ должно разумѣть семью, которая владѣла совокупно, такъ что слова почтеннаго историка и торжество его падаютъ сами собою; надобно было опровергнуть это объясненіе, тогда другое дѣло. Что же касается до совокупнаго владѣнія семьи, то этому привели мы довольно примѣровъ изъ позднѣйшаго времени. Признаемся, возраженія такъ мелочны, и притомъ такъ неосновательны, что почти совѣстно отвѣчать на нихъ, и утомительно для читателей слѣдить за такимъ споромъ. Но мы считаемъ долгомъ своимъ это сдѣлать. А то, пожалуй, скажутъ, что отвѣчать было нечего.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «Доказательство противъ родоваго быта возражатель находитъ въ преданіи о трехъ братьяхъ-строителяхъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили на разныхъ мѣстахъ; мы согласились бы еще съ возражателемъ на счетъ раздѣльности братьевъ, если бъ одинъ жилъ на Деснѣ, а другой на Припети, но никакъ не согласимся потому только, что одинъ жилъ на Щековицѣ, а другой на Хоревицѣ, ибо никакъ не думаемъ, чтобъ для поддержанія родоваго единства всѣ родичи должны были жить рядомъ въ одномъ домѣ (?), который, при многочисленности членовъ рода, долженствовалъ быть чѣмъ нибудь въ родѣ хрустальнаго дворца.»

Все, что говоримъ мы о трехъ братьяхъ, связано съ объясненіемъ предыдущихъ словъ лѣтописи, а вырванное отдѣльно мнѣніе наше о трехъ братьяхъ не можетъ имѣть той ясности. Но статья наша напечатана, и найдутся добросовѣстные люди, которые, интересуясь споромъ, прочтутъ ее и увидятъ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. Выписывать изъ нея цѣлыя страницы мы не считаемъ нужнымъ. Г. Соловьевъ, въ приведенныхъ выше словахъ лѣтописи, видитъ *роды;* и такъ роды, каждый, жили особо,

на своихъ мѣстахъ. Что же значитъ: жили особо, на своихъ мѣстахъ? Какъ далеко жилъ родъ отъ рода? Пусть опредѣлитъ онъ это. Разстояніе между Кіевомъ, Щекомъ и Хоривомъ ему кажется однимъ мѣстомъ. Къ тремъ братьямъ онъ не относитъ словъ: *особо на своихъ мѣстахъ*. Изъ сказаннаго имъ надобно думать, что роды были такъ далеко другъ отъ друга, какъ Припеть отъ Десны, ибо только тогда согласился бы онъ признать, что три брата жили каждый на своихъ мѣстахъ. Но это бы значило, что Поляне жили бы уже не у себя, а въ инѣхъ земляхъ: Поляне жили по Днѣпру, между Припетью и Двиною — Дресовичи, а на Деснѣ — Сѣверяне. Странно! Вѣдь лѣтописецъ говоритъ про Полянскую землю, а она и вся была не велика. Г. Соловьевъ противорѣчитъ словамъ лѣтописи, которая говоритъ только о Полянахъ и слѣдовательно не допускаетъ такого далекаго разстоянія между *родами*, которые онъ здѣсь видитъ. Мы вовсе не требуемъ, чтобъ родъ жилъ въ одномъ зданіи; г-да защитники родоваго быта утверждаютъ, что у рода было одно мѣсто жительства; но они не опредѣляютъ хорошенько, какъ понимать это одно мѣсто жительства, и какъ далеко могли быть разбросаны члены рода. Прокопій говоритъ, что Славяне живутъ въ дрянныхъ избахъ, далеко другъ отъ друга. Какъ думаютъ г-да защитники родоваго быта: значитъ ли, что это жилъ родъ разбросанный, или что въ каждой избѣ помѣщался родъ? И то и другое не говоритъ въ пользу родоваго быта. Первое, кажется, не показываетъ одного и того же мѣста жительства, а второе противорѣчитъ возможности помѣститься всему роду въ избѣ, и тогда пришлось бы, повторимъ слова г. Соловьева, защитникамъ родоваго быта строить для рода зданіе въ родѣ хрустальнаго дворца. Впрочемъ, какъ бы ни объясняли г. Соловьевъ и другіе этого мѣста, хотя бы рѣшились они признать членовъ рода разбросанными на далекое разстояніе другъ отъ друга, — дѣло отъ этого не измѣняется, и объясненіе извѣстныхъ словъ лѣтописи о трехъ братьяхъ этимъ не опровергается, ибо оно не на этомъ основано.

Г. Соловьевъ продолжаетъ: «По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣтописи слово: родъ, означаетъ семью: онъ говоритъ: «въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родоваго быта, въ значеніи колѣна, слово родъ не употребляется.» — Въ отвѣтъ раскроемъ лѣтопись; подъ 1148 г. Изяславъ

Мстиславичь говоритъ двоюродному брату своему Ростиславу Юрьевичу: ««мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, аки и душю свою.»» Здѣсь Изяславъ родомъ своимъ называетъ современную совокупность всѣхъ живыхъ родичей своихъ, всѣхъ князей-Ярославичей, противополагая эту совокупность ближайшимъ Мономаховичамъ, которыхъ называетъ братьею своею.»

Мнѣніе возражателя, то есть наше, не вѣрно передано; по нашему мнѣнію родъ означаетъ не только семью. Въ своей статьѣ: Шлецеръ и анти историческое направленіе, г. Соловьевъ еще болѣе искажаетъ наше мнѣніе, утверждая, «что послѣдователи антиисторическаго направленія говорятъ, что слово родъ означало только семью.» Вотъ что въ нашей статьѣ сказано:

«Здѣсь кстати будетъ взглянуть вообще на значеніе, которое имѣетъ у насъ слово *родъ*. Слово всякое не опредѣленно, не имѣетъ какого нибудь одного такого смысла, который бы рѣзко и ограниченно ему принадлежалъ; оно не какая нибудь по мѣрѣ сдѣланная форма; имѣя основное значеніе, оно въ то же время отливаетъ многими оттѣнками. Слово родъ 1) первоначально значитъ *рожденіе* дѣтей и оттуда семью, ибо семья стала основною особенностію жизни Славянина, и потому частное, спеціальное значеніе рода — семья; 2) означая родъ, берется и въ неопредѣленномъ смыслѣ *происхожденія*, означаетъ и предковъ, и потомковъ; происхожденіе это понимается иногда въ обширномъ смыслѣ и расширяется до значенія народа, — *иногда въ тѣсномъ, и значитъ родство:* и тамъ и здѣсь означается единство происхожденія. Такое значеніе можно, если угодно, назвать генеалогическимъ (хотя и это названіе будетъ невѣрнымъ, ибо единство происхожденія еще не родословіе), но не родовымъ; это вовсе не одно и то же. Въ рыцарствѣ играло большую роль значеніе генеалогическое, а никто не назоветъ рыцарство бытомъ родовымъ» (стр. 104—105).

И такъ, по нашему мнѣнію, родъ вовсе не значитъ только семью. Какъ же г. Соловьевъ такъ искажаетъ (конечно не желая) наше мнѣніе! Странная невнимательность!

Самая приведенная фраза выписана не совсѣмъ вѣрно; вотъ какъ она у насъ сказана: «Повторяемъ, что въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родоваго быта,

предполагаемаго послѣдователями Эверса, или другими словами, въ значеніи *кольна*, слово родъ не употребляется» (стр. 108). Это мы утверждаемъ и теперь, но просимъ не забывать нашей оговорки, *въ духѣ родоваго быта, предполагаемаго послѣдователями Эверса*. Понятія ихъ намъ извѣстны, и мы рѣшительно не находимъ, чтобъ родъ употреблялся въ томъ духѣ родоваго быта, какъ они его понимаютъ, то есть, какъ нѣчто цѣлое, цѣльное и живое подъ верховною властію родоначальника. Исторія нашихъ князей представляетъ иную картину.

Возражая намъ, г. Соловьевъ раскрываетъ лѣтопись и приводитъ одно мѣсто (см. выше). Г. Соловьевъ думаетъ, что Изяславъ родомъ своимъ называетъ всѣхъ Ярославичей, и братьею всѣхъ Мономаховичей; мы спросимъ также г. Соловьева, какъ подразумѣвалъ здѣсь, въ этихъ словахъ, Изяславъ дядю своего Юрія? какъ «родъ», ибо Юрій — Ярославичь, или какъ «братью», ибо Юрій — сынъ Мономаха? между тѣмъ Изяславу и подразумѣвать его было трудно, ибо онъ въ началѣ говоритъ, что *Юрій всѣхъ ихъ старше*. Притомъ Изяславъ былъ въ ссорѣ съ Юріемъ. Кажется, что въ совокупности живыхъ родичей будетъ недоставать одного, именно Юрія Долгорукаго. Мы говоримъ, что родъ не употребляется въ совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родоваго быта; но мы говоримъ (см. выше), что родъ употребляется въ смыслѣ родства. И если я скажу: *все родство мое* (хотя совокупность здѣсь, какъ и у Изяслава, больше обозначается словомъ: *весь*), то конечно я разумѣю совокупность всѣхъ моихъ родныхъ; но гдѣ же тутъ родовой бытъ? Его нѣтъ; въ противномъ случаѣ надо признать, что мы и теперь живемъ въ родовомъ бытѣ. Слова Изяслава понимаются въ томъ же смыслѣ очень просто: *братью* называетъ онъ не всѣхъ Мономаховичей, а внуковъ Мономаха (ибо онъ отвѣчаетъ Ростиславу Юрьевичу, назвавшему его старшимъ изъ внуковъ Мономаха), а подъ родомъ надобно разумѣть *родство, родню*, и слова тогда являются очень ясны и согласны съ духомъ и народностью Русской и той эпохи.

И такъ приведенное мѣсто лѣтописи, нисколько не опровергая насъ, не совсѣмъ выгодно для мнѣній нашего почтеннаго историка.

Г. Соловьевъ заключаетъ: «Возражатель не хочетъ согласиться и съ опредѣленіемъ слова племя, какъ подраздѣленіемъ рода; по мнѣнію возражателя, племя имѣетъ обширнѣйшее значеніе, чѣмъ

родъ, чему доказательствомъ служитъ позднѣйшее выраженіе: ни роду-ни племени. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣютъ теперь, ибо извѣстно, какъ слова перемѣняютъ значеніе; мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичь родомъ своимъ называетъ совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей (1), но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противополагая ихъ одну другой, напримѣръ Мономаховичей Ольговичамъ, то употреблялось слово племя: напр., подъ 1140 годомъ, Новгородцы говорятъ Всеволоду Ольговичу: «не хочемъ сына своего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимеря.» Возражатель на томъ основаніи, что въ извѣстномъ выраженіи: ни роду-ни племени, племя стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно имѣть значеніе обширнѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV вѣка примѣръ, гдѣ племя стоитъ прежде рода: «А кто ли почнетъ въступатися въ таа дѣла въ монастырьскаа, или мірьскый человѣкъ почнетъ чего взыскивати умершаго черньца, или племя, или родъ общежителева, а тѣмъ того не искати» (Акты истор. I, № 24). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV же вѣка племя употребляется исключительно въ значеніи рода, родства, отчего является выраженіе: ближнее племя; племянникъ означаетъ просто родственника (Псковск. Судная грамота). Когда два слова, не изчезая изъ языка, теряютъ свое прежнее различіе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другаго, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственныя слова съ однимъ значеніемъ, какъ: родъ - племя, травка - муравка. Примѣръ употребленія сложнаго слова родъ - племя: «у Ивашки у Жоглова родъ-племя» (Крымскія дѣла № 1. стр. 116). Не должно забывать настоящаго значенія слова: племя, съ которымъ употребляется теперь оно: это приплодъ; извѣстно выраженіе: оставить на племя; отсюда понятно почему въ древнихъ памятникахъ племя означаетъ въ родѣ линію, рядъ исходящихъ отъ извѣстнаго члена рода, его приплодъ, такъ сказать; ясно также, почему въ извѣстномъ выраженіи ни роду-ни племени, племя поставлено позади рода: чѣмъ

(1) Мы видѣли, какимъ образомъ. См. выше.

больше родъ, тѣмъ больше силы и чести по старымъ понятіямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человѣкъ бѣднѣе, безпомощнѣе; человѣкъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у котораго нѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ разныхъ степеней, но даже нѣтъ близкихъ, нѣтъ племени.»

Г. Соловьевъ распространился всего подробнѣе о выраженіи: *родъ-племя;* объясненіе этого выраженія, особенно взятое отдѣльно, вовсе не составляетъ важности.

Говоря о родѣ и о племени, мы привели для объясненія этихъ словъ не одно только выраженіе: ни роду - ни племени; мы указали на церковныя постановленія о бракѣ, гдѣ очень ясно, какъ намъ кажется, значеніе рода и племени, на примѣръ, въ вѣнечныхъ памятяхъ: «ты бъ про нихъ обыскалъ, чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ». Здѣсь ясно видно (говоримъ мы въ своей статьѣ), что, если бы племя имѣло болѣе тѣсное значеніе, чѣмъ родъ (а оно, по мнѣнію г. Соловьева, есть отдѣлъ рода), то не нужно было его и упоминать; достаточно было сказать: «въ роду», но здѣсь упомянутъ родъ и сверхъ того упомянуто, *послѣ* рода, племя. Очевидно, что оно имѣло болѣе широкое значеніе, поэтому запрещалось жениться не только въ роду, но и въ племени». Мы не думаемъ, чтобъ старинное значеніе словъ *родъ* и *племя* такъ противорѣчило позднѣйшему, чтобъ грамоты XV и XVI вѣковъ не могли быть приведены въ объясненіе. Изяславъ Мстиславичъ, говоритъ г. Соловьевъ, называетъ родомъ совокупность своихъ родственниковъ; почему же, означая линію Мономаховичей, не сказалъ Изяславъ: *племя*, а сказалъ: *братья?* Вѣдь г. Соловьевъ не говоритъ, чтобъ онъ разумѣлъ только двоюродныхъ братьевъ, а просто Мономаховичей. Примѣръ изъ лѣтописи, приводимый г. Соловьевымъ, нисколько не противорѣчитъ нашему объясненію слова *племя;* а слово *родъ*, какъ уже было сказано нами, могло имѣть генеалогическое значеніе потомства и значеніе родни. При употребленіи же съ словомъ *племя*, слово *родъ* является въ коренномъ, тѣсномъ своемъ значеніи семьи. Г. Соловьевъ приводитъ примѣръ, гдѣ *племя* употребляется прежде *рода*. Это возможно; строгихъ формулъ на это нѣтъ, но общее употребленіе говоритъ въ нашу пользу. Указывая же, что племя употреблялось въ значеніи рода, родства, г. Соловьевъ нисколько намъ не противорѣчитъ. Замѣчаніе

г. Соловьева о складныхъ двойственныхъ словахъ, какъ *родъ-племя*, *травка-муравка*—очень вѣрно; но оно опять таки говоритъ въ нашу пользу, ибо такъ кристаллизируются слова на основаніи живаго, законнаго употребленія. Г. Соловьевъ указываетъ на современное значеніе слова *племя* (между тѣмъ онъ сказалъ, что не должно объяснять современнымъ значеніемъ значеніе словъ древнихъ). Но современное значеніе *племя*, какъ приплодъ, не имѣетъ тѣснаго значенія; оно показываетъ ведущуюся породу, и потому обнимаетъ собою все, вытекающее отъ одного производителя, потомство. Принимая родъ въ тѣсномъ смыслѣ семьи,—тамъ, гдѣ становится съ нимъ рядомъ племя, — мы не видимъ никакого противорѣчія съ нашими словами, если поймемъ племя и такъ, какъ понимаетъ его г. Соловьевъ.

Заключительная же фраза г. Соловьева для насъ темна. Племя, во всякомъ случаѣ, если принимать толкованіе почтеннаго профессора, есть часть рода; гдѣ есть родъ, тамъ непремѣнно уже есть племя, слѣдовательно, сказавъ: нѣтъ роду, мы сказали — что нѣтъ и племени. Возможно ли такое выраженіе: у него нѣтъ рода (понимая родъ согласно съ г. Соловьевымъ), но есть племя? Не думаю, чтобъ г. Соловьевъ призналъ такое выраженіе возможнымъ. Ближайшіе родственники, при отсутствіи другихъ, становятся и племенемъ и родомъ человѣка. Иначе, гдѣ же является родъ? Послѣ своего объясненія, г. Соловьевъ, въ братьяхъ Чешской пѣсни, долженъ видѣть племя, а не родъ (если не хочетъ видѣть семьи); ибо, какъ видно, другихъ родичей, кромѣ этихъ двухъ родныхъ братьевъ,—нѣтъ: а то бы должны они были явиться тутъ же, при спорѣ о наслѣдствѣ. А между тѣмъ г. Соловьевъ, кажется, рѣшительно принимаетъ эту семью просто за родъ.

Скажемъ кстати, что о значеніи рода, въ смыслѣ семьи, приведены у насъ доказательства, о которыхъ не упоминаетъ г. Соловьевъ.

Мы отвѣчали г. Соловьеву, какъ ни мелки были его возраженія, какъ ни утомителенъ былъ отвѣтъ. Теперь мы спросимъ почтеннаго историка:

Почему ничего не сказалъ онъ о доказательствахъ нашихъ въ пользу семейнаго и противъ родоваго быта, основанныхъ на древнихъ правахъ о наслѣдствѣ, по изслѣдованіямъ Губе и по Рус-

ской Правдѣ,—о распоряженіи имѣніемъ отъ лица семьи, объ отказахъ, вкладахъ, продажахъ, покупкахъ, мѣнахъ, о данныхъ грамотахъ? Почему не сказалъ онъ о томъ, какъ понимаемъ мы современную крестьянскую семью? Почему ничего не сказалъ онъ на наше мнѣніе противъ его пониманія старцевъ, на наше мнѣніе о томъ, что выше старцевъ былъ народъ, о народныхъ вѣчахъ, бывшихъ еще во время Игоря въ Древлянскомъ народѣ, въ которомъ былъ еще свой Славянскій князь, Малъ,—слѣдовательно здѣсь безспорно является бытъ древній, какой, конечно, былъ и до Рюрика? Почему ничего не сказалъ онъ на объясненіе наше о правѣ родственной мести? Почему не сказалъ онъ о доказательствахъ, основанныхъ на обычаѣ и жизни,—о названіи новобрачныхъ княземъ и княгиней, о непремѣнномъ существованіи отчествъ и объ отсутствіи родовыхъ прозвищъ въ древней Руси и въ современномъ крестьянствѣ, гдѣ являются прозвища лишь весьма рѣдко, и гдѣ они непостоянны? Почему не сказалъ онъ ничего на замѣчаніе наше о множествѣ названій для семейной обстановки (дѣверь, шуринъ и проч.) и объ отсутствіи названій родовыхъ (grand oncle), и на объясненіе наше слова: *двоюродный братъ*, которое, въ особенности рядомъ съ выраженіемъ *братъ родной*, очевидно указываетъ на значеніе рода въ нашемъ смыслѣ? братъ родной—братъ одного рода, одной семьи; братъ двоюродный—братъ двухъ родовъ, двухъ семей.

Обо всемъ этомъ ничего не сказалъ почтенный профессоръ; онъ вырвалъ изъ статьи отдѣльныя частицы и возражалъ на нихъ большею частію съ мелочной стороны, но мы сочли долгомъ отвѣчать на всѣ его возраженія. Просимъ извиненія у читателей за утомительность нашего отвѣта.

Теперь возвращаемся къ статьѣ почтеннаго профессора: «Шлецеръ и анти-историческое направленіе», и постараемся отвѣчать на дальнѣйшія его возраженія.

Второе возраженіе г. Соловьева направлено противъ мнѣнія, что начало общины есть начало Русской земли, хотя существованія общиннаго быта г. Соловьевъ не оспариваетъ. Здѣсь опять неясность; общинный элементъ можетъ проходить разныя степени своего развитія, можетъ облекаться то въ ту, то въ другую форму; а г. Соловьевъ беретъ особную общину, вѣча городскія, и нападаетъ на нихъ весьма сильно, не отдѣляя извѣстной вре-

менной формы отъ выражающаго себя въ ней, постояннаго начала, и, кажется, не предполагая, что элементъ общинный, столь важный и существенный, оставивъ отдѣльную, областную форму, выразился въ Россіи въ иномъ, болѣе широкомъ образѣ.

Г. Соловьевъ говоритъ, что вмѣсто родоваго быта поставили (мы) общину договорную. Это не вѣрно: точно поставили общину, но это община не *договорная*, а *бытовая;* это не контрактъ, не сдѣлка; это проявленіе народной мысли, народнаго духа, проявленіе живое, а не искусственное; таково всегда свойство жизненнаго принципа (начала). Г. Соловьевъ говоритъ, что Россія отреклась отъ вѣчеваго быта, чтобы сплотиться въ цѣлое Государство; изъ послѣдующаго видно, что этотъ вѣчевой или общинный бытъ, по его мнѣнію, изчезъ совершенно. Но при сплоченіи Государства въ одно цѣлое, общинѣ, доселѣ отдѣльной, нѣтъ надобности уничтожаться, а лишь разшириться до общины всей Земли, при чемъ и отдѣльность общинъ, уже подчиненная всеобъемлющей, всерусской общинѣ, можетъ сохраниться. Община, обнявшая всю страну, конечно, должна измѣниться въ своихъ проявленіяхъ и въ образѣ дѣятельности. Всероссійская община — не то, что̀ Новгородская, Кіевская и т. д., взятыя отдѣльно; въ ней соединены въ одно цѣлое всѣ эти отдѣльныя общины, отрекшіяся отъ своего эгоизма. Бытъ общинный именно таковъ, что онъ отъ самаго широкаго объема доходитъ до самыхъ тѣсныхъ, до одной деревни, на примѣръ. Сила въ томъ, чтобъ всѣ эти отдѣльныя общины были взаимно связаны и восходили бы до цѣлой, главной, всеобъемлющей общины всей Земли. Такой-то періодъ всерусской общины и наступилъ вмѣстѣ съ Москвою, какъ столицею Государства и Земли.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что община въ Россіи не изчезла, а лишь приняла широкіе размѣры,—служитъ 1612 годъ. Что̀ же мы видимъ въ немъ, какъ не дѣйствіе общины? Вспомнимъ, что Государство было разрушено. Мы видимъ: города совѣщаются внутри себя и другъ съ другомъ, но совѣщаются уже не о спасеніи каждый себя, а всей Россіи, всей Земли. Вся земля, т. е. вся Русская община, всюду на первомъ планѣ. Отъ всей Земли посылаются послы къ Сигизмунду. Въ просьбахъ бьютъ челомъ боярамъ и всей Землѣ. Пожарскій выбирается народнымъ совѣтомъ. Одно названіе Козьмы Минина Выборнымъ

отъ всей земли Русской, слишкомъ краснорѣчиво, чтобъ отвергать въ Россіи общину. Именно 1612 годъ показываетъ, какъ силенъ въ Россіи общинный элементъ, въ эту эпоху достигшій объема всерусской общины. Этотъ общинный элементъ и спасъ Россію.

Земскіе Соборы служатъ новымъ доказательствомъ.... но здѣсь г. Соловьевъ пишетъ противъ насъ третье свое возраженіе. Постараемся ему отвѣчать.

Выписывая изъ нашей статьи наше мнѣніе о Земскихъ Соборахъ, г. Соловьевъ говоритъ:

«Въ этомъ изложеніи мнѣнія о соборахъ вполнѣ обнаруживается способъ, какой употребляютъ послѣдователи анти-историческаго направленія въ своихъ разсужденіяхъ. До Московскаго періода были вѣча, былъ сильный элементъ совѣщательный. Что съ нимъ сталось въ періодъ Московскій? Его нѣтъ, говорятъ намъ источники».

И прекрасно. И такъ ученый профессоръ, кажется, принимаетъ, что рѣчь должна идти прежде всего и важнѣе всего о совѣщательномъ элементѣ въ Россіи. Это совершенно справедливо. То или другое проявленіе еще его не изчерпываетъ. До Московскаго періода, совѣщательный элементъ проявляется всего ярче въ вѣчахъ, а во время Московскаго періода въ Земскихъ Соборахъ; но все таки (отчего не любитъ этого слова г. авторъ? быть можетъ, оно кажется ему слишкомъ простонароднымъ) рѣчь больше всего должна идти о совѣщательномъ элементѣ, присутствіе котораго могло выразиться и въ другихъ проявленіяхъ, кромѣ вѣчъ и Соборовъ. Самое любопытное теперь то, что г. профессоръ *отвергаетъ совѣщательный элементъ въ Московской Россіи*. Конечно, это самое крупное возраженіе, самое яркое мнѣніе; въ чемъ же состоятъ подробности и частности?

Г. Соловьевъ не видитъ связи между вѣчемъ и Земскимъ Соборомъ. Отъ чего совѣщательный элементъ не являлся при дѣлѣ собиранія земли, говоритъ онъ, почему онъ явился при Іоаннѣ IV, когда онъ назвалъ себя царемъ?

На это отвѣчаемъ. Совѣщательный элементъ, послѣ эпохи отдѣльныхъ общинъ, не являлся потому прежде Іоанна IV, что особный, общинный элементъ уже ослабѣлъ, а новый элементъ общины всерусской еще не окрѣпъ; потому что еще не совершился этотъ переходъ отъ частной общины къ общинѣ всецѣлой,

отъ Вѣча къ Земскому Собору. Россія вступила въ трудный періодъ переработыванія себя изъ одного общественнаго вида въ другой; понятно, что въ эту эпоху, когда Россія еще не сложилась, такъ сказать, она еще не могла получить яснаго, совѣщательнаго голоса, какъ впослѣдствіи: еще Земля не была собрана. Хорошо, что г. Соловьевъ, хотя въ древности, признаетъ вѣчевой, общинный бытъ и совѣщательный элементъ. Бытъ можетъ, онъ убѣдится, что и въ Московскомъ періодѣ есть и то, и другое, лишь въ иныхъ, широкихъ размѣрахъ. Почему совѣщательный элементъ, какъ первый Земскій Соборъ, явился при Іоаннѣ царѣ? Здѣсь нѣтъ никакого мистицизма; ибо, только принявъ титулъ царя, Іоаннъ IV порѣшилъ съ удѣльною, *княжою* эпохою. Только тогда было заявлено, такъ сказать, торжественно, что Россія приняла новый государственный видъ; тогда только было почувствовано и выражено, что Россія сложилась и является новымъ политическимъ тѣломъ. Очень понятно, что, когда дѣло собиранія было повершено даже новымъ наименованіемъ: царства,—Іоаннъ-царь, сознавая цѣлость всей Русской Земли, обращается къ ней и призываетъ ея представителей. Значитъ, что въ эту пору цѣлость Россіи, какъ Государства, и вмѣстѣ какъ Земли, была сознана и выражена. На Красной площади, въ собраніи выборныхъ, было заявлено начало, принципъ, новаго устройства Россіи,—тѣхъ отношеній между Государемъ и Землею, между царемъ и народомъ, того совѣщательнаго элемента, который такъ славно и благодѣтельно проявлялся до самого Петра. Соборъ 1566 года былъ, вопреки мнѣнію г. Соловьева, точно Земскій Соборъ, хотя конечно не полный; точно такъ же, какъ недоконченное изображеніе, положимъ человѣка, есть все же его изображеніе, или какъ молодой дубъ, только что выбѣжавшій на свѣтъ, есть все же дубъ, и странно было бы не узнать его въ раскидистомъ дубѣ, осѣняющемъ землю, странно было бы не видѣть связи между ними. Тѣмъ не менѣе однако, здѣсь ученый профессоръ сдѣлалъ маленькую ошибку: на этомъ Соборѣ, не говоря уже о помѣщикахъ съ западныхъ Литовскихъ границъ, которыхъ замѣчаетъ и г. Соловьевъ, присутствовали не одни гости и купцы Московскіе, а въ числѣ ихъ многіе купцы Смоленскіе (22 чел.) и даже одинъ Костромитинъ;—поэтому и заключеніе: «значитъ гости и лучшіе купцы Московскіе были представителя-

ми всѣхъ областей объединенной (?) Россіи», не совсѣмъ вѣрно фактически. Но, если бы г. историкъ и не захотѣлъ видѣть здѣсь Земскаго, хотя не полнаго, Собора, который и никогда не имѣлъ *формальной* опредѣленности, — то все-таки не можетъ онъ не видѣть совѣщательнаго элемента. Этотъ же элементъ, выражающійся, какъ бесѣда съ народомъ, видимъ мы и въ обращеніи Іоанна IV къ Московскимъ горожанамъ; но такъ какъ это было мѣстное объясненіе царя съ народомъ, то мы и не приводили его въ нашей статьѣ, говоря о Соборахъ.

Мы говоримъ, въ нашей критикѣ, возражая противъ тѣхъ, которые указали бы намъ на отсутствіе Земскихъ Соборовъ при Ѳедорѣ и Борисѣ, что все таки первый Земскій Соборъ былъ созванъ первымъ Русскимъ царемъ, и связь явленія, то есть перваго Земскаго Собора съ послѣдующими Земскими Соборами, ясна. Кромѣ того, мы предполагаемъ, что Соборы вѣроятно были, и что вѣроятно извѣстія о нихъ будутъ отысканы со временемъ, какъ это часто бываетъ въ дѣлѣ исторіи. Г. Соловьевъ возражаетъ на это: «Чего нельзя доказать такимъ образомъ? всякое явленіе, которое намъ нужно, могло быть, а если объ немъ нѣтъ извѣстій въ источникахъ, то это потому, что они потеряны.» Конечно, если бъ кто нибудь вздумалъ доказывать на пр., что въ древней Россіи была скульптура не хуже Греческой, то было бы болѣе, чѣмъ странно говорить, что извѣстія объ этомъ потеряны: предположеніе было бы безъ основаній. А развѣ наше предположеніе дѣлается безъ основаній? Мы видимъ Земскіе Соборы прежде, Земскіе Соборы послѣ, а не видимъ ихъ въ теченіе двухъ среднихъ царствованій; не естественно ли предположить, что Земскіе Соборы были, и что извѣстія объ нихъ или потеряны, или еще не найдены? Но, не довольствуясь этимъ, мы указали на слова бояръ, при Ѳеодорѣ, о надобности совѣщаться Царю съ Землею. О избраніи на царство Бориса всею Землею кому неизвѣстно? Кажется, достаточно указаній для этихъ самыхъ двухъ царствованій. Какъ бы въ подкрѣпленіе вѣрности нашего предположенія самъ почтенный профессоръ приводитъ указаніе, нами пропущенное, на Земскій Соборъ, или приготовленія къ нему, при началѣ царствованія Ѳеодора: просили Ѳеодора принять на себя царскій вѣнецъ.

За тѣмъ г. Соловьевъ признаетъ дѣйствія всей Земли во время

междуцарствія. Самъ г. Соловьевъ допускаетъ, что Земля тогда управлялась сама собою, и грамоты писались отъ всей Земли, что были выборные: что же это, какъ не община и не общинный элементъ? Далѣе г. Соловьевъ объясняетъ, весьма справедливо, почему часто созывались Соборы при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Потомъ онъ приводитъ наши слова, что при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было 12 Соборовъ, а при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ — 2 (собственно, прибавляетъ онъ). Мы не говорили, чтобъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было 2 Собора; мы указали только на 2. Но это въ сторону. Г. профессоръ говоритъ, что такая разница въ числѣ Соборовъ показываетъ вымираніе явленія и ослабленіе причины, его производившей. Нисколько,—если вы вникните въ обстоятельства царствованій. Г. профессоръ самъ объясняетъ, почему такъ часто были Соборы при Царѣ Михаилѣ; этихъ причинъ потомъ не существовало, и Соборы были рѣже при Царѣ Алексѣѣ. Надобно обратить вниманіе на значеніе Соборовъ и на духъ эпохи, на присутствіе совѣщательнаго элемента, а не на число, которое могло зависѣть отъ внѣшнихъ, посторонникъ причинъ.

Г. Соловьевъ, разсматривая Соборъ о Малороссійскихъ дѣлахъ, хочетъ доказать, что «явленіе вымерло, осталась одна форма, которую сочли нужнымъ еще исполнить изъ уваженія къ обычаю предшествовавшаго царствованія.» Г. Соловьевъ доказываетъ это слѣдующими словами: «6 Сентября 1653 года, Царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ гетману Богдану Хмельницкому ближняго стольника Родіона Стрѣшнева и дьяка Бредихина, и въ вѣрющей грамотѣ писалъ: «Послали мы для нашихъ государскихъ дѣлъ, къ тебѣ и ко всему войску Запорожскому ближняго нашего стольника.... а съ нимъ послали къ тебѣ наше государское жалованье, и о чемъ они тебѣ говорить учнутъ, и тебѣ бъ имъ въ томъ вѣрить.» Что же должны были говорить гетману Стрѣшневъ и Бредихинъ? Объ этомъ даетъ знать самъ гетманъ въ отпискѣ къ Царю: «Зѣло утѣшилися есмя, когда грамоту прочитали есмы, отъ твоего Царскаго Величества присланную до насъ, всего войска Запорожскаго, черезъ ближняго стольника Р. М. Стрѣшнева и дьяка М. Бредихина, которые намъ объявили, что твое пресвѣтлое Царское Величество пожаловалъ насъ *и изволилъ принять подъ свою крѣпкую руку*. И мы тому обрадовалися вельми, и ради твоему пре-

свѣтлому Царскому Величеству вѣрно во всемъ служить и крестъ цѣловать.» И такъ, *6-го Сентября* Государь послалъ къ гетману съ объявленіемъ, что онъ принялъ его въ подданство, а *1-го Октября* созванъ былъ Соборъ для разсужденія о томъ, принимать ли гетмана въ подданство? Положимъ, что Алексѣй Михайловичъ былъ увѣренъ въ согласіи Собора, ибо объ этомъ было разсуждаемо прежде, но въ такомъ случаѣ для чего созывать вторично Соборъ и предлагать снова дѣло на обсужденіе? Если же хотѣли большаго, окончательнаго удостовѣренія, то зачѣмъ было созывать Соборъ послѣ рѣшенія дѣла?» (Р. В. № 8, стр. 449).—Г. профессоръ выражается очень осторожно; онъ говоритъ: было разсуждаемо, но не прибавляетъ: на Соборѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ уже собиралъ Соборъ (первый) о Малороссійскихъ дѣлахъ; Соборъ объявилъ себя въ пользу того, чтобъ Малороссію принять. Послѣ такого рѣшенія, Царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ все право, безъ всякого нарушенія уваженія къ достоинству Земскаго Собора, сказать гетману о своемъ согласіи принять его въ подданство. Для чего же сбиралъ онъ второй Соборъ? — для торжественнаго признанія, для санкціи рѣшенія, въ которомъ и Царь и Земля были согласны. До этого втораго Собора Царь Алексѣй Михайловичъ посылаетъ тайныхъ пословъ съ тайными рѣчами (онъ хотѣлъ, можетъ быть, увѣриться, какъ приметъ гетманъ *теперь* его согласіе, ибо это дѣло тянулось долго); но послѣ рѣшенія Земскаго Собора, Царь посылаетъ открыто и торжественно великихъ пословъ, которые открыто и торжественно принимаютъ гетмана со всею Малороссіею въ подданство. Между первымъ и вторымъ Соборомъ прошло три года, поэтому нужна была торжественная санкція отъ новаго Собора: Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ показать, что принимаетъ онъ Малороссію въ подданство *вслѣдъ за рѣшеніемъ Земскаго Собора*, а для того и созываетъ черезъ три года, передъ самымъ принятіемъ Малороссіи въ подданство, новый Земскій Соборъ. И такъ Малороссійское дѣло не только не умаляетъ значеніе Земскихъ Соборовъ, но еще усиливаетъ оное.

Говоря о послѣднемъ Земскомъ Соборѣ, указанномъ мною, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, г. профессоръ говоритъ: «Что касается до созванія выборныхъ для уравненія службъ и податей, то и это не Земскій Соборъ, такимъ онъ нигдѣ и не называется» (стр. 450). *Такимъ онъ нигдѣ и не называется!* Да гдѣ же нашелъ г. про-

фессоръ еще указаніе на этотъ Соборъ, гдѣ еще объ немъ говорится? Мы просимъ его сдѣлать одолженіе сообщить намъ. Мы нашли объ немъ только указаніе въ приведенной грамотѣ. Но почему же собраніе выборныхъ въ Москву для такого важнаго, Земскаго и Государственнаго дѣла, — не Земскій Соборъ? Объ немъ знаемъ мы только косвенную грамоту (пока г. Соловьевъ укажетъ намъ другой какой-нибудь источникъ), въ которой очень легко могъ онъ и не называться Земскимъ Соборомъ. А къ тому же, при отсутствіи формальной опредѣленности, названіе, въ нашихъ актахъ, не составляетъ большой важности. Передъ нами само дѣло, которое говоритъ всего краснорѣчивѣе. Выборные изъ всѣхъ городовъ созваны въ Москву для совѣщанія о предметѣ Государственной и Земской важности. На дѣлѣ это Земскій Соборъ, а поэтому и называемъ его такимъ.

Какъ возраженіе, г. профессоръ дѣлаетъ указаніе, что такіе Соборы, какъ 1682 года, были и послѣ Петра; и приводитъ въ доказательство, что въ царствованіе Петра II велѣно, для сочиненія Уложенія, выписать къ Москвѣ изъ *офицеровъ и изъ дворянъ, по пяти человѣкъ за выборомъ отъ шляхетства* (стр. 450). Но развѣ въ старину такъ собирались выборные на Земскій Соборъ? А гдѣ же представители Земли? Г. профессоръ указываетъ на такое же явленіе при Аннѣ Іоанновнѣ, гдѣ требовалось присутствіе и духовенства, и купечества. Но тогда велѣно было выбрать Сенату, а не самимъ сословіямъ. И такъ, оба примѣра не годятся. При Елисаветѣ и при Екатеринѣ точно были попытки, похожія на Земскій Соборъ, отголосокъ не совсѣмъ забытой старины, но то ли это было на дѣлѣ? мы знаемъ, что нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, эта смутная память о Соборахъ и въ позднѣйшее время все таки знакъ добрый. Г. Соловьевъ приводитъ всѣ эти созыванія выборныхъ послѣ Петра, какъ такія, которыя не слѣдуетъ называть Земскими Соборами, ибо онъ говоритъ: «Если же угодно подобныя созыванія выборныхъ изъ областей называть Земскими Соборами, то упомянутое созваніе 1682 года вовсе не будетъ въ такомъ случаѣ послѣднимъ Земскимъ Соборомъ, и не нужно распущеніе послѣдняго Земскаго Собора мистически соединять съ именемъ Петра (здѣсь мистицизма нѣтъ, потому что съ Петромъ начинается новый порядокъ вещей), ибо обычай этотъ существовалъ и въ XVIII вѣкѣ точно также, какъ въ XVII (мы видѣли,

какъ это: *точно также*). Но созванія выборныхъ при Елисаветѣ и Екатеринѣ (мы не называемъ ихъ Земскими Соборами по другой причинѣ: они противорѣчили уже духу управленія, были только воспоминанія старины, одна форма; на дѣлѣ это выходило безплодно), по предмету своему, были созваны для составленія Уложенія. Ужели же созваніе выборныхъ для такого предмета не есть Земскій Соборъ? Въ такомъ случаѣ, г. Соловьевъ и Земскій соборъ, созванный для Уложенія при Царѣ-Алексѣѣ Михайловичѣ, не долженъ называть Земскимъ Соборомъ. Въ Актѣ объ Уложеніи не встрѣчается названіе Земскаго Собора, а говорится объ общемъ совѣтѣ. Между тѣмъ г. Соловьевъ созваніе выборныхъ по предмету Уложенія признаетъ за Земскій Соборъ. А если это такъ, если это созваніе выборныхъ для Уложенія есть Земскій Соборъ, то и созваніе выборныхъ 1682 года должно быть признано Земскимъ Соборомъ; ибо съ этимъ созваніемъ ставитъ рядомъ г. Соловьевъ созваніе выборныхъ для составленія Уложенія (при Елисаветѣ и Екатеринѣ).

Мы отвѣчали на возраженія г. Соловьева, но теперь считаемъ нужнымъ отвѣчать на общее его отрицаніе совѣщательнаго элемента въ Московской Россіи, показать присутствіе въ ней и важность этого совѣщательнаго элемента, а также и важность Земскихъ Соборовъ, какъ одного изъ его проявленій, проявленіе,— конечно самое полное, но не исчерпывающее совѣщательнаго элемента, который проникалъ всю Русь, былъ въ воздухѣ, въ атмосферѣ. Важности Земскихъ Соборовъ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, кажется, не отвергаетъ ученый профессоръ; а потому мы обратимъ вниманіе собственно на царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, когда, по мнѣнію профессора, явленіе это (Земскіе Соборы), порожденное лишь случайными обстоятельствами, слабѣло; совѣщательный же элементъ, мы помнимъ, отрицается вообще въ Московской Россіи нашимъ ученымъ профессоромъ.

Элементъ общинный, совѣщательный, вѣчевой, былъ съ самаго начала въ Русской землѣ; объ этомъ, по крайней мѣрѣ, никто не споритъ. Это совѣщательное начало проявлялось въ народѣ, выражалось въ его вѣчахъ; но эта же совѣщательность входила и въ отношенія князя съ его дружиною, столь сильно, что дружина была какъ бы законнымъ и непремѣннымъ его совѣтомъ во всѣхъ дѣлахъ (кромѣ развѣ личныхъ). Значеніе совѣта дружины

не подлежитъ сомнѣнію; въ лѣтописи есть, между другими многими свидѣтельствами, одно весьма замѣчательное. Когда злые люди, Петръ и Несторъ Борисловичи, стали наговаривать Давиду Ростиславичу на Мстислава Изяславича, и когда, позванные на обѣдъ къ Мстиславу, Давидъ и братъ его Рюрикъ потребовали, чтобъ онъ цѣловалъ сперва крестъ, то изумленный Мстиславъ разсказалъ это своей дружинѣ. Не мудрено было догадаться, что злые люди ссорили князей клеветами и приписывали злые умыслы Мстиславу. Дружина Мстиславова успокоила своего князя и сказала: «Ты всяко правъ предъ Богомъ и предъ человѣкы, *тебѣ безъ насъ того не лзь было замыслити, ни створити*, а мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь къ всей братіѣ» (1). Важность вѣча въ древней Россіи не нуждается въ примѣрахъ. Въ началѣ Россія состояла изъ отдѣльныхъ общинъ съ отдѣльными своими князьями. Отдѣльность эта была причиною того, что Россія не сплотилась въ одно цѣлое даже при нашествіи Татаръ. Подъ общею для всѣхъ бѣдою и игомъ, Россія начала сплачиваться въ одно цѣлое, и отдѣльныя общины стали соединяться въ одну великую Русскую общину. Переработка эта, какъ все прочное, шла медленно; совѣщательный элементъ, утративъ первую, частную форму, не вдругъ облекся въ другую, общую; и понятно, что въ эту эпоху перехода и перерожденія, онъ не выражался или выражался слабо. То же было и съ дружиною: переходя изъ частной, княжой въ общую, Государеву Думу, дружина теряла свое прежнее значеніе, не получивъ еще новаго. Мы знаемъ жалобы Берсеня на Василія Іоанновича (отца Грознаго), что онъ у постели самъ-третей всѣ дѣла рѣшаетъ. Но, когда великое дѣло соединенія всѣхъ Русскихъ общинъ въ одну совершилось, когда вмѣстѣ съ тѣмъ государство стало тоже единымъ, тогда, при Іоаннѣ IV, принявшемъ титулъ, означающій эту новую эпоху, явился со всей силою совѣщательный элементъ въ новомъ своемъ видѣ, не какъ Вѣче, но какъ Земскій Соборъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣщательный элементъ постоянно проявлялся и въ другихъ формахъ; мы видимъ его и въ Стоглавомъ Соборѣ, и въ собраніи Щелкаловымъ Московскихъ гражданъ на площадь, и въ обращеніи къ этимъ гражданамъ Іоанна, но отъѣздѣ его въ Александров-

(1) П. С. Р. Л. т. 2. стр. 99.

скую слободу. Также въ томъ, что когда поручено было сочинить уставъ о станичной службѣ, то боярин Воротынскій составилъ этотъ уставъ на общемъ совѣтѣ съ станичными головами и станичниками, какъ объявлено въ началѣ самого устава. Наконецъ устройство сельское, безпрестанные выборы, губные старосты и цѣловальники — все это ясно указываетъ на общинный, совѣщательный элементъ. Элементъ не могъ изчезнуть въ послѣдующее за тѣмъ время, и не изчезалъ; но съ наибольшею силою проявился онъ въ эпоху междуцарствія, ибо государство, разрушившись, обнажило его, такъ сказать, и вызвало его на широкое поприще. Тутъ мы видимъ, какъ города, эти отдѣльныя общины, — не сомкнувшіяся въ одно цѣлое при нашествіи Татаръ, — теперь, при обстоятельствахъ, несравненно трудпѣйшихъ, ссылаются, совѣщаются, соединяются другъ съ другомъ въ одну великую силу, силу одной общины, спасаютъ Москву, Рускую землю и вновь воздвигаютъ Государство. Тутъ видимъ во всемъ могуществѣ и во всемъ величіи этотъ древній, общинный, совѣщательный элементъ, переродившійся изъ частнаго, выражавшагося въ отдѣльныхъ областяхъ, въ общій, всерусскій образъ, выражающійся въ цѣлой, одной общинѣ Русской. Общинный элементъ сталъ такимъ образомъ на высшую ступень, принялъ высшій видъ, перешелъ въ высшій моментъ, говоря языкомъ философскимъ. Этотъ элементъ, безспорно, продолжается при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Но г. профессоръ видитъ, что при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ онъ ослабѣваетъ, изчезаетъ; посмотримъ, точно такъ ли говорятъ источники.

Мы уже возражали противъ мнѣнія г. Соловьева о Соборахъ по поводу Малороссіи. Теперь обратимся къ Собору объ Уложеніи. Какъ думаетъ г. Соловьевъ: выборные только для вида собраны были въ Москву съ цѣлью составить Уложеніе? Если явленіе вымирало, то конечно для виду. Между тѣмъ мы видимъ, какъ мнѣнія выборныхъ, извѣстныя намъ въ актахъ, подъ названіемъ челобитныхъ, вошли въ Уложеніе. Наконецъ новая мѣра, весьма важная, вошедшая въ Уложеніе, именно: учрежденіе монастырскаго приказа, — была принята по желанію Земли. Въ Уложеніи именно сказано, что монастырскій приказъ учреждается: *«по челобитью стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостей, и гостиныхъ*

и суконные и иныхъ разныхъ сотенъ, и слободъ, и городовыхъ торговыхъ, и посадскихъ людей» (Уложеніе, изд. 1796 года, стр. 113—114). Кажется, что все это убѣдительно говоритъ въ пользу дѣйствительной силы и значенія Земскаго Собора при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Смѣло можемъ предположить, что если бъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была война, подобная той, какая была у насъ недавно съ Англіею, Франціею и Турціею, то Царь созвалъ бы Земскій Соборъ. Кромѣ того, въ 1667 году былъ составленъ торговый уставъ, по челобитью Московскаго государства гостей, и гостиныхъ сотенъ, и черныхъ слободъ торговыхъ людей. Но этотъ торговый уставъ не былъ только составленъ нашимъ Правительствомъ въ исполненіе челобитья: въ составленіи устава очевидно участвовали торговые люди, ибо подлинныя статьи устава, какъ сказано, «за руками гостей и лучшихъ торговыхъ людей, и слободъ черныхъ приходовъ ихъ отцевъ духовныхъ за руками ихъ» (С. Г. Г. и Д., т. IV, стр. 190). Наконецъ укажемъ и на совѣщаніе съ торговыми людьми о причинахъ дороговизны хлѣба въ Москвѣ и о средствахъ противъ нея. (С. Г. Г. и Д., т. IV, стр. 69—72) (1).

Кажется, довольно и этихъ доказательствъ, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича Земскіе Соборы были явленіе жизненное, имѣли важное значеніе, и что совѣщательный элементъ существовалъ и проявлялся сильно.

Заключаемъ нашъ отвѣтъ, собственно за себя, почтенному профессору, тѣми словами, которыя Земскій Соборъ, въ наказѣ къ Австрійскому Императору, велитъ сказать ближнимъ его людямъ (мы уже привели ихъ въ нашей критикѣ (Рус. Бес. 1856 г. т. IV); но приводимъ здѣсь вновь эти драгоцѣнныя слова): «А то вамъ думнымъ людямъ мочно и самимъ разсудити, что и не такое великое дѣло. безъ совѣту всей Земли не дѣлается.»

Мы отвѣчали г. Соловьеву на возраженія его, собственно противъ насъ направленныя, но считаемъ нелишнимъ отвѣчать на два его мнѣнія, высказанныя имъ въ той же статьѣ. Г. Соловьевъ думаетъ, что въ эпоху Петра, люди, стоявшіе за старину, «не хотѣли измѣнить покроя одежды и сбрить бороду, въ силу без-

(1) Объ этомъ совѣщаніи написана прекрасная статья г-мъ Лохвицкимъ, въ № 7 Экономич. Указателя нынѣшняго года.

сознательнаго подчиненія ведущемуся изъ старины обычаю, нарушить который они считали грѣхомъ» (стр. 467). Это несправедливо. Причина была не та; иностранныя одежды проникали въ Россію и до Петра: противъ нихъ возставало духовенство; царевичи въ дѣтскомъ возрастѣ ходили въ Нѣмецкихъ платьяхъ: это не показываетъ рабства передъ обычаемъ. Но, когда противъ родной одежды и въ пользу чуждой, возстало насиліе, — очень понятно тогда это упорство снять ее; или по крайней мѣрѣ, неохота, ропотъ и неудовольствіе. Вы не привязываете значенія къ вашей прическѣ, къ цвѣту вашей частной одежды, но вдругъ насиліе вооружается противъ наружности и требуетъ, чтобъ вы причесались иначе и надѣли одежду такого-то цвѣта. Очень понятно, что вы возмутитесь духомъ, ибо вы почувствуете себя, какъ человѣка, оскорбленнаго въ свободѣ личнаго, частнаго быта. Вотъ причина, почему такъ трудно, тяжело и обидно было для Русскихъ снимать свою одежду и надѣвать чужую,—причина весьма законная и достаточно понятная и чувству, и разуму.

Г. Соловьевъ говоритъ на той же страницѣ: «Существуетъ старинное мнѣніе, что такъ называемый Петровскій переворотъ совершился насильственно въ томъ смыслѣ, что противники выставляли ему разумное сопротивленіе. Этого не было и быть не могло; извѣстій объ этомъ нѣтъ нигдѣ.»

Слишкомъ рѣшительно. При Петрѣ Великомъ былъ человѣкъ, имъ весьма любимый, котораго онъ приближалъ къ себѣ. Это Кикинъ. Кикинъ могъ бы сдѣлать блестящую *каррьеру* (идея новая, внесенная преобразованіемъ). Но Кикинъ упорно держался старины и не разъ возставалъ противъ Петра. Петръ прощалъ его, но наконецъ осудилъ на казнь. Передъ казнію Петръ спросилъ: отъ чего онъ, Кикинъ, человѣкъ умный, противъ него? Кикинъ отвѣчалъ достопамятными словами. Онъ сказалъ Петру: «Умъ любитъ просторъ, а отъ тебя ему тѣсно» (1). Кто бы ни былъ Кикинъ, но слова его въ высшей степени замѣчательны. Вотъ, слѣдовательно, за что стояла древняя Русь, и вотъ съ какой стороны она чувствовала себя оскорбленною,—со стороны свободы умственной.

---

(1) См. Голикова.

ПО ПОВОДУ ТОЙ ЖЕ СТАТЬИ Г. СОЛОВЬЕВА (*).

Въ статьѣ г. Соловьева: «Шлецеръ и анти-историческое направленіе», есть одно мѣсто, которое насъ сильно поразило; вотъ оно: «Мы имѣемъ возможность изучить характеръ древняго Русскаго общества, въ большей или меньшей полнотѣ, въ настоящее время на одномъ изъ сословій, именно на сословіи земледѣльческомъ, въ общихъ чертахъ одинаковомъ вездѣ. Однообразіе, простота занятій, подчиненіе этихъ занятій природнымъ условіемъ, надъ которыми трудно взять верхъ человѣку, однообразіе формъ быта, разобщеніе съ другими классами народа (?), ведутъ въ земледѣльческомъ сословіи къ господству формъ, давностію освященныхъ, къ безсознательному подчиненію обычаю, преданію, обряду. Отсюда въ этомъ сословіи такая удержимость относительно стараго, такое отвращеніе къ нововведеніямъ, осязательно полезнымъ, такое безсиліе смысла (sic) предъ подавляющею силою привычки. Въ земледѣльческомъ сословіи сохранились преданія, обряды, идущіе изъ глубочайшей древности: попробуйте попросить у земледѣльца объясненія смысла обряда, который онъ такъ вѣрно соблюдаетъ, — вы не получите другаго отвѣта, кромѣ: «такъ водится»; но попробуйте нарушить обрядъ или часть его, вы взволнуете человѣка, цѣлое общество, которые придутъ въ отчаяніе, будутъ ждать всѣхъ возможныхъ бѣдствій отъ нарушенія обряда. Но понятно, какую помощь оказываетъ это сословіе государству, когда послѣднее призоветъ его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. По этому справедливо называютъ земледѣльческое сословіе по преимуществу охранительнымъ. Почтенныя свойства этого сословія, *какъ сословія*, не мо-

(*) Напечат. въ Молвѣ 1857 года № 8.

гутъ быть оспариваемы; но что же, если буйный народъ живетъ въ формѣ быта земледѣльческаго сословія?» (Р. В. 1857. № 8. стр. 463—464).

И такъ, по мнѣнію г. Соловьева, земледѣльческое сословіе съ одной стороны представляетъ тупость понятій и безсиліе смысла предъ подавляющею силою привычки, съ другой — оно можетъ быть полезно Государству: — чѣмъ? — тѣмъ, что Государство пользуется имъ только, какъ оружіемъ. Польза великая; но за эту пользу благодарить надо Государство, а не земледѣльческое сословіе, точно такъ же, какъ вы благодарите зодчаго, а не матеріалъ. Вотъ еслибъ земледѣльческое сословіе могло разсуждать и понимать, тогда оно могло бы приносить какую нибудь нравственную долю въ общее дѣло всей Земли; но оно ограниченно и тупо, живетъ подъ подавляющею силою привычки, оно не можетъ видѣть далѣе предѣловъ своего тѣснаго обычнаго круга, поэтому оно не можетъ понять, что такое общее дѣло всей Земли, а слѣдовательно, какое въ немъ можетъ быть чувство любви къ отечеству!... Но снисходительный авторъ находитъ, что въ немъ есть и хорошее; это — помощь, которую оно оказываетъ, когда призовутъ его на защиту того, что всѣмъ народомъ признано за необходимое и святое. Какъ бы то ни было, земледѣльческое сословіе полезно Государству только, какъ chair à canon.

Какова характеристика земледѣльческаго сословія, начертанная г. Соловьевымъ? — и эти строки (приведенныя нами выше) написалъ, столько уважаемый нами, трудолюбивый нашъ ученый! Но зачѣмъ авторъ ограничился однимъ земледѣльческимъ сословіемъ? Вѣдь наши, напр. рыбачьи села, живутъ той же жизнію: такъ они тоже подходять сюда; вѣдь наши рукодѣльныя села, въ которыхъ то плетутъ сѣти, то дуги гнутъ и пр., также живутъ той же жизнію и тоже подходятъ сюда? Да и при этихъ разнообразныхъ занятіяхъ, всѣ наши села болѣе или менѣе занимаются земледѣліемъ. Было бы, кажется, откровеннѣе, вмѣсто земледѣльческое сословіе, сказать прямо: крестьяне, простой народъ. Но авторъ не выразился такъ. Во всякомъ случаѣ земледѣльческій бытъ есть господствующій бытъ нашего простаго народа.

Замѣтьте еще, что характеристика земледѣльческаго сословія, составленная почтеннымъ профессоромъ, есть, по его мнѣнію, характеристика древняго Русскаго общества, древней Россіи (кро-

мѣ Государства, конечно: въ этомъ отношеніи никто не упрекнетъ г. Соловьева). — Такъ вотъ какова была вся древняя Россія! — Ну, а во время, положимъ, между-царствія, когда все Государство, весь *государственный нарядъ* лежалъ во прахѣ, когда некому было и кликнуть народъ на защиту, кто поднялся за Россію, кто сослался грамотами, чей голосъ раздался на Нижегородской площади, кто наконецъ спасъ Россію и Государство? — народъ, Русской народъ, живущій въ формѣ быта земледѣльческаго сословія, характеристику котораго, написанную г. Соловьевымъ, мы привели выше....

Жестоко и несправедливо слово почтеннаго ученаго о земледѣльческомъ сословіи, объ этомъ сословіи, которое почитаетъ и чувствуетъ себя, не какъ отдѣльное лицо, и не какъ село, но какъ христіанское братство, какъ Русской народъ. Для него дорога слава и добро Россіи. Изъ того, что оно молчитъ, нельзя заключить, чтобъ оно не могло сказать полезнаго для насъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи.

Но не обмолвился ли г. Соловьевъ? Такъ ли мы поняли его слово? Очень бы желали ошибиться.

Есть еще мѣсто, вотъ оно: «Вспомнимъ, какъ принималось христіанство: когда въ Новгородѣ явился волхвъ, то масса простаго народа бросилась къ нему; подлѣ Епископа остался только князь съ дружиной. Дѣло извѣстное, что восходящее солнце освѣщаетъ сначала только верхи горъ» (тамъ же, стр. 474).

Не дурно сказано! хорошо тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, ясно. И такъ «восходящее солнце освѣщаетъ сначала только верхи горъ», то есть, князя, дружину (такъ значится въ приведенномъ примѣрѣ), вообще же — высшія, верхнія сословія. — А солнце христіанской истины, когда взошло оно надъ человѣчествомъ, что оно освѣтило прежде, и кто потомъ передалъ этотъ свѣтъ міру? — Верхи горъ? сильные міра сего? — Нѣтъ. Апостолы были рыбаки, люди изъ простаго народа.

Историкъ, пожалуй, можетъ пренебрегать *низменностями* и благоговѣть передъ *вершами горъ*. Но солнце истины кидаетъ лучи свои не по его усмотрѣнію.

—

ПО ПОВОДУ VII ТОМА

ИСТОРІИ РОССІИ, Г. СОЛОВЬЕВА (1).

VII-й томъ почтеннаго профессора заключаетъ въ себѣ царствованіе Ѳеодора Іоанновича; но первая глава посвящена описанію состоянія Русскаго общества во времена Іоанна IV и относится, слѣдовательно, по содержанію, къ VI тому. Эта глава занимаетъ больше половины книги: 215 страницъ; во всей книгѣ—433 страницы, кромѣ примѣчаній.

Разсматривая первую главу, скажемъ сперва замѣчанія общія.

Первое замѣчаніе, которое должны мы сдѣлать, состоитъ въ томъ, что въ этой главѣ мало послѣдовательности, мало систематическаго порядка; быть можетъ, автору, не смотря на все его желаніе, не удалось внести этотъ порядокъ въ свое сочиненіе. Авторъ вдругъ отъ одного предмета переходитъ къ другому безъ всякой видимой причины, иногда вновь къ нему возвращается; иногда начинаетъ говорить о другомъ важномъ предметѣ, не отдѣляя рѣчи даже внѣшнимъ образомъ, не относя ее къ другой строкѣ. Такъ, начавъ говорить, на первыхъ страницахъ книги, о сознаніи царской власти Іоанномъ, авторъ переходитъ къ обычаямъ новаго Двора, говоритъ о свадебныхъ обрядахъ, о другихъ обычаяхъ; наконецъ, перечисляетъ названіе нарядовъ и разныхъ сосудовъ Іоанна IV. Потомъ авторъ переходитъ къ Думѣ Боярской, къ мѣстничеству и т. д. Впрочемъ, быть можетъ, тутъ и есть свой порядокъ: сперва сказать о Царѣ и о Дворѣ со всѣми подробностями, потомъ о Боярской Думѣ и т. д. Но такого рода порядокъ едва ли вѣренъ, да и его прослѣдить трудно у г. Соловьева. — На страницѣ 14 вдругъ встрѣчаются такія слова:

(1) Напечат. въ Русской Бесѣдѣ 1858 г. Т. II.

«Въ лѣтописи находимъ слѣдующее извѣстіе о распоряженіяхъ Іоанна относительно службы воинской.» Читатель ждетъ этихъ распоряженій, и что же читаетъ въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ: «приговорилъ царь и великій князь съ братьями и боярами о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людямъ, какъ имъ впередъ служить.» Развѣ это воинская служба? Далѣе говорится о томъ, что «бояре, князья, и дѣти боярскіе сидѣли по кормленіямъ по городамъ и по волостямъ для разправы людямъ и всякаго устроенія землямъ,» говорится о намѣстникахъ и волостеляхъ, о злоупотребленіяхъ ихъ, объ учрежденіи въ городахъ и волостяхъ «старостъ, соцкихъ, пятидесяцкихъ и десяцкихъ» — Все это не воинская служба; только въ концѣ статьи, между другими мѣрами, говорится, какую воинскую службу служить съ какой земли, т. е., ставить вооруженныхъ людей или давать за людей деньги (стр. 14—15).

Это бездѣлица, скажутъ намъ. Но такія бездѣлицы, въ изложеніи предмета, не рѣдко встрѣчающіяся, мѣшаютъ чтенію: ибо авторъ начинаетъ говорить объ одномъ, а продолжаетъ о другомъ предметѣ; выписка изъ лѣтописи или изъ актовъ не всегда соотвѣтствуетъ тому, о чемъ онъ хочетъ говорить. Такъ, напр., авторъ говоритъ (на стр. 37) о старостахъ: «Еще въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правленія, мы видѣли новое важное явленіе въ жизни городскаго и сельскаго народонаселенія: подлѣ намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ ихъ является новая власть, иного происхожденія; жители городскіе и сельскіе получаютъ отъ правительства позволеніе сами, независимо отъ намѣстниковъ и волостей, ловить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ, для чего должны ставить себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, человѣка три или четыре въ волости, присоединяя къ нимъ старостъ, десяцкихъ и лучшихъ людей» и т. д. Далѣе, г. авторъ говоритъ о губныхъ грамотахъ, приводитъ изъ нихъ отрывки, говоритъ о просьбѣ Важанъ, объ излюбленныхъ головахъ, излюбленныхъ старостахъ; говоритъ объ уставной грамотѣ Устюжской, объ уставной грамотѣ Двинской, объ отношеніи дьяковъ къ намѣстникамъ, о значеніи дьяковъ, потомъ о городничихъ, городовыхъ прикащикахъ, городчикахъ; говоритъ о городскомъ народонаселеніи, объ устройствѣ городовъ. А потомъ, на стр. 47, обращается снова къ той же уставной Устюжской грамотѣ,

къ той же Двинской грамотѣ, и опять къ излюбленнымъ старостамъ или судьямъ, выбираемымъ сельскими жителями. Вообще же объ этомъ историческомъ явленіи говоритъ авторъ весьма кратко и спѣшно, боясь, кажется, только пропустить что нибудь и считая достаточнымъ сдѣлать краткія выписки, и такимъ образомъ, посредствомъ сухаго перечня, очищая свою совѣсть историка. Это изчисленіе сподрядъ тѣхъ и другихъ явленій доводитъ г. Соловьева до того, что онъ, какъ сказано нами, не разграничивая даже особой строкой, говоритъ о вещахъ различныхъ. Такъ, напр., авторъ, на стр. 54, поговоря о крестьянахъ и холопяхъ, начинаетъ особой строкой: «Изъ инородцевъ одни платили ясакъ правительству, другіе прежнимъ своимъ природнымъ владѣльцамъ: такъ въ 1580 году дана была жалованная грамота Кадомскому Ишею мурзѣ на отцовскій ясакъ съ Тялдемской Мордвы, что по рѣчкѣ Мокшѣ; ясакъ состоялъ въ семи рубляхъ съ полтиною въ годъ; съ этого ясака Ишей мурза обязанъ былъ служить государеву службу, кормить сестру и выдать ее за мужъ.. Мы видѣли, что, если жители городовъ, т. е. посадовъ, занимались хлѣбопашествомъ, то жители сельскіе занимались разными ремеслами. Первопачальная промышленность въ царствованіе Іоанна IV распространилась вслѣдствіе пріобрѣтенія новыхъ странъ на Востокѣ и появленія незанятыхъ еще тамъ дикихъ пространствъ». И такъ далѣе: о рыболовствѣ, соколиной охотѣ, соляной промышленности, и проч.—Здѣсь авторъ, начавъ говорить объ ясакахъ инородцевъ, сказавъ, что Ишей мурза платилъ семь рублей съ полтиной въ годъ (какое, впрочемъ, дѣло исторіи до этихъ семи съ полтиной?), вдругъ продолжаетъ о промышленности. — Вотъ еще примѣръ въ томъ же родѣ. Приводя знаменитое посланіе Іоанна IV въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и оканчивая оное подлинными словами Іоанна: «А мы вамъ, господа моя и отцы, челомъ бьемъ до лица земнаго», — г. Соловьевъ продолжаетъ на той же строкѣ: «Въ Новгородскихъ монастыряхъ и въ описываемое нами время продолжало вводиться общее житіе, по настоянію владыкъ; устроить общее житіе означалось на тогдашнемъ языкѣ выраженіемъ: засѣдать общину» (стр. 109). Подобныхъ нечаянныхъ продолженій о другомъ, когда начато говорить объ одномъ, продолженій даже безъ всякого перехода, — встрѣчается довольно. Это крайне мѣшаетъ стройности и ясности

историческаго изложенія и задаетъ новый, совершенно лишній трудъ читателю.

Второе наше замѣчаніе заключается въ томъ, что авторъ приводитъ безпрестанно сырыя, такъ сказать, выписки изъ актовъ, иногда припаравливая, а иногда и не припаравливая ихъ къ современному литературному языку. Съ одной стороны выписки эти не сопровождаются ни критическимъ взглядомъ, ни объясненіемъ, ни даже приведеніемъ ихъ во что нибудь цѣлое; съ другой,—такъ какъ невозможно же выписать цѣликомъ всѣхъ актовъ того времени,—выписки эти не полны. Такимъ образомъ, лучше читателю обратиться къ самимъ собраніямъ актовъ и другихъ источниковъ времени Іоанна IV, ибо тамъ онъ можетъ ихъ прочесть во всей полнотѣ. Въ Исторіи же Россіи г. Соловьева (говоримъ теперь о разсматриваемой нами главѣ) видитъ онъ большею частію только отрывки изъ актовъ и безъ всякой обработки. Какъ же не предпочесть собранія полнаго собранію не полному? Въ этой 1-й главѣ VII тома Исторіи Россіи,—трудъ историка становится иногда уже трудомъ не только не изслѣдователя, но даже и не извлекателя, а трудомъ почти-что переписчика, выписывающаго по выбору, не всегда оправданному, разные отрывки изъ актовъ и другихъ источниковъ. Гдѣ могли бы еще найти мѣсто подобныя выписки, такъ это въ примѣчаніяхъ къ исторіи (что и видимъ у Карамзина), какъ оправдательныя статьи. Но въ томъ-то и дѣло, что въ исторіи г. Соловьева (въ VII томѣ) имъ и оправдывать нечего; ибо изъ нихъ не извлечено историкомъ почти никакого мнѣнія, не сдѣлано никакого заключенія или вывода, а представлены читателю эти выписки такъ, сырьемъ; пусть самъ читатель думаетъ, что хочетъ. Такимъ образомъ передъ нами является какъ-бы историческая хрестоматія; но хрестоматія можетъ годиться только для дѣтей; да и при хрестоматіи все же требуется болѣе системы, нежели сколько мы находимъ здѣсь у г. Соловьева.—Въ такомъ случаѣ, какъ сказали мы, лучше уже читателю, если онъ желаетъ потрудиться, самому обратиться къ источникамъ и самому обработать ихъ. —Для чего же тогда пишется исторія?

Сказанное нами относится собственно къ первой половинѣ VII тома и преимущественно ко многимъ мѣстамъ этой первой половины, или 1-й главы, къ мѣстамъ, впрочемъ, очень важнымъ.

Хотя и вездѣ, въ этой главѣ, изслѣдованіе почти незамѣтно, но не вездѣ является до такой степени голое, отрывочное выписываніе изъ источниковъ. А важные вопросы возникаютъ на каждомъ шагу; но ихъ будто и не видитъ г. профессоръ. Сказанное нами мы должны подтвердить примѣрами.

Г. Соловьевъ начинаетъ говорить о сторожевой станичной службѣ. Это очень любопытная статья. Здѣсь видимъ мы, какъ благоразумно обезопасивало себя Государство со стороны степи и кочевыхъ хищниковъ. По этому случаю, Іоаннъ IV велѣлъ князю Воротынскому составить уставъ о станичной службѣ. Можно бы было ожидать, что авторъ Исторіи Россіи укажетъ намъ на смыслъ и общую характеристику станичной службы; что онъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлаетъ намъ извлеченіе изъ этого устава и обратитъ, быть можетъ, вниманіе на совѣщательный элементъ въ Московской Руси, (не замѣчаемый имъ доселѣ): ибо уставъ былъ составленъ съ общаго совѣта станичнаго войска. — Ничего этого не находимъ. Г. Соловьевъ, вмѣсто извлеченія, дѣлаетъ просто выписку почти подлинными словами устава. Просимъ извиненія у читателей за длинную и утомительную выписку изъ исторіи г. Соловьева; но эта выписка нужна, ибо она ознакомитъ читателя съ тѣмъ, какимъ образомъ, большею частію, составлена разбираемая нами глава VII тома. Читатель увидитъ здѣсь, какъ языкъ автора, сперва нѣсколько удерживаясь, потомъ прямо переходитъ въ языкъ источника, о. которомъ идетъ рѣчь, и авторъ принимается просто выписывать (1):

«Московское Государство XVI вѣка, относительно юговосточной границы своей, находилось въ такомъ же положеніи, какъ и древняя Приднѣпровская Русь временъ Св. Владиміра: граничило со степью, изъ которой стремились кочевые хищники на его опустошеніе. Уже давно Московскія сторожи, сторожевые отряды или станицы разъѣзжали по разнымъ направленіямъ въ степи и стояли въ опредѣленныхъ мѣстахъ, наблюдая за Татарами; при Іоаннѣ IV Московскіе сторожи начали сталкиваться съ Литовскими на Днѣпрѣ; мы видѣли, что Царь старался показать Сигизмунду-

(1) Считаемъ долгомъ указать любопытельнымъ читателямъ на прекрасное сочиненіе г. Бѣляева: О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской Украйнѣ и пр. Москва, 1846.

Августу, какъ выгодно для послѣдняго помогать Московскимъ сторожамъ, а не затѣвать споровъ о томъ, что они становятся на Литовской землѣ. Во второй половинѣ царствованія, обративши все вниманіе на западъ, Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ хлопотать, чтобъ южная граница была защищена, чтобъ Крымцы не могли явиться у Оки безвѣстно. Съ этою цѣлію въ Январѣ 1571 года, Государь приказалъ боярину своему, князю Михайлѣ Ивановичу Воротынскому, вѣдать станицы и сторожи и всякія свои Государевы польскія службы. Воротынскій говорилъ Государевымъ словомъ въ Разрядѣ дьякамъ, что ему велѣлъ Государь вѣдать и поустроить станицы и сторожи, и велѣлъ доискаться станичныхъ прежнихъ списковъ; въ города: Путивль, Тулу, Рязань, Мещеру, въ другіе украинные города и въ Сѣверу велѣлъ послать грамоты по дѣтей боярскихъ, по письменныхъ, по станичныхъ головъ, и по ихъ товарищей, и по станичныхъ вожей и по сторожей, которые ѣздить изъ Путивля, изъ Тулы, Рязани, Мещеры, изъ Сѣверной страны въ станицахъ на поле къ разнымъ урочищамъ, и которые прежде ѣзжали лѣтъ за десять и пятнадцать, велѣлъ имъ всѣмъ быть въ Москву. Когда они пріѣхали, то Государь приказалъ князю Воротынскому сидѣть (заняться) (1) о станицахъ, сторожахъ, и всякихъ польскихъ службахъ, станичныхъ головъ, станичниковъ и вожей разспрашивать, и разспроса, расписать подлинно порознь: изъ котораго города, по которымъ мѣстамъ и до какихъ мѣстъ пригоже станицамъ ѣздить, и въ какихъ мѣстахъ сторожамъ на сторожахъ стоять, и до какихъ мѣстъ на которую сторону отъ которой сторожи разъѣздамъ быть; и въ которыхъ мѣстахъ на полѣ головамъ стоять для береженія отъ приходу воинскихъ людей; и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ, съ которымъ головою и какимъ людямъ на Государевой службѣ быть?—Чтобъ Государю про приходъ воинскихъ людей быть не безвѣстну, и воинскіе люди на Государевы украйны безвѣстно не приходили.»

«Послѣ разспросовъ князь Воротынскій приговорилъ съ дѣтьми боярскими, съ станичными головами и станичниками о Путивскихъ, Тульскихъ, Рязанскихъ и Мещерскихъ станицахъ, и о всѣхъ

(1) Не совсѣмъ вѣрно: *сидѣть* непремѣнно предполагаетъ совѣщаніе (отсюда бесѣда), какъ и теперь тотъ же смыслъ заключается въ словѣ: *засѣдать*. *Прим. К. А.*

украйныхъ дальнихъ и ближнихъ мѣсячныхъ сторожахъ и сторожахъ, изъ котораго города къ которому урочищу станичникомъ податнѣе и прибыльнѣе ѣздить, и на которыхъ сторожахъ и изъ которыхъ городовъ и по скольку человѣкъ сторожей на которой сторожѣ ставить. А станичникамъ бы къ своимъ урочищамъ ѣздить, а сторожамъ на сторожахъ стоять въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были бы усторожливы, гдѣ бы имъ воинскихъ людей можно было усмотрѣть. Стоять сторожамъ на сторожахъ, съ копей не ссаживаясь, поперемѣнно, и ѣздить по урочищамъ поперемѣнно же, направо и налѣво по два человѣка, по наказамъ, какія будутъ даны отъ воеводы. Становъ имъ не дѣлать, огонь раскладывать не въ одномъ мѣстѣ, когда нужно будетъ кому пищу сварить, и тогда огня въ одномъ мѣстѣ не раскладывать дважды; въ которомъ мѣстѣ кто полдневалъ, тамъ не ночевать; въ лѣсахъ не останавливаться, останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было бы устрожливо. Если станичники или сторожа подстерегутъ воинскихъ людей, то посылаютъ своихъ товарищей съ этими вѣстями въ ближайшіе украинскіе города, а сами позади непріятели ѣдутъ на сакмы (дороги) по сакмамъ и по станамъ людей смѣчать (1), и поѣздивъ по сакмамъ и смѣтивъ людей, съ тѣми вѣстями въ другой разъ отсылаютъ товарищей въ тѣ же города; новые посланные ѣдутъ направо или налѣво, которыми дорогами поближе, чтобъ въ Украинскіе города вѣсть была раньше, не передъ самымъ приходомъ непріятеля; а самимъ имъ ѣхать за непріятелемъ сакмою, а гдѣ и не сакмою, какъ пригоже, покинувъ сакму направо или налѣво, ѣздить бережно и усторожливо, и того беречь накрѣпко: на которыя украйны воинскіе люди пойдутъ, и имъ про то развѣдавши вѣрно, самимъ съ вѣстями подлинными спѣшить къ тѣмъ городамъ, на которые непріятель пойдетъ. Если станичники завидятъ воинскихъ людей на дальнихъ урочищахъ, то имъ посылать посылки по три или по четыре, или сколько будетъ пригоже, посмотря по людямъ и по дѣлу, отъ которыхъ мѣстъ пригоже, а не отъ одного мѣста, чтобъ провѣдавъ подлинно про

(1) Да развѣ можно смѣчать людей, т. е., число людей—по дорогамъ? *Сакма* значитъ не дорога, а слѣдъ, и собственно легкій слѣдъ, оставляемый на травѣ конымъ или пѣшимъ; тогда выраженіе: смѣчать по сакмамъ, получаетъ полный смыслъ. *Прим. К. А.*

непріятеля, на какія мѣста онъ идетъ, самимъ съ подлинными вѣстями спѣшить на скоро въ тѣ города, на которые пойдетъ непріятель. А не бывъ на сакмѣ и не смѣтивъ людей и не дождавшись до пряма, на которыя мѣста воинскіе люди пойдутъ, станичникамъ и сторожамъ, не дождавшись на сторожахъ себѣ перемѣны, съ сторожъ не съѣзжать. А которые сторожи, не дождавшись смѣны, съ сторожи сойдутъ, и въ то время Государевымъ украйнамъ отъ воинскихъ людей учинится война: тѣмъ сторожамъ отъ Государя быть казненнымъ смертью. Которые сторожи, на сторожахъ лишніе дни за срокомъ перестоятъ, а ихъ товарищи на смѣну въ тѣ дни къ нимъ не пріѣдутъ, то брать первымъ на послѣднихъ по полуполтинѣ на человѣка на день. Если воеводы или головы поглядѣть кого наблюдать за станичниками и сторожами на урочищахъ и на сторожахъ, и посланные найдутъ, что они стоятъ не бережно и не усторожливо и до урочищъ не доѣзжаютъ, то хотя бы приходу воинскихъ людей и не ждали, тѣхъ станичниковъ и сторожей за то бить кнутомъ. Воеводамъ и головамъ смотрѣть на крѣпко, чтобъ у сторожей лошади были добрыя, и ѣздили бы на сторожи о двухъ коняхъ, чтобъ можно было, увидавши непріятеля, уѣхать. У кого изъ станичниковъ и сторожей лошади будутъ худы, а случится посылка скорая, и подъ тѣхъ сторожей велѣть доправить лошадей на ихъ головахъ; а если надобно вскорѣ и доправить некогда, то воеводамъ велѣть брать лошадей добрыхъ у ихъ головъ, а не будетъ у головъ столько лошадей, то воеводамъ брать по оцѣнкѣ лошадей добрыхъ у полчанъ своихъ, а на головахъ брать найму на всякую лошадь по 4 алтына съ деньгою на день и отдавать деньги тѣмъ людямъ, у которыхъ взяты лошади».

«Ѣздить станицамъ изъ Путивля или изъ Рыльска: первой станицѣ ѣхать на поле съ весны 1-го Апрѣля, второй 15-го, третьей 1-го Мая, четвертой 15-го и т. д., осьмой станицѣ ѣхать 15-го Іюля; потомъ въ другой разъ первой станицѣ ѣхать 1-го Августа и т. д.; послѣдній выѣздъ 15-го Ноября. Если же надо будетъ еще ѣздить станицамъ, снѣга не нападутъ (снѣги не укинутъ), то станичниковъ посылать и позднѣе 15-го Ноября по разсчету; посылать по двѣ станицы на мѣсяцъ, межь станицы пропуская по двѣ недѣли со днемъ.»

И такъ далѣе, въ томъ же родѣ. Читатель видитъ самъ, что

такія выписки годятся развѣ въ примѣчанія, и что это уже вовсе не исторія, а выписываніе историческаго акта безъ разбору и безъ критики. И въ такомъ-то родѣ встрѣчаются выписки безпрестанно. Такъ, на стр. 15, авторъ говоритъ:

«Въ 1550 году Государь приговорилъ съ боярами: раздать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, да въ половинѣ Дмитрова, въ Рузѣ, Звенигородѣ, въ Числякахъ, Ордынцахъ, въ перевѣспыхъ деревняхъ и Тетеринчахъ, и въ оброчныхъ деревняхъ, отъ Москвы верстъ за 60 и за 70, дѣтямъ боярскимъ, лучшимъ слугамъ, 1000 человѣкъ; а которымъ боярамъ и окольничимъ быть готовыми на посылки, а помѣстій и вотчинъ въ Московскомъ уѣздѣ у нихъ нѣтъ, такимъ боярамъ и окольничимъ дать помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ по 200 четвертей; дѣтямъ боярскимъ въ первой статьѣ дать помѣстья по 200 же четвертей, другой статьи дѣтямъ боярскимъ дать по 150 четвертей, третьей статьи по 100 четвертей; сѣна давать имъ по столько же копенъ, на сколько кому дано четвертной пашни, кромѣ крестьянскаго сѣна, а крестьянамъ давать сѣна на выть по 30 копенъ. Который изъ той тысячи вымреть, а сынъ его къ службѣ не пригодится, то на его мѣсто прибрать другаго. А за которыми боярами и дѣтьми боярскими вотчины въ Московскомъ уѣздѣ или въ другомъ городѣ близко отъ Москвы, верстъ за 50 или за 60, тѣмъ помѣстья не давать. Между лицами, назначенными къ надѣленію, упоминаются: Псковскіе помѣщики городовые, Псковскіе помѣщики дворовые, Торопецкіе помѣщики дворовые, Лучане дворяне, Луцкіе помѣщики городовые».

Такъ, говоря о таможенныхъ грамотахъ, авторъ говоритъ между прочимъ:

«Въ таможенной грамотѣ, данной въ 1563 году, въ принадлежавшее Симонову монастырю село Весьегонское, въ Городецкомъ стану Бѣжецкаго Верха, съ иногородныхъ купцовъ, Московскихъ, Тверскихъ, Новгородскихъ и Псковскихъ, велѣно брать также съ рубля по четыре деньги; съ людей своего уѣзда — съ рубля по полторы деньги; если торговые люди пріѣдутъ рѣкою Мологою въ судахъ, то съ товару тамга берется съ нихъ по таможенной грамотѣ, а съ судна брать съ полубленнаго и съ неполубленнаго, съ набои, прикольнаго и поводцеваго — по алтыну, а съ струга по три деньги. Если же пріѣдетъ въ село Весь Рязанецъ, или Ка-

занецъ, или какой нибудь другой иноземецъ, то у нихъ брать съ рубля по семи денегъ. Тамга и всѣ таможенныя пошлины (то есть, пятно, помѣрное и проч.), въ селѣ Веси отдавать на откупъ Бѣжичанамъ, Городецкимъ посадскимъ людямъ и сельскимъ крестьянамъ; но въ 1563 году Симоновъ монастырь, жалуясь, что отъ этого его людямъ и крестьянамъ чинятся обиды и продажи великія, выпросилъ откупъ себѣ, обязавшись платить ежегодно по 38 рублей въ прокъ, безъ наддачи.»

Что это такое, какъ не сырой матеріалъ, безъ всякой обработки? Что останется въ головѣ у читателя послѣ выписки этой грамоты? Какое заключеніе выведено изъ представленной выписки? Сверхъ того, нѣкоторыя выраженія—при выпискѣ, не обозначенной, какъ выписка, требовали бы измѣненія, а то они невольно останавливаютъ среди современнаго литературнаго языка, напр.: *съ набои* (съ набоями); нѣкоторыя же выраженія требовали бы объясненія; напр. это же слово: *набои;* также *прикольное, поводцевое*. Вѣроятно, немногіе изъ читателей знаютъ значеніе этихъ словъ. Грамота эта чрезвычайно интересна въ другомъ отношеніи, именно въ отношеніи къ значенію и къ дѣйствіямъ вотчинныхъ крестьянъ. Положимъ, г. Соловьевъ пользуется ею только какъ таможенною; но и здѣсь, выхвативъ изъ грамоты нѣсколько главныхъ положеній, онъ не даетъ никакого понятія о таможенной системѣ; грамота же, какъ матеріалъ для этого предмета, не приводится г. Соловьевымъ въ своей полнотѣ. Даже и выписано не полно: г. Соловьевъ говоритъ, что съ иногородныхъ купцовъ берутъ тамги съ рубля по 4 деньги, но въ грамотѣ прибавлено: «да съ воза съ товарного (у тѣхъ же купцовъ) имати таможникомъ по двѣ деньги» (1).

Точно такимъ же образомъ, на стр. 83, сказавъ о первомъ архіепископѣ Казанскомъ и Свіяжскомъ, объ его пріѣздѣ въ Казань, авторъ продолжаетъ: «Въ наказѣ, даномъ Гурію, говорится».... и начинается выписка, не требующая почти никакого труда, кромѣ механическаго; такъ напр., главный вопросъ здѣсь долженъ быть: отношеніе новаго архіепископа къ Татарамъ и туземцамъ, также къ намѣстнику и воеводамъ; а въ выпискѣ, кромѣ того, говорится: «Держать архіепископу у себя во дворѣ бере-

(1) Ак. Арх. т. I. стр. 205.

женье великое отъ огня, поварни и хлѣбни подѣлать въ землѣ; меду и пива въ городѣ у себя на погребѣ не держать, держать на погребѣ у себя квасъ, а вино, медъ и пиво держать за городомъ у себя на погребѣ» (стр. 84).

Точно также на страницѣ 99, послѣ словъ: «о церковномъ судѣ Соборъ постановилъ», идетъ выписка, оканчивающаяся, впрочемъ, не церковнымъ судомъ, а словами о пошлинахъ: «святительскую дань, десятильничьи пошлины, кормъ, заѣздъ и вѣнечную пошлину должны собирать и доставлять владыкѣ старосты земскіе и поповскіе и десяцкіе священники, по книгамъ, которыя пошлетъ имъ владыка; вѣнечной пошлины собирать съ перваго брака алтынъ, со втораго два, съ третьяго три (четыре)» (стр. 101).

На стр. 115 авторъ говоритъ: «Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько уставныхъ грамотъ, которыя давали монастыри своимъ крестьянамъ», и вслѣдъ за этимъ идутъ выписки изъ двухъ грамотъ, гдѣ цѣликомъ, гдѣ сокращенно, но также безъ критики. Продолжая выписку изъ первой грамоты, авторъ говоритъ: «крестьянамъ вольно дворами и землями мѣняться и продавать ихъ, доложа прикащика; а кто свой жребій продастъ или промѣняетъ, прикащику брать явки съ обѣихъ половинъ полполтины на монастырь; кто продастъ свой жребій, а самъ пойдетъ за волость, на томъ брать похоромное сполна, а съ купца брать подрядное, смотря по землѣ и по угодью; кому не поживется, и захочетъ пойдти изъ волости вонъ, а купца на его жребій не будетъ, на томъ брать похоромное сполна, а его выпускать по сроку» (стр. 117). Эти чрезвычайно важныя строки могли бы, кажется, возбудить хоть какую нибудь оцѣнку или объясненіе со стороны г. историка, тѣмъ болѣе, что глава, въ которой онѣ встрѣчаются, называется главою о внутреннемъ состояніи Русскаго общества во времена Іоанна IV. Но авторъ выписываетъ, и только.

Мы довольно, кажется, привели примѣровъ, какимъ образомъ авторъ излагаетъ дѣло, какъ онъ мѣстами, совершенно отрѣшаясь отъ критики, увлекается механическимъ трудомъ выписыванья, такъ что иногда выписываетъ то, что къ дѣлу пейдетъ. Кто будетъ читать VII томъ исторіи г. Соловьева, тотъ найдетъ и болѣе примѣровъ. Можно себѣ представить, сколько такого рода

невоздержности въ выпискахъ встрѣчается тамъ, гдѣ г. Соловьевъ говоритъ о Судебникѣ и Стоглавѣ.

О слогѣ надобно сказать, что въ этой главѣ — часто и вовсе нѣтъ слога самого автора; ибо слогъ иногда служитъ ему только припаровленіемъ подлинныхъ словъ грамоты къ современной рѣчи, иногда и вовсе отсутствуетъ, уступая мѣсто подлиннымъ словамъ грамотъ. Тѣмъ не менѣе, слогъ автора тамъ, гдѣ онъ является, въ этой главѣ, почти вездѣ безцвѣтенъ, а иногда даже неясенъ и неправленъ; напримѣръ: «Вообще монастырямъ было выгодно освобождать духовенство въ принадлежавшихъ имъ селахъ отъ архіерейскихъ пошлинниковъ обязательствомъ самимъ доставлять владыкѣ слѣдующіе ему доходы» (стр. 113). Также, напримѣръ: «относительно большей стройности, большему изяществу и спокойствію рѣчи Курбскаго содѣйствовало еще то, что онъ былъ способнѣе сохранять спокойствіе, не былъ такъ раздражителенъ, и страстенъ, не былъ такъ испорченъ въ молодости, какъ Грозный» (стр. 206). Или же: «узнавши, что этотъ Тучковъ издѣтства навыкъ Св. Писанію, Макарій началъ благословлять его на духовное дѣло, чтобъ написалъ житіе Михаила Клопскаго» (стр. 235).

Теперь, указавъ на общіе недостатки самаго изложенія, самаго обращенія съ исторіею, въ этой главѣ, мы перейдемъ къ замѣчаніямъ другаго рода.

Такая невнимательность къ предмету, такое отсутствіе критики, такое внѣшнее отношеніе къ памятникамъ, выражающееся, почти вездѣ, въ перифразѣ и даже въ выписываніи древнихъ актовъ,— повело къ тому, что многіе важные вопросы, которыхъ касаются даже приведенныя выписки, остались не тронуты г. авторомъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ вопросахъ, которые затронуты, но не разобраны. Такъ очень важный вопросъ о поземельномъ владѣніи крестьянъ, объ отношеніи ихъ къ ихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, не тронутъ совершенно: между тѣмъ, выписывая строки, до сего касающіяся (стр. 115—120), долженъ былъ бы, кажется, авторъ, если не рѣшить, то хотя постановить этотъ вопросъ. Поставить вопросъ, указать на главныя историческія задачи, — это также заслуга. Такъ, говоря въ выпискахъ объ обыскѣ (стр. 152—157), г. авторъ не обратилъ вниманія на важное его юридическое значеніе; при этомъ не худо было бы ему припомнить изслѣдованія А. Н. Попова, въ которыхъ онъ очень вѣрно опре-

дѣляетъ важность обыска и замѣчаетъ, что отъ него, при извѣстныхъ случаяхъ, зависѣло дать процессу или уголовный или гражданскій ходъ. А въ выпискахъ г. Соловьева именно являются такого рода случаи, гдѣ совершенно подтверждается эта мысль. Такое значеніе обыска показываетъ, какую важность придавала древняя Русь народному или общественному мнѣнію. На каждомъ шагу встрѣчаются вопросы, на каждомъ шагу чувствуется потребность въ объясненіи, въ разработкѣ. Вѣрны или не вѣрны объясненія, но важно то, если они дѣлаются, если, даже и неудачная, попытка облегчаетъ трудность задачи, если становятся, уясняются вопросы. И ничего этого не видимъ у г. Соловьева. Такъ авторъ проходитъ, безъ всякого объясненія, мимо характеристическаго, по его же словамъ, явленія древней Руси, отдѣлываясь отъ него слѣдующими словами:

«Однимъ изъ характеристическихъ явленій древняго Русскаго общества были юродивые, которые, пользуясь глубокимъ уваженіемъ Правительства и народа, пользовались этимъ уваженіемъ для того, чтобъ во имя религіи обличать нравственные безпорядки. Въ описываемое время знамениты были юродивые: въ Псковѣ—Николай, въ Москвѣ—Василій (Блаженный или Нагой), Іоаннъ (Большой Колпакъ).» (стр. 186—187).

Вотъ и все «объ одномъ изъ характеристическихъ явленій древняго Русскаго общества»!

Но, проходя мимо такихъ важныхъ явленій древней Русской жизни, г. Соловьевъ очень серьезно замѣчаетъ, какъ особенность той эпохи, что люди, находившіеся при посольствѣ, могли разболтать то, чего не слѣдовало. Г. Соловьевъ говоритъ:

«Люди, отправлявшіеся съ Русскими послами, иногда не понимали главной своей обязанности—быть молчаливыми; такъ Царь писалъ Наумову, бывшему посломъ въ Крыму: «Ты своихъ ребятъ отпустилъ въ Москву, и они, дорогою идучи, всѣ вѣсти разсказали» и др.» (стр. 175).

Эта черта, характеризующая Россію XVI-го столѣтія! Невольно вспомнишь статью г. Г. въ «Русской Бесѣдѣ»: «о механическихъ способахъ въ изслѣдованіи исторіи.»

Теперь обратимъ вниманіе на нѣкоторыя мнѣнія автора, которыя высказываются въ этой главѣ.

Г. Соловьевъ говоритъ на страницѣ 121-й: «Естественно, что, при отсутствіи просвѣщенія, младенчествующая мысль старинныхъ

нашихъ грамотѣевъ обращалась не къ духу, а къ плоти, ко внѣшнему, болѣе доступному, входившему въ ежедневный обиходъ человѣческой жизни». Далѣе, авторъ указываетъ, что древнихъ Русскихъ людей занимали вопросы о томъ, какую пищу употреблять въ извѣстные праздники и т. п.—И такъ, обвиненіе на древнюю Русь произнесено. Теперь указываемъ на поспѣшность этого обвиненія и на противорѣчіе автора съ самимъ собою. Самъ г. Соловьевъ, сдѣлавъ по необходимости оговорку, что встрѣчаются мнѣнія о предметахъ религіозныхъ, болѣе важныхъ, упоминаетъ о мнѣніяхъ Матвѣя Башкина и Артемія. Заблужденія этихъ людей, по своему содержанію, опровергаютъ приговоръ, произнесенный г. Соловьевымъ надъ древнею Русью, ибо заблужденія эти касаются существенныхъ высшихъ вопросовъ, самыхъ догматовъ Вѣры.—Г. Соловьевъ самъ приводитъ, въ чемъ именно обвиняется Матвѣй Башкинъ и Артемій. Они обвиняются въ томъ, что не признаютъ Іисуса Христа равнымъ Богу Отцу, что тѣло и кровь Христову считаютъ простымъ хлѣбомъ и виномъ, что святую соборную Апостольскую церковь отрицаютъ, говоря, что собраніе вѣрныхъ только церковь, а эти созданныя ничто (1); что изображенія Христа, Богоматери и всѣхъ святыхъ называютъ идолами; что покаяніе ни во что полагаютъ, говоря: какъ перестанетъ грѣшить, то и нѣтъ ему грѣха, хотя и у священника не покается; что отеческія преданія, житія святыхъ, да и все Священное Писаніе называютъ баснословіемъ.—Надѣемся, что все это вопросы (справедливо или несправедливо были обвинены Башкинъ и Артемій) вовсе не «плоти», а «духа», и что выраженіе, столь ясное и рѣшительное, г. Соловьева: «младенчествующая мысль нашихъ

(1) Г. Соловьевъ не объяснилъ, что подобно здѣсь разумѣть подъ соборною церковью: едва ли не просто храмъ, самое зданіе! Ибо мы знаемъ, что Успенскій соборъ, напримѣръ, называется Святою Соборною Апостольскою церковью. Изъ смысла приводимаго выраженія надобно, кажется, тоже разумѣть здѣсь церковь внѣшнюю, зданіе; впрочемъ, очень можетъ быть, согласно съ духомъ ученія Матвѣя Башкина и Артемія, что здѣсь съ представленіемъ внѣшней церкви, какъ зданія, соединилось понятіе о церкви іерархической, какъ собраніи Епископовъ, властей духовныхъ. — Но съ другой стороны какъ же послѣ этого Матвѣй Башкинъ былъ сыномъ духовнымъ священника Симеона? Впрочемъ, по его словамъ, онъ и изображенія святыхъ на иконахъ чтилъ, Соборомъ же обвиняется онъ въ противномъ. Это уже касается вопроса справедливости обвиненія, въ разсматриваніе котораго мы не вдаемся.

грамотѣевъ обращалась не къ духу, а къ плоти», опровергается, чрезъ нѣсколько строкъ, приводимыми имъ же самимъ образцами религіозныхъ сомнѣній.—Кромѣ Башкина и Артемія (у которыхъ были и единомышленники), Ѳеодосій Косой и Игнатій, бѣжавшіе въ Москву, проповѣдывали такое же ученіе, что Божество не троично, что Христосъ простой человѣкъ, что все внѣшнее устройство церковное не нужно.—Быть можетъ, скажутъ намъ, что все это частныя явленія, что все это отдѣльныя личности, а что большинство было глухо къ существеннымъ духовнымъ вопросамъ Вѣры. Но и отдѣльныя личности являются результатомъ общества. Сверхъ того на это мы скажемъ, что, не задолго передъ Іоанномъ IV, была ересь Жидовская, которая тоже основывалась на превратномъ пониманіи духовныхъ вопросовъ, а эта ересь была сильно распространена и въ духовенствѣ и въ народѣ, и самъ Великій князь Іоаннъ III въ ней подозрѣвался. Еще болѣе древняя ересь Стригольниковъ тоже возбуждена была вопросомъ нравственнымъ.—Кажется, это достаточно опровергаетъ строгій приговоръ надъ древнею Русью, произнесенный Историкомъ.

Съ удивительнымъ постоянствомъ, достойнымъ лучшей цѣли и участи, стоитъ г. Соловьевъ за любимую имъ идею родоваго быта. Такъ говоритъ онъ на страницѣ 161-й: «Въ новомъ Судебникѣ находимъ постановленія о правѣ выкупа вотчинъ, которое, по всѣмъ вѣроятностямъ, возникло изъ простой родовой связи, изъ общаго родоваго владѣнія поземельною собственностію.» Но увы! Не то говоритъ исторія. Вѣдь право выкупа соединено съ правомъ наслѣдства, а г. Соловьевъ долженъ знать, что кромѣ родныхъ дѣтей, право наслѣдства боковыхъ родственниковъ на вотчину, а отсюда и ихъ право выкупа, явилось въ позднѣйшія времена, какъ въ Польшѣ, такъ и у насъ, и было введено Правительствомъ. Въ древнее же время этого права не существовало, и имѣніе бездѣтнаго считалось выморочнымъ.—А вѣдь по мнѣнію г. Соловьева, родовое устройство принадлежитъ самымъ древнимъ временамъ племенъ Славянскихъ. Какъ же это согласить? (1)

Г. Соловьевъ, говоря о духовныхъ завѣщаніяхъ, приводитъ, что если жена, умирая, назначитъ мужа прикащикомъ, то духовной не

(1) Для подробнѣйшаго объясненія этого вопроса, см. 2 т. Моск. Сбор., статью мою о древнемъ бытѣ Славянъ.

вѣрить, «потому что жена въ мужней волѣ; что велитъ ей написать, то и напишетъ.» Не трудно догадаться, какіе выводы дѣлаетъ г. Соловьевъ изъ этихъ словъ; онъ говоритъ, что это выраженіе ясно указываетъ на положеніе жены въ описываемое время.--Что за дѣло нашимъ историкамъ, что другія свидѣтельства противорѣчатъ этой фразѣ; имъ дорога эта фраза. Они, пожалуй, выведутъ изъ нея и то, что въ древней Руси жена не имѣла въ своихъ дѣйствіяхъ свободной воли и что, слѣдовательно, сама она не могла имѣть и нравственной отвѣтственности. Но опять самъ же авторъ приводитъ указъ, по которому, очевидно, предосторожность относительно зависимости жены отъ мужа распространяется и на другія родственныя отношенія: дѣтей, братьевъ, сестеръ, племянницъ. И такъ выше приведенную фразу приходится распространять, и едва ли можно будетъ удержать за нею тотъ смыслъ, который угодно придавать ей почтенному автору. Эта фраза высказываетъ ту возможность злоупотребленія силы, какая вездѣ, всегда и во всякую пору, можетъ быть со стороны мужа относительно жены, — и только.

Г. Соловьевъ на стр. 163 говоритъ: «изъ разныхъ юридическихъ грамотъ, отступныхъ, дѣльныхъ, отказныхъ, видимъ общее родовое владѣніе и раздѣлы родичей, какъ видно двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ, видимъ раздѣлъ неполный.» Какъ же это общее родовое владѣніе и въ тоже время раздѣлъ? Г. Соловьевъ ничѣмъ болѣе не объясняетъ своихъ словъ, и мы въ правѣ оставить это проявленіе убѣжденія въ родовомъ бытѣ, безъ дальнѣйшаго возраженія.

Говоря о Домостроѣ, г. Соловьевъ дѣлаетъ опредѣленіе Сильвестра, опредѣленіе, которое кажется намъ весьма вѣрнымъ и удачнымъ. Сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ. Сказавъ о поученіи Сильвестра сыну, авторъ говоритъ:

«Въ этомъ наставленіи, въ этомъ указаніи на свой образъ мыслей и жизни, Сильвестръ обнаруживается передъ нами вполнѣ. Мы понимаемъ то впечатлѣніе, какое долженъ былъ производить на современниковъ подобный человѣкъ: благочестивый, трезвый, кроткій, щедрый, ласковый, услужливый, превосходный господинъ, любившій устроивать судьбу своихъ домочадцевъ, человѣкъ, съ которымъ каждому было пріятно и выгодно имѣть дѣло—вотъ Сильвестръ» (стр. 227).

Слѣдующія двѣ выписки дополняютъ и объясняютъ сей часъ приведенное нами мѣсто:

«Не смотря на то, что наставленіе Сильвестра сыну носитъ, повидимому, религіозный характеръ, нельзя не замѣтить, что цѣль его — научить житейской мудрости: кротость, терпѣніе и другія христіанскія добродѣтели предписываются какъ средства для пріобрѣтенія выгодъ житейскихъ, для пріобрѣтенія людской благосклонности, предписывается доброе дѣло, и сей часъ же выставляется на видъ матеріальная польза отъ него» (стр. 228).

«Что смѣшеніе чистаго съ нечистымъ, смѣшеніе правилъ мудрости небесной съ правилами мудрости житейской мало приноситъ и житейской пользы человѣку, видно всего лучше изъ примѣра Сильвестра; онъ говоритъ сыну: «подражай мнѣ! Смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ упоровилъ.» Но подъ конецъ вышло, что не всѣмъ упоровилъ, ибо всѣмъ упоровить дѣло не возможное; истинная мудрость велитъ работать одному господину» (стр. 229).

Повторяемъ, что мы совершенно согласны съ г. Соловьевымъ относительно характеристики Сильвестра, прекрасно имъ начертанной. Прибавимъ къ тому, что Сильвестръ не былъ такимъ человѣкомъ только на дѣлѣ, но и въ сознаніи; это было его убѣжденіе, его взглядъ. Мало того: онъ хотѣлъ передать свой взглядъ и другимъ; онъ составилъ себѣ цѣлое ученіе, которому и учитъ.— При такихъ условіяхъ, можно ли *наставленія* Сильвестра, въ которыхъ онъ учитъ, какимъ *должно быть* людямъ въ жизни, — принимать за изображеніе того, какими люди *были* въ жизни? Вѣдь не думаемъ же мы, чтобы всѣ современники Сильвестра были Сильвестры. А Сильвестръ именно желаетъ, чтобъ другіе люди походили на него, учитъ ихъ быть такими, какъ онъ, или такими, какими, по его убѣжденію, они должны быть. Значитъ ли, что люди тогдашняго времени на дѣлѣ были такими? Конечно, нѣтъ. Сильвестръ же въ то время былъ вовсе не похожъ на другихъ людей, былъ весьма своеобразенъ. И такъ, именно поученія Сильвестра должны приниматься, не какъ изображеніе правовъ тогдашняго времени, но какъ личные идеалы самого Сильвестра, или (что сказали мы въ нашей критикѣ на VI томъ Исторіи Россіи) какъ его pia desideria.—Къ тому же надобно прибавить, что духовенство древней Россіи, столь много оказавшее ей услугъ,

столь тѣсно связанное съ нею съ одной стороны, съ другой стороны отдѣлялось тогда отъ народа реторикою, охотою формулировать, своего рода схоластикою, и отчасти Византійскимъ воззрѣніемъ, такъ что иногда въ сочиненіяхъ духовенства нельзя узнать ни мысли, ни рѣчи народной; а потому и сочиненіе духовнаго лица древнихъ временъ не можетъ быть принимаемо за отраженіе ни дѣйствительности народной, ни народнаго идеала.

Вотъ почему странно намъ читать у г. Соловьева восклицаніе, противорѣчащее, по нашему мнѣнію, его собственному взгляду на Сильвестра какъ на личность, выдающуюся изъ другихъ, съ своеобразнымъ взглядомъ на вещи, какъ на человѣка, желающаго учить другихъ и сдѣлать ихъ похожими на себя. Приводя мнѣніе Сильвестра о томъ, какова *должна быть* жизнь домашняя, г. Историкъ совершенно неожиданно восклицаетъ: «Вотъ идеалъ семейной жизни, какъ онъ былъ созданъ древнимъ Русскимъ обществомъ!» (стр. 232). Такое восклицаніе совершенно неумѣстно и непослѣдовательно, равно какъ и слѣдующія за нимъ строки, развивающія ту же мысль.

Г. Соловьевъ указываетъ, что иные изъ вельможъ не знали грамотѣ. — Но въ XVI вѣкѣ тому примѣровъ не менѣе, кажется, можно найти и въ Западной Европѣ. Въ противоположность тому, мы можемъ сказать, что выборное устройство, проникавшее всю Русь, безъ сомнѣнія способствовало распространенію грамотности въ простомъ народѣ, ибо очень часто требовались выборы за руками, при которыхъ встрѣчаются и собственноручныя крестьянскія подписи.

Въ заключеніе, мы должны сказать о первой половинѣ VII тома Исторіи Россіи, что это даже не изслѣдованіе, какъ назвали мы VI томъ Исторіи Россіи, даже не извлеченіе, а отрывочныя, неподвергнутыя критикѣ, выписки изъ актовъ, поражающія насъ съ одной стороны своею неполнотою, а съ другой — ненужною подробностію; ибо увлекается выпискою авторъ и выписываетъ тогда сподрядъ и нужное и не нужное, пока не остановится, не броситъ одну, и не начнетъ другую выписку.

Переходимъ теперь ко второй половинѣ VII тома, заключающей въ себѣ царствованіе Ѳеодора Іоанновича.

Все царствованіе Ѳеодора раздѣляетъ г. Соловьевъ на четыре главы: Глава II. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Усиленіе Бо-

риса Годунова и торжество его надъ всѣми соперниками. Глава III. Внѣшнія сношенія и войны въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Глава IV. Дѣла внутреннія въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Глава V. Пресѣченіе Рюриковой династіи.

Изъ одного уже названія главъ, изъ одного расположенія, видно, какъ изображаетъ г. авторъ исторію царствованія Ѳеодора Іоанновича. Видно, что она разрывается на отдѣльныя монографіи; событія разсказываются не въ совокупной связи, какъ должна разсказывать исторія, но отрѣшенныя другъ отъ друга, подобранныя другъ къ другу по своей однородности, такъ какъ дѣлаетъ это монографія или отдѣльное историческое изслѣдованіе. Въ этомъ отношеніи, о VII томѣ мы должны повторить то же, что говорили о VI томѣ, или еще сильнѣе; ибо здѣсь разобщенность событій, отсутствіе жизненнаго между ними единства и хронологическаго преемства, столь необходимаго въ исторіи, — еще замѣтнѣе, чѣмъ въ VI томѣ. Во II главѣ (всего 14 страницъ) разсказывается, отдѣльно взятая, борьба Годунова съ враждебными ему боярами и митрополитомъ Діонисіемъ, говорится о могуществѣ, до котораго достигъ Борисъ, и описывается наружность Ѳеодора и Бориса. — Въ главѣ III авторъ начинаетъ сперва говорить о сношеніяхъ Польши съ Россіею и доводитъ свой разсказъ до избранія Сигизмунда на Польскій престолъ (1587 г.). Потомъ переходитъ онъ, возвращаясь назадъ, къ Швеціи и разсказываетъ о нашихъ съ нею сношеніяхъ, между прочимъ и о войнѣ съ Швеціею: разсказываетъ и о вмѣшательствѣ Польши въ эти сношенія и доводитъ свой разсказъ до 1595 года. Здѣсь, впрочемъ, авторъ опять говоритъ нѣсколько о сношеніяхъ нашихъ съ Польшею, какъ бы уступая на сей разъ исторической послѣдовательной современности событій. Сказавъ объ отношеніяхъ съ Швеціею, авторъ обращается опять къ началу царствованія Ѳеодора (11 лѣтъ назадъ), начинаетъ разсказывать объ отношеніяхъ нашихъ съ Австріею и доводитъ опять свое изложеніе до 1597 года, при чемъ говоритъ и о послахъ папы въ Россію. Потомъ опять г. Соловьевъ возвращается къ началу царствованія Ѳеодора, начинаетъ говорить о сношеніяхъ Россіи съ Англіею и доводитъ ихъ до 1588 года. Послѣ того, онъ переходитъ къ Крыму и начинаетъ говорить объ отношеніяхъ его къ Россіи; здѣсь разсказано и нашествіе хана Крымскаго на Москву въ 1591 году.

Разсказъ свой доводитъ авторъ до 1593 года, говоря тутъ же о Запорожскихъ, Терскихъ и Донскихъ козакахъ. Рѣчь дошла до Турціи; о Турціи опять авторъ начинаетъ говорить съ 1584 года и доводитъ свой разсказъ до 1594 г. Онъ говоритъ здѣсь опять о козакахъ и о сношеніяхъ нашихъ съ Грузіею и Персіею. Потомъ авторъ говоритъ о Сибири; снова начинаетъ разсказъ свой съ 1583 года и доводитъ до 1597 года. Этимъ разсказомъ оканчивается III глава. Глава IV, о дѣлахъ внутреннихъ, совершенно составлена въ томъ же родѣ, какъ уже разобранная нами глава I этого же тома «о внутреннемъ состояніи Русскаго общества», которая могла бы, въ свою очередь, быть названа главою «о дѣлахъ внутреннихъ». Въ главѣ IV говорится объ администраціи, о пошлинахъ, о воинской службѣ, о мѣстничествѣ, съ такого же рода иногда подробностями, какъ и въ первой. Г. Соловьевъ говоритъ, въ этой же главѣ, о прикрѣпленіи крестьянъ, и крайне не полно, безъ всякого критическаго изслѣдованія; потомъ говоритъ о дѣлахъ церковныхъ, о патріаршествѣ, о монастыряхъ и нѣсколько о нравахъ, обычаяхъ народныхъ и художествахъ.— Въ главѣ V, прекращеніе Рюриковой династіи, г. Соловьевъ разсказываетъ отдѣльно кончину Димитрія, бывшую въ 1591 году, говоритъ о рожденіи у Ѳеодора дочери Ѳеодосіи и, наконецъ, о смерти Ѳеодора въ 1598 году.

Изъ представленнаго изложенія, кажется, очевидно, что здѣсь нѣтъ исторіи, какъ связнаго или послѣдовательнаго изложенія событій: это нѣсколько статей о царствованіи Ѳеодора. Вся эпоха разорвана на части и такъ представлена читателю. Мы согласны, что автору такъ легче; но такъ гораздо труднѣе для читателя, и всего невыгоднѣе для самой исторіи. Оставивъ въ сторонѣ требованіе исторіи отъ книги г. Соловьева, мы можемъ требовать, чтобы она была удовлетворительна и въ томъ видѣ, въ какомъ она является. Но что же такое VII томъ Исторіи Россіи? Не есть ли онъ изслѣдованіе, какъ назвали мы VI томъ? Нѣтъ, мы не можемъ сказать и этого. О первой главѣ VII тома мы выразили наше мнѣніе; то же самое является въ слѣдующихъ главахъ, развѣ только не съ такою яркостію, то есть, выписокъ не такъ много, и онѣ не столь подробны, такъ что разсказъ принимаетъ по временамъ видъ — не одного собранія выписокъ

изъ актовъ, не подверженныхъ критикѣ, но исторической статьи, весьма легко написанной.

Въ этихъ послѣдующихъ главахъ, какъ сказали мы, находятся тѣ же недостатки, какъ и въ первой. Такъ, напримѣръ, на стр. 413 — 414, начавши объ одномъ, авторъ переходитъ къ другому; онъ говоритъ: «Кромѣ приведенныхъ указовъ о крестьянахъ и холопяхъ временъ Ѳеодора, до насъ не дошло другихъ дополненій къ Судебнику. Относительно завѣдыванія судомъ, любопытно извѣстіе разрядныхъ книгъ подъ 1588 годомъ. Царь велѣлъ отставить Меркурія Щербатова отъ плавной рати и послалъ его въ Тверь судьею. Дошла до насъ отъ описываемаго времени любопытная челобитная Царю старцевъ Іосифова монастыря, по поводу спора о землѣ между ихъ крестьянами и крестьянами боярина Ивана Васильевича Годунова.» Далѣе приводится грамота, безъ объясненія, почему авторъ считаетъ ее любопытною. — Выписки и ненужныя подробности мы также встрѣчаемъ, хотя въ меньшемъ количествѣ, самъ разсказъ сжатѣе; напр. «Въ царствованіе Ѳеодора торговля производилась съ Польшею; Московскіе купцы ѣздили въ Варшаву и Познань; но по прежнему встрѣчаемъ сильныя жалобы купцовъ на притѣсненія, обманы и разбои. Торопецкій купецъ Рубцовъ ѣздилъ торговать въ Витебскъ; исторговавшись, поѣхалъ назадъ на Велижъ, и здѣсь его ротмистръ Дробовскій прибилъ, взялъ два челна ржи, а въ нихъ 35 четвертей, куплена четверть по 20 алтынъ съ гривною, до 10 литръ золота и серебра цѣною по 5 рублей литра, до 25 литръ шелку разныхъ цвѣтовъ, по 40 алтынъ литра, да поставъ сукна лазоревого въ 14 рублей, да двумъ челнамъ цѣна 5 рублей съ полтиною» (стр. 380—381). Слогъ также въ иныхъ мѣстахъ неясенъ, неправиленъ; какъ напримѣръ: «Зборовскій съ пріятелями подняли громкіе голоса противъ Баторія: *нарекали на могущество Замойскаго*». (стр. 263). Слово: нареканіе у насъ употребляется, но выраженіе: *нарекали на могущество*, весьма неудачно и неправильно и неточно; можно, пожалуй, понять совершенно въ другомъ смыслѣ, то есть, нарекали Замойскаго на могущество (хотя это было бы тоже неправильное выраженіе). Или напримѣръ: «Лѣтописецъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ, мстя за приходъ на Богдана Бѣльскаго, дворянъ Лянунбовыхъ, Кикиныхъ и другихъ дѣтей боярскихъ, также многихъ посадскихъ людей,

велѣлъ схватить и разослать по городамъ и темницамъ» (стр. 251). Выраженіе это неясно. Сверхъ того, въ примѣръ весьма сбивчиваго изложенія, можемъ привести одно мѣсто, гдѣ говорится объ управленіи государственномъ. Вотъ оно:

«Относительно управленія, все государство раздѣлялось на четыре части, называемыя четвертями или четями: первая Посольская, находившаяся въ вѣдѣніи думнаго дьяка Андрея Щелкалова, получавшаго 100 рублей жалованья; вторая Разрядная, въ вѣдѣніи Василья Щелкалова, за котораго управлялъ Сапунъ Абрамовъ; жалованье и здѣсь было тоже—100 рублей; третья четь Помѣстная, въ вѣдѣніи думнаго дьяка Елизара Вылузгина, получавшаго 500 рублей жалованья; четвертая Казанскаго дворца, въ вѣдѣніи думнаго дьяка (Д) дружины Пантелѣева, человѣка замѣчательнаго по уму и разторопности; онъ получалъ 150 рублей въ годъ. Въ царскихъ грамотахъ четверти называются по имени дьяковъ, ими управлявшихъ; напримѣръ: «четверть дьяка нашего Василья Щелкалова». Въ другихъ же приказахъ сидѣли бояре и окольничіе: такъ въ 1577 году царь приказалъ сидѣть въ Разбойномъ Приказѣ боярину князю Куракину и окольничему князю Лобанову. При областныхъ правителяхъ находились по прежнему дьяки, помощники или, лучше сказать, руководители ихъ, потому что эти дьяки завѣдывали всѣми дѣлами. Областные правители обыкновенно смѣнялись черезъ годъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, пользующихся особеннымъ благоволеніемъ: для нихъ срокъ продолжался еще на годъ или на два; они получали жалованья по 100, по 50, по 30 рублей; народъ, по свидѣтельству Флетчера, ненавидѣлъ ихъ за взятки; и Русскій лѣтописецъ говоритъ, что Годуновъ, не смотря на доброе желаніе свое, не могъ истребить лихоимства; правители областей брали взятки и потому еще, что должны были дѣлиться съ начальниками четей или приказовъ. Въ четыре самые важные пограничные города назначались правителями люди знатные, по два въ каждый городъ, одинъ (одно) изъ приближенныхъ къ царю лицъ. Эти четыре города: Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ, Казань. Обязанностей у правителей этихъ городовъ было больше, чѣмъ у другихъ, и имъ давалась исполнительная власть въ дѣлахъ уголовныхъ. Ихъ также смѣняютъ каждый годъ, исключая особенные случаи; жалованья получаютъ они отъ 400 до 700 рублей.»

«Дворцовый приказъ или приказъ Большаго дворца, управлявшій царскими вотчинами, находился при Ѳеодорѣ въ завѣдываніи Дворецкаго Григорія Васильевича Годунова, отличавшагося бережливостію: при Іоаннѣ IV-мъ продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила приказу не болѣе 60,000 рублей ежегодно, а при Ѳеодорѣ до 230,000; Іоаннъ жилъ роскошнѣе и болѣе по царски, чѣмъ сынъ его. Четверти собирали тягла и подати съ остальныхъ земель до 400,000 рублей въ годъ» и проч. (стр. 376 — 377).

Здѣсь изъ словъ автора читатель сперва узнаетъ, что все государство относительно управленія раздѣлялось на четыре части, называемыя четвертями или четями. Эти четверти перечисляются, говорится, что онѣ управлялись дьяками, и потомъ говорится: «*въ другихъ же приказахъ* сидѣли бояре и окольничіе.» *Въ другихъ же приказахъ?* Слѣдовательно, четверти — тоже приказы?— (Если же это такъ, то стало быть государство дѣлилось не на четыре части.) Еще ниже авторъ прямо говоритъ: «*четей или приказовъ?*» — И такъ, приказы и четверти — одно. Какимъ же образомъ сказалъ авторъ, что четвертей было четыре, когда кромѣ поименованныхъ четырехъ еще упоминаетъ онъ о двухъ приказахъ (или четяхъ): о Разбойномъ приказѣ, о Дворцовомъ приказѣ? Странное противорѣчіе съ собственными словами!

Теперь обратимся къ самымъ мнѣніямъ автора и поговоримъ о нихъ.

Во время царствованія Ѳеодора произошло одно изъ важнѣйшихъ явленій въ общественной жизни до-Петровской Россіи — прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Въ Исторіи Россіи г. Соловьева, это столь важное явленіе далеко не объяснено,—точно такъ же, какъ далеко не объясненъ быть вотчинныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, отношеніе ихъ къ владѣльцамъ, къ Государству, къ другимъ крестьянамъ, до укрѣпленія и послѣ укрѣпленія. Да и вообще бытъ крестьянства не объясненъ. Не естественно ли было ожидать отъ нашего историка, что онъ займется этимъ предметомъ, и говоря объ укрѣпленіи крестьянъ, опредѣлитъ намъ тѣ отношенія, въ какихъ находились они къ другимъ крестьянамъ, къ другимъ сословіямъ Государства, къ помѣщику или вотчиннику и вообще къ Государству? Если опредѣлить эти отношенія довольно трудно, то хотя бы г. авторъ высказалъ свои предполо-

женія, хотя бы постановилъ вопросы, и это была бы заслуга, и за это были бы мы ему благодарны. Но ничего этого нѣтъ; этому вопросу посвящаетъ авторъ всего шесть страницъ. И здѣсь, въ словахъ автора, столь мало касающихся сущности дѣла, мы находимъ важную ошибку. Г. Соловьевъ говоритъ: «Въ Московскомъ Государствѣ, въ описываемое время, не было земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ; землевладѣльцами были: во 1-хъ Государство, во 2-хъ Церковь, въ 3-хъ служилые люди-отчинники» (стр. 396). Мы скажемъ г. профессору, что кромѣ поименованныхъ землевладѣльцевъ, землевладѣльцемъ могла быть отдѣльная крестьянская община. Удивительно то, что самъ г. Соловьевъ, не замѣчающій этого, приводитъ тому примѣръ; а именно: «Видимъ, что цѣлыя общины пріобрѣтали земли: такъ въ 1583 году Никита Строгоновъ отказалъ свою деревню въ волость, въ слободку Давыдову, старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ крестьянамъ» (стр. 163). Кажется, ясно. Но кромѣ этого примѣра можно привести и другіе. Напримѣръ: Уставная Важская грамота 1552 года обращается къ Важанамъ и Шенкурцамъ и Вельскаго стану посадскимъ людямъ и всего Важскаго уѣзда становымъ и волостнымъ крестьянамъ; въ этой грамотѣ между прочимъ говорится: «а на пустыя имъ мѣста дворовые, въ Шенкурье и въ Вельску на посадѣ и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, въ пустыя деревни и на пустоши и на старыя селища, хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того» (Акты арх. т. I стр. 238). Здѣсь цѣлая область является землевладѣльцемъ. — Не распространяемся болѣе о состояніи крестьянъ до укрѣпленія, и также о самомъ укрѣпленіи; мысли наши объ этомъ дѣлѣ надѣемся мы предложить въ особомъ изслѣдованіи.

Говоря о прекращеніи Рюриковой династіи и о насильственной смерти Димитрія Царевича, г. Соловьевъ приводитъ разсказъ объ этомъ лѣтописцевъ и потомъ разсматриваетъ слѣдственное дѣло. Г. Соловьевъ признаетъ разсказъ лѣтописцевъ справедливымъ; но, какъ намъ кажется, онъ нѣсколько пристрастно разбираетъ оба историческія свидѣтельства. Мы намѣрены представить свои соображенія объ этомъ дѣлѣ. Г. Погодинъ, въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи «объ участіи Годунова въ убіеніи Царевича

Димитрія» давно еще высказалъ свое мнѣніе, что Борисъ не былъ участникомъ въ этомъ злодѣйствѣ; но тѣмъ не менѣе онъ не изъявляетъ прямо сомнѣнія въ томъ, что Царевичъ былъ убитъ, и только изъ нѣкоторыхъ словъ почтеннаго ученаго можно заключать, что онъ не убѣжденъ въ этомъ.

Наши соображенія иного рода.

Изложивъ лѣтописное сказаніе, г. Соловьевъ говоритъ: «въ этомъ разсказѣ мы не встрѣчаемъ ни одной черты, которая бы заставила заподозрить его» (стр. 424). Мы же напротивъ встрѣчаемъ прежде всего положительную невѣрность въ этомъ разсказѣ. Въ немъ говорится, что Угличане показали о убіеніи Царевича, что Нагихъ пытали въ Москвѣ, и они съ пытки говорили, что Царевичъ убитъ. Между тѣмъ, въ слѣдственномъ дѣлѣ собраны многія показанія Угличанъ, большею частію, въ пользу того, что Царевичъ убился самъ. Наконецъ, въ слѣдственномъ дѣлѣ видно, что только одинъ Михайло Нагой, не въ Москвѣ, а въ Угличѣ, показалъ, что Царевичъ убитъ; а другіе два его брата показали, что Царевичъ убился самъ. Мы не можемъ предполагать, чтобъ въ слѣдственномъ дѣлѣ все это было выдумано, во 1-хъ потому, что тогда ужъ лучше было выдумать и на Михайла Нагаго, а во 2-хъ потому, что въ слѣдственномъ дѣлѣ выдумывать ложныя показанія трудно, особенно когда они скрѣплены подписями. Такой наглый подлогъ едва ли возможно предположить. Кромѣ этой, по нашему мнѣнію, несомнѣнной невѣрности лѣтописнаго разсказа, есть другія обстоятельства, имъ повѣствуемыя, которыя допустить трудно. Въ лѣтописномъ разсказѣ говорится, что сперва пробовали отравить, давали ядъ въ пищѣ и яствѣ, но понапрасну. Можно ли допустить это? Отъ чего не дѣйствовалъ ядъ? Нельзя же предполагать вмѣстѣ съ Карамзинымъ, что, можетъ быть, дрожащая рука злодѣевъ бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея.—Можно ли думать, чтобы злодѣи, имѣя на своей сторонѣ мамку Царевича, не нашли случая отравить его? Это весьма сомнительно. Наконецъ, разсказываемыя лѣтописцемъ всѣ предварительныя, неосторожныя, неудачныя совѣщанія Бориса о убійствѣ Царевича также не внушаютъ довѣрія. Подробности разсказа заставляютъ предполагать г. Соловьева, что разсказъ не выдумка. Но такія же подробности, или еще болѣе, встрѣчаемъ мы въ слѣдственномъ дѣлѣ, говорящія въ

пользу другаго мнѣнія о смерти Царевича. Убѣжденіе же народное, замѣтимъ кстати, какъ напримѣръ убѣжденіе въ виновности Бориса, сейчасъ принимаетъ характеръ художественный, характеръ эпоса, облекается въ подробности и вообще въ формы дѣйствительности.

Перейдемъ теперь къ слѣдственному дѣлу. Начало его, къ сожалѣнію, утрачено.

Г. Соловьевъ находитъ, что слѣдствіе было произведено неполно, невнимательно, особенно тамъ, гдѣ могли раскрыться обстоятельства, гдѣ могло бы выйти указаніе противъ Годунова, однимъ словомъ, что слѣдствіе было произведено недобросовѣстно. Слѣдствіе могло быть произведено полнѣе и внимательнѣе — это справедливо; но это еще не показываетъ недобросовѣстности. Уклоненія же въ слѣдственномъ дѣлѣ отъ вопроса, который долженъ былъ бы обличить злодѣйство, уклоненія, которое можно бы счесть умышленнымъ, не показываетъ намъ и самъ г. Соловьевъ.

Между тѣмъ, изъ самаго слѣдственнаго дѣла выдаются нѣсколько обстоятельствъ, которыя даютъ поводъ думать, что злодѣйское дѣло было или выдумкою или по крайней мѣрѣ мечтою, порожденною подозрѣніемъ и враждою. Михайло Нагой обвиняется въ томъ, что онъ велѣлъ сбирать ножи, пищали, палицу желѣзную и сабли, и класть на убитыхъ людей. Михайло Нагой отпирается и говоритъ, что всѣ эти оружія клалъ городовой прикащикъ, Русинъ Раковъ. Русинъ Раковъ съ своей стороны говоритъ, что Михайло Нагой запирается, и что онъ, по его приказу, спрашивалъ ножъ у Борискн, и проч. Кто клалъ оружіе, это рѣшить трудно; но неоспоримый фактъ тотъ, что *оружіе было положено на убитыхъ*. Нельзя предположить, чтобъ всѣ эти люди пришли на Царевича съ оружіемъ, и именно съ оружіемъ такого рода, какъ пищаль и палица: это бы противорѣчило и лѣтописному разсказу. И такъ, оружіе было положено потомъ нарочно, и было положено, конечно, стороною Нагихъ. Въ этомъ поступкѣ является уже очевидная неправда, умышленная попытка обвинить Битяговскаго и другихъ въ убійствѣ Царевича. Это обстоятельство обличаетъ весьма неловкую, грубую хитрость, весьма близорукій разсчетъ, съ цѣлію увѣрить, что всѣ эти люди, побитые народомъ, точно виноваты въ смерти Царевича, какъ

будто бы они пришли на него съ пищалями, саблями и прочимъ оружіемъ. Можно, впрочемъ, съ другой стороны одно сказать, что Михайло Нагой, будучи убѣжденъ самъ по крайней мѣрѣ, что Царевичь убитъ, прибѣгнулъ, для убѣжденія въ томъ другихъ, къ этому грубому способу. Но зная истину, онъ тогда скорѣе бы могъ догадаться, что онъ ее исказитъ такимъ образомъ; прибѣгаютъ, не разсудивъ, даже къ грубымъ хитростямъ тогда, когда хотятъ выдать за истину и утвердить ложь, а не тогда, когда думаютъ увѣрить въ истинѣ, которая невольно рождаетъ увѣренность въ убѣжденномъ въ ней человѣкѣ. Вотъ почему мы считаемъ означенное обстоятельство сильно говорящимъ въ пользу того, что Царевичь былъ не убитъ, а самъ убился. Быть можетъ, что Михайло Нагой сгоряча и подумалъ, что Царевичь былъ убитъ, особенно при своей враждѣ съ обвиненными людьми; но потомъ, опомнившись и узнавши истину, прибѣгнулъ къ этой грубой мѣрѣ, чтобы накинуть подозрѣніе, или даже улику, на побитыхъ народомъ. Прибавимъ, что Русинъ Раковъ и братъ Михайла Нагова, Григорій, прямо объясняютъ, что Михайло Нагой для того велѣлъ класть оружіе на побитыхъ людей, что будто тѣ люди Димитрія Царевича убили. Самое то, какъ добивается Михайло Нагой (какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла) палицы Михайла Битяговскаго,—тоже наводитъ подозрѣніе, хотя палица эта была положена не къ Битяговскому, а къ Осипу Волохову. Впрочемъ, здѣсь могъ быть тотъ намекъ, что Осипъ Волоховъ взялъ у Михайла Битяговскаго, съ его, разумѣется, согласія, его палицу; такимъ образомъ Михайло Битяговской, который самъ не обвиняется въ убійствѣ Царевича, дѣлался участникомъ злодѣйства.

Далѣе. Конечно, съ другой стороны, наводитъ сомнѣніе то, что многіе и невидавшіе твердо говорили, что Царевичь убился самъ. Они, должно предположить, говорили то, что слышали отъ другихъ; между тѣмъ, естественно, что народъ, избившій тѣхъ, кого онъ считалъ убійцами, долженъ былъ говорить иное. И точно, какъ бы въ доказательство, что здѣсь не только приводятся мнѣнія въ пользу того, что Царевичь убился самъ, мы находимъ нѣсколько свидѣтельствъ, указывающихъ, что въ народѣ говорили и то, что Царевичь былъ убитъ (чего не замѣчаетъ г. Со-

ловьевъ) (1). Архимандритъ Воскресенскій Ѳеодоритъ и игуменъ Алексѣевскій Савватій, услышавъ звонъ, посылали слугъ развѣдывать, и они сказали, что слышали отъ посадскихъ и отъ посошныхъ людей, что будто Царевича Димитрія убили, а кто — неизвѣстно. Данило, сынъ Михайла Григорьева, тоже показываетъ, говоря, что ему посадскіе люди назвали даже убійцъ Царевича: Данила Битяговскаго и Никиту Качалова. Впрочемъ, положимъ, что сей Данило хотѣлъ себя оправдать, ибо его обвиняли въ томъ, что онъ съ прочими билъ Битяговскаго и другихъ. Иванъ Пашинъ и Василій Буторинъ показываютъ просто, что они не знаютъ, какъ не стало Царевича Димитрія и какъ побили Михайла Битяговскаго съ товарищами. И такъ, не всѣ говорятъ, что онъ убился самъ. Замѣтимъ также, что тѣ, которые говорятъ это, ссылаются не на посадскихъ людей, которые избили подозрѣваемыхъ въ убійствѣ Царевича. Впрочемъ, очень возможно, что, или опомнившись, или даже продолжая быть убѣжденными въ злодѣйствѣ, котораго свидѣтелями не были, но думая, что слѣдователи не расположены ему вѣрить, иные со страху стали показывать, что Царевичъ убился самъ. Тѣмъ не менѣе свидѣтельство ихъ, какъ не очевидцевъ, имѣетъ только относительное значеніе. Свидѣтельство же священника Богдана, что онъ въ то самое время, какъ ударили въ набатъ, обѣдалъ у Михаила Битяговскаго, и что сынъ Михайловъ, Данило, былъ въ то же время на подворьѣ отца своего, обѣдалъ,—думаемъ, заслуживаетъ вниманія; а свидѣтельство это устраняетъ подозрѣніе на Битяговскаго и сына его. Замѣчательно также, что всѣ эти люди, подозрѣваемые въ убійствѣ, были схвачены не на дворѣ царскомъ; положимъ, что они успѣли убѣжать, но отчего они не убѣжали дальше? Наконецъ, если Михайло Битяговскій былъ участникомъ злодѣйства, то съ его стороны было отчаянною дерзостію явиться предъ разгнѣванный народъ въ ту минуту, какъ преступленіе только что совершилось и какъ народъ готовъ былъ казнить преступниковъ. Обстоятельства придаютъ дѣлу такой видъ, что подозрѣваемые были схвачены въ расплохъ, а это едва ли могло быть. если-бъ

(1) „Вотъ и всѣ очевидцы! Остальныя же лица говорили по чужимъ рѣчамъ (чьимъ—неизвѣстно): и всѣ эти люди, сами ничего не видавши, тѣмъ не менѣе утверждаютъ, что Царевичъ игралъ съ дѣтьми и, въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ наткнулся на ножъ.„ Ист. Россіи т. VII, стр. 427.

подозрѣніе было справедливо. Показаніе жильцовъ-дѣтей должно имѣть, кажется, тоже важность, тѣмъ болѣе, что на одного изъ нихъ весьма правдоподобно ссылаются подклюшники: «Стояли деи мы вверху за поставцемъ: ажно деи бѣжитъ вверхъ жилецъ Петрушка Колобовъ и говоритъ: тѣшился деи Царевичь съ нами на дворѣ въ тычку ножемъ» и проч. (1).

Въ заключеніе мы находимъ съ своей стороны весьма естественнымъ все Углицкое событіе, принимая мнѣніе, что Царевичь убился самъ. Надобно вспомнить, что между Нагими и Битяговскимъ (а вѣроятно и близкими къ нему) была вражда; въ этотъ же день по утру Михайло Нагой бранился съ Битяговскимъ. Вдругъ Димитрій, начавши играть въ тычку, убиваетъ нечаянно самъ себя. Выбѣгаетъ царица, видитъ умирающаго сына и, въ отчаяніи, сейчасъ называетъ ненавистныхъ ей людей, какъ убійцъ ея сына, людей, очень можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ ею подозрѣваемыхъ; въ тоже время кидается она на мамку Царевича (мать одного изъ этихъ людей)—и начинаетъ ее бить; по словамъ Огурца, царица послала тогда же звонить въ колокола. На звонъ прибѣгаетъ Михайло Нагой и то же, можетъ быть, искренно подозрѣвая, обвиняетъ подозрѣваемыхъ передъ собравшимся народомъ, который загорается, какъ порохъ, гнѣвомъ и избиваетъ людей, обвиняемыхъ въ убійствѣ. Свидѣтелей было немного. Насильственная, невольная смерть послѣдняго Царевича, поражая умъ народный, порождаетъ мысль, что Царевичь былъ убитъ, становится народнымъ сказаніемъ, убѣжденіемъ народнымъ, страшно сокрушаетъ престолъ Бориса и переходитъ въ потомство.

Нашего мнѣнія мы не говоримъ утвердительно; мы представляемъ только свои соображенія въ пользу того, что Димитрій Царевичь убился самъ. Къ этому мнѣнію склоняетъ насъ и величавое лицо Бориса Годунова, которому такое злодѣйство несвойственно и который однажды самъ жертвовалъ жизнію, стараясь защитить Царевича Іоанна отъ удароъ Іоанна Грознаго. Желательно, чтобъ, если можно, дѣло это наконецъ разъяснилось, и чтобъ страшное пятно было снято съ имени великаго государя Бориса.

---

(1) Собр. Г. Г. и Д. стр. 113.

Переходимъ къ другимъ замѣчаніямъ.

Г. Соловьевъ такъ начинаетъ V главу: «XVI-й вѣкъ исходилъ; съ его исходомъ прекращалась Рюрикова династія. Въ двухъ различныхъ положеніяхъ, въ двухъ различныхъ странахъ слѣдили мы за дѣятельностью потомковъ Рюрика и не могли не замѣтить основнаго различія въ этой дѣятельности. Сначала мы видимъ ихъ дѣйствующими въ громадной и рѣдко населенной странѣ, не имѣвшей, до ихъ появленія, исторіи. Съ необыкновенною быстротою Рюриковичи захватываютъ въ свое владѣніе обширныя пространства и подчиняютъ себѣ племена, здѣсь живущія: эту быстроту объясняетъ равнинность страны, удобство водныхъ путей, малочисленность и особность племенъ, которыя не могли выставить крѣпкаго и дружнаго сопротивленія, ибо не знали союзнаго дѣйствія; каждое племя покорялось по одиначкѣ: ясный знакъ, что никакого единства между племенами не существовало, что это единство принесено князьями и сознаніе о единствѣ народномъ и государственномъ явилось вслѣдствіе ихъ дѣятельности. Они расплодили Русскую землю и сами размножились въ ней съ необыкновенною силою: обстоятельство важное, ибо оно дало возможность членамъ одного владѣльческаго рода устроить себѣ множество столовъ во всѣхъ предѣлахъ громадной страны, взять въ свое непосредственное завѣдываніе всѣ важнѣйшія мѣста; не было потому необходимости въ намѣстникахъ большихъ городовъ и областей, въ людяхъ, изъ которыхъ могла бы образоваться сильная аристократія. Князья разошлись по обширной странѣ, но не раздѣлились, ибо ихъ связывало другъ съ другомъ единство рода, которое такимъ образомъ приготовило единство Земли. Чтобъ не порвалась связь между частями, связь слабая, только что завязавшаяся, необходимо было это безпрерывное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, съ концовъ отдаленныхъ. Князья съ своими дружинами представляли начало движенія, которое давало странѣ жизнь, исторію: не даромъ Мономахъ хвалится своимъ движеніемъ, большимъ количествомъ совершенныхъ имъ путешествій. Движеніе, движеніе неутомимое, было главною обязанностію князей въ это время: они строили города, давали имъ жителей, передвигали народонаселеніе изъ одной области въ другую, были виновниками новыхъ общественныхъ формъ, новыхъ отношеній. Все новое, все, что должно было дать пле-

менамъ способность къ новой высшей жизни, къ исторіи, было принесено этимъ движущимся началомъ, князьями и дружинами ихъ; они въ своемъ движеніи столкнулись съ Греками и взяли отъ нихъ христіанство: чтобъ понять значеніе Рюриковичей и дружинъ ихъ, какъ проводниковъ новаго, людей, пролагавшихъ пути исторической жизни, стоитъ только вспомнить разсказъ лѣтописца о появленіи волхва въ Новгородѣ: на вопросъ епископа: «кто идетъ къ кресту и кто къ волхву?» народъ, масса, хранящая старину, потянулась къ волхву, представителю стараго язычества, князь же и дружина его стали на сторонѣ епископа. Скоро, при описаніи смутнаго времени, мы укажемъ и на великое значеніе массы народной, охранявшей старину, когда движеніе пошло путемъ незаконнымъ» (стр. 418—419).

Мы не можемъ согласиться съ авторомъ въ той степени значенія, какую даетъ онъ Рюриковскому дому. Словами этими г. Соловьевъ совершенно затираетъ значеніе Земли, народа. Значеніе Рюрикова дома было точно велико, но именно потому, что оно не уничтожало значенія Земли. Въ особенности страннымъ кажется намъ у г. Соловьева выраженіе, что «все новое, все, что должно было дать племенамъ способность къ новой высшей жизни, къ исторіи, было принесено этимъ движущимся (?) началомъ, князьями и дружинами ихъ: они въ своемъ движеніи столкнулись съ Греками и взяли отъ нихъ христіанство.» Выходитъ, что и принятіе Христовой Вѣры есть дѣло не народное, и притомъ дѣло случайное! Хоть это и противорѣчитъ исторіи, которая говоритъ, что еще до принятія христіанства Владиміромъ, христіанство уже распространялось въ Кіевѣ, что Святославъ никому не запрещалъ креститься (стало, крестились), что Владиміръ, прежде чѣмъ принялъ христіанство, совѣщался съ боярами и старцами градскими, что были посланы послы для узнанія истинной вѣры: но по мнѣнію г. Соловьева, дѣло принятія въ Россіи христіанства было рѣшено князьями. Да что же наконецъ было въ самихъ племенахъ, призвавшихъ Рюрика? Что же былъ народъ самый, по мнѣнію г. Соловьева? Людская масса, безобразная, нестройная, и болѣе ничего? Именно, масса: такъ и выражается г. Соловьевъ о народѣ; онъ говоритъ: «Скоро при описаніи смутнаго времени, мы укажемъ и на великое значеніе *массы народной*, охранявшей старину, когда развитіе пошло путемъ незаконнымъ». И такъ народъ—это масса,

которая знаетъ себѣ хранить старину, и только; въ примѣръ этого г. авторъ приводитъ извѣстный случай (не имѣющій общаго значенія) въ Новгородѣ, что народъ предпочелъ волхва кресту, тогда какъ князь съ дружиною были за крестъ. И такъ, должно заключить, что народъ стоялъ потомъ за христіанство также, какъ онъ стоялъ прежде за язычество, въ силу того только, что это старина? И такъ, должно заключить, что христіанство было понято въ настоящемъ своемъ смыслѣ только князьями или высшими сословіями, людьми служилыми, потомками княжей дружины?... Не уже ли такъ?—А вѣдь такъ выходитъ изъ словъ автора! Незавидная же доля указана нашимъ историкомъ народу: это тяжелая грубая масса, которая, безъ всякого разсужденія, держится старины и приноситъ пользу тогда, когда постоянное ея коснѣніе и упорство совпадаютъ съ истиною, съ требованіемъ исторіи; слѣдовательно, это польза безъ всякой заслуги со стороны массы народной; въ самомъ же народѣ—начала жизни, движенія разумнаго преуспѣянія, не находится.

Нужно ли говорить, что мы здѣсь совершенно и глубоко несогласны съ г. профессоромъ Русской Исторіи. Мы думаемъ, что въ Россіи найдутся и кромѣ насъ люди, которые не раздѣлятъ такихъ убѣжденій.

Въ прежнихъ статьяхъ нашихъ мы высказывали мысли, противоположныя г. профессору; надѣемся высказать ихъ не одинъ разъ и еще полнѣе. Теперь же скажемъ только, что мы совершенно иначе смотримъ на отношенія Государства къ народу, или къ Землѣ, какъ выражается наша Русь,—нежели почтенный профессоръ. Мы думаемъ, что въ народѣ живетъ начало внутренней правды; Государство же представляетъ начало внѣшней правды. Оставляемъ до болѣе благопріятнаго случая полнѣйшее изложеніе нашей мысли объ этомъ вопросѣ, какъ вообще, такъ и въ отношеніи къ Русской исторіи въ особенности (1).

(*) По первоначальному плану статьи, авторъ, напротивъ, предполагалъ изложить, именно здѣсь, мысли свои о взаимномъ отношеніи обоихъ началъ вообще и въ Русской исторіи въ особенности. Въ его бумагахъ находятся принадлежащіе къ настоящей статьѣ два листа, заключающіе въ себѣ черновой набросокъ этихъ мыслей. Они были впослѣдствіи выключены самимъ авторомъ, вѣроятно потому, что подробное и тщательное изложеніе такого важнаго вопроса отвлекло бы его отъ предмета самой статьи, и потому, что авторъ имѣлъ намѣреніе написать объ этомъ вопросѣ особое разсужденіе. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ привести это исключен-

Теперь мы укажемъ, подкрѣпляясь свидѣтельствами, приводимыми самимъ же г. Соловьевымъ, на образъ мыслей Русскаго народа, который не худо было бы замѣтить г. историку.

ное мѣсто здѣсь вполнѣ, напоминая читателямъ, что оно только набросокъ, черновой очеркъ, оставленный самимъ авторомъ безъ отдѣлки. Основная мысль и многіе обороты рѣчи тѣ же самые, что и въ статьяхъ: „о Русской Исторіи и объ основныхъ ея началахъ;“ но есть такіе оттѣнки мысли и такія новыя выраженія, которыя, по нашему мнѣнію, еще полнѣе опредѣляютъ и уясняютъ взглядъ автора.

Прим. изд.

„Человѣку, какъ общественному лицу и какъ народу, предстоитъ путь внутренней правды, совѣсти, свободы, или путь правды внѣшней, закона, неволи. Первый путь есть путь общественный, или, лучше, земскій; второй путь есть путь государственный. Первый путь есть путь истины, путь вполнѣ достойный человѣка. — Все имѣетъ только цѣну, во сколько, что дѣлается искренно и свободно. Благо народу, который хранитъ вѣру въ такой путь. Здѣсь-то возникаетъ община. — Но удержаться на первомъ пути для человѣка трудно. Не всѣхъ можетъ остановить одна совѣсть, и люди безсовѣстные вносятъ тревогу и смущеніе въ общество человѣческое; оно видитъ, что для тѣхъ, которымъ совѣсти мало, мало суда внутренняго, нуженъ судъ и наказаніе внѣшнее. Человѣкъ прибѣгаетъ къ другому пути.

„Заманчивъ путь этотъ, гораздо, по видимому, болѣе удобный и простой; внутренній строй переносится во внѣ, свобода, источникъ которой внутри человѣка, понимается только какъ порядокъ, нарядъ, какъ устройство, институтъ; основныя начала жизни понимаются, какъ правила, совѣсть понимается какъ законъ. Это путь не внутренней, а внѣшней правды, не совѣсти, а закона. Начало, лежащее въ основѣ такого пути, есть начало неволи, начало, убивающее жизнь и свободу. Прежде всего формула, какая бы то ни была, не можетъ обнять жизни; потомъ, какъ бы ни была она истинна,—налагаясь извнѣ, она уничтожаетъ самую главную силу, силу внутренняго убѣжденія, свободнаго ея признанія. Далѣе, давая такимъ образомъ человѣку возможность опираться на законъ, она усыпляетъ склонный къ нравственной лѣни духъ человѣческій, легко и безъ труда успокоивая его исполненіемъ готовыхъ опредѣленныхъ требованій и избавляя отъ необходимости внутренней нравственной дѣятельности, нравственнаго бодрствованія. Таковъ путь Государства. Какъ бы широко и по видимому либерально ни развивалось Государство, хотя бы достигло самыхъ крайнихъ демократическихъ формъ, все таки оно, Государство, есть начало неволи, внѣшняго принужденія; оно есть не свободное воплощеніе въ дѣло внутренняго міра человѣка; оно есть данная форма, оно есть учрежденіе. Чѣмъ болѣе развито Государство, тѣмъ сильнѣе замѣняетъ учрежденіе внутренній міръ человѣка, тѣмъ глубже и тѣснѣе оно обхватываетъ общество, хотя бы по видимому соотвѣтствовало всѣмъ его требованіямъ.

„Путемъ Государства пошла Западная Европа и разработала великолѣпно государственное устройство, съ чрезвычайными оттѣнками, доведши его въ Америкѣ до высокой степени либерализма. Но это либеральное Государство есть все таки неволя, и чѣмъ шире должится оно на народѣ, тѣмъ болѣе захватываетъ оно народъ

Идея Земли, такъ ясно сознанная въ Московскую эпоху, высказывается, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ прямо говорится о Землѣ, о Земскомъ дѣлѣ (какъ на Земскомъ Соборѣ, и во многихъ гра-

---

въ себя и каменитъ его духомъ закона, учрежденія, внѣшняго порядка. Если либерализмъ государственный дойдетъ до крайнихъ предѣловъ, до того, что каждый человѣкъ будетъ чиновникомъ, квартальнымъ самого себя, тогда окончательно убьетъ Государство живое начало въ человѣкѣ. Передовые умы Запада начинаютъ сознавать, что ложь лежитъ не въ той и не въ другой формѣ Государства, а въ самомъ Государствѣ — какъ идеѣ, какъ принципѣ; что надобно говорить не о томъ, какая форма хуже и какая лучше, какая форма истинна, какая ложна, а о томъ, что Государство, какъ Государство, есть ложь.

„Славянскіе народы представляютъ намъ иное начало, начало общины. Славянскіе народы, Русской народъ, по преимуществу, есть народъ не Государственный. Исторія застаетъ ихъ въ состояніи общины, слѣдовательно уже на высокой степени человѣческаго совершенства, ибо состояніе общины не есть естественное состояніе (такое состояніе былъ бы родовой бытъ, котораго и слѣдовъ исторія у Славянъ не находитъ). Состояніе общины есть уже сознательно-народное состояніе, есть человѣческая заслуга.

„Но можно ли обойтись безъ Государства на землѣ при несовершенствахъ человѣческаго рода?

„Нѣтъ; невозможно. Вся сила заключается въ томъ, какъ относится народъ къ Государству, какъ къ средству или какъ къ цѣли; что Государство для народа?

„Въ этомъ-то взглядѣ на Государство заключается существенная разница между міромъ Славянскимъ и Западнымъ. На Западѣ это принципъ, идеалъ народовъ. Въ Славянскомъ мірѣ Государство — неизбѣжная крайность, средство ради несовершенства человѣческаго рода.

„Обращаемся къ исторіи.

„Сосѣдніе драчливые народы всего болѣе мѣшали мирной жизни Славянъ, являясь въ грозѣ воинаго насильственнаго могущества, покоряя ихъ и заставляя испытывать насильственную власть. Собравшись, Славяне изгоняли насильниковъ, но они снова возвращались и снова надо было собираться, вооружаться и прогонять ихъ. Прежде всего эти насилія отъ народовъ, одушевленныхъ инымъ началомъ, потомъ, можетъ быть, и внутреннія неустройства, при человѣческомъ несовершенствѣ не устраняемыя жизнію общинною, заставили Славянъ искать Государства.

„Исторія застаетъ Славянъ именно въ минуту, когда сосѣдніе бранные народы, вторгшись къ нимъ владѣютъ ими. На Сѣверѣ Варяги, на Югѣ Козары. Сѣверные Славяне изгоняютъ Варяговъ и начинаютъ управляться сами: *почаша володѣти сами въ себѣ*. Замѣчательно это выраженіе Нестора. Мы понимаемъ его такъ, что Славяне попытались было ввести у себя государственное устройство, но чуждое ихъ духу, оно не пошло у нихъ: *не бѣ въ нихъ правды*. *Правда* не значитъ здѣсь то, что мы разумѣемъ теперь подъ этимъ словомъ. *Правда* значитъ управа, расправа, имѣетъ значеніе юридическое, государственное. Славяне почувствовали необходимость Государства и, сознавая всю его несоотвѣтственность своему принципу, рѣшились— не себя пересоздать въ Государство и тогда измѣнить своему началу общины, а поставить Государство внѣ себя, признать его, какъ чуждое себѣ, невмѣстное съ собою, обратиться къ нему, какъ къ внѣшнему средству, призвать изъ за моря.

мотахъ), высказывается стороною и въ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами. Такъ бояре наши отвѣчали Гарабурдѣ, Польскому послу, предложившему съѣздъ для постановленія вѣчнаго мира: «Михайла! Это дѣло великое для всего христіанства; Государю нашему надобно совѣтоваться объ немъ *со всею Землею*, сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и *со всею Землею*. На такой совѣтъ съѣзжаться надобно будетъ изъ дальнихъ мѣстъ.» (Ист. Россіи. Т. VII, стр. 274). На новыя требованія о томъ же предметѣ послы наши отвѣчали,

---

„Славяне посылаютъ пословъ за море и призываютъ къ себѣ Государство, какъ постороннее, въ лицѣ Рюрика, сами оставаясь при своемъ общинномъ земскомъ устройствѣ, оставаясь сами не Государствомъ, а Землею. Это въ высшей степени замѣчательное сознательное призваніе опредѣляетъ всю дальнѣйшую Русскую Исторію.

„Мы приходимъ совершенно къ противоположнымъ выводамъ, чѣмъ г. Соловьевъ. Мы благодарны *(Государству)* не за то, что оно влагало душу въ народъ, а за то, что оно не истребляло въ немъ души, ибо душа—въ народѣ. Живое начало конечно не въ Государствѣ, а въ Общинѣ.

„И такъ заслуга Рюриковичей заключалась въ томъ, что при нихъ Земля и Государство несмѣсимо жили въ Россіи, зная предѣлы свои и не переступая ихъ. Земское единство, соединявшее всю страну, было нарушаемо внутренними государственными перегородками, вслѣдствіе множества княжествъ. Рюриковская же династія, утвердившись въ Москвѣ, переломала эти внутреннія перегородки, и единство Земское еще болѣе окрѣпло, когда ему стало соотвѣтствовать единство Государственное. Государство постоянно признавалось Землею, какъ нѣчто постороннее, какъ нужная для нея внѣшняя защита. Государство признавало за Землею самостоятельность жизни и нравственное право мнѣнія, мысли, совѣта, право обычая. Земля, конечно, при такомъ устройствѣ, составляла главное дѣло. Понималось ясно, что не Земля существуетъ для Государства, а Государство для Земли. Начало жизни, нравственнаго преуспѣянія, начало духа, безъ сомнѣнія, находится въ общинѣ, въ народѣ. Государство—значеніе второстепенное и, по идеѣ уже своей, не можетъ влагать душу въ народъ, и сообщать ему механическое развѣ движеніе. Государство имѣетъ обязанности; оно должно оберегать и доставлять удобства для внѣшней и нравственной жизни народа; оно должно заботиться лишь о томъ, чтобъ давать полможность и средства безпрепятственно и неволмутимо идти, крѣпнуть и выситься мысли и духу человѣческому, слѣдовательно Землѣ. Дѣло мысли и жизни есть Земское дѣло.

„Мы касались этого вопроса въ IV № Бесѣды за 1856 г., въ разборѣ VI-го тома г. Соловьева; поэтому считаемъ достаточнымъ сказаннаго нами здѣсь, до другаго случая, когда намъ можно будетъ во всей полнотѣ высказать мысль нашу о Государствѣ и Землѣ вообще, и въ особенности въ исторіи Россіи, ибо ею такъ ясно и опредѣленно поняты оба эти начала—и взаимное ихъ между собою отношеніе."

Съ боку, на поляхъ, рукою автора написано:

„Примѣръ Славянъ: *скорѣе уничтожались, чѣмъ составляли химическое третіе.*"

что нужно много времени *для совѣщанія со всею Землею*. На это Поляки отвѣчали: у васъ въ обычаѣ ведется, что сдумаетъ Государь да бояре, на томъ и станетъ, а Землѣ до того и дѣла нѣтъ (тамъ же, стр. 277). Понятно, что Поляки, вдавшись въ государственныя аристократическія формы и подавивъ шляхтою простой народъ, не понимали уже Славянскаго значенія Земли и не понимали великой нравственной силы свободнаго общественнаго мнѣнія, силы всенароднаго совѣта, а слѣдовательно и важности Земскаго Собора, имѣвшаго лишь нравственное, совѣщательное значеніе. Съ своей стороны, Россія не могла понять Польского устройства. Въ царской грамотѣ, посланной въ Литву, говорится: «Вы бы, паны Рада, свѣтскіе и духовные, смолвившись между собою и *со всею Землею*, о добрѣ христіанскомъ порадѣли, нашего жалованья къ себѣ и Государемъ насъ на корону Польскую и великое княжество Литовское похотѣли» и проч. (тамъ же, стр. 281). Кромѣ того, Россія высказываетъ этотъ свой взглядъ, какъ общую истину, и Австріи. Когда одинъ изъ дворянъ посольской Австрійской свиты объявилъ Щелкалову, что Максимиліанъ хочетъ добиваться Польскаго королевства и надѣется, что Государь Русской ему поможетъ въ томъ,— Щелкаловъ отвѣчалъ: «Великій Государь радѣлъ и промышлялъ объ этомъ, что̀ вамъ и самимъ видимо; да если на то воли Божіей не было, и то не сталось. И теперь Государь нашъ хочетъ, чтобъ Максимиліанъ былъ на королевствѣ Польскомъ, да вѣдь самъ знаешь: *на государство силою какъ сѣсть?* Надобно, чтобъ большіе люди, да и *всею Землею захотѣли* и выбрали на королевство; а только *Землею не захотятъ*, и того государства трудно достигать (тамъ же, стр. 329).

Древняя Россія выразила также свой взглядъ на сношенія международныя и на торговлю. Она признаетъ полную свободу сношеній торговыхъ и всякихъ. Московскіе послы говорятъ Шведамъ: «Сотворилъ Богъ человѣка *самовластна* и далъ ему волю сухимъ и водянымъ путемъ, гдѣ ни захочетъ, ѣхать: тамъ вамъ противъ воли Божіей стоять не годится, всѣхъ Поморскихъ и Нѣмецкихъ государствъ гостямъ и всякимъ торговымъ людямъ, землею и моремъ задержки и неволи чинить непригоже» (тамъ же, стр. 313). Шведы отвѣчали на это въ противоположномъ смыслѣ. Въ гра-

мотѣ Царя Ѳеодора къ Елисаветѣ, королевѣ Англійской, изъявляется неудовольствіе относительно того, что Англичане (члены компаніи) не пропускаютъ кораблей другихъ и иностранныхъ купцовъ къ Московскому государству, и говорится: «Мы этому и вѣрить не хотимъ; а если такъ дѣлается въ самомъ дѣлѣ, то это твоихъ гостей правда ли, что за наше великое жалованье, иноземцевъ отгоняютъ? *Божію дорогу, Океанъ море, какъ можно перенять, унять и затворить?* (тамъ же, стр. 335).

Россія высказываетъ также, уже извѣстный, признанный и другими за нею, ея взглядъ, что каждый имѣетъ право исповѣдывать свою вѣру. На просьбу Елисаветы, чтобы Англичане могли жить по своей вѣрѣ, отвѣчали въ Россіи: «Государю нашему до ихъ вѣры дѣла нѣтъ; многихъ вѣръ люди живутъ въ нашемъ Государствѣ, и никого Государь отъ вѣры отводить не велитъ, всякій живетъ въ своей вѣрѣ» (тамъ же, стр. 339).

Въ приведенныхъ нами примѣрахъ достаточно, кажется, высказывается высокій взглядъ Русскаго народа. Это—*Русское воззрѣніе*, которое въ то же время есть истинное, общечеловѣческое.

Мнѣніе наше о VII томѣ Исторіи Россіи, думаемъ, ясно. Этотъ томъ не можетъ назваться не только исторіей, но даже историческимъ изслѣдованіемъ, даже историческимъ извлеченіемъ. Первая половина его состоитъ, большею частію, изъ отрывочныхъ выписокъ, почти безъ разработки. Во второй разсказаны событія непослѣдовательно. Нерѣдко встрѣчается небрежность разсказа и самаго слога. Вообще — отсутствіе настоящей критической обработки и крайняя бѣдность выводовъ.

Теперь, когда вышло уже семь томовъ Исторіи Россіи, можно сказать вообще о ней мнѣніе, т. е., о всемъ написанномъ. Въ «Исторіи Россіи» авторъ не замѣтилъ одного: Русскаго народа. Русскаго народа не замѣтилъ и Карамзинъ; но въ то время этого далеко нельзя было такъ и требовать, какъ въ наше время; къ тому же Карамзинъ назвалъ свою исторію Исторіею Государства Россійскаго. «Исторія Россіи», предметъ настоящаго нашего разбора, можетъ совершенно справедливо быть названа тоже Исто-

ріею Россійскаго Государства, не болѣе; Земли, народа — читатель не найдетъ въ ней. Съ другой стороны, такъ какъ рядомъ съ Государствомъ существуетъ Земля (имѣвшая въ Россіи такое важное и сильное значеніе), то сама исторія Государства, какъ Государства, не можетъ быть удовлетворительна, какъ скоро она не замѣчаетъ Земли, народа.

—

ПО ПОВОДУ VIII ТОМА

ИСТОРІИ РОССІИ, Г. СОЛОВЬЕВА (1).

VIII-й томъ Исторіи Россіи почтеннаго профессора заключаетъ въ себѣ едва ли не самую знаменательную эпоху въ Русской Исторіи: онъ содержитъ въ себѣ царствованіе Бориса, царствованіе Шуйскаго, Самозванцевъ, и Междуцарствіе.

VIII-й томъ имѣетъ тѣ же общіе недостатки историческаго изложенія и слога, но гораздо менѣе, чѣмъ предшествующіе, уже разобранные нами, два тома; останавливаться на нихъ мы не считаемъ нужнымъ, ибо въ критикахъ нашихъ на VI и VII томы недостатки эти были разобраны подробно. Въ этомъ VIII-мъ томѣ самая быстрота событій заставляла автора вести послѣдовательный разсказъ, совокупляя, сосредоточивая въ немъ разнообразныя явленія: отъ чего разсказъ живъ и изобразителенъ. Мы укажемъ теперь же лишь на нѣкоторыя странности слога и, впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ, на нѣкоторыя, какъ намъ кажется, историческія ошибки. За тѣмъ, мы обратимся къ самой эпохѣ, разсказанной авторомъ въ VIII томѣ, и выскажемъ наше мнѣніе. Надобно предварительно сказать, что упреки, нами сдѣланные VII тому, то есть: отрывочность и часто безпричинность выписокъ, а также недостатокъ выводовъ, отсутствіе, въ извлеченіяхъ, знаменательности явленій,—къ VIII тому нейдутъ. Изъ этого одного уже видно, какъ много выше VIII томъ предыдущихъ, что мы и спѣшимъ заявить съ искреннею радостію. Мы будемъ еще имѣть случай поговорить особо о достоинствахъ VIII тома.

---

(1) Напечатано въ Русской Бесѣдѣ 1860 г. т. I. Здѣсь помѣщается съ нѣкоторыми дополненіями. *Пр. изд.*

Начинаемъ, какъ сказали, съ указаній на нѣкоторые недостатки въ слогѣ; они не выступаютъ ярко наружу, но за то они падаютъ на внутреннее существо слога. Напримѣръ:

«Бѣда грозитъ молодому человѣку; онъ спасается отъ нея постриженіемъ, скитается изъ монастыря въ монастырь, попадаетъ наконецъ въ Чудовъ, и берется даже къ Іову патріарху для книжнаго письма. Но здѣсь рѣчи (чьи?) о возможности быть ему царемъ на Москвѣ навлекли на него новую бѣду» (стр. 86).

Слогъ разсказа и сжатъ, и вялъ, въ одно и то же время; какое отвлеченное и темное это выраженіе: «рѣчи о возможности быть ему царемъ на Москвѣ». И потомъ, чьи рѣчи?—Это могли говорить про Гришку Отрепьева и другіе.

Говоря о возстаніи народномъ, о той минутѣ, когда народъ ломился во дворецъ, авторъ выражется: «Стража оробѣла и позволила одному изъ заговорщиковъ ворваться въ царскую спальню и закричать Димитрію» (стр. 151). *Позволила* — точно будто: *дала позволеніе.*

«Выдавался онъ (Заруцкій) дѣйствительно предъ товарищами красотою, стройностію, отвагою» (стр. 193). — *Стройностію* — странно; вѣроятно: стройностію стана.

«Изъ полуторы тысячи Поляковъ и Донскихъ козаковъ, бывшихъ въ Іосифовѣ монастырѣ, осталось только 300 человѣкъ, потерявши все, и знамена; при этомъ бѣгствѣ, по признанію самихъ Поляковъ, большую помощь оказали имъ Донскіе козаки» (стр. 311). — Какую помощь при бѣгствѣ? Способствовали ли Донскіе козаки бѣгству Поляковъ, дали ли имъ, напримѣръ, великодушно лошадей своихъ,—или прикрывали ихъ отступленіе?...

Приводя мѣсто изъ окружной грамоты, г. Соловьевъ передаетъ его такъ: «Вспомните одно: только въ корню основаніе крѣпко будетъ, то и дерево неподвижно; если же корня не будетъ, то къ чему прилѣпиться?» (стр. 388). — Это выраженіе извѣстно читающему Русскому міру: оно находится, какъ эпиграфъ, на заглавномъ листѣ Русской Бесѣды, обращающейся къ своимъ соотечественникамъ съ словами древней народной окружной грамоты. Первая половина реченія странно передана почтеннымъ профессоромъ. Въ грамотѣ сказано: «только коренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно.» Г. профессоръ передаетъ: *только въ корню основаніе крѣпко будетъ;* это неясно, и можетъ

быть понимаемо различно. Между тѣмъ какъ смыслъ словъ очень простъ; его можно было бы буквально передать: *только корню основанье крѣпко*, или — если это кажется не совсѣмъ ясно — такимъ образомъ: *какъ только у корня основанье крѣпко, то*, и т. д.

«Послы едва могли уговорить ихъ (Смольянъ) на введеніе 200 человѣкъ» (стр. 403). *Уговорить на введеніе* — оборотъ отвлеченный, тяжелый и насильственный. Почему не: *уговорить ввести?*

Конечно, эти замѣчанія не важныя; но однако дѣло идетъ о Русскомъ языкѣ, *о Русскихъ писателяхъ, пишущихъ по Русски*. Отъ сочинителя Русской исторіи мы, кажется, всегда и вездѣ въ правѣ требовать не только Русскихъ словъ, но и Русскаго слога.

Теперь обратимся къ самой Исторіи.

Въ Русскомъ государствѣ, въ самомъ концѣ XVI вѣка, произошло явленіе, дотолѣ небывалое. Родъ, призванный народомъ изъ-за моря, чтобы государствовать въ Россіи, — прекратился. Родъ самый, если угодно, не прекратился: Рюриковичей было много, но они только происходили отъ Рюрика, а государями на Руси не были; они были князья, а въ Россіи на государствѣ былъ уже царь. Они звались именами городовъ, неся съ собою преданіе объ отдѣльныхъ княжествахъ, а въ Россіи уже не было отдѣльныхъ княжествъ, а было одно царство. Князья-Рюриковичи представляли историческое прошедшее, эпоху, лишенную живой современности, эпоху минувшую. Родъ, нѣкогда, въ 862 году, призванный государствовать, выработался въ родъ царей Московскихъ, и продолжался для Земли только въ этомъ родѣ. Остальные Рюриковичи слились уже со всѣми другими служилыми людьми. На кровь, на происхожденіе Русской народъ не обращалъ вниманія. Государской родъ былъ, для Русской земли,—только родъ царей Московскихъ. Онъ дорогъ былъ ей, какъ *естественное* преемство. Въ теченіе 700 лѣтъ, разъ призвавъ родъ Рюрика княжить и государствовать, Россія жила при государяхъ этого рода, обезпеченная съ этой стороны, не находясь въ затрудненіи, не вдаваясь въ хлопоты: кого сдѣлать государемъ. Государи шли по наслѣдству. Ссорились и сражались между собою, пока государствованіе еще распространялось на бо́льшую или меньшую совокупность Рюриковичей, — пока, такъ сказать, это право власти имѣло значеніе и въ пространствѣ, а не только во времени.

Но все же это былъ все тотъ же государской родъ, призванный Русскою Землею. Этотъ родъ, съужившаясь и стѣсняясь, вслѣдствіе историческаго хода, выработался, какъ мы уже сказали, въ родъ государей Московскихъ, и государствованіе получило значеніе лишь относительно времени. Изъ рода явилась династія; въ ней выражался, въ ней одной лишь, жизненно, дѣйствительно существовалъ Рюриковской родъ. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, Земля видѣла подлѣ себя, во главѣ государства, все тотъ же родъ, который былъ нѣкогда призванъ ею. — Вдругъ этотъ семисотлѣтній родъ прекращается. Земля увидала себя безъ государя, котораго нѣкогда сама она у себя поставила, и который велся у нея долго, и наконецъ перевелся. Сознавая, какъ въ 862 году, необходимость государства, Земля находилась почти въ томъ же положеніи, какъ и тогда. Но однако — при неподвижности главныхъ основъ — многое, если не въ нихъ, то на нихъ измѣнилось. Многочисленныя отдѣльныя княжества изчезли и замѣнились единымъ Государствомъ. Вмѣсто многихъ князей, явился одинъ царь. Земля была уже не множествомъ отдѣльныхъ, часто враждующихъ городовъ, или общинъ, связанныхъ лишь отвлеченною идеею единства, но огромнымъ цѣлымъ, всею Русскою Землею. Отдѣльныя вѣча перешли въ Земскій Соборъ. Теперь, когда государской родъ прекратился, когда въ то же время Земля, по прежнему, поняпая свое назначеніе высоко и не желая сама въ государство переходить, считала нужнымъ держать при себѣ государство, — что было дѣлать Землѣ? — Опять призывать изъ-за моря? Но (и въ этомъ разница отъ 862 года) это не была уже Земля, не извѣдавшая государства; напротивъ того: государство уже 700 лѣтъ находилось при Землѣ, не нарушая своихъ первоначальныхъ отношеній. Все государственное устройство было уже заведено, было тутъ, подлѣ, у себя дома. Недоставало только одного главнаго лица, чтобы машина государственная двинулась своимъ порядкомъ: недоставало государя. Но при государствѣ необходимо образовался разрядъ людей государственныхъ, людей *служилыхъ* (въ отличіе отъ людей *земскихъ*), изъ которыхъ, слѣдовательно, не ходя за море, можно было выбрать государя, безъ всякого нарушенія главнаго основанія, то есть: несмѣсимости Земли съ Государствомъ. И такъ, необходимо было *выбрать*, ибо, съ прекращеніемъ Московскаго рода, естествен-

ность преемства, столь уважаемая Землею, уже не существовала. Но кого же выбрать въ государи? Мы уже сказали, что родовое происхожденіе вообще, и, слѣдовательно, происхожденіе отъ Рюрика ничего не значило въ глазахъ народа и не давало никакихъ правъ. Здѣсь опять руководилась Русская земля *естественностью* выбора. Чего естественнѣе выбрать было человѣка, который и безъ того правилъ государствомъ, хотя и не былъ царемъ, и правленіемъ котораго были довольны? Вотъ простая причина избранія Годунова въ странѣ, которая мало обращаетъ вниманія на происхожденіе, на родовой вопросъ. Причина эта высказана современникомъ. Когда князь Пожарскій былъ въ Ярославлѣ, къ нему пришли туда послы отъ великаго Новгорода, князь Ѳедоръ Оболенскій съ товарищами. Оболенскій правилъ посольство къ Пожарскому, держалъ рѣчь, и въ рѣчи своей изложилъ вкратцѣ историческія событія той эпохи (1). Это изложеніе въ высшей степени замѣчательно; прекрасное само по себѣ, оно въ то же время обнаруживаетъ взглядъ современныхъ Русскихъ на обстоятельства и дѣйствія того времени. Въ этомъ изложеніи, князь Оболенскій говоритъ объ избраніи Годунова такъ: «И послѣ былъ выбранъ Борисъ Годуновъ, *по его, въ Россійскомъ государствѣ, правительствѣ*».—Эти слова, во всякомъ случаѣ очень важныя, можно понимать двояко: или они значатъ то, что Борисъ былъ выбранъ потому, *какъ* онъ правилъ (то есть, что онъ правилъ хорошо); или же, что Борисъ былъ выбранъ *по тому, что* онъ уже правилъ государствомъ. Этотъ второй смыслъ кажется намъ болѣе вѣроятнымъ, онъ подтверждаетъ слова наши о естественности выбора. При этомъ второмъ смыслѣ также заключается, если не положительная похвала, то одобреніе Борису. Если бъ его правленіе не нравилось Землѣ Русской, кто же бы ей тогда велѣлъ его выбирать? Вспомнимъ, что царствованіемъ Ѳеодора всѣ были довольны, а вѣдь правилъ Борисъ: это всѣ знали. Очевидно, что избраніе Бориса считалось законнымъ. Тотъ же Оболенскій, сказавъ, безъ всякого возраженія, объ избраніи Бориса, говоритъ о незаконности избранія Василія Шуйскаго (2).

(1) Смотри Акты Арх. Эксп. Т. I.

(2) „А на Московскомъ государствѣ учинился государемъ царь и великій князь

И такъ, избранный народною волею, Борисъ сѣлъ на престолѣ также твердо и надежно, какъ и наслѣдственные цари. — Но вдругъ пронесся слухъ, что родъ государской, избранный за семьсотъ лѣтъ, — не прекратился; что избраніе новаго царя было не нужно, ибо существовалъ естественный наслѣдникъ Ѳеодора. — Избраніе Бориса уничтожалось само собою, ибо онъ былъ избранъ въ томъ предположеніи, что у Московскихъ царей наслѣдника не осталось. Народъ не думалъ лишать Димитрія престола, не думалъ перемѣнять государскаго рода. Слѣдовательно Димитрій явился, имѣя на своей сторонѣ всю народную волю. И народъ всталъ за него, за свое рѣшеніе, имъ неизмѣненное, вслѣдствіе котораго долженъ былъ царствовать, по естественному преемству, имъ за 700 лѣтъ призванный, родъ государской. Вотъ почему не было и борьбы никакой, не могло быть и выбора между Борисомъ и Димитріемъ. Споръ могъ быть только въ томъ: истинный ли Димитрій это или ложный. Съ одной стороны была увѣренность, съ другой—недоумѣніе и сомнѣніе, легко уступавшія увѣренности, что это истинный Димитрій. Вотъ почему такъ плохо дрались войска Бориса съ войсками Лжедимитрія.—Народъ стоялъ за свое народное изволеніе: быть государемъ наслѣдственному преемнику, — а не за отвлеченное право наслѣдства, которое получало значеніе (по понятіямъ древней Россіи) только отъ народнаго изволенія. Это вполнѣ подтверждается словами нашихъ пословъ къ Полякамъ: «Хотя бъ былъ и прямой прирожденный государь царевичъ Димитрій, но если его на государство не похотѣли, то ему силою нельзя быть на государствѣ» (стр. 201).

Мнѣніе почтеннаго профессора о Борисѣ носитъ характеръ какого-то предубѣжденія, и, странно, предубѣжденія тревожнаго. Онъ преслѣдуетъ его, какъ личный врагъ, ловитъ его на словахъ, привязывается къ нему на каждомъ шагу. Напримѣръ:

«Но среди этихъ распоряженій новый царь занимался и тѣмъ, чтобъ щедростію и угощеніями привязать къ себѣ служилыхъ лю-

---

Василій Ивановичъ всея Русіи, по избранію не многихъ городовъ, а иные многіе украйные городы его себѣ государемъ не похотѣли", и пр.—Акты Арх. Экс. Т. I.

дей: пишутъ, что почти ежедневно бывали у него обѣды на 70,000 человѣкъ: «И подавалъ, говоритъ лѣтописецъ, ратнымъ людямъ и всякимъ въ Серпуховѣ жалованье и милость великую». Цѣль, по-видимому, была достигнута: «Они всѣ, видя отъ него милость, обрадовались, чаяли и впередъ себѣ отъ него такого же жалованья.» И такъ вотъ на чемъ основался союзъ Годунова съ служилыми людьми: они чаяли впередъ себѣ отъ него большаго жалованья!» (стр. 13).

Выводъ совсѣмъ не вѣренъ: тутъ нѣтъ и рѣчи «о союзѣ съ служилыми людьми»; тутъ просто сказано, что они обрадовались и чаяли и впередъ себѣ отъ Годунова такого же жалованья. — Откуда же слѣдуетъ, что на этомъ былъ основанъ союзъ Годунова съ служилыми людьми? Это могло быть сказано и о царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, и о всякомъ другомъ царѣ.

Авторъ, можно сказать, становится въ полемическое отношеніе къ Борису. Вотъ примѣръ:

«Годуновъ былъ избранъ голосомъ всей земли; народъ, стоя на колѣнахъ, съ воплемъ и слезами умолялъ его умилосердиться, принять престолъ: какого права нужно было послѣ того человѣку, хотя бы онъ былъ самаго низкаго происхожденія? Не было ли признакомъ крайняго мелкодушія тяготиться своимъ, относительно незнатнымъ, происхожденіемъ, подозрѣвать, что для другихъ это происхожденіе уменьшаетъ права, значеніе всенароднаго избранника? Не было ли признакомъ крайняго мелкодушія не умѣть скрыть этого подозрѣнія, обнаружить свою слабость, напомнить народу о томъ, о чемъ, вѣроятно, большая часть его не думала или забыла? Издано было соборное опредѣленіе объ избраніи Годунова въ цари. Въ немъ прежде всего прямо объявлено, что царь Иванъ Васильевичъ, умирая, вручилъ сына своего Ѳедора боярину Борису Ѳедоровичу съ такими словами: «Тебѣ предаю съ Богомъ этого сына моего, будь благопріятенъ ему до скончанія живота его, а по его смерти тебѣ приказываю и царство это.» И царь Ѳеодоръ, по приказу отца своего и по пріятельству, вручилъ царство Борису Ѳедоровичу. Далѣе патріархъ счелъ нужнымъ примѣрами изъ Священной и Римской исторіи показать, что восходили на царскій престолъ люди не отъ царскаго рода и не отъ великихъ сиклитъ, и, не смотря на то, большой славы достигали, ибо не на благородство зритъ Богъ,

но благовѣріе предъизбираетъ и душу благочестивую почитаетъ. Накопецъ, въ заключеніи говорится: «Да не скажетъ кто-нибудь: отлучимся отъ нихъ, потому что царя сами себѣ поставили; да не будетъ того, да не отлучаются, а если кто скажетъ такое слово, то не разуменъ есть и проклятъ». Страшное предположеніе возможности подобнаго слова послѣ столькихъ всенародныхъ слезъ и воплей!» (стр. 15—16).

Вотъ ужъ здѣсь, точно, *всякое лыко идетъ въ строку*, какъ говорится. Возражаемъ. — Начать съ того, что, при какихъ угодно искреннихъ слезахъ всенародныхъ, все могутъ найдтись люди, которые захотятъ затѣвать крамолы, даже противъ народной воли. А здѣсь такъ и сказано: «кто нибудь». — Потомъ. По Русскимъ понятіямъ, конечно, избраніе всѣмъ народомъ — есть полнѣйшее право на престолъ; и въ первыхъ словахъ соборнаго опредѣленія выражается, по нашему мнѣнію, не иное что, какъ намѣреніе объяснить естественность выбора, естественность народнаго назначенія Бориса въ царп. — Въ дальнѣйшихъ же, приводимыхъ г. Соловьевымъ, словахъ, высказывается взглядъ духовенства, взглядъ нѣсколько Византійскій, который (какъ мы уже не разъ замѣчали), въ тѣхъ случаяхъ, когда слышалось въ немъ Византійское преданіе, расходился врозь со взглядомъ народнымъ, — тотъ взглядъ духовенства, которому и въ этомъ случаѣ избраніе всенародное, вопреки Русскому воззрѣнію, могло казаться недостаточнымъ. Были ли точно всенародные вопли и слезы — это другой вопросъ. Но мы думаемъ (вслѣдствіе сказаннаго нами), что слова эти нисколько не заподозриваютъ этихъ всенародныхъ слезъ и воплей.

Далѣе:

...«Съ одной стороны видимъ въ актахъ, относящихся къ избранію Годунова, страшное злоупотребленіе въ извѣстіяхъ о всеобщей преданности, всеобщихъ вопляхъ и слезахъ при челобитьи, всеобщемъ восторгѣ при согласіи принять царство: и тутъ же встрѣчаемъ, въ совершенномъ противорѣчіи, сильную подозрительность со стороны человѣка, которому оказывается столько усердія. Одно изъ двухъ: или эта подозрительность, оскорбительная для усердствующихъ, обличала человѣка, недостойнаго такого усердія, или, если подозрительность была основательна, то безпрерывно повторяемыя извѣстія о всеобщемъ усердіи заключали

въ себѣ вопіющую ложь, средство страшное и недостойное. Мелкая подозрительность, неувѣренность въ самомъ себѣ высказалась и въ этомъ страхѣ предъ низостію происхожденія, страхѣ, недостойномъ человѣка, избраннаго всею землею, которая самимъ этимъ избраніемъ подняла его выше всѣхъ. Мелкодушіе Годунова, непониманіе своего положенія высказалось и въ этомъ явномъ стремленіи задаривать, заискивать себѣ расположеніе народное расточеніемъ милостей, небывалымъ при прежнихъ государяхъ, напримѣръ, въ этихъ пиршествахъ и подаркахъ ратнымъ людямъ, которые не видали непріятеля; Годуновъ не понималъ, что только тотъ можетъ пріобрѣсть прочное народное расположеніе, кто не ищетъ его, или, по крайней мѣрѣ, не показываетъ ни малѣйшаго вида, что ищетъ, не понималъ, что расточеніе милостей только уменьшаетъ ихъ цѣну, что милость, дарованная государемъ, по наслѣдству престолъ получившимъ, имѣетъ только значеніе милости, тогда какъ милость отъ царя избраннаго является въ видѣ платы за избраніе. Наконецъ, недостатокъ нравственнаго величія, умѣнья владѣть собою, не забыться при достиженіи желанной цѣли, всего разительнѣе оказался въ словахъ Годунова, произнесенныхъ при царскомъ вѣнчаніи: «Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка!» Какъ можно обрадоваться до такой степени, забыться отъ радости до такой степени, чтобъ торжественно связать себя подобнымъ обѣщаніемъ!» (стр. 17—18).

Почтенный профессоръ забываетъ, что при оффиціальныхъ актахъ, или лучше, при оффиціальномъ изложеніи дѣла, вступала въ свои права Византійская реторика, къ которой считало какъ бы обязанностью прибѣгать, въ извѣстныхъ случаяхъ, наше высшее духовенство, и отъ которой столько отличается старинное лѣтописное изложеніе, составленное, однако, духовными же лицами, но при другихъ условіяхъ. Эту оффиціальную реторику встрѣчаемъ мы въ актахъ, относящихся къ избранію Бориса Годунова. Это не оффиціальная ложь: это просто высокопарный слогъ, цвѣты краснорѣчія, сочувствія къ которымъ мы, конечно, не имѣемъ; ибо это все-таки ложь, хотя и реторическая, ибо это цвѣты поддѣльные, ради красоты слога. — Такою же оффиціальною реторикою сильно пропитана лѣтопись Авраамія Палицына. А здѣсь нѣтъ Годунова, ради котораго, по мнѣнію г. Соловьева, являлась эта

оффиціальная ложь.—Г. профессоръ говоритъ, что «милость, дарованная государемъ, по наслѣдству престолъ получившимъ, имѣетъ только значеніе милости, тогда какъ милость отъ царя избраннаго является въ видѣ платы за избраніе.» Странныя слова! Слова, обидныя для народа. Развѣ можно купить народное избраніе, *народное*, гдѣ *всѣ* имѣютъ право голоса? Неужели весь народъ можетъ быть продажнымъ? — Къ тому же, если принять слова почтеннаго профессора, то царь избранный не можетъ уже и оказывать милости, а только царь наслѣдственный.

Мы выписали не всѣ мѣста, въ которыхъ г. Соловьевъ нападаетъ на Бориса, но довольно и приведенныхъ нами.—Не составляютъ ли же противорѣчія слѣдующія строки:

«Для большинства народонаселенія въ Московскомъ Государствѣ Борисъ и на престолѣ оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Ѳеодорѣ. Мужъ чудный и сладкорѣчивый продолжалъ устроивать въ Русскомъ Государствѣ много достохвальныхъ вещей, по прежнему ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбои, воровство, корчемства, былъ свѣтлодушенъ, милостивъ, пищелюбивъ. Ради такихъ строеній всенародныхъ, Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ всѣмъ любезенъ, Россія цвѣла всѣми благами. А не смотря на то, онъ палъ, потому что, говорятъ Русскіе современники, навелъ онъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей Русской земли.»

«Годуновъ, любимый большинствомъ, палъ вслѣдствіе негодованія меньшинства, чиноначальниковъ Русской земли. Такъ говорятъ современники, иностранцы и Русскіе, и послѣ повѣрки ихъ объясненія, мы не можемъ не согласиться съ ними» (стр. 60).

Далѣе г. авторъ опять нападаетъ на Годунова. Но какъ бы ни могла развиться послѣ дурная сторона въ Борисѣ, — въ первые годы царствованія, по признанію самого автора (см. выписку), Борисъ отличался высокими качествами и *былъ всѣмъ любезенъ*.— А это, кажется, противорѣчитъ мнѣнію автора о Борисѣ, высказанному въ началѣ и представленному нами отчасти, въ нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ выпискахъ.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго профессора о Борисѣ.

Призванный судьбою на престолъ въ ту минуту, когда Россія только еще избавилась отъ стѣснявшихъ ее внѣшнихъ враговъ,

когда она сломила самый сильный и тяжелый для нея остатокъ Татарскаго ига: царство Казанское, съ которымъ связана была двухсотлѣтняя зависимость, когда еще въ южныхъ степяхъ ея бродили Азіятскія племена, безсильныя подчинить и покорить, но довольно сильныя, чтобы истреблять и грабить, когда борьба съ внѣшними врагами приняла однако болѣе спокойный видъ, уже какъ борьба могущественнаго Государства съ сосѣдними Государствами, или съ кидающимися на него, хищными и дикими племенами, способными лишь вредить, но не побѣдить, — Борисъ обратилъ вниманіе на внутреннее состояніе Россіи, на мирное братское общеніе съ другими странами. До Татарскаго ига, Россія, всегда любившая дѣятельность духовную, не уступала въ просвѣщеніи окружнымъ странамъ. Татары, грузно навалившись на Русь, отгородили ее отъ другихъ народовъ. Византія, съ которою сношенія кой-какъ еще продолжались, — пала. Воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ Россіи, Литва отхватила южную ея половину, соединилась съ Польшей, а Польша, враждебная не менѣе Татаръ, еще болѣе отдѣлила Россію отъ остальнаго міра. — Русской народъ никогда не хотѣлъ самъ отгораживать себя отъ другихъ народовъ. Это не Славянская, не христіанская идея. Напротивъ: общеніе—вотъ живой элементъ Русскаго народа. И какъ можетъ не быть потребности *общенія* тамъ, гдѣ основное начало — *община!*... Но наши близорукіе историки — обстоятельства, факты принимаютъ за принципъ, за свойство самого народа. Это все равно, какъ если бы сказать про плѣнника, заключеннаго въ тюрьмѣ, что у него сильная охота сидѣть запершись, и что онъ ни на кого изъ людей и смотрѣть не хочетъ. Кажется просто, а попробуйте, растолкуйте это тѣмъ, которые или не хотятъ, или не въ состояніи понять, что сидѣть взаперти еще не значитъ имѣть желаніе сидѣть взаперти. — Сколько разъ обвиняли древнюю Русь въ какомъ-то небываломъ одичаніи, въ ненависти къ иностранцамъ, въ наклонности чуждаться другихъ народовъ, въ страхѣ просвѣщенія. Исторія доказываетъ намъ противное, доказываетъ, что не Русь чуждалась просвѣщенія, не Русь отворачивалась отъ Западной Европы: нѣтъ, она силилась заводить съ нею сношенія, она, оставаясь вполнѣ самостоятельною народностью, просила того общечеловѣческаго достоянія, тѣхъ плодовъ науки, которые успѣли созрѣть, въ ея отсутствіе, на За-

падѣ, на его народностяхъ. Но какъ отвѣчала на это Западная Европа? — Едва стала рѣдѣть, лежавшая рядомъ съ нею, густая, тяжелая мгла Татарская, и изъ этой мглы выглянулъ бодрый и крѣпкой, новый какой-то народъ, съ какими-то своими понятіями и начáлами, и едва этотъ народъ обратился къ Европѣ съ просьбою подѣлиться съ нимъ просвѣщеніемъ, какъ, проникнутая враждебностью, Европа не только не дала ему своего просвѣщенія, но приняла строгія мѣры, чтобы просвѣщеніе не проникло въ Русь какъ-нибудь случайнымъ образомъ черезъ частныхъ людей. Г. Соловьевъ, съ полною добросовѣстностію историка, выставилъ эти факты въ своей исторіи.

Но, желая просвѣщенія, чѣмъ же разнилась древняя Русь отъ Руси новѣйшей, Петровской, отъ тѣхъ наконецъ, которые съ самодовольной гордостью, съ какою-то торжественностью, громко заявляя, что они — за просвѣщеніе (какъ будто можно быть противъ просвѣщенія?), упрекаютъ нашу древнюю Русь въ пристрастіи къ невѣжеству, въ обскурантизмѣ? О, разница есть, и разница огромная. — Древняя Русь, желая просвѣщенія, готова взять плоды его, откуда бы то ни было (а не только отъ Запада), оставалась и хотѣла остаться сама собою, хотѣла усвоить себѣ просвѣщеніе самостоятельно, свободно, не переходя въ рабство, въ подобострастную подражательность, съ голосу, безъ разсужденія. Первое, то есть: усвоеніе *самостоятельное* чужихъ успѣховъ и знаній — несравненно тяжеле, ибо требуетъ труда, требуетъ самобытной дѣятельности мысли, требуетъ собственной духовной работы; это усвоеніе сознательное, разумное и критическое. Второе, то есть: подражаніе рабское, безусловное, — несравненно легче, трудъ, самый не трудный и пріятный для тѣхъ, кому самостоятельность не подъ силу. Путемъ такого-то подражанія, или перениманья, путемъ безплоднымъ, пошла Русь Петровская, и шла полтораста лѣтъ. Но требованіе самостоятельности, давно начинавшее проявляться, громко заявило себя въ наше время въ цѣломъ опредѣлившемся направленіи.

Такимъ образомъ, стремленіе (и притомъ истинное) къ просвѣщенію, къ сближенію (и притомъ самостоятельному) съ Западною Европою, было и до Петра. Отсюда, совершенно вѣрно, выходитъ такое заключеніе, что все, что было истиннаго въ дѣ-

лахъ и реформѣ Петра—принадлежитъ не ему; а все остальное—принадлежитъ ему.

Возвратимся къ предмету.

И такъ, какъ только Россіи стало, такъ сказать, досужно, — такъ она сейчасъ подумала о просвѣщеніи, о наукѣ, о томъ подвигѣ разума, которымъ подвизалась она на собственномъ пути и собственными силами, и который, если не былъ прерванъ, то былъ затрудненъ и замедленъ внѣшними обстоятельствами. Эту потребность ученія, просвѣщенія,—живо понималъ Борисъ. Зная, конечно, что самое дѣло просвѣщенія и мысли человѣческой есть дѣло свободное общества, а не дѣло законное правительства, — онъ понималъ, что правительство обязано дать всѣ средства для этого дѣла. Конечно, и самъ Государь, и всякое правительственное лицо можетъ участвовать въ общественномъ дѣлѣ свободной мысли и жизни, но уже не какъ Государь, не какъ лицо правительственное, а какъ членъ общества. Въ Борисѣ видимъ мы это стремленіе къ просвѣщенію, и не одно правительственное, но личное, которое, разумѣется, отразилось бы и на правительственныхъ его дѣйствіяхъ. Въ сынѣ своемъ готовилъ онъ просвѣщеннаго Государя. Первая карта Россіи нарисована именно этимъ, нѣжно любимымъ сыномъ, наслѣдникомъ недавняго царскаго престола, царевичемъ Ѳеодоромъ, о которомъ сохранились только самыя лучшія извѣстія. Есть свидѣтельство, что царь хотѣлъ завести университетъ. — Занимаясь преимущественно дѣлами внутренними Государства, Борисъ устранялъ въ законодательствѣ то, что могло быть обидно для людей незнатныхъ, для сословій низшихъ.—На Бориса падаетъ обвиненіе въ томъ, что онъ образовалъ въ Россіи крѣпостное состояніе — обвиненіе тяжкое. Мы высказали нашу мысль о томъ, въ разборѣ нашемъ Бѣлевской Библіотеки, въ Бесѣдѣ, (1) подкрѣпляя ее свидѣтельствами нашей старины. Считаемъ здѣсь неумѣстнымъ вновь излагать нашу мысль и повторять уже приведенныя нами доказательства, или предъявлять новыя: что надѣемся сдѣлать со временемъ. Скажемъ здѣсь только сущность нашей мысли о томъ, въ чемъ состояло знаменитое прикрѣпленіе къ землѣ.—До Бориса Годунова, крестьяне, рядясь на пашню за помѣщика, вотчинника, или за кого бы то

(1) См. ниже, во 2 отдѣлѣ этого тома.— *Пр. изд.*

ни было, рядились на годъ, на пять, на десять, даже на двадцать лѣтъ. Такой срокъ обыкновенно сопровождался льготами; послѣ истеченія его—льготы прекращались. Это обстоятельство уже само по себѣ показываетъ, что не было такъ сильно бродяжничество крестьянъ до Бориса Годунова, какъ иные можетъ быть предполагаютъ. Вся разница въ состояніи крестьянъ до прикрѣпленія и послѣ прикрѣпленія состояла въ томъ, что до прикрѣпленія, рядясь на годъ, на десять, на двадцать лѣтъ и на неопредѣленный срокъ, они, до срока (какъ скоро онъ былъ обозначенъ), или просто нарушая договоръ (какъ скоро рядились безсрочно), выходя, или собственно *выбѣгая* изъ-за помѣщика, обыкновенно расплачивались деньгами, возвращали ссуду, платили, такъ сказать, неустойку, что обозначалось и въ договорахъ ихъ. Послѣ прикрѣпленія было положено: не расплачиваться деньгами за неисполненіе договора, но непремѣнно исполнять договоръ, такъ что означенный въ договорѣ срокъ, крестьянинъ обязанъ былъ выжить; и если онъ, не доживъ означеннаго срока, выбѣгалъ изъ-за помѣщика, то его возвращали къ нему силою. *Такихъ* бѣглыхъ крестьянъ помѣщику предоставлялось отыскивать. — Дѣло, при такомъ постановленіи, уничтожающемъ неустойку договора, конечно, получало особый смыслъ въ томъ случаѣ, когда договоръ былъ на безсрочное время. Но тѣмъ не менѣе самое прикрѣпленіе, по нашему мнѣнію, не шло далѣе. Переходъ же крестьянъ, въ законныхъ его предѣлахъ, существовалъ до самого Петра. Г. Погодинъ, въ прекрасной статьѣ своей объ этомъ же вопросѣ, совсѣмъ не признаетъ прикрѣпленія; наша мысль разнится немного отъ его мысли.

Время Бориса—это былъ первый, такъ сказать, досугъ Россіи, послѣ 1224 года, послѣ долгаго томительнаго времени Татарскаго тяготѣнія. И въ это время досуга случился на престолѣ и досужій царь. Съ одной стороны, общеніе съ Европою, и особенно съ Англіею, сильно было имъ поддерживаемо; съ другой стороны, онъ велъ сношенія съ отдаленнымъ Востокомъ, и строилъ крѣпости въ Дагестанѣ. Нельзя, думаемъ, послѣ этого, обвинять его въ мелкости помысловъ. Казалось, при умномъ царѣ Борисѣ должно было двинуться дѣло знанія и вообще просвѣщенія въ Россіи. Но надъ этимъ царемъ висѣло черной тучей грозное подозрѣніе народное — и наконецъ изъ тучи сверкнула молнія, и

грянулъ громъ. Настала буря, за ней другая, — и пошли бури одна за другой.

Подозрѣніе народа — вотъ единственный источникъ и предвѣстіе Самозванства въ Россіи, какъ прежде, такъ и послѣ. Самозванецъ не самъ, такъ сказать, явился:. онъ былъ вызванъ народнымъ подозрѣніемъ. Народъ, предполагая, что Борисъ совершилъ, или могъ совершить злодѣйство,—и гдѣ же?—на историческомъ пути, на пути народной воли,—что онъ втерся обманомъ на престолъ Русской, — народъ былъ оскорбленъ въ нравственномъ своемъ чувствѣ. А такое историческое оскорбленіе народнаго нравственнаго чувства никогда не проходитъ даромъ. Удовлетвореніе этого оскорбленія выражается также на историческомъ пути, въ историческихъ проявленіяхъ. Въ исторіи, въ такія минуты, являются призраки, привидѣнія. Народное правосудное мщеніе вызываетъ тѣни погибшихъ. Обманъ облекается страшною дѣйствительностью. Тѣни — льютъ кровь и истребляютъ людей. Такая-то эпоха наступила тогда въ Россіи. — Самозванство вовсе не было дерзкою мыслью, пришедшею въ голову одному лицу. Нѣтъ, это была мысль народная, и смѣлость состояла въ томъ, чтобъ воплотить въ себѣ эту мысль. Убѣжденіе, что Димитрій живъ, родилось, безъ сомнѣнія, прежде, чѣмъ нашелся Лжедимитрій. Вообще надобно замѣтить, что, семьсотъ лѣтъ непрерывно продолжавшійся и наконецъ прекратившійся, царственный родъ не вдругъ оставилъ Россію, но продолжался еще въ призракахъ, въ привидѣніяхъ: привидѣнія вели войну, царствовали и волновали всю Землю.

Были ли бы вызваны привидѣнія, если бъ, во первыхъ, не существовало мнѣнія, что Димитрій былъ убитъ, и во вторыхъ, если бъ были вполнѣ довольны Борисомъ? Это вопросъ, на который, кажется, можно положительно отвѣчать, что безъ этихъ условій Самозванецъ бы не явился.

Можемъ думать, что весь народъ благоволилъ къ Борису, но смущался подозрѣніемъ въ злодѣйствѣ. Враждебны Годунову были только верхніе, боярскіе слои; но вѣроятно они, сами по себѣ, ничего не могли бы ему сдѣлать. А сломилъ Бориса призракъ, вызванный народнымъ подозрѣніемъ.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что лицо Бориса, по нашему мнѣнію, не должно внушать тѣхъ раздраженій и негодованій, ка-

кія внушаетъ оно нѣкоторымъ. Борисъ, по нашему мнѣнію (г. Погодинъ, кажется, прежде всѣхъ это доказывалъ; мы тоже, съ своей стороны, доказывали это въ Русск. Бесѣдѣ), Борисъ невиненъ въ злодѣйствѣ, которое ему приписываютъ,—и это главное. Онъ имѣлъ свои недостатки, былъ подозрителенъ, преслѣдовалъ подозрѣваемыхъ, но недостатки эти изчезаютъ передъ его высокими достоинствами.—Бываетъ историческая напраслина, историческая несправедливость: она постигла Бориса. Историческая несправедливость эта имѣетъ свою правду, современную, преходящую. А между тѣмъ она все же несправедливость, и такою долженъ явить ее историкъ, свободный отъ страсти мимолетущей минуты. Историческій путь исполненъ крайностей и односторонностей; только въ общемъ созерцаніи, только впослѣдствіи является этотъ путь во всей своей истинѣ, свободный отъ своей *временности*. Поставленный на историческомъ пути, на одномъ изъ крутыхъ его поворотовъ, умный, строгій, дѣятельный Борисъ понесъ на себѣ всѣ слѣдствія такого положенія своего, понесъ на себѣ историческое подозрѣніе и историческую клевету — плоды тогдашней преходящей минуты. Сдѣлавъ добро, какое могъ, и желавъ сдѣлать еще болѣе, чего не успѣлъ сдѣлать, Борисъ палъ, сшибенный съ ногъ потокомъ событій, и увлекъ за собою все свое прекрасное семейство: и просвѣщеннаго, высоко-нравственнаго сына, и дочь, и жену.—Въ заключеніе скажемъ о Борисѣ словами современника его, Сергія Кубасова: «Мужъ зѣло чюденъ и сладкорѣчивъ, вельми благовѣренъ и нищелюбивъ, и строителенъ вельми о державѣ своей, и многое попеченіе имѣя, и много дивное отъ себе творяше».

Противъ Бориса выступилъ призракъ, выступила тѣнь, и побѣдила. Кто же былъ тотъ, который принялъ имя этой тѣни? Кто же сосредоточилъ на себѣ столько вѣрованій, сомнѣній, отрицаній, столько суевѣрія? Что за лицо Лжедимитрій?

Г. Соловьевъ, сказавъ справедливо, что Самозванецъ не могъ быть истиннымъ Димитріемъ, высказываетъ весьма замѣчательную и, какъ намъ кажется, глубоко вѣрную мысль, именно: что Самозванецъ не былъ обманщикомъ, но самъ былъ убѣжденъ, что онъ истинный Димитрій. Эта мысль, такъ объясняющая всѣ дѣйствія Самозванца, была, впрочемъ, уже высказана прежде, и даже давно. Эта мысль принадлежитъ геніальному мыслителю и вели-

кому поэту—Шиллеру. Онъ началъ писать драматическое произведеніе: Лжедимитрій, отъ котораго осталось нѣсколько сценъ, и планъ. Тамъ выводитъ онъ Самозванца, какъ искренно убѣжденнаго, что онъ Димитрій. — Отдавая Шиллеру честь этой мысли, мы должны, однако, прибавить, что у него Самозванецъ не сохраняетъ этого убѣжденія; на половинѣ дороги, среди успѣховъ, въ виду приближающагося торжества, онъ вдругъ узнаетъ, что онъ не Димитрій, — и здѣсь драматическое положеніе достигаетъ высшей точки; но оно противорѣчитъ уже исторіи. Мы согласны съ мнѣніемъ г. Соловьева, что это убѣжденіе не оставляло Димитрія до послѣдней минуты, и, повторяемъ, мнѣніе это одно объясняетъ, одно согласуется съ характеромъ и дѣйствіями Лжедимитрія. Вопросы о томъ, кто внушилъ ему эту мысль—вопросы второстепенные. Авторъ думаетъ, что онъ былъ подставленъ боярами, не безъ участія Сапѣги и іезуитовъ. Правда, издалека, составляемый ковъ согласуется гораздо болѣе съ характеромъ іезуитовъ, чѣмъ Московскихъ бояръ; но дѣло могло слѣлаться другимъ образомъ: быть можетъ, ковъ не велся издалека, не съ дѣтства внушаемо было мальчику, что онъ царевичъ Димитрій; а просто, когда созрѣла мысль о появленіи Димитрія на свѣтъ, тогда нашли человѣка, пылкаго, легковѣрнаго, вѣтренаго и беззаботнаго, и безъ труда могли увѣрить его, какъ бы *открывъ ему тайну*, что онъ царевичъ Димитрій (1). Это могло быть

(1) Противъ этого мнѣнія возражаютъ: Димитрію, когда онъ погибъ насильственною смертію, было семь лѣтъ. А въ эти годы ребенокъ хорошо уже помнитъ все происходящее.—Такъ. Но легковѣрный и вѣтреный юноша повѣритъ легко такому лестному для него увѣренію, что онъ царевичъ Димитрій, и не станетъ соображать: могъ ли онъ помнить, или не могъ, всѣ событія и спасеніе свое. И мало ли можно было тутъ наговорить объясненій для большаго удостовѣренія: и долгая болѣзнь, и безпамятство, и пр. и пр. А съ другой стороны, въ природѣ человѣческой—легко увѣрить себя въ томъ, чему желаешь вѣрить, даже въ совершенно несбыточномъ, и съ какою хитростію и ловкостію найдетъ человѣкъ всѣ нужныя для того объясненія, желая повѣрить, или предварительно сильно повѣривъ,—объясненія, для кого они нужны: а есть характеры, въ нихъ совершенно не нуждающіеся, характеры легковѣрные, почти безъ вопроса вѣрящіе несбыточному. Къ такимъ характерамъ принадлежалъ Самозванецъ.—Еще замѣчаніе: будь Самозванецъ—истинный Димитрій, или будь онъ обманщикъ сознательный,—въ первомъ случаѣ невольно, во второмъ намѣренно, онъ бы разсказывалъ именно о своемъ спасеніи, о первомъ этомъ времени, со всѣми подробностями. Но этого мы не видимъ. Напротивъ, Самозванецъ не говоритъ о томъ, чего не знаетъ; и это незнаніе ни мало не смущаетъ его без-

устроено не за-долго до появленія Димитрія на поприще исторіи, именно около того времени, когда Самозванецъ бѣжалъ изъ Россіи въ Польшу.—Съ такимъ небольшимъ измѣненіемъ принимаемъ мы мысль г. Соловьева о томъ, кѣмъ было внушено Самозванцу, что онъ истинный Димитрій. Скажемъ мимоходомъ, что Самозванецъ первый послалъ на Русскомъ престолѣ титулъ императора.

Г. Соловьевъ думаетъ, что возстаніе противъ Лжедимитрія не было дѣломъ народнымъ, а было скономъ, заговоромъ, было дѣломъ партіи. Это не было дѣломъ всей Россіи — это такъ: Россія и не могла вся принимать въ этомъ участіе, ибо не предъ ея лицомъ совершались ежедневныя невыносимыя безчинства, умножавшіяся съ каждымъ днемъ. Понятно, что, для свержения Лжедимитрія, Москва не могла, и нечего ей было, сноситься съ Россіею. Это вѣдь не было дѣломъ спокойнаго обсужденія, какъ избраніе, или даже сведеніе съ престола. Вспомнимъ, что нераздѣльно съ Димитріемъ были связаны Поляки, оскорблявшіе, унижавшіе народъ; дѣло принимало уже народно-враждебный оттѣнокъ. Задача разрѣшилась просто: въ Москвѣ былъ врагъ, — ей и должно было ударить на него. Москва такъ и сдѣлала. — Но теперь вопросъ: было ли низверженіе Самозванца дѣломъ всей Москвы? Г. Соловьевъ думаетъ, что не всей, что многіе были за Лжедимитрія. Не можемъ принять такъ положительно его мнѣнія. Совершенно справедливо оно въ томъ отношеніи, что далеко не всѣ были убѣждены, что Димитрій — обманщикъ, что иные думали, что онъ истинный Димитрій, иные думали противное, а большая часть сомнѣвались и колебались. Но никто не сомнѣвался въ то же время въ томъ, что надъ Русскою вѣрою ругаются, что Поляки оскорбляютъ народъ и распоряжаются въ Москвѣ,

---

заботной и легкомысленной увѣренности въ томъ, что онъ истинный Димитрій. Его незнаніе этого перваго времени спасенія или ему объяснили, или самъ онъ себѣ объяснилъ, или даже вовсе не объяснили ему; но его это не тревожитъ: да и какъ тревожить при полной его увѣренности, что онъ истинный Димитрій?—Не станетъ же онъ себѣ объяснять, что онъ—онъ, какія бы сомнѣнія ни возникали противъ этого, и какъ бы правдоподобно противъ этого ни возражали. Просимъ не забывать, что такая увѣренность возможна, при легкомъ, вѣтреномъ, беззаботномъ и довѣрчивомъ характерѣ Лжедимитрія, столь выдающемся въ исторіи, и столь извѣстномъ.

какъ дома, что царь пляшетъ по иностранной дудкѣ, что некрещеная Марина вѣнчается царицею въ Успенскомъ соборѣ. Въ этомъ — можно надѣяться — не было разномыслія, не было несогласія. И согласіе, и сочувствіе было въ этомъ отношеніи — безъ сомнѣнія, общее. Но, конечно, *невозможно* было Москвѣ, въ присутствіи Польскихъ дружинъ, спокойно совѣщаться—свергнуть Лжедимитрія или нѣтъ, и какъ свергнуть. Сочувствовали дѣлу (такъ можно было предполагать) всѣ; совѣщались и сговаривались не всѣ. Въ минуту исполненія самого замысла, совѣщавшіеся не были вполнѣ увѣрены въ остальныхъ, а потому, на всякой случай, и было объявлено остальнымъ: Литва бьетъ Царя. Это была мѣра, заранѣе разсчитанная на самую минуту возстанія, мѣра предосторожности, принятая на всякой случай. Если бъ здѣсь было нешуточное убѣжденіе, что въ такомъ духѣ пастроена часть народа, то такіе слухи разсѣвали бы заранѣе, а мы знаемъ, что разсѣвали слухи о избіеніи бояръ, но не Царя. А эти предохранительныя, на всякой случай, слова были сказапы въ самую минуту возстанія. — Далѣе: нигдѣ, въ народонаселеніи Московскомъ, не выразилось протеста въ пользу Самозванца, протеста, который бы непремѣнно выразился тутъ же, если бъ приверженные къ нему люди увидали, что, вмѣсто того, чтобъ защищать Царя, ихъ позвали бить его. Одни стрѣльцы приняли сторону Лжедимитрія, не вѣря, что онъ обманщикъ; по любви къ нему, безусловной; и они не выказали, хотя онъ имъ и большія награды сулилъ. Наконецъ, нигдѣ нѣтъ никакого свидѣтельства, ни въ лѣтописяхъ, ни въ грамотахъ и ни въ какихъ письменныхъ нашихъ актахъ, чтобы сверженіе Димитрія было дѣломъ партіи, а не всего народа. Мы еще болѣе утверждаемся въ нашемъ мнѣніи потому, что непосредственно съ сверженіемъ Димитрія связывается дѣло, которое было точно дѣломъ партіи, которое, за то, несомнѣнно такимъ и является, и оттѣняется ярко.—Ради избранія въ Царя на вакантный престолъ — и можно, и должно было созвать Земскій Соборъ, для того, чтобы это избраніе было дѣломъ законнымъ. Это дѣло можно и должно было, и обдумать, и обсудить всею Землею. Никакого Собора, не только Земскаго, но и Московскаго, созвано не было, а потому Василій Шуйскій вступилъ на престолъ, точно, не по волѣ народной. Такимъ образомъ, избраніе Шуйскаго было дѣломъ партіи: но за то объ этомъ

такъ и говорится въ нашихъ актахъ, на это мы и имѣемъ прямыя свидѣтельства. Князь Ѳедоръ Оболенскій, въ рѣчи своей къ Пожарскому, излагая вкратцѣ исторію послѣднихъ лѣтъ, и сказавъ о Годуновѣ, что «всѣ единомышленно всею Землею избрали Бориса», прямо замѣчаетъ о Шуйскомъ, что Шуйскій выбранъ не многими городами; но тотъ же Оболенскій, безъ всякого замѣчанія и возраженія, разсказываетъ, какъ всенародное дѣло, сверженіе, и даже убіеніе Самозванца. Вотъ собственныя слова Оболенскаго: «И вы всѣ, бояре и воеводы, и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства, узнавъ его вора, злой смерти предали, а на Московскомъ Государствѣ учинился Государемъ царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи, по избранію немногихъ городовъ, а иные многіе украйные городы его себѣ Государемъ не похотѣли, и въ послушаніи быти не почали, а учали себѣ избирать воровскихъ царевичей, Петрушку, и иныхъ, и тѣми имяны Московскому Государству много зла учинили». Слова Оболенскаго, кажется намъ, окончательно рѣшаютъ вопросъ. Дѣло сверженія Самозванца, хотя ему не предшествовало (да по обстановкѣ той минуты и не могло предшествовать) общаго совѣщанія,—было дѣломъ общенароднымъ, а не дѣломъ партіи. Избраніе же Шуйскаго на престолъ было точно дѣломъ партіи (1).

Скажемъ кстати, что эта рѣчь Оболенскаго имѣетъ, по нашему мнѣнію, высшую историческую важность: это слова, изустныя слова современнаго человѣка, о тогдашнемъ времени, о тогдашнихъ историческихъ событіяхъ; въ нихъ выражается взглядъ тогдашнихъ Русскихъ на эти событія и вмѣстѣ съ этимъ — истинный смыслъ этихъ событій. Надо вникнуть въ эти драгоцѣнныя слова, и изъ нихъ извлечь можно много. Какъ хорошо выраженіе Оболенскаго объ этомъ множествѣ Самозванцевъ, которыхъ попали себѣ выбирать разные города. «И тѣми имяны, говоритъ Оболенскій, Московскому Государству много зла учинили». Точно: *имяны*. Это были *имена*, которыя мутили и дѣйствовали. Въ этомъ выраженіи схва-

(1) На это, кажется, указалъ прежде всѣхъ А. С. Хомяковъ, въ своей трагедіи Димитрій Самозванецъ. Скопинъ говоритъ тамъ, услыхавъ, что провозглашаютъ Шуйскаго:

„Что это?
Безъ выбора, безъ Земскаго Собора?“

чена вся отвлеченность самозванства, и вмѣстѣ вся та дѣйствительность, какую можетъ имѣть эта отвлеченность.

Г. Соловьевъ не посвящаетъ въ своей Исторіи особыхъ строкъ характеристикѣ Лжедимитрія; но онъ довольно явственно выступаетъ изъ его разсказа. Это былъ человѣкъ легкомысленный, храбрый, увлекающійся и увлекающій, одаренный быстротою ума и способностію слова. Добро и зло поглощались въ немъ какой-то безнравственной легкостью, которая способна на самое ужасное безчеловѣчное дѣло (таковы его отношенія къ несчастной Ксеніи Годуновой), и которая притомъ еще не лишена даже наивности и какого-то простодушія. Все это вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ, столько же возмутительно, какъ и разсчитанная серьезная безнравственность.—Таковъ былъ, кажется, Лжедимитрій. Эта легкость, вѣтренность характера — вовсе не въ Русскомъ духѣ, и не должны были понравиться степенному взгляду древней Руси на человѣка; но храбрость, простодушіе, беззаботность, довѣрчивость — находятъ вездѣ сочувствіе, и потому Самозванецъ встрѣтилъ его въ Россіи, пока не пошелъ на перекоръ ея духу, пока не вздумалъ ее подчинить прихоти Польской. Усидѣть на престолѣ онъ не могъ. Ужиться ему съ Россіею было невозможно. Паденіе его могло случиться скоро и должно было случиться непремѣнно. Едва ли не первый выставилъ вѣрно всю поэтическую сторону характера Лжедимитрія—А. С. Хомяковъ, въ своей трагедіи: Димитрій Самозванецъ. Характеръ Лжедимитрія схваченъ тамъ очень вѣрно; мы бы присоединили еще беззаботную возможность худаго и добраго, и какое-то легкомысліе зла, — черта, входящая, кажется намъ, въ характеръ Лжедимитрія.

Убитъ былъ Самозванецъ, но не убита была тѣнь: она ускользнула, какъ призракъ, отъ мечей и пуль, оставила, на то время, Москву, и понеслась въ украйные города, гдѣ впервые и появилась.

На царскій престолъ взошелъ князь Шуйскій. Онъ не былъ избранъ, но въ окружныхъ грамотахъ, касающихся до вступленія Шуйскаго, говорится объ избраніи. Объ избраніи нельзя было не упомянуть, нельзя было не указать на это право, — и объ немъ упоминается. Со всѣмъ тѣмъ, объ избраніи, какъ объ неизбѣжномъ условіи, говорится по необходимости, какъ бы мимоходомъ. Князь Шуйскій указываетъ на другія права: онъ указываетъ на

происхожденіе свое отъ Рюрика; онъ вновь указываетъ на цѣлый государскій родъ, давно, въ понятіи народномъ, устраненный выработавшеюся изъ этого рода, Московскою династіею, давно потерявшій въ глазахъ народа свое царственное значеніе, но за то, какъ видно, неотступно присутствующій въ мысляхъ князей-Рюриковичей, и постоянно сохраняющій, въ глазахъ ихъ, всю свою вѣнценосную силу. — Замѣчательно, какъ духъ княжихъ временъ оживаетъ въ грамотахъ Шуйскаго, какъ помнитъ всѣ старыя преданія удѣльный князь, какъ вѣренъ онъ этимъ преданіямъ, и какъ перепоситъ онъ ихъ на царскій престолъ Московскій. Мы видимъ, какъ вырывается, въ эту минуту, наружу то, что было сдавлено Іоаннами, то, что устрашалъ Борисъ. Шуйскій, съ одной стороны, говоритъ о своемъ происхожденіи отъ Рюрика, о непрерывной связи и преемствѣ Государей съ Рюрика и до него; онъ связываетъ удѣльный родъ свой съ цѣлымъ царственнымъ родомъ всей Россіи. «Учинилися есмя на отчинѣ прародителей нашихъ, говоритъ князь Шуйскій, на Россійскомъ Государствѣ Царемъ и Великимъ Княземъ, его жъ дарова Богъ прародителю нашему Рюрику, иже бѣ отъ Римскаго кесаря; и потомъ многими лѣты и до прародителя нашего, великаго князя Александра Ярославича Невскаго, на семъ Россійскомъ Государствѣ была прародители мои, и по семъ на Суздальской удѣлъ раздѣлилась, *не отнятіемъ и не отъ неволи*, но по родству, якожъ обыкли большая братья на большая мѣста сѣдати.»... «Хотимъ держати Московское государство, говоритъ Шуйскій въ другой грамотѣ, по тому жъ, какъ прародители наши, Великіе Государи, Россійскіе Цари.» Съ другой стороны: была еще одна яркая черта княжихъ временъ; мы видимъ, что князь, въ эпоху княжествъ, заключалъ (примѣровъ тому много) *рядъ* съ народомъ, гдѣ вступалъ онъ на княженіе; князь цѣловалъ крестъ народу, а народъ—ему. И вотъ, это преданіе княжое князь-Рюриковичъ переноситъ съ собою на царскій престолъ. Князь Шуйскій, становясь Царемъ всея Россіи, цѣлуетъ крестъ народу, а народъ цѣлуетъ крестъ ему.

Но въ глазахъ народа, наслѣдственное право цѣлаго Рюрикова рода уже потеряло значеніе. Отнынѣ, съ прекращеніемъ Московской династіи, было уже одно только право: избраніе всенародное, всею Землею (въ случаѣ неимѣнія прямаго потомства).—Но нельзя было быть въ одно время и княземъ-Рюриковичемъ вре-

менъ усобицъ, и Царемъ всея Россіи.... И, ярко вспыхнувшія еще разъ, убѣжденія княжеской эпохи скоро потухли, не вызвавъ народнаго сочувствія.

«Не избранъ былъ всею Землею князь Шуйскій...» вотъ что заговорили со всѣхъ сторонъ въ народѣ.—На краю Россіи опять показалась тѣнь Димитрія.... И больше прежняго, со всѣхъ концовъ, заколебалась Россія. Сомнительный Царь сидѣлъ на престолѣ въ Москвѣ; другой сомнительный Царь поднимался на него войною. Недоумѣніе обняло всю Русскую землю. Ничего вѣрнаго, ничего яснаго, и встала смута по всей Землѣ.—Ошибочно было бы обвинять вообще Русскихъ людей того времени — въ измѣнѣ. Измѣны настоящей — было весьма немного. Это было сомнѣніе, колебаніе, шатаніе, но не измѣна. Люди не знали, чему вѣрить: бросались къ одному — и убѣждались, что здѣсь обманъ; бросались къ другому — и тамъ не видали правды. Это именно было смутное время, время, крайне тяжелое для страны, перенести которое весьма трудно. Великъ народъ, который переживетъ такое время. Русской народъ его пережилъ: Шуйскій былъ еще на престолѣ, а уже междуцарствіе, можно сказать началось. Польскія шайки вторглись въ Россію, ища себѣ добычи, грабя, убивая, разоряя; козаки то же дѣлали съ другой стороны; скоро стали дѣлать то же и союзники-Шведы, и наконецъ свои измѣнники.—Кому, съ кѣмъ было бороться? По частямъ, отдѣльными разрозненными рядами, дрались Русскіе люди противъ этихъ различныхъ враговъ. Они могли еще знать, противъ кого драться; но за кого, но за что имъ было стоять? Большая часть хорошихъ людей стояла за царя Василія, которому присягала, котораго давно знала, и который все-таки казался законнѣе другихъ. И здѣсь неполнота убѣжденія ослабляла силы, и отпоръ давался, но неволѣ, не дружный, ибо не вполнѣ искренній. Но не съ внѣшними врагами только была борьба. Борьба была внутренняя: дѣло шло о нравственномъ очищеніи Россіи, о томъ возвышеніи духа, до котораго могла и должна была она достигнуть; дѣло шло объ одолѣніи внутри себя всѣхъ сколько-нибудь нечистыхъ, недобрыхъ элементовъ: таково было условіе для спасенія Россіи. Какъ скоро здѣсь явятся побѣда и одолѣніе, такъ ужъ внѣшнихъ враговъ побѣдить и одолѣть будетъ нетрудно.—Такое-то великое испытаніе было послано на Россію, такому-то страшному очищенію была она подвергнута. И

отсюда начинается цѣлый рядъ всенародныхъ покаяній, все искреннѣе и глубже....

Если Василій Шуйскій взошелъ на престолъ безъ одобренія народа, безъ народнаго совѣта, то не хотѣли свести его съ престола иначе, какъ съ одобренія и совѣта народнаго. Созывать выборныхъ отъ всей Земли было, по тогдашнему смутному времени, неудобно, почти невозможно. Но, по крайней мѣрѣ, Москва (вмѣщавшая въ себѣ тогда множество людей, съ разныхъ концовъ Россіи пришедшихъ) собралась на совѣтъ, не помѣстилась на Красной площади, и вышла въ поле къ Серпуховскимъ воротамъ. Тамъ рѣшено было свести Шуйскаго съ престола.

На престолѣ не было и сомнительнаго Царя; престолъ былъ праздень, а вкругъ него тѣснились разные претенденты, и шла страшная тревога и смятеніе. Съ одной стороны—второй Лжедимитрій, съ другой — Шведы съ своимъ принцемъ, съ третьей — Поляки съ своимъ Королевичемъ Владиславомъ, съ четвертой — цѣлыя шайки военныхъ людей, Поляковъ и козаковъ, которые были, грабили и опустошали. Посреди этихъ тревогъ и колебаній, множа вокругъ себя волненіе и смуту, бродили *имена* по Россіи (какъ выразился Оболенскій). Явилась цѣлая семья призраковъ изъ Московскаго царственнаго рода: даже не рожденные, никогда не существовавшіе,—цѣлое племя небывалое. Всѣ почти люди раздѣлились на партіи, и каждая партія тянула къ себѣ.— Что было дѣлать Россіи? Не естественнѣе ли, казалось, принять сторону одной изъ партій, уже опредѣленной, уже организованной, уже имѣвшей силу, — присоединиться къ ней, чтобы одолѣть остальныя, а потомъ, можетъ быть, и противъ нея обратиться? Но это была бы уступка, было бы не исполненное вѣры, не правое, не святое дѣло: и Россія не пошла этою дорогою. Она должна была совершить дѣло правое. Такъ она и поступила. Она рѣшилась не приставать ни къ какой партіи, а стать противъ всѣхъ. Со этою мыслью поднялся Ляпуновъ. Но Ляпуновъ былъ самъ слишкомъ красивъ, гордъ и личенъ, слишкомъ самъ выдавался впередъ, и онъ не могъ спасти Россію. Для спасенія Россіи—даже Ляпунова было недовольно. Россія требовала болѣе чистыхъ рукъ, болѣе самоотверженной любви. И такой человѣкъ явился.—Намъ кажется, что мѣра нравственнаго достоинства самого народа полагается въ такихъ условіяхъ его спасенія, въ

нравственной высотѣ тѣхъ, которые удостоиваются быть, которыхъ признаетъ онъ его вождями. Это становится какъ-то ощутительно при смутномъ времени и при спасеніи Россіи въ ту эпоху. Пожарскій съ Мининымъ стали противъ всѣхъ враговъ, сколько ихъ было, стали лишь за правое, за святое дѣло Земли Русской. Самъ Пожарскій о себѣ не думалъ, себя не выставлялъ, не красовался, а думалъ только о Земскомъ дѣлѣ.—Въ это время междуцарствія, Россія одержала побѣду во внутренней борьбѣ; Россія очистилась нравственно, одолѣла враговъ внутреннихъ: раздоръ, несогласіе, смущеніе, шатость,—и внѣшніе враги ея пали. Россія побѣдила.

Во время междуцарствія разрушалось и наконецъ разсыпалось въ дребезги государственное зданіе Россіи. Подъ этимъ развалившимся зданіемъ открылось крѣпкое Земское устройство, сильная Община вся Россіи, — слѣдовательно въ теченіи семисотъ лѣтъ не подавленная, но напротивъ сбереженная Государствомъ. Подъ разрушившимся Государствомъ открылась Земля, для которой Государство служило внѣшнею крышкою. Паденіемъ Государства воспользовались дикіе, насильственные, нестройные, не земскіе элементы, которые имъ сдерживались; ихъ дикое насиліе показало неизбѣжность Государства. — Земля, лишенная всѣхъ выгодъ и удобствъ внѣшняго устройства, разрозненная наружно, но имѣющая за собою преимущество внутренняго единства и, сильнѣйшую всѣхъ силъ, силу духа, — поднялась, какъ одинъ человѣкъ, и пошла на враговъ. Какъ ни многочисленны, ни многосильны были враги они должны были отступить передъ Земскою силою. Въ это-то время явилось все высокое значеніе Москвы, которая, всею Землею, признается торжественно за столицу, за средоточіе Русское, къ которой стремятся Земскія силы, и освобожденіе которой празднуется со слезами, какъ освобожденіе Россіи: ибо одно отъ другаго нераздѣльно, конечно и на будущія, на вѣчныя времена. Совершивъ подвигъ свой, вызвавшій ее на поприще грубой силы, Земля вновь поставила Государство, и вновь обратилась въ свою область дѣятельности духовной и бытовой, область мысли и жизни. (1)

(1) Взглядъ автора на междуцарствіе, на подвигъ Пожарскаго, Минина и всей Земли выраженъ въ художественной формѣ и притомъ съ строгою историческою

Вообще междуцарствіе показываетъ — въ минуту величайшихъ бѣдъ и потрясеній — все безсиліе государственнаго порядка, всю силу Земли.

Эпоха междуцарствія ни однимъ Русскимъ историкомъ не представлена еще была съ той стороны, съ какой представилъ ее г. Соловьевъ. Онъ обратилъ вниманіе на народное движеніе, на переписку городовъ между собою, на силу Земскую. Конечно, мы бы желали, чтобъ все это было изображено явственнѣе, живѣе, чтобъ въ дѣло было заглянуто еще глубже, чтобъ Земская сила получила весь, слѣдующій ей, почетъ, всю должную оцѣнку. Но мы искренно благодарны за то, что уже сдѣлано. Дальнѣйшія требованія состоятъ еще въ лучшемъ исполненіи того, что уже далъ намъ почтенный историкъ.

Значеніе Земли выступаетъ ярко въ эпоху междуцарствія. Въ предыдущихъ критикахъ нашихъ на г. Соловьева (и въ другихъ нашихъ статьяхъ, за-долго до тѣхъ критикъ, еще въ 1845 году) мы указывали на значеніе *Земли* въ Русской исторіи и приводили тому примѣры, кромѣ разсматриваемыхъ нами эпохъ, изъ эпохи междуцарствія.

Значеніе Земли, всегда столь глубокое и сильное въ Россіи, столь чтимое до-Петровскимъ Государствомъ, — выступаетъ, какъ это и понятно, съ особенною яркостію и силою въ эпоху междуцарствія, когда Государство потеряло всякую самостоятельность и наконецъ обратилось въ развалины. Въ Россіи мы видимъ значеніе *Земли*, народа, а нисколько не боляръ, не аристократіи, ибо аристократія — это уже не Земля, не народъ. Такое народное (а не аристократическое) значеніе Русской Земли безпрестанно выдается въ договорахъ и дѣйствіяхъ междуцарствія. Если бъ въ Россіи былъ хотя сколько-нибудь аристократическій элементъ, то онъ бы выдвинулся хотя сколько-нибудь, — въ эпоху междуцарствія особенно, — имѣлъ бы хотя какое нибудь значеніе; но

вѣрностью въ его драмѣ „Освобожденіе Москвы", напечатанной въ 1848 г. Она, по содержанію своему, могла бы, съ полнымъ правомъ, занять мѣсто въ ряду историческихъ трудовъ автора, но по формѣ своей отнесена нами къ той части Полнаго Собранія Сочиненій, которая должна включить въ себѣ всѣ художественныя произведенія К. Сергѣевича Аксакова.

Прим. изд.

этого не видно нисколько. У всѣхъ Русскихъ, и въ умѣ, и на языкѣ одно: *вся Земля*. Скажутъ: подъ всею Землею подразумѣваются всѣ Русскіе люди, подъ нею подразумѣваются и бояре. Совершенно правда, но *наровнѣ со всѣми*, но не какъ бояре, а своею земскою стороною, какъ люди *земскіе*, гдѣ для человѣка является только одно опредѣленіе: *человѣкъ*. Простой народъ, не имѣющій никакихъ титуловъ, всего ближе къ этому опредѣленію; онъ поэтому и носитъ, всякому человѣку предложенное и доступное названіе, всечеловѣческое названіе *крестьянина*, то есть, христіанина. «Меня вся Земля послала, а не одни бояре; а отъ однихъ боярь, я бы, князь Василій, и не поѣхалъ»: такъ говоритъ Полякамъ знаменитый бояринъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ. «Ты, Левъ Ивановичъ, говорятъ Сапѣгѣ Русскіе послы въ станѣ Сигизмунда, самъ бывалъ въ послахъ, такъ знаешь, можно ли послу, сверхъ наказа, что-нибудь сдѣлать? И ты былъ посломъ отъ государя къ государю, *а мы посланы отъ всей Земли:* какъ же мы смѣемъ безъ совѣта *всей Земли* сдѣлать то, чего нѣтъ въ наказѣ»? (стр. 366). Въ договорѣ, который заключали Русскіе съ Польскимъ правительствомъ, когда рѣшались призвать Государя изъ чужой Земли и хотѣли поэтому себя обезпечить, — было сказано, что «перемѣна законовъ зависитъ *отъ бояръ и всей Земли*» (стр. 297). Тамъ также есть выраженіе: «его господарская милость (король) станетъ говорить и уряжать, *по обычаю Московскаго государства*, съ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и *со всею Землею*» (стр. 298—299). Ополченіе подъ Москвою, собравшись, выбрало въ начальники, всею Землею, бояръ, и воеводъ: Трубецкаго, Заруцкаго и Ляпунова, и написало приговоръ. Въ приговорѣ написаны разныя правила и постановленія; между прочимъ говорится, чтобы «печать къ грамотамъ о *всякихъ* дѣлахъ устроить *земскую*, а при большихъ земскихъ дѣлахъ у грамотъ быть рукѣ боярской» (стр. 421); говорится: «смертною казнью, безъ приговору всей Земли, боярамъ не по винѣ не казнить и по городамъ не ссылать» (стр. 421); прибавляется: «а кто кого убьетъ безъ земскаго приговора, того самого казнить смертію» (стр. 422); и наконецъ говорится: «если же бояре, которыхъ выбрали теперь всею Землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство, о земскихъ дѣлахъ радѣть и расправы чинить не ста-

путъ во всемъ въ правду, и по тому земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлать не стапутъ: то намъ всею Землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнить, и на ихъ мѣсто выбрать другихъ, поговоря со всею Землею, кто къ ратному и земскому дѣлу пригодится» (стр. 422).

Кажется, нѣтъ надобности приводить еще свидѣтельства, встрѣчающіяся безпрестанно, того высшаго, того первостепеннаго значенія, какое имѣетъ Земля въ до-Петровской Россіи. Думаемъ, оно довольно очевидно. Стоитъ вспомнить только, выборнаго отъ всей Земли, мясника Кузьму Минина, сидящаго рядомъ съ княземъ Пожарскимъ, и рядомъ съ нимъ подписывающаго грамоты.

Это отсутствіе аристократическаго элемента замѣчали и Поляки; они говорятъ, что въ Россіи народъ всегда имѣетъ власти болѣе, чѣмъ сенатъ. Любопытно также, какъ въ умѣ Поляковъ отражается обычай до-Петровской Россіи: постоянно совѣщаться со всѣми и дѣлать все съ общаго совѣта. Вотъ примѣръ: Гонсѣвскій говоритъ Шеину: «Король велѣлъ мнѣ обо всемъ этомъ переговорить съ тобою; но вы сами отъ добраго дѣла бѣгаете, держась своего обычая Московскаго: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣрите; этотъ обычай теперь ввелъ царство Московское въ погибель»... Какой же это обычай Московскій? А вотъ послушайте далѣе. Гонсѣвскій продолжаетъ: «Я, зная, что у васъ, у государей и въ народѣ, такой довѣренности, какъ у насъ, нѣтъ, и тебѣ, *по обычаю Московскому*, пельзя было со мною съѣздъ устроить; зная это я писалъ тебѣ, чтобъ ты объявилъ о дѣлѣ архіепископу и другимъ Смольнянамъ, *и съ ихъ вѣдома* съѣздъ устроилъ» (стр. 285). Такъ вотъ онъ, этотъ обычай Московскій! Вотъ что не правилось такъ сильно пану Гонсѣвскому, вотъ что называетъ онъ отсутствіемъ довѣренности другъ къ другу, въ чемъ видитъ явленіе безнравственное и гибельное: это обычай, не разпоряжаться самому произвольно, а совѣщаться съ другими, дѣлать дѣло съ общаго совѣта. Такой упрекъ, съ Польской стороны, крайне важенъ и знаменателенъ; онъ проводитъ рѣзкую черту между двумя странами, и еще сильнѣе подтверждаетъ повсюдное присутствіе совѣщательнаго элемента въ древней Россіи.

Мы сказали уже, что въ этомъ томѣ у г. Соловьева — и это важная его заслуга, которую мы высоко цѣнимъ—въ его Исторіи Междуцарствія, обращено вниманіе на движеніе, собственно на-

родное, и народъ не остался въ тѣни. Теперь мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія почтенному автору.

На стр. 177—8, авторъ говоритъ: «Нѣкоторые изъ его (Болотникова) казаковъ засѣли въ деревнѣ Заборьѣ, но принуждены были сдаться царскимъ воеводамъ; Шуйскій велѣлъ ихъ взять въ Москву, поставить по дворамъ, кормить и ничѣмъ не трогать; но тѣхъ, которые были пойманы на бою, велѣлъ посажать въ воду.» Далѣе, на той же страницѣ, авторъ говоритъ: «Самъ воевода, князь Мосальскій, былъ убитъ, и ратные люди его сѣли на пороховыя бочки и взорвали сами себя на воздухъ: они предпочли погибнуть отъ огня, ибо знали, что въ Москвѣ взятые на бою гибнутъ отъ воды.»—Это выраженіе у автора имѣетъ видъ какъ будто шутки. Шутка здѣсь кажется намъ странною, неумѣстною. А потомъ: ратные люди могли и не знать, какъ въ Москвѣ поступаютъ съ другими ратными людьми, взятыми на бою. Далѣе: еслибъ даже и знали они, то почему же непремѣнно, безстрашный поступокъ ихъ — объяснить такимъ разсчетомъ, и ослаблять его геройство? Что такой разсчетъ у ратныхъ людей былъ—доказательствъ нѣтъ, а тайныхъ мыслей своихъ они никому не сообщили. Мало того: мы имѣемъ всѣ причины думать на оборотъ. Если ратные люди Мосальскаго знали, что дѣлаютъ въ Москвѣ со взятыми на бою, то они, конечно, также знали, что дѣлаютъ въ Москвѣ съ тѣми, кто сдается (см. начало выписки): кто жъ имъ мѣшалъ сдаться и быть пристроенными и накормленными? И такъ, не отъ того взорвали себя на воздухъ эти безстрашные люди, что все равно приходилось погибать, такъ или иначе; а отъ того, что лучше хотѣли умереть, чѣмъ сдаться: тогда какъ изъ вышеприведенныхъ словъ самого автора выходитъ, что, сдавайся, ратные люди обезпечивали себѣ жизнь и довольство.—Наконецъ, авторъ, кажется (судя по словамъ его), думаетъ, что сажать въ воду означаетъ смертную казнь посредствомъ воды, слѣдовательно «посажать въ воду» значитъ: утопить. Такое же объясненіе этого дѣйствія (посажать въ воду) находимъ у автора ниже. На стр. 424, говоря о враждѣ Ляпунова съ казаками, авторъ говоритъ: «Дѣло началось тѣмъ, что у Николы на Угрѣшѣ Матвѣй Плещеевъ, схвативши 26 человѣкъ казаковъ, посадилъ ихъ въ воду; казаки вынули всѣхъ своихъ товарищей изъ воды, привели въ таборы подъ Москву, собрали кругъ, и начали шумъ на Ляпунова, хотѣли его убить.

Лѣтопись умалчиваетъ о подробностяхъ, но видно, что въ этомъ случаѣ казаки имѣли правду на своей сторонѣ; если Плещеевъ поймалъ казаковъ на грабежѣ, то обязанъ былъ привести ихъ въ станъ и отдать на судъ, а онъ самовольно посадилъ ихъ въ воду, тогда какъ въ приговорѣ было утверждено, что смертная казнь назначается съ вѣдома всей Земли.» Авторъ, очевидно, думаетъ, что это смертная казнь. Но намъ кажется, что это не казнь, а наказаніе. Иначе, какъ бы могли казаки, нашедши товарищей своихъ посаженными въ воду, вынуть ихъ всѣхъ и привести въ станъ? Слѣдовательно, они были живы. Если бъ *посадить въ воду* значило казнить, утопить, то это бы не могло случиться. И такъ, это было наказаніе, быть можетъ, съ предоставленіемъ на произволъ судьбы: какъ привязываютъ къ дереву въ лѣсу на произволъ судьбы, на случай, что, можетъ быть, найдется кто-нибудь, который развяжетъ. Но во всякомъ случаѣ, это не смертная казнь, и слѣдовательно противорѣчія приговору всей Земли здѣсь не было: а по этому, и здѣсь казаки правды на своей сторонѣ не имѣли.

Говоря о смерти Ляпунова, авторъ не упоминаетъ о разсказѣ Маскѣвича, который самъ въ это время былъ съ Гонсѣвскимъ въ Кремлѣ. По его разсказу, Гонсѣвскій, чтобы погубить Ляпунова, употребилъ слѣдующее предательство: увѣрилъ одного плѣннаго боярина, что онъ, Гонсѣвскій, въ сношеніяхъ съ Ляпуновымъ, что Ляпуновъ хочетъ предать ему все войско; показалъ грамоты къ нему отъ Ляпунова за поддѣльною подписью, далъ грамоту, будто бы отъ себя, къ Ляпунову, и, чтобъ бояринъ крѣпче повѣрилъ, взялъ клятву съ боярина никому не сказывать. Безбожный ковъ удался: боринъ, какъ пришелъ въ станъ, такъ и разсказалъ всему войску. Въ этомъ же родѣ разсказываетъ и лѣтопись Филарета. Намъ кажется, что и то и другое — то есть: и Польское и казацкое — предательство могло быть: могла быть и не одна поддѣльная грамота, съ цѣлью, чтобы погубить Ляпунова. Да, много старались о погибели Ляпунова. Видно, лежалъ онъ камнемъ на сердцѣ у всѣхъ враговъ Россіи, у всѣхъ разбойниковъ и грабителей. Такія Іудины старанія еще болѣе возвышаютъ Ляпунова, и еще болѣе унижаютъ гнусныхъ враговъ его.

Авторъ говоритъ о Салтыковѣ (онъ называетъ и другихъ Тушинцевъ), что онъ сочувствовалъ планамъ Лжедимитрія и желанію просвѣщенія, и указываетъ на то, что въ договорѣ они

выговариваютъ право для Русскихъ людей ѣздить для науки за границу. Это совершенно справедливо, но требуетъ, кажется, нѣкоторой оговорки. Россія сама сильно хотѣла сближенія съ просвѣщенными странами. Но при такомъ, совершенно законномъ желаніи, нисколько не противорѣчащемъ, а благопріятствующемъ самостоятельности,—могло быть весьма естественно, и было конечно въ иныхъ, увлеченіе просвѣщенною внѣшностью Европы, увлеченіе не свободное, а подчиненное, рабское. Таковъ былъ, кажется намъ, Салтыковъ. Хотя Борисъ, желая просвѣщенія, желалъ его совершенно самостоятельно, но, такъ какъ по этому онъ, въ тоже время, и сильно заботился о сближеніи съ Европою, то Салтыковъ долженъ былъ быть за него. И точно, мы находимъ у Маржерета свидѣтельство, которое заслуживаетъ быть упомянутымъ, что Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ оставался вѣренъ Годунову и былъ связанъ. Потомъ стоялъ Салтыковъ за Самозванца. Наконецъ, во время междуцарствія, особенно выказалось, что онъ, кромѣ стремленія къ просвѣщенію, былъ просто преданъ иностранцамъ. Онъ сталъ ужъ не на сторону королевича Владислава, а на сторону короля Сигизмунда; онъ измѣнилъ своему народу, и всѣми мѣрами и путями старался предать Россію власти Польскаго короля. Это былъ хитрый и бѣшеный измѣнникъ. Имя его пользуется позорною знаменитостью.

На стр. 308, авторъ говоритъ о дѣйствіяхъ пословъ и о совѣщаніяхъ ихъ съ выборными людьми, съ ними въ посольствѣ отправленными.—Замѣчателенъ составъ самаго посольства. Пословъ собственно немного; но съ ними отправлены въ посольствѣ множество людей отъ всей же Земли. Это представители Земли: съ одной стороны—для Сигизмунда; съ другой—для самихъ пословъ; это—дума посольская, соборъ посольскій, такъ сказать, съ которымъ совѣщаются послы. Мы это видимъ. Въ отрывкѣ грамоты посольской изъ Сигизмундова стана въ Москву прямо разсказывается, какъ послы совѣтуются въ важныхъ случаяхъ со всѣми выборными людьми, при нихъ въ посольствѣ находящимися. Именно: «И мы у пановъ рады одва упросили сроку до завтрея, чтобъ намъ о томъ посовѣтовать съ митрополитомъ Филаретомъ и со всѣми людьми, которые съ нами съ Москвы ото всѣ земли посланы» (Соб. Г. Г. и Д., стр. 474). Обстоятельства этого замѣчательнаго совѣщанія переданы г. авторомъ съ странною не-

вѣрностію, сравнительно съ упомянутою посольскою грамотою. Онъ говоритъ: «Потомъ призваны были за совѣтомъ дворяне и всѣ посольскіе люди, спрошено: «Если Смоленскъ возьмутъ приступомъ, то они, послы, отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства, не будутъ ли въ проклятіи и ненависти?» Всѣ отвѣчали: «Хотя бъ въ Смоленскѣ были наши матери, жены и дѣти, то пусть бы погибали. Да и сами Смольняне думаютъ тоже, и скорѣй всѣ помрутъ, а не сдадутся» (стр. 368).» Въ грамотѣословъ, это разсказывается не совсѣмъ такъ. Люди, посланные съ послами въ посольствѣ ото всей Земли, дворяне и стольники, и дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, и гости, и торговые люди: «Митрополиту говорили и намъ говорили накрѣпко, чтобъ намъ одиначно на томъ стояти, чтобъ въ Смоленскъ Полскихъ и Литовскихъ людей не пустити ни одного человѣка, что если и немногіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать. Если которая кровь прольется или что надъ Смоленскомъ сдѣлается, то это будетъ не отъ насъ (словъ); только-бъ своею слабостью Смоленска не потерять» (С. Г. Г. и Д., стр. 474). Вотъ что отвѣчали люди, посланные отъ всей Земли съ послами; а г. авторъ приписалъ эти слова одному Филарету. Всѣмъ же посольскимъ людямъ вложилъ въ уста такую условную рѣчь: «Хотябъ въ Смоленскѣ были наши матери, жены и дѣти; то пусть бы погибали. Да и сами Смольняне думаютъ тоже и скорѣй всѣ помрутъ, а не сдадутся.» Это опять не такъ. Вмѣстѣ съ послами въ посольствѣ были, ѣхавшіе съ ними изъ Москвы, Смольняне дворяне и дѣти боярскіе (о чемъ авторъ не упоминаетъ вовсе). Эти Смольняне, призванные вмѣстѣ съ другими на совѣщаніе, сказали не условно, а положительно: «Хотя въ Смоленскѣ наши матери и жены и дѣти погибнутъ, только бы на томъ крѣпко стоять, чтобъ Полскихъ и Литовскихъ людей въ Смоленскъ не пустить» (С. Г. Г. и Д., 475). Такія слова имѣютъ совсѣмъ иной характеръ, совсѣмъ иную силу. Это не мечтательное предположеніе: «Хотя бы были въ Смоленскѣ наши матери, жены и дѣти, то» и пр. Здѣсь въ Смоленскѣ въ самомъ дѣлѣ матери, жены и дѣти тѣхъ Смольнянъ, которые говорятъ эти великодушныя слова: слова эти получаютъ тогда настоящую дѣйствительность, и поэтому совсѣмъ иную силу, и являются во всемъ своемъ великодушіи. У автора, вопреки исторической вѣрности, они не имѣютъ своего дѣйствитель-

наго и великаго значенія, и могуть даже почесться, пожалуй, фразою. Все дѣло въ томъ, что авторъ руководствовался разсказомъ Голикова, который, очевидно, имѣлъ подъ рукою подлинные, достовѣрные матеріалы, откуда иногда и прямо выписывалъ; но, кажется, самый подлинный неоспоримый памятникъ—это посольская грамота въ Москву къ боярамъ, управлявшимъ Государствомъ, сохранившаяся въ отрывкѣ, которой мы здѣсь и слѣдовали, и которой не слѣдуетъ авторъ, не объяснивши, почему онъ предпочитаетъ ей разсказъ Голикова.

Мы должны еще указать на странное противорѣчіе автора. На стр. 372—373 онъ говоритъ: «Захаръ Ляпуновъ также покинулъ пословъ, но въ Москву не поѣхалъ, а перешелъ въ Польской станъ: онъ ежедневно пировалъ у пановъ, забавлялъ ихъ насмѣшками надъ послами, и утверждалъ, что старшіе послы все дѣлаютъ сами собою, не спрашиваются съ дворянами, все таятъ отъ нихъ. Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ причину, почему Ляпуновъ покинулъ пословъ.»—И такъ авторъ вѣритъ, что Ляпуновъ не выдумывалъ. Какже послѣ этого соглашается такое мнѣніе съ извѣстіемъ, которое приводитъ самъ авторъ и которое, очевидно, несомнѣнно? Именно: «Между тѣмъ Захаръ Ляпуновъ и Кирила Созоновъ продолжали наговаривать панамъ, что во всемъ виноваты главные послы, которые дворянамъ ничего не объявляютъ. Паны призвали къ себѣ дворянъ и сказали имъ: «Намъ извѣстно, что послы съ вами ни о чемъ не совѣтуются и даже скрываютъ отъ васъ боярскія грамоты.» Дворяне отвѣчали: «Это какой-нибудь бездѣльникъ, воръ, вамъ сказывалъ, который хочетъ ссору видѣть между вами и послами, поставьте его съ нами съ очей на очи. Боярскую жалобу намъ читали, и мы имъ сказали, что исполнить ее нельзя: писана она безъ патріарха и безъ совѣта всей Земли» (стр. 400). Этимъ словамъ трудно не повѣрить. Но тогда надобно иначе понять дѣйствія и слова Ляпунова. Мы не ошибемся, если скажемъ, что переходъ Ляпунова къ Полякамъ былъ притворный, что онъ обманывалъ Поляковъ, что онъ нарочно наговаривалъ имъ на пословъ съ цѣлью,—съ какою?... Она ясно высказалась въ словахъ дворянъ (см. вып.): *это вамъ сказывалъ тотъ, кто хочетъ ссору видѣть между вами и послами.*—Наконецъ окончательно ясны становятся дѣйствія Захара Ляпунова изъ грамоты, которою бояре извѣщаютъ короля

Сигизмунда, что Ляпуновъ, живя въ стану у Поляковъ, сносится съ братомъ Прокофьемъ и сообщаетъ ему вѣсти про Поляковъ изъ стана. Самъ же г. Соловьевъ говоритъ (на стр. 387), что бояре извѣщали короля, что Захаръ Ляпуновъ сносится съ братомъ. Послѣ всего этого, поступки Захара Ляпунова въ Польскомъ станѣ, единодушно дѣйствовавшаго съ братомъ Прокофьемъ, становятся ясны до очевидности.

Мы должны указать на одно обстоятельство этой многознаменательной эпохи, обстоятельство, какъ намъ кажется, весьма важное. Это — замѣчательный совѣтъ, данный іезуитами второму Самозванцу. Іезуиты совѣтуютъ перенести столицу, и говорятъ прямо: *надобно жить гдѣ-нибудь, только не въ Москвѣ.* Такой весьма замѣчательный совѣтъ отъ враговъ нашихъ, враговъ умныхъ и хитрыхъ, умѣющихъ, какъ извѣстно, находить средства къ достиженію своей цѣли, — долженъ остановить вниманіе и заставить задуматься всякого мыслящаго человѣка, въ особенности Русскаго. Совѣтъ этотъ, какъ извѣстно, не былъ исполненъ по очень понятной причинѣ. Второй Самозванецъ не достигъ Русскаго престола. И Москва, въ теченіи еще 100 лѣтъ, оставалась, по прежнему обычаю, единою столицею Россіи.

Во время междуцарствія высказался довольно явственно взглядъ Русской земли на Государство. Сознавая вполнѣ его необходимость, какъ защиты, какъ обороны, какъ *правды внѣшней*, Земля не придавала ему важнѣйшаго внутренняго значенія, зная, что это значеніе вполнѣ принадлежитъ ей, Землѣ. Государство знало свои предѣлы. Земля, изъ уваженія къ себѣ, не покидала своей земской области, области внутренней правды, духа и слова, и не переходила въ область внѣшней принудительной правды. Но мнѣнія свои высказывала она постоянно и громко. При системѣ взаимнаго невмѣшательства, но въ дружбѣ и въ безпристрастномъ свободномъ совѣщаніи, жили Земля и Государство вмѣстѣ, и жили ладно.—Въ эпоху междуцарствія, Государство пало. Земля, обнаружившись изъ-подъ разбитой крыши Государственной, сильная своею жизнію земскою, всегда Государствомъ доселѣ уважаемою, и сознавая внѣшнюю надобность въ Государствѣ, — Земля громко высказала эту потребность, пошла на враговъ, одолѣла, и Государство опять поставила. Но опять: Государство она понимаетъ, отъ себя, отъ Земли, отдѣльно, и въ своихъ грамо-

тахъ болѣе или менѣе ясно высказываетъ свой взглядъ. Земля говоритъ, что Государь необходимъ *Государству*. «Сами знаете, говорится въ одной грамотѣ, что такому великому Государству безъ Государя долгое время стоять пельзя» (Ист. Р. стр. 438). «Безъ Государя Государство ничѣмъ не строится, говорится въ другой грамотѣ, и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится» (стр. 460). Говоря это, Земля опредѣляетъ, въ то же время, военное и вообще внѣшнее значеніе Государя и Государства. «Сами, господа, знаете, какъ намъ теперь безъ Государя противъ общихъ враговъ Польскихъ, Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей, и Русскихъ воровъ, которые новую кровь начинаютъ, стоять? и какъ намъ безъ Государя о великихъ Государственныхъ и Земскихъ дѣлахъ съ окрестными Государями ссылаться? и какъ Государству нашему впередъ стоять крѣпко и неподвижно?» (стр. 430).—На Государя смотритъ Земля, какъ на начальника, на главу Государства. . . . Это воззрѣніе, хотя и невполнѣ, высказывается и въ словахъ грамоты 1612 года: «Вседержитель Богъ совершилъ ярость гнѣва своего въ народѣ нашемъ, угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ: отнялъ у насъ главу Московскаго Государства и пождя людямъ, Государя, Царя и великаго князя всея Руси, отнялъ и пастыря и учителя словесныхъ овецъ стада его, святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Руси» (стр. 441).

Великое время междуцарствія представляетъ рѣшительное торжество начала Земскаго, начала нравственнаго, свободнаго. Все могущество внѣшнее, государственное, было сокрушено и безсильно. Очищаясь и возвышаясь нравственно, наконецъ встала сама Земля, и, исполненная силы духа, одолѣла всѣхъ враговъ.

Заключаемъ нашу статью превосходными словами г. Соловьева, такъ вѣрно, глубоко и полно схватывающими значеніе междуцарствія:

«Получивъ вѣсть о недобромъ совѣтѣ Шульгина и Биркина, князь Дмитрій, Кузьма и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ Государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ Латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ. Дѣйствительно, это были послѣдніе люди Московскаго Госу-

дарства, коренные, основные люди: когда ударили бури смутнаго времени, то потрясли и свѣяли много слоевъ, находившихся на поверхности; но когда коснулись основаній общественныхъ, то встрѣтили и людей основныхъ, о силу которыхъ напоръ ихъ долженъ былъ сокрушиться» (стр. 448).

Трудно сказать что-нибудь лучше.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗЕМСКИХЪ СОБОРОВЪ.

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ (1).

Съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ, мы видимъ въ племенахъ Славянскихъ *общину*, устройство уже образованное, разумно-человѣческое, а не естественно-человѣческое, какъ напр. родовой бытъ (слѣдовъ котораго исторія между Славянами не открываетъ); у Русскихъ Славянъ существуетъ слово (*въ смыслѣ*?) общины—міръ.

Община есть то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоитъ найдти нѣчто себя высшее, а предстоитъ только преуспѣвать, очищаться и возвышаться. — Предоставляя себѣ въ другомъ мѣстѣ представить во всей глубинѣ это истинное начало, мы скажемъ здѣсь объ немъ нѣсколько словъ, нужныхъ для нашего дѣла.

Община есть союзъ людей, отказывающихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей, и являющихъ общее ихъ согласіе: это дѣйство любви, высокое дѣйство Христіанское, болѣе или менѣе

(1) Эта статья сохранилась въ черновой рукописи, и есть только первоначальный набросокъ мыслей автора, оставшійся не поправленнымъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ Константинъ Сергѣевичъ предполагалъ заняться Исторіей Земскихъ Думъ, и написалъ это предисловіе, но впослѣдствіи объ немъ и забылъ, такъ что, когда въ началѣ 1859 года издатель газеты „Парусъ“ обратился къ нему съ просьбой составить для газеты историческій очеркъ Земскихъ Соборовъ, то Кон. Сергѣевичъ написалъ вновь „Вступленіе“, которое въ изложеніи нѣсколько разнится отъ перваго, и которое мы помѣщаемъ вслѣдъ за этою статьею подъ цифрою II. Въ первомъ предисловіи нѣкоторыя слова въ рукописи недописаны, или пропущены авторомъ, или же остались неразобранными нами. Вставленныя нами по догадкѣ слова напечатаны прописными буквами и въ скобкахъ.

Прим. изд.

неясно выражающееся въ разныхъ *(другихъ)* своихъ проявленіяхъ. Община представляетъ такимъ образомъ нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ: такъ и въ общинѣ не теряется личность, но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно самоотверженныхъ личностей; какъ въ созвучіи голосовъ каждый голосъ даетъ свой звукъ, такъ въ нравственномъ созвучіи личностей, каждая личность слышна, но не одиноко, а согласно,—и предстаетъ высокое явленіе дружнаго совокупнаго бытія разумныхъ существъ (сознаній); предстаетъ братство, община — торжество духа человѣческаго.

Какъ явленіе жизни, явленіе свободное, община не имѣетъ и не можетъ имѣть въ себѣ ничего условнаго.

Выраженіе человѣческаго разума есть слово; оно выражаетъ согласіе общины; и такъ, выраженіе ея совокупной нравственной дѣятельности есть *совѣщаніе* (вѣче, сходка, соборъ, дума).—Совѣщаніе это имѣетъ цѣлью общее согласіе. Понятно, что при такомъ (*требованіи*) свободнаго согласія, совѣщаніе не можетъ окончиться, пока всѣ не соединятся въ одну мысль, пока не будетъ общаго согласія, пока, говоря словами лѣтописи, не сподутся въ любовь; отсюда вытекаетъ начало единогласія при рѣшеніяхъ общины, начало Славянское, отъ первыхъ временъ и доселѣ свято хранимое Русскимъ народомъ. — Понятно, что начало большинства есть начало, по которому согласіе является не нужнымъ; начало насильственное, побѣждающее лишь физическимъ преимуществомъ: которыхъ *больше*, тѣ одолѣваютъ тѣхъ, которыхъ *меньше*. — Единогласіе трудно; но всякая высота нравственная трудна, и всего труднѣе быть Христіанином; изъ этого не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ отказывался отъ нравственной высоты и отъ Христіанства. Къ тому же тотъ народъ, который уже въ жизни своей положилъ начало общины и единогласія, несравненно легче его достигнетъ, чѣмъ тѣ, которые признаютъ преимущество большинства, какъ право, какъ законъ. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ Славяне стремились даже въ первыхъ временахъ сохранить свое (*неотъемлемое*) начало единогласія; какъ рѣшались они скорѣе на бой другъ съ другомъ, когда не могли согласиться, какъ бы показывая тѣмъ себя за свое не-

совершенство; какъ Лютичи прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобъ выпудить согласіе немногихъ, и все это единственно для того, чтобы не признать права большинства, какъ законъ, какъ начало, чтобы въ законѣ не разорвать единства общины, единства *высшаго*, начала (*общаго*) согласія. Какъ скоро они не могли согласиться и несогласіе являлось какъ фактъ, они предоставляли ему обнаружиться, какъ факту, враждою, битвой, принужденіемъ насильственнымъ къ согласію; но никогда не признавали возможности несогласія, какъ начала, не возводили несогласія въ начало, признавая большинство и меньшинство разномыслящихъ и предоставляя меньшинство во власть большинства. — Дальнѣйшій ходъ совершенствованья долженъ былъ состоять въ томъ, что согласіе будетъ возможнѣе и возможнѣе для общины, что нравственное созвучіе будетъ полнѣе и сильнѣе. — Но на пути своемъ Славяне встрѣтили препятствія: (*разныя*) искушенія и совершившіяся видоизмѣненія въ ихъ судьбѣ не заставили (*ихъ*) отказаться отъ своего высокаго, своего жизненнаго начала: общины, согласія, свободы нравственной, безусловной.

Наиболѣе удержали это начало Славяне Русскіе. Народъ нашъ держится его во всей силѣ, и *мы знаемъ*, какъ онъ, когда вводится въ него другое начало, ограждаетъ отъ него свое жизненное сознаніе. Такъ на вопросъ, какъ идутъ выборы, одинъ крестьянинъ отвѣчалъ, что они *мечутъ жеребій* шарами. Кому больше выпадетъ, тотъ и выбранъ. И такъ, крестьянинъ не можетъ помириться съ разумностью большинства, не можетъ исказить своего высокаго разума этою нравственною и логическою нелѣпостью, и называетъ балотировку жеребьемъ, не уважая ее и признавая случайностью, не правдою. Одинъ крестьянинъ, когда я ему старался объяснить смыслъ большинства и меньшинства, какъ рѣшенія (*вопроса*), какъ достиженія истины дѣла, подумалъ и сказалъ: это не есть правда человѣка.

Понятно, что въ общинѣ, основанной на живомъ началѣ свободнаго нравственнаго согласія, слово, совѣщаніе должно имѣть весьма великое мѣсто, ибо насильственнаго (*исхода*) большинств(*омъ*) нѣтъ, и люди должны сговориться, убѣдить другъ друга, совѣщаться, согласиться.

И точно въ Русской исторіи мы безпрестанно видимъ общественныя совѣщанія, въ меньшемъ и въ большемъ видѣ. Вездѣ дума и рѣчь; дума и рѣчь необходимы, какъ проявленіе человѣческой жизни, какъ путь къ согласію и общему, дружному прочному дѣлу, какъ выраженіе человѣческой жизни, человѣческой свободы, какъ и подобаетъ человѣку.

Самое начало Русской исторіи есть такое совѣщаніе. Славяне, Кривичи и Чудь совѣщаются между собою и на совѣщаніи рѣшаютъ призвать Рюрика съ братьями, а въ лицѣ ихъ государственную власть.

Потомъ, когда цѣлый родъ Рюриковъ княжилъ въ Россіи, когда князья этого рода безпрестанно переходили изъ города въ городъ,—въ каждомъ городѣ видимъ мы Вѣче, совѣщанія. Князь совѣщается съ дружиною, князь совѣщается съ Вѣчемъ. — Князь (власть государственная), *добровольно* призванный, сталъ необходимостью для народа. Даже Новгородцы безъ князя обойтись не могутъ. Но при этой власти княжой, община живетъ полною жизнью, думаетъ, совѣщается. — Постоянное бродяжничество князей ставитъ общину въ необходимость, не ограничиваясь однимъ словомъ, принимать участіе въ дѣлѣ самомъ, для того, чтобы обезопасить себя отъ разоренія и войны, а иногда для того, чтобъ поддержать князя, который имъ любъ; но такое внѣшнее распоряженіе Россіи необходимо вызывается исторической эпохой, положеніемъ дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе всюду видны совѣщанія, дума и рѣчь; выраженіе *думать* перешло, такъ сказать, въ терминъ: *думайте съ дружиною, сдумавше съ княземъ.*

Наконецъ, государственная разрозненность Россіи, представляемая множествомъ князей, разрозненность, мѣшавшая ея Земскому, народному единству, между тѣмъ разрозненность тревожная, неспокойная, ходившая надъ Землею бранью и усобицами, силившаяся перейти въ цѣлость государственную,—наконецъ, эта государственная разрозненность соединилась въ одно цѣлое, и надъ единою цѣлою Землею, явилось единое Государство. Москва впервые произнесла слово: Вся Россія. Земля очевидно была довольна тѣмъ, что цѣлость ея уже не нарушалась раздробленностью государственной власти. — За своихъ князей ни одно княжество не стояло; даже Новгородъ, разъ вошедши въ одно цѣлое

съ Русскою землею, о прежнемъ устройствѣ своемъ не вспомнилъ даже въ 1612 году, хотя и заключилъ миръ отдѣльный.—И такъ единодержавіе Москвы лишь способствовало уничтоженію государственныхъ перегородокъ внутри Русской Земли, лишь способствовало цѣлости всей Россіи, всегда существовавшей, но часто государственностью нарушаемой. — Община и слова общины не только не ослабѣли, но должны были получить еще большій просторъ, высшее и чистѣйшее значеніе. — Городскія вѣча княжествъ всегда могли оставаться, но они теряли свое общее значеніе, ибо не княжество теперь только являлось и должно было высказываться, а вся Россія. Вмѣстѣ съ тѣмъ народное совѣщаніе теряло и свой принудительный характеръ, ибо передъ нимъ не ссорились государственныя власти, не смѣнялись безпрестанно, не усобились, отъ чего терпѣла Земля и должна была по неволѣ вмѣшиваться сама во внѣшнія дѣла. Нѣтъ, теперь надъ Землею была одна сильная постоянная государственная власть, усобицы прошли, споровъ за владѣніе нѣтъ, и Земля могла стать въ постоянныя отношенія къ Государству.

Великій князь Іоаннъ III *собралъ* Русскую землю, разбитую государственными межами, и уничтожилъ эти межи. Народный голосъ, ясно сознавая его дѣло, назвалъ его: *собирателемъ Русской Земли*. Надо сказать при этомъ, что Русская исторія поражаетъ необыкновенною сознательностью и логическимъ ходомъ явленій. Съ сознательнаго акта начинается Русская исторія: съ того, что нуженъ *порядъ* (устройство внѣшнее), а поэтому нужно призвать государственную власть — князя. Тогда-то, когда Земля и Государство явились, и то и другое въ своей цѣлости, явились ясно и сознательно: Земля и Государство, Государево и Земское дѣло.

Сынъ Іоанна III хоть былъ недостойнымъ его преемникомъ, однако продолжалъ его дѣло и присоединилъ Псковъ къ общему составу Россіи. Іоаннъ IV оставилъ *(прежнее)* названіе Великаго Князя, напоминающее удѣлы и раздѣленіе государственное Россіи, и какъ единый В. Князь, именовался Царемъ, единымъ Государемъ Россіи. Какъ скоро только Русская Земля собралась вся воедино, и подъ единою властью государственною Царя, — такъ сейчасъ былъ созванъ Земскій Соборъ. Первый Царь созываетъ Земскій Соборъ. Земля и Государство стали въ ясныя отношенія другъ къ

другу, поняли взаимные свои предѣлы и значеніе, и явилось пониманіе (понятіе) и названіе: Государево и Земское дѣло, Служилые и Земскіе люди, доселѣ темно выражавшееся въ значеніи дружины и смердовъ или людей.—Земля получила вполнѣ подобающій ей смыслъ совѣта, мнѣнія, мысли и слова, смыслъ, изъятый отъ всякой государственной примѣси, не имѣющій ни тѣни принудительной силы,—но силу убѣжденія, свободную, духовную. Не вновь воздвиглось, а только очистилось и выяснилось гражданское устройство Россіи, отношенія Земли и Государства между собою; то есть: Государству—неограниченное право дѣйствія и закона, Землѣ — полное право мнѣнія и слова. И вотъ на Земскомъ Соборѣ раздались такія рѣчи: «Государь, какъ поступить, это отъ тебя зависитъ, а наша мысль такова.»

И такъ значеніе Москвы велико для Россіи. Она провозгласила и осуществила единство Русской Земли и стала, по сознанію и волѣ всей Россіи, средоточіемъ этого единства, столицею Россіи. Въ ней государственная власть получила единство и цѣлость, и тѣмъ, избавивъ Землю отъ препятствій къ ея земской цѣлости, дала возможность Землѣ явиться во всей цѣлости. Въ ней и съ ней явилось истинное пониманіе Земли и Государства между собою; т. е. внѣшняя правда—Государству, внутренняя правда — Землѣ; неограниченная власть—Царю, полная свобода жизни и духа—народу; свобода дѣйствія и закона—Царю, свобода мнѣнія и слова—народу,—и первый Царь созвалъ въ ней Земскій Соборъ.

Мы сочли нужнымъ сказать это краткое сжатое предисловіе, чтобы объяснить значеніе Россіи, значеніе ея гражданскаго устройства, взаимныя отношенія Земли и Государства, и указать на настоящій смыслъ Земскихъ Соборовъ. — Теперь приступаемъ къ краткому историческому очерку Земскихъ Соборовъ или Земскихъ Думъ, какъ они называются.

Право духовной свободы, другими словами, свобода мысли и слова, есть неотъемлемое право Земли: только при немъ—никакихъ правъ политическихъ она не хочетъ, предоставляя Государству неограниченную власть политическую. Сила нравственная, эта свобода мысли и слова, есть элементъ, въ которомъ живетъ и движется Земля, при которомъ только она отказывается отъ всякой политической власти.—Но, кромѣ постояннаго бытія въ свободѣ нравственной, Государство созываетъ Землю на совѣтъ въ

тѣхъ случаяхъ, когда находитъ это нужнымъ. Тогда, по призыву Государя, отъ всѣхъ сословій, со всѣхъ концовъ Россіи собираются выборные люди, и этомъ соборъ выборныхъ людей отъ всей Россіи называется Земскимъ Соборомъ или Земскою Думою.

На этихъ Соборахъ присутствуютъ не только Земскіе люди, но и духовенство, необходимое для полноты Земли Русской, и люди служилые. Но такъ какъ на этихъ Соборахъ преобладаетъ лишь чисто Земское начало, начало мнѣнія, совѣта, начало, чисто Земское, то вся Россія является здѣсь существенною своею стороною, стороною нравственною, стороною Земли, и весь Соборъ именуется отъ этого Земскимъ. Какъ явился первый Царь и вся Земля, и поняты были отношенія Земли и Государства, отношенія дружественныя, то есть *союзъ* свободы власти и свободы мнѣнія, то власть и мнѣніе сейчасъ явились вмѣстѣ въ дружественномъ союзѣ. Первый Царь созвалъ Земскій Соборъ.

II.

Въ обществѣ человѣческомъ предполагается единство, основанное на свободномъ согласіи. Элементъ грубой силы, внѣшняго принужденія, не справляющагося ни съ мнѣніемъ, ни съ убѣжденіемъ,—недостоенъ общества человѣческаго (въ строгомъ смыслѣ этого слова). Для достиженія единства въ дѣйствіяхъ, у человѣческаго общества одно средство—*совѣщаніе*, гдѣ разнородныя убѣжденія приходятъ въ согласную мысль, и оттуда въ согласное дѣло.

Въ самыхъ первыхъ временахъ, въ Славянскихъ народахъ мы встрѣчаемъ человѣческое общество, *міръ*, и необходимое проявленіе его существованія—совѣщаніе, носившее въ древности наименованіе *Вѣча*. Народъ, живущій подъ такими условіями, имѣетъ на языкѣ Русскомъ особое наименованіе—*Земли*. Этимъ словомъ обозначается общественно-человѣческое начало. Дѣло Земское есть дѣло народное, то есть, общественно-человѣческое. Такой бытъ народный не есть бытъ общественный въ тѣсномъ значеніи этого слова, какъ напримѣръ бытъ родовой: напротивъ, этотъ бытъ—бытъ общинный—есть уже дѣло чисто человѣческаго духа, и потому составляетъ заслугу у тѣхъ народовъ, гдѣ онъ встрѣчается. Славянскіе народы, жившіе съ незапамятныхъ временъ подъ условіями общественно-человѣческаго, или Земскаго быта, являются, тѣмъ самымъ, уже на высокой степени человѣческаго преуспѣянія, хотя, конечно, это высокое начало могло носить, болѣе или менѣе, отпечатокъ грубости извѣстнаго времени.

Являясь подъ условіями этого быта, Славянское племя является племенемъ не государственнымъ, не ищущимъ внѣшняго, принудительнаго *устройства*. Самое яркое тому доказательство—это то, что совѣщаніе Славянской общины требовало единогласія для рѣшенія дѣла, какъ единаго истиннаго пути для рѣшенія. Когда яв-

ляется одно общее мнѣніе, тогда только является дѣйствіе общины; гдѣ община раздѣлена между собою въ вопросѣ по одному общему дѣлу, тамъ уже нѣтъ общины, ибо нѣтъ одной общей воли. Есть другой путь, принятый инымъ началомъ, началомъ внѣшней правды, или началомъ Государственнымъ, началомъ зиждущимся, какъ сила внѣшняя, на принужденіи. Этотъ путь — есть путь большинства и меньшинства. По этому началу, тѣ, которыхъ больше,—правы. Но здѣсь является внѣшнее насиліе, побѣждаетъ множество, основываясь на счетѣ, и принудительно налагаетъ свое мнѣніе на меньшинство. Большинство есть та же, только очищенная, грубая сила. Такого рѣшенія не могла допустить правда внутренняя, не могла допустить свобода общины. Единогласіе осталось характеристическою чертою Славянскаго племени вообще и теперешнихъ сходокъ нашего крестьянства.— Мы согласны, что съ точки зрѣнія государственности, строго развитой, начало единогласія является не практическимъ; но точно также, какъ и любовь братская, самопожертвованіе, всякая добродѣтель и вообще вся нравственная сторона человѣка, является не практическою.

Государство стремится къ внѣшней правдѣ, и потому первое, что создаетъ оно,—это *форма*, регламентъ, извнѣ налагаемые на человѣка. Стремясь къ внѣшней правдѣ, оно стремится облегчить человѣку задачу и трудъ—быть внутренно правдивымъ, или лучше: оно стремится сдѣлать не нужною правду внутреннюю. Установляя, напримѣръ, векселя, оно ставитъ человѣка въ положеніе непремѣнно заплатить свой долгъ, хотя бы человѣкъ этотъ не былъ на столько нравственъ, чтобъ это сдѣлать. Съ другой стороны, заимодавецъ безнравственный, получившій деньги съ должника, но неотдавшій ему векселя, найдетъ защиту въ Государствѣ, чтобы въ другой разъ получить однажды уже полученную имъ сумму: ибо для Государства важно лишь внѣшнее обязательство, лишь форма, а до нравственности человѣческой и внутренней правды—ему дѣла нѣтъ. Понятно, что внѣшность не обхватитъ внутренняго міра, и Государство можетъ только истощаться во множествѣ внѣшнихъ законовъ и внѣшнихъ ограждений. Обезпечивая такимъ образомъ правду внѣшнюю, Государство ослабляетъ правду внутреннюю, и даже изъ людей честныхъ дѣлаетъ бездушныхъ, слѣдовательно безнравственныхъ, формалистовъ. Государство, какъ

бы говорить: я такъ устрою внѣшнюю правду моими институтами, учрежденіями, что не нужно будетъ правды внутренней, что люди будутъ честны, не имѣя надобности быть такими на самомъ дѣлѣ. Я такъ все устрою, что не будетъ надобности быть нравственнымъ.—Но торжество такого начала государственнаго—есть полнѣйшее уничтоженіе нравственнаго начала въ человѣкѣ; но торжество внѣшней правды есть гибель правды внутренней, единой истинной, свободной правды.

Славяне жили, какъ сказано, подъ условіями быта общиннаго, Земскаго, подъ условіями правды внутренней; отсюда отсутствіе формъ и регламента въ ихъ общественномъ бытѣ, отсюда единогласіе, какъ необходимое средство ихъ общинныхъ рѣшеній. Такъ жили и Славяне, населявшіе Россію, а въ числѣ ихъ Славяне Новгородскіе, называвшіеся своимъ именемъ: Славяне.

Но удержать единственно этотъ высокой строй было трудно. Съ одной стороны воинственные народы не давали покоя, съ другой стороны мѣшало несовершенство человѣческой природы, для котораго всего тяжеле даръ свободы, свободы истинной, полной. Живя жизнію общины, Славяне вынуждены были постановить у себя Государство. — Государство возникло во всѣхъ племенахъ Славянскихъ. Для насъ въ особенности занимательно, какъ возникло оно въ Россіи. Оно возникло въ ней сознательно, и въ Россіи, при этомъ дѣлѣ, выразилось всего яснѣе и строже, чѣмъ гдѣ-нибудь, обще-Славянское Земское начало.

Признавая Государство, какъ необходимое неизбѣжное зло, смотря на него лишь какъ на постороннее средство, а не цѣль, не идеалъ своего народнаго бытія, Славяне (въ Россіи) не обратили сами себя въ Государство, не изъ себя выстроили его устройство, а призвали Государство изъ-за моря, со стороны, изъ чужбины, какъ явленіе чуждое. Призвавъ Государство, они, Славяне, поставили его рядомъ съ народною или Земскою жизнію, сохранили свое совѣщаніе, свое Вѣче. Государство призвано было всего болѣе для военнаго дѣла, уже по природѣ своей дѣла чисто грубой силы, которому такъ соотвѣтствовала воинственность призванныхъ Варяговъ, дѣла, называвшагося впослѣдствіи преимущественно дѣломъ Государевымъ. Но въ то же время Государству былъ данъ еще и судъ (внѣшній), носившій въ первыя времена, во время Русской Правды и можно сказать до Татаръ, свѣжій, чисто

Славянскій, общинный отпѣнокъ: при отсутствіи смертной казни и тѣлеснаго наказанія.

Такимъ образомъ въ Россіи явились два дѣла: дѣло Земское и дѣло Государево. Эти два дѣла, розныя по существу, не смѣшивались между собою, и потому-то самому, можетъ быть, они велись согласно и дружно. Государство было нужно Землѣ, но Государствомъ быть Земля не хотѣла: тогда она измѣнила бы высокому существу своему, своей высшей свободѣ, своей человѣческой задачѣ. Государство же и призвано было для Земли, слѣдовательно охраняло Землю, но не переходило своихъ предѣловъ. Земля не вступала въ предѣлы Государства; Государство не вступало въ предѣлы Земли, и эти два начала—Земля и Государство—при системѣ взаимнаго невмѣшательства, или лучше неносягательства, жили дружно, и Государство было полезно для Земли. Государство представляетъ для Земли двѣ опасности: или оно можетъ перейти предѣлы, вторгнуться въ область Земли, поработить ее; — или Земля можетъ соблазниться государственностью, внѣшнимъ государственнымъ удобствомъ, призракомъ свободы государственной (принудительной, ибо свобода становится здѣсь правительствомъ), можетъ вступить въ его область, облечься въ государственныя формы, и такимъ образомъ измѣнить своей высокой, нравственной природѣ, своей Земской, истинной, свободной свободѣ, своей внутренней правдѣ,—и глубоко исказиться и потерять свое Земское начало.—Вторая бѣда хуже первой: изъподъ внѣшняго посторонняго гнета можно выбиться; но собственное паденіе и испорченность, но самопорабощеніе добровольное, внутреннее, въ духѣ самомъ, началу внѣшнему, началу неволи, едва ли — но крайней мѣрѣ съ чрезвычайнымъ трудомъ, съ глубокимъ внутреннимъ нравственнымъ переворотомъ—можетъ исцѣлиться; это тѣмъ труднѣе, что Земля обольщается блестящимъ призракомъ свободы государственной, и, надѣвъ вѣнецъ и багряницу, забываетъ, что это все тотъ же вѣнецъ и та же багряница,—а въ нихъ-то все и дѣло. Когда народъ—Государь, то гдѣ же народъ? (1)

Ни той, ни другой бѣды не случилось съ Славянами, призвав-

(1) Съ боку, на поляхъ, рукою автора написано: начало свободы—Земля; начало неволи—Государство. *Прим. изд.*

шими Государство изъ-за морй, изъ чужбины. Земля строго оставалась въ своихъ Земскихъ предѣлахъ, не желая *государствовать*. Государство съ своей стороны не переходило своихъ предѣловъ и не врывалось въ область Земскую. Земля такъ и осталась вѣрною своему Земскому началу и довѣрчиво заключенному союзу съ призваннымъ Государствомъ; но Государство нарушило эти отношенія. . . . . Когда и какъ это случилось — объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто; но, если будетъ можно, то мы надѣемся поговорить объ этомъ впослѣдствіи.

Сѣверные Славяне, призвавшіе Рюрика съ братьями, *призвали въ его лицѣ Государство къ Землѣ*, — и Русская исторія началась. Мало по малу въ тѣ же отношенія къ Государству стали и всѣ племена Славянскія, населяющія Россію.—Народъ, при князьяхъ Рюриковичахъ, вездѣ сохранялъ свое Вѣче, свой свободный, громкій голосъ. Но Вѣче однако, какъ было сказано, совѣщаніе.— чисто нравственное и свободное по существу своему, — вошло въ то же время отпечатокъ грубой силы, нисколько не узаконенной, но являющейся случайно. Вѣче не рѣдко оканчивалось, въ Новгородѣ особенно, боемъ. Исторіи предлежало очистить высокое начало народнаго совѣта отъ примѣси грубой силы и возвести его къ единому достойному выраженію своему — къ слову. Когда Россія представляла множество княжествъ, соединяемыхъ съ одной стороны, народной,—общею Земскою связью, а съ другой, государственной,—единствомъ Рюриковскаго дома, совокуплявшимъ въ одно цѣлое множество князей-Рюриковичей, тогда происходили частыя столкновенія между князьями, спорившими о княжествахъ и, позднѣе, стремившихся къ усиленію, каждый, собственнаго княжества. Эти княжества не представляли ни феодальной системы, съ королемъ во главѣ, ни федеративнаго союза: при чемъ была бы признана независимая самостоятельность княжествъ, какъ отдѣльныхъ государствъ, лишь вступившихъ въ союзъ другъ съ другомъ. Нѣтъ, это было другое. Это были призраки Государствъ, носившіеся надъ Русскою Землею. Государственность была лишь намѣчена, такъ сказать. На единой Русской Землѣ были настроены на живую руку государственныя перегородки (какъ мы нѣкогда выразились), много мѣшавшія цѣль-

ной жизни народа и въ то же время благопріятствовавшія мѣстному соперничеству и даже и враждебности самыхъ племенъ и населеній. Съ другой стороны, это возбуждало безпрестанныя междоусобныя войны; хотя Земля была совершенно равнодушна къ правамъ князей на княжества и къ ихъ спорамъ о старшинствѣ, но иногда она увлекалась личностію того или другаго князя, и принимала дѣятельное участіе въ междоусобіи, а иногда и сама заводила внутреннія распри, и тогда князья являлись у нея предводителями. Понятно, что это бранное междоусобное время мѣшало полному соотвѣтственному выраженію Земскаго начала. Но когда Москва, опираясь на сочувствіе Земли, переломала внутреннія государственныя перегородки и уничтожила усобицы, когда единое Государство стало рядомъ съ единою Землею и внутренняя брань прекратилась, тогда Земское начало, вмѣсто многочисленныхъ вѣчъ, выразилось въ единой Земской Думѣ или Земскомъ Соборѣ, состоявшемъ изъ выборныхъ отъ всякихъ людей со всѣхъ концовъ Россіи.

Въ ту минуту, какъ Государство состроилось въ одно цѣльное зданіе и почувствовало свою цѣльность и единство, когда, разставшись съ воспоминаніями отдѣльныхъ княжествъ, оно приняло,—какъ свидѣтельство своего новаго цѣльнаго существованія, какъ торжественное проявленіе новой эпохи,—новое наименованіе Царства,—тогда оно немедленно обратилось къ Землѣ, единой, цѣльной, и призвало ее на совѣтъ. Первый Русскій Царь, Іоаннъ IV, едва вѣнчался на Царство, какъ созвалъ выборныхъ изъ городовъ съ разныхъ сторонъ Россіи, въ Москву, на Красную Площадь. Одно это собраніе выборныхъ съ разныхъ концовъ Россіи показываетъ уже новую эпоху, показываетъ уже въ Россіи цѣльность и единство Земское, цѣльность и единство Государственное. Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ Земля призвала Государство: первоначально это были отдѣльныя области и отдѣльные князья: теперь всѣ эти области слились въ одно, точно также, какъ и отдѣльныя властвованія слились въ одну власть; теперь въ Москвѣ встрѣчаются другъ съ другомъ на Соборѣ единая Русская Земля и единое Русское Государство. Но прежній союзъ не былъ нарушенъ, и Земля и Государство, въ новомъ своемъ видѣ, оставались въ своихъ предѣлахъ и не смѣшивались другъ съ другомъ.

Съ этой-то замѣчательной минуты начинается рядъ Земскихъ Соборовъ.

Земскій Соборъ имѣетъ уже чисто Земскій, чисто нравственный, человѣческій характеръ. Здѣсь мнѣніе имѣетъ одно, достойное себя, проявленіе — *слово*. Ничего принудительнаго, никакого насильственнаго элемента онъ въ себѣ не заключаетъ; въ противномъ случаѣ это было бы или случайнымъ проявленіемъ грубой силы, или, если законнымъ явленіемъ, то уже государственнымъ, а не Земскимъ. Земскій Соборъ есть мнѣніе Земли, есть Дума Земли, Дума, которая въ подпору себѣ ничего не имѣетъ, кромѣ себя самой, кромѣ свободнаго слова, въ которомъ она выражается. Свободное слово — единая, вполнѣ человѣческая сила мысли. Земскій Соборъ и называется иногда Земская Дума; но такъ какъ первое названіе встрѣчается чаще, то мы его и удерживаемъ.

На Земскомъ Соборѣ, вмѣстѣ съ духовенствомъ и Земскими людьми, являются и служилые люди, но здѣсь они являются съ первымъ основнымъ, главнымъ значеніемъ человѣческимъ, какъ люди Земскіе, подающіе свое мнѣніе, совѣщающіеся на совѣтѣ всей Земли, а потому и весь Соборъ называется уже Земскимъ, существеннымъ именемъ человѣческаго дѣла.

И такъ, съ самаго начала Русскаго Царства, съ той замѣчательной эпохи, когда только что вѣнчанный первый Русскій Царь созвалъ на Красную Площадь выборныхъ отъ всей Земли Русской, — начинается рядъ Земскихъ Соборовъ, краткій историческій очеркъ которыхъ мы намѣрены представить нашимъ читателямъ. (1)

---

(1) Нашъ краткій очеркъ есть первый слабый и недостаточный опытъ историческаго разсказа о Земскихъ Соборахъ которые до настоящихъ годовъ мало обращали на себя вниманіе Русскихъ ученыхъ, между тѣмъ какъ эти Земскіе Соборы (достояніе древней до-Петровской Руси) есть *существеннѣйшее* явленіе Русской народной жизни, есть выраженіе нашего коренного народнаго начала..... Если наши изслѣдователи Русской исторіи сообщатъ намъ новыя свѣдѣнія о Земскихъ Соборахъ, то мы будемъ искренно имъ благодарны.

Еще во времена княжествъ, во времена усобицъ, видимъ мы опытъ, такъ сказать, Земскаго Собора.

Вслѣдствіе существеннаго элемента Славянскаго племени, элемента общиннаго,—совѣщаніе, совѣтъ, дума проникаетъ (мы видимъ это съ древнѣйшихъ временъ) всю жизнь Русскую; всюду, гдѣ Русскіе люди, тамъ вы встрѣчаете общее совѣщаніе. Къ этому элементу безпрестанно обращается и Государство, котораго прямая обязанность (по понятіямъ древней Руси, другими словами по Русскому народному воззрѣнію) — охранять земское начало и неотъемлемую его принадлежность — свободное совѣщаніе. Мы видимъ, что въ ту эпоху, когда множество князей, хотя соединенныхъ единствомъ происхожденія, раздѣляли однако между собою, враждуя, и Русскую Землю, хотя единую единствомъ земскимъ,—придумали они еще другой способъ, чтобъ найти между собою единство, чтобы составить одно цѣльное явленіе. Князья стали съѣзжаться и совѣщаться между собою. Такой съѣздъ князей дѣлалъ точно извѣстную цѣльность разрозненной государственности тѣхъ временъ: являлся совѣтъ князей. Но такой совѣтъ, (въ которомъ проявлялся уже и общинный элементъ), во главѣ правительства, совѣтъ между равными государями, да еще связанными между собою единствомъ управляемой страны, возможностью, притязаніемъ или правомъ занять мѣсто одинъ другаго,—такой совѣтъ—дѣло трудное, и, какъ ни хорошо, казалось, придумалъ Владиміръ Мономахъ съ князьями, мысль его не долго прилагалась къ дѣлу и съѣзды княжіе прекратились. Но какъ бы то ни было, именно въ эпоху этихъ съѣздовъ, именно въ ту минуту, когда Государство представляло, хотя шаткую, невѣрную, нетвердую, но кажущуюся цѣльность, явилась мысль о Земскомъ Соборѣ или о чемъ-то ему подобномъ. Въ 1091 году Святополкъ и Владиміръ Мономахъ послали къ Олегу, такъ говоря: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русьстѣй Земли, предъ епископы и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русьскую Землю отъ погаыхъ.» Олегъ гордо отвѣчалъ: «нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ. (П. С. Р. Л. Т. I, стр. 98).

Но, какъ было сказано, съѣзды не удались, и опять видимъ мы князей и нѣча въ княжествахъ. Позднѣе, когда начала собираться во едино Русская Земля, когда государственныя пере-

городки падали, отъ сильной руки Москвы, поднявшей знамя всей земли Русской и вмѣстѣ единаго Русскаго Государства, — тогда умолкаютъ постепенно вѣча въ городахъ, — и нѣтъ еще иного выраженія земскаго голоса, нѣтъ еще Земскаго Собора. Но это была эпоха переходная, и какъ скоро Москва совершила свою великую задачу, какъ скоро Земля собралась, какъ скоро Государство сплотилось, такъ немедленно, обновленное *единое* Государство зоветъ обновленную *всю* Землю на совѣтъ, и — являются Земскіе Соборы.

II.

ЧАСТНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О ДРЕВНИХЪ ВѢРОВАНІЯХЪ, ПРЕДАНІЯХЪ, ОБЫЧАЯХЪ И О БОГАТЫРСКОМЪ ЦИКЛѢ РУССКАГО НАРОДА.

О ДРЕВНЕМЪ БЫТѢ

СЛАВЯНЪ ВООБЩЕ И РУССКИХЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ, НА ОСНОВАНІИ ОБЫЧАЕВЪ, ПРЕДАНІЙ, ПОВѢРІЙ И ПѢСЕНЪ. (1)

I.

Язычество.

Первое, что составляетъ особенность народа, что даетъ ему оцѣнку нравственную, это его древнія религіозныя вѣрованія. — Хотя они сами по себѣ предметъ такой важности, который заслуживаетъ цѣлаго отдѣльнаго сочиненія, но мы должны коснуться онаго, хотя не съ такою подробностью, какъ въ отдѣльномъ, ему посвященномъ сочиненіи. — Съ него должны мы начать статью свою.

На основаніи всѣхъ историческихъ извѣстій и теперь сохранившихся памятниковъ древности, мы видимъ, что языческія вѣрованія не были одинаковы у Славянъ.—У Славянъ Западныхъ видимъ мы опредѣленныхъ боговъ, богослуженіе, жрецовъ, и идолы и храмы; слѣдовательно (*видимъ*) язычество, являющееся опредѣленнымъ, яснымъ и даже грубымъ идолопоклонствомъ, быть можетъ подъ вліяніемъ чуждыхъ народовъ, съ которыми они были въ соприкосновеніи. Таковы были прибалтійскіе Славяне и проч. Но у Русскихъ Славянъ мы ничего подобнаго не видимъ; не видимъ положительно ни жрецовъ, ни хромовъ, не видимъ ни

---

(1) Черновая первоначальная рукопись, къ сожалѣнію, неоконченная; написана вѣроятно, въ 1851 году. Въ концѣ рукописи находится описаніе свадебныхъ обрядовъ у Лужичанъ, извлеченное авторомъ изъ извѣстной книги Лужицкаго ученаго, Смолира. Мы сочли не лишнимъ помѣстить и это извлеченіе, какъ интересное и само по себѣ и по замѣткамъ автора. *Пр. изд.*

идоловъ, ни даже боговъ. — Правда, Несторъ упоминаетъ о богахъ и кумирахъ; но слова его объясняются какъ нельзя яснѣе. Онъ упоминаетъ о Перунѣ, стоявшемъ на холмѣ въ Кіевѣ — при Игорѣ; слѣдовательно въ то время, когда еще Русь не слилась съ Славянами, когда Древляне говорили: се князя убихомъ Русскаго, очевидно себя Русскими не называя; когда и самъ Несторъ говоритъ: Поляне, яже нынѣ зовомая Русь.—Какъ же упоминается о Перунѣ? О Перунѣ упоминаетъ Несторъ, говоря, что князь и погапая языческая *Русь* клялись передъ Перуномъ, что христіанская Русь присягала въ церкви Св. Ильи, ибо, прибавляетъ онъ: многіе Варяги были христіане. Здѣсь очевидно подъ именемъ Руси разумѣетъ Несторъ не народъ Кіевскій, но дружину князя, и выраженіе Русь, то сближается съ народомъ, то отдаляется. Несторъ повторяетъ нѣсколько разъ, что народъ — Славяне и что теперь только они *(Славяне)* зовутся Русью. И такъ, покланялись Перуну князь и дружина его; идолопоклонство это—было вѣра князя и дружины, перенесенная ими изъ странъ Поморскихъ, вѣроятно отъ тамошнихъ Славянъ. Въ доказательство, что это не была вѣра народа, можемъ привести и то, что, кромѣ Кіева, мы не знаемъ о кумирахъ; въ Новгородѣ, оставленномъ князьями, ихъ кумировъ очевидно не было, пока Владиміръ, движимый языческою ревностію (изъ чего, какъ глубоко замѣтилъ Ломоносовъ, уже можно было видѣть, какъ изъ рвенія къ идолопоклонству—Владиміръ придетъ къ христіанству), не послалъ поставить кумира въ городъ, гдѣ онъ сидѣлъ княземъ.— Позднѣе это обозначается явственнѣе. Владиміръ, воротясь изъ-за моря, обновляетъ идолъ Перуна и ставитъ другіе идолы, которыхъ Несторъ именуетъ: Хорсъ и проч.: все это заморскіе гости. Тутъ же посылаетъ онъ и Добрыню ставить кумиры въ Новгородѣ. (1) Здѣсь только видимъ, что идолопоклонство князя и дружины начинаетъ простираться и въ народъ, но оно не долго продолжалось; скоро свѣтъ христіанскій озарилъ Русскую землю, Русской народъ, скоро Владиміръ *(принялъ крещеніе)*. Народъ легко от-

(1) Съ боку на поляхъ рукою автора написано слѣдующее: „Говорится *(въ лѣтописи)*: „и жряху ему людіе Новогородстіи"; очевидно что прежде не было ни кумира, ни поклоненія ему, да и самое скорое принятіе кумира показываетъ, что ихъ не было прежде, что некого было имъ вытѣснять. Въ Кіевѣ видимъ то же." *Пр. изд.*

далъ принятые имъ кумиры, и также легко принялъ христіанство, — но послѣ оно глубоко проникло его душу и стало необходимымъ условіемъ всего его существованія. Христіанинъ и Русской стали однимъ словомъ. Русь, какъ земля христіанская, именуется святою, и вся послѣдующая исторія показала, что ни соблазны, ни насилія не могутъ лишить насъ духовнаго блага вѣры.—Отдавая на терзаніе свое тѣло, Русской не отдавалъ души, и терпѣливый во всемъ, онъ не переносилъ оскорбленія вѣрѣ; исторія казаковъ, исторія Польскаго нашествія показываютъ намъ это, являютъ намъ этотъ спасающійся на землѣ народъ, падающій какъ грѣшникъ-человѣкъ, но не слабѣющій въ вѣрѣ, не отрывающійся, всегда кающійся и возстающій покаяніемъ. Поляки изумлялись, смотря на это во время междуцарствія; ихъ католическая вѣра была власть политическая, завоевательная, была дѣло государственное, и по этому дѣло совсѣмъ другое. Приходя въ частыя соприкосновенія съ Русскимъ народомъ по вопросамъ государственнымъ, Поляки съ изумленіемъ говорятъ: странный народъ: онъ толкуетъ не о политическихъ условіяхъ, а о вѣрѣ. Но мы, Русскіе, этому не удивимся, а съ благоговѣніемъ слышимъ это.

Когда вспоминаешь, какъ крестился Русской народъ, невольно умиляешься душою. Русской народъ крестился легко и безъ борьбы, какъ младенецъ, и христіанство озарило всю его младенческую душу.—Въ его душѣ не было воспоминаній языческихъ, не было огрубѣлой, опредѣленной лжи.

Мы отдалились нѣсколько отъ предмета нашей статьи, но трудно было не отдалиться.

Чему же вѣрилъ Русской народъ до христіанства?

Онъ не имѣлъ идоловъ, но онъ не имѣлъ и боговъ; всѣ эти семь боговъ встрѣчаются только у Нестора и изъ разсказа его видно, кѣмъ и какъ они вводились; изъ разсказа же его видно, что это не были боги народа. Вспомнимъ, что онъ говоритъ о язычествѣ племенъ Славянскихъ до Рюрика, но тутъ не говоритъ онъ ни объ идолахъ, ни о богахъ даже; онъ говоритъ о обычаяхъ, объ игрищахъ, на которыя сходились, объ умычкѣ невѣстъ, и только. Эти обычаи и теперь еще соблюдаются, потерявшіе мгновенно свой языческій смыслъ и обратившіеся частію въ суевѣрія народныя, и большею частію сохранившіе только одну сто-

рону игръ и вообще общественной жизни. — Въ подтвержденіе Нестору можетъ служить Уставъ Св. Владиміра, гдѣ говорится объ обрядахъ, но не поименованы не только идолы, но ни одинъ богъ; а это бы, конечно, было, если бъ въ народѣ были боги. Позднѣе укоры духовенства устремлялись на игрища, между прочимъ на качели; правда, встрѣчаются въ позднѣйшихъ духовныхъ сочиненіяхъ имена боговъ языческихъ, но вспомнимъ, что тутъ же именуются иногда и Марсъ и Афродита, а имъ, конечно, не вѣрилъ народъ. Въ нашихъ пѣсняхъ и обрядахъ нѣтъ имени ни одного бога, ни малѣйшаго о томъ свидѣтельства.

И такъ, опять: чему же вѣрилъ Русской народъ до христіанства?

Его вѣра была не опредѣленна и не ясна, какъ и должна быть у того, кто еще не озаренъ истиной, но кому недоступна, для кого невозможна ложь, по крайней мѣрѣ ложь утвержденная, опредѣленная, давшая себѣ образъ и самостоятельность. — Русской народъ, конечно, признавалъ невидимаго высшаго Бога, не опредѣляя его и не зная; съ другой стороны, лицомъ къ лицу съ жизнію земною, съ ея таинствами природы и человѣческой судьбы, онъ слышалъ эти таинства, и вѣра его была постоянное признаніе этихъ таинствъ, постоянное освященіе жизни, въ ея разныхъ великихъ проявленіяхъ, постоянное возведеніе случайной преходящей минуты къ чему-то высшему. Отсюда эти игрища, на которыхъ торжествовался бракъ, отсюда тризны, отсюда и гаданья. Ни жрецовъ, ни богослуженія не было, но были таинственные обряды, и дѣва въ глазахъ Русскаго Славянина была чистое и высшее существо, что показываетъ самое ея имя (1); можно достовѣрно предположить, что дѣвы по этому самому были гадательницы, и совершали гаданья (предсказанья); для этого стоитъ припомнить дѣвъ ..... (2) пѣсню: «гадай, гадай, дѣвица», наконецъ наши подблюдныя пѣсни. Славянской Русской народъ лелѣялъ дѣву. Это ясно надѣемся увидать изъ разсматриванія нашихъ пѣсенъ и обрядовъ, что до сихъ поръ такъ живо при народныхъ свадьбахъ.—Вѣря въ таинства природы, во всемъ видя высшій смыслъ, Славянинъ вѣрилъ въ духовъ; но еще сильнѣе и общѣе, еще чище вѣрилъ онъ въ освященіе всякого со-

(1) Съ боку рукою автора написано: „Священное значеніе дѣвы: дѣва—diva." *Пр. из.*
(2) Одно слово неразобрано. *Пр. изд.*

бытія. Такъ масляницу, семикъ и другія празднества, онъ возводилъ въ существа фантастическія, выражая тѣмъ общій смыслъ ихъ; это не былъ опредѣленный антропоморфизмъ, это было скорѣе поэтическое олицетвореніе смысла вещи: существа эти не жили гдѣ-то постоянно, не были; это были скорѣе видѣнія, подымавшіяся и изчезавшія, но присутствіе ихъ и возможность явленія слышались постоянно, ибо постоянно признавался общій смыслъ вещи; таковы: коляда и семикъ, вовсе не божества; таковы послѣ христіанства: пятница, воскресенье (1) и проч.

И такъ, язычество Русскаго Славянина было самое чистое язычество, было, какъ сказали мы, при вѣрованіи въ Верховное Существо, постоянное освященіе жизни на землѣ, постоянное ощущеніе общаго высшаго смысла вещей и событій. Слѣдовательно вѣрованіе темное, не ясное, готовое къ просвѣщенію и ждавшее луча истины.

А другіе Славяне? Конечно, это было и у другихъ Славянскихъ племенъ, но или отъ сосѣдства съ народами Западными грубыми, или отъ разныхъ столкновеній, событій исторіи, они не сохранили своей первой, чисто-языческой вѣры, вдались въ многобожіе и идолопоклонство. Впрочемъ, надо и то сказать, что у каждаго племени свой подвигъ и своя заслуга. Обратимся къ Славянамъ Русскимъ.

При своихъ вѣрованіяхъ, Славяне Русскіе образовали жизнь свою; они поняли значеніе общины, они ощущали чувство братства, чувство мира и кротости, и *(имѣли)* многія общественныя и личныя добродѣтели.—Ихъ игра: хороводъ, кругъ—образъ братской общины. Такъ жили они въ таинѣ христіанства.

Наконецъ явился безсмертный свѣтъ Вѣры Христовой,—и язычникъ, удержавшійся отъ идолопоклонства, не загромоздившій понятіе свое опредѣленіями лжи, въ награду легко и свободно припялъ христіанство и крестился, какъ младенецъ. Въ его душѣ не было ни кумировъ, ни боговъ или языческихъ воспоминаній, не было опредѣленной, огрубѣлой лжи. Но отнынѣ, узнавъ истиннаго Бога, онъ глубоко и навсегда наполнился истиной ученія Спасителя. Совершились таинія кроткаго и не ясно вѣровавшаго

(1) Съ боку рукою автора приписано: „Встрѣча весны, Ярило, поклоненіе роду и рожаницѣ." *Пр. изд.*

язычника. На добрую почву упало святое сѣмя и возрасло во благѣ; на землѣ между народами явилась Святая Русь.

Исторія показываетъ, какой свѣтъ проникъ всю жизнь и существо Русскаго народа съ принятія христіанства, и какъ вѣра христіанская стала его неотъемлемымъ благомъ души, его силою и сущ*(ностью?)* Съ другой стороны понятно, что слабость языческаго значенія дала возможность удержаться прежнимъ обрядамъ, въ которыхъ христіанинъ не видалъ ни боговъ, ни языческой вѣры, въ которыхъ наиболѣе высказывались общинныя веселія, общинная жизнь; а если и было легкое языческое значеніе, оно изчезло, какъ тѣнь, съ принятіемъ христіанства, и осталось только значеніе игръ и общественности. Иначе смотрѣло прежде духовенство; знавшее язычество по преданію другихъ языческихъ народовъ, оно думало и здѣсь его видѣть, и возставало противъ этихъ игръ, даже противъ качелей; но оно ошибалось, и теперь, слава Богу, противъ этого оно не возстаетъ.

Вотъ, кажется намъ, какъ надобно смотрѣть на Русское язычество. Теперь мы намѣрены обратиться къ подробному изслѣдованію обрядовъ, пѣсенъ и проч., и, на основаніи ихъ, народнаго быта.

БЫТЪ РУССКАГО НАРОДА ПО ЕГО ОБЫЧАЯМЪ, ПОВѢРЬЯМЪ И ПѢСНЯМЪ.

Бракъ въ народѣ Русскомъ не былъ дѣломъ частнымъ, но дѣломъ общественнымъ. Вся община принимала въ немъ участіе; съ ея приговора, на ея глазахъ, совершался бракъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она стѣсняла браки; но какъ скоро бракъ затѣвался, то онъ уже былъ дѣломъ, въ которомъ принимала участіе цѣлая община, сопзволяя на него и свидѣтельствуя о немъ. — Въ эту минуту женихъ и невѣста, или новобрачные, были на первомъ планѣ и потому назывались княземъ и княгинею, община становилась около нихъ, какъ около князей, въ *(такомъ же)* порядкѣ, со всѣми степенями власти, какія окружали князя; здѣсь являлись дружки, тысяцкій, даже бояре и потомъ дворяне; поѣздъ бывалъ многочисленъ и часто имѣлъ величественный видъ,

какъ прилично князю. — Воображаемый князь, для большей соотвѣтственности своему званію, пріѣзжалъ какъ бы изъ далекой земли; пріѣздъ его съ пышнымъ поѣздомъ принималъ характеръ требованія; отсюда понятно *(выраженіе)*: «быть роду да полоненому, всему роду покорённому.»—Князь встрѣчалъ препятствія. Минута, страшная для дѣвушки, отдалялась такимъ образомъ отъ нея. При значеніи семьи, какъ общины, кромѣ согласія отца и матери, требовалось еще согласіе братьевъ, членовъ семьи; истребованіе этого согласія и составляло препятствія, замедляющія бракъ.—Кнутъ или плетка, игравшая роль на свадьбахъ, не имѣла значенія побоевъ или даже власти; она была необходимымъ атрибутомъ и знакомъ всадника, какимъ являлся князь и весь его поѣздъ (*конь* отъ *конъ—верхъ*, конный, и отъ *верха-верхомъ*, верховой).

При глубокомъ уваженіи къ женщинѣ у Славянскихъ народовъ, дѣвушка была наиболѣе уважаемое, лелѣемое существо. — Это было какое-то цѣлое привилегированное сословіе, не знавшее ни труда, ни заботы, знавшее лишь игры да пѣсни, лишь счастіе молодости и красоты. Понятно, почему вступленіе въ бракъ, хотя бы онъ совершался при согласіи со стороны дѣвушки, казалось для дѣвушки такъ страшно. Въ бракѣ, въ который она вступала, начиналась для нея забота и трудъ, жизнь дѣйствительная съ хлопотами и нуждами. Понятно и прощаніе дѣвушки-невѣсты съ подругами, и подругъ съ нею. Она отстаетъ отъ нихъ веселаго общества, отъ ихъ полку; покидаетъ ихъ беззаботную жизнь. «Кто у насъ измѣнщица,» поютъ онѣ, «кто измѣняетъ намъ; у насъ не было измѣнщицы, прелестницы» и проч. — Коса есть безспорно первая красота женщины, и она такъ и понималась Славянами; коса была первою красотою дѣвушки, предметомъ первой ея заботы; она была на виду и составляла необходимую отличительную особенность дѣвическаго образа, ея право и знамя; «коса дѣвичья краса», говоритъ пословица. — При такомъ значеніи дѣвушки въ жизни Славянской, вспомнимъ еще тотъ важный и глубокій взглядъ, который былъ на бракъ у Славянъ; вспомнимъ древнія повѣствованія о цѣломудріи ихъ женъ, наконецъ святое значеніе вѣры, освятившее бракъ, возвѣстившее его какъ таинство, и мы поймемъ, какъ должна была задумываться и плакать дѣвушка, какъ бы ни любила она своего жениха, приступая къ

такой великой минутѣ, которая всей жизни ея дастъ другой видъ и съ которой начнется для нея трудъ и забота жизни. И точно бракъ носитъ у насъ названіе *суда Божьяго*. (Наше переобразованное общество утратило это названіе, какъ и все серьезное въ жизни. Бракъ у насъ дѣло легкое, забава, и наши женщины рѣзвятся больше дѣвушекъ). — Забавы, игры дѣвичьи, какъ и должно, оканчивались съ вступленіемъ въ бракъ; красота ея, манившая къ себѣ всѣхъ добрыхъ молодцевъ, теперь для одного существуетъ, избравшаго ее и избраннаго ею. — Понятно теперь, почему прощается дѣвушка съ красотою своею, олицетворяя ее поэтически и передавая подруженькамъ; понятно, почему прощается она и разстается съ косой своей, символомъ и лучшимъ проявленіемъ женской красоты, которая ужъ не будетъ густою длинною прядью падать съ ея головы или одѣвать ее всю покрываломъ, упадающимъ до пятъ, но ляжетъ на ея головѣ и покроется женскимъ уборомъ.

Основа Русской общины вполнѣ истинна; личность признается въ ней въ своей свободѣ, но не въ произволѣ своемъ; она не терпится въ общинѣ лишь во лжи своей, въ эгоистическомъ своемъ бунтѣ; тогда она бываетъ исключаема или сама себя исключаетъ изъ общины. Артель есть ростокъ, который пустила отъ себя община. До Петра система Руси истинна....

РАЗБРОСАННЫЯ ЗАМѢТКИ ВЪ ТОЙ ЖЕ РУКОПИСИ (1).

Ладо—супругъ и супруга. *Складъ*—свадебные подарки.
Складованье—бракъ.
Коледа—сборъ дневной милостыни.
Семикъ—сеймъ, сеймикъ, соймикъ.
Объяснить хороводъ. Словопроизводство *Хоро-съ, Хорсъ, хоръ,*

---

(1) Мы помѣстили эти замѣтки потому, что онѣ объясняютъ также, не смотря на свою краткость, взглядъ и задачу автора. *Прим. изд.*

яръ-ярусъ, паръ-парусъ, конъ-копусъ.

Почитаніе родильницы?

Чуръ меня значитъ *чрезъ меня, прочь меня, мимо меня, Чуръ — чрезъ* и *черта*, подобно какъ *прочь.*

Лель—лельять; вода *лельетъ, люлька.*

Коляда—коло-ьда,—яда, коло-ида; дать коляду.

«Миръ вашему сидѣнью, поди къ нашему *смиренью.*»

Братчины, складчины.

Привѣтствія нѣсколькимъ сидящимъ вмѣстѣ; образованіе хороводовъ.

Взять ли не взять по любови,—незавидимость дѣвушекъ.

Дешевизна молодцевъ; дороговизна дѣвушекъ.

Священное значеніе дѣвушки. Дѣвство выше замужства. Дѣва —божественная. Diva, divina.

Самое то, что искали невѣсть издалека, едва ли показываетъ родовой бытъ, при которомъ бы женились въ своемъ роду.

ЗАМѢЧАНІЯ ПО ПОВОДУ ЛУЖИЦКИХЪ ПѢСЕНЪ (1).

Piesnički hornych a dol'nych Łužickich Serbow.

Часть I, стр. 22. Воровство рѣдко; воруются лишь лѣсъ и плоды: Богъ возрастилъ для всѣхъ, и себѣ присвоивать не грѣхъ.

23. Вообще любятъ они общественное веселье. Веселость.

Ч. II, 203. Wjacy jich je a ljepe slodźi· чѣмъ больше ихъ, тѣмъ вкуснѣе; чѣмъ больше народу ѣстъ вмѣстѣ, тѣмъ вкуснѣе.

Wón ma zmija: кто непонятно богатѣетъ — повѣрье, что огненный змѣй приноситъ богатство.

212. Построеніе деревни Русское.

Раздѣляются поля по своему свойству, и каждый имѣетъ часть въ полѣ; владѣнія ихъ разбросаны, но это указываетъ на общинный бытъ.

---

(1) Авторъ очевидно отмѣтилъ то, что поразило его сходствомъ съ Русскимъ народнымъ воззрѣніемъ и обычаемъ. *Прим. изд.*

214. Устройство полевой работы общественное.

216. Отличіе, основанное на породѣ (Geburtsauszeichnung) неизвѣстно Лужичанамъ.

217. Lehnsgutbesitzer — витязь.

Общинное устройство.

Писаныя яица.

Березки (Pfingstfest).

Въ свадебныхъ обрядахъ Лужичанъ много сходнаго съ Русскими.—Очевидны въ нихъ слабые остатки и намеки на обычаи, которые уже изчезли у нихъ, но сохранились сильнѣе у другихъ Славянъ и во всей силѣ у Русскихъ. Такъ, напримѣръ: невѣста не поетъ у нихъ грустныхъ пѣсенъ; но и у нихъ сидитъ она (собственно въ Нижней Лузаціи) съ покрытою головою, подпершн ее руками; и у нихъ въ обычаѣ, чтобъ она была грустна. Вообще обрядныхъ свадебныхъ пѣсенъ очень мало; жизнь не становится у нихъ въ минуты свадьбы драматической поэзіей, какъ у насъ; но со всѣмъ тѣмъ нѣсколько этого есть и у нихъ. У нихъ есть дружка, товарищи, сваты, товарищки и свашки. — Дружка сватаетъ у нихъ первый (одинъ, но не всегда), первый приходитъ въ домъ отца и матери дѣвушки. Также заговариваетъ: нѣтъ ли у нихъ продажной телки, и пр. т. п.—Потомъ, если отвѣтъ благопріятенъ, онъ является съ женихомъ, и первыя посѣщенія называются *выгляды* (смотрины). Потомъ является сговоръ (слюбъ). Собираясь идти на сговоръ, женихъ прощается со всѣми; отъ его имени говоритъ дружка и проситъ всѣхъ присутствующихъ и всѣхъ сосѣдей, простить жениха во всемъ, въ чемъ былъ онъ виноватъ передъ ними; женихъ благодаритъ родителей, сестеръ, братьевъ и всѣхъ за любовь и доброту, и идетъ въ жилище невѣсты. Пришедши, дружка вновь дѣлаетъ предложеніе, послѣ принятія котораго входитъ онъ со всѣми въ комнату; невѣсту приводятъ къ ея отцу, и дружка спрашиваетъ жениха и невѣсту: согласны ли они на помолвку. Когда они изъявятъ согласіе, онъ обращается къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ, роднымъ невѣсты, и всѣмъ присутствующимъ: согласны ли они съ этимъ желаніемъ (сдумали ли они)? Когда отвѣтъ утвердительный, онъ спрашиваетъ отца: довольно ли ему здѣсь присутствующихъ свидѣтелей и не нужно ли еще? Когда и это рѣшено, тогда дружка

соединяетъ руки жениха и невѣсты *(и говоритъ)*: «и такъ, я соединяю васъ (сговариваю — помолвляю) открыто передъ этими собранными свидѣтелями во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.»—Послѣ еще, по слову дружки, поется стихъ къ Богу.

Замѣчательно, что невѣста послѣ сговора называется княжною. Въ день назначенной свадьбы собираются всѣ гости въ домъ отца и матери къ жениху. Дружка выводитъ жениха и начинаетъ пѣснію къ Богу, потомъ спрашиваетъ жениха: согласенъ ли онъ, и потомъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, говоритъ рѣчь, въ которой проситъ, чтобъ всѣ они простили жениха; потомъ, обращаясь къ жениху, онъ говоритъ, чтобъ онъ простился съ родителями, съ братьями и сестрами и со всѣми; просилъ бы простить ему всѣ свои необдуманности и благодарилъ бы ихъ за всю любовь; женихъ прощается, потомъ дружка поетъ пѣснь, въ которой проситъ благословенія Божія, и женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ.—Это прощанье очень любопытно.

Въ Нижней Лузаціи дружка отъ имени жениха (иногда въ комнатѣ, иногда на дворѣ) прощается и проситъ прощенія и благословенія у родителей, братьевъ и сестеръ, у дядей и у тетокъ, у двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, у зятьевъ, и невѣстокъ, у крестныхъ родителей, потомъ у сосѣдей съ обѣихъ сторонъ, наконецъ у всей честной общины, потомъ у всѣхъ свадебныхъ гостей и свидѣтелей, большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ, далекихъ и близкихъ.—Проситъ, чтобъ всякой простилъ его (жениха), ибо онъ теперь на пути *Божіемъ*, na knjezowy droze. Такъ переводитъ Смоляръ. Это совершенно согласно съ вѣрованіемъ Славянскимъ, но осмѣливаемся думать, что здѣсь можетъ быть уцѣлѣло слово *князь* — на княжой дорогѣ. Невѣста называется княжна, и слово knjez, knjeni или knini въ Нижней Лузаціи употребляется въ смыслѣ господина и госпожи (См. Ч. II, с. 303). Замѣчательно, что если этотъ обрядъ совершается на дворѣ, то дружка обходитъ три раза поѣздъ, дѣлая мечомъ крестъ.—Прежде нежели приходятъ къ дому невѣсты, всѣ посылаютъ двухъ выборныхъ къ сельскому судьѣ и велятъ у него спросить: можно ли чужимъ людямъ войдти въ деревню. Судья обыкновенно отвѣчаетъ: если они люди честные, то пусть во имя Божіе идутъ, только пусть щадятъ стариковъ и дѣтей. Послѣ этого отвѣта, идутъ въ деревню; но прежде нежели взойдутъ въ нее, мо-

лодые люди деревни собираются и загораживаютъ дорогу заставою. — Дружка спрашиваетъ, что это значитъ; ему отвѣчаютъ, что чужихъ въ деревню впускать не велѣно. Дружка показываетъ позволеніе, но такъ какъ оно не помогаетъ, то онъ откупаетъ заставу. Приходятъ къ дому невѣсты; дворъ открытъ, но окна и двери дома заперты, какъ будто тамъ никого нѣтъ. — Дружка стучитъ нѣсколько разъ громче и громче. Наконецъ отецъ невѣсты спрашиваетъ: чего надобно. Дружка отвѣчаетъ, что онъ и его спутники просятъ ночлега остановиться; что они честные люди и мирные. Отецъ, со своими гостями, не вдругъ соглашается и отворяетъ двери. Дружка проситъ невѣсты; на это соглашаются также не вдругъ, и потомъ два раза выводятъ вмѣсто невѣсты другую, наконецъ въ третій разъ выходитъ сама невѣста съ отцомъ и со всѣми. Дружка благодаритъ и спрашиваетъ еще разъ невѣсту: согласна ли она сочетаться бракомъ съ избраннымъ женихомъ. Когда невѣста соглашается, дружка обращается къ родителямъ, и когда тѣ согласны, онъ проситъ гостей о сопровожденіи къ вѣнцу и потомъ заставляетъ невѣсту также прощаться съ своими, какъ передъ этимъ жениха. — Потомъ ѣдутъ къ вѣнцу въ церковь. Гости поютъ и кричатъ, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и бьютъ палками, какъ-будто бы должны были съ кѣмъ-нибудь драться. Прежде многіе изъ сопровождавшихъ къ вѣнцу носили холодное оружіе. Всѣхъ встрѣчающихся поятъ. — Въ Нижней Лузаціи есть нѣкоторыя измѣненія. Дружка входитъ первый въ домъ; невѣста сидитъ подлѣ подруги (товарки). Дружка ударяетъ мечомъ по столу и спрашиваетъ: товарищка, какъ дорога твоя невѣста? — Начинается споръ въ цѣнѣ; наконецъ улаживается. Дружку дарятъ, высылаютъ подарки жениху и его поѣзжанамъ. Потомъ дружка ведетъ невѣсту къ жениху; но два раза приводитъ, наконецъ въ третій разъ находитъ невѣсту, и точно такъ опрашиваетъ, проситъ благословенія отъ имени ея, какъ прежде отъ имени жениха. Потомъ выводитъ къ жениху невѣсту безъ покрывала; за ними всѣ, находящіеся въ домѣ, выходятъ. Когда женихъ скажетъ, что это настоящая невѣста, онъ представляетъ всѣмъ чету и проситъ все множество собравшагося народа объ отпускѣ. Эта рѣчь похожа на двѣ первыя. — Потомъ идутъ къ вѣнцу; отъ вѣнца невѣста идетъ подъ покрываломъ до свадебнаго дома.

Когда свадьба возвращается отъ вѣнца, то при выѣздѣ изъ приходской деревни, — юноши и дѣвушки удерживаютъ ее, перегораживая дорогу прекрасными шелковыми лентами, которую опять у нихъ откупаютъ. — Замѣчательно, что невѣста возвращается съ женихомъ въ свой родительскій домъ. — Обѣдъ послѣ свадьбы называется у нихъ: княжой обѣдъ, также честный или невѣстинскій. Молодые садятся въ углѣ противъ дверей (большой уголъ?). Замѣчательно, что повобрачный не можетъ плясать, повобрачная же пляшетъ сколько угодно и съ кѣмъ угодно. Въ Нижней Лузаціи на открытомъ мѣстѣ передъ церковью начинается невѣстинъ (свадебный) танецъ, открываемый дружкой и невѣстой, потомъ невѣста танцуетъ съ товарищемъ, и такъ со всѣми; всѣ должны перетанцовать другъ съ другомъ, изключая жениха, который въ первый день свадьбы танцовать не долженъ. Когда пріѣзжаютъ домой, то прежде нежели взойдутъ въ домъ, танецъ этотъ повторяется. Послѣ окончанія свадебнаго обѣда, всѣ встаютъ, невѣста должна встать на столъ и спрыгнуть съ него. — На другой день послѣ пира всѣ дарятъ новобрачныхъ деньгами и вещами; деньги каждый бросаетъ въ тарелку, стоящую на другой тарелкѣ. — Дружка съ звономъ бросаетъ въ нижнюю тарелку и благодаритъ. Это называется *складъ* или *складованье* (складчина). Потомъ оканчивается пиръ въ свадебномъ домѣ. Наступаетъ прощанье; дружка говоритъ рѣчь, присутствующіе поютъ приличную пѣсню, и невѣста прощается. Здѣсь при отъѣздѣ задерживаютъ ее дѣвушки шелковыми лентами, также и при пріѣздѣ въ новое жилище новобрачной. — Здѣсь принимаютъ ее радушно, дружка говоритъ рѣчь, устроиваютъ *вечеръ (вечерю)*. Во время обѣда новобрачная идетъ къ самому бѣдному семейству и относитъ имъ тарелку съ пищей. Женщины деревни собираются во время ужина и привѣтствуютъ новобрачную; ихъ благодаритъ и дарятъ. Ужинъ заключается молитвою и пѣснію. Въ ближайшее Воскресенье бываетъ «молодой квасъ», молодая свадьба. Новобрачная съ супругомъ посѣщаетъ своихъ родителей, тамъ обѣдаютъ и ужинаютъ. — Въ Нижней Лузаціи обряды сходны; также садятся за столъ и встаютъ, и идутъ молодые спать.—Различія не важны. Замѣчательно, что въ числѣ свадебныхъ блюдъ находится пирогъ, а картофель не употребляется. — Дружка имѣетъ мечъ и имѣетъ черезъ лѣвое плечо перевязь (въ Нижней Лу-

зацiи). Въ Нижней Лузацiи у невѣсты, хотя не вездѣ, бо́льшая часть волосъ падаетъ свободно по плечамъ ниже пояса.

И такъ, въ этихъ свадьбахъ есть намекъ на подругъ, — ихъ участiе видно слабо, — и намекъ на грусть невѣсты при разставанiи съ своими; вообще принято, чтобъ невѣста не была весела.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ „КУПАЛА И КОЛЯДА“ Д. О. ШЕПИНГА.

Основная мысль г. Шепинга, изложенная имъ въ статьѣ подъ названіемъ: Купала и Коляда,—совершенно справедлива. Авторъ говоритъ, что празднества Купалы и Коляды соотвѣтствуютъ зимней и лѣтней порѣ, дѣлившей годъ и вмѣстѣ труды, веселье и всю жизнь Славянина на двѣ половины; что время года и мѣстность сообщаютъ свой колоритъ этимъ праздникамъ, въ сущности тождественнымъ. — Въ самомъ дѣлѣ при семейно-общинномъ началѣ, такъ неотъемлемо соединенномъ съ существомъ Славянина, ходъ годоваго времени, съ его работами, отражался въ жизни Славянской, благопріятствуя то общинной, то семейной ея сторонѣ, и вмѣстѣ выдвигая впередъ то одну, то другую; но (само собою разумѣется) цѣльность жизни, заключающаяся въ соединеніи обѣихъ сторонъ, отъ этого нисколько не теряла. Семейная и общинная сторона жизни присутствовала всегда постоянно и нераздѣльно, лишь съ перевѣсомъ то той, то другой. — Такъ лѣтняя пора, когда вся природа дѣлалась доступнымъ мѣстопребываніемъ, когда общественныя работы возникали одна за другой, лѣтняя пора вызывала общинную сторону жизни—совокупную работу и совокупное веселье; являлись помочи, являлся хороводъ, веселый образъ и вмѣстѣ символъ согласно движущейся общины.

Такъ, на оборотъ, зимняя пора, вгоняя людей въ дома и вводя каждую семью подъ кровъ ея избы, вызывала сторону жизни семейную, — съ семейными работами, съ семейнымъ весельемъ, съ хозяевами и съ гостями. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этихъ праздникахъ есть семейное, есть общинное начало, а родоваго нѣтъ.

Соглашаясь съ основною мыслію статьи, мы тѣмъ болѣе считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ мы не согласны (можетъ быть это ничто иное, какъ недоразумѣніе) съ прекрасной статьей уважаемаго нами автора.

Дѣля такимъ образомъ пребываніе Славянина на двѣ мѣстности: на природу и домъ, г. Шепингъ въ первомъ случаѣ (какъ поняли мы) признаетъ духовъ природы: русалокъ, лѣснянокъ и пр., слѣдовательно духовъ мѣстности; во второмъ случаѣ, подъ домовымъ разумѣетъ онъ не только духа мѣстности, но видитъ въ немъ олицетвореніе отвлеченнаго семейнаго значенія отца, видитъ подтвержденіе этого значенія и въ названіи домоваго дѣдушкой. Намъ же кажется, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, для Славянина существовали только духи мѣстности, которые и различались по значенію мѣстности. Такъ лѣтомъ для Славянина были духи природы: русалки, лѣсняники и другіе разнообразные духи: ибо сама мѣстность и разнообразна и не очерчена извѣстнымъ кругомъ; зимою же для Славянина былъ духъ дома, *домовой:* домовой одинъ, какъ одинъ и домъ, опредѣленная, твердо очерченная мѣстность съ порогомъ и воротами. Названіе же дѣдушки ничего не доказываетъ: дѣдушками назывались и лѣшій и водяной, а они никакой связи съ особой семьей и никакого семейнаго значенія не имѣютъ (съ этимъ никто спорить не станетъ). Нѣтъ у каждаго дома своего лѣшаго и водянаго, тогда какъ домовой у каждаго дома. Да и какимъ образомъ, если это *духъ дома,* можетъ онъ не быть у каждаго дома?—Еслибъ здѣсь была какая нибудь связь съ семьею, то домовой, конечно, оставался бы одинъ и тотъ же, когда бы, напримѣръ, часть многочисленной семьи выстроила себѣ новую избу; между тѣмъ, въ этой новой избѣ является уже особый свой домовой, *чужой* всякому другому: ибо между самыми домами, самымъ строеніемъ, родственной связи быть не можетъ. Мало того, домовой живетъ и въ оставленной избѣ; это указываетъ на прямую его связь съ избою. Да и самое

наконецъ названіе его: *домовой*, указываетъ очевидно на домъ: онъ домовой, а не *родовой* и не *семейный*. Значеніе домоваго, какъ хозяина, опредѣляется только его мѣстностью. Значеніе хозяина теряется въ полѣ, среди природы и полевыхъ работъ; оно выступаетъ снова въ избѣ, гдѣ является и хозяинъ и семья, гдѣ для человѣка готова иная мѣстность и иной образъ жизни, и гдѣ ждетъ его постоянный духъ этой мѣстности, постоянный хозяинъ—*домовой*. Домовой даже болѣе, чѣмъ самъ домовладѣлецъ, хозяинъ въ избѣ, ибо человѣкъ можетъ быть и въ избѣ и въ полѣ, а домовой всегда въ избѣ, *ея духъ*. — Въ пользу нашего мнѣнія приведемъ еще доказательство: всѣ духи мѣстности съ мѣстностью своей нераздѣльны и могутъ существовать только въ ея предѣлахъ: такъ русалки не переходятъ, иначе какъ въ извѣстной мѣрѣ, за предѣлы водъ; другіе духи точно также. Теперь вспомнимъ, что домовой точно также не переходитъ за предѣлы дома; онъ можетъ быть перезванъ въ другой домъ, но непремѣнно въ *домъ*, именно въ эту мѣстность; здѣсь онъ только, какъ улитка, переселяется въ другую раковину. Семейной связи или значенія не имѣетъ домовой нисколько; связь, какая есть, чисто случайная, ибо нѣтъ примѣровъ, чтобы домовой выгонялъ семью изъ дома и призывалъ другую; свой домовой всегда добръ, и для всякого хозяина онъ свой. Эта связь домоваго съ семьей, дружественная, но вовсе не родственная, которой нѣтъ у духовъ природы, происходитъ отъ условій мѣстности и образа жизни. Лѣсъ, поле, рѣка принадлежатъ всѣмъ: тамъ семья исчезаетъ; изба принадлежитъ семьѣ: здѣсь семья выступаетъ; отсюда и является связь, которую имѣетъ съ семьею духъ избы, непремѣннаго жилища семьи; къ тому же въ поляхъ, лѣсахъ и на водахъ люди являются на время; въ избѣ они живутъ болѣе или менѣе, но постоянно; даже когда ихъ нѣтъ въ избѣ, изба—ихъ опредѣленное собственное жилище. Среди природы они гости, въ избѣ они хозяева. Все это скрѣпляетъ связь духа дома съ владѣльцами дома. И такъ, вся связь домоваго съ семьею основана на условіяхъ мѣстности и образа жизни. Дружественность его съ людьми, кажется намъ, вытекаетъ еще изъ того, что изба есть дѣло человѣческихъ рукъ и что по нашимъ народнымъ сказаніямъ, строя себѣ жилище, человѣкъ строитъ жилище и домовому; тогда какъ другіе духи ничѣмъ человѣку не обязаны. Обитая человѣческое жилище, домовой по этому имѣетъ больше

связи, и вмѣстѣ связи дружественной, съ людьми; онъ духъ по преимуществу человѣческій. Домовой любитъ данныхъ ему судьбою жильцовъ-хозяевъ избы, но онъ за ними не слѣдуетъ и не покровительствуетъ имъ впѣ предѣловъ своего владѣнія. Какъ бы въ подтвержденіе нашихъ словъ, г. Шепингъ самъ говоритъ: «съ приближеніемъ весны (1-го Марта) находитъ хандра на домоваго, доходящая не рѣдко до совершеннаго безумія; съ этихъ поръ его вліяніе значительно ослабѣваетъ, и онъ совершенно почти утрачиваетъ свое, болѣе общее собирательное значеніе; память о немъ какъ будто вдругъ изчезаетъ изъ народной демонологіи, и мы уже ни разу съ самой осени не встрѣчаемъ ни праздниковъ, ни другихъ дней, посвященныхъ домовому или связанныхъ съ нимъ въ суевѣрныхъ преданіяхъ нашего народа.» Не ясно ли это доказываетъ, что домовой только духъ мѣстности и никакой связи, кромѣ мѣстной, съ человѣкомъ не имѣетъ? Уничтожается мѣстная связь и домовой изчезаетъ; возникаетъ она снова, и домовой снова является.

Возражая на мнѣніе, что домовой имѣетъ у насъ какое нибудь семейное, тѣмъ менѣе родственное значеніе, скажемъ мимоходомъ о мнѣніи, будто бы домовой имѣетъ значеніе родовое, будто бы онъ олицетвореніе родоначальника. Намъ кажется, что мнѣніе это противорѣчитъ само себѣ (1). Домовой представляетъ собою родоначальника, говорятъ послѣдователи Эверса (2), роды спорили и враждовали между собою; отсюда вражда домовыхъ; всякой другой домовой есть чужой. И такъ, возражаемъ мы, у всякого отдѣльнаго рода долженъ быть одинъ домовой. Теперь предлагаемъ вопросъ: если кто нибудь изъ многочисленнаго рода, непомѣщающагося въ одной избѣ, построитъ себѣ новую избу, долженъ ли у него быть свой домовой, или нѣтъ? Народное повѣрье говоритъ, что непремѣнно долженъ; ибо въ каждой избѣ свой домовой; какже быть теперь члену рода, построившему новую избу? Откуда возьметъ онъ домоваго, если домовой олицетвореніе родоначальника предка! — Родоначальникъ и предки у него одни съ тѣми, которые остались въ старой избѣ; создать новыхъ, особыхъ родоначальниковъ и предковъ ему невозможно; сверхъ того вся-

(1) Это противорѣчіе, кажется, прежде всѣхъ было замѣчено г. Шепингомъ.
(2) Число которыхъ видимо уменьшилось.

кой другой домовой принадлежитъ другому роду и олицетворяетъ другаго родоначальника. Всякой домовой непремѣнно враждебенъ другому; слѣдовательно и искомый домовой новой избы. Какъ тутъ быть, какъ согласить все это; какъ найдти другаго, но тоже своего родоначальника и предка, тогда какъ родоначальникъ одинъ, общій? да еще такого родоначальника, который будетъ во враждѣ съ настоящемъ родоначальникомъ? Положеніе крайне затруднительное — изъ него нельзя выйдти иначе, какъ или оставивши новый домъ родича безъ домоваго, что невозможно по народному повѣрью, —или уволивъ домоваго отъ значенія родоначальника.— Мнѣніе послѣдователей Эверса о домовомъ разрушается въ своемъ основаніи само собою, собственнымъ логическимъ движеніемъ. Послѣ того нѣтъ нужды, по крайней мѣрѣ здѣсь, опровергать частныя сближенія домоваго съ родоначальникомъ.

Значеніе домоваго очень важно, но вовсе не въ родовомъ и даже не въ семейномъ отношеніи. А гдѣ надобно искать его значенія— показываетъ самое наименованіе: *домовой — духъ дома, домовой духъ.*

Что касается до догадки г. Шепинга, касательно вѣдьмы, мы признаемъ, что она очень остроумна, но принять ее безъ новыхъ доказательствъ нельзя.

Кстати скажемъ здѣсь вообще о Славянскомъ кумирослуженіи. Едва ли были Славяне, когда бы то ни было, идолопоклонниками, по крайней мѣрѣ Славяне Восточные. Кумира они не считали богомъ, а *изображеніемъ* божества, не болѣе. Доказательствомъ тому соломенныя чучелы божествъ, сожигаемыя въ огнѣ народомъ, чего бы быть не могло, еслибъ онъ считалъ идолы богами. Наконецъ, старикъ представляющій Ярилу, дѣвушка — Коляду, все это показываетъ лишь олицетвореніе, представленіе божества, не болѣе, но чувственному изображенію Славяне никогда не придавали божеской силы. Припомнимъ здѣсь, если не полное отсутствіе, то чрезвычайно малое количество извѣстныхъ кумировъ, и то у западной части Славянъ, которые могли быть увлечены примѣромъ другихъ народовъ. Кумиры, упоминаемые въ лѣтописи при Владимірѣ до Христіанства, имъ были воздвигнуты; прежде о нихъ и не говорится. Это усердіе къ кумирамъ вытекало у Владиміра, какъ думаетъ Ломоносовъ, изъ стремленія вѣры, которое впослѣдствіи обнаружилось испытываніемъ вѣръ и на-

конецъ довело его до вѣры истинной. Однимъ словомъ, можно, кажется, предполагать, что Славяне не были кумиропоклонники.

Въ заключеніе поблагодаримъ г. Шепинга, какъ за самую мысль его статьи, столько вѣрную и ясную, такъ и за то сочувствіе къ Русской народной жизни и ея истиннымъ (а не наклепаннымъ) проявленіямъ, сочувствіе, которымъ проникнута вся статья.

БОГАТЫРИ

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА

ПО РУССКИМЪ ПѢСНЯМЪ (1).

Цѣль этой статьи—изложить содержаніе пѣсенъ и сказаній о богатыряхъ Владимірова времени, опредѣлить характеристику богатырей, собравши отдѣльныя черты, разсѣянныя во многихъ пѣсняхъ, и указать, по возможности, на художественную сторону древней народной поэзіи. Въ статью, по необходимости вошло много выписокъ. Нужны были также пересказы пѣсенъ, потому что во 1) Сборникъ Кирша Данилова, главный источникъ древнихъ историческихъ сказаній, изданъ давно, извѣстенъ далеко не всѣмъ и пріобрѣтается не совсѣмъ легко; во 2) языкъ нашихъ древнихъ пѣсенъ, хотя вполнѣ понятный намъ и въ настоящее время, благодаря бытовой силѣ и крѣпости народа, отличается однакоже отъ нашего языка, тѣмъ болѣе отъ языка литературнаго,

(1) Эта статья была напечатана въ Русской Бесѣдѣ 1856 г. т. IV, а написана въ 1852 году. Здѣсь она предлагается съ нѣкоторыми дополненіями, найденными нами въ черновой рукописи. Вмѣсто вступленія, въ Р. Бесѣдѣ, противъ заглавія, имѣется въ выноскѣ слѣдующее примѣчаніе автора, которое мы здѣсь и помѣщаемъ: *Пр. изд.*

„Послѣ того, какъ была написана эта статья о богатыряхъ Великаго Князя Владиміра, появилось въ печати много пѣсенъ, относящихся къ этой же эпохѣ и къ тѣмъ же лицамъ, пѣсенъ, помѣщенныхъ большею частію въ Извѣстіяхъ Академіи. Пѣсни эти въ высшей степени важны и занимательны; онѣ содержатъ много новыхъ подробностей о богатыряхъ, извѣстныхъ уже, и даютъ свѣдѣніе о нѣкоторыхъ новыхъ. Съ удовольствіемъ можемъ мы сказать, что очерки богатырей, сдѣланные нами въ нашей статьѣ, подтверждаются и дополняются вновь напечатанными пѣснями. Но количество этихъ пѣсенъ и самая важность ихъ содержанія не позволяютъ намъ дѣлать краткія на нихъ указанія. Вмѣсто того, мы надѣемся, выждавъ, пока появится еще больше пѣсенъ, написать объ нихъ цѣлую особую дополнительную статью, гдѣ постараемся отдать полный отчетъ о ихъ достоинствѣ и содержаніи.

„Цѣль этой статьи не есть изслѣдованіе или разсужденіе о богатыряхъ, а только, изложеніе, возможно полное и стройное, богатырскихъ пѣсенъ, и характеристики богатырей.“

обмелѣвшаго и ослабѣвшаго, и при чтеніи своею особенностью задерживаетъ наше вниманіе: его красоту и силу мы чувствуемъ, но слышимъ въ тоже время, что уже не въ нашихъ устахъ движется это многомощное слово, которое потому становится какою-то средою между читателемъ и произведеніемъ. Необходимо себѣ пересказать пѣснію, приблизить ее къ себѣ и усвоить: вновь прочтенная, она сдѣлается намъ вполнѣ доступною, а языкъ ея явится для насъ во всей своей красотѣ и силѣ. Мы думаемъ также, что весьма немногіе изъ читавшихъ Сборникъ Кирши Данилова уяснили себѣ вполнѣ образъ, смыслъ и значеніе каждаго изъ богатырей, упоминаемыхъ въ пѣсняхъ, и полагаемъ, что употребленные нами, вполнѣ вѣрные пересказы необходимы и для характеристики богатырей, составляющей главную задачу статьи.

..... «Се же пакы творяше людямъ своимъ по вся недѣли; устави на дворѣ въ гридницѣ пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ и съцьскимъ и десяцькымъ и нарочитымъ мужемъ, при Князѣ и безъ Князя: бываше множество отъ мясъ и отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилію отъ всего (1).»

Такъ говоритъ лѣтопись о Великомъ Князѣ Владимірѣ. Эта привѣтливая, пиршественная сторона его жизни перешла въ народныя пѣсни. Владиміръ удержался въ памяти народной, какъ радушный, ласковый хозяинъ, къ которому все собиралось на пиръ, не только изо всего Кіева, но и со всѣхъ сторонъ Русской земли. Владиміръ созываетъ «старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многы», говорится въ другомъ мѣстѣ лѣтописи. И отовсюду ѣхали къ нему гости.—Нераздѣльно съ его пирами соединено сказаніе о славныхъ богатыряхъ, о могучихъ гостяхъ Владиміра, сказаніе, удержанное народомъ и сохраненное имъ въ полнѣйшемъ и подробнѣйшемъ видѣ, чѣмъ въ лѣтописи; лѣтопись упоминаетъ только объ Александрѣ Поповичѣ, Рахдаѣ, о разбойникѣ Могутѣ, объ Япѣ Усмошвецѣ. Но пѣсни говорятъ о многихъ другихъ.—И такъ Великій Князь Владиміръ, добрый и ласковый, гостепріимный и пирующій, постоянно окруженный гостями и богатырями, пришедшими со всѣхъ сторонъ Русской земли, соединяющій всѣхъ ихъ около себя и всѣхъ радующій привѣтомъ

(1) Лѣтопись Нестора.

и празднествомъ,—живо остался въ памяти и пѣсняхъ народныхъ съ постояннымъ эпитетомъ своимъ: «красное солнце», эпитетомъ, въ которомъ выражается благотворное и вмѣстѣ Всерусское значеніе Великаго Князя Владиміра. Въ самомъ дѣлѣ, съ мыслію о немъ соединена мысль о все собирающемъ вокругъ себя и во всѣ стороны простирающемся жизненномъ началѣ, о томъ истинномъ началѣ жизни, которое даруется Православною Христіанскою Вѣрою.

Обратимся теперь къ самымъ пѣснямъ; скажемъ напередъ, что здѣсь дѣло будетъ идти не объ историческомъ, а о сказочномъ и пѣсенномъ Владимірѣ и вообще о цѣломъ сказочномъ мірѣ той эпохи. Но этотъ сказочный міръ также очень важенъ и состоитъ въ непремѣнной связи съ историческимъ; онъ показываетъ, какъ взглянулъ на человѣка или дѣло народъ, что поразило народную память и воображеніе.

Преданіе о богатыряхъ и времени Владиміровомъ находится въ пѣсняхъ и сказкахъ, отчасти изданныхъ, отчасти записанныхъ, а отчасти живущихъ только въ устахъ народа. Изъ всѣхъ изданныхъ сборниковъ Русскихъ пѣсенъ самый замѣчательный—это сборникъ, означенный именемъ Кирши Данилова, которое мы за нимъ и удержимъ. Онъ служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ свѣдѣній нашихъ по части пѣсенъ о богатыряхъ и времени Владиміровомъ.

Общая поэтическая словесная форма этихъ сказаній о богатыряхъ есть пѣсня. Но Русская наша пѣсня — такая стихотворная форма, которую сами мы еще недовольно себѣ объяснили. Наша Русская пѣсня (т. е. народная) не есть опредѣленное стихотвореніе и не имѣетъ опредѣленнаго метра, отдѣляющаго ее отъ прозы. Между Русскою прозою и Русскимъ стихомъ нѣтъ ярко проведеннаго рубежа, какъ то встрѣчается у другихъ народовъ. Отдѣльной, заранѣе готовой стихотворной формы, въ которую можно было бы отливать слова—нѣтъ у насъ.—Слово само должно отдѣляться отъ обыденной рѣчи не поэтической, называемой прозою, и давать себѣ прямую гармоническую форму, доходить до стиха, такъ что процессъ образованія поэтической рѣчи или стиха совершается тутъ же, и стихъ возникаетъ изъ прозы, какъ скоро поэтическая сила вдохновенія подымаетъ слово. Заранѣе готовой, условной формы стихотворенія мы не имѣемъ: но за то мы имѣемъ живое стихотворное слово. Поэтому нельзя найдти ровныхъ

рамокъ для Русской пѣсни, поэтому нельзя писать Русскими стихами (хотя это выраженіе употребляется писателями): ибо заранѣе извѣстныхъ формъ этихъ стиховъ не существуетъ. Надо въ самомъ дѣлѣ одушевиться гармоніей мысли и слова, въ самомъ дѣлѣ стать поэтомъ на ту минуту, и слово приметъ гармоническій изящный стихотворный видъ; безъ того поэтическое слово человѣку не дастся, какъ дается оно при опредѣленныхъ размѣрахъ, наводнившихъ изъ чужихъ странъ нашу литературу и расплодившихъ такое множество стихотворцевъ. Въ примѣръ сказаннаго нами о вдохновенности живаго Русскаго слова можемъ привести грамоту Гермогена, гдѣ, говоря о томъ, какъ свели Царя Василья съ престола, онъ выражается:

Солгалось про старыхъ то слово,
Что красота граду старые мужи.

Въ этихъ строкахъ уже слышенъ размѣръ— слышна гармонія самаго слова, и мы нарочно написали ихъ стихами. Подобныхъ примѣровъ довольно въ нашихъ грамотахъ.

Богатырскія пѣсни очевидно принадлежатъ къ древнему періоду нашей исторіи; вѣроятно были онѣ пѣты, если не при самомъ Владимірѣ, то вскорѣ послѣ него. Языкъ и строй этихъ пѣсенъ различается во многомъ отъ пѣсенъ Новогородскихъ, или отъ пѣсенъ Іоаннова времени; при сравненіи ихъ, живо чувствуешь, что пѣсни Владиміровы древнѣе и по содержанію, и по изложенію. Время конечно имѣло на нихъ свое дѣйствіе, оно нанесло многое на нихъ, и многое прилипло къ нимъ; встрѣчается много анахронизмовъ, но объяснить ихъ нетрудно. Народъ, продолжая пѣть старыя пѣсни о битвахъ богатырскихъ съ врагами, былъ тревожимъ новыми врагами, вызывавшими его на новыя битвы. Образы этихъ новыхъ враговъ замѣняли въ его воображеніи образы враговъ древнихъ. Такъ Татары заступили въ пѣсняхъ мѣсто Печенѣговъ и Козаръ; такъ вольное и радостное положеніе Великаго Князя Кіевскаго Владиміра, сохраняющееся въ пѣсняхъ, смущается послѣдующими отношеніями Князей Русскихъ къ Ордѣ. Орда, въ пѣсняхъ, какимъ-то чудомъ зашла въ міръ и эпоху Владиміра; но за то видимъ и понимаемъ ясно несообразность ея присутствія здѣсь; какъ странно противорѣчитъ ясному свѣтлому небу того Владимірова міра, эта черная, неизвѣстно откуда взявшаяся и пугающая туча. Объ Ордѣ впрочемъ говорится

не вездѣ; но любопытны такіе слѣды дальнѣйшаго хода исторіи на древнихъ пѣсняхъ.—Одни стихи особенно живо передаютъ весь ужасъ Татарскаго пашествія; вотъ они:

Да изъ Орды, Золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ-Царь,
Злой Калинъ Царь Калиновичь,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою;—
Не дошедъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра;
Сбиралося съ нимъ силы на сто верстъ
Во всѣ тѣ четыре стороны!
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ копинаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго.
А отъ духу Татарскаго
Не можно крещеннымъ намъ живымъ быть.

Кромѣ слѣдовъ общихъ историческихъ событій, отдѣльныя понятія и свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя съ теченіемъ времени, примыкаютъ къ этому самородку народной поэзіи. Такъ сюда входятъ названія Черкесъ Пятигорскихъ, Долгополой Сорочины, Чюкчей, Алюторъ (не Лютеранъ, какъ думали; но такъ называется и теперь Сибирскій народъ). Такъ послѣ копья Мурзамецкаго, послѣ Аравитскаго золота, являются желѣза Нѣмецкія, и наконецъ говорится о Нѣмецкихъ трубкахъ, объ игрѣ въ шахматы, которая впрочемъ, можетъ быть, и давно была извѣстна въ Россіи; Ильѣ Муромцу часто придается названіе казака: очевидно паростъ отъ казацкой эпохи. Что касается до собственныхъ именъ, то многія, безъ сомнѣнія, замѣнены именами позднѣйшими. Настасья, Афросинья Королевишны, Король Золотой Орды Этмануйлъ (вѣроятно Эммануилъ (1)) Этмануйловичь и проч. и проч. — все это, вѣроятно, называлось иначе; но самыя эти несообразности скорѣе доказываютъ древность и подлинность произведенія, тѣмъ болѣе, что

(1) Впрочемъ имя Эммануилъ, кажется, указываетъ на наши сношенія и столкновенія съ Цареградомъ.

онѣ имѣютъ характеръ историческій; испытующее созерцаніе отдѣляетъ все, неловко приставшее къ древнимъ пѣснямъ; эти позднѣйшіе наросты доказываютъ только, что пѣсни продолжали пѣться и въ позднѣйшее время.

При невѣрностяхъ, которыя могутъ назваться историческими, богатырскія пѣсни во многихъ случаяхъ удивляютъ своею историческою вѣрностію, показывающею также древнюю ихъ подлинность. Не говоримъ уже о томъ, что пиры и богатыри Владиміровы имѣютъ за себя ясное историческое свидѣтельство; есть и другія, болѣе частныя сходства съ исторіей. Такъ, въ пѣсняхъ говорится о Чюрилѣ, какъ объ изнѣженномъ волокитѣ, живущемъ недалеко отъ Кіева, пониже малаго Кіевца; мѣсто близъ Кіева, и въ позднѣйшія времена, называлось Чюриловщиною, и если принять, что малый Кіевецъ значило Подолъ, то мѣстоположеніе является вѣрно опредѣленнымъ. Говорится напр. о Ставрѣ бояринѣ изъ дальней земли, который былъ заключенъ Владиміромъ въ темницу въ Кіевѣ; жена его зовется Василисою Микулишною; послѣднее слово ясно указываетъ на Новгородъ, гдѣ вмѣсто Никола говорилось Микула. Въ лѣтописи Новгородской мы находимъ, что Ставръ, сотской Новогородской, былъ заключенъ въ темницу въ 1118 г., въ Кіевѣ, Владиміромъ же, только не Великимъ, а Мономахомъ. Въ хронологической перспективѣ временъ, народъ принялъ двухъ Владиміровъ въ этомъ случаѣ за одного; но историческое основаніе здѣсь ясно видимо.

Этотъ сказочный міръ дней Владиміровыхъ является въ отдѣльныхъ пѣсняхъ о томъ или другомъ богатырѣ или знаменитомъ мужѣ, о томъ или другомъ подвигѣ или событіи; утвердительно можно сказать, что эти пѣсни не дошли до насъ во всей полнотѣ; иная пѣсня очевидно представляетъ отрывокъ, иная намекаетъ на событія, неизвѣстныя намъ, и даетъ чувствовать, что была можетъ-быть цѣлая эпопея, теперь утраченная въ своей цѣлости. Но во всякомъ случаѣ, видно и теперь, что всѣ эти разсказы составляютъ одно живое цѣлое; они соединены между собою не однимъ какимъ-нибудь великимъ событіемъ, собравшимъ людей около себя,—а жизнію, единствомъ жизни; это цѣлый міръ, движущійся и играющій одною жизнію, весь ею проникнутый. Такимъ образомъ передъ нами эпопея особаго рода, согласная съ самимъ существомъ Русской земли Мы не видимъ въ ней могущественно

движущагося впередъ событія, не видимъ увлекающаго хода времени; нѣтъ,—передъ нами другой образъ, образъ жизни, волнующейся сама въ себѣ и не стремящейся въ какую-нибудь одну сторону; это хороводъ, движущійся согласно и стройно,—праздничный, полный веселья, образъ Русской Общины.—Этимъ духомъ проникнуто, этимъ образомъ запечатлѣно все, что идетъ отъ Русской земли; такова сама наша пѣсня, таковъ напѣвъ ея, таковъ строй Земли нашей. Если говорить о сравненіяхъ, то не рѣка, текущая куда-нибудь въ своихъ берегахъ, можетъ служить намъ эмблемою, а волнующійся со всѣхъ сторонъ открытый, безбрежный океанъ-море. Таковъ въ особенности міръ Владиміровыхъ пѣсенъ; въ этомъ мірѣ играетъ и тѣшитъ себя молодая, еще никуда событіями не направленная сила. Пиры Владиміровы давно прошли; грознымъ испытаніямъ подверглась богатырская Русская сила, но она не сокрушилась; она просторно раздвинула себѣ границы и пугаетъ нехотя своихъ сосѣдей. Широко раздолье по всей землѣ, нѣкогда сказала она, и недаромъ,—по тремъ частямъ свѣта раскинулась Россія. Но далеко еще не кончились подвиги Русской силы; не только матеріальные, но и нравственные подвиги предлежатъ ей.

Теперь обратимся къ народной нашей эпопеѣ.... и вотъ, властію народнаго долговѣчнаго слова, передъ нами возникаютъ во всей своей жизни: Кіевъ, пиры безконечные, и могучіе витязи, собравшіеся вокругъ Великаго Князя Владиміра.

Много ихъ сидитъ на богатырской скамьѣ; не по аристократическому праву породы занимаютъ они это почетное мѣсто. Аристократическое понятіе, образовавшееся на Западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси. На богатырской скамьѣ сидитъ и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (купца), и наконецъ Илья Муромецъ—крестьянинъ. Всѣмъ имъ ровный почетъ. Дворъ князя Владиміра всегда открытъ: на дворѣ его княженецкомъ врыты дубовые столбы, въ столбы ввернуты булатныя кольца. Пріѣзжаетъ богатырь, привязываетъ ретиваго коня къ булатному кольцу, потомъ идетъ въ свѣтлую гридню, молится Спасову образу, кланяется Князю со Княгинею, и на всѣ четыре стороны.—Этотъ послѣдній, общественный, всѣмъ равный поклонъ, невольно рисующій множество народное, удержался и донынѣ. Великій Князь спрашиваетъ богатыря о родѣ и племени,

велитъ поднести или самъ поднеситъ турій рогъ меду сладкаго. Богатырь выпиваетъ, садится на богатырскую скамью, и пируетъ. Среди пированья, въ тотъ часъ, какъ будетъ день въ половину дня, будетъ пиръ во полупирѣ, Владиміръ Князь распотѣшится, ходитъ по свой гридиѣ, разчесываетъ черныя кудри и предлагаетъ подвиги богатырямъ. Одинъ изъ нихъ вызывается, выпиваетъ поднесимую чашу, и тогда:

Разгоралася утроба богатырская,
И могучія плечи расходилися.

Богатырь ѣдетъ въ дальній путь, на трудный подвигъ и прославляетъ вновь свою богатырскую силу.

Вотъ общій очеркъ событій, конечно различныхъ между собою, нашей народной эпопеи; но содержаніе ея, какъ мы сказали, лежитъ не въ событіи, а въ жизни самой. Теперь постараемся опредѣлить общій характеръ нашей эпопеи.

Праздникъ, пиръ — составляетъ колоритъ Владиміровыхъ пѣсенъ; но этотъ пиръ, какъ и вся жизнь, имѣетъ христіанскую основу. Христіанство есть главная основа всего Владимірова міра. На этой-то христіанской основѣ является богатырская сила и удаль молодаго, могучаго народа.—Эти пиры, эта жизнь имѣетъ и Всерусское значеніе; видимъ здѣсь собранную всю Русскую землю, собранную въ единое цѣлое Христіанскою Вѣрою, около Великаго Князя Владиміра, просвѣтителя земли Русской. Радость, пропитнувшая жизнь, послѣ возрожденія Христовымъ ученіемъ, является, какъ праздникъ, какъ постоянный братскій пиръ (это особенно ясно изъ словъ лѣтописи). Богатыри, бояре, купцы, крестьяне и всякіе гости съѣхались въ Кіевъ со всѣхъ сторонъ. Изъ Ростова Великаго — Алеша Поповичь и Екимъ Ивановичь; изъ Галича — Казаринъ Петровичь и Дюкъ Степановичь; съ Юга Россіи — Дунай сынъ Ивановичь; Добрыня Никитичь — родомъ изъ Рязани (по пѣснямъ); изъ Великаго Новогорода — Ставръ бояринъ; Чурила — изъ-подъ Кіева; наконецъ изъ Мурома — Илья Муромецъ Ивановичь; о родинѣ другихъ говорится неясно. Могучій, пирующій хоръ богатырей въ то же время хранитъ землю Русскую отъ враговъ и хищниковъ.

Женщины принимаютъ дѣятельное участіе въ этой громкой жизни подвиговъ. Онѣ часто также носятъ куяки, панцыри, кольчуги, также выѣзжаютъ въ поле искать бранныхъ опаспостей.

Сила ихъ иногда не уступаетъ мужской. Такова Настасья Королевишна, на которой женился Дунай, сестра Афроспньи Королевишны, супруги Великаго Князя Владиміра, отличавшейся влюбчивымъ сердцемъ. Такова жена Ставра боярина Василиса Микулишна (Николаевна). Прибавимъ, въ дополненіе къ этой мужественности женщинъ, образъ, совершенно Русской, Царь-Дѣвицы; вспомнимъ преданія объ Амазонкахъ, о Чешской Власкѣ, и все это вмѣстѣ, утверждая за Славянскою женщиною независимость и равныя права съ мужчиной даже въ ратномъ дѣлѣ, совершенно уничтожаетъ тѣмъ самымъ всякую мысль о рабствѣ или угнетеніи женщинъ у Славянъ.

Отношенія богатырей къ Великому Князю почтительны, но неподобострастны; они вольно собрались вокругъ него, зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ Кіевскимъ, охотно служатъ ему службы; но ни въ чемъ не выражается униженное ихъ отношеніе къ Великому Князю. Съ Великою Княгинею они еще менѣе чинятся.

Битвы и подвиги, свадьбы и пиры, составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится воля и приволье. Но весь этотъ шумный міръ, еще много хранящій въ себѣ слѣдовъ недавняго язычества, проникнутъ уже, какъ сказали мы выше, лучами Христовой Вѣры. Такимъ образомъ первое и главное, что̀ выдается изъ этого міра Владиміровыхъ пѣсенъ, — это Христіанская Вѣра; она постоянно и всюду основа жизни; особенно слышится это въ пѣсни о Калинѣ Царѣ, особенно видится, даже и въ сказочномъ образѣ Ильи Муромца, причтеннаго въ дѣйствительной жизни нашею Церковью къ лику Святыхъ. Всѣ богатыри — православные, и постоянно повторяется богатырское присловье, когда пріѣзжаетъ православный витязь къ неправославному Государю:

Пѣту у тя Спасова образа,
Некому у тя помолитися, —
А и не за что тебѣ поклонитися.

Вмѣстѣ, и согласно съ началомъ Христіанской Вѣры, выдается начало семейное, основа всего добраго на землѣ. Богатыри почтительны къ отцу и матери. Такъ Добрыня, отправляясь на трудный подвигъ, проситъ благословенія у матери; такъ заступается за мать Горденъ, такъ съ родительскимъ благословені-

емъ ѣдетъ на подвиги Илья Муромецъ. Но особенно ярко проявляется то же начало въ позднѣйшей пѣсни Новогородской: объ удаломъ Васильѣ Буслаевѣ: Василій съ своей дружиною перебилъ почти весь Новгородъ въ заранѣе условленной съ нимъ схваткѣ; тогда мужики (мужи) Новогородскіе идутъ къ его матери просить защиты; она посылаетъ за сыномъ дѣвушку Черпавушку; та идетъ, схватываетъ Василья за руки и тащитъ къ матери, которая сажаетъ его за замки и затворы. — Какъ бы ни старались въ словѣ «тащитъ» найти другой смыслъ, отношенія сыновнія Василья къ матери очевидны.

И такъ, сила богатырская является у насъ, осѣненная чувствомъ Православія и чувствомъ семьи: безъ чего не можетъ быть истинной силы.

Теперь поговоримъ о самыхъ богатыряхъ въ отдѣльности.

Каждый изъ богатырей имѣетъ свою особенность, свой опредѣленный, живой, вполнѣ художественный образъ, проведенный вѣрно сквозь всѣ пѣсни, гдѣ только объ немъ говорится. Взаимныя ихъ отношенія очерчены довольно ясно, даже и въ томъ видѣ нашей эпопеи, въ какомъ дошла она до нашихъ временъ, но нѣкоторые намеки даютъ право думать, что эти отношенія должны быть еще живѣе и опредѣленнѣе.

Люди, о которыхъ упоминаютъ Владиміровы пѣсни, суть слѣдующіе: Великій Князь Владиміръ, Добрыня Никитичъ, Чюрила Пленковичъ, Алеша Поповичъ, Екимъ Ивановичъ, Иванъ гостинный сынъ, Иванъ Годиновичъ, Горденъ Блудовичъ, Дунай сынъ Ивановичъ, Потокъ Михайло Ивановичъ, Дюкъ Степановичъ, Соловей Будиміровичъ, Михайло Казаринъ, Ставръ бояринъ, Бермята Васильевичъ — старый бояринъ, Данило Ловчанинъ, Данило Игнатьевичъ и сынъ его Иванъ Даниловичъ, Илья Муромецъ, Дмитрій богатый гость, Гришка Долгополый боярскій сынъ, Путятинъ Путятовичъ; наконецъ сорокъ Калинъ со Калинкою. Упоминаются однажды: Самсонъ Колывановичъ, Суханъ сынъ Домантьевичъ, Святогоръ, Полканъ, семь братовъ Сбродовичей, мужики Залешане (Заолешане), два брата Хапиловы. Изъ враждебныхъ лицъ: король Золотой Орды, Этманулъ Этманулловичъ, Король Задонскій, Калинъ Царь, Змѣй Горынычъ, Тугаринъ Змѣевичъ, Збутъ Борисъ Королевичъ. Женщины: княгиня Апросинья и сестра ея Настасья Королевишны, Марина Игнатьевна Блудова жена, Чесо-

ва жена, жена Добрыни Настасья Дмитріевна, Грозная Настасья Никулишна, Василиса Микулишна, и другія.

Поговоримъ прежде всѣхъ о томъ, около котораго собрались всѣ эти славные богатыри и гости, о Великомъ Князѣ Владимірѣ; повторяемъ, что мы говоримъ не объ историческомъ, а о сказочномъ и пѣсенномъ Владимірѣ.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ.

Святое крещеніе, принятое Великимъ Княземъ Владиміромъ, христіанское значеніе, которое пріобрѣлъ онъ для Руси и Православія, вытѣснило изъ памяти народной прежнюю языческую жизнь его; народъ удержалъ въ своей памяти лишь обновленнаго христіанскимъ ученіемъ князя; и хотя въ пѣсняхъ не имѣетъ онъ ни величаваго, ни строгаго вида, но за то въ немъ не встрѣчается и слѣдовъ языческой жизни. Въ пѣсняхъ ни слова не говорится о томъ женолюбіи, которое обладало Владиміромъ до принятія Св. крещенія. Въ началѣ пѣсенъ Владиміръ является холостымъ и женится на Апросиньѣ Королевишнѣ, дочери Этмануйла Этмануйловича, короля въ Золотой Ордѣ; какъ говорится въ пѣснѣ. Вѣроятно, здѣсь рѣчь идетъ о Византійскомъ Императорѣ; но Орда, какъ туча, облегшая Русскую землю, заслонила отъ нея всѣ окрестныя страны, такъ что всякой иностранецъ, тѣмъ болѣе всякой врагъ, становился въ нашихъ пѣсняхъ Ордынцемъ, послѣ нашествія Татаръ.

Владиміръ въ пѣсняхъ не одаренъ богатырскою силою, не имѣетъ даже храбрости, часто смущается и пугается предъ бѣдою; въ особенности страшенъ ему грозенъ посолъ изъ Орды; — однимъ словомъ, образъ его въ пѣсняхъ вовсе не величавъ. Но за то образъ этотъ вполнѣ добродушенъ, но за то привѣтъ и ласка — его неотъемлемыя качества. Добрая душа грѣетъ людей, и страшно-могучіе богатыри Владиміра, отъ подвиговъ которыхъ онъ иногда не знаетъ самъ, куда дѣваться, любятъ его, служатъ ему охотно и зовутъ: «красное солнышко, ласковый Владиміръ Князь!»—Постоянно радушный и ласковый хозяинъ, Владиміръ является, въ пѣсняхъ, почти всегда на веселомъ пиру съ своими гостями.—Большая часть пѣсенъ начинается такъ:

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго Князя Владиміра,
Было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ,
На многи Князи, бояра,
И на Русскіе могучіе богатыри,
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня;
Будетъ пиръ во полупирѣ;
Владиміръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гридиѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ.

Таковъ Владиміръ; но не такова его супруга. Она влюбчива и сластолюбива: лице совершенно вымышленное. Въ разсказахъ о богатыряхъ мы увидимъ ближе Владиміра и супругу его.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЬ.

Самое названіе: Добрыня, уже обрисовываетъ нравъ этого богатыря;—и точно, доброта и прямодушіе его отличительныя свойства. Добрыня—дядя Владиміра по лѣтописямъ и племянникъ его по пѣснямъ. Въ дѣтствѣ Добрыня пошелъ купаться на Израй рѣку; тамъ унесъ его Змѣй Горынчище и хотѣлъ сожрать; но Добрыня убилъ змѣя, зашелъ въ его пещеру, перервалъ по поламъ его дѣтенышей и освободилъ тетку свою Марью Дивовну, сестру Князя Владиміра. Позднѣе, Добрыня постоянно служитъ Великому Князю Владиміру, какъ одинъ изъ самыхъ могучихъ и надежныхъ богатырей. Пѣсня говоритъ, что

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласкова, осударь, Князя Владиміра,
Три года Добрынюшка стольничалъ,
Три года Никитичъ приворотничалъ.
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ.

Гуляя по улицамъ Кіевскимъ, Добрыня выстрѣлилъ изъ лука по голубямъ, сидѣвшимъ подъ косящатымъ окномъ на теремѣ Марины Игнатьевны.

А вспѣла вѣдь тетивка у туга лука,
Взвыла да пошла калена стрѣла.

Но поскользнулась его лѣвая нога, дрогнула правая рука, не попалъ онъ въ голубей, а попалъ въ окошко, разшибъ зеркало стекольчатое, пошатнулись бѣлодубовые столы, плеснулись питья медвяныя. Марина умывалась въ это время, сильно разгнѣвалась и, чтобы наказать Добрыню, взяла его слѣды молодецкіе, положила на огонь вмѣстѣ съ дровами и приговаривала, чтобы такъ же разгоралось сердце у Добрыни Никитича. Приговоръ подѣйствовалъ: хлѣба не ѣстъ и не спитъ Добрыня. Рано по утру пошелъ онъ къ заутренѣ и оттуда пошелъ на широкій дворъ къ Маринѣ; тамъ увидѣлъ онъ Змѣя Горынчища (слѣдовательно змѣй ожилъ, какъ ту же способность имѣетъ и Тугаринъ Змѣевичь) и

Тутъ ему за бѣду (обиду) стало.

Добрыня взбѣжалъ на красное крыльцо, ухватилъ бревно въ охватъ толщины, взбѣжалъ на сѣни косящатыя. Марина и Змѣй подняли брань и угрозы на Добрыню, но Добрыня выхватилъ свою саблю (1), и Змѣй побѣжалъ, поджавши хвостъ, не слушая словъ Марины, его удерживавшей. Но Марина въ гнѣвѣ обратила Добрыню въ гнѣдаго тура и пустила его далече во чисто поле къ девяти другимъ турамъ, тоже превращеннымъ богатырямъ:

Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.

Пропалъ безъ вѣсти Добрыня Никитичь; но на пиру у Князя Владиміра расхвасталась Марина своей мудростью и разболтала, что обратила девять богатырей и десятаго Добрыню въ гнѣдыхъ туровъ. Слышали эти рѣчи *похваленыя* и мать Добрыни Афимья Александровна, и крестная мать его Анна Ивановна. Видя горесть матери и сама раздраженная похвальбою Марины, Анна Ивановна кинулась на Марину, сбила съ ногъ и била, приговаривая, что она мудренѣе ея, что она оберетъ ее сукою.

Женское дѣло прелестивое,
Перелестивое, перепадчивое:

(1) Въ пѣсняхъ вездѣ употребляется сабля, а не мечъ; эта замѣна, вѣроятно, слѣдствіе козацкаго вліянія или вообще временъ позднѣйшихъ. Оружіе древнихъ Славянъ былъ мечъ. Когда Козаре пришли войною на Полянъ и потребовали дани, то Поляне дали отъ дыма мечъ. Не добра эта дань, Князь, сказали своему Князю Козаре, мы деремся оружіемъ острымъ съ одной стороны, т. е. саблями, а ихъ оружіе обоюду остро, то есть, мечъ. П. С. Р. Л. Т. I. стр. 7.

Марина обернулась касаточкой, полетѣла въ чистое поле, сѣла къ Добрынѣ на правой рогъ и говоритъ ему:

Нагулялся ты Добрыня во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило
И зыбучія болота напрокучили.
Хочешь ли жениться, возмешь ли меня?

А право возьму, ей-богу возьму, отвѣчаетъ Добрыня, да еще дамъ тебѣ поученьице. Обернула Марина Добрыню опять добрымъ молодцомъ, сама обернулась дѣвицею: вѣнчались они вокругъ ракитова куста, — указаніе на языческій обычай, за которымъ слѣдовало (какъ видно изъ пѣсенъ) и настоящее христіанское вѣнчаніе. Добрыня, можетъ-быть съ намѣреніемъ, или остается только при одномъ языческомъ обычаѣ, или не спѣшитъ христіанскимъ вѣнчаніемъ.—Пришелъ Добрыня вмѣстѣ съ Мариной въ ея теремъ и говоритъ: Гой еси, моя молодая жена, у тебя въ теремѣ пѣтъ Спасова образа.

Не кому у тя помолитися,
Не за что стѣнамъ поклонитися.
Чай моя острая сабля заржавѣла.

Сказавъ это, началъ Добрыня учить свою жену. Первое ученье— отрубилъ ей руку, приговаривая: не надобна мнѣ эта рука, трепала она Змѣя Горынчища; потомъ, также приговаривая, отрубилъ ей ногу, наконецъ и голову съ языкомъ, сказавши:

А и эта голова мнѣ непадобна.
И этотъ языкъ мнѣ непадобенъ:
Зналъ онъ дѣла еретическія.

Такая строгая казнь, совершенная съ полнымъ спокойствіемъ Добрынею, не можетъ служить опредѣленіемъ его нравственнаго образа и кидать на него тѣнь обвиненія въ жестокости. Это обычай всѣхъ богатырей того времени; будучи не личнымъ дѣломъ, а обычаемъ, подобный поступокъ лишенъ злобы и свирѣпости, вытекающихъ уже изъ личнаго ощущенія. Гдѣ постоянно играютъ палицы, копья и стрѣлы, тамъ главное дѣло подвигъ, а жизнь становится дѣломъ второстепеннымъ, и большаго уваженія къ ней не оказывается. Надобенъ уже личный подвигъ духа, чтобы возвыситься надъ воззрѣніемъ, зависимымъ отъ своего времени,—къ истинѣ воззрѣнія, независимаго ни отъ какого времени.

Добрые и прямые, но часто суровые, богатыри всѣ подчинены своему времени, въ немъ ходятъ и дѣйствуютъ. Одинъ изъ нихъ стоитъ выше всѣхъ ихъ, и по силѣ руки, и по силѣ духа, одинъ возвышается надъ удалымъ временемъ разгула силы физической, одинъ какъ можно рѣже прибѣгаетъ къ ней, одинъ вполнѣ щадитъ жизнь человѣка и вполнѣ благодушенъ и кротокъ — это крестьянинъ, богатырь Илья.

Что поступокъ Добрыни съ Мариною и другіе въ подобномъ родѣ не мѣшаютъ ему быть добрымъ — въ доказательство тому служитъ пѣсня объ немъ и Васильѣ Казимировичѣ, помѣщенная въ 1 томѣ Московскаго Сборника. Въ этой пѣснѣ Великій Князь Владиміръ посылаетъ Василья Казимировича отвезти дани и пошлины къ Батыю Царю (позднѣйшая вставка). Батый Царь, не обращая вниманія на принесенныя дани и пошлины, спрашиваетъ у Василья Казимировича: нѣтъ ли съ ними умильна (умѣльна, отъ слова: умѣть) игрока поиграть въ тавлеи вальящатыя. Добрыня садится играть съ Царемъ и скоро выигралъ игру. Тогда Царь Батый предлагаетъ бороться съ его Татарами; Добрыня опять выходитъ; противъ Добрыни три бойца Татарина. «Батый Царь, говоритъ Добрыня, какъ прикажешь ты мнѣ бороться: со всѣми ли вдругъ, или по одиночкѣ?»—Какъ хочешь, такъ и борись, отвѣчаетъ Царь. Добрыня всѣхъ трехъ бросилъ о землю. Тогда Батый предлагаетъ стрѣлять изъ лука. Добрыня опять выходитъ; Батый велитъ принести лукъ, Добрыня натягиваетъ, лукъ ломается, Добрыня требуетъ свой дорожный лукъ. Натянувъ его, онъ спрашиваетъ: «Царь Батый, куда стрѣлять, по Татарамъ или въ чистое поле?» Куда хочешь, отвѣчаетъ Царь. Но если Царю Батыю все равно, то Добрынѣ не все равно; ему жалко стало стрѣлять по Татарамъ, и онъ выстрѣлилъ въ чистое поле по дубу. Стрѣла разшибла дубъ;

Еще стрѣла не уходилася,
Залетѣла въ пещеру бѣлокаменную,
Убила змія трегласваго.
Скочили робята на добрыхъ копей,
Не дали робята ни дани, ни пошлины;
Уѣзжали робята въ стольный Кіевъ градъ (1).

(1) Московскій Сборникъ, 1852 г. т. 1 стр. 336—341. Слово *робята* не употребляется о богатыряхъ у Кирши Данилова; тамъ оно значитъ *дѣти*, сыновья.—Слѣдующая пѣсня о Добрынѣ—изъ Сборника К. Д.

Мы видимъ здѣсь, что Добрыня щадитъ жизнь невѣрныхъ враговъ, хотя самъ ихъ царь даетъ ему позволеніе стрѣлять по нимъ.

Однажды на пиру, во полупирѣ, распотѣшился Владиміръ и сказалъ: не можетъ ли кто изъ богатырей очистить дорогу прямоѣзжую до его любимаго тестя, грозна короля Этмануйла Этмануйловича?—Для этого надобно вырубить Чудь бѣлоглазую, прекротить (укратить или уничтожить) Сорочину долгополую, Черкесъ Пятигорскихъ, Калмыковъ съ Татарами, всѣхъ Чюкчей и Алюторъ.

Втапоры большой за меньшаго хоронится,
А отъ меньшаго ему Князю отвѣта нѣтъ.

Изъ скамьи богатырской выступаетъ Добрыня Никитичъ.

Гой еси сударь ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владиміръ Князь!
Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ —
Быть передъ Княземъ невольникомъ.
Я сослужу службу дальную,
Службу дальную, заочную.

Добрыня берется все исполнить, выпиваетъ поднесенную ему чару зелена вина въ полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра, и идетъ къ матушкѣ, просить благословенія великаго. Благослови меня, матушка! говоритъ онъ ей:

Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.

Мать говоритъ ему,—какъ хороши ея простыя слова:

На кого покидаешь ты молоду жену,
Молоду Настасью Никулишну?
За чѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успѣлъ ты отпраздновать радости своей, —
Да передъ княземъ расхвастался въ походъ идтить.

Что же мнѣ дѣлать, и какъ же быть, сударыня матушка, отвѣчаетъ Добрыня; изъ чего же насъ богатырей Князю и жаловать?— Мать даетъ ему свое благословеніе великое. Добрыня идетъ прощаться съ молодой женой:

Жди меня, Настасья! шесть лѣтъ,

говоритъ онъ ей; не дождешься,—жди двѣнадцать, потомъ иди, хоть за князя, хоть за боярина,—

Не ходи только за брата названаго,
За молодаго Алешу Поповича.

И поѣхалъ Добрыня. Ѣздитъ недѣлю, ѣздитъ другую, и дѣлаетъ свое дѣло: рубитъ Чудь бѣлоглазую, Сорочину долгополую и прочихъ:

Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.

Совершилъ Добрыня свой подвигъ. Между тѣмъ прошло шесть, потомъ и двѣнадцать лѣтъ; никто на Настасьѣ не сватается. Посватался Великій Князь Владиміръ за Алешу Поповича. Настасья согласилась, и свадьба поѣхала къ вѣнцу. Въѣзжаетъ въ это время Добрыня въ Кіевъ и ѣдетъ по улицамъ; старые люди переговариваютъ между собою:

Знать де полетка соколиная,
Видѣть и поѣздка молодецкая:
Что быть Добрынѣ Никитичу.

Пріѣхалъ Добрыня на свой дворъ, соскочилъ съ коня, привязалъ его къ дубовому столбу, къ кольцу булатному. Некому встрѣтить Добрыню; стара уже его матушка. Идетъ Добрыня въ свѣтлую гридню, молится Спасову образу, кланяется своей матушкѣ. Здравствуй, сударыня матушка, говоритъ онъ ей.

Въ домѣ ли женушка моя?

На этотъ вопросъ сына заплакала мать и сказала: чадо мое милое, твоя жена за мужъ пошла за Алешу Поповича; они теперь у вѣнца стоятъ. Ни слова Добрыня; идетъ показаться Великому Князю. Въ то время воротился Владиміръ отъ вѣнца со свадьбою и сѣли пировать за убранные столы.—Добрыня приходитъ на пиръ, молится Спасову образу, кланяется Князю и Княгинѣ и на всѣ четыре стороны. Здравствуй, Владиміръ Князь, говоритъ онъ, и съ душой Княгиней Апраксѣевной:

Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ Князю службу заочную,
Съѣздилъ въ дальны орды немирныя
И сдѣлалъ дорогу прямоѣзжую
До твоего тестя любимаго.

Я вырубилъ Чудь бѣлоглазую, прекротилъ Сорочину долгопо-

лую, Черкесъ, Калмыковъ, Татаръ, Чюкчей всѣхъ и Алюторъ.— Исполать тебѣ, добрый молодецъ! сказалъ Владиміръ, что служишь Князю вѣрою и правдою. Тогда Добрыня сказалъ:

Гой, еси сударь, мой дядюшка,
Ласково солнце Владиміръ Князь!
Не диво Алешѣ Поповичу —
Диво Князю Владиміру:
Хочетъ у жива мужа жену отнять.

Тогда засуетилась Настасья, хочетъ прямо прыгнуть къ Добрынѣ и обезчестить столы. — Душка Настасья Никулишна! говоритъ ей Добрыня:

Прямо не скачи, не безчести столы;
Будетъ пора—кругомъ обойдешь.

Взялъ тогда Добрыня за руку жену и вывелъ изъ-за убранныхъ столовъ; извинился передъ Княземъ Владиміромъ, да и Алешѣ Поповичу сказалъ такое слово:

Гой еси, мой названный братъ,
Алеша Поповичь младъ!
Здравствуй, женимшись, да не съ кѣмъ спать.

Намъ извѣстенъ весьма замѣчательный варіантъ этой прекрасной пѣсни. — Въ варіантѣ многое измѣнено, иное добавлено. Первоначальною основною пѣснію мы считаемъ помѣщенную въ сборникѣ Кирши Данилова, но вѣроятно и она дошла до насъ не въ настоящемъ своемъ видѣ; по крайней мѣрѣ думаемъ, что въ ней должны были находиться тѣ добавленія, которыя встрѣчаются въ той же пѣснѣ, въ варіантѣ намъ извѣстномъ: измѣненія, въ ней находящіяся, сами по себѣ прекрасны, но излагать подробно варіанта этой пѣсни мы не намѣрены, ибо недавно была она предложена читателямъ (Р. Б. Т. 1.) и безъ сомнѣнія прочтена ими съ заслуженнымъ ею полнымъ вниманіемъ; укажемъ только на добавленія и главныя измѣненія.

Когда Добрыня прощается съ женой и позволяетъ ей выдти хотя за князя, хотя за боярина, только не за Алешу Поповича, въ варіантѣ прибавлено такъ:

. . . . . хоть за мужъ иди
Хоть ты за Князя, иль за боярина,
Иль за гостя за торговаго,

Иль за мурзынку за Татарина; —
Не ходи за Алешу за Поповича,
За бабьяго пересмѣшничка,
За судейскаго перелестничка.

Эти слова, дополняя характеръ Алеши Поповича, объясняютъ, почему такъ онъ противенъ Добрынѣ. Сильному мужу, да и всякому мужчинѣ въ полномъ смыслѣ этого слова, презрителенъ бабій пересмѣшникъ, забавляющій ихъ своими пересмѣхами, или бабій шутъ. Судейской *перелестникъ* тоже, что прелестникъ; слово: прелесть употреблялось въ смыслѣ соблазна, въ древнемъ нашемъ языкѣ; слово же *лесть* почти тоже, что *ложь*. Здѣсь перелестникъ употреблено въ древнемъ значеніи: перелестникъ судейской тотъ, кто *перельщаетъ* (прельщаетъ) судей, т. е. кто соблазняетъ ихъ чѣмъ бы то ни было или обманываетъ: еще низкая черта Алеши, возмущающая чистую душу Добрыни. Какъ въ одномъ этомъ отзывѣ Добрыни объ Алешѣ оба богатыря живо и характерно обрисованы!

Къ числу добавленій можно отнести слова Добрыни, которыми заключается пѣсня, помѣщенная въ Русской Бесѣдѣ. Въ пѣснѣ (Сб. К. Д.) сказано только: извинился князю Владиміру и сказалъ Алешѣ Поповичу и т. д.; здѣсь нѣтъ словъ, сказанныхъ Алешѣ Поповичу, но есть слова, сказанныя Владиміру, которыя могли быть и въ пѣснѣ древняго сборника; въ нихъ слышна насмѣшливая шутка, очень здѣсь умѣстная; вотъ эти слова Добрыни:

Кланяюсь я къ себѣ на почестный пиръ:
У меня дѣло не пасеное,
Зелено вино не куреное
И пойлицо не вареное.

Пѣсня во многомъ измѣнена. Добрыня ѣдетъ не службу служить князю Владиміру, а погулять и поискать себѣ сопротивника; уѣзжаетъ на двѣнадцать лѣтъ; жена идетъ замужъ за Алешу, не дождавшись назначеннаго срока. Добрыню извѣщаетъ объ этомъ конь его. Добрыня падаетъ коню въ ноги и проситъ *переставить домой* (какъ хорошо это выраженіе!) черезъ три часа съ минутою. Конь исполняетъ его просьбу. Узнавъ отъ матери, что жена пошла за мужъ за Алешу, Добрыня идетъ на пиръ къ Алешѣ, *по тихохоньку, по смирнехоньку*, переодѣвшись вѣроятно, ибо его тамъ не узнаютъ, идетъ съ гуслями, играетъ два наигрыша; по-

слѣ втораго нашгрыша, въ которомъ заключается намекъ на настоящее обстоятельство, жена догадывается и подноситъ ему чару зелена вина, которую Добрыня опоражниваетъ, беретъ жену за руку и говоритъ слова, выше нами приведенныя. У Алеши на свадьбѣ Владиміръ тысяцкимъ, а дружкой Илья Муромецъ.

Пѣсня Сборника К. Д. древнѣе и гораздо болѣе совпадаетъ съ топомъ и ходомъ остальныхъ богатырскихъ пѣсенъ; въ ней болѣе древнихъ пріемовъ рѣчи и оборотовъ языка, и мы, какъ сказали, считаемъ ее подлинною и основною. Впрочемъ пѣсня, признаваемая нами за варіантъ, также несомнѣнной далекой древности и сложена была вѣроятно вскорѣ за первой пѣсней. Удивительно и отрадно, что пѣсня эта поётся и что весь древній видъ слова и поэзіи живетъ неизмѣнно въ устахъ народа.

АЛЕША ПОПОВИЧЬ И ЕКИМЪ ИВАНОВИЧЬ.

Алеша Поповичь родомъ изъ Ростова. Лице совершенно иного права. Этотъ богатырь—хитрый плутъ, беретъ обманомъ и скоро готовъ на худое дѣло. Въ пѣсняхъ, не вошедшихъ сюда, онъ упоминается, какъ безсовѣстный соблазнитель. Но съ Алешей Поповичемъ есть другой богатырь, Екимъ Ивановичь. Екимъ Ивановичь—это страшная, но смирная и безотвѣтная сила, всегда находящаяся въ услугахъ у другихъ богатырей. Онъ гораздо сильнѣе Алеши Поповича, но какъ будто самъ этого не знаетъ; въ дѣло самъ собой онъ безъ крайности не пускается, а спрашиваетъ у Алеши, какъ онъ велитъ. Самъ Дунай беретъ его съ собою, предпочитая цѣлой дружинѣ. Алешѣ Поповичу онъ очень выгоденъ; онъ пользуется Екимомъ, какъ вѣрнымъ мечомъ, который никогда не подумаетъ присвоивать себѣ своихъ подвиговъ; Екимъ — его работникъ не только въ дѣлѣ военномъ; онъ заботится и о коняхъ, пускаетъ ихъ въ лугъ, поитъ. Екимъ полезенъ Алешѣ, когда нужно прочитать что-нибудь: Алеша не знаетъ грамотѣ, Екимъ, напротивъ, грамотѣ ученъ. Не имѣетъ ли какого-нибудь соотношенія съ этимъ богатыремъ поговорка: *Екимъ простота?*—Алеша Поповичь упоминается часто въ пѣсняхъ; но одна посвящена собственно ему:

Изъ славнаго Ростова, краснаго города,
Какъ два ясны соколы вылетывали,

Выѣзжали два могучіе богатыря:
Что по имени Алешинька Поповичь младъ,
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское.

Ничего не наѣхали въ чистомъ полѣ богатыри, не видали ни птицы перелетной, ни звѣря прыскучаго; они наѣхали въ чистомъ полѣ только на три широкія дороги: между трехъ дорогъ лежитъ горючъ камень, а на камнѣ подпись. Братецъ Екимъ Ивановичь, говоритъ Алеша, ты въ грамотѣ поученый человѣкъ; посмотри, что на камнѣ подписано. — Екимъ соскочилъ съ коня и прочелъ. Три дороги были расписаны на камнѣ: одна въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ, ко ласкову князю Владиміру. — Которой дорогой изволишь ѣхать, братецъ Алеша Поповичь? спрашиваетъ Екимъ. — Лучше намъ ѣхать къ Кіеву, ко ласкову Князю Владиміру, отвѣчаетъ Алеша. Богатыри поворотили добрыхъ коней и поѣхали къ Кіеву. Не доѣхавъ до Сафатъ рѣки, они остановились покормить коней на зеленыхъ лугахъ и разставили два бѣлые шатра. Алеша легъ *опочивъ держать*. Спустя немного времени, стреноживъ коней и пустивъ ихъ на зеленый лугъ, лёгъ и Екимъ въ свой шатеръ отдыхать. Прошла осенняя ночь. Рано встаетъ Алеша, умывается утренней зарей (росой на зарѣ), утирается бѣлой ширинкой, на Востокъ молится Богу. Скоро сходилъ за конями Екимъ Ивановичь, сводилъ ихъ попоить на Сафатъ рѣку, и Алеша приказалъ ему скорѣе сѣдлать коней. Богатыри собираются продолжать путь свой къ Кіеву, тутъ приходитъ къ нимъ калика перехожій (странникъ, какъ говоритъ теперь народъ). Удалые молодцы, говоритъ онъ имъ, я видѣлъ Тугарина Змѣевича; въ вышину онъ трехъ саженъ, промежу плечъ косая сажень, промежу глазъ калена стрѣла;

Конь подъ нимъ—какъ лютый звѣрь;
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Братецъ, калика перехожій, пристали къ нему Алеша,

Дай мнѣ платье каличье,
Возьми мое богатырское;

дай мнѣ твою подорожную шелепугу. — Калика не отказываетъ.

Они мѣняются платьемъ. Алеша беретъ шелепугу въ пятдесятъ пудъ (другая была въ тридцать), и идетъ на Сафатъ рѣку. Тугаринъ завидѣлъ его, заревѣлъ зычнымъ голосомъ; дрогнула зеленая дуброва, Алеша Поповичъ едва живъ идетъ; Тугаринъ спрашиваетъ Алешу: Калика перехожій! гдѣ видѣлъ, гдѣ слышалъ ты про молодаго Алешу? Я бы его копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ. — Тугаринъ Змѣевичь, отвѣчаетъ Алеша, прикинувшись каликою, подъѣзжай побливе ко мнѣ; я не слышу, что ты говоришь.—Тугаринъ подъѣхалъ; Алеша поровнялся съ нимъ, ударилъ его шелепугою по головѣ и разшибъ ему голову. Упалъ Тугаринъ; Алеша вскочилъ ему на черную грудь, и Тугаринъ взмолился: Калика перехожій! не ты ли Алеша Поповичъ? Если ты, то побратаемся! — Алеша не повѣрилъ врагу, отрѣзалъ ему голову, снялъ съ него цвѣтное платье, надѣлъ на себя, сѣлъ на его коня и поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ. Екимъ Ивановичь и калика перехожій увидали ѣдущаго Алешу, не узнали, въ испугѣ вскочили на коней и поскакали къ Ростову. Нагоняетъ ихъ Алеша. Тогда Екимъ обернулся и думая, что за ними скачетъ Тугаринъ, выхватилъ боевую палицу въ тридцать пудъ и кинулъ въ Алешу позадь себя; палица угодила въ грудь, вышибла Алешу изъ сѣдла, и упалъ онъ на землю. Екимъ соскочилъ съ копя, кинулся къ врагу, чтобъ разпороть ему грудь (обыкновенный пріемъ у всѣхъ богатырей), и увидалъ на груди его золотой крестъ. Тогда догадался Екимъ, заплакалъ и сказалъ каликѣ: по грѣхамъ случилось надо мною; я убилъ своего брата названнаго.— Сталъ Екимъ съ каликой трясти и качать Алешу, дали ему заморскаго питья, — и Алеша всталъ здоровымъ. Онъ обмѣнялся опять съ каликой платьемъ. Уложили въ чемоданъ платье Тугариново, сѣли на коней и всѣ поѣхали къ Кіеву, къ ласкову Князю Владиміру. Пріѣхали въ Кіевъ на княжескій дворъ, соскочили съ коней, привязали ихъ къ дубовымъ столбамъ и пошли въ свѣтлыя гридни.

Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
И на всѣ четыре стороны.

Князь Владиміръ говоритъ имъ: добрые молодцы! скажите, какъ васъ по имени зовутъ: по имени можно вамъ дать мѣсто,

по отечеству можно пожаловать.—Меня, Государь, отвѣчаетъ Алеша, зовутъ Алешею Поповичемъ; я изъ Ростова, сынъ стараго попа соборнаго. — Алеша Поповичь, говоритъ ему Владиміръ, обрадовавшись, садись по отечеству въ большое мѣсто, въ передній уголокъ; въ другое мѣсто богатырское, въ дубовую скамью противъ меня; въ третье—куда самъ захочешь. И такъ Владиміръ даетъ ему у себя три мѣста, изъ которыхъ первое по отечеству, по отцовской чести, а второе по личнымъ заслугамъ, и наконецъ въ третьихъ — право сѣсть, гдѣ угодно; Алеша воспользовался этимъ правомъ, не сѣлъ въ первыя два мѣста, а сѣлъ съ своими товарищами на палатный брусъ.—Спустя немного времени, двѣнадцать богатырей несутъ на доскѣ изъ краснаго золота Тугарина Змѣевича и посадили его въ большое мѣсто. Подлѣ Тугарина сидѣла Княгиня Апраксѣевна.—И такъ Тугаринъ ожилъ; это ничего, это въ пѣсняхъ сплошь да рядомъ; но какъ онъ явился на пиру у Князя Владиміра? Это появленіе нѣсколько странно; по во 1-хъ, оно, вѣроятно, объясняется въ самыхъ пѣсняхъ; мы не имѣемъ ихъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, во всей полнотѣ; можетъ быть, Тугаринъ былъ прежде знакомъ Владиміру. Во 2-хъ, въ открытыя палаты Князя Владиміра, на пиръ его, всѣмъ открытый, могъ явиться всякой, тѣмъ болѣе богатырь; слѣдовательно и Тугаринъ. Продолжаемъ разсказъ. — Догадливые повара понесли яства сахарныя и питья медвяныя заморскія. Гости стали пировать. Тугаринъ нечестно (не почтительно, не съ уваженіемъ) хлѣба ѣстъ: мечетъ за щеку по цѣлой ковригѣ, а ковриги монастырскія; нечестно онъ и пьетъ: охлестываетъ по цѣлой чашѣ въ полтретья ведра; мало того, онъ ласкается къ княгинѣ. — Смотритъ Алеша съ своего палатнаго бруса и говоритъ: Ласковый Владиміръ Князь!

Что у тебя за болванъ пришелъ?
Что за дуракъ неотесаный?
Нечестно у Князя за столомъ сидитъ,

онъ ласкается, собака, къ княгинѣ, цѣлуетъ ее въ уста сахарныя, насмѣхается тебѣ, Князю. А у моего сударя батюшки была собачища старая, на силу таскалась по подстолью и подавилась костью та собака; я схватилъ ее за хвостъ да бросилъ подъ гору: Тугарину тоже отъ меня будетъ. Почернѣлъ Тугаринъ при этихъ

словахъ, какъ осенняя ночь; сталъ свѣтелъ Алеша, какъ свѣтлый мѣсяцъ. Опять понесли кушанья повара и принесли бѣлую лебедь,—Княгиня стала рѣзать бѣлую лебедь, обрѣзала лѣвую руку, завернула рукавчикомъ, опустила подъ столъ и сказала: княгини, боярыни! или мнѣ рѣзать лебедь, или смотрѣть на милую жизнь мою, на молодаго Тугарина Змѣевича.—А Тугаринъ взялъ бѣлую лебедь и всю вдругъ проглотилъ, да еще тутъ же ковригу монастырскую. Заговорилъ опять Алеша на палатномъ брусу: Ласковый Владиміръ Князь!

Что у тебя за болванъ сидитъ?
Что за дуракъ неотесанный?
Нечестно за столомъ сидитъ,
Нечестно хлѣба съ солью ѣстъ:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ;
У моего сударя батюшки,
У Ѳедора попа Ростовскаго,
Была коровища старая,
На силу по двору таскалася;

Забилась она на поварню къ поварамъ, выпила чанъ пѣсной браги, да съ него и лопнула; я взялъ ее за хвостъ да бросилъ подъ гору: Тугарину тоже отъ меня будетъ. Потемнѣлъ опять Тугаринъ, какъ ночь осенняя, выхватилъ булатное чингалище и бросилъ въ Алешу. Алеша былъ вертокъ и увернулся отъ удара, чингалище подхватилъ Екимъ Ивановичъ и сказалъ Алешѣ: самъ въ него бросаешь или мнѣ велишь? Самъ не бросаю и тебѣ не велю, говоритъ Алеша; завтра я съ нимъ перевѣдаюсь. Я бьюсь съ нимъ о великой закладъ: не о стѣ, не о тысячѣ рублей, а объ своей буйной головѣ. Вскочили на ноги, услыхавъ эти слова, князья и бояре, всѣ спѣшатъ принять участіе въ закладѣ, всѣ увѣрены въ побѣдѣ Тугарина, всѣ за него держатъ большія деньги. Одинъ владыка Черниговскій держитъ за Алешу. Тугаринъ вышелъ вонъ, сѣлъ на коня и поднялся на крыльяхъ *бумажныхъ* летать подъ небесами. Вскочила Княгиня и стала пенять Алешѣ, что не далъ поспѣть милому другу. Не сталъ ее слушать Алеша, поднялся съ товарищами и вышелъ вонъ. Они сѣли на коней, пріѣхали на Сафатъ-рѣку и, пустивши коней въ зеленые луга, легли спать. Алеша не спалъ всю ночь и со сле-

зами молился Богу: создай, Боже, тучу грозную, тучу съ градомъ и дождемъ.

Алешины молитвы доходны ко Христу:

Даетъ Господь Богъ тучу съ градомъ и дождемъ, замочило у Тугарина бумажныя крылья, и упалъ онъ, какъ собака, на землю. Екимъ пришелъ къ Алешѣ и сказалъ, что видѣлъ Тугарина на землѣ. — Алеша скоро снарядился, сѣлъ на коня, взялъ одну острую саблю и поѣхалъ къ Тугарину. Увидалъ Тугаринъ Алешу и заревѣлъ зычнымъ голосомъ: молодой Алеша Поповичъ! хочешь ли, я спалю тебя огнемъ? хочешь, конемъ стопчу, или копьемъ заколю?—Молодой Тугаринъ Змѣевичъ! отвѣчаетъ Алеша, ты бился со мной о великой закладъ, драться одинъ на одинъ, а за тобой теперь силы и смѣты нѣтъ на меня, на Алешу.—Тугаринъ оглянулся назадъ; въ то время Алеша подскочилъ и срубилъ ему голову: упала голова на землю, какъ пивной котелъ. Алеша соскочилъ съ коня, отвязалъ чембуръ, прокололъ уши у головы Тугарина, привязалъ къ коню и привезъ въ Кіевъ на княжепецкій дворъ; середи двора бросилъ онъ голову. Князь Владиміръ увидалъ Алешу, повелъ его въ свѣтлыя гридни, посадилъ за убраные столы, и пошелъ пиръ для Алеши Поповича. Середи пира сказалъ Владиміръ своему гостю: молодой Алеша Поповичъ! ты далъ мнѣ свѣтъ въ одинъ часъ. Живи въ Кіевѣ, служи мнѣ Князю Владиміру, я стану тебя вдоволь жаловать. — Алеша не ослушался и сталъ служить Князю вѣрою и правдою. Но Княгиня бранила Алешу, что онъ разлучилъ се съ ея милымъ другомъ, съ молодымъ Тугариномъ Змѣевичемъ. Матушка Княгиня Апраксѣевна, отвѣчалъ ей на это Алеша,

Чуть не назвалъ я тебя сукою.

Вотъ единственный славный подвигъ, совершенный богатыремъ Алешою Поповичемъ, единственный, о которомъ упоминаютъ наши пѣсни; въ этой пѣснѣ какъ будто воздается возможная честь Алешѣ, но и здѣсь правдивое народное слово выставляетъ Алешу, въ настоящемъ свѣтѣ, такимъ, каковъ онъ есть: оба раза, какъ видимъ, побѣда досталась ему по милости обмана, конечно дерзкаго. Въ оба раза не рѣшился онъ выступить на открытый честный бой. Добрый и всегда послушный Екимъ, который спибъ по ошибкѣ Алешу съ коня, очевидно его сильнѣе. Впрочемъ въ

дерзости у Алеши нѣтъ недостатка. Хотя въ пѣсняхъ не сохранилось объ Алешѣ еще какого-нибудь разсказа, но пѣсни во многихъ мѣстахъ дополняютъ его характеръ. Такъ Добрыня (см. выше), уѣзжая, позволяетъ женѣ своей выдти, послѣ извѣстнаго срока, за кого ей угодно, хоть за Татарина, только не за Алешу, за бабьяго пересмѣшника—выраженіе, очень мѣткое и выказывающее все презрѣніе истиннаго мужчины къ такого рода людямъ. Кромѣ того, тутъ же называется онъ судейскимъ перелестникомъ, соблазнителемъ, подкупающимъ судей, слѣдовательно человѣкомъ безправственнымъ. Такъ въ прекрасной пѣснѣ: Сорокъ каликъ со каликою, напоминающей отчасти Іосифа Прекраснаго и Пентефрію, Алеша выступаетъ съ очень невыгодной стороны. — Сорокъ каликъ со каликою изъ Боголюбова монастыря идутъ на богомолье въ Іерусалимъ; близь Кіева встрѣчаютъ они Князя Владиміра, который охотится за звѣрьми и птицами, съ Княземъ Добрыня. Калики просятъ у Князя святую милостыню. Мнѣ нечего вамъ дать, отвѣчаетъ Владиміръ, я здѣсь потѣшаюсь охотою, а ступайте вы въ Кіевъ къ Княгинѣ. Калики приходятъ и просятъ у Княгини милостыни. Княгиня ихъ угощаетъ. Калики собираются въ путь и просятъ надѣлить ихъ въ дорогу золотомъ. Но у Княгини не то на разумѣ. Атаманъ каликъ ей очень понравился и она посылаетъ Алешу Поповича (какъ видно онъ ужъ въ ладахъ съ Княгинею) уговорить атамана придти къ ней посидѣть въ долгой вечеръ, поговорить забавныя рѣчи. Алеша сталъ уговаривать: но не уговорилъ Алеша благочестиваго атамана и получилъ отказъ. Княгиня осердилась и послала Алешу прорѣзать суму у атамана и положить туда серебряную чарочку, которою Князь пьетъ на пріѣздѣ. Алеша исполнилъ порученіе и зашилъ гладко суму; какъ только пошли калики, не простившись съ Княгиней, она послала Алешу въ погоню за ними. Онъ нагналъ ихъ.

У Алеши вѣжство не рожденное (не природное),

говоритъ пѣсня. Онъ до того дошелъ въ своей наглости, что, зная все дѣло, завелъ ссору съ каликами, началъ ругать ихъ ворами и разбойниками: вы-то, калики, бродите по крещеному міру; что украдете, своимъ зовете; обокрали вы Княгиню.—Калики не дали ему себя обыскивать, и Алеша, поворчавъ, поѣхалъ къ Кіеву. Въ то время какъ пріѣхалъ Алеша, пріѣхалъ съ охоты и

Владиміръ, и съ нимъ Добрыня. Княгиня посылаетъ Добрыню за каликами. Добрыня, не знающій ничего объ этомъ дѣлѣ, не ослушался на сей разъ Княгини, поѣхалъ и настигъ каликъ въ чистомъ полѣ,

у Добрыни вѣжство рожденное (природное) и ученое.

Онъ соскочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ и проситъ атамана, чтобъ онъ не навелъ на гнѣвъ Князя Владиміра.

Прикажи обыскать калики перехожіе,
Нѣтъ ли промежу васъ глупаго?

Калики исполняютъ его просьбу.

Мы не разсказываемъ всей этой прекрасной пѣсни, ибо она не относится къ нашей задачѣ, т. е. къ пѣснямъ собственно богатырскимъ. Мы взяли изъ нея, что нужно было намъ для опредѣленія характера Алеши. Здѣсь ярко обрисованъ Алеша, грубый и безчестный, и тѣмъ ярче, что рядомъ съ нимъ честный и вѣжливый Добрыня.—Вспомнимъ также, что Илья Муромецъ (см. въ I. т. М. С.) не хочетъ, чтобы Алеша шелъ драться съ Козарскимъ богатыремъ, ибо Алеша корыстолюбивъ, заглядится на золото и серебро и будетъ побитъ.—Наконецъ въ двухъ неизданныхъ пѣсняхъ, находящихся въ знаменитомъ драгоцѣнномъ собраніи Русскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго, Алеша является, какъ безсовѣстный соблазнитель. Илья Муромецъ, встрѣтивъ дѣвицу, обманутую Алешей, говоритъ: я не зналъ прежде того, а то бы я съ Алешей перевѣдался и снесъ бы я Алешѣ буйну голову.

И такъ лицо Алеши Поповича очерчено очень явственно, очень живо и полно; очень вѣрно сохранена характеристика дерзкаго и ловкаго обманщика, но вовсе не храбраго воина, бабьяго пересмѣшника и вмѣстѣ готоваго на всякое худое дѣло.

ДУНАЙ.

Не похожъ Дунай на другихъ богатырей; очевидно пришлецъ изъ чужихъ странъ, буйный духомъ, онъ отличается какою-то особою горделивою осанкою. Объ немъ извѣстна одна только пѣсня, въ которой разсказывается о женитьбѣ Великаго Князя Владиміра. Въ этой пѣсни очевидно являются намеки на какую-то прежнюю жизнь Дуная, намеки, неясные для насъ, но безъ со-

мнѣнія ясныя для тѣхъ, кѣмъ и кому пѣлись пѣсни, ибо эти намеки—какъ бы что-то извѣстное. Въ одномъ мѣстѣ Дунай говоритъ самъ о себѣ, что онъ служилъ въ семи ордахъ, семи королямъ. Удалой дружинникъ, Дунай наконецъ остался въ службѣ православнаго Князя Владиміра, и самъ является уже православнымъ витяземъ. Такъ разсказываетъ пѣсня о женитьбѣ Князя Владиміра и о подвигахъ Дуная.

Въ стольномъ городѣ Кіевѣ, у ласкова Князя Владиміра было пированье почестный пиръ, было столованье почестный столъ. Много на пиру было князей и бояръ и Русскихъ могучихъ богатырей.

А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ во полустолѣ;
Владиміръ Князь распотѣшился,
По свѣтлой гридни похаживаетъ,
Черныя кудри расчесываетъ,

И говоритъ такое слово: Князи, бояре, могучіе богатыри!

Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
Только я Владиміръ Князь холостъ хожу,
А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю;

А кто знаетъ мнѣ *сопротивницу?* (слово замѣчательное: т. е. ту, которая была бы *сопротивъ* меня, мнѣ равная, какъ говорится, по примѣръ: *онъ супротивъ его не будетъ*, т. е. онъ ему не равенъ, онъ ему не пара; здѣсь удержанъ въ словѣ еще особенный оттѣнокъ противоположности). Кто знаетъ мнѣ сопротивницу? говоритъ Владиміръ, сопротивницу знаетъ, красную дѣвицу, статную станомъ, совершенную умомъ, бѣлое лицо у ней, какъ бѣлый снѣгъ, щеки, какъ маковъ цвѣтъ, черныя брови, какъ соболи, ясныя очи, какъ у сокола? — На вопросъ Князя большой прячется за меньшаго, отъ меньшаго пѣтъ отвѣта Князю. Тогда изъ-за стола княженецкаго, изъ скамьи богатырской выступилъ Иванъ, гостиной сынъ, вскочилъ на богатырское мѣсто и сказалъ зычнымъ голосомъ: Ласковый Владиміръ Князь! благослови предъ тобою слово молвить. Я Иванъ бывалъ въ Золотой Ордѣ, у грознаго Короля Этмануйла Этмануйловича; видѣлъ я въ дому у него двухъ дочерей; первая дочь — Настасья, вторая Афросинья;

Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему
За тридесять замками булатными;
А и буйные вихри—не вихнутъ на ее,
А красное солнце—не печетъ лицо.

Иванъ описываетъ ея красоту словами самого Владиміра и прибавляетъ: посылай, Государь, Дуная свататься. — Владиміръ велѣлъ налить чару зелена вина въ полтора ведра и поднести Ивану за хорошія слова. Призываетъ Владиміръ въ спальню къ себѣ Дуная и говоритъ ему: Дунай сынъ Ивановичь! Сослужи мнѣ службу заочную: съѣзди въ Золотую Орду къ грозному Королю, Этманулу Этманулловичу, для добраго дѣла, для сватанья, на его любимой дочери, на Афросиньѣ Королевишнѣ; бери моей золотой казны, бери триста жеребцовъ и могучихъ богатырей. Сказавъ это, Владиміръ подноситъ Дунаю въ полтора ведра чару зелена вина и въ полтретья ведра турій рогъ сладкаго меду; Дунай выпилъ и чару зелена вина, и турій рогъ меду сладкаго. Разгорѣлась утроба богатырская и разходились могучія плечи у Дуная, и Дунай говоритъ: Ласковое солнце, Владиміръ Князь! Не надо мнѣ твоей золотой казны, не надо трехъ сотъ жеребцовъ, не надо могучихъ богатырей. Дай одного мнѣ молодца, Екима Ивановича, который служитъ Алешкѣ Поповичу.—Владиміръ Князь тотчасъ самъ руками привелъ Екима къ Дунаю.—Поѣхали богатыри; ѣдутъ недѣлю, другую, и пріѣхали въ Золотую Орду. Соскочили они середь королевскаго двора, привязали коней къ дубовому столбу и пошли въ бѣлокаменную палату. — Король въ Золотой Ордѣ! говоритъ Дунай:

У тебя ли во палатахъ бѣлокаменныхъ
Нѣту Спасова образа:
Не кому у тя помолитися,
А и не за что тебѣ поклонитися.

Король говоритъ на это Дунаю, а самъ усмѣхается: Дунай сынъ Ивановичь!

Али ты ко мнѣ пріѣхалъ по старому служить и по прежнему?

Король въ Золотой Ордѣ! отвѣчаетъ Дунай, пріѣхалъ я къ тебѣ не по старому служить и не по прежнему. Я пріѣхалъ къ тебѣ для добраго дѣла, для сватанья. На твоей дочери Афросиньѣ хочетъ жениться Князь Владиміръ.—Оскорбился (почему-то) этимъ

Король, рветъ на головѣ черныя кудри, бросаетъ ихъ о *кирпищетъ* полъ и говоритъ: Дунай сынъ Ивановичь! Если бы ты не служилъ у меня вѣрою и правдою, я бы велѣлъ посадить тебя въ погреба глубокіе и уморилъ бы голодною смертью за твои бездѣльныя слова. Оскорбился Дунай, разгорѣлось богатырское сердце; онъ обнажилъ саблю и сказалъ: Король Золотой Орды! Если бъ я у тебя въ дому не бывалъ, хлѣба-соли не ѣдалъ, ссѣкъ бы по плечи тебѣ буйную голову. — Король заревѣлъ зычнымъ голосомъ; борзые псы заходили на цѣпяхъ. Псами затравить Дуная хочетъ Король. Екимъ Ивановичь! кричитъ Дунай,

Что ты сталъ, да чего глядишь?
Псы борзые заходили на цѣпяхъ.

Екимъ бросился опрометью на широкій дворъ; *мурзы*, *улановья* не допускаютъ Екима до добраго коня, до тяжкой палицы мѣдной. Не попала Екиму палица желѣзная, попала ему ось тѣлежная; зачалъ ею помахивать Екимъ, со всѣхъ сторонъ валятся враги; перебилъ Екимъ множество людей, и избилъ пять сотъ кобелей меделянскихъ. — Видя это, Король закричалъ зычнымъ голосомъ: Дунай Ивановичь!

Уйми ты своего слугу вѣрнаго;
Оставь мнѣ силы хоть на сѣмена,

Бери мою любимую дочь Афросинью.—Дунай оставилъ Екима и пошелъ къ высокому терему, гдѣ сидитъ Афросинья за тридцатью замками булатными, гдѣ

Буйные вѣтры не вихнутъ на неё,
Красное солнце лица не печетъ.

У этихъ палатъ были желѣзныя двери; крюки и пробои были по булату злачены. Дунай сталъ передъ замкнутыми дверями и сказалъ: хоть ногу изломить, а двери выставить! Онъ пнулъ въ желѣзныя двери, сломались булатные крюки, и всѣ палаты зашатались. Изъ дверей бросилась испуганная дѣвица, какъ угорѣлая, и хочетъ цѣловать Дуная въ уста. Дунай сказалъ: Афросинья Королевишна! какъ

Рыженой кусъ—да не суженому ѣсть!
Не цѣлую я тебя въ сахарныя уста.
А и Богъ тебя красную дѣвицу милуетъ:
Достанешься ты Князю Владиміру.

Дунай взялъ ее за правую руку и повелъ изъ палатъ на широкой дворъ. Богатыри и красная дѣвица хотѣли уже садиться на коней, какъ спохватился тутъ Король Золотой Орды и проситъ Дуная, чтобъ онъ подождалъ его мурзъ и улановъ. Дунай исполняетъ его просьбу, и Король отправляетъ своихъ мурзъ и улановъ везти за Дунаемъ богатое приданое: золото, серебро, жемчугъ и драгоцѣнные камни. Скоро, собравшись, всѣ поѣхали къ городу Кіеву; ѣдутъ недѣлю, ѣдутъ другую; тутъ же везутъ и золотую казну.—Не доѣхавъ ста верстъ до Кіева, наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ; взманилъ его этотъ слѣдъ, и Дунай сталъ наказывать Екиму:

Гой еси Екимъ сынъ Иваповичь!
Вези ты Афросинью Королевишну
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласковому Князю Владиміру,—
Честно, хвально и радостно.
Было бы намъ чѣмъ похвалитися
Великому Князю во Кіевѣ.

Сказавъ это, самъ Дунай поѣхалъ по свѣжему бродучему слѣду; ѣдетъ онъ трое сутокъ,

Въ четвертыя сутки слѣдъ дошелъ.

На потѣшныхъ лугахъ, куда всегда ѣздитъ Владиміръ Князь охотиться, стоитъ бѣлый шатеръ; въ шатрѣ держитъ опочивъ красная дѣвица. Эта красная дѣвица — Настасья Королевишна, сестра Афросиньи; другую жизнь вела она, и сильнымъ витяземъ ѣздила вольно по полямъ. — Дунай вынулъ изъ налучна тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, вытянулъ за ухо калену стрѣлу съ тетивою и хлеснулъ по сыру дубу; вспѣла тетива, дрогнула земля отъ богатырскаго удара; стрѣла угодила въ дубъ,

Изломала его въ черепья пожевые.

Какъ угорѣлая, бросилась дѣвица изъ шатра; Дунай ударилъ её, сшибъ съ ногъ и выдернулъ булатное чингалище, чтобы разрѣзать ей грудь; дѣвица взмолилась ему: удалой доброй молодецъ! Не коли ты меня дѣвицу до смерти. Я отпросилась у батюшки съ тѣмъ, что кто побьетъ меня въ чистомъ полѣ, за того мнѣ и замужъ идти. Обрадовался Дунай ея слову и думаетъ своимъ разумомъ:

Служилъ я Дунай во семи ордахъ,
Во семи ордахъ, семи Королямъ,
А не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы;
Попѣ я пашелъ во чистомъ полѣ
Обручницу, сопротивницу.

Обручились Дунай съ Настасьей и обвѣнчались вокругъ ракитова куста. Дунай отобралъ у дѣвицы бранное вооруженіе, кольчугу и панцырь и кулякъ, приказалъ ей надѣть простую бѣлую епанчу и поѣхалъ съ ней къ Кіеву. Въ это время ѣхалъ Князь Владиміръ отъ вѣнца, и у повобрачнаго Князя пошелъ свадебный пиръ. Дунай пріѣхалъ къ соборной церкви и просилъ у Архіерея позволенія обвѣнчать его съ Настасьей. Дуная обвѣнчали (1), и новые молодые поѣхали къ Князю Владиміру, соскочили съ коней на его широкомъ дворѣ, и Дунай послалъ сказать Князю:

Доложитесь Князю Владиміру:
Не о томъ, что идти во свѣтлы гридни,—
О томъ, что не въ чемъ идти Княгинѣ молодой:
Платья женскаго только и есть одна епанечка бѣлая.

Князь Владиміръ догадался; знаетъ онъ, кого послать: послалъ онъ Чурилу Плепковича, выдать цвѣтное женское платье.—Здѣсь прямо намекъ на особенность Чурилы, которая полнѣе раскрывается въ другой пѣснѣ, собственно о немъ. Выдали платье, богато снарядили Княгиню новобрачную, повели молодыхъ въ свѣтлыя гридни и посадили за столъ. Теперь уже двѣ сестры сѣли за однимъ столомъ. Молодой Дунай Ивановичь

Женилъ онъ Князя Владиміра,
Да и самъ тутъ же женился,
Въ томъ же столѣ столовати сталъ.

Прошло много времени. У Князя Владиміра, у солнышка Святославича, была веселая пирушка. На пирушкѣ пьяный Дунай разхвастался, что въ Кіевѣ нѣтъ ему равнаго стрѣльца стрѣлять изъ лука въ цѣль. Княгиня (жена Владиміра) сказала на это: Любимый мой зять, Дунай Ивановичь! Нѣтъ въ Кіевѣ такого стрѣльца, какъ сестра моя Настасья Королевишна.—Обидно стало Дунаю; сей часъ захотѣлъ онъ испытать, кто лучше стрѣляетъ.

(1) Здѣсь послѣ языческаго обряда вѣнчанія слѣдуетъ Христіанскій.

Мечутъ жеребій; достается стрѣлять женѣ Дуная (она вѣроятно была тутъ же на пиру), а Дунаю держать на головѣ золотое кольцо. Отмѣрили мѣсто на версту. Держитъ Дунай на головѣ золотое кольцо; Настасья натянула лукъ, вытянула калену стрѣлу; запѣла тетива у тугого лука; каленая стрѣла сшибла золотое кольцо. Бросились искать и князья и бояре, увидали каленую стрѣлу, и на ея перьяхъ золотое кольцо. Тогда Дунай становилъ молодую жену на свое мѣсто. Княгиня принялась его уговаривать: Зять мой любимый, Дунай Ивановичь! Это была шуточка пошучена.—Жена его тоже говорила ему: оставимъ стрѣлять до другаго дня; въ моей утробѣ могучій богатырь. Первой стрѣлой ты не дострѣлишь, второй стрѣлой перестрѣлишь, третьей стрѣлой въ меня угодишь. — Князья, бояре и сильные могучіе богатыри уговаривали Дуная, но Дунай озадорился, и опять ставилъ на мѣсто свою жену. Она стала его упрашивать и клапяться ему. Любезный мой *Ладушка,* говорила она Дунаю, оставь шутку на три дня, хоть не для меня, но для своего сына не рожденнаго; завтра рожу тебѣ богатыря: ему не будетъ сопротивника. Не повѣрилъ Дунай и поставилъ жену свою на мѣсто цѣли. Стала жена держать золотое кольцо на головѣ. Первой стрѣлой не дострѣлилъ Дунай, второй перестрѣлилъ, третьей въ нее угодилъ. Прибѣжалъ Дунай къ женѣ, выхватилъ булатное чингалище, распоролъ ей грудь; изъ утробы выскочилъ удалой молодецъ и сказалъ: Сударь мой батюшка! Если бъ далъ ты мнѣ сроку на три часа, я бы на свѣтѣ былъ въ семь семерицъ получше и поудалѣе тебя. Опечалился молодой Дунай Ивановичь, ткнулъ себя чингалищемъ въ грудь и кинулся въ быструю рѣку.

Потому быстра рѣка Дунай слыветъ;
Своимъ устьемъ впала въ сине море.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧЬ.

Этотъ богатырь также имѣетъ свой, совершенно особенный обликъ.—Это изнѣженный щеголь и волокита; объ силѣ его нигдѣ не говорится, онъ знаменитъ своею дружиною; но онъ находится въ числѣ богатырей, и нѣтъ повода считать Чурилу не заслуживающимъ этого званія. За то много говоритъ пѣсня о пышности и щегольствѣ Чурилы. Вспомнимъ, что ему поручаетъ Вла-

диміръ и платье выбрать для новобрачной, жены Дуная.—У Чурилы, какъ видно изъ пѣсни, своя сильная дружина, и онъ сперва живетъ отдѣльно и независимо. Это богатырь-начальникъ дружины, роскошный, щеголеватый, изпѣженный и волокита. О Чурилѣ, въ Сборникѣ Кирши Данилова, говоритъ только одна пѣсня.

Пѣсня начинается, какъ большею частію начинаются пѣсни о богатыряхъ и пирахъ Владиміра: т. е. въ Кіевѣ, у Князя Владиміра, идетъ пированье-почестный пиръ на князей, бояръ и богатырей, и Владиміръ Князь на пиру разпотѣшился. — Въ это время, когда весело стало Князю Владиміру, подошли къ нему незнакомые люди; ихъ всѣхъ человѣкъ за триста, всѣ они избиты и изранены. Они творятъ жалобу Владиміру. — Свѣтъ Владиміръ Князь! говорятъ они, мы ѣздили по чистому полю, вверху рѣки Череги, въ твоемъ государевомъ займищѣ. Ничего мы не наѣхали въ полѣ, и не видали ни звѣря прыскучаго, ни птицы перелетной. Мы наѣхали въ чистомъ полѣ на толпу молодцевъ, человѣкъ за пятьсотъ; они повыловили и повыгнали звѣрей, и насъ избили, изранили. Нѣтъ тебѣ, Государю, добычи, а отъ тебя, Государь, намъ жалованья нѣтъ; дѣти и жены пошли по міру.—

Владиміръ Князь, стольной Кіевской,
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не ушла еще эта толпа со двора, пришла другая толпа, человѣкъ за пятьсотъ; это были все охотники рыболовы, и тоже всѣ избиты, изранены, и тоже творятъ жалобу: Свѣтъ Владиміръ Князь! ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ, на твое княженецкое счастье, ничего не поймали. Встрѣтили мы людей, человѣкъ за пятьсотъ; повыловили они бѣлую рыбицу, щукъ, карасей и мелкую рыбешку. Намъ нѣтъ добычи, Государь, а тебѣ приносу, а отъ тебя, Государь, нѣтъ жалованья; дѣти и жены пошли по міру. —

Владиміръ Князь, стольной Кіевской,
Пьетъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не сошли эти толпы со двора, пришли вдругъ двѣ другія толпы; первая толпа—сокольники, вторая толпа—кречетники; и всѣ они избиты, изранены, и также творятъ жалобу: Свѣтъ Влади-

міръ Князь! Ѣздили мы по полю чистому, вверху Череги, по твоему государеву займищу, на потѣшныхъ островахъ, на твое княженецкое счастье. Ничего мы не видали; не видали сокола и кречета перелетнаго. Наѣхали мы только на молодцевъ за тысячу человѣкъ. Они повыхватали всѣхъ ясныхъ соколовъ и повыловили бѣлыхъ кречетовъ, а насъ избили, изранили; называются дружиною Чуриловою (1). — Кто это Чурила? спросилъ Владиміръ, схватившись за это слово. — Выступилъ старый Бермята Васильевичь и сказалъ: я давно, Государь, знаю про Чурилу; онъ живетъ не въ Кіевѣ, а пониже малаго Кіевца.

Дворъ у него на семи верстахъ;
Около двора желѣзный тынъ;
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Середи двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя,
Покрыты сѣдымъ бобромъ;
Потолокъ черныхъ соболей;
Матицы-то валженыя;
Полъ—середа (2) одного серебра;
Крюки да пробои по булату злачены.
Первыя у него ворота вальящатыя,
Другія ворота — хрустальныя,
Третьи ворота — оловянныя.

Услышавъ это, Владиміръ захотѣлъ видѣть дворъ Чурилы Пленковича, скоро собрался вмѣстѣ съ Княгинею, взялъ съ собою князей, бояръ и могучихъ богатырей, взялъ Добрыню Никитича и стараго Бермяту Васильевича. Собралось ихъ всѣхъ пятьсотъ человѣкъ.

И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.

---

(1) Свидѣтельство о Чуриловой дружинѣ, по нашему мнѣнію, очень важно и служитъ въ тоже время доказательствомъ древности самой пѣсни. Изъ этого свидѣтельства видно, что, во время древнихъ первыхъ Князей, были какъ бы независимые отдѣльные начальники дружинъ, и цѣлыя дружины, довольно самостоятельныя и самовольныя. Мы знаемъ, что была своя дружина у Сѣвельда; вѣроятно, что мужи, имена которыхъ встрѣчаемъ въ договорахъ Олега и Игоря, имѣли такія же дружины.—Это не значитъ, впрочемъ, чтобъ эти дружины могли дѣлать съ народомъ, что хотѣли. Сильный и самобытный, конечно ставилъ онъ предѣлы ихъ своеволію.

(2) *Середа* — сплошная цѣльная масса (среда) — здѣсь плоскія.

Пріѣхали къ его двору; ихъ встрѣчаетъ старый Пленъ (отецъ Чурилы).

Для Князя и Княгини
Отворяетъ ворота вальящатыя,
А Князьямъ и боярамъ — хрустальныя,
Простымъ людямъ — ворота оловяныя.

Наѣхало полонъ дворъ гостей. Пленко Сарожениничъ повелъ Князя и Княгиню въ свѣтлыя гридни, посадилъ ихъ въ почетное мѣсто; посадилъ князей, бояръ и могучихъ Русскихъ богатырей,—и начался пиръ; понесли и яства и питья заморскія, чтобы развеселить Князя.

Веселая бесѣда, на радости день;
Князь со Княгинею веселъ сидитъ.

Посмотрѣлъ Владиміръ въ косящетое окно и увидалъ въ полѣ толпу людей. — По грѣхамъ не случилось меня дома, сказалъ Владиміръ,

Ко мнѣ ѣдетъ Король изъ Орды,
Или какой грозенъ посолъ.

Старый Пленко лишь только усмѣхается, а самъ подчуетъ: «Изволь ты, Государь Князь, со Княгинею и со всѣми своими князьями и боярами, кушать. Не Король ѣдетъ изъ Орды и не грозенъ посолъ, а ѣдетъ храбрая дружина сына моего, молодаго Чурилы Пленковича; когда онъ будетъ передъ тобою, Государь, тогда пиръ будетъ во полупирѣ, будетъ столъ во полустолѣ». — Опять пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются; день вечеретъ, закатывается красное солнышко, въ полѣ сгущается толпа, человѣкъ за пятьсотъ и до тысячи.

Ѣдетъ Чурила ко двору своему;
Передъ нимъ несутъ *подсолнечники*, (1)
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.

Пріѣхалъ Чурила къ своему двору; прежде его прибѣжалъ скороходъ, заглянулъ на дворъ и увидалъ, что не куда ѣхать Чурилѣ съ дружиною и съ добычею. Тогда поѣхалъ Чурила съ товарищами на свой окольный дворъ, тамъ они остановились и приснарядились. Догадался Чурила, что дѣлать; онъ взялъ золотые

(1) *Зонтики*; у Стефани Яворскаго: *сокечники*.

ключи, пошелъ въ подвалы глубокіе, взялъ оттуда золота, сорокъ сороковъ черныхъ соболей, другой сорокъ лисицъ *Печерскихъ* и камку бѣлохрущатую; пришелъ Чурила къ Князю Владиміру и положилъ передъ нимъ на убранный столъ подарки. Рады были Князь и Княгиня, и Князь сказалъ: Чурило Пленковичъ!

Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ Чурилѣ въ Кіевѣ жить, Князю служить.

Чурила не ослушался Князя Владиміра, сей часъ велѣлъ осѣдлать коня, и всѣ поѣхали въ Кіевъ градъ, къ ласковому Князю Владиміру.

Въ добромъ здоровьѣ ихъ Богъ перенесъ.

Пріѣхали, соскочили съ коней, пошли въ свѣтлыя гридни и сѣли за убранные столы. Снова пиръ. Владиміръ посылаетъ Чурилу Пленковича звать къ себѣ въ гости князей и бояръ;

А званого приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ. (1)

Чурила всѣхъ обошелъ, всѣхъ позвалъ, зашелъ къ Берматѣ Васильевичу, къ его молодой женѣ, къ Катеринѣ прекрасной, и позамѣшкался тамъ. Владиміръ Князь ждетъ его, что долго замѣшгался; наконецъ, спустя немного, пришелъ Чурила Пленковичъ:

Втапоры Владиміръ Князь ни во что положилъ;
Чурила пришелъ, и столъ пошелъ.

Пили, ѣли, прохлаждались на веселомъ пиру, и наконецъ разъѣхались по домамъ.

Поутру, рано рапешенько,
Рано зазвонили къ заутренѣ.

Князья и бояре пошли къ заутренѣ; въ то утро выпала порошa снѣгу, — и нашли они свѣжій слѣдъ; удивляются князья и

(1) Весьма замѣчательное указаніе. И такъ этотъ Княжескій пиръ — складчина. Пиръ складчиною — явленіе совершенно Русское и древнее; вспомнимъ *братчины*; на пр. братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и пировой староста.—Это также чисто общинное явленіе; это — вольное видоизмѣненіе самой самородной общины, ея отпрыскъ, если такъ можно выразиться. Къ такимъ же общиннымъ явленіямъ, возникшимъ изъ самой коренной общины, причисляемъ мы артель (не ротель ли?) и также казацкое устройство.

бояре: или заяцъ скакалъ, или бѣлъ горностай.—А другіе усмѣхаются и говорятъ: это не заяцъ скакалъ и не бѣлъ горностай,—

Это шелъ Чурила Пленковичь
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной.

Характеристика этого богатыря очень полно и вѣрно обрисована уже въ одной этой пѣснѣ. — Его щегольство доходитъ до того, что передъ нимъ несутъ зонтикъ отъ солнца. Отношенія его къ женѣ Бермяты, о которыхъ упоминается мимоходомъ, достаточно дополняютъ его характеръ. — Мы уже говорили, что Чурилѣ поручаетъ Владиміръ выбирать женское платье. Чурила еще является мелькомъ, но и тутъ вѣрный своему характеру, въ одной пѣснѣ, именно о Дюкѣ Степановичѣ. Богатый Дюкъ на пиру Владиміра сталъ отламывать у калача верхнюю корочку, а нижнюю откладывать прочь;

А во Кіевѣ былъ счастливъ добрѣ
Какъ бы молодой Чурила сынъ Пленковичь.
Оговорилъ онъ Дюка Степановича:
Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?—
Верхню корочку отламываешь,
А нижню прочь откладываешь.

Пѣсня очень тонко выражаетъ здѣсь тотъ же характеръ Чурилы; кто самъ склоненъ къ чванству, тотъ замѣтитъ чванство другаго и обидится имъ: кто щеголь, тотъ прежде всѣхъ замѣтитъ щегольство другаго и, какъ скоро оно въ бо̀льшихъ размѣрахъ, также обидится имъ.—Надо прибавить, что Дюкъ молодъ, богатъ, одѣтъ великолѣпно и красавецъ собой, — такъ что всѣ засмотрѣлись на него, когда онъ вошелъ въ гридню, на пиръ Владиміра.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Среди молодыхъ сильныхъ могучихъ богатырей, одинъ только старъ: богатырь Илья Муромецъ, далеко превосходящій силою всѣхъ остальныхъ.—Пѣсня не придаетъ ему обыкновеннаго присловья: *удалый;* и точно—въ немъ нѣтъ удальства. Всѣ подвиги его степенны, и все въ немъ степенно: это тихая, непобѣдимая

сила. Онъ не кровожаденъ, не любитъ убивать и, гдѣ можно, уклоняется даже отъ нанесенія удара. Спокойствіе нигдѣ его не оставляетъ; внутренняя тишина духа выражается и во внѣшнемъ образѣ, во всѣхъ его рѣчахъ и движеніяхъ.—Въ богатырѣ этомъ, не смотря на его страшную, внѣ всякого соперничества, силу, слышится еще болѣе сила духа. — Этотъ неодолимо-могучій и кроткій богатырь — крестьянинъ.

Въ собраніи пѣсенъ Кирши Данилова, три пѣсни говорятъ объ Ильѣ Муромцѣ. Кромѣ нихъ извѣстны еще другія; изъ нихъ одна напечатана въ Москвитянинѣ (1843 № 11), другая въ Московскомъ Сборникѣ (т. 1.). Есть также печатная объ немъ сказка съ лубочными картинками, и наконецъ объ немъ много въ народѣ разсказовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ. Воспользуемся всѣмъ, что напечатано и что сохранилось въ народѣ (сколько мы знаемъ) о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ. Илья Муромецъ пользуется общензвѣстностью больше всѣхъ другихъ богатырей. Полный неодолимой силы и непобѣдимой благости, онъ, по нашему мнѣнію, представитель, живой образъ Русскаго народа.

Въ селѣ Карачаровѣ, близь Мурома (оно и теперь еще находится тамъ), жилъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ; у него былъ сынъ Илья (Муромецъ). Илья съ малыхъ лѣтъ не владѣлъ ногами и сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ.—Однажды отецъ и мать его и вся семья были на работѣ. Илья оставался одинъ дома.—Приходятъ въ домъ два старца, подходятъ къ нему и говорятъ, чтобъ онъ принесъ имъ напиться.—Я безъ ногъ, отвѣчаетъ Илья, и сижу сиднемъ тридцать лѣтъ. Поди и принеси намъ напиться, говорятъ ему старцы. Желая исполнить ихъ требованіе и напоить прохожихъ старцевъ, Илья Муромецъ подымается на ноги и.... встаетъ; онъ идетъ и приноситъ старцамъ цѣлое ведро. Выпей самъ, говорятъ ему они; Илья выпиваетъ.—Что ты въ себѣ слышишь? спрашиваютъ старцы. — Слышу въ себѣ силу, говоритъ Илья, дерево съ корнемъ вырву изъ земли.—Принеси еще ведро.—Илья идетъ за другимъ ведромъ и приноситъ. Выпей и это ведро, говорятъ ему старцы. Илья выпиваетъ. — Что ты въ себѣ слышишь теперь? — Если бы кольцо ввернуть въ землю, отвѣчаетъ Илья, я бы повернулъ землю. — (По другимъ разсказамъ: если бы утвердить столпъ между землею и небомъ, я повернулъ бы столбъ).—Это много, говорятъ ему; принеси третье ведро.—Илья

приноситъ третье ведро. Выпей, говорятъ старцы, Илья выпилъ, и силы въ немъ поубавилось противъ втораго раза. — Будетъ съ тебя и этого, говорятъ старцы, и уходятъ. — Замѣчательно это преданіе. Доброе дѣло возвращаетъ Ильѣ употребленіе ногъ и даритъ страшную силу: добрымъ дѣломъ начинаются его подвиги, его богатырская жизнь.—Илья, оставшись одинъ, идетъ къ своимъ на работу. Они (по разсказамъ, сколько я помню) рубили лѣсъ. Смотрите-ка, Илья идетъ, заговорили всѣ, увидавъ его. Илья тутъ же началъ помогать имъ и принялся съ корнемъ рвать деревья. Ясно стало всѣмъ, что Илья богатырь.

Богатырь Илья Муромецъ собрался на богатырскіе подвиги, добрымъ на радость, злымъ на страхъ. Онъ проситъ великаго благословенія у отца и у матери, и падаетъ имъ въ ноги. Отецъ и мать даютъ ему благословеніе великое, и Илья ѣдетъ въ Кіевъ дорогою прямоѣзжею, по которой ужъ давно никто не ѣздитъ, которая ужъ давно залегла; на этой дорогѣ въ лѣсу свилъ себѣ гнѣздо на семи дубахъ Соловей разбойникъ. Этою-то прямою дорогою поѣхалъ Илья. Во время пути, идучи пѣшкомъ по берегу Оки, въ узкомъ мѣстѣ (быть можетъ, коня онъ велъ за поводъ), встрѣтился Илья съ богатыремъ, Зюзей, который шелъ и одинъ тянулъ разшиву бичевой. Мѣсто было узкое; разойтись трудно. Съ дороги! кричалъ спѣсиво Зюзя. Не понравилась эта хвастливость Ильѣ. Самъ съ дороги, отвѣчаетъ онъ Зюзѣ. — Зюзя, кинувъ бичеву, пошелъ къ Ильѣ, чтобъ дать ему отвѣдать своей богатырской силы (изъ разсказа видно впрочемъ, что они знали другъ друга, или тутъ сказали свои имена). Не вступаетъ съ нимъ въ бой Илья, не хочетъ драться. Илья хватаетъ Зюзю на руки и кидаетъ вверхъ. Летитъ Зюзя вверхъ и потомъ летитъ внизъ; сто разъ успѣлъ онъ сказать на полетѣ: виноватъ, Илья Муромецъ, впередъ не буду! — Илья подхватилъ его на руки, поставилъ на землю и продолжалъ свой путь.

До сихъ поръ все, сказанное нами, взято изъ устныхъ разсказовъ народа, изъ сказки съ лубочными картинками и частію изъ пѣсни, напечатанной въ Москвитянинѣ; теперь къ этому присоединяются пѣсни изъ собранія Кирши Данилова.

Въ темныхъ лѣсахъ Брынскихъ наѣхалъ Илья на девять дубовъ; на этихъ девяти дубахъ жилъ Соловей разбойникъ. Заслышалъ Соловей разбойникъ конскій топотъ и поѣздку богатырскую,

засвисталъ по соловьиному, зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по звѣриному; конь палъ на корачки подъ Ильею. Говоритъ коню Илья Муромецъ:

А ты волчья сыть, трявяной мѣшокъ!
Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли ты крику (реву?) звѣринаго,
А звѣринаго крику, туринаго!

Илья вынулъ каленую стрѣлу и пустилъ въ Соловья разбойника, попалъ ему въ правой глазъ, и

Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой землѣ.

Илья Муромецъ подхватилъ Соловья на руки и привязалъ къ сѣдельной лукѣ. Проѣхалъ Илья крѣпкую воровскую заставу, подъѣзжаетъ къ Соловьеву подворью: на семи верстахъ дворъ у Соловья, около двора желѣзный тынъ; на всякой тынинкѣ по маковкѣ и по богатырской головѣ. Жена Соловья увидала издали Илью Муромца, бросилась съ чердака, стала будить своихъ девять сыновей:

А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
А девять сыновъ, ясны соколы!

Ступайте въ подвалы, берите ключи, отмыкайте ларцы, берите золотую казну, выносите на широкій дворъ и встрѣчайте удалаго добра молодца. Чужой человѣкъ ѣдетъ сюда и везетъ въ торокахъ отца вашего.—Но девять сыновъ Соловья разбойника не то думаютъ; они думаютъ обернуться черными воронами съ желѣзными носами, и разклевать на части Илью Муромца.—Подъѣзжаетъ богатырь ко двору разбойника. Бросилась къ нему жена Соловья и молитъ его: бери, удалой доброй молодецъ, золотой казны, сколько надобно; отпусти Соловья разбойника, не вези его въ Кіевъ. Грубо поговариваютъ девять сыновъ Соловья.—Не обращаетъ вниманія Илья на ихъ рѣчи, ударилъ онъ своего добраго коня, и только его и видѣли,

Что стоялъ у двора дворянскаго.

Какъ соколъ, летитъ Илья и пріѣзжаетъ въ Кіевъ на дворъ

княженецкій; соскакиваетъ съ коня, привязываетъ къ дубовому столбу и идетъ въ свѣтлую гридню, молится Спасу со Пречистою, кланяется Князю и Княгинѣ, и на всѣ четыре стороны. У Великаго Князя Владиміра былъ въ то время почестный пиръ, и много было на пиру князей и бояръ, много сильныхъ-могучихъ богатырей. Ильѣ подносятъ чару зелена вина въ полтора ведра; Илья беретъ одной рукой и выпиваетъ однимъ духомъ. Ты скажись, молодецъ, говоритъ ему ласковый Князь Владиміръ, какъ тебя по имени зовутъ: по имени можно тебѣ мѣсто дать, по отечеству можно пожаловать.—Ласковый стольный Владиміръ Князь! отвѣчаетъ Илья, меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; я проѣхалъ дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города Мурома, изъ села Карачарова.—Могучіе богатыри говорятъ на это: Ласковое солнце, Владиміръ Князь!

Въ очахъ дѣтина завирается.
А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?—
Залегла та дорога тридцать лѣтъ
Отъ того Соловья разбойника.

Говоритъ на это Илья Муромецъ: Владиміръ Князь!

Посмотри мою удачу богатырскую:
Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ къ тебѣ.

Князь Владиміръ пошелъ вмѣстѣ съ Ильею на широкой дворъ посмотрѣть его богатырской удачи. Вышли тутъ и князья, и бояре, и богатыри: Самсонъ Колывановичъ, Суханъ, сынъ Домантьевичъ, Святогоръ, Полканъ, семь братьевъ Сбродовичей, мужики Залешане (Заолешане) и два брата Хапиловы (такъ именуетъ пѣсня); всего ихъ было тридцать молодцовъ. Илья сталъ уговаривать Соловья: послушай меня, Соловей разбойникъ:

Посвисти, Соловей, по соловьиному,
Пошипи, змѣй, по змѣиному,
Зрявкай—(зареви), звѣрь, по турипому,
И потѣшь Князя Владиміра.

Соловей засвисталъ по соловьиному, оглушилъ князей и бояръ, зашипѣлъ по змѣиному, заревѣлъ по туриному.—Князья и бояре испугались, наползались по двору на корачкахъ, тутъ же и сильные могучіе богатыри. Со двора разбѣжались кони, и самъ Владиміръ Князь съ дорогой Княгиней едва живъ стоитъ и говоритъ Ильѣ:

Илья Муромецъ сынъ Ивановичь, уйми ты Соловья разбойника: эта шутка намъ не надобна.

Очевидно, что Илья остался въ Кіевѣ и сѣлъ богатыремъ за княжой столъ. Изъ другихъ пѣсенъ видно, что онъ оберегаетъ Русскіе предѣлы; въ лубочной сказкѣ говорится, что онъ разбилъ идолище. — Въ Сборникѣ Кирши Данилова нѣсколько разъ говорится объ Ильѣ въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, которыя болѣе и болѣе опредѣляютъ его могучій, спокойный, важный и тихій образъ.

На Кіевъ подымался злой Калинъ Царь.—Калинъ Царь имѣетъ весь видъ Татарскаго Хана: его нашествіе дышетъ, въ пѣснѣ, ужасомъ нашествія Татарскаго,—анахронизмъ очевиденъ: явленіе позднѣйшее перенесено въ древнѣйшую эпоху. Впрочемъ сама пѣсня тѣмъ не менѣе древняя.—Вмѣстѣ съ Калиномъ собиралось силы на сто верстъ во всѣ четыре стороны. Не дошедъ до Кіева за семь верстъ, Калинъ сталъ у Днѣпра, написалъ ярлыки скорописчатые, выбралъ огромнаго Татарина выше всѣхъ ростомъ, и послалъ съ ними въ Кіевъ. Въ ярлыкахъ написано,

Что возьметъ Калинъ Царь стольный Кіевъ градъ,
А Владиміра Князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.

Татаринъ сѣлъ на коня и пріѣхалъ въ Кіевъ на княженецкій дворъ: соскочилъ Татаринъ съ коня; онъ не вяжетъ коня, не приказываетъ, бѣжитъ въ свѣтлыя гридни,

А Спасову образу не молится,
Владиміру Князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ.

Татаринъ бросилъ ярлыки на круглый столъ передъ Великимъ Княземъ Владиміромъ и, уходя, выговорилъ слово:

Владиміръ Князь, стольный Кіевскій!
А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
Безъ бою, безъ драки великія
И безъ того кроволитія напраснаго.

Опечалился Владиміръ; на скоро разпечаталъ и прочелъ ярлыки.

По грѣхамъ надъ Княземъ учинилося—
Богатырей въ Кіевѣ не случилося,

А Калинъ Царь подъ стѣною, и съ Калиномъ страшная сила.

Не окончено было еще это дѣло, еще не выѣхалъ изъ Кіева Татаринъ, а Василій пьяница взбѣжалъ на стрѣльную башню, взялъ свой лукъ разрывчатый и перяную стрѣлу, и выстрѣлилъ въ Калина Царя; въ него не попалъ, попалъ въ зятя его, Сартака, прямо въ правый глазъ, и ушибъ его до смерти. Оскорбился Калинъ: какъ! еще первую бѣду враги его не спалили съ плечъ, а ужъ другую затѣяли: убили его любимаго зяти. Калинъ послалъ другаго Татарина къ Князю Владиміру, чтобы выдали виноватаго.

Но вотъ, спустя немного времени, съ полуденной стороны,

Что ясный соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ,

мчится на конѣ старый богатырь, Илья Муромецъ. Пріѣхалъ на княженецкій дворъ,

Не вижетъ коня, не приказываетъ,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ Князю со Княгинею,
И на всѣ четыре стороны,
А самъ Илья усмѣхается:
Гой еси, сударь Владиміръ Князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Что за дуракъ неотесанный!

Въ отвѣтъ, Князь Владиміръ подалъ Ильѣ ханскіе ярлыки. Илья прочелъ. Пособи мнѣ, Илья Муромецъ, сказалъ Владиміръ, думушку думать: сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ, безъ бою, безъ драки, безъ кроволитія напраснаго?—Ни о чемъ не печалься, Владиміръ, Князь Кіевскій, отвѣчаетъ Илья, Богъ нашъ Спасъ оборонитъ насъ, Пречистая и всѣхъ сохранитъ. Насыпай мису чистаго серебра, другую краснаго золота, третью скатнаго жемчуга, и поѣдемъ со мной къ Калину Царю съ своими честными подарками. Этотъ Татаринъ дуракъ прямо насъ доведетъ. — Князь нарядился поваромъ, замарался котельною сажею и поѣхалъ съ Ильею въ станъ Татарскій. Пріѣхавъ, Илья соскочилъ съ коня, кланяется Царю и говоритъ: Калинъ Царь, злодѣй Калиновичъ! Прими дорогіе подарки отъ Великаго Князя Владиміра,

А и дай ты намъ сроку на три дня,
Въ Кіевѣ намъ пріуправиться,

Отслужить обѣдню съ панихидами,
Какъ де служатъ по усопшимъ душамъ,
Другъ съ дружкой проститися.

Вотъ чего требуетъ Илья; понятенъ смыслъ этого требованія. Царь отвѣчаетъ: Илья Муромецъ! Выдайте намъ виноватаго, который застрѣлилъ моего любимаго зятя.—А ты слушай, Калинъ Царь, что велятъ, говоритъ Илья, прими подарки отъ Великаго Князя Владиміра; гдѣ намъ искать этого человѣка и вамъ отдавать? — Калинъ принялъ подарки съ бранью и срока не далъ. Обидно стало Ильѣ, что не далъ Калинъ Царь сроку ни на три дня, ни на три часа, и сказалъ онъ ему:

Собака, проклятый ты Калинъ Царь!
Отойди съ Татарами отъ Кіева!
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?

Обидно стало и Царю такое слово; онъ велѣлъ Татарамъ схватить Илью. Схватили Илью,

Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковые.

Вновь оскорбился Илья, но еще терпитъ и повторяетъ только Царю слова свои:

Собака, проклятый ты Калинъ Царь!
Отойди съ Татарами отъ Кіева!
Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?

Вновь разсерженный, Калинъ Царь плюетъ Ильѣ въ ясны очи, говоря: всегда хвастливы Русскіе люди. Весь опутанъ стоитъ передо мною, да еще хвастаетъ.—Сильно оскорбился Илья; за великую досаду показалось ему, что плюетъ ему Царь въ ясныя очи:

Вскочилъ въ полдрева стоячего,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ....

Не допускаютъ Илью до добраго коня и до его тяжелой палицы, до мѣдной, литой въ три тысячи пудъ. Схватилъ Илья Татарина за ноги, того самаго, который ѣздилъ въ Кіевъ, и началъ Татариномъ помахивать:

Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куды отвернетъ—съ переулками;

А самъ Татарину приговариваетъ:
А и крѣпокъ Татаринъ не ломится,
А и жиловатъ, собака, не изорвется.

Видно, не тому дивится Илья, что вокругъ него валятся Татары, а тому, что Татаринъ, который ему служитъ вмѣсто палицы, не ломается и не рвется; это шутка силы, все вокругъ себя превосходящей. Какое нужно спокойствіе силы, чтобы замѣтить крѣпость Татарина въ такую минуту и чтобы пошутить такъ. Но только сказалъ Илья свои слова, какъ оторвалась Татарская голова,

Угодила та голова по силѣ вдоль

и на полетѣ бьетъ и ломитъ Татаръ. Побѣжали Татары, потонули въ болотахъ и рѣкахъ. Воротился Илья къ Калину Царю, схватилъ его въ бѣлыя руки и приговариваетъ:

Васъ-то царей не бьютъ не казнятъ,
Не бьютъ не казнятъ и не вѣшаютъ!
Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйной головы своей,
Ударилъ его о горючъ камень,
Разшибъ его въ крохи пирожныя. (1)

Бѣгутъ остальные Татары и заклинаются:

Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву,
Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей.
Не ужь-то въ Кіевѣ всѣ таковы?
Одинъ человѣкъ всѣхъ Татаръ прибилъ.

А Илья Муромецъ пошелъ искать товарища своего, Василья Игнатьева пьяницу: онъ одинъ въ Кіевѣ поднялъ руку на Татаръ, и Илья идетъ искать его; скоро нашелъ онъ его на Петровскомъ кружалѣ и привелъ къ Князю Владиміру.

А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ названымъ.

Въ этомъ разсказѣ также является нравъ и обычай Ильи. Какъ

(1) Вмѣсто: пирожныя, въ изданіи Сборника К. Д. поставлены точки; это замѣненіе сдѣлано нами, ибо къ крохамъ придается и этотъ эпитетъ.

онъ спокоенъ, какъ медлитъ онъ идти на бой, какъ онъ долготерпѣливъ, и только въ крайнемъ случаѣ, когда лопнуло наконецъ его терпѣніе и вооружается онъ всею грозною своею силой,—какъ онъ необоримо могучъ и великъ. — Въ этомъ образѣ любимаго Русскаго богатыря какъ не узнать образа самого Русскаго народа.

Другой разсказъ объ Ильѣ, находящійся въ Сборникѣ Кирши Данилова, полонъ такихъ намековъ, которыхъ нѣтъ возможности разрѣшить безъ новыхъ данныхъ. Здѣсь является новое лице: Збутъ Борисъ Королевичь, сынъ, или внукъ Задонскаго Короля. Перескажемъ и этотъ разсказъ.

Изъ славнаго города Кіева выѣзжали два могучіе богатыря: Илья Муромецъ и братъ его названный, Добрыня Никитичъ; они выѣхали на чистое поле, вверху рѣки Череги, и подъѣхали къ Сафатъ-рѣкѣ. Тогда Илья сказалъ: молодой Добрынюшка Никитичъ! поѣзжай ты за горы высокія, а я поѣду подлѣ Сафатъ-рѣки. — Добрыня поѣхалъ на высокія горы, наѣхалъ на бѣлый шатеръ, и подумалось ему, что въ шатрѣ сильный могучій богатырь. Изъ бѣлаго полотняпаго шатра вышла баба Горынинка и завела ссору съ Добрынею. Добрыня соскочилъ съ коня и кинулся на бабу Горынинку: начался бой; бились они палицами тяжкими.

У нихъ тяжкія палицы разгорался,
И бросили они палицы тяжкія;
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.

Между тѣмъ Илья Муромецъ ѣздилъ подлѣ Сафатъ-рѣки, наѣхалъ на бродучій слѣдъ и поѣхалъ по слѣду: увидалъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ, Збута Бориса Королевича. — Въ это время молодой Збутъ Королевичь отвязывалъ отъ стремени выжлока и спускалъ съ руки яснаго сокола; онъ выжлоку наказываетъ:

А тепере мнѣ не до тебя пришло.
А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ
И корми свою буйну голову. —
И ясну соколу онъ паказываетъ:
Полети ты, соколъ, на сипе море
И корми свою буйну голову;
А мнѣ молодцу не до тебя пришло.

Замѣчательна минута, въ которую является Збутъ Королевичъ; почему отпускаетъ онъ и выжлока и сокола, почему молодому богатырю не до нихъ пришло—неизвѣстно; но минута эта не обыкновенная, не незначительная въ его жизни. — Илья подъѣзжаетъ къ нему. Молодой Збутъ Королевичъ пустился на стараго богатыря Илью Муромца и выстрѣлилъ ему въ грудь изъ тугого лука; онъ попалъ ему въ грудь, но видно, это ничего Ильѣ Муромцу. Онъ (Илья Муромецъ):

Не бьетъ его палицей тяжкою,
Не вымаетъ изъ палушна тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Королевича;

онъ только схватилъ его въ бѣлыя руки и бросилъ выше дерева; не взвидѣлъ свѣту кинутый на воздухъ Королевичъ, и назадъ летитъ къ землѣ. Илья подхватилъ его на богатырскія руки, положилъ на землю и сталъ спрашивать его дядину (дѣдину?), отчину. — Еслибъ я сидѣлъ у тебя на груди, отвѣчаетъ Збутъ Королевичъ, я спололъ бы тебѣ бѣлую грудь.—Илья далъ ему почувствовать силу своей богатырской руки, и Збутъ сказалъ, что онъ —того короля Задонскаго. Заплакалъ тогда Илья Муромецъ,

Глядючи на свое чадо милое.

Поѣзжай, говоритъ онъ Збуту, поѣзжай, Збутъ Борисъ Королевичъ, къ своей матушкѣ. Если бъ ты попалъ на нашихъ Русскихъ богатырей, не отпустили бы они тебя живаго отъ Кіева.— Збутъ поѣхалъ и пріѣхалъ къ Царю Задонскому, къ своей матушкѣ, и сталъ ей разсказывать: я ѣздилъ, матушка, на потѣшные луга Князя Владиміра; въ полѣ наѣхалъ я на стараго богатыря и выстрѣлилъ ему въ грудь; схватилъ меня въ руки старый богатырь середи чистаго поля, чуть не забросилъ меня за облако, и опять подхватилъ на руки.—Тогда мать Збута ударилась о землю и говоритъ въ слезахъ: О, Збутъ Борисъ Королевичъ! За чѣмъ наѣзжалъ ты на стараго богатыря? Не надо бы тебѣ съ нимъ драться; надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ и надо бы тебѣ ему поклониться о праву руку до сырой земли; по роду онъ тебѣ батюшка, старый богатырь Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

Въ это время Илья поѣхалъ на высокія горы искать названнаго брата Добрыню Никитича. Онъ нашелъ его, все бьющагося съ

бабой Горынинкой; чуть душа его въ тѣлѣ *полуднуетъ*.—Ты не умѣешь драться съ бабой, Добрыня Никитичь, сказалъ ему Илья Муромецъ, надо драться иначе.—Услыхавъ слова Ильи, покорилась баба Горынинка и сказала: не ты меня побилъ, Добрыня Никитичь, а побилъ меня старый богатырь Илья единымъ словомъ.—Добрыня вскочилъ на грудь бабѣ Горынинкѣ, выхватилъ чингалище и хотѣлъ спороть ей грудь; но она взмолилась Ильѣ Муромцу: Илья Муромецъ, не прикажи мнѣ рѣзать грудь; у меня много въ землѣ и злата и серебра.—Илья схватилъ Добрыню за руки, и баба Горынинка повела ихъ къ своему глубокому погребцу. Стали Илья съ Добрыней у глубокаго погребца и удивляются богатыри, что много золота и серебра, и цвѣтнаго, все Русскаго, платья. Оглянулся Илья Муромецъ въ широкое поле; въ это время Добрыня Никитичь срубилъ бабѣ голову.

Эта пѣсня замѣчательна въ отношеніи художественномъ, въ отношеніи характеристики богатырей, и наконецъ своими намеками. Какъ художественна въ пѣснѣ минута, когда отвязываетъ Збутъ выжлока отъ стремени и спускаетъ сокола съ руки; это многозначительная минута въ его жизни; но почему? но какъ?—неизвѣстно; объ этомъ можно только догадываться. Сама эта неизвѣстность составляетъ художественную прелесть. Это минута, выхваченная изъ жизни; она сама ярко освѣщена, но ее окружаетъ туманъ неизвѣстности прошедшихъ и настоящихъ обстоятельствъ. Это особенный, чисто художественный взглядъ на жизнь, когда вырванное изъ нея явленіе, поставленное ярко передъ нами, даетъ предчувствовать много другихъ явленій, его окружающихъ и съ нимъ связанныхъ, теряющихся въ безконечномъ пространствѣ жизни, когда при этомъ, чисто частномъ явленіи, человѣкъ чувствуетъ все многообразіе и безконечность жизни, его окружающей. Здѣсь частное явленіе выходитъ передъ вами какъ будто съ обрывками, которые и сообщаютъ ему такой характеръ. Далѣе: какъ хорошо, и художественно хорошо, это простое движеніе Ильи, когда наглядѣлся онъ на золото и серебро, и вдругъ захотѣлось ему оглянуться въ поле, движеніе, которымъ воспользовался Добрыня на бѣду бабѣ Горынинкѣ.—Относительно характеристики богатырей, эта пѣсня тоже очень важна. Какъ благодушенъ Илья, который богатыря, пустившаго ему въ грудь стрѣлу, только хватаетъ на руки, кидаетъ на воздухъ,

опять подхватываетъ и кладетъ невредимаго на землю, давъ ему почувствовать стою силу. Много тэкже высказываютъ его собственныя слова, отличающія его отъ другихъ витязей: если бы ты попался нашимъ Русскимъ богатырямъ, они бы не отпустили тебя живаго отъ Кіева.—Наконецъ, онъ хватаетъ за руку Добрыню, не давая ему рѣзать грудь у бабы Горынинки; только пользуясь тѣмъ, что Илья заглядѣлся въ поле, Добрыня срубаетъ голову бабѣ.—Какъ всюду здѣсь явственно выступаетъ Илья, этотъ могучій выше сравненія, благодушный богатырь!—Въ этой пѣснѣ есть замѣчательный намекъ, необъяснимый при томъ видѣ и количествѣ пѣсенъ, въ какомъ онѣ намъ извѣстны. Збутъ Королевичь—сынъ Ильи. Въ своемъ отвѣтѣ Ильѣ, онъ не называетъ себя сыномъ Короля Задонскаго, а просто говоритъ: *я того Короля Задонскаго;* по этому отвѣту, онъ могъ принадлежать къ его семьѣ или роду, быть его внукомъ, происходить отъ него. Не говорится, чтобы его мать была женою Короля Задонскаго. Когда Збутъ разсказалъ своей матери о встрѣчѣ съ Ильею, въ пѣснѣ говорится:

Еще втапоры его (королевича) матушка,
Того Короля Задонскаго.

Здѣсь этотъ оборотъ вовсе не значитъ, чтобы она была матерью Короля Задонскаго; она — мать Королевича. Выраженіе: *того Короля Задонскаго*, имѣетъ свой отдѣльный смыслъ. Мы не имѣемъ причины заключить изъ этого выраженія, чтобъ мать Збута была женою Короля Задонскаго; она могла быть его дочерью, принадлежать къ его семьѣ. По всему мы, кажется, должны скорѣе предположить, что она дочь Задонскаго Короля; намъ кажется, что и неоконченный оборотъ самый съ родительнымъ падежомъ можетъ скорѣе означать это, какъ и вообще нисходящую линію. Припомнимъ, что въ этомъ смыслѣ говорилось: *Храбраго Долгорукаго,* и пр.; что такимъ образомъ явились прозвища: *Живаго*, *Бѣлаго* и пр.—Алеша Поповичь также говоритъ про себя: меня зовутъ Алешею Поповичемъ, изъ города Ростова,—стараго попа соборнаго.—Но если справедливо наше предположеніе, и мать Збута — дочь или родственница Задонскаго Короля, то тѣмъ не менѣе требуетъ объясненія самое обстоятельство. Илья Муромецъ, не такъ же ли, какъ Рустемъ, былъ пѣ-

когда въ гостяхъ у Короля Задонскаго, женился на его дочери или родственницѣ, и уѣхалъ, уступая требованіямъ своей богатырской жизни или даже обязанности? Будемъ ждать, чтобы какая-нибудь вновь узнанная пѣсня объяснила намъ эту загадку; во всякомъ случаѣ, мы несомнѣнно увѣрены, что объясненіе можетъ быть только такое, которое вполнѣ согласуется съ чистымъ, благимъ и великимъ образомъ перваго Русскаго богатыря.

Есть еще пѣсня, очень важная для характеристики Ильи Муромца, вотъ она:

Далече, далече, въ чистомъ полѣ, что ковыль трава въ чистомъ полѣ шатается, ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ, старый богатырь, Илья Муромецъ; конь подъ нимъ, какъ лютый звѣрь; онъ самъ на копѣ, какъ ясенъ соколъ. На этотъ разъ было съ Ильею много денегъ. На богатыря нападаютъ станишники или разбойники; окружили его со всѣхъ сторонъ,

Хотятъ его стараго ограбити,
Съ душой, съ животомъ разлучить хотятъ.

Братцы станишники, говоритъ имъ Илья Муромецъ,

Убить меня стараго вамъ не за что,
А взяти у стараго печего.

Илья вынулъ изъ налушна крѣпкій лукъ, вынулъ каленую стрѣлу:

Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старый по сыру дубу.

Вспѣла тетива у тугого лука, угодила стрѣла въ крѣпкой дубъ, изломала дубъ въ черепья ножевые. Станишники попадали съ коней, лежатъ безъ памяти на землѣ. Опомнившись, они бьютъ челомъ Ильѣ Муромцу и просятъ взять ихъ въ вѣчное холопство (службу), обѣщая дать рукописанье служить ему до вѣку. На это Илья отвѣчаетъ имъ только:

А и гой есть (есте) вы братцы станишники!
Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилѣ сыну Плисковичу
Про стараго казака Илью Муромца.

Въ этой краткой пѣснѣ является Илья со всѣмъ своимъ характеромъ. На него нападаютъ разбойники: онъ можетъ ихъ всѣхъ

перебить: но онъ не хочетъ кровопролитія; онъ показываетъ имъ свою силу, разбиваетъ стрѣлою въ дребезги дубъ и тѣмъ удерживаетъ ихъ нападеніе. Величавое благодушіе Ильи здѣсь все на виду. Пѣсня оканчивается намекомъ на какія-то отношенія къ Чурилѣ Пленковичу, намекомъ, необъяснимымъ покуда.

Въ Московскомъ Сборникѣ (т. 1.) помѣщена пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ и о другихъ богатыряхъ; она сохранилась въ очень древнемъ видѣ (хотя, конечно, есть и позднѣйшіе наросты) и чрезвычайно замѣчательна. Въ ней разсказанъ бой богатырей съ богатыремъ изъ земли Козарской. Тамъ сказано: земли Жидовской, но мы принимаемъ объясненіе А. С. Хомякова, который такъ разумѣетъ землю Жидовскую. — Названіе земли Козарской землею Жидовскою показываетъ, по нашему мнѣнію, чрезвычайную древность самой пѣсни; ибо, слѣдовательно, въ эту эпоху было въ свѣжей памяти, что Козаре исповѣдуютъ вѣру Жидовскую.—Разскажемъ, хотя вкратцѣ, эту замѣчательную пѣсню.

Подъ Кіевомъ стоитъ богатырская застава; на заставѣ атаманъ — Илья Муромецъ; податаманье — Добрыня Никитичъ, есаулъ — Алеша Поповичъ. Кромѣ того были у нихъ Гришка боярскій сынъ и Васька долгополый. — Всѣ богатыри были въ разъѣздѣ: Гришка жилъ кравчимъ; Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ; Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ; Добрыня ѣздилъ за охотою къ синему морю. Возвращаясь съ охоты, увидалъ Добрыня *ископыть великую*. А. С. Хомяковъ говоритъ, что это означаетъ глыбу, вырванную копытомъ изъ земли: мы, можетъ быть, только опредѣлимъ его мысль, если скажемъ, что это не глыба, вырванная изъ земли, а изъ самого копыта выпавшая земля, прежде туда набившаяся.—Увидавъ эту ископыть, а ископыть была величиною съ пол-печи, догадался Добрыня, что тутъ проѣхалъ сильный богатырь. Пріѣхавъ на богатырскую заставу, онъ собралъ братію приборную (т. е. гдѣ всѣ одинъ къ другому прибраны и составляютъ братской союзъ, гдѣ есть и общая казна) и говоритъ: что устояли мы на заставѣ, братцы, что глядѣли? Мимо заставы нашей проѣхалъ богатырь. — Стали думать, кого послать за дерзкимъ богатыремъ. Хотѣли послать Ваську долгополаго.—Это не ладно, говоритъ Илья Муромецъ, запутается Васька въ длинныхъ полахъ и пропадетъ по напрасну.—Рѣшили

послать Гришку, боярскаго сына. — Не ладно, говоритъ опять Илья Муромецъ,

Гришка рода боярскаго —
Боярскіе роды хвастливые;

призахвастается онъ на бою и пропадетъ по напрасну. — Рѣшились на Алешу Поповича.—Не ладно, говоритъ опять Илья, Алеша увидитъ на богатырѣ много золота и серебра, засмотрится, и пропадетъ по напрасну. — Какъ вѣрно опять выставляется здѣсь характеръ Алеши, онъ же и завѣдываетъ общею казною: какъ видно, деньги по его части, и можно положиться на него, что онъ копѣйки не пропуститъ. Рѣшили послать Добрыню, и Добрыня поѣхалъ и нагналъ богатыря; но когда помчался на него огромный Козарской богатырь, когда задрожала земля и вода въ озерахъ изъ береговъ выступила,—Добрыня радъ былъ только, что могъ ускакать отъ страшнаго противника. Пріѣхалъ Добрыня на заставу и разсказалъ все, какъ было. — Больше замѣпиться не кѣмъ, говоритъ Илья, видно ѣхать самому атаману. — Поѣхалъ Илья и нагналъ Козарина; онъ также помчался на Илью, также задрожала земля и выступила вода изъ озера, но не испугался Илья, и начался страшный бой. Палицы, сабли и копья изломались и были брошены; идетъ рукопашный бой; они бьются до вечера, до полуночи, до бѣла свѣта. Поскользнулась нога у Ильи и упалъ онъ на землю. Козаринъ сѣлъ ему на грудь, вынулъ чингалище, чтобъ пороть бѣлую грудь и смѣется надъ Ильею. Лежитъ Илья подъ богатыремъ, но помнитъ онъ, что

Написано было у Святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ,
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ побитому.

На землѣ, втрое силы прибыло у Ильи, онъ ударилъ въ грудь Козарина и вскинулъ его на воздухъ. Вскочилъ Илья, отрубилъ ему голову и ѣдетъ на богатырскую заставу. Встрѣчаетъ его Добрыня со всей братьею. Илья сбрасываетъ голову съ копья и говоритъ только:

Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экова чуда не паѣзживалъ.

Въ этой прекрасной и многозначительной пѣсни, въ которой

Илья Муромецъ такъ выпукло и ясно выдается, образъ его все тотъ же: та же неодолимая сила и то же спокойствіе: отсутствіе всякого раздраженія этой силы въ бою, и отсутствіе всякого тщеславія и похвальбы въ побѣдѣ; пріѣхавши, Илья не хвастаетъ и не удивляется своей побѣдѣ,—онъ говоритъ только, что тридцать лѣтъ не наѣзживалъ такого чуда. Постоянно и вездѣ представляетъ Илья полное и великое сочетаніе силы духовной и тѣлесной; духовная умѣряетъ грубость и матеріальность тѣлесной силы, которая безъ нея была бы безправна и оскорбительна.

Но создавъ богатыря страшной силы, народная фантазія не остановилась на этомъ. Она создаетъ еще богатыря: необъятную громаду и необъятную силу; его не держитъ земля; на всей землѣ нашелъ онъ одну только гору, которая можетъ выносить его страшную тяжесть, и лежитъ на ней, неподвижный. Прослышалъ о богатырѣ Илья Муромецъ, и идетъ съ нимъ помѣрять силы; онъ отыскиваетъ его и видитъ, что на горѣ лежитъ другая гора; это богатырь. Илья Муромецъ, не робѣя, выступаетъ на бой, вынимаетъ мечь и вонзаетъ въ ногу богатырю. — Никакъ я зацѣпился за камушекъ, говоритъ богатырь. Илья Муромецъ наноситъ второй ударъ, сильнѣе перваго.—Видно я задѣлъ за прутикъ, говоритъ богатырь, и обернувшись прибавляетъ: это ты, Илья Муромецъ: слышалъ я о тебѣ; ты всѣхъ сильнѣе между людьми, ступай и будь тамъ силенъ. А со мною нечего тебѣ мѣрять силы; видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; я и самъ своей силѣ не радъ.

Какъ бы въ дополненіе и объясненіе къ образу Ильи Муромца, какъ бы въ отвѣтъ на сокровенный вопросъ: почему не могло быть силы, еще болѣе громадной, чѣмъ у Ильи,—народная фантазія становитъ предѣлы силѣ богатырской, и создаетъ образъ силы необъятной, чисто внѣшней, матеріальной, не нужной и безполезной даже тому, кто ею обладаетъ. Это сила уже безъ воли. Здѣсь сила приближается уже къ стихіи, какъ сила воды, вѣтра, и не возбуждаетъ ни зависти, ни соревнованія. Грустенъ образъ этого одинокаго богатыря, лежащаго на единственной подымающей его горѣ, о которомъ и не упоминается больше въ разсказахъ,—и еще болѣе выигрываетъ богатырь Илья Муромецъ, величайшая *человѣческая сила*, соединенная и съ силою духа.

Въ разсказѣ о громадномъ богатырѣ, Илья Муромецъ какъ бы на сей разъ отступаетъ отъ своего обычая и права. Въ самомъ дѣлѣ нигдѣ и никогда Илья не испытываетъ силы, не выказываетъ ее, не тѣшится ею, какъ другіе богатыри; она всегда у него полезное орудіе для добраго дѣла только; не любитъ крови его мирная, вовсе не воинственная душа. Здѣсь же напротивъ онъ идетъ мѣрять силу.—Но нужно было народной фантазіи такое соперничество, чтобы высказать мысль народную; — къ тому же чисто внѣшняя и громадная сила вызвала и въ Ильѣ эту сторону силы внѣшней, и на сей разъ онъ является только, какъ богатырь; но онъ мѣряетъ силу съ богатыремъ-стихіей, съ воплощеннымъ чудомъ, и здѣсь понятно и возможно такое желаніе въ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ.

Мы старались, сколько возможно яснѣе, очертить образъ Ильи Муромца, перваго Русскаго богатыря — и крестьянина, образъ, вѣрно сохраненный во всѣхъ разсказахъ и пѣсняхъ, какъ это можно было видѣть изъ всѣхъ свидѣтельствъ, приведенныхъ нами. Сила и кротость, внѣшнія битвы, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, и миръ внутренній, вслѣдствіе высокаго православнаго строя его души, непобѣдимость богатыря и смиреніе Христіанина, однимъ словомъ, соединеніе силы тѣлесной и силы духовной—таковъ нашъ Русской богатырь Илья Муромецъ.

Мы должны сказать еще объ одной весьма замѣчательной пѣснѣ, о которой мы уже упоминали мелькомъ въ нашей статьѣ. Это пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ; она помѣщена въ Москвитянинѣ (1843. № 11). Образъ Ильи Муромца въ ней не тотъ, каковъ во всѣхъ остальныхъ пѣсняхъ и разсказахъ; но пѣсня составляетъ совершенный особнякъ и очевидно, по самому сочиненію, древности позднѣйшей. Это можно видѣть уже и потому, что она представляетъ цѣлое, съ началомъ и концомъ, тогда какъ древнія пѣсни дошли до насъ только въ отрывкахъ одной великой эпопеи; къ тому же въ пѣснѣ этой не говорится о многихъ обстоятельствахъ, извѣстныхъ намъ изъ другихъ пѣсенъ и преданій. Кромѣ того, отношенія Владиміра и богатырей между собою, какъ видно, не тѣ; встрѣчаются слова эпохи позднѣйшей, на пр. *ваша милость*, какъ эпитетъ Владиміра, *слуги, всѣ Государевы вотчины*, — слова, не встрѣчаемыя (что очень замѣчательно) въ пѣсняхъ древнихъ. Владиміръ называется даже однажды Царемъ.

Тѣмъ не менѣе, пѣсня эта—произведеніе чисто народное и древнее, но только эпохи позднѣйшей; сверхъ всего этого, многія выраженія, обстановка и вообще складъ всей пѣсни показываютъ, что это не древняя Владиміровская пѣсня съ позднѣйшими наростами, но что она *сочинена* была въ позднѣйшее время, и въ свою очередь имѣетъ наросты послѣдующаго времени; языкъ чисто сохраняетъ свой древній складъ и силу. Илья Муромецъ послужилъ здѣсь канвою, конечно по какимъ нибудь отношеніямъ, для новаго народнаго созданія. И понятно, что какую-нибудь особую, небывалую прежде мысль, народъ воплотилъ въ образѣ своего народнаго богатыря. И такъ, признавая эту пѣсню все за произведеніе народное, мы признаемъ за нею важное и великое значеніе. Но ея не надобно смѣшивать съ древними пѣснями объ Ильѣ Муромцѣ, какъ не надобно смѣшивать древняго и живущаго до сихъ поръ въ общемъ народномъ преданіи Ильи Муромца съ Ильею этой исключительной, но все же чисто народной и не даромъ сложившейся пѣсни. Пѣсня эта разсказываетъ всю повѣсть объ Ильѣ Муромцѣ, и по этому говоритъ и о многихъ извѣстныхъ уже обстоятельствахъ; встрѣчаются и выраженія цѣликомъ изъ древнѣйшихъ пѣсенъ; но всему придалъ особый, только здѣсь встрѣчающійся отпечатокъ; разскажемъ эту замѣчательную пѣсню.

Въ этой пѣснѣ также Илья Муромецъ проситъ благословенія у отца на дальнюю дорогу; ѣдучи въ Кіевъ дорогою, которая залегла тридцать лѣтъ, онъ также сшибаетъ стрѣлою Соловья съ гнѣзда и везетъ его съ собою.

Илья Муромецъ пріѣзжаетъ къ городу Кидашу и побиваетъ облегшую городъ Литовскую силу. Это прибавка. Въ пѣснѣ измѣнена нѣсколько встрѣча Ильи Муромца съ сыновьями Соловья, которымъ Соловей не велитъ драться съ Ильей, а поднести ему золота и серебра, но Илья не прельщается на это. Есть разсказъ о дочери Соловья, которая была на Дунаѣ перевощицей и не хотѣла перевезти Илью Муромца. Сошедши съ лошади и взявъ поводъ въ лѣвую руку, Илья вырвалъ правою рукою дубовъ съ корешьями, сдѣлалъ мостъ, перешелъ и убилъ дочь Соловья. Этотъ разсказъ тоже прибавленіе. Но далѣе, опять, также какъ въ древнихъ пѣсняхъ, пріѣзжаетъ Илья Муромецъ на дворъ княженецкій съ Соловьемъ разбойникомъ, также входитъ на пиръ

Князя Владиміра, также кланяется ему и на всѣ четыре стороны.... но не тотъ же пріемъ встрѣчаетъ крестьянинъ Илья. Владиміръ говоритъ ему:

Еще здравствуй ты дѣтина шельшина (сельщина),
Ты дѣтина шельшина, да деревенщина!
Ты откуль ѣдешь, да откуль идешь?
Ты какихъ родовъ, да какихъ городовъ?

Илья Муромецъ отвѣчаетъ: я—города Мурома, села Карачарова, Илья Муромецъ сынъ Ивановичь;

Я пріѣхалъ ко вашею (и) ко милости,
Прочистилъ я дороженьку да прямохожую,
Прямохожую да прямоѣзжую,
А изъ Мурома да до Кидаша,
А изъ Кидаша да до Кіева,
Все до вашею (и) да до милости,
Я убилъ (ушибъ) Соловья вора-разбойничка.
Воръ-разбойничка—да воръ Ахматова,
Да привезъ его къ вамъ на показанье.

Врешь ты дѣтина — шельшина, полыгаешься, отвѣчаетъ ему Владиміръ, издѣваешься надо мною Княземъ.—Иди на свой широкій дворъ, говоритъ Князю Илья, изволь смотрѣть Соловья разбойничка.—Князь надѣлъ богатую шубу, зарукавья и ожерелья, и повели его слуги подъ руки на его широкій дворъ. Тамъ

У Ильи конь стоитъ, какъ гора лежитъ;

у стремени привязанъ Соловей—разбойничекъ. Князь проситъ его посвистать по соловьиному. Соловей отвѣчаетъ:

Я не твой хлѣбъ и кушаю,
Не тебя Князя-вора и слушаю!

Тогда Князь проситъ Илью, чтобъ онъ заставилъ Соловья посвистать по соловьиному, Илья исполняетъ просьбу Князя; Соловей слушается Ильи, засвисталъ, забилъ въ ладони, зашипѣлъ и заревѣлъ, тогда:

Темны лѣсы къ землѣ преклонилися,
Мать рѣка Смородина со пескомъ смутилася.
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ (трубъ) кирпичье заморское,

Полетѣли изъ окошницъ стекла аглицкія,
Еще Князь-отъ стоитъ да въ худой душѣ (чуть живъ).

Князь проситъ Илью унять Соловья разбойника. Илья сталъ унимать его по своему, схватилъ за черныя кудри, ударилъ о землю, кинулъ вверхъ выше наугольной башни и хлопнулъ его напослѣдокъ о сырой камень. Такъ погибъ Соловей разбойникъ. Илью повели слуги подъ руки, посадили его *съ краю стола, и съ краю скамьи* (а не въ большое мѣсто). Тогда самъ Илья говоритъ: Славный Князь Кіевскій и Владимірскій! дай мнѣ обѣручную чашу зелена вина въ полтора ведра.—Несутъ чашу Ильѣ: онъ беретъ одной рукой и выпиваетъ однимъ духомъ. Ему кажется еще мало. Дай, говоритъ Илья, еще чашу обѣручную зелена вина въ два ведра.—Илья взялъ одной рукою чашу и выпилъ однимъ духомъ. Тутъ Илью *маленько ошабурило*, онъ хотѣлъ поладиться, поправиться и поломалъ дубовыя скамьи и погнулъ желѣзныя сваи; а у Князя было много гостей, бояре, купцы, богатыри. Илья Муромецъ поприжалъ ихъ всѣхъ въ большой уголъ. Князь говоритъ Ильѣ: Илья Муромецъ сынъ Ивановичь!

Помѣшалъ ты всѣ мѣста да ученыя,
Погнулъ ты у насъ сваи да всѣ желѣзныя.
У меня промежъ каждымъ богатыремъ
Были сваи желѣзныя,
Чтобъ они въ пиру да напивалися,
Напивалися да не столкалися.

Князь сверхъ того проситъ Илью: изволь у насъ попить, поѣсть, изволь у нашей милости воеводой жить. Но Илья отвѣчаетъ:

Не хочу я у васъ ни пить, ни ѣсть,
Не хочу я у васъ воеводой жить.

Онъ всталъ на ноги, онъ вынулъ шелковую плетку о семи хвостахъ съ проволокой, онъ сталъ гостей поколачивать, да поворачивать, бьетъ и самъ приговариваетъ:

На пріѣздѣ гостя не уподчивали,
А на поѣздинахъ да не учествовали, —
Эта ваша мнѣ честь не въ честь.

Всѣхъ до единаго избилъ Илья, не оставилъ никого на сѣмена.

Еще Царь-то въ ту пору, да въ то времечко
Собольей шубкой закинулся. —
Илья-то тутъ—и былъ, и нѣтъ. —
Нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти,
Нынѣ и до вѣку.

Изъ послѣднихъ словъ видно, что Илья скрылся куда-то, и тѣмъ оканчивается о немъ пѣсня, напоминающая своимъ окончаніемъ сказаніе о Маркѣ Кралевичѣ и Фридрихѣ Барбаруссѣ.

Кромѣ богатырей, о которыхъ мы такъ подробно говорили, есть и другіе богатыри того же Владимірова времени; о нихъ говорится въ Сборникѣ Кирши Данилова. Скажемъ и о нихъ; но отдавать такой же подробный отчетъ объ этихъ богатыряхъ мы не считаемъ нужнымъ, ибо особенности ихъ не выдаются въ тѣхъ по крайней мѣрѣ пѣсняхъ, которыя дошли до насъ; вѣроятно, все это нашли бы мы въ тѣхъ пѣсняхъ, которыя намъ неизвѣстны; намеки на другія пѣсни или разсказы о богатыряхъ встрѣчаются и здѣсь. Изъ всѣхъ другихъ пѣсенъ Сборника К. Д. видно, какъ всѣ витязи, всѣ удалые молодцы съѣзжались со всѣхъ сторонъ «къ городу Кіеву, ко ласковому Князю Владиміру», и не только витязи, но и бояре и купцы богатые, да и всѣ, кого только манилъ Кіевъ и Князь его, Владиміръ—красное солнышко.

Къ Владиміру ѣдетъ богатый Дюкъ Степановичъ, въ своемъ серебряномъ куякѣ и панцырѣ, въ золотой кольчугѣ, съ своими стрѣлами драгоцѣнными, изъ которыхъ тремъ стрѣламъ цѣны нѣтъ.

Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты онѣ были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлы во Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеемъ осетра рыбы,
Перены они перьемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы Камскія.

Въ ушахъ у каждой стрѣлы вставлено по драгоцѣнному камню: подлѣ ушей перевито Аравійскимъ золотомъ. Самъ Дюкъ молодъ и красавецъ; всѣ гости Владиміра дивились, глядя на него, когда явился онъ среди нихъ на пиру княжепецкомъ. Въ разсказѣ о Дюкѣ Степановичѣ виденъ также намекъ: ибо Владиміръ,

оскорбленный тѣмъ, что Дюкъ осудилъ его пировое угощенье, и пріѣхавъ въ его богатый домъ съ намѣреніемъ (какъ можно догадываться) непріязненнымъ, говоритъ Дюку:

Каково про тебя сказывали —
Таковъ ты и есть.

Ко Владиміру ѣдетъ и Михайло Казаринъ, почти такъ же, какъ и Дюкъ, богато вооруженный:

А и ѣдетъ ко городу Кіеву,
Что ко ласкову Князю Владиміру,
Чудотворцамъ въ Кіевѣ молитися
И Владиміру Князю поклонитися.

У Владиміра на пиру сидитъ и Потокъ Михайло Ивановичь. Послалъ Потока Владиміръ пастрѣлять ему гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ уточекъ. Потокъ не пьетъ ни пива, ни вина, молится Богу и идетъ вонъ изъ гридни. Скоро садится Потокъ на добраго коня; только его и видѣли, какъ онъ за ворота выѣхалъ, а тамъ

Въ чистомъ полѣ лишь дымъ столбомъ.

Исполнилъ Потокъ просьбу Владиміра, пастрѣлялъ птицъ, и хочетъ уже ѣхать отъ синяго моря,— вдругъ видитъ бѣлую лебедь; она была черезъ перо вся золотая, головка увита краснымъ золотомъ и усажена скатнымъ жемчугомъ. Взялъ Потокъ лукъ и стрѣлу, натянулъ лукъ;

Заскрипѣли полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука; —

и только что спустить было ему калену стрѣлу, какъ заговорила бѣлая лебедь: не стрѣляй меня, Потокъ Михайло Ивановичь; я можетъ-быть пригожусь тебѣ.— Лебедь вышла на берегъ и вдругъ обернулась красной дѣвицей. Потокъ воткнулъ въ землю копье, взялъ за бѣлыя руки дѣвицу, цѣлуетъ ее въ уста. Красная дѣвица согласилась выдти за него за мужъ, опять обернулась лебедью и полетѣла къ Кіеву. Потокъ, не мѣшкая, поскакалъ туда же. Окончаніе этой пѣсни напоминаетъ извѣстный разсказъ изъ «Тысячи и одной ночи».

На богатырской скамьѣ, въ свѣтлой гридиѣ Владиміра, сидитъ и Иванъ, гостиный сынъ, хотя онъ, кажется, и не богатырь;

онъ добрый и простой малой. На пиру княжепецкомъ и Иванъ Годиновичь, также не называемый богатыремъ: его сватаетъ Владиміръ на дочери Дмитрія, богатаго гостя въ Черниговѣ. На пиру у Князя и Ставръ боярипъ. На пиру же сидятъ и Авдотья, жена Блудова (Блуда), и Авдотья, жена Чесова (Чеса). Сынъ первой Гордепъ Блудовичь тоже не въ числѣ богатырей, по можетъ-быть это только по ранней молодости, потому что Гордепъ — могучій юноша. Онъ заступается за мать, оскорбленную на пиру Авдотьей, Чесовой женой, перебиваетъ всѣхъ ея девять сыновей, и потомъ женится на ея дочери, Авдотьѣ Чесовичнѣ. Въ Кіевъ приходятъ и богомольцы, сорокъ каликъ со каликою, на пути въ Ерусалимъ; это пѣсня высокаго достоинства и весьма замѣчательна.—Наконецъ къ Владиміру пріѣзжаетъ богатый гость, Соловей Будиміровичь. Мы не говоримъ о немъ, какъ и о другихъ лицахъ Владимірова времени, подробно; задача нашей статьи: богатыри Князя Владиміра, но не весь міръ его. Со временемъ, можетъ быть, мы скажемъ о всей этой праздничной эпохѣ, также и о послѣдующихъ, какъ представляются онѣ въ нашихъ пѣсняхъ. Пѣсня о Соловьѣ Будиміровичѣ прекрасна; она начинается этими многозначущими словами, которыя могутъ быть эпиграфомъ къ Русской народной поэзіи:

Высота ли высота, подпебесная,
Глубота, глубота—океанъ море,
Широко раздолье по всей земли!

Въ этихъ стихахъ становитъ себѣ размѣры Русской человѣкъ, — и какіе размѣры!

Въ Московскомъ Сборникѣ (Т. II) (1) помѣщены 12 старинныхъ Русскихъ пѣсенъ, изъ которыхъ три относятся къ періоду В. К. Владиміра; объ одной изъ нихъ мы уже говорили; она варіантъ пѣсни, помѣщенной въ собраніи Кирши Данилова. Двѣ другія повѣствуютъ о совершенно неизвѣстныхъ намъ богатыряхъ: одна о Данилѣ Ловчанинѣ; другая—о Данилѣ Игнатьевичѣ и сынѣ его Иванѣ Даниловичѣ.

(1) Московскій Сборникъ т. II, по разнымъ обстоятельствамъ, не могъ быть изданъ, и потому и пѣсни остались не напечатанными. Впрочемъ собраніе пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго издается теперь Московскимъ Обществомъ Люб. Рус. Словесности, и упоминаемыя въ статьѣ К. С. Аксакова пѣсни будутъ въ свое время, и вѣроятно скоро, напечатаны. *Пр. изд.*

Разсказывать содержаніе пѣсенъ мы подробно не станемъ. Такъ недавно предложенныя любознательности читателей и особенно въ настоящее время, когда вопросъ народности Русской началъ наконецъ сильно занимать, т. п. образованное, Русское сословіе, отъ народности давно оторвавшееся, — пѣсни эти вѣроятно прочтены съ полнымъ вниманіемъ, котораго вполнѣ онѣ заслуживаютъ; было бы излишне ихъ пересказывать, какъ это дѣлали мы, говоря о пѣсняхъ Кирши Данилова. Но собраніе Кирши Данилова издано давно, многими забыто, и самая книга пріобрѣтается не совсѣмъ легко; подробное изложеніе содержанія было здѣсь кажется вполнѣ у мѣста.

Пѣсня о Данилѣ Ловчанинѣ, хотя въ общемъ совершенно имѣетъ и складъ и строй пѣсенъ о временахъ Владиміра, находящихся въ Сборникѣ Кирши Данилова, но въ частностяхъ отъ нихъ отличается. Такъ, въ ней нѣтъ этого непремѣннаго торжественнаго начала, какъ скоро пѣсня начинается съ описанія пира Владиміра во стольномъ городѣ во Кіевѣ и пр. Начало другое:

Не красное солнце числовалося (честовалося),
Заводилося пированьице честное
У Князя Владиміра и пр.

Такъ Владиміръ Князь называется: нашъ батюшка, чего нѣтъ у Кирши Данилова, гдѣ называется онъ: красное солнце, ласковое солнце. Не вездѣ слышится та жилистая, такъ сказать, та богатырская и вмѣстѣ грубоватая сила слова, которая такъ постоянно слышна въ пѣсняхъ у Кирши Данилова. Есть и другія нѣкоторыя, мелкія отличія.

Въ пѣснѣ о Данилѣ Ловчанинѣ идетъ рѣчь о женитьбѣ Владиміра, или лучше о попыткѣ жениться, потому пѣсня должна, по порядку событій, предшествовать той, въ которой говорится о женитьбѣ Великаго Князя на Апросиньѣ Королевишнѣ. Въ пѣснѣ, помѣщенной въ Московскомъ Сборникѣ, Владиміръ пируетъ съ своими богатырями, со всею *поленицею* (здѣсь это слово ясно употреблено въ значеніи дружины; см. в.), и на пиру говоритъ, что онъ холостъ, что надо бы найдти ему невѣсту. На это отвѣчаетъ ему Путятинъ Путятовичь, говоря, чтобы онъ взялъ за себя жену Данилы Ловчанина, грозную Настасью Никулишну. Князь Владиміръ сперва усомнился и говоритъ:

Какъ мнѣ у живаго жену отнять?

Но Путятинъ Путятовичь сейчасъ предлагаетъ средство и совѣтуетъ Князю нарядить Данилу въ такую службу, съ которой бы онъ назадъ не воротился: послать его на Буянъ Островъ, убить тамъ лютаго звѣря.—Князь соглашается и говоритъ Данилѣ, который тутъ же на пиру, чтобы онъ сослужилъ ему эту службу.— Слышалъ ли Данила совѣщаніе Путяты съ Княземъ, нѣтъ ли, объ этомъ не говоритъ пѣсня. Онъ молча поднялся на ноги, вышелъ на широкій дворъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ своему подворью. Жена увидѣла его изъ высокаго терема, увидѣла, что ѣдетъ онъ не веселый, повѣсивши голову и насупивъ очи въ землю. Она думаетъ, что онъ не былъ учещенъ у Князя на пиру. Но Данила говоритъ ей, что онъ былъ учещенъ и прибавляетъ:

Погубляютъ меня переметы женскіе.

Изъ этого можно заключить, что онъ если не слышалъ, то догадывался о намѣреніи Князя; но какіе и чьи женскіе переметы —это остается намекомъ.—Данила требуетъ у жены колчанъ въ полтретья ста стрѣлъ, она подаетъ ему ровно въ триста стрѣлъ, и Данила ѣдетъ къ Буяну Острову. Скоро увидалъ Данила лютаго звѣря и скоро убилъ его. Совершивъ службу, онъ сѣлъ поѣсть. Но вотъ идутъ къ нему отъ Великаго Князя девять сотъ отборныхъ молодцовъ и говорятъ ему, что пришли за его буйной головой. Данила молча поднялся на ноги, натянулъ свой лукъ, накладывалъ, стрѣляя по пяти стрѣлъ; и всѣ девять сотъ человѣкъ легли отъ его руки. Но побивъ всѣхъ своихъ противниковъ, съ оружіемъ на него напавшихъ, задумался Данила. «Знать я Князю не угоденъ сталъ», сказалъ онъ, оборотилъ копье тупымъ концомъ въ землю, а вострымъ въ себя, и закололся. Тутъ малые люди остались, говоритъ пѣсня, и донесли Князю Владиміру. Князь Владиміръ собралъ поѣздъ вѣнчаться, и поѣхалъ къ Настасьѣ Никулишнѣ. — Позволь проститься мнѣ съ милымъ другомъ, говоритъ Настасья Владиміру, и ѣдетъ взглянуть на мужа; она увидала, что дѣлаютъ гробницу Данилѣ; дѣлайте просторную гробницу, говоритъ она,

Чтобы было гдѣ ему положиться,
Костямъ бы его поворотиться,
Его кости богатырскія!

Пришедши къ тѣлу Данилы Ловчанина, она закололась тѣмъ же копьемъ.

Пѣсня эта имѣетъ большое художественное достоинство. Какъ хорошъ мрачный и честный образъ богатыря Данилы, его грозная жена, вѣрная своему мужу, ихъ печальная судьба и все это событіе; впечатлѣніе, производимое пѣснѣй, необыкновенно живо и сильно. Когда къ Данилѣ приходятъ вооруженные люди, чтобы погубить его, Данила знаетъ, что они посланы отъ Князя; но онъ видитъ передъ собою вооруженную силу и онъ встрѣчаетъ ее оружіемъ.—Когда же сила побѣждена силою, когда нѣтъ болѣе ея оскорбительнаго притязанія, Данила говоритъ: видно я сталъ неугоденъ Князю, и убиваетъ себя. Въ этихъ словахъ вовсе не видать ни подобострастія, ни рабскаго чувства. Нѣтъ, отношенія богатырей къ В. Князю (какъ мы видѣли это въ особенности у Кирши Данилова) были основаны на свободной привязанности, на любви, на общемъ, согласномъ какъ хоръ, строѣ жизни; — они нарушены теперь: Богъ знаетъ за что, до того не взлюбилъ Князь Данилу, что послалъ цѣлую дружину убить его,— и грусть обняла богатыря; онъ видитъ, что нарушенъ весь прежній согласный строй жизни, — и убиваетъ себя. Въ этой пѣснѣ не очень выдержанъ характеръ Владиміра, который здѣсь дѣлаетъ черный поступокъ; хотя въ пѣсняхъ характеръ его постоянно является слабымъ, но также постоянно добрымъ и привѣтливымъ. Здѣсь слабость уже переходитъ вовсе предѣлы доброты. Быть можетъ, впрочемъ, что есть другой варіантъ, гдѣ поступокъ Владиміра является какъ нибудь иначе, чѣмъ здѣсь.

Другая пѣсня о Данилѣ Игнатьевичѣ и сынѣ его Иванѣ Даниловичѣ не такъ замѣчательна. Богатырь Данила Игнатьевичъ принялъ схиму. Невѣрныя Орды послышали, что не стало у Князя Владиміра сильнаго богатыря и прислали требовать поединщика. Некого послать Владиміру. — Двѣнадцатилѣтній Иванъ Даниловичъ, сынъ славнаго богатыря, вызывается идти на поединокъ. Князь сомнѣвается за него въ побѣдѣ; но Иванъ идетъ къ отцу просить у него благословенія. Отецъ тоже сомнѣвается за него, но даетъ ему благословеніе, даетъ копя своего и збрую богатырскую. Иванъ поѣхалъ въ чистое поле, увидалъ силу невѣрную; разъярился его конь, сроспилъ юнаго всадника и поскакалъ къ монастырю, гдѣ сидитъ отецъ Ивана.—Иванъ всталъ на ноги,

схватилъ Татарина и побилъ Татариномъ всю силу невѣрную. Совершивъ подвигъ, Иванъ разправилъ шатеръ и легъ почивать. Между тѣмъ Данила, увидавъ воротившагося коня, прискакалъ на немъ самъ къ шатру, сшибъ стрѣлою бѣлый шатеръ и увидалъ сына. Тогда оба они поѣхали къ Князю Владиміру:

Князь Владиміръ встрѣчалъ ихъ съ образами мѣстными
И служилъ молебны честные.

Бой Ивана Даниловича съ Татарами есть перемѣщеніе въ эту пѣсню боя Ильи Муромца съ Татарами же (см. в.). Но тамъ этотъ бой вполнѣ у мѣста и вытекаетъ изъ всей пѣсни; здѣсь же это кажется намъ чистымъ заимствованіемъ. Пѣсня очень сжата и лишена подробностей.

Самый складъ и той и другой пѣсни вполнѣ древній, вполнѣ одинаковый съ пѣснями Владимірова времени въ Сборникѣ Кирши Данилова; но обѣ пѣсни, въ особенности вторая, болѣе сжаты и имѣютъ частныя несходства; онѣ подверглись, какъ кажется, большимъ измѣненіямъ. Впрочемъ это понятно. Собраніе пѣсенъ Кирши Данилова спискомъ своимъ относится къ половинѣ, или около, прошедшаго столѣтія, а само собраніе составлено, можетъ быть, и гораздо прежде, можетъ быть и до Петровскаго переворота; во всякомъ случаѣ, чѣмъ древнѣе записана пѣсня, тѣмъ болѣе должна она сохраняться въ своемъ настоящемъ древнемъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ сказали мы, богатырскія пѣсни, напечатанныя въ Москов. Сборникѣ (Т. I и II), признаемъ мы вполнѣ за древнія и народныя, вполнѣ принадлежащія къ разряду пѣсенъ о временахъ Владиміра, находящихся въ собраніи Кирши Данилова, и какъ по этому отношенію, такъ и по своему собственному достоинству, пѣсни эти составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе истинно народной литературы.

Кромѣ богатырскихъ пѣсенъ, пѣсенъ историческихъ, въ Моск. Сборникѣ помѣщены пѣсни, не принадлежащія къ этому разряду, но древность и подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ пѣсняхъ живетъ та вѣчная красота, то несомнѣнное величіе, которымъ запечатлѣны истинныя творенія народа, конечно величайшаго и истиннѣйшаго мудреца и поэта; а какой же народъ болѣе достоинъ названія народа, если не народъ Русской?

Хотя это и выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи, но мы хотимъ обратить вниманіе читателей и на эти пѣсни.

Пѣсня объ орлѣ, объ отдѣльномъ, но полномъ событіи, замѣчательна своею простотою. Орелъ свыкается съ орлицей, свили они гнѣздо на деревѣ, на берегу моря; но налетѣла непогода, всколыхалось море, подмыло дерево, и потопило и гнѣздо, и орлицу и дѣтей. На что были мнѣ орлица, дѣти и гнѣздо воскликнулъ молодой орелъ, взлетѣлъ высоко и ударился сверху о горючь камень; вотъ и все содержаніе; но пѣсня проникнута пластически-поэтическою красотою, которая особенно чувствуется при описаніи завиванія гнѣзда.

Какъ хороша пѣсня о Васильѣ князѣ! Князь значитъ здѣсь новобрачный, тоже значитъ и княгиня, бояре здѣсь свадебный чинъ.—Идучи отъ златаго вѣнца, утонулъ новобрачный. Его молодая княгиня идетъ въ монастырь и проситъ прорубить три окошка: одно къ святому Благовѣщенію, другое на родную сторону, третье на синее море, гдѣ потонулъ ея вѣнчанный мужъ, Василій князь. Самый строй этой пѣсни, вся она дышетъ силою и всею святостію супружескаго чувства.

Той же несказанной красоты народнаго слова полны пѣсни и о соколѣ, жалующемся на свои крылья, не унесшія его отъ золотой клѣтки и отъ серебряной нашестки, и о кукушкѣ, жалующейся на сокола, разорившаго ея гнѣздо.

Но пѣсня о падшемъ воинѣ въ особенности хороша. Изъ за лѣса летитъ орелъ и несетъ въ когтяхъ руку молодецкую «солдатскую» (очевидно вставка); на рукѣ золотой перстень, на печаткѣ перстня написано, напечатано:

Моему батюшкѣ челобитьице;
Родной матушкѣ низкой поклонъ,—
Низкой поклонъ до сырой земли;
Малымъ дѣтушкамъ благословеньице;
Милой женѣ—на двѣ волюшки:
Хоть за мужъ поди, хоть вдовой сиди;
А мнѣ молодцу такъ Господь велѣлъ
Положить буйну головушку
На чужой дальней сторонушкѣ!...

Какъ полны эти слова глубокаго, исполненнаго тишины и бла-

гости, не ревниваго, правдиваго чувства, безъ всякихъ восклицаній и порывовъ!....

Пѣсня объ изгнанномъ сынѣ—отрывокъ изъ цѣлой жизни; она принадлежитъ къ произведеніямъ художественнымъ такого рода (мы говорили о нихъ выше), которыя вырываютъ минуту или явленіе изъ жизни и даютъ предчувствовать всю многосложную ея полноту, всѣ многоразличные ея звуки.—Уѣзжаетъ изгнанный сынъ—почему и какъ? Неизвѣстно,—изъ дома его провожаютъ три сестры и спрашиваютъ, когда онъ будетъ назадъ; онъ еще надѣется воротиться, когда разольются рѣки. Но прошелъ годъ, и другой, и все нѣтъ; сестры пошли искать его и въ лѣсъ и въ небо и въ море. — Здѣсь чрезвычайно поэтическое изображеніе сестеръ, устремившихся искать брата. — Старшая сестра нашла брата убитымъ.

Пѣсня о бѣгущемъ конѣ по дорогѣ — конечно отрывокъ; но и въ этомъ видѣ она прекрасна: ибо изображеніе бѣгущаго коня, сбившаго съ себя на бѣгу и сѣдло и сбрую,—пластично въ высшей степени.

Пѣсня объ освободившемся плѣнникѣ исполнена той же отрывочной красоты, о которой мы говорили; какъ хорошо здѣсь замерзаніе Дуная. Плѣнникъ видитъ, что Дунай покрылся тонкимъ льдомъ, и нельзя ему перейти на другую сторону; его горе вдругъ принимаетъ образъ пѣсни, и онъ запѣваетъ:

Сторона ль ты моя, сторонушка,
Сторона ль ты родимая,
Родимая, прохладливая!
Знать то мнѣ на тебѣ не бывати,
Отца съ матерью не видати!—

Пѣсня про старину небывалую исполнена особенной шутки, которую очень любитъ Русской народъ: сильнѣе чувствуемъ истину, когда видимъ нелѣпость; но эта нелѣпость принимаетъ тогда непремѣнно характеръ шутки, запечатлѣнный важностью, и Русской народъ любитъ, шутки ради, играть такими нелѣпостями; такія шутки имѣютъ серьезный тонъ и нелѣпость является какъ бы съ полными правами на дѣйствительность, отъ чего именно подобная шутка такъ художественна и смѣшна.

Трудно вполнѣ передать все изящное достоинство поэтическихъ произведеній; вообще на достоинство это можно скорѣе намекнуть или указать. — То же должно относиться, и можетъ быть еще болѣе, къ народной поэзіи. — Но всего лучше говорятъ за себя сами пѣсни, и наши Русскіе читатели, не даромъ носящіе славное имя своего народа, конечно и отзовутся, и поймутъ, и оцѣнятъ съ наслажденіемъ всю красоту родныхъ пѣсенъ.

О РАЗЛИЧІИ МЕЖДУ СКАЗКАМИ И ПѢСНЯМИ РУССКИМИ. (1)

(По поводу одной статьи).

Въ 21 № Москвитянина 1852 года помѣщена занимательная статья г. Шепинга, объ Иванѣ царевичѣ. Мы вполнѣ уважаемъ постоянное трудолюбіе автора, и это самое заставляетъ насъ высказать ему наше мнѣніе со всею откровенностью.

Г. Шепингъ, какъ видно изъ самаго заглавія статьи, считаетъ Ивана царевича народнымъ Русскимъ богатыремъ. Имя Ивана царевича принимаетъ здѣсь г. Шепингъ за общее родовое имя разныхъ Ивановъ, о которыхъ много сказокъ въ народѣ. Но только въ одной сказкѣ (сколько намъ извѣстно) названъ Иванъ богатыремъ; въ остальныхъ же онъ богатыремъ не называется и не изображается; онъ—просто любимецъ тайныхъ чародѣйныхъ силъ, ему помогающихъ. Въ сказкѣ же, гдѣ названъ онъ Русскимъ богатыремъ, ничего особенно народнаго въ немъ не является.—Впрочемъ не объ этомъ хотимъ мы поговорить.

Г. авторъ далѣе сравниваетъ Ивана царевича и находитъ сходство въ немъ съ лицами пѣсенъ Владиміровыхъ: съ Ивапомъ, гостинымъ сыномъ, съ Ивапомъ Годиновичемъ, съ богатырями Ильею, Добрынею и пр.—Находя въ пѣсняхъ о первыхъ двухъ лицахъ общій характеръ Ивановскихъ сказокъ, г. авторъ говоритъ:

«Хотя въ нашихъ эпическихъ пѣсняхъ и не упоминается нигдѣ объ Иванѣ царевичѣ, тѣмъ не менѣе мы найдемъ много сходнаго съ нашимъ преданіемъ *въ личности и дѣйствіяхъ Алеши Поповича и Добрыни Никитича* и въ особенности (?) *Дуная Ивановича и Ильи Муромца*, быть можетъ, потому именно, *что они оба Ивановичи*» (стр. 23).

---

(1) Напечатана въ 153 № Моск. Вѣдом. 1852 года. *Пр. Ред.*

Мы, напротивъ, здѣсь никакого сходства ни въ чемъ и нисколько не находимъ.

Ошибка автора произошла, кажется, отъ взгляда его на сказки и пѣсни; по его мнѣнію, «почти положительно сказать можно, что подлинно Русскія простонародныя сказки входили нѣкогда въ составъ нашихъ эпическихъ пѣсенъ» и проч. (стр. 20). Разницу между сказками и пѣснями считаетъ онъ дѣломъ времени, изустнаго преданія, личнаго произвола разскащика, и т. д. (стр. 21).

Мы несогласны съ этимъ.

Между сказками и пѣснями, по нашему мнѣнію, лежитъ рѣзкая черта. Сказка и пѣсня различны изначала. Это различіе уставилъ самъ народъ, и намъ всего лучше прямо принять то раздѣленіе, которое онъ сдѣлалъ въ своей литературѣ. *Сказка—складка* (вымыселъ), *а пѣсня—быль*, говоритъ народъ, и слова его имѣютъ смыслъ глубокій, который объясняется, какъ скоро обратимъ вниманіе на пѣсню и сказку.

Предметъ пѣсни или религіозный (стихи), или народный: народныя событія, историческая и бытовая жизнь; или частный: событіе и чувство личное. Все это—*быль*. Пѣвца и сочинителя въ пѣснѣ не слышно. Иногда попадается въ ней припѣвъ, гдѣ поющій обращается къ слушателю: «здравствуй хозяинъ съ хозяюшкою» и пр.; но это не измѣняетъ дѣла. Припѣвъ уже не пѣсня; онъ является по окончаніи пѣсни; въ немъ спѣвшій пѣсню обращается къ слушателямъ обыкновенно за наградой. Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ пѣсняхъ эпическихъ повѣствуются невѣроятныя дѣла, но они повѣствуются, какъ дѣла, бывшія дѣйствительно, *былыя* (отсюда и слова *быль* (фактъ) и *былина*).

Совсѣмъ другое *сказка*. Съ самыхъ первыхъ словъ дается знать, что это вымыселъ. Сказка безпрестанно сама называетъ себя сказкою; она даже начинается обыкновенно такими словами: «Начинается сказка отъ сивки отъ бурки, отъ вѣщей коурки, отъ богатырскаго посвисту, отъ молодецкаго поѣзду.» Нѣсколько разъ повторяется въ теченіи сказки: «скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается.» Разскащикъ слышенъ постоянно; постоянно предъ нимъ слушатель; постоянно слышна даже какая-то затаенная шутка надъ всѣмъ разсказомъ, шутка, которая наконецъ проявляется въ окончаніи сказки, обыкновенно

при описаніи пира, гдѣ разскащикъ, обращаясь прямо къ себѣ, говоритъ: «Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.»

Такъ сказываются сказки, даже и теперь; таковъ ихъ настоящій видъ. Печать отчасти измѣнила ихъ, но не изгладила основнаго общаго ихъ характера.

Къ сказкѣ, кажется, преимущественно должна относиться пословица: *красно поле рожью, а рѣчь ложью* (вымысломъ).

Изъ этого же значенія пѣсни, какъ были, и сказки, какъ вымысла, выходитъ, что само содержаніе сказокъ, мѣсто дѣйствія и лица—существенно различны отъ пѣсенъ. Въ пѣсняхъ географія можетъ быть плоха, но это происходитъ отъ незнанія. Въ сказкѣ, очень сознательно, разскащикъ нарушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства, говоритъ о тридесятомъ царствѣ, о небывалыхъ странахъ и всякихъ диковинкахъ. Отсюда выходитъ также, что содержаніе эпическихъ пѣсенъ народа—всегда лица или событія его народной жизни. Пѣсни—всегда народны. Сказка же, напротивъ, уходитъ въ чужіе края, и, какъ вымыселъ, носится гдѣ угодно. Значеніе вымысла даетъ возможность пользоваться чужою фантазіею, и потому многія изъ сказокъ зашли къ намъ цѣликомъ изъ чужихъ краевъ (наиболѣе съ востока); иныя перенначены по своему, и почти всѣ говорятъ о странахъ чуждыхъ. Само собою разумѣется, что самое изложеніе, *слогъ* народныхъ Русскихъ сказокъ принадлежитъ Русскому человѣку; что если, въ своихъ сказкахъ, народъ не всегда самъ выдумщикъ, то всегда разскащикъ; что и чужое, перенначивая его или нѣтъ, разсказываетъ онъ по своему; и это-то изложеніе придаетъ сказкѣ народный характеръ и цѣну, независимо отъ ея содержанія. Въ какой же мѣрѣ самое содержаніе той или другой сказки выражаетъ народный духъ,—это уже особый, очень важный и занимательный вопросъ, рѣшаемый при разсматриваніи самихъ сказокъ.

Какъ на различіе между пѣснями и сказками, можно также указать на элементъ волшебный. Въ сказкахъ онъ постоянно присутствуетъ, и почти всѣ герои сказокъ находятъ себѣ опору и помощь въ волшебствѣ и волшебникахъ. Въ пѣсняхъ хотя нельзя не признать чародѣйственнаго элемента, но онъ всегда на враждебной сторонѣ, противенъ Русскому духу, и богатыри Русскіе

не только не почерпаютъ въ немъ силъ, но постоянно ведутъ съ нимъ бой, прибѣгая съ молитвою къ одному Богу. Правда, есть пѣсня о Волхвѣ; но это преданіе (а не вымыселъ) о древнемъ сильномъ чародѣѣ, который *самъ* герой пѣсни, и стоитъ совершенно одиноко между всѣми богатырями старины, глубже всѣхъ уходя въ древность; слѣдовательно эта пѣсня составлять исключеніе не можетъ. Всѣ же богатыри и вообще всѣ герои пѣсенъ, начиная съ Ильи Муромца до Гордея, не водятся ни съ волшебствомъ, ни съ волшебниками, а вездѣ бьютъ и преслѣдуютъ ихъ, какъ мы уже сказали объ этомъ (1).

Г. Шепингъ находитъ сходство въ языкѣ и выраженіяхъ между сказками и пѣснями; но тутъ ничего нѣтъ удивительнаго. И тамъ и здѣсь языкъ Русской, народный; и тамъ и здѣсь подчиненъ онъ извѣстнымъ сочетаніямъ словъ, эпитетамъ, и пр. Такое сходство необходимо; оно основано только на единствѣ языка. Но если вглядѣться попристальнѣе, то сейчасъ увидишь существенную разницу языка и слога пѣсеннаго съ сказочнымъ. Стоитъ обратить вниманіе хоть на тѣ отрывки сказокъ, которые приводитъ г. Шепингъ, выставляя ихъ въ примѣръ сходства. Вотъ нѣкоторыя выраженія: «Шелкъ не рвется, булатъ не трется, яровицкое золото въ грязи не ржавѣетъ.» Или: «Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей полымя.»

Всякой, думаю я, согласится, что самый слогъ, отрывистый и скорый, пересыпанный близкими другъ отъ друга рѳмами, показываетъ, что сказка *сказывалась говоркомъ* или даже *скороговоркой,* а не пѣлась. Теперь, не угодно ли сравнить какую-нибудь пѣсню, на пр.:

Да изъ Орды золотой земли,
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ Царь,
Злой Калинъ Царь Калиновичь...

(1) Намъ могутъ указать, пожалуй, на то, что рѣки Смородина щадитъ безвременнаго молодца, что Ильмень озеро посылаетъ богатую добычу Садку. Но это не волшебство и не волшебники; это олицетворенныя силы природы, благопріятствующія иногда человѣку. Сверхъ того, человѣкъ не входитъ здѣсь съ ними въ какія-нибудь близкія сношенія. Ему посылаетъ милость озеро или рѣка. Богатырь Потокъ женится на чародѣйкѣ, но какъ-будто самъ того хорошенько не понимаетъ. Крестная мать Добрыни говоритъ Маринѣ, что она *мудрѣе* ея; но эта угроза, а чародѣйства ея мы не видимъ нигдѣ въ пѣсняхъ.

или

Немного съ Дюкомъ живота пошло, —
Что кулакъ и панцырь чиста серебра....

или

А и буйные вѣтры не вихнутъ на ее,
А красное солнце не печетъ лице....

или

А и ты мать быстра рѣка, ты быстра рѣка Смородина;
Ты скажи мнѣ, быстра рѣка, ты про броды конные.... (1).

Вы видите, что рѣчь здѣсь не торопится, медлитъ и очевидно указываетъ, что она должна пѣться. Эти повторенія, эти вставочныя: *что, а и, тотъ* и пр., показываютъ очевидно, что они нужны были какъ для гармоніи пѣнія, такъ и для оттѣнка самого слога, совершенно особеннаго, слога собственно пѣсеннаго.

И такъ, кромѣ того необходимаго сходства, которое вытекаетъ изъ единства языка, мы, напротивъ, видимъ рѣшительную, глубокую и существенную разницу между слогомъ пѣсенъ и слогомъ сказокъ.

Очевидно, что поэтическимъ произведеніемъ считалась только пѣсня, и, подобно какъ въ древности Римскій поэтъ называется vates, пѣсня зовется *былью*. Къ пѣснѣ также относится замѣчательная пословица: *изъ пѣсни слова не выкинешь*.

Что касается до вопроса, стихами ли писаны пѣсни, то мы здѣсь о немъ распространяться считаемъ неумѣстнымъ. У насъ уже написана статья о богатыряхъ Князя Владиміра (о другихъ лицахъ тогоже времени мы не говоримъ въ ней), которая, можетъ быть, появится въ непродолжительномъ времени; въ ней коснулись мы вопроса о Русскихъ стихахъ. Здѣсь же скажемъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ свое мнѣніе. — У нашего народа

(1) Мы написали эти отрывки изъ пѣсенъ старины, какъ читаются они въ сборникѣ Кирши Данилова; но напишите ихъ хоть сплошною строкой, все выйдетъ тоже. Кстати, мы не видимъ, почему не удержать имени Кирши Данилова за сборникомъ этихъ древнихъ пѣсенъ, изданныхъ, а не собранныхъ Калайдовичемъ. Калайдовичъ издалъ сборникъ древнихъ пѣсенъ, кѣмъ собранныхъ, не извѣстно. Прежній издатель увѣрялъ, какъ свидѣтельствуетъ Калайдовичъ, что на заглавномъ листкѣ стояло имя Кирши Данилова. Въ какой степени это вѣрно, рѣшить не беремся; но ужъ если нужно какое-нибудь названіе этому драгоцѣнному сборнику древнѣйшихъ народныхъ пѣсенъ, то лучше и основательнѣе удержать за нимъ названіе сборника Кирши Данилова.

стиховъ собственно нѣтъ, т. е. нѣтъ данныхъ условныхъ формъ, по которымъ можно было бы писать Русскими стихами. Русской стихъ рождается и образуется въ ту минуту, какъ онъ говорится; это есть гармоническое сочетаніе словъ, гармоническое сочетаніе рѣчи, не подлежащее никакимъ, заранѣе готовымъ условіямъ, и неуловимое внѣшнимъ образомъ, возникающее согласно съ поэтическимъ настроеніемъ духа. Первоначально пѣніе сопровождало такую рѣчь. Она дѣлится, какъ на аккорды, на особыя сочетанія звуковъ слова, на цѣлыя гармоническія реченія, которыя, если хотите, назовите стихами, но вы не подведете ихъ ни подъ какія условныя правила стиховъ. Эту гармоническую рѣчь можемъ мы встрѣтить всюду, въ грамотахъ, въ посланіяхъ и т. д., между прочимъ, мы встрѣчаемъ ее въ посланіи Гермогена; вотъ его слова, которыя мы раздѣляемъ на отдѣльные стихи:

Солгалось про старыхъ то слово,
Что красота граду старые мужи.

(Ак. Арх. т. II, стр. 290).

Какъ замѣчательное, глубокое чувство гармоніи въ Русской поэзіи, является нелюбовь нашего народа къ рѳмѣ, музыкальность которой слишкомъ груба, матеріальна, нагла, такъ сказать. Рѣдко, рѣдко попадется она въ важной пѣснѣ, и то совершенно особеннымъ образомъ. Русской народъ употребляетъ ее почти всегда только для шутокъ, да и часто замѣняетъ ассонансомъ, не столько осязательнымъ, какъ рѳма.

Но мы отдалились въ сторону; возвратимся къ Ивану царевичу.

Повѣствованіе объ Иванѣ царевичѣ, объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, объ Иванушкѣ дурачкѣ и пр.— есть сказка и, слѣдовательно, къ пѣснямъ быть отнесено не можетъ. Сказавъ это, мы рѣшительно отдѣлили сказочнаго Ивана отъ всего міра пѣсенъ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться Иванъ, сходный по имени, но только по имени, съ сказочнымъ Иваномъ, только чисто наружно, не болѣе; а это не сходство.

Сверхъ того, мы видимъ, что даже нѣтъ здѣсь и наружнаго сходства. Г. Шенингъ дѣлаетъ многія сближенія между Иваномъ сказочнымъ и въ особенности между Иваномъ гостинымъ сыномъ, а также между Иваномъ Годиновичемъ, лицами Владиміровыхъ пѣсенъ. Если находить сходство (какъ находитъ г. авторъ) въ

томъ, что Иванъ гостиный сынъ званія купеческаго, а Иванъ сказочный (въ иныхъ только сказкахъ) званія крестьянскаго; что у Ивана гостинаго сына — бурый конь, а у Ивана сказочнаго — сивка-бурка, то послѣ этого всюду можно найдти сходство: и у Дюка Степановича конь бурый. Конь Ивана гостинаго сына говоритъ; но и конь Добрыни, въ одной изъ пѣсенъ, еще неизданныхъ, говоритъ. Сивка же бурка, напротивъ, не говоритъ, и имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Этимъ-то и ограничивается все сходство. Съ Иваномъ Годиновичемъ сходства еще меньше. А между Иваномъ сказочнымъ и между Ильею Муромцемъ Ивановичемъ и Дунаемъ Ивановичемъ есть сходство развѣ только въ томъ, что оба эти богатыри—Ивановичи; на это сходство между прочимъ указываетъ авторъ (см. выше). Впрочемъ между Ильей и Иваномъ авторъ хочетъ видѣть сходство въ характерѣ того и другаго; на это, кажется, не нужно и возражать; на это возражаютъ всего сильнѣе самъ Илья и Иванъ, если ихъ только поставить рядомъ.

И такъ между сказочнымъ Иваномъ и лицами Владиміровыхъ пѣсенъ нѣтъ даже и наружнаго сходства, кромѣ такого, по которому чуть не всякой человѣкъ можетъ попасть въ Иваны, или имѣть съ нимъ что-нибудь общее.

Кромѣ этихъ замѣчаній на главное значеніе статьи автора, скажемъ нѣсколько замѣчаній на отдѣльныя его заключенія.

Авторъ говоритъ о смѣшеніяхъ въ нашихъ пѣсняхъ Татарскаго съ Польскимъ, и приводитъ въ примѣръ выраженіе: «сидятъ мурзы улановья» (стр. 18). Онъ видитъ, конечно, смѣшеніе въ томъ, что *мурзы* поставлены рядомъ съ словомъ *улановья*. Но *уланъ* слово Татарское и очень старинное на Руси. Оно упоминается въ древнихъ грамотахъ и стоитъ тамъ выше Татарскихъ князей. Напр. въ грамотѣ 1508 года, въ шертной записи царя Абдулъ-Летифа говорится: «и мнѣ Абдылъ-Летифу царю и моимъ *уланомъ и княземъ и нашимъ казакомъ*» (Соб. Г. Г. и Д., т. II, стр. 32). Народъ выраженіемъ своимъ: мурзы улановья, показалъ здѣсь ту историческую память, которая часто проникаетъ въ самую отдаленную древность; такъ въ пѣснѣ о Калинѣ царѣ, гдѣ говорится о нашествіи Татарскомъ на Кіевъ, удержано имя Сартака, сына Батыева.

Г. Шепингъ приводитъ мѣсто изъ Сборника Кирши Данилова, гдѣ перечисляются нѣкоторые Русскіе богатыри; вотъ это мѣсто:

Выходили тутъ князи бояра,
Всѣ Русскіе могучіе богатыри;
Самсонъ богатырь Колывановичь;
Суханъ богатырь сынъ Домантьевичь,
Святогоръ богатырь и Полканъ другой,
И семь-то братьевъ Збродовичей,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хопиловы,
Только было у Князя ихъ 30 молодцовъ....

«Отыскать имена этихъ 30 молодцовъ — вещь для насъ теперь невозможная», говоритъ авторъ (стр. 19). Но онъ нѣсколько ошибается. Часть этихъ молодцовъ уже названа въ предыдущемъ изчисленіи. Пѣсня, переставая вычислять, говоритъ разомъ: только было у князя ихъ 30 молодцовъ. *Только* значитъ здѣсь: однимъ словомъ.

Видя въ Афросиньѣ королевичнѣ особый типъ женскій, авторъ говоритъ: «Эта бѣдная и слабая дѣвица, смиренно покоряющаяся волѣ родителей», и пр. (стр. 35). Но Афросинья королевична вовсе не похожа на этотъ образъ. Она была «любимая» дочь; берегли ее, какъ сокровище, за замками, берегли и отъ солнца и отъ вѣтра; — и только. Ни на жалкую, ни на слабую она не похожа, а еще менѣе послѣ замужства.

Подъ мужественный типъ женскій подводитъ авторъ Настасью Дмитріевну; но она вовсе не героиня: она рѣшается измѣнить мужу и погубить его: это еще не придаетъ лицу ни воинственнаго, ни мужественнаго характера.

Авторъ, въ доказательство древней привязанности простаго народа къ имени Иванъ, приводитъ одну весьма знаменательную, по его мнѣнію, пословицу, «выражающую вполнѣ всю любовь Русскаго человѣка къ имени Ивана: «Горе мужъ Григорій, лучше хоть болвана да Ивана» (стр. 36).

Странно.—Позволяемъ себѣ замѣтить, что авторъ, по нашему мнѣнію, не вникнулъ въ значеніе именъ собственныхъ въ нашихъ пословицахъ. Если изъ этой пословицы выводить любовь къ имени Ивана, то надобно вывести отвращеніе къ имени Григорія. Положимъ, имя Иванъ—употребительно (и только), но имя Гри-

горій вовсе не въ пренебреженіи. Подобное употребленіе собственныхъ именъ въ пословицахъ, прибауткахъ, шутливыхъ пѣсенкахъ и разсказахъ, у насъ не рѣдко. Оно объясняется вообще желаніемъ, вполнѣ художественнымъ, придать полную живость образу; употребленіе же такого или другаго имени вызывается риѳмою и иногда музыкальнымъ значеніемъ слова, тѣмъ значеніемъ, по которому *рохля* звуками выражаетъ вялаго человѣка, и по которому *фалалей* значитъ розиня. Въ настоящемъ случаѣ, имена вызваны риѳмой, и вся пословица—шутка, шутка надъ тѣмъ, что какъ-будто вся бѣда въ томъ, что мужъ Григорій, а не Иванъ!

Иванъ и Марья встрѣчаются вмѣстѣ, какъ имена самыя употребительныя. Приводя пословицу: Иванъ былъ въ Ордѣ, а Марья вѣсти сказываетъ, г. Шепингъ ставитъ въ скобкахъ вопросительный знакъ послѣ словъ: въ Ордѣ. Мы не понимаемъ этого знака вопроса. Пословица очевидно временъ Татарскаго ига. Шутка здѣсь заключается въ томъ, что одинъ съѣздилъ куда-нибудь далеко, а разсказываетъ, вмѣсто него, другой. Это все равно, какъ еслибъ теперь сказали: Иванъ ѣздилъ въ чужіе краи, а Марья разсказываетъ новости.

Вотъ наши замѣчанія. Мы сочли нужнымъ сдѣлать ихъ трудолюбивому автору. Это взаимная обязанность людей, для которыхъ занимательны вопросы науки (1).

Въ заключеніе скажемъ наше мнѣніе о сказкѣ: Иванъ царевичъ, со всѣми ея варіантами. Г. авторъ, кажется, справедливо во всѣхъ этихъ сказкахъ видитъ одну. Ошибка автора въ томъ, что онъ смѣшиваетъ пѣсню съ сказкой вообще, и потомъ сближаетъ пѣсни Сборника Кирши Данилова съ сказкою объ Иванѣ. — Нечего и думать сравнивать Ивана съ Ильею Муромцемъ, совершенно осо-

(1) Нельзя не замѣтить здѣсь странной ошибки, въ которую впадаютъ два извѣстные наши собиратели пѣсенъ, повѣрій и пр.: гг. Сахаровъ и Терещенко. Оба они, въ числѣ народныхъ игръ, говорятъ объ одной, которую называютъ: *безъ соли соль* (Сахарова, т. I, народныя игры стр. 74—75; Терещенко, часть IV, стр. 30). Описываютъ они ее довольно вѣрно и почти одинаково; тѣмъ непонятнѣе названіе, которое они придаютъ ей. Я самъ въ дѣтствѣ игрывалъ не разъ въ эту игру, а потому разскажу ее, какъ она играется. Двое садятся другъ противъ друга, какъ бы образуя заставу; остальные проходятъ промежъ ихъ; какъ скоро проходящіе говорятъ: *безъ соли*, ихъ не трогаютъ. Какъ скоро скажутъ они: *съ солью!* они должны бѣжать, что есть духу, ибо тутъ ихъ ловятъ сидящіе, не вставая однакожъ съ мѣсть. Это явно намекаетъ на таможенную пошлину съ соли. Восклицаніе же: *безъ соли соль!* очевидно не имѣетъ смысла.

сеннымъ, несравненнымъ, единственнымъ лицомъ, богатыремъ по преимуществу Русскимъ, выражающимъ собою Русскую землю, Русской народъ. Оставимъ же Илью Муромца въ сторонѣ; наша рѣчь теперь объ Иванѣ. Самое лице Ивана — лице, вполнѣ принадлежащее Русскому народу, вполнѣ Русское, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ представителемъ Русскаго народа: это только одинъ изъ Русскихъ образовъ. Иванъ—это не видный, не яркій человѣкъ, вовсе не глупый, но не имѣющій гордости и блеска ума, слывущій дурачкомъ и дѣлающій все лучше умныхъ. Въ этой сказкѣ есть насмѣшка, не надъ разумомъ, но надъ умомъ людскимъ, надъ тѣмъ, что считается умомъ между людьми, и вмѣстѣ надъ гордостью ума. Во всемъ разсказѣ умъ постоянно побѣжденъ смиренною простотою, находящею сочувствіе и въ сверхъестественныхъ силахъ и силахъ природы; простотѣ открывается таинственный міръ. Торжествующая простота производитъ зависть непримиримую въ тѣхъ, которые выдаютъ себя и слывутъ за умныхъ. Эта исторія повторяется и теперь нерѣдко въ жизни, и ничто не обидно такъ для гордости человѣческой, какъ побѣда скромнаго смиренія. Мысль сказки, объясненная нами, проводится во всѣхъ сказкахъ объ Иванѣ. Мысль вполнѣ Русская; но она выразилась сказкою, и по этому здѣсь вся обстановка сказочна: здѣсь и тридесятое царство, и сѣрый волкъ, и сивка-бурка, и золотые дворцы и пр.

Вотъ наше мнѣніе; въ какой степени вѣрно оно, рѣшитъ подробное изслѣдованіе сказокъ.

Что касается до того, что въ сказкѣ объ Еруслапѣ Лазаревичѣ называется Иванъ царевичъ Русскимъ богатыремъ, то это показываетъ только, что мѣсто дѣйствія этой сказки не въ Россіи. Въ чужихъ краяхъ Русскаго богатыря непремѣнно назовутъ Русскимъ. Такъ говоритъ и Илья Муромецъ, обращаясь къ иноземному королевичу: если бы ты попалъ на нашихъ Русскихъ богатырей.

Есть особый отдѣлъ сказокъ: это сказки домашнія, т. е., дѣтскія, о волкѣ, медвѣдѣ, лисѣ, пѣтухѣ и пр. Онѣ исполнены невыразимой красоты и также заслуживаютъ полнѣйшаго вниманія.

———

ЗАМѢТКА О ЗНАЧЕНІИ ИЛЬИ МУРОМЦА. (1)

—

Въ дѣтствѣ я не разъ слыхалъ разсказы объ Ильѣ Муромцѣ, и изъ того, что сохранила моя память, есть нѣкоторыя подробности и особенности, которыя, сколько мнѣ извѣстно, не находятся вовсе, или, по крайней мѣрѣ, не въ томъ видѣ, въ пѣсняхъ и сказкахъ, и которыя передать во всеобщее свѣдѣніе, кажется мнѣ будетъ не лишнимъ.

Разсказъ начинается, какъ обыкновенно, съ того, что Илья Муромецъ сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ.—Однажды, когда отецъ и вся семья его были на работѣ, приходятъ къ нему двое старцевъ и говорятъ: «Илья Муромецъ, принеси намъ напиться.» Илья отвѣчалъ, что онъ встать на ноги не можетъ, и вотъ тридцать лѣтъ сидитъ сиднемъ. «Встань и принеси», говорятъ ему старцы. —Илья Муромецъ всталъ и принесъ ведро воды старцамъ.— «Выпей самъ», говорятъ они ему.—Илья выпилъ.—«Что ты въ себѣ слышишь?» спрашиваютъ его.—Слышу большую силу, отвѣчаетъ Илья (2). «Поди принеси еще ведро,» говорятъ старцы. —Илья приноситъ.—«Выпей!»—Илья выпиваетъ.—«Что ты теперь слышишь въ себѣ»? спрашиваютъ старцы.—Если бъ ввернуть

---

(1) Напечатана въ 1-мъ Выпускѣ пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ, изд. Общества Любит. Русск. Словесности, 1860 г. *Пр. Изд.*

(2) Мнѣ помнится, онъ опредѣлилъ эту силу тѣмъ, что онъ могъ бы сдѣлать,— во чѣмъ, я навѣрное не помню; какъ будто тѣмъ, что онъ вырветъ дерево съ корнемъ.

кольцо въ землю, отвѣчаетъ Илья: то я бы всю землю перевернулъ (1).—«Это много, говорятъ старцы, поди принеси еще ведро.»—Илья принесъ.—«Выпей.»—Илья выпилъ, и силы въ немъ поубавилось (2).—«Довольно тебѣ этой силы», сказали старцы и ушли.—Илья всталъ и пошелъ къ своимъ на работу. Какъ только увидали его, такъ закричали, въ изумленіи: «смотрите-ка: Илья идетъ (3)!»—

Когда Илья, взявъ благословеніе у отца и матери, пустился въ путь, по направленію къ Кіеву, то, слѣдуя берегомъ Оки, встрѣтилъ онъ въ узкомъ мѣстѣ богатыря (помнится, Зюзю, по имени), который одинъ тащилъ разшиву. «Съ дороги!» кричалъ богатырь. Обидно показалось Ильѣ; онъ не далъ дороги, схватилъ богатыря въ руки и кинулъ вверхъ, и потомъ опять подхватилъ его на руки и поставилъ на землю. Богатырь пока летѣлъ вверхъ и падалъ внизъ, успѣлъ сказать сто разъ: «виноватъ, Илья Муромецъ, впередъ не буду.» Здѣсь нельзя не замѣтить пріема Ильи, къ которому онъ не разъ прибѣгаетъ въ схваткахъ богатырскихъ: пріемъ этотъ—схватить на руки и кинуть вверхъ, а потомъ подхватить и безвредно опустить на землю. Илья бьетъ не охотно, только въ крайнихъ случаяхъ; а гдѣ нѣтъ этой непріятной для него необходимости, онъ только показываетъ, безвредно, свою богатырскую силу, чтобы заставить уступить себѣ, чтобъ заставить смириться своего врага: такъ мечетъ онъ вверхъ своихъ противниковъ; такъ, когда нападаетъ на него толпа разбойниковъ онъ стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ, который разлетается въ дребезги,—и разбойники падаютъ на землю.

Я слышалъ еще слѣдующій разсказъ. Илья Муромецъ послѣ многихъ, совершенныхъ имъ, богатырскихъ подвиговъ, не найдя себѣ равнаго силою, заслышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей

(1) Помнится и такой отвѣтъ: „если бъ утвердить столбъ отъ земли до неба, то я бы этотъ столбъ повернулъ.“

(2) Не помню, на сколько: въ половину ли, или до той силы, какая послышалась послѣ перваго ведра.

(3) Я не помню ясно, на какой работѣ была семья Ильи; но помню, что онъ принялъ въ этой работѣ участіе и изумилъ необычайною силою. Чуть ли это не была рубка лѣса, и Илья, принявшись помогать, сталъ съ корнемъ рвать деревья.

землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать, гору, и лежитъ на ней.—Ильѣ Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать этого богатыря и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпился за сучекъ,» говоритъ богатырь. — Илья, напрягши всю свою силу, повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидѣлъ Илью Муромца и сказалъ ему: «А, это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ, нашелъ себѣ гору и лежу на ней.»—

Образъ этого громаднаго богатыря, котораго обременила, одолѣла собственная сила, такъ что онъ сталъ неподвиженъ,—весьма замѣчателенъ. Очевидно, что онъ *выходитъ вонъ разряда богатырей*, къ которымъ принадлежитъ Илья Муромецъ. Это *богатырь-стихія*. Нельзя не замѣтить въ нашихъ пѣсняхъ слѣдовъ предшествующей эпохи, эпохи титанической или космогонической, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи. Вочеловѣченіе этихъ силъ имѣетъ свои степени; не всѣ богатыри этой первозданной эпохи одинаково носятъ на себѣ стихійный характеръ; но одинъ болѣе, другой менѣе, одинъ дальше, другой ближе къ людямъ. Къ такимъ богатырямъ принадлежатъ, кажется, тѣ, которыхъ вдругъ одного за другимъ, по именамъ только и при случаѣ, изчисляетъ пѣсня Владиміровой эпохи, которые, Богъ знаетъ откуда, появляются толпою и о которыхъ въ ней ничего не повѣствуется. Таковы Полканъ, Святогоръ, и др.; съ теченіемъ времени, при повтореніи пѣсенномъ, значеніе ихъ могло забыться и образъ утратить свой отпечатокъ. — Не ихъ ли должно разумѣть подъ «старшими богатырями» (см. первую пѣсню заключительнаго VI-го разряда), которые, неизвѣстно откуда, какъ бы съ облаковъ, смотрятъ на Илью, и взоръ которыхъ сопровождаетъ его во всю его поѣздку. Недавно найденная однимъ просвѣщеннымъ любителемъ старины, превосходная древняя пѣсня о Святогорѣ говоритъ въ пользу нашего мнѣнія. Пѣсня разсказываетъ именно, какъ Святогоръ хотѣлъ найти вѣсъ или тяготу земли,—т. е. такую тяжесть, которая бы равнялась тяжести земли,—хотѣлъ найти и поднять эту тяжесть: дѣло чисто тита-

ническое. — Такая же, выступившая за обыкновенные предѣлы, титаническая міровая сила обняла Илью, когда онъ, послѣ втораго ведра, сказалъ: «поверчу всю землю.» Но старцы умѣрили эту силу и возвратили ее въ предѣлы силы человѣческой.—Илья Муромецъ не принадлежитъ къ титанической, но къ богатырской эпохѣ; онъ есть величайшая, первая *человѣческая* сила.

О КРЕСТЬЯНСТВѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

О СОСТОЯНІИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ (1).

НАРОДНАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА. ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ ЗЕМЛѢ. ОТНОШЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ КЪ ПОМѢЩИКАМЪ.

Личнаго права на землю не было.
Участіе общины во всѣхъ дѣлахъ.
Земля принадлежала или была во владѣніи всей семьи.

Отчина значила лишь право, или даже отношеніе, переходящее отъ отца, а вовсе не собственность, тѣмъ менѣе поземельную. Новгородъ называется отчиной въ періодъ своей независимости. Мстиславъ Мстиславичь называетъ Новгородъ своею отчиною, ибо тамъ былъ его отецъ; это была золотая пора Новгородской независимости (Полн. Собр. Р. лѣт. т. III, стр. 31).

Значеніе вотчинниковъ не было значеніе собственниковъ; потомственность вотчинъ и свобода распоряженія ими не должны

---

(1) Черновая рукопись, писанная, кажется, въ періодъ времени отъ 1852 до 1856 года, въ разные сроки. Мы предпосылаемъ ей найденныя нами на особомъ листѣ замѣтки автора, заключающія въ себѣ планъ или конспектъ предположеннаго имъ изслѣдованія.—Авторъ намѣревался пересмотрѣть всѣ акты и грамоты, касающіяся отношеній поземельной собственности и владѣнія въ древней Руси; кромѣ предлагаемой рукописи, есть еще особая выписка изъ актовъ, которая помѣщена вслѣдъ за настоящей статьею. Хотя взглядъ автора открывается довольно опредѣленно изъ замѣтокъ, при каждой отдѣльной выпискѣ, изъ вступленія къ статьѣ, изъ конспекта ея, тѣмъ не менѣе однако нельзя не пожалѣть о томъ, что весь этотъ матеріалъ остался безъ окончательной обработки. Впрочемъ одна изъ сторонъ задачи, именно вопросъ о переходѣ крестьянскомъ послѣ укрѣпленія и о значеніи самого укрѣпленія, разсмотрѣнъ авторомъ довольно полно и подробно въ статьѣ о Бѣлевской Виліовикѣ (см. ниже).

Мы полагаемъ, что людямъ, занимающимся историческими изслѣдованіями, будетъ интересно прочесть самыя выписки автора, какъ потому, что онѣ сопровождаются замѣтками, объясняющими его воззрѣніе, такъ и потому, что сводъ историческихъ данныхъ о такомъ важномъ вопросѣ нашей древней общественной жизни уже самъ по себѣ не безполезенъ въ нашей исторической литературѣ. Нѣкоторыя слова, не разобранныя нами или пропущенныя авторомъ, во всякомъ случаѣ вставленныя нами по догадкѣ, напечатаны прописными буквами и въ скобкахъ. *Пр. изд.*

насъ смущать: это была потомственная передача своего отношенія къ землѣ, своего права пользованія землею,—и полное имъ распоряженіе. Права вотчинника ограничивались правами общины на землю, которую прогнать съ земли онъ не могъ. Пустопорожняя вотчина представляла возможность населенія, и была не въ собственности, а во владѣніи.

Землевладѣніе было общее. Если отчинство не было общимъ явленіемъ, то оно только имѣло свою особенность, отличавшую ее отъ другихъ видовъ землевладѣнія, не болѣе. Отчина есть право отца. Отсутствіе личной поземельной собственности, и значеніе при томъ служилыхъ.

Что такое было личное какъ бы владѣніе крестьянина?

Вотчинникъ имѣлъ государственное значеніе и потому не былъ *господиномъ*, бариномъ. Онъ былъ похожъ на тѣхъ мужей, которымъ, въ первой древности, раздавали города въ управленіе, даже на князей удѣльныхъ. Не надобно забывать самостоятельность ввѣренной вотчиннику общины.

Вотчинникъ не былъ *господиномъ*, имѣлъ значеніе государственное: это была воля князя удѣлить ему часть своей власти надъ частію своей земли, которая не принадлежала опять ему, но въ которой онъ былъ государемъ. Есть выраженіе: *съ судомъ и съ данью*. Очевидно, что вотчинникъ судилъ крестьянъ и людей своихъ не своимъ произвольнымъ, но установленнымъ государственнымъ судомъ и бралъ за судъ опредѣленныя пошлины, въ чемъ состояла выгода вотчинника. Это въ особенности видно при судѣ смѣсномъ съ людьми не вотчинными. Сверхъ того всѣ вотчинники постоянно носятъ титулъ *государя*.

Послѣ укрѣпленія крестьянъ (крѣпостное состояніе до Петра вовсе не было такимъ, каково оно нынѣ), крестьяне не утратили ни правъ своихъ, ни устройства. Они лишь не переходили съ земли на землю, и сейчасъ поняли населенную и обработываемую ими постоянно землю, какъ свою собственность, какъ собственность общины; убѣжденіе (справедливое), твердо существующее и доселѣ у нашихъ крѣпостныхъ и не крѣпостныхъ крестьянъ.—Устройство крѣпостныхъ крестьянъ (до Петра) было вполнѣ общинное, такое же, какъ и не крѣпостныхъ. Какъ у вторыхъ относительно государевыхъ чиновниковъ, волостелей, такъ у другихъ *(первыхъ)* относительно помѣщиковъ—*(были)* свои выбор-

ные цѣловальники, такіе и губные и пр. Кажется, что община крѣпостныхъ крестьянъ не ограничивалась предѣлами помѣщичьяго владѣнія, но была шире и состояла изъ многихъ деревень, принадлежащихъ разнымъ помѣщикамъ или не помѣщикамъ.

Замѣчательно, что право законнаго перехода встрѣчается почти до самаго Петра.

Видно, что грамотность, при общинномъ устройствѣ и необходимости участвовать въ общихъ дѣлахъ и прикладывать руки и проч.,— была распространена.

Въ доказательство государственнаго значенія помѣщиковъ можетъ служить то, что они имѣли своихъ тіуновъ даже до *позднѣйшихъ* временъ. (Судъ, вѣроятно, совершался по Судебнику, ибо судъ былъ государственный, по законамъ; истцы могли и всегда *(жаловаться на неправду)* судьи или помѣщика, какъ частнаго человѣка.)

Что касается до совокуннаго владѣнія, то имена дѣтей въ грамотахъ не должны показывать только потомственнаго владѣнія, значитъ, что дѣти не имѣютъ права вмѣшиваться, а внучата могутъ. Въ такомъ случаѣ и ихъ бы должно было упомянуть. Да если бы имѣніе принадлежало лично самому владѣльцу, то не было бы нужды и упоминать дѣтей; но на имѣніе вся семья имѣла права. Понятно теперь, что при отцѣ упоминаются дѣти и не упоминаются внучата и дальнѣйшіе потомки, ибо дѣло идетъ о имѣющихся на лицо членахъ семьи, которые слѣдовательно имѣютъ голосъ, а вовсе не о потомственномъ владѣніи, не о лицахъ, имѣющихъ еще явиться, которыя голоса слѣдовательно имѣть не могутъ. Продажа и прочіе акты дѣлаются обязательно равно для всего потомства: примѣровъ такихъ продажъ и прочихъ актовъ много. Любопытно посмотрѣть продажу имущества другаго рода—движимаго. Продажа и прочіе акты имѣній дѣлались такимъ образомъ (съ согласія семьи) безусловно для всего потомства, или обозначались (также и для потомковъ имѣющія силу) условія.

Видно, что устройство монастырскихъ деревень было совершенно государственное. Вѣроятно такое же было и помѣщичье. И такъ, *личнаго господства* не было. Государевы крестьяне могли распоряжаться своею землею, кажется также и монастырскіе; вѣроятно и помѣщичьи; конечно, и другія сословія.

Общинное начало было и въ монастырѣ; любопытно отношеніе посада къ монастырю.

Ввозныя грамоты имѣютъ сходство и близость съ помѣщичьими или вотчинными; а между тѣмъ это не помѣщики: это показываетъ, что право помѣщиковъ и государственныхъ намѣстниковъ было одно и то же, или близко. Теперь понятно кормленіе; помѣщичье право было то же самое; это съ своей стороны показываетъ, что здѣсь былъ одинъ характеръ, именно характеръ государственный.

Видно изъ актовъ, что вотчинникъ могъ деревни свои отдавать также въ вотчины, ему подчиненныя; однимъ словомъ, повторять у себя государственное устройство, ибо это было одно и то же.

Видно изъ актовъ, что крѣпостной крестьянинъ могъ быть поручникомъ, что показываетъ самостоятельное его значеніе.

Видно изъ актовъ, что крѣпостной крестьянинъ могъ вступать во всѣ законныя обязательства.

Видно изъ актовъ, что крѣпостныя деревни имѣли всѣ права свободныхъ, и вмѣстѣ съ государевыми и монастырскими деревнями составляли одну общину, которая выбирала себѣ всей —общаго голову.

Въ статьѣ надо разсмотрѣть: 1) отношеніе крестьянъ къ владѣльцамъ, 2) отношеніе крестьянъ къ государству, 3) отношеніе крестьянъ другъ къ другу внутри и внѣ вотчины, 4) отношеніе крестьянъ къ землѣ и вообще владѣнію и собственности.

О СОСТОЯНІИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Отъ просвѣщенныхъ противниковъ древней Руси часто слышишь подобныя на нее обвиненія: «укрѣпленіе крестьянъ есть дѣло древней Руси. Безчеловѣчное крѣпостное право ею установлено и перешло оттуда и въ наши времена.»

Подобныя обвиненія, впрочемъ ничѣмъ недоказанныя, на древнюю жизнь нашу, не новость. Въ настоящемъ случаѣ обвиненіе очень тяжко, но справедливо ли оно?

Кто говоритъ, милостивые государи, крѣпостное право наше—дѣло возмутительное. Но виновата ли въ этомъ древняя Русь?

Мы хорошо знаемъ, каково наше современное крѣпостное право; но существовало ли оно въ древней Руси?—Не должно забывать, что мы смотримъ сквозь призму настоящаго и можемъ какъ разъ ошибиться. Ничто такъ не сбиваетъ, какъ сходство словъ, буквенное сходство. Такое или другое слово можетъ быть получило уже совсѣмъ иное значеніе въ наше время, а мы, встрѣчая его въ древнихъ актахъ, придаемъ ему намъ теперь понятное значеніе,—и ошибаемся. Кто знаетъ, быть можетъ и по вопросу о крѣпостномъ состояніи съ нами случается то же самое. Быть можетъ и теперь призма современнаго дѣла и смыслъ современнаго слова вводятъ насъ въ ошибку.

Не лучше ли, воздержавшись отъ обвиненій, обратиться къ самой древней Руси и вникнуть въ самое дѣло, на основаніи древнихъ свидѣтельствъ, которыя издаются въ такомъ количествѣ? Изысканія здѣсь необходимы, ибо нигдѣ не описано устройство это подробно въ какой-нибудь особой статьѣ; это было и не нужно для того времени, ибо устройство было всѣмъ извѣстно. Предки наши не думали, что потомки такъ разорвутъ связь жизни съ своимъ прошедшимъ, съ своею родною землею, такъ потеряютъ память, что вся древняя жизнь, жизнь истинно Русская, будетъ для нихъ темнымъ лѣсомъ. Между тѣмъ это случилось. Переворотъ Петра отшибъ у насъ память, по теперь, когда Русское чувство въ насъ пробудилось, намъ, *отдѣльнымъ личностямъ*, стоитъ великихъ трудовъ понимать Русскую жизнь и все ея устройство, созданное *народомъ*. — Когда берешься за грамоты, когда видишь передъ собою эту, совершенно самостоятельную, самобытную жизнь, это многостороннее, такъ выработавшееся устройство, — испытываешь постоянно одно чувство: видишь, что все это опредѣленно, свѣтло и ясно, какъ день, для тогдашнихъ современниковъ (гораздо болѣе, чѣмъ наше устройство для насъ), и въ то же время темно, какъ ночь, для насъ, ихъ потомковъ. — По этому необходимы внимательныя изысканія. Понять Русскую жизнь — вотъ главный, вотъ пока единственный подвигъ современныхъ Русскихъ, тѣхъ, которые подчинились Петровскому перевороту. — Современный бытъ крестьянъ есть важное пособіе къ пониманію Русской жизни. Крестьянинъ, простой народъ, сберегъ въ себѣ Русскую жизнь, заключенную въ его кругѣ и лишенную теперь общаго Всероссійскаго объема.

Крестьянинъ не помнитъ, можетъ быть, историческихъ событій Руси; но онъ помнитъ духъ Русской жизни, ибо обладаетъ имъ и доселѣ, сохранивши его въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, отъ временъ до-Рюриковскихъ.

Обвиняютъ Русь въ укрѣпленіи крестьянъ, какъ въ какомъ-то общественномъ дѣлѣ, какъ въ цѣломъ воззрѣніи общественномъ. Но забываютъ, что прежде всего укрѣплены были не всѣ крестьяне, а только безземельные, переходные, что множество крестьянъ жили цѣлыми волостями и принимали къ себѣ переходныхъ крестьянъ, какъ и помѣщики. Послѣ укрѣпленія, крестьяне переходные остались гдѣ кто жилъ. Въ какое же положеніе стали волости и посады, въ которыхъ были переходные крестьяне? Чтобъ были крѣпостные крестьяне у посадовъ и волостей, того не оказалось. Вѣдь не называемъ же мы государственныхъ крестьянъ, не имѣющихъ права перехода, крѣпостными, а между тѣмъ укрѣпленіе коснулось крестьянъ государственныхъ совершенно *равно*, какъ и помѣщичьихъ.

Послѣ этого маленькаго предисловія, приступаемъ къ изслѣдованіямъ о томъ, каково было состояніе крестьянъ въ древней Руси до самаго Петра.

Во времена до-Рюриковскія видимъ мы народное устройство; объ этомъ я уже напечаталъ изслѣдованіе: народъ призвалъ добровольно князей и сохранилъ свое народное устройство; его голосъ былъ слышанъ постоянно и громко не только въ Новгородѣ, о которомъ никто не сомнѣвается, но и на всемъ пространствѣ Русской земли; вѣче собиралось и имѣло великое значеніе. Доказательства тому приведены въ той же статьѣ. Подъ словомъ *людье* въ лѣтописи разумѣется народъ, безъ различія состояній, и эти *людье*, этотъ *народъ* дѣйствуетъ и подаетъ голосъ. Очевидно, что здѣсь предположить какую-нибудь зависимость отъ высшихъ классовъ, предположить какую-нибудь аристократію невозможно: и князь и мужи княжіе, бояре, бьютъ челомъ народу. Для устройства и порядка были начальники и вожди, но они не владѣли народомъ и стояли подъ его верховною властію,—какъ и теперь во многихъ оброчныхъ деревняхъ старосты, сотскіе и прочіе, которымъ *каждый* въ міру совершенно послушенъ, но *весь* міръ ихъ выше и можетъ смѣнять и наказывать. Со времени призванія Варяжскихъ князей, видимъ мы съ одной стороны

князя и его дружину, его мужей, съ другой—народъ, сохранявшій, какъ сказали мы, свое значеніе. Князь былъ призванъ народомъ, какъ военачальникъ и какъ судья, за что и получалъ извѣстное вознагражденіе. Народъ чтилъ призваннаго князя, ибо призвалъ его добровольно и уважалъ самъ свою добрую волю; народъ изгонялъ его, когда онъ почему нибудь не нравился, но ни одинъ свой князь не былъ убитъ народомъ.

Призванный князь, имѣя подъ властію своею цѣлую область, отдавалъ разные города мужамъ своимъ, которые въ городахъ этихъ представляли лице князя и пользовались его значеніемъ, значеніемъ государевымъ, какъ его подручники.—Было бы смѣшно думать, что князья раздавали города въ собственность, когда и сами они не могли сказать этого про подвластную имъ область; очевидно, что мужъ княжій представлялъ лице князя, и положеніе народа ввѣреннаго ему округа нисколько не измѣнялось: и потому народу было все равно. Это раздаваніе городовъ было распорядкомъ чисто княжимъ съ его дружиною, промежъ себя. Государь поступался своею властію или частію власти и выгодами этой власти, т. е., судомъ и данью, своему мужу, который и становился къ народу въ тѣ же государственныя отношенія; поступался князь своему мужу или въ благодарность за его прежнія услуги, или вмѣсто жалованья за службу, или же для удобнѣйшаго управленія областью.—Семенъ или Петръ въ воеводахъ, народу было все равно, какъ скоро воевода не владѣлъ ими, а имѣлъ извѣстный предѣлъ своей власти, не могъ поступать какъ собственникъ, стоялъ къ народу въ отношеніяхъ государственныхъ, имѣлъ однимъ словомъ значеніе *Государя*. Онъ не могъ произвольно стѣснять народъ, который стоялъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ власти государственной; нарушать эти отношенія, которыя признавалъ и самъ князь, онъ не могъ.—Чего же больше? Народу было нужно, чтобъ его народное устройство сохранялось; къ остальному онъ былъ совершенно равнодушенъ. Отсюда же объясняется и это равнодушіе къ перемѣнѣ князей, изгонявшихъ другъ друга, равнодушіе къ ихъ родовымъ счетамъ, къ ихъ тревожной ревности и междоусобіямъ. Народъ вмѣшивался въ дѣло, или когда любилъ почему-нибудь лично князя, или когда онъ ему не нравился, или когда онъ оскорблялъ его народную волю, или когда онъ *(народъ)* не хотѣлъ терпѣть отъ междоусоб-

ныхъ войнъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ говоритъ и любимому князю: ступай, мы не хотимъ изъ-за тебя терпѣть; потомъ, если будетъ для тебя благопріятное время, приходи опять. Вмѣсто князя бывалъ въ городахъ часто и бояринъ, и даже князь Половецкій. Вотъ примѣры изъ лѣтописи (1).

И такъ, независимость народная нисколько не нарушалась, собственности не было, государственныя отношенія не перемѣнялись, и по этому дѣло не измѣнялось.

Никто, вѣроятно, не будетъ съ нами спорить, что въ древней Руси, въ эпоху междоусобій, таково было устройство, и что княжіе люди были княжіе памѣстники (2). Переходимъ ко временамъ позднѣйшимъ.

Между этимъ состояніемъ властвованія надъ народомъ, о которомъ мы говорили, на основаніи нашихъ лѣтописей, и тѣмъ, которое открывается намъ съ XIII вѣка, когда уже мы имѣемъ подлинныя грамоты, указывающія съ большею подробностью и опредѣленностью на отношенія власти къ народу, есть пробѣлъ, который восполняется самъ собою.—Изъ Новгородскихъ грамотъ именно XIII вѣка, видно, что села могутъ быть *держаны* боярами и другими княжими людьми. *Держать землю, городъ* — есть выраженіе чисто государственное, оттуда: *державецъ* и наконецъ: *самодержецъ*, *держава*. — И такъ, обстоятельство, что *бояре держали села*, въ лѣтописяхъ не встрѣчается; это какъ-будто пробѣлъ, но, какъ мы сказали, онъ восполняется самъ собою. Очень естественно, что точно также, какъ относительно волостей и городовъ, такъ относительно селъ и деревень, Государь поступался, когда имѣлъ на то какія-нибудь побудительныя причины, частію своей власти и своихъ доходовъ, своему боярину или во-

(1) Примѣры не приведены: впрочемъ они извѣстны изъ прежнихъ статей автора. *Пр. изд.*

(2) Съ боку, рукою автора, приписано слѣдующее: „Воевода, мужъ княжій, не былъ собственно чиновникомъ, не былъ и собственникомъ; онъ былъ подручникомъ своего князя, котораго князь могъ смѣнить когда ему угодно; онъ не былъ владѣтелемъ. Владѣтелемъ онъ не могъ быть, ибо и самъ князь не былъ владѣтелемъ, и народъ отказывалъ въ послушаніи даже и князю, когда имѣлъ на то свои причины. (Мужи княжіе имѣли и дружины свои, но только дружины, а не народную силу; разница съ феодализмомъ очевидна уже потому, что народъ иначе относился какъ къ Государю, такъ и къ его мужамъ, и потому, что не было феодальной независимости людей), (князья подъ Ольгомъ суще). (Были мужи и воеводы и при князѣ).“—

обще слугѣ своему, при чемъ общія отношенія народа къ государственной власти нисколько не измѣнялись.—Слово *держать* прямо указываетъ на государственныя отношенія.—Но кромѣ этого, можно было село *купить* и *принять въ подарокъ*.—Это впрочемъ нисколько не измѣняетъ дѣла. Точно такъ же, какъ государственная власть уступала мужу часть своего права, такъ и мужъ могъ передать его другому даромъ или за деньги; это было ужъ дѣло того, кто имѣлъ у себя село или деревню; во всякомъ случаѣ онъ не дарилъ и не продавалъ и власти не передавалъ болѣе того, что самъ получилъ, т. е. свои государственныя отношенія, узаконенную ихъ выгоду, пошлины, ловли и пр.—Дальнѣйшія изслѣдованія должны подтвердить это — (1).

Въ доказательство словъ нашихъ разберемъ подробнѣе Новогородскія грамоты.—Въ *Новогородской договорной грамотѣ съ княземъ Ярославомъ*, 1265 г. (Собр. Госуд. Гр. и Дог. т. I, № 1), да и

(1) Съ боку рукою автора приписано, какъ замѣтка для себя, которую онъ, вѣроятно, хотѣлъ потомъ внести въ текстъ статьи, слѣдующее:

„Въ Уставѣ Св. В. Кн. Владиміра (1) упоминаются „города, погосты и свободы;" села—у Нестора. Здѣсь является поступка княжей власти съ согласія жены и дѣтей. Кромѣ того поступка десятины—въ пользу церкви.

„Уставъ Смоленскаго князя Ростиславa (1150) (2): въ немъ уже упоминается о селахъ, данныхъ церквамъ, т. е. о всѣхъ тѣхъ выгодахъ, которыя князь имѣлъ отъ этихъ селъ, и имѣетъ и о тѣхъ трудахъ, за которые онъ имѣлъ выгоды, но положеніе народа не измѣнилось. Иначе, въ ту эпоху особенно, и допустить нельзя. Замѣчательно, что въ этой грамотѣ упоминается также о данихъ, какія, кромѣ князя, получались съ селъ: „что ся наречетъ области Смоленское, или мала или велика дань, любо княжа, любо княгинина или *чія си хота*," чья бы то ни была: предполагается что въ княженіи могли быть и постороннія дани, т. е. тѣ, которыя платились мужамъ княжимъ, получавшимъ себѣ земли, волости или села въ управленіе и замѣнявшихъ лице князя.—Князь получалъ, конечно, дань и отъ этихъ вѣренныхъ селъ, но частью ихъ онъ поступался мужамъ своимъ, которымъ пручалъ городъ, волость, свободу или село.

„Изгои, вѣроятно, были первоначально переходные люди, бродяги (тамъ же: „Село Дросенское, со изгои и съ землею").

„Вкладная грамота преподобнаго Варлаама Хутынскому монастырю, 1192—1207 г. (3), прямо говоритъ о данныхъ селахъ, которыя, конечно, въ міру ему принадлежали и которыми онъ отъ себя поступился монастырю, при чемъ опять отношенія селъ нисколько не измѣнялись: передавались выгоды и имѣетъ съ тѣмъ судъ законный.

(1) Дополн. къ акт. Истор. т. I, № 1.
(2) Дополн. къ акт. Истор. т. I, № 4.
(3) Дополн. къ акт. Истор. т. I, № 5.

въ позднѣйшихъ грамотахъ, первое требованіе, *чтобы князь волости Новогородскія держалъ Новогородскими мужами, а не своими, а даръ бы отъ тѣхъ волостей шелъ князю.* Въ этомъ требованіи высказывается желаніе, чтобы всѣ государственные представители князя (князь мужами держитъ волости) были Новогородцы. Всякое тѣснѣйшее сближеніе съ властію князя, постоянно призываемаго, хотятъ устранять Новогородцы; на основаніи же этого говорятъ они въ грамотахъ, чтобъ ни княгиня, ни бояре, ни дворяне князя, не держали, не покупали и даромъ не принимали селъ; слѣдовательно, въ Новѣгородѣ было у кого купить и принять въ даръ села. Мы должны предположить лица, которыя держали села въ Новгородской области, которымъ самъ Государь Новогородъ, какъ Государь, роздалъ ихъ; и точно изъ выраженія Новогородской же грамоты видимъ мы, что это было: «*А кому раздаялъ волости братъ твой Александръ или Дмитрій съ Новогородци, тобе тѣхъ волостий безъ вины не лишати.*» И такъ, волости могли раздаваться; такимъ же образомъ могъ раздавать Новгородъ и село. Призываемый князь былъ ограничиваемъ въ этомъ дѣйствіи: «*А безъ посадника тобѣ волостий не раздавати.*» Въ слѣдующей грамотѣ (тамъ же, № 2, 1265 г.) прямо говорится: «*А Городецъ, княже, далъ Дмитрій съ Новгородци Ивanку, а того ти, княже, не отъняти.*» Здѣсь есть еще ограниченіе: чтобъ князь не ставилъ, не учреждалъ свободъ (слободъ, объ этомъ надо сказать особо) *по Новогородской волости.* Здѣсь замѣтимъ кстати, что волость значитъ *власть*, право суда и т. д., и въ то же время значитъ землю, находящуюся подъ такою властію: что говоритъ въ нашу пользу, а именно въ томъ, что здѣсь не разумѣется просто такой-то округъ, а округъ съ управленіемъ своимъ. Вслѣдствіе этого обоюднаго значенія (которое соблюдается, кажется, когда говорится о раздаваніи волостей), слово волость иногда употребляется то въ одномъ, то въ другомъ, по крайней мѣрѣ преимущественно, значеніи. Такъ, когда князь хотѣлъ лишить Твердислава посадничества, Новогородцы напомнили ему условіе: безъ вины мужа волости не лишати. Изъ послѣдующихъ грамотъ дѣло становится еще яснѣе.

Изъ послѣдующихъ грамотъ очевидно, что князь, и не только князь, покупалъ села въ Новгородѣ; слѣдовательно были тѣ, которые могли продать. Новгородъ въ своихъ договорныхъ грамо-

тахъ, слѣдовавшихъ большею частію за раздорами и войнами съ княземъ, разбирается съ княземъ и возвращаетъ всѣ села и земли Новогородскія къ Новугороду, которыя зашли за князя, княгиню, ихъ бояръ и слугъ, а также и Владыку; надо вспомнить, что эти отношенія князя сопровождались часто *(искомъ?)*: «*которое село зашло бесъ куны, то бесъ куны поидетъ къ Повугороду; а кто купилъ, а тыи знаетъ своего истьца, или дѣти его: истьца или не будеть, ни дѣтий его,- цѣловати ему хрестъ; како истьча не сыщаетъ, взяти ему куны, колико будеть далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду.*» (Тамъ же, № 7, 1305 г.) Изъ этого возвращенія заплаченной суммы, изъ возможности иска, видно было, что и тогда купля и продажа селъ существовали и признавалась; но, какъ сказали мы, это ни мало не доказываетъ, чтобы села составляли собственность. Продавалось не село, но мое отношеніе къ селу, состоявшее въ извѣстныхъ пошлинахъ и выгодахъ, мною получаемыхъ, соединенныхъ, и иногда не соединенныхъ (какъ надѣемся увидѣть ниже) съ судомъ. Дальнѣйшія грамоты должны это показать яснѣе. Останавливаемся пока на томъ, что въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ самомъ Новгородѣ уже были владѣтели городовъ (Городецъ), слободъ (*«что свободъ Дмитриевыхъ и Андрѣевыхъ и что сельцо тягнуло къ тымъ свободамъ»*, — Собр. Г. Гр. и Док. т. I, № 6, 1305 г.) и также селъ; владѣтели эти имѣли государственное значеніе, впервые высказавшееся въ княжихъ мужахъ еще при Рюрикѣ. Новгородъ также раздавалъ города, волости и села. Вотъ выраженіе, которое прямо указываетъ на это, и показываетъ, если угодно, помѣстное право; впрочемъ это зависѣло отъ Государя, ибо ужъ это его было дѣло поступаться частью своей власти и доходовъ: народу же было все равно, какъ скоро государственныя отношенія не измѣнялись, а они не измѣнялись: «*А что сель и свободъ Дмитриевыхъ, то дали есме быль Андрѣю, до живота Андрѣева, въ хрестьное цѣлованіе, а потомь Новугороду то все* (тамъ же, № 10 и 11, 1307 г.).»—Въ слѣдующей грамотѣ указывается на два лица, которымъ розданы были волости: князь великій Андрей и весь Новгородъ дали Ѳедору Михайловичу городъ стольный Псковъ (какъ видно съ согласія Пскова), *и онъ едъ хлѣбъ...* А Борися Константиновича *кормилъ* Новгородъ Корѣлою.—Здѣсь употреблено даже выраженіе, кото-

рое встрѣчается часто въ позднѣйшія времена и которое выражаетъ, какъ первоначальное отношеніе княжихъ мужей, такъ и послѣдующее отношеніе воеводъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ. Мы знаемъ, что это кормленіе было не что иное, какъ предоставленіе лицу *положенныхъ* доходовъ съ города или съ села, которые уступалъ этому лицу Государь. Впрочемъ, объ этомъ надѣемся поговорить яснѣе ниже. — Про обоихъ, и Ѳедора Михайловича и Бориса Константиновича, говорится, что имъ *даютъ деньги за ихъ села*. И такъ, они въ это время купили и села, которыя однако, при возникшемъ неудовольствіи Новгорода, возвращаются Новгороду: купленныя выкупаются, а не купленныя отбираются такъ.

Съ нѣкоторыми измѣненіями, тѣ же условія повторяются и въ послѣдующихъ Новогородскихъ грамотахъ. Изъ нихъ мы видимъ:

1) Новгородъ раздавалъ города, волости и села, раздавалъ ихъ на всю жизнь; могъ также и брать ихъ назадъ, въ случаѣ своего неудовольствія. Раздаваніе это было такое же, какъ и мужамъ княжимъ. Оно было государственное; примѣръ тому Псковъ и Корѣла; то же простиралось и на села, которыя давались пожизненно, какъ видно изъ примѣра селъ и свободъ Дмитріевыхъ, отданныхъ Андрею пожизненно, въ крестное цѣлованье.

2) Села и земли и свободы продавались и покупались; стало быть были люди, имѣющіе на то право, владѣвшіе землями. Взявъ въ разсчетъ свободное состояніе Новогородскаго народа, а также предъидущія указанія, мы можемъ предположить, что отношенія селъ къ владѣльцамъ были такія же, т. е. государственныя отношенія, на которыя указываютъ выраженія о Борисѣ Константиновичѣ и Ѳедорѣ Михайловичѣ ко Пскову и Корѣлѣ, т. е.: *пять хлѣбъ*, *кормиться*. Если Новгородъ или вообще *(князь)*, могъ отдавать по жизнь земли и села и волости, то онъ могъ дать ихъ въ наслѣдство, при чемъ отношенія владѣльцевъ становились также наслѣдственны, какъ и самихъ Государей. — Это было бы важно, если бъ села и пр. отдавались въ собственность, въ личный произволъ; но если отношенія государственныя, отношенія извѣстныя, опредѣленныя, не измѣнялись (а это было такъ, что надѣемся увидѣть ниже), то пожизненное или наслѣдственное владѣніе, положенія *(подчиненныхъ)* нисколько неизмѣняло. Оно было важно для лица владѣльца, ибо давало ему доходъ, кото-

рый уступалъ ему Государь изъ своего дохода, жалуя, или по другой причинѣ; эти-то финансовыя отношенія, проистекающія изъ его государственнаго значенія, владѣльца къ городу, волости, селу, слободѣ, и составляли его главныя отношенія (1).

Обращаемся къ другимъ грамотамъ.

Въ началѣ XIV вѣка видимъ мы духовныя и договорныя грамоты Московскихъ князей (Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I). Въ этихъ грамотахъ также упоминаются города, волости и села княжія; какъ въ Новогородскихъ, встрѣчается и здѣсь требованіе, чтобы въ удѣлахъ другъ друга селъ не покупать, «ни боярамъ» (стр. 44). Видно, что главное—доходъ. Говорится о купленныхъ селахъ, о селахъ бояръ. Упоминается вотчина и кормленье. Бояре могутъ переѣзжать отъ князя къ князю; въ села ихъ не вступается тотъ князь, отъ котораго они отъѣхали.

Въ началѣ же XIV вѣка мы имѣемъ *жалованную грамоту* (1338—1340 г.) *Юрьевскому монастырю* (2); въ ней замѣчательно выраженіе: *«кто сядетъ на земли святого Юрья»*; и такъ, здѣсь указывается и возможность придти и поселиться на землѣ (это еще не значитъ, чтобы приходящіе были безземельные). Крестьяне (здѣсь *люди*) освобождаются отъ суда волостелей (кромѣ татьбы, разбоя и душегубства), и судъ передается монастырю; самое это означеніе права суда, и потомъ то, что онъ замѣняетъ судъ государевъ, показываетъ, что отношеніе владѣльца къ крестьянамъ не было произвольное, и что судъ производился только не лицомъ княжимъ, а монастырскимъ, но былъ такой же. Сверхъ

(1) Съ боку рукою автора сдѣланы слѣдующія замѣтки:

„Можно сдѣлать сравненіе съ Екатерининскимъ жалованьемъ крестьянами.

„Какъ могъ быть переходъ, когда на 10 лѣтъ льготы?

„Какъ князья имѣли, кромѣ городовъ, села, такъ вотчинники (мужи) имѣли, кромѣ селъ, посады и города.

„Значеніе слова волость: *и тамгою и цлами волостями городскими.*

„Какъ на князя пахали и платили дань и оброкъ, такъ и на помѣщика пахали и платили дань, оброкъ.

„Если вотчинникъ и помѣщикъ могъ продавать вотчину и помѣстье (возможность продавать помѣстье очень важна), такъ онъ могъ продавать опыя и князю (пролога была своего отношенія).

„Любопытно общее отношеніе князя и частное его отношеніе къ волостямъ его. Это вытекаетъ изъ того, что общее отношеніе переходило къ другому князю, а частное отношеніе оставалось въ его родѣ. Особый характеръ и оттѣнокъ покупки княжескои у другихъ князей."

(2) Акты Археограф. Экси. т. I, № 4.

того, Государь освобождаетъ ихъ отъ дани, въ замѣнъ которой они платятъ владѣльцу. Государь уступаетъ владѣльцу свой доходъ.—Замѣчательно, что архимандриту запрещается принимать тяглыхъ людей Волоцкихъ, также людей изъ отчины Великаго Князя изъ Москвы.

Другая грамота (1361—1365 г.) (1) въ сущности такого же содержанія, но подробнѣе; говорится о людяхъ, кого перезоветъ архимандритъ изъ-за рубежья, «*или кого въ городѣ посадитъ во Тферп и въ Кашинѣ;*» говорится: «*судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тіунъ одинъ.*» Тіунъ ясно указываетъ на государственное устройство, на что указываетъ еще выраженіе: *дворянъ даетъ*. Это былъ уже государственный порядокъ; это видно изъ того, что въ судѣ «*дворянъ даетъ тотъ*», та сторона, «*на цьемъ ищютъ*». Это же государственное устройство доказывается тѣмъ, что въ судѣ смѣсномъ монастырскій тіунъ судитъ съ посельскимъ, съ княжими судьями вмѣстѣ. Устройство монастырскихъ вотчинъ—все равно, какъ и другихъ. Судъ въ настоящей грамотѣ безъ исключенія.

(Очевидно — государственныя отношенія; что, надѣемся, подтвердится еще болѣе дальнѣйшими грамотами.)

Къ этому же времени относится *грамота Рязанскаго князя Олега* (2), весьма замѣчательная. Это жалованная грамота Ольгову монастырю на село. Подобной жалованной столь подробной грамоты, до сего времени мы не имѣемъ. Всѣ предъидущія или очень неопредѣленны, или даютъ заключить, что были у монастырей жалованныя земли. — Грамота замѣчательна тѣмъ, что князь Олегъ даетъ село, *сидавъ съ владыкою* и *съ боярами*, «въ свободь» (въ слободу?). Изчисленіе, съ чѣмъ дается село, показываетъ, что дѣло идетъ о доходахъ, о выгодахъ села, прежде всего судебныхъ. Село дается съ *вирами*, т. е. съ пошлиной за вину, съ поличнымъ, т. е. съ пошлиной за поличное; «*съ рьзанькою и съ шестьюдесять*» — мы объяснить пока не беремся, но въ заключеніе прямо говорится: «и со всѣми пошлинами»; потомъ указывается на поземельныя выгоды: борти, и поземь, и озеры, и бобры, и перевѣсища. — Важно еще въ этой грамотѣ

(1) А. Ар. Экс. т. I, № 5.
(2) Акты Истор. т. I. № 2. 1351—1387 г.

то, что въ ней говорится о прежнихъ временахъ, когда прадѣды Олега ставили церковь Святыя Богородицы и съ ними 300 бояръ и 600 мужей: тогда дали дому Святыя Богородицы 9 земель бортныхъ, пять погостовъ, — при каждомъ погостѣ высчитываются *семьи*. Погостъ, какъ видно изъ одной грамоты, имѣлъ большое значеніе въ іерархіи общинъ, такъ что къ погосту тянутъ села, а къ селу деревни и починки; всѣ выгоды изчисляются тѣ же (рѣзанка была, кажется, монета, а шестьдесятъ, вѣроятно шестьдесятная, пошлина съ шестидесяти, ясная для современниковъ). И такъ, указаніе здѣсь и на древнѣйшія времена: то же выгоды— и государственное значеніе. Здѣсь же упоминается о селахъ, данныхъ боярами, и объ «Ольговской околицѣ», вѣроятно пошлинѣ, данной мужами. Судъ предоставляется монастырю безъ исключенія. Волостелямъ, данникамъ и ямщикамъ нѣтъ дѣла до монастырскихъ людей. Сверхъ того, какъ еще новую выгоду, даетъ Олегъ Рязанское мыто и побережное.

Другія *грамоты* (прежде 1402 г.) *того же князя Олега, данныя монастырю Солотчинскому* (1), похожи на предъидущую грамоту, только въ сокращенномъ видѣ; въ нихъ прямо говорится: *съ шестьдесятъ*. Въ одной изъ этихъ грамотъ сказано: а кого зоветъ къ себѣ людей, и тягость имъ «не надобѣ на три лѣта»; и такъ, предполагается, что они останутся на три года и даже болѣе трехъ лѣтъ, иначе бы могли только и приходить на льготные три года.

1363—1389 г. *Жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю* (2), съ освобожденіемъ отъ всѣхъ пошлинъ и съ предоставленіемъ полнаго суда, съ правомъ «слугамъ Сергѣевымъ» не цѣловать креста, «*сироты ихъ стоятъ у креста*», т. е. за нихъ цѣлуютъ крестъ ихъ сироты, т. е. крестьяне.

Очень замѣчательна *уставная грамота В. К. Василія Димитріевича и митрополита Кипріана о митрополичьихъ селахъ* (1389 или 1404 г.) (3). Здѣсь является совершенно государственный распорядокъ въ митрополичьихъ волостяхъ. Между прочимъ замѣчательно условіе, напоминающее условіе Новогородскихъ грамотъ: «*а бояромъ и слугамъ князя великого и митрополичимъ*

(1) Ак. Истор. т. I, № 13 и 14.
(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 7.
(3) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 9.

земль Луховскихъ не купити, а которыи будутъ покупили, а тѣмъ лѣзти вонъ, а серебро свое взяти». Впрочемъ, право суда на Луху имѣло свое видоизмѣненіе: *«Судити митрополиту Луховца съ волостелемъ или съ доводщикомъ, а судьи моему великого князя не быти».* Въ иныхъ же селахъ монастырскихъ право суда то же, какъ и въ другихъ грамотахъ: *«въ тѣ села мнѣ князю великому не всылати, не судити: вѣдаютъ ихъ и судятъ игумены; а будетъ судъ смѣсной, ино прибытокъ на полы».*—Это выраженіе показываетъ, что судъ извѣстный и прибытокъ опредѣленный; это даетъ возможность, что и внутренній судъ вотчинный былъ такой же, также опредѣленный, но прибытокъ шелъ уже вотчиннику одному, и конечно прибытокъ такой же опредѣленный, какъ и государственный, какъ и при судѣ смѣсномъ. Вообще государственное устройство — въ области и власти митрополичей.

Въ 1391 году есть *уставная грамота митрополита Кипріана* (1) по случаю жалобы монастырскихъ крестьянъ на игумена въ томъ, что игуменъ паряжаетъ дѣло не по пошлинѣ и беретъ пошлины, которыхъ не брали прежніе игумены. Для этого митрополитъ спрашиваетъ прежняго игумена, какъ было? и тотъ опредѣляетъ — какъ. Изъ этого опредѣленія видимъ мы, что это были такія повинности, какія были и у государственныхъ *(сель?)*, разумѣется видоизмѣнявшіяся у нихъ. Тутъ нѣтъ ни слова о притѣсненіяхъ по суду или проч., все дѣло въ пошлинахъ и обязанностяхъ. Грамота важна, какъ возможность жалобы.

Жалованная грамота (около 1400 г.) князя Ярославскаго Толскому монастырю (2) въ томъ же родѣ; замѣчательно, что если крестьяне монастырскіе и волостные свяжутся судомъ (судъ смѣсной), то судъ судитъ самъ князь.

Жалованная грамота Звенигородскаго князя Юрія Даниловича Савво-Сторожевскому монастырю 1404 г. (3). Грамота съ освобожденіемъ отъ княжихъ пошлинъ, съ правомъ суда, кромѣ душегубства, и еще съ особенными выгодами. — *Истцево на обѣ стороны*, если правъ или виноватъ монастырскій человѣкъ (въ судѣ смѣсномъ); если же городской или волостной—истцево

(1) Ак. Ар. Экс. т. I, № 11.
(2) Ак. Ар. Экс. т. I, № 15.
(3) Ак. Истор. т. I. № 15.

волостелямъ и ихъ тіунамъ. Употребляется: слово *вина* въ томъ, кажется, смыслѣ, какъ выше въ грамотѣ Олега.

Жалованная грамота Нижегородскаго князя Александра Ивановича Благовѣщенскому монастырю (1410—1417 г.) (1). Эта грамота отличается отъ другихъ и очень замѣчательна. Здѣсь упоминается о монастырскихъ людяхъ въ *городѣ* и въ селахъ. Игуменъ платитъ дань за нихъ по силѣ, «*коли придетъ княжая дань*»: кромѣ того люди монастырскіе избавляются отъ мыта, тамги, побережнаго, костки, восмничаго, избавляются отъ разныхъ княжескихъ намѣстниковъ, отъ разныхъ повинностей и отъ суда княжаго, кромѣ душегубства и разбоя. При судѣ смѣсномъ прибыткомъ дѣлятся пополамъ.—Замѣчательно, что «*тутошнихъ людей становыхъ игуменъ въ монастырь не примаетъ.*» Изъ этого видно 1) ограниченіе, если угодно, перехода даже въ тѣ времена, которое потомъ и послѣ Бориса распространилось на людей тяглыхъ и (можетъ быть) на всѣхъ, кого застало это распоряженіе; но вольные, гулящіе люди продолжали рядиться въ крестьяне (ихъ положеніе занимательно: могли ли они переходить? Если могли, то слѣдовательно разрядъ переходныхъ крестьянъ, ограниченный, оставался; впрочемъ, кажется рядныя ихъ не таковы, какъ прежде, и въ нихъ есть нѣкоторое ограниченіе); 2) возможность перехода людей, вѣроятно осѣдлыхъ и тяглыхъ. (Это, надѣемся, будетъ видно изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ.) Пришлымъ людямъ не изъ отчины князя Нижегородскаго и изъ другихъ княженій (здѣсь также ограничивающее условіе перехода) льгота на 10 лѣтъ, «*а уживутъ десять лѣтъ и они потянутъ съ старожильци по силѣ.*» — Десятилѣтній срокъ привилегіи, выраженіе «старожильци», — все это показываетъ, что не на годъ селились крестьяне, но что могли оставаться дольше, съ тѣмъ селятся; что это было въ понятіяхъ, — и что такъ и случалось, если давались льготы на 10 лѣтъ и если ужъ были старожильцы.

Жалованная Новогородская грамота около 1411 г. (2) также очень замѣчательна. Въ отвѣтъ на челобитье на вѣчѣ, Новгородъ на вѣчѣ же даетъ грамоту, гдѣ опредѣляетъ поралье посадничье

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 17.
(2) Ак. Ист. т. I, № 17.

и тысяцкаго; это, какъ видно, пошлина съ пашни («40 бѣлъ, 4 сѣва, 10 хлѣбовъ»). Особенно замѣчательно здѣсь положеніе: *а кто крестьянинъ Терпилова погоста въ Двинскую слободу войдетъ, ино ему мірянину тянути въ Двинскую слободу; а который Двинянинъ слободчанинъ почнетъ жити на земли Терпилова погоста, а той потянетъ потугомъ въ Терпиловъ погостъ.* Изъ этого видно, что могли переходить осѣдлые крестьяне и не вотчинные, изъ области въ область, изъ общины въ общину, и переходя примыкали къ той общинѣ, куда переходили. — Замѣчательно также, что въ той же грамотѣ говорится о Савельѣ Григорьевичѣ и его братьѣ, которые владѣли землею и водою и проч. (вѣроятно крестьяне были тутъ же или могли придти), и которые, и дѣти ихъ, подтверждаются здѣсь въ своемъ владѣніи.—И такъ, вотъ прямое доказательство владѣнья въ Новгородѣ, и того, что если Новгородъ подтверждалъ, то онъ конечно и давалъ владѣнья.

1410—1417 г. *Жалованная грамота Нижегородскаго В. К. Даніила Борисовича Спасско-Благовѣщенскому монастырю* (1) также очень замѣчательна. Эта грамота освобождаетъ отъ всякой пошлины приходящихъ людей на село и пустоши монастырскія. Здѣсь говорится, кого къ себѣ перезовутъ людей *и тутошнихъ старожильцевъ.* Это подтверждаетъ нашу мысль (развѣ не своихъ ли старожильцевъ?); — они не платятъ пошлины на три года; кого же перезовутъ изъ другихъ княженій, то освобождаются отъ пошлины, на сколько времени, не сказано; далѣе говорится о пришлыхъ людяхъ, кажется, вообще.—Право суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ; виноватый съ обѣихъ сторонъ (въ смѣсномъ судѣ) и въ винѣ и въ продажѣ и во всѣхъ пошлинахъ *подлежитъ* своей сторонѣ.—«*А будетъ правежъ на монастырскомъ человѣцѣ, ино правитъ архимандричь приставъ, а не встворится виноватъ, и намѣстници мои* (князя) *приставу дадутъ да и судятъ*». — Далѣе говорится вообще: «*а какъ отсидятъ тѣ люди пришлые свои урочные лѣта, и они потянуть въ дань съ монастырскими людми по силамъ*». Архимандритъ платитъ за нихъ самъ дань по силѣ. — Замѣчательно очень, что въ грамотѣ говорится: *а что ми сказывалъ Малахій*

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 18.

архимандритъ, что переняль моихъ сиротъ, Черньцовыхъ дѣтей такихъ-то, *а они пошли изъ моее* (княжой) *отчины и онъ ихъ у себя осадилъ*, — эти люди предоставляются также архимандриту. При слѣдствіи, если придетъ слѣдъ на монастырскія земли, *къ кому на чью землю, и государь тое земли, обрѣзъ у него возметъ*, и пр. Очень замѣчательно:—*Государемъ* земли называется владѣлецъ; это видно изъ выраженія, и изъ того, что говорится о дворѣ и поляхъ. Государь не имѣетъ земли какъ собственникъ, владѣетъ только ею, и это понятіе владѣнія, отношенія къ землѣ, перенесено и на крестьянъ, ибо, по понятіямъ Русскимъ, земля вообще не есть собственность, а только предметъ владѣнія.

Жалованная грамота Углицкаго князя Андрея Владиміровича Троицкому Сергіеву монастырю, 1414 г. (1), даетъ освобожденіе отъ дани и пошлинъ, кромѣ опредѣленнаго оброка въ Удинскомъ селѣ съ деревнями, и освобожденіе отъ суда, съ предоставленіемъ онаго игумену или кому прикажетъ, кромѣ душегубства. Ничего особеннаго нѣтъ въ грамотѣ этой.

Жалованная грамота Нижегородскаго В. К. Александра Іоанновича Спасо-Евѳиміеву монастырю, прежде 1418 г. (2). Освобождаются отъ дани и пошлины (по вѣроятно не отъ обрѣка) деревни и новоселки; также отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя. Въ смѣсномъ судѣ условія извѣстныя. Замѣчательно, что если *«кто будетъ старожильцевъ* (прежде тутъ въ этихъ деревняхъ и на выселкѣ живущихъ) *моихъ людей изъ тѣхъ деревень разошлися, а придутъ опять на свои мѣста, ино что давали мой оброкъ въ дань весь десять алтынъ, ино имъ не надобъ тотъ оброкъ на два года»*. — Послѣ двухъ лѣтъ опять оброкъ (который, вѣроятно, платили села и деревни монастырскія). Кого къ себѣ перезоветъ изъ другаго княженья, а не изъ вотчины князя, тѣ освобождаются отъ дани и пошлины на десять лѣтъ, а отживутъ тѣ люди пришлые свои урочныя лѣта, тогда они потянутъ въ тотъ оброкъ. И такъ, оброкъ, за исключеніемъ льготныхъ лѣтъ, платили монастырскія села и деревни, по крайней мѣрѣ здѣсь.

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 19.
(2) Ак. Ист. т. I, № 25.

Жалованная грамота В. К. Василія Димитріевича митрополиту Фотію 1421 г. (1).

Въ этой грамотѣ Василій Димитріевичъ позволяетъ митрополиту купить *волостную* деревню (у кого? вѣроятно у волости?). Доселѣ эта деревня (говорится въ грамотѣ) тянула судомъ и всѣми пошлинами къ волости къ Талшѣ, а теперь потянетъ судомъ и всѣми пошлинами къ митрополиту Фотію: кромѣ дани княжой и яму, ей не тянуть къ волости ни чѣмъ. — Самое то, что деревня та же тянетъ къ волости показываетъ, что не разрушается государственная связь вотчиннымъ положеніемъ. Теперь вопросъ: населенная или нѣтъ эта деревня? Она могла быть населенная; въ такомъ случаѣ въ вотчину переходили люди осѣдлые съ землею (на это есть постоянные примѣры), слѣдовательно и они могли быть въ вотчинѣ. Кромѣ крестьянъ собственно переходныхъ, могли ли крестьяне осѣдлые переходить? Вѣроятно.—Любопытно, могъ ли помѣщикъ согнать крестьянина? Едва ли, безъ особеннаго договора, по крайней мѣрѣ. — Быть можетъ, разница была очень мала и укрѣпленіе единственно только укрѣпило къ землѣ, какъ государственныхъ, такъ и вотчинныхъ крестьянъ, при чемъ отношенія ихъ остались тѣ же, ставши только постоянными относительно лицъ. — Во всякомъ случаѣ переходные вотчинные крестьяне вѣроятно жили и по долгу на своихъ мѣстахъ: льготы простирались даже на 20 лѣтъ.

Въ этой же грамотѣ говорится: «*а тутошнихъ людей волостныхъ.... не приимать.*» И такъ, крестьяне осѣдлые волостные могли переходить, и переходить въ вотчины. Это въ то же время показываетъ, что вотчины не представляли по крайней мѣрѣ худшихъ отношеній (теперь казенный крестьянинъ ни за что не захочетъ сдѣлаться помѣщичьимъ. *Крепостные и казенные* стали крестьяне послѣ укрѣпленія). Даже если бъ это (т. е. переходъ) относилось и не къ осѣдлымъ, у нихъ были свои переходные, которые тянули съ ними міромъ вмѣстѣ. Какъ скоро укрѣпленіе было сдѣлано, крестьяне приняли землю какъ свою собственность, что, какъ преданіе, перешло и доселѣ у помѣщичьихъ крестьянъ: они говорятъ: мы ваши (т. е. въ государственномъ смыслѣ подчиненности, какъ бы сказалъ народъ Русской Госу-

(1) Ак. Ар. Экс. т. I, № 20.

дарю), а земля паша. — Замѣчательно выраженіе *пріимать*, а не *перезывать*. Людямъ, перезваннымъ изъ иныхъ княженій, льгота на 10 лѣтъ отъ дани и яму, слѣдовательно отъ всѣхъ повинностей; послѣ того (10-ти лѣтъ)—ямъ и дань.—Деревня вѣроятно была пуста или частью населена, и быть можетъ людьми тоже переходными.

Жалованная грамота В. К. Василія Димитріевича Спасско-Благовѣщенскому монастырю 1423 г. (1) сходна съ грамотой Нижегородскаго В. К. Даніила Борисовича. Здѣсь освобождаются (перезванные люди) отъ пошлинъ на три года и на 10 лѣтъ (а по грамотѣ Нижегородскаго В. К. Даніила Борисовича перезванные изъ другихъ княженій безъ срока). Но видно, что льготы были и послѣ срока, потому что *посль срока потянутъ* («въ дань», по выраженію Нижегородской грамоты); впрочемъ изъ послѣдующихъ словъ тоже видно и въ Московской грамотѣ *(съ монастырскими людьми по силѣ)*.

Жаловались ловли—чистыя выгоды.

Жалованная грамота В. К. Василія Димитріевича митрополиту Фотію 1425 г. (2). Грамота не подробна, какъ другія. Людямъ, перезваннымъ изъ другихъ княженій, а не изъ Великаго Княженья, льгота на 15 лѣтъ, а старожильцамъ (прежде бывшимъ или теперь живущимъ?) на 5 лѣтъ. Судъ предоставляется митрополиту, кромѣ душегубства. Здѣсь обозначается яснѣе, при судѣ смѣсномъ, выгода отъ суда вообще: «*а волостели мои и ихъ тіуни не емлютъ у митрополича человѣка, ни у правого, ни у виноватого ничего*, а митрополичь судья не вступается потому жь ни въ правого ни въ виноватого.» Вотъ выгода отъ суда. Очевидно, что пошлины были опредѣленныя и общія, одинаковыя; иначе было бы непремѣнно какъ нибудь объ этомъ сказано.—«*А истцево доправливати того приставу, чей будетъ виноватъ.*» Особенности грамоты еще: въ случаѣ несогласія судей (смѣсныхъ) судитъ Великій Князь, и обоихъ истцовъ становятъ передъ нимъ. Татя и разбойника казнятъ оба судьи вмѣстѣ *(съ одного за одно)*; которой судья не казнитъ, тотъ самъ отъ князя будетъ *кажненъ*.

(1) Ак. Ар. Экси. т. I, № 21.
(2) Ак. Ар. Экси. т. I, № 23.

Жалованная грамота В. К. Василія Димитріевича Спасскому монастырю, 1425 г. (1). Замѣчательно, что въ этой грамотѣ говорится о людяхъ *купленныхъ*, дается льгота людямъ *купленымъ* и перезваннымъ, на 10 лѣтъ; судъ также предоставляется архимандриту, и какъ бы тоже на 10 лѣтъ. Но это вѣроятно не довольно понятно сказано, ибо деревня принадлежала, какъ видно, монастырю еще прежде грамоты. Вообще грамота похожа на другія грамоты. Замѣчательно выраженіе: «и кого архимандритъ въ той деревнѣ *посадитъ* своихъ людей, купленыхъ, или кого перезовутъ людей.» — Купленные люди могли быть при постоянныхъ войнахъ, при которыхъ конечно было много плѣнниковъ. Замѣчательно выраженіе: *посадитъ*, *поселитъ*. Что же это значитъ? Значитъ ли, что они получали свободу и могли переходить? Вѣроятно, ибо иначе образовался бы цѣлый отдѣлъ, еще въ то время, крестьянъ невольныхъ, въ родѣ старинныхъ холопей, — но такого отдѣла рѣшительно нѣтъ; до укрѣпленія крестьяне были, какъ кажется, *осѣдлые*, жившіе волостями, имѣвшими постоянно землю,—и *переходные*, хотя и первые могли переходить. Послѣ укрѣпленія, крестьяне переходные сравнялись съ осѣдлыми, которые вѣроятно тоже потеряли право перехода (вѣроятно ограниченные только обязанностью нажилить жильца и землю не положить впустѣ). Разницы же между вотчинными и государственными никакой не было послѣ укрѣпленія (2), и отношенія ихъ къ власти были одинаковыя государственныя. У вотчинниковъ были, какъ, кажется, очевидно можно предположить, и осѣдлые крестьяне.

Данная грамота Княгини Маріи Спасо-Евѳиміеву монастырю, послѣ 1425 г. (3). Княгиня отдаетъ свое село; весьма вѣроятно, что тутъ были крестьяне осѣдлые; здѣсь есть замѣчательное выраженіе, указывающее ясно на государственныя отношенія и сверхъ того на такія же, как*(ія)* были вообще: «дала есми свое село Омуцкое.... *такъ какъ было при моемъ князи и при мнѣ*, и съ судомъ и съ татьбою и съ поличнымъ и съ тамгою и со всѣми пошлинами». Здѣсь очевидно *передается* княжій судъ;

(1) Ак. Ист. т. I, № 28.

(2) Авторъ, вѣроятно разумѣетъ: тотчасъ послѣ укрѣпленія, или нѣкоторое время послѣ, во всякомъ случаѣ до Петра. *Прим. ред.*

(3) Ак. Ист. т. I, № 29.

изчисленіе: «татьба, поличное», указываетъ на его стороны, на выгоды (пошлины) суда, и далѣе говорится: «и съ тамгою и со всѣми пошлинами». Это кажется очевидно. — Срока здѣсь нѣтъ; о перезывѣ не говорится: село очевидно населенное. «Душегубство» предоставляется В. К. Василью Васильевичу.

Жалованная грамота Рязанскаго В. К. Іоанна Ѳеодоровича Солотчинскому монастырю, 1430—1456 г. (1). Эта грамота замѣчательна своимъ сходствомъ съ Олеговой грамотой: *рѣзань, вина, шестьдесятъ*. Монастырю Великій Князь даетъ свое село съ уѣздомъ «*по кое мѣсто уѣздъ былъ къ намъ*».... (въ географическомъ или административномъ смыслѣ?); здѣсь въ грамотѣ говорится о селѣ; съ нивами и съ пожнями, со всею пашнею.— Людей должны звать съ иныхъ сторонъ, и кого призоветъ изъ иного княженія, дань и ямъ отмѣняется на три года, а кого призоветъ въ одномъ княженіи (т. е. только въ своемъ, не за предѣлами княженья, но конечно не княжихъ людей)—на два года. Здѣсь тоже не говорится о судѣ, а изчисляются только избавленія отъ чиновниковъ и судейскія (можетъ быть и другія) пошлины, между прочимъ «*татинъ рубль*», указывающій прямо на выгоду суда. Судъ впрочемъ можно предполагать, — иначе въ чемъ же вознагражденіе судьѣ, лишенному своихъ пошлинъ, если бъ этотъ судья не былъ самъ вотчинникъ? Замѣчательно также: «*а пожаловалъ есми его боярином своимъ Прокофьемъ Ѳедоровичемъ, столникомъ Яковомъ Ивановичемъ, чашникомъ своимъ Семеномъ Глѣбовичемъ, чашникомъ же Ѳедоромъ Юрьевичемъ.*»— Сомнительно, что бъ это значило, что онъ даетъ боярина, стольника и чашниковъ монастырю, особенно, когда боярамъ и вольнымъ слугамъ воля. Здѣсь вѣроятно пропущено слово *съ*, какъ это часто встрѣчается въ древнихъ грамотахъ. Вспомнимъ, что Олегъ Рязанскій давалъ грамоты, *сгадавъ съ своими бояры*. Въ окончаніи другой грамоты Олеговой, о которой мы уже упоминали (см. выше: прежде 1402 г. Ак. Ист. № 13), то же говорится и конечно тоже значитъ *съ*. («А пожаловалъ есмь столникомъ своимъ Александромъ Глѣбовичемъ и чашникомъ своимъ Григоріемъ Яковлевичемъ.»)

Откупная Обонежская грамота 1434 г. (2). Очень замѣча-

(1) Ак. Ист. т. I, № 36.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 27.

тельна, какъ доказательство финансоваго значенія суда. Судъ конечно нисколько не перемѣнялся отъ того, что передавался за деньги; отдавались, передавались пошлины судныя. Здѣсь и сказано именно *по старинѣ*.—Судъ государственный.—То же надо предполагать при помѣстьяхъ и вотчинахъ, при выгодѣ отъ доходовъ. Это надѣемся доказать яснѣе далѣе.

Жалованная грамота Углицкаго князя Димитрія Юрьевича Троицкому Сергіеву монастырю 1434—1447 г. (1). Освобождаются села и деревни монастырскія отъ даней и пошлинъ, кромѣ оброка и городоваго дѣла, *«коли учнутъ городъ рубити»*; кого людей перезовутъ — и тѣмъ людямъ *«въ той же оброкъ потянути»*. И такъ, кромѣ тѣхъ, кого перезовутъ,—были уже крестьяне.—Судъ монастырскій (игуменовъ), кромѣ душегубства.

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю 1435—1446 г. (2). Освобождается отъ дани даньщику и отъ описки описщика (вѣроятно, описываетъ игуменъ самъ); сказано: *«а то игумену безпено»*.

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Ферапонтовой пустынѣ около 1437 г. (3). Даются пустоши; кого перезовутъ людей изъ иного княженья, на десять лѣтъ избавляются отъ дани, повинностей и пошлинъ. Избавляются отъ суда княжихъ тіуновъ и волостелей, кромѣ душегубства. Въ смѣсномъ судѣ судитъ, вмѣстѣ съ княжимъ волостелемъ, игуменовъ посельской. *А правъ ли, виноватъ ли, — игуменовъ игумену, опричь истцевы вины; а волостной правъ ли, виноватъ ли, волостелю во всѣхъ пошлинахъ.* — Выраженіе: *или кого людей откупивъ посадитъ*.

Жалованная грамота Тверскихъ князей Отрочю монастырю 1437—1461 (4). Подробная грамота. Сперва избавляются отъ данй и пошлинъ (къ городу и волостямъ) всѣ духовные и слуги монастырскіе и ключники и вольные люди (т. е. не тяглые, гулящіе). Также и спроты (люди земскіе, крестьяне, тягловые), *«кто имѣтъ сѣдѣти»* (т. е. кто сидитъ) на землѣ монастырской, избавляются отъ даней и пошлинъ *(«къ городу, ни къ волостемъ»)*.

---

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 28.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 30.
(3) Ак. Ар. Эк. т. I, № 31.
(4) Ак. Ар. Эк. т. I, № 34.

Всѣ эти знаютъ архимандрита *«службою и подможеньемъ дому церковному святое Богородици.... И къ тому кого еще людей перезоветъ архимандритъ изъ-зарубежья.... или кого въ городѣ посадитъ во Тферн и въ Кашинѣ»* (не въ смыслѣ ли Тверской и Кашинской области?)—также отъ всѣхъ податей избавляются.— Судъ предоставляется монастырю вполнѣ, *«судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырской тивунъ одинъ»*. Въ смѣсномъ судѣ монастырскій тивунъ съ посельскимъ судятъ вмѣстѣ съ княжими судьями, прибытокъ по поламъ. — *Дворянинъ* въ смыслѣ *дворскій*. Когда придетъ посолъ изъ Орды.... *«ино тогды архимандритъ съ тѣхъ сиротъ пособитъ въ ту тяготу, съ половника дастъ по десятку Тверскими кунами.... Также архимандриту изъ нашея отчины людей волостныхъ въ монастырскіе села не пріимати, а приметъ ли кого, ино пятыхъ имати.... какъ намъ будетъ любо»*.

Грамота замѣчательная; и дань и судъ вполнѣ отдаются. Замѣчательно, что у монастыря *ключники*, *тіунъ*, *дворяне* (дворскіе); также слово: *половникъ*. — Замѣчательно, что *въ городѣ* можно было *посадить*.

Жалованная грамота Тверскаго В. К. Бориса Александровича Срѣтенскому женскому монастырю 1437—1461 (1). Грамота также вполнѣ льготная, освобождающая отъ всѣхъ пошлинъ и отъ суда. Говорится о земляхъ монастырскихъ, о *слободкѣ Ерусалимской во городѣ*. — Употребляется слово *сирота* (въ смыслѣ крестьянина). *«А придетъ моя дань Великаго Князя немилучая, и игуменья сберетъ сама дань съ тыхъ людей, да пришлетъ къ моей казнѣ. А слободчаномъ ихъ бору моего Великого Князя не косить.»* (Вѣроятно, тоже повинность.)

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Ферапонтовой пустынѣ 1438 г. (2). Этою грамотою позволяется *(«ослободилъ есмь»)* купить: пустоши? у Тупика (быть можетъ, Тупику продать): нѣсколько словъ здѣсь не разобрано.— Если это вотчинникъ, то важно, что здѣсь нужно было соизволеніе князя. Вѣроятно такъ и было спачала, какъ относительно волостей (см. выше), такъ и вотчинъ. Людямъ, перезваннымъ

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 35.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 36.

изъ иного княженія, *или кого окупивъ посадятъ*, льгота отъ дани и пошлинъ на 20 лѣтъ. Судъ монастырской, кромѣ одного душегубства.—Бѣлозерцы *или волостные люди;* Бѣлозерцы—*въ смыслѣ горожанъ*—(можетъ быть *съ уѣздомъ*).—Намѣстникъ въ городѣ, волостель въ волости.

Жалованная грамота Углицкаго князя Димитрія Юрьевича Троицкому Сергіеву монастырю 1440 г. (1). Судъ монастырской, кромѣ душегубства.—«*А Бѣжецкого верху людей, игумену, или его приказщику, въ ту слободу къ себѣ не пріимати*». (Даётся село Присѣцкое съ деревнями). — Замѣчательно: «*намѣстницы мои Городецкіе и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ въ то село.*» Употребляется слово *сирота*, тоже въ смыслѣ крестьянина. *Проѣздный судъ* (проѣздъ для суда по судебнымъ дѣламъ). Замѣчательно: «*а о посадницѣхъ, какъ было при Великомъ Князѣ*» и пр. Изчисляются князья.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича и матери его В. К. Софьи Витовтовны Спасо-Евѳиміеву монастырю, послѣ 1440 г. (2). Дается село племянника В. Князя по волѣ его, съ тѣмъ, чтобъ архимандритъ не продавалъ и не мѣнялъ этого села изъ дому Святаго Спаса.

1404. *Духовная грамота Ѳедосьи* (3): мужъ ея убитъ холопями. Въ ней она оставляетъ свое имущество пріемышу Тимошкѣ и село Горѣтовьское съ деревнями. Людей полныхъ мужа своего и своихъ отпускаетъ, послѣ себя. Послѣ себя же, по велѣнью мужа, даетъ Сидору Перепечину Неберещенной починокъ, «куды мужа ея топоръ ходилъ».

Жалованная грамота Можайскаго князя Ивана Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю 1443 г. (4). Дается монастырекъ Юрій Святой, и Поповское. *А кто имѣтъ жити* (кто случится или кто поселится) *людей старожильцовъ*—освобождаются отъ всякой дани и всякой пошлины. Судъ—монастырю безъ ограниченія.—Старожильцы—вѣроятно прежде здѣсь жившіе или же прежде поселившіеся и живущіе.

---

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 37.
(2) Ак. Истор. т. I, № 38.
(3) Ак. Истор. т. I, стр. 484.
(4) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 38.

Жалованная грамота Великаго Князя Димитрія Юрьевича Благовѣщенскому монастырю 1446 г. (1). Говорится о томъ, что ихъ люди монастырскіе старожильцы, которые разошлись по инымъ мѣстамъ, если придутъ къ нему въ деревни въ монастырскія опять жить на свои мѣста, или въ дворы подъ монастырь: такъ имъ на пять лѣтъ не надобна княжая дань.—А кого къ себѣ призовутъ жить людей изъ иныхъ княженій, тѣмъ на десять лѣтъ. Сверхъ того, и тѣ и другіе избавляются отъ всякихъ пошлинъ. Судъ предоставляется монастырю безъ ограниченія. «*А отсидятъ его люди урочные льта и они потянутъ въ мою дань по силѣ.*» Въ этой грамотѣ ясно различаются льготы урочныхъ лѣтъ отъ льготъ вотчинныхъ вообще. Въ другихъ грамотахъ, не столько ясныхъ, надо, кажется, то же подразумѣвать. Замѣчательно: «*а куды архимандритъ пошлетъ на монастырскую службу старцовъ своихъ или бѣлцовъ, ни ватагу или на иную службу, и пошлинники мои и поватажники поватажного у нихъ не емлютъ, ни моее великіе княгини пошлинники*»; были очевидно и другіе еще, монастырскіе или привилегированныхъ людей пошлинники.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Василья Ярославича черницѣ Аннѣ Ѳедоровой 1446 г. (2) Эта грамота похожа на всѣ другія вотчинныя грамоты. Избавленіе отъ пошлинъ (съ предоставленіемъ ихъ, конечно, вотчиннику), избавленіе отъ суда, кромѣ душегубства (съ предоставленіемъ суда вотчиннику), тѣмъ людямъ, *кто имѣтъ жити* въ ея селѣ и въ деревняхъ. Замѣчательно, что вотчина принадлежитъ старицѣ; также слѣдуетъ обратить вниманіе, что въ числѣ пошлинъ, отъ которыхъ избавляются вотчинные крестьяне, находится (какъ и въ другихъ грамотахъ) сѣнокосъ (*«ни луга моего косити»*), слѣдовательно работа полевая, которая переходила къ вотчиннику.

Жалованная грамота Великой Княгини Софіи Витовтовны Ѳерапонтову монастырю 1448 г. (3) Дается монастырю деревня *и съ селищи и съ пустошми* (вѣроятно, *селище* — пустое село, или мѣсто, гдѣ было село). «*Кого къ себѣ игуменъ призоветъ людей жити изъ иныхъ княженей, а не изъ моихъ волостей,*

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 39.
(2) Ак. Арх. Эксп. т. I, стр. 464.
(3) Ак. Ар. Эк. т. I, № 41.

ни изъ моихъ селъ Великіе княгини».... избавляются отъ всякой дани и пошлины. Видно, что избавлялись также отъ описи земель.—Избавляются отъ суда, кромѣ душегубства (татьба съ поличнымъ поименована, какъ подлежащая суду монастыря). Великая Княгиня даетъ не свою деревню, а деревню въ Янгосарѣ Ивана Юрьевича копюшаго (купленную имъ у Петра Карповича); тутъ же находится его грамота на свои земли въ Янгосарѣ (вотчину), данныя имъ тому же монастырю. — Кажется, это одна и та же вотчина.

Посельской былъ въ вотчинахъ (монастырскихъ).

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Марьѣ Копниной и сыну ея Ѳедору 1449 г. (1). Первая, кажется, грамота изъ извѣстныхъ—вотчинная, лицу. — На запустѣлыя и поросшія лѣсомъ пустоши свои, кого къ себѣ они перевезутъ (это все равно, что перезовутъ) людей *«тутошнихъ старожильцовъ, которые прежъ того тутожъ живали, или кого къ себѣ перевезутъ людей изъ иныхъ княженей, а не изъ моей вотчины Великого князя, ино тѣмъ людямъ инокняженцомъ»*... они избавляются отъ всякой дани на 10, а старожильцы на 5 лѣтъ, и отъ другихъ пошлинъ (отъ другихъ, вѣроятно, не на срокъ, а вообще, какъ это видно было изъ другой грамоты). Избавляются также отъ суда, кромѣ душегубства. Вѣдаютъ и судятъ Марья и ея сынъ Ѳедоръ. Въ смѣсномъ судѣ прибытокъ на полы. — *«А отсидятъ тѣ люди свои урочные льта и они потянутъ въ мою дань по силѣ.»* (Всѣ другія льготы, вѣроятно не срочныя, вѣроятно остаются за ними по прежнему). Грамота вотчинная ни чѣмъ не разнится отъ вотчинной грамоты монастырю.

Жалованная грамота Митрополита Іоны Андрею Аѳанасьеву 1450 г. (2) Изъ этой грамоты видимъ, что уже митрополитъ съ своей стороны даетъ льготы купившему въ его волости пустошь (Голямовскую).—Разумѣется, онъ даетъ льготы отъ своихъ митрополичьихъ пошлинъ и повинностей; но тѣмъ не менѣе онъ, въ свою очередь, поступается судомъ и данью. — Въ грамотѣ говорится: *«кого Андрей перезоветъ людей изъ иныхъ княженей, а не изъ волости, ни изъ селъ Пречистыя Богородици, и тѣмъ*

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 44.
(2) Ак. Ар. Эк., т. I, № 45.

людемъ пришлымъ»... не надобны разныя повинности и пошлины; также освобождаются отъ суда, который предоставляется Андрею (опять въ той мѣрѣ, въ какой судъ принадлежалъ митрополиту).—Здѣсь есть также своего рода ограниченіе. Андрей не долженъ принимать ни крестьянъ волостныхъ (Романовцевъ), ни селянъ церковныхъ. —Замѣчательно, что въ управленіи митрополичьемъ повторяется устройство государственное: волостели, доводчики съ своимъ назначеніемъ и вмѣстѣ кормами и поборами. — Замѣчательно также, что эта грамота подтверждена другимъ митрополитомъ, Ѳеодосіемъ. Вѣроятно, государство не вмѣшивалось въ это распоряженіе внутри владѣнія, въ эту новую переуступку или передачу права.— Вотчинники могли также поступать, что надѣемся увидѣть ниже.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Ивану Петелину 1450 г. (1) Эта грамота освобождаетъ *«кто у него въ томъ селѣ и въ деревняхъ имѣтъ жити людей.»* Это мѣсто не пустое (село съ деревнями); къ тому же, кто имѣтъ жити (кто случится, кто бы ни жилъ, теперь и впередъ, вѣроятно), а не перезоветъ.—Освобождаются отъ разныхъ повинностей и пошлинъ; между прочимъ *ни сѣнъ моихъ косити;* также: *ни портное* (?). Освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ. Разумѣется, остальной судъ предоставляется вотчиннику (хотя здѣсь сказано только: *а вѣдаетъ свои люди всѣхъ*; обыкновенно вѣдаетъ и судитъ; что здѣсь надо также разумѣть, доказывается тѣмъ обычнымъ постановленіемъ о судѣ смѣсномъ). Въ судѣ смѣсномъ присудъ (прибытокъ) на полы.—Эта грамота замѣчательна еще тѣмъ, что она—подтвержденіе. Въ началѣ говорится: *«по прадѣда своего грамотѣ Великаго князя Ивана Даниловича»* и проч.

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Ферапонтовой пустыни 1450 г. (2) Князь жалуетъ игумена тѣмъ, что кого перезоветъ людей на купленныя имъ (у монастыря) земли; тѣ люди освобождаются отъ дани и всякой пошлины; также отъ суда, кромѣ душегубства; а въ судѣ смѣсномъ — какъ обыкновенно, но есть нѣкоторая особенность: *«и*

(1) Ак. Ар. Эк. т. I. № 46.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I. № 47.

въ правдѣ и въ винѣ игумновъ игумну, а волостелевъ — волостелю, опричь исцевы вины» (вѣроятно, пошлины).

Три *грамоты Бѣлозерскаго князя о серебренникахъ* и пр., около 1450 г. (1). Грамоты очень замѣчательны; въ нихъ, едвали не въ первый разъ, говорится о Юрьевѣ днѣ и установляется день этотъ, какъ срокъ. *Отказывать* употреблено въ смыслѣ *выводить отъ другаго за себя*. Волоцкой староста показалъ грамоту братіи Ѳерапонтовой пустыни, что они (староста вѣроятно съ крестьянами) могутъ принимать на Волочекъ, *въ путь*, монастырскихъ половниковъ *въ серебрѣ* (очевидно, отношенія денежныя), среди лѣта и всегда, и кто выдетъ половникъ серебряникъ, ему платиться (онъ долженъ платиться) на два года безъ росту.—Князь пожаловалъ монастырь тѣмъ, чтобы Ѳедоръ Константиновичъ (чей путь) принималъ отъ Юрьева дня до Юрьева дня, а принималъ бы монастырскихъ людей серебряниковъ *«о Юрьевѣ днѣ о осенемъ;»* и кто пойдетъ тогда изъ нихъ въ путь, *«и онъ тогды и деньги заплатитъ, а ту если полътную подержитъ»* (не ошибка ли *если*: не значитъ ли это порядная на лѣто серебряника? едва ли. Вѣроятно, разумѣется здѣсь та грамота, на которой основывался Волоцкой староста; *если* находится и въ слѣдующихъ фразахъ). Вѣроятно серебряникъ значило здѣсь человѣка, нанимавшагося и плативша деньги за работу или бравшаго плату: серебро—деньги. Серебряникъ — это какъ если бы сказали: денежникъ. Серебряниковъ запрещается выпускать между Юрьевымъ днемъ и Юрьевымъ днемъ.—Естественнѣе предположить, что имъ платилось; впрочемъ, нельзя сказать навѣрное.—*«А которые будутъ вышли* (т. е. прежде) *въ монастырьскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы дѣло додѣлывали на то серебро»*.—Надо разумѣть такъ, что на которыхъ (вышедшихъ до этой грамоты) остались монастырскія деньги (а это могло быть при платежѣ и съ той и съ другой стороны), тѣ должны были додѣлывать (какое дѣло? Они переходятъ въ волость.) на эти же деньги (кому, монастырю? вѣроятно), *«а въ серебрѣ бы ввели поруку, а осень придетъ, и они бы и серебро заплатили:»* — Чтобы денегъ не заплативъ, они на эти деньги дѣлали, а какъ придетъ осень, срокъ, такъ бы они и деньги заплатили.

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 48.

Другая боярамъ и прочимъ, говоритъ о томъ же предметѣ. Замѣчательно выраженіе: «людей монастырскихъ серебренниковъ, и половниковъ и рядовыхъ людей и *Юрьевскихъ*.» То есть, какъ кажется, людей нанимавшихся или селившихся и работавшихъ изъ за денегъ изъ половины, по рядному и по сроку Юрьева дня. Здѣсь половникъ отдѣленъ отъ серебрянника; но это могло быть соединено, какъ видно въ предъидущей грамотѣ («монастырскіе половники въ серебрѣ»). Бояре и дѣти боярскіе отказываютъ, какъ пишетъ князю игуменъ, «не о Юрьевѣ дни, иныхъ о Рожествѣ, а иныхъ о Петровѣ дни.» «*И вы бы такъ серебренниковъ и половниковъ и слободныхъ* (слободжанъ) *не отказывали, а отказати серебренника и половника о Юрьевъ дни, да и серебро заплатитъ, а посль Юрьева дни отказа отъ серебренника нѣтъ*. Въ началѣ говорится обо многихъ, потомъ о половникѣ и серебрянникѣ, наконецъ объ одномъ серебрянникѣ; впрочемъ, заплата серебра должна относиться только къ серебрянику. — Серебро принималось въ древности въ смыслѣ денегъ; такъ какъ вѣроятно этотъ порядокъ велся изстари, то значеніе серебра въ смыслѣ денегъ удержалось здѣсь, обратившись какъ бы въ терминъ.

Слѣдующая грамота В. К. Василья Васильевича опредѣляетъ Юрьевъ день.—Здѣсь очевидно отказать употреблено въ смыслѣ взять или вывести къ себѣ отъ другаго. *И тѣхъ ихъ людей монастырскихъ всѣхъ и серебренниковъ* (отдѣляются отъ другихъ), *мои намѣстници и волостели и поселскіе, и слободщики и всякой кто ни буди.*» Стало быть, всѣ могли отказывать, выводить за себя.—Первая грамота относится къ Ѳеропонтову монастырю, вторая и третья къ Кириллову монастырю.

Жалованная грамота Великой Княгини Маріи Ярославны Чухломскому Покровскому монастырю 1450 г. (1) Освобождается монастырской почипокъ, *кто людей.... тамъ живетъ*, отъ разныхъ пошлинъ и отъ суда (безъ изключеній). Это распространяется (какъ кажется) на людей пришлыхъ и старожильцевъ, хотя эти наименованія употреблены не въ началѣ грамоты.

Грамота В. К. Василья Васильевича во Владимірѣ 1453 г. (2).

(1) Ак. Истор. т. I, № 49.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 50.

Грамота эта обращена къ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, во Владиміръ, къ посельскимъ и прикащикамъ въ села Великихъ Княгинь, «и въ боярскія села всѣ и въ Марьины села Ѳедоровы, и въ монастырскія во всѣ села.» Самое это изчисленіе вмѣстѣ селъ показываетъ, что различія между ними не было. (Подобное именованіе вмѣстѣ встрѣчается также, и еще замѣчательнѣе, и въ другихъ, важныхъ случаяхъ).—Посельской вѣроятно былъ выборный; впрочемъ, надобно справиться. — Запрещается ѣздить незваным въ монастырскія села по праздникамъ, по пирамъ и по братчинамъ.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1453 г. (1) Грамота освобождаетъ людей старожильцевъ, живших и прежде тутъ, кого призовутъ, на 10 лѣтъ, и призванныхъ изъ иныхъ княженій (на данныя «*земли и пустоши*», между тѣмъ выше сказано, что дается и Поповское *съ деревнями*) на 15 лѣтъ отъ дани. Въ этой грамотѣ ясно различена эта льгота на урочныя лѣта отъ общей обыкновенной льготы, остающейся за вотчинными (и другими подобными) крестьянами постоянно. Далѣе сказано: *тако жъ тѣмъ людемъ монастырьскимъ, которые нынѣ живутъ и пришлымъ ихъ людемъ, которыхъ перезовутъ къ себѣ на тѣ земли, не надобѣ* и проч.,—избавляются отъ пошлинъ и повинностей, и отъ суда, кромѣ душегубства. Въ судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; о монастырскомъ человѣкѣ прибавлено (если не то, такъ подобное встрѣчается и въ другихъ грамотахъ): *и не емлютъ у него ничего.*

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1453 г. (2) Грамота сначала говоритъ о льготахъ соловарныхъ. Потомъ говоритъ о данѣ князя Юрья Дмитріевича: поповѣ дворѣ и ихъ *(монастырскихъ)* деревняхъ и пустошахъ: «*и кого къ себѣ въ тотъ дворъ, да въ тѣ деревни и на тѣ пустоши людей окупивъ посадятъ,*» тѣ избавляются отъ дани, пошлинъ и повинностей и отъ суда, кромѣ душегубства. Здѣсь замѣчательно во первыхъ то, что говорится о дворѣ; во вторыхъ, что говорится объ окупныхъ людяхъ; можетъ

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 51.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I. № 52.

быть другіе подразумѣваются; въ третьихъ то, что сказано: ни къ старостѣ не тянутъ, ни въ которыя пошлины, ни въ которое дѣло; въ четвертыхъ: *ни двора волостелина не ставятъ*. — Эта повинность, то же сравнивающая отношенія волостеля съ вотчинникомъ. — Не сказано, что судитъ монастырь, но это непремѣнно разумѣется и важно здѣсь, какъ доказательство, что иногда не все въ грамотахъ говорится. О судѣ смѣсномъ также, какъ и въ другихъ грамотахъ. Имъ же доказывается монастырскій судъ.

Жалованная грамота В. К. Марьи Ярославовны Троицкому Сергіеву монастырю 1453 г. (1). Эта грамота освобождаетъ старожильцевъ и кого перезовутъ изъ иныхъ княженій, *а не изъ Великаго княженія и изъ моихъ селъ*, или кого откупя посадитъ, отъ пошлинъ и повинностей (между послѣдними: *ни города не дѣлаютъ . . . . . ни портнаго не даютъ*) и отъ суда, кромѣ душегубства. Судъ монастырскій. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю около 1453 г. (2). Грамота замѣчательная. Въ ней, *по приказу своей оспожи, своей матери*, Великимъ Княземъ даются села съ деревнями къ монастырю, что къ нимъ изъ старины потягло, за исключеніемъ земель волостныхъ, данныхъ Великимъ Княземъ своей матери къ тѣмъ ея селамъ и деревнямъ. Села и деревни даются монастырю съ хлѣбомъ и животиною и съ половиной *«серебра лътнего на людехъ»*, со всѣмъ, что есть въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, кромѣ людей *страдныхъ и кромъ суда*, *«судъ мой Великого Князя.»* — И такъ, здѣсь не отдается судъ, слѣдовательно выгоды могли заключаться въ пошлинахъ не судныхъ, въ наймѣ земли и пр. Самое исключеніе суда показываетъ значеніе суда государственное.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю около 1453 г. (3). Въ грамотѣ сказывается просто, что дается село и глушица. Никакихъ подробностей нѣтъ; это умолчаніе также замѣчательно.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому

(1) Ак. Ар. Экс. т. I, № 53.
(2) Акт. Истор. т. I, N 54.
(3) Ак. Ист. т. I, № 55.

Сергіеву монастырю 1455 г. (1). Грамота эта освобождаетъ старожильцевъ, *или кого къ себѣ игуменъ или его приказщикъ перевезутъ* изъ другихъ княженій, на 10 лѣтъ отъ дани и отъ пошлинъ и повинностей (мы уже говорили, что надо различать урочныя льготы отъ общихъ обыкновенныхъ освобожденій отъ пошлинъ и пр.; вѣроятно урочныя льготы—дань), и отъ суда, кромѣ душегубства.—О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Сверхъ того, разныя другія финансовыя льготы.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1455 — 1462 г. (2). Грамота замѣчательна. Въ ней говорится, что Великій Князь.... *велѣлъ былъ* своему волостелю судить монастырскихъ крестьянъ, *и поничя*.... ему судить не велѣлъ; «*въ судъ выдаетъ игуменъ своихъ людей самъ*», по старымъ его Великаго Князя грамотамъ. Опредѣляется, однако, кормъ волостелю отъ монастыря. Сказано объ освобожденіи отъ пошлинъ праветчиковъ и доводчиковъ. — Замѣчательно, что судъ былъ взятъ и отданъ; весь этотъ вопросъ о судѣ показываетъ, что онъ былъ важенъ и имѣлъ государственное значеніе.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1455 — 1462 г. (3). Также очень замѣчательна. Въ ней запрещается ѣздить на пиръ къ монастырскимъ людямъ (въ селѣ и деревняхъ); между прочимъ названы: *боярскіе люди*. Сверхъ того запрещается выводить изъ того села и деревень монастырскихъ старожильцевъ: извѣстное ограниченіе перехода.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Кириллову монастырю 1455 г. (4). «*Что дали имъ въ монастырь Корта да Шудебъ, дворъ Максимовскій, по душѣ по Максимовѣ, въ городѣ въ Дмитровѣ, тяглой, на посадѣ*»: кто будетъ у нихъ жити тамъ, тѣ люди монастырскіе освобождаются отъ дани, пошлинъ и повинностей (въ числѣ ихъ княжой сѣнокосъ); также выраженіе: *ни съ слугами, ни съ черными людьми съ городскими*....; также освобождаются отъ суда, кромѣ душе-

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 56.
(2) Ак. Ист. т. I, № 58.
(3) Ак. Истор. т. I, № 59.
(4) Ак. Арх. Экси. т. I, стр. 465.

губства. — Между прочимъ, ловчіе княжіе ихъ не посылаютъ на лосей и медвѣдей.

Жаловинная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Аѳанасію Внукову съ дѣтьми 1455 г. (1). Кого къ себѣ призоветъ, изъ другихъ княженій, на промѣненныя княземъ, на его куплю, земли, «съ деревнями, *съ живущими*, и съ пустошми; и съ починки, и *съ лѣсы*,» или кого окупивъ посадитъ, тѣ люди старожильцы и пришлые и окупленные освобождаются отъ дани на двадцать лѣтъ, и отъ другихъ пошлинъ и повинностей (вѣроятно, не на срокъ); также отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Также избавляются отъ рыбной пошлины; свободный торгъ *сущемъ* и рыбою на Бѣлоозерѣ въ городѣ, *съ частьми*. Особенность на счетъ возможности грамоты на грамоту: «*а на сю грамоту грамоты моей не дамъ*.»

Договорная Новогородская грамота 1456 г. (2) (дополнительная). Замѣчательна тѣмъ, что говорится о земляхъ Ростовскихъ, купленныхъ или даромъ взятыхъ Новогородцами, которыхъ они отступаются Великимъ Князьямъ.

Жаловинная грамота В. К. Василья Васильевича Кириллову монастырю 1456 г. (3) Эта грамота освобождаетъ, кого призовутъ изъ иныхъ княженій, отъ дани на 10 лѣтъ; также людей призванныхъ и тутошнихъ ихъ людей старожильцевъ отъ пошлинъ и повинностей и отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ.—О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.— Замѣчательно: «*а тяглыхъ людей имъ моихъ Великого Князя данскихъ писменыхъ* (описанныхъ писцами) *въ то имъ село и въ деревни къ себѣ не приимати*.» (Собственныхъ ли крестьянъ Государевыхъ или Государственныхъ?) И такъ вотъ своего рода ограниченіе перехода.

Жаловинная грамота В. К. Василья Васильевича 1460 г. (4). Половина села погорѣвшаго съ хлѣбомъ освобождается отъ дани и отъ другихъ пошлинъ на три года, а послѣ трехъ лѣтъ, сказано: «*потянуть въ мою дань съ своею братьею съ Митрополичими сельяны по силѣ*.» Здѣсь сказано только о дани?

(1) Ак. Арх. Эк. т. I. стр. 466.
(2) Ак. Ар. Эк. Т. I. № 58.
(3) Ак. Ар. Эк. Т. I. № 60.
(4) Ак. Ар. Эк. т. I. № 63.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю около 1460 г. (1). Грамота очень замѣчательна. Людей, которые вышли изъ ихъ селъ (въ Углицкомъ уѣздѣ), въ села Великаго Князя, Великой Княгини, или въ боярскія села, *село льта не хотя ихати на мою службу Великого князя къ берегу*, Великій князь велитъ выводить къ монастырю опять назадъ. *А которые люди живутъ въ ихъ селѣхъ и пьяньче, и князь Князь Великій тѣхъ людей не велѣлъ пущати прочь.* Вообще ли говорится здѣсь, и навсегда ли запрещается? Можетъ быть только по этому случаю, по отношенію къ береговой службѣ.— Ограниченіе перехода очень замѣчательное.

Жалованная грамота Тверскаго В. К. Бориса Александровича прежде 1461 г. (2) Князь продалъ монастырю село съ деревнями и пустошами (свое ли?) *и что къ тому селу издавна потяглo*, за 10 рублей и 10 воловъ.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1461 г. (3). Освобождается дворъ монастырской въ Дмитровѣ отъ дани, пошлинъ и повинностей. Даютъ съ того двора оброкъ рубль. Замѣчательно.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю прежде 1462 г. (4). Замѣчательно выраженіе: *«что ихъ ватаги.»* Также выраженіе о волостеляхъ, что они *ставятся межъ ихъ деревень* и пр.; *«пошлой де станъ по князя.»* Замѣчательно вообще слово *станъ*; должно быть отношеніе между *станомъ* и *становищемъ* Ольги.

Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю прежде 1462 г. (5). Замѣчательно выраженіе: *люди дворные*. Также выраженіе: *князи мои и бояре и дѣти боярскіе*. Изъ этого видно, что князья составляли сперва нѣчто особое и что дѣти боярскіе (какъ думаетъ Бѣляевъ) были точно люди боярскіе. — Люди дворные поставлены послѣ дѣтей боярскихъ; если это дворяне, то этимъ подтверждается (какъ думаетъ Бѣляевъ), что дѣти боярскіе были выше дворянъ.

---

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 64.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 68
(3) Ак. Ар. Эк. т. I. № 69.
(4) Ак. Истор. т. I. № 70.
(5) Ак. Ист. т. I. № 71.

Грамота В. К. Іоанна Васильевича на Бѣлоозеро послѣ 1462 г. (1). Очень замѣчательна, потому что она обращена на Бѣлоозеро къ городскому сотнику и всѣмъ крестьянамъ, и на городокъ на Ѳедосьинъ и на другія мѣста, и говорится о серебряникахъ, которыхъ они (тѣ, къ кому обращена грамота) отказываютъ (за себя). Изъ грамоты видно, что серебро значило деньги. «Который крестьянинъ скажется что онъ виноватъ въ серебрѣ,» т. е. долженъ, то должно было заплатить за него монастырское серебро и можно было тогда крестьянина вывезти; а который крестьянинъ скажется *монастырю серебромъ не виноватъ* (не долженъ), въ томъ серебрѣ надо было дать поруку монастырю (который разумѣется находилъ, что крестьянинъ долженъ), а крестьянина (я думаю такъ) ставить передъ Великимъ Княземъ.

Жалованная грамота Митрополита Ѳеодосія Борису Тютчеву, Запись Бориса Тютчева, Запись Григорья Киселева, и жалованная грамота Митрополита Даніила крестьянину Мелетію Новикову 1462—1527 г. (2). Очень замѣчательны всѣ эти акты. Въ первомъ Митрополитъ жалуетъ (для Великаго Князя Ивана Васильевича) Тютчева пожизненно селомъ *церковнымъ и своимъ*; съ тѣмъ, чтобъ его ни кому ни дать, ни освоить, ни продать, ни промѣнять. Послѣ Бориса село опять *въ домъ Пречистые Богородицы* со всѣмъ, что примыслитъ Борисъ серебра, хлѣба и животины. Запись Тютчева имѣетъ то же содержаніе. Запись Киселева такого же содержанія. — Жалованная грамота Митрополита Даніила крестьянину замѣчательнѣе всѣхъ. Митрополитъ Даніилъ жалуетъ своего изстариннаго крестьянина (старожильца) *Дементья, Мелетія Нестерова сына Новикова, Филимонова внука* деревнями со всѣми угодьями; дастъ ему на тѣ деревни льготы на 10 лѣтъ для того, что тѣ деревни позапустѣли отъ меженины; послѣ же 10 лѣтъ «*имъ* (Митрополиту) *его пооброчити.*» На сколько же дается вообще, не сказано. «*А на селища и на пустоши и на лѣсъ ему людей призывать и деревни ставити и слободу сбирати, и льготные ему грамоты на урокъ давати....*» Этихъ деревень и пр. не долженъ онъ ни освоивать, ни окняжить, ни обоярить и пр. Грамота эта нисколько

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 73.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 74.

не различается содержаніемъ своимъ отъ предъидущихъ; слѣдовательно крестьянинъ стоитъ совершенно наравнѣ съ другими сословіями. Мало того, крестьянину дается еще больше: право перезывать людей, давать льготныя грамоты; съ этимъ вмѣстѣ конечно предоставляется ему судъ или по крайней мѣрѣ доходъ отъ деревень пашенный или оброчный.—Итакъ, крестьянинъ, по значенію своему и правамъ, нисколько никого не стоялъ ниже, былъ наравнѣ со всѣми, а еще можетъ быть имѣлъ свои преимущества.—Видно также, что крестьянинъ вотчинный не отличался отъ другихъ крестьянъ. Вообще сословій въ древней Руси не было. — Не было ли, можетъ быть, это и вотчинная грамота съ тѣмъ, чтобъ не выходить изъ предѣловъ области духовной?— Во всякомъ случаѣ значеніе крестьянина здѣсь велико и важно, значеніе свободнаго человѣка и имѣющаго права.

Жалованная грамота Угличкаго Князя Андрея Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1462—1467 г. (1). «*Что скажютъ собѣ купили* (что они говорятъ что купили) *въ моей отчинѣ въ Угличской, въ Кинелскомъ стану, деревню Татариновскую, землю боярскую,*» у такихъ-то вотчинниковъ. Старожильцы этой деревни или кого къ себѣ перезовутъ, не изъ отчины князя, освобождаются отъ пошлинъ и повинностей, также отъ суда, кромѣ одного душегубства. Между прочимъ, *пятна* предоставляется игумену. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. «*Также къ тѣмъ людемъ монастырьскимъ пальстинчи и волостелины* (люди?), *и доводчики, и боярскіе люди, поборовъ у нихъ ни какихъ не берутъ*» и пр. Самовольство ли это этихъ людей, или извѣстное ихъ право, или позволенное дѣло, или не опредѣленное отношеніе? Далѣе (здѣсь же) рѣчь идетъ о пирахъ и почлегахъ, о чемъ не рѣдко встрѣчается запрещеніе.

Замѣчательно, что все духовенство и, слѣдовательно, всѣ церковныя владѣнія, Епископіи, составляли одно цѣлое подъ властію святителя (Епископа). Это видно изъ грамоты Митрополита Ѳеодосія (2).

Жалованная грамота Рязанской В. К. Анны Васильевны Солотчинскому монастырю 1464—1501 г. (3). Вотчина, борть, дан-

(1) Ак. Ист. т. I. № 74.

(2) Ак. Истор. т. I, № 77. 1463. г.

(3) Ак. Истор. т. I, № 80.

ная Зачатейскому монастырю В. К. Софьей Дмитріевной дается (возвращается, кажется) Солотчинскому (*вѣдать* та вотчина *по старинѣ самимъ*) монастырю, который обязанъ давать къ Зачатейскому монастырю извѣстную подать (которая, кажется, превышаетъ доходъ, получавшійся съ этой вотчины Зачатейскимъ монастыремъ).—Замѣчательно здѣсь—борть дается съ бортникомъ. Ошибутся очень, если подумаютъ, что и бортникъ былъ отдаваемъ, какъ собственность. Это значитъ, что отношенія бортника къ прежнему владѣльцу передавались другому владѣльцу, и только; владѣльцы могли между собою мѣняться, и отношеніе бортника оставалось то же, какое бы оно ни было. Изъ другихъ указаній ясно видно, что это было отношеніе свободное.

Жалованная грамота Рязанской В. К. Анны Васильевны Солотчинскому монастырю 1464—1501 г. (1). Кого призовутъ людей на село, куплю вотчинника, приданную имъ монастырю,—*съ иныхъ сторонъ*, тѣ освобождаются отъ всякой пошлины (*«тяготи»*) на 5 лѣтъ; очевидно, что и отъ суда также; но прямо здѣсь это не сказано; сказано: *«не въѣщаютъ»* (не въѣзжаютъ); между тѣмъ, поименованы судныя пошлины, что еще болѣе утверждаетъ финансовое значеніе суда, преимущественность этого значенія.—*«А пожаловала есмь его казначьемъ своимъ....»* Съ казначеемъ? Или казначеемъ, въ смыслѣ того, что передается отношеніе, служебное или другое? Кажется, въ этомъ смыслѣ. Тогда надо и въ другихъ такихъ же случаяхъ (это встрѣчается, кажется, особенно въ Рязанскихъ грамотахъ) такъ понимать.—Встрѣчается выраженіе: *околица* (округъ). Также въ числѣ пошлинъ: *шестьдесятъ* и др.—Рязанскія грамоты между собою сходны.

Жалованныя грамоты избавляли и просто отъ пошлинъ.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Митрополиту Филиппу 1465 г. (2). Кто въ селахъ и деревняхъ, данныхъ монастырю Ѳедоромъ Клобукомъ, *имѣетъ людей жити*, избавляются отъ пошлинъ и повинностей, кромѣ церковной пошлины, также отъ суда, кромѣ душегубства. Въ случаѣ татьбы и разбоя съ поличнымъ судитъ самъ князь. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.

(1) Ак. Ист. т. I, № 81.
(2) Ак. Ар. Экс. т. I, № 75.

Откупалась дамга.

Жалованная грамота Тверскаго В. К. Михаила Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю около 1465 г. (1) Дворъ съ поляною купленъ въ Кашинѣ на посадѣ у Ѳедосьи Казариновой монастыремъ:—освобождаются люди, которые въ немъ станутъ жить,—*и кто учнетъ въ томъ дворѣ жити людей*,—отъ дани, пошлинъ и довинностей, и отъ суда (эти люди именуются въ грамотѣ и *дворниками*), кромѣ разбоя, душегубства и татьбы съ поличнымъ. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.

Грамота В. К. Іоанна Васильевича Суздальскимъ и Юрьевскимъ намѣстникамъ и посельскимъ 1466—1478 г. (2). Эта грамота обращена въ Суздаль и Юрьевъ къ намѣстникамъ, и въ села Великокняжія и въ слободы, и въ боярскія села и въ слободы, къ посельскимъ.—Были ли посельскіе во всѣхъ селахъ?—Если такъ, и если посельскій былъ чиновникъ, то надобно ихъ (чиновниковъ такихъ) предположить и въ боярскихъ селахъ. Грамота о томъ, чтобы монастырскихъ крестьянъ, вышедшихъ *сей зимы о Сборъ*, воротить опять на старыя мѣста до Юрьева дня до осенняго.

Жалованная грамота В. К. Маріи Ярославовны Перехтскому тіуну и праветчику 1466—1478 г. (3). Эта грамота утверждаетъ, чтобы относительно сельда, даннаго Васильемъ Борисовичемъ, и сельца ихъ Лихоревскаго, поступать по жалованной грамотѣ на «село Ѳедоровское и на деревни.» Замѣчательно, неоднократно встрѣчающееся, подтвержденіе князя, какъ скоро кѣмъ-либо дается (и вообще кажется пріобрѣтается) село въ монастырь; относительно другихъ вотчинниковъ —кажется нѣтъ или не всегда.

Жалованная грамота Ростовскаго Архіепископа Вассіана Кириллову монастырю 1468 г. (4). Освобождаются въ двухъ церквахъ въ селахъ монастырскихъ, въ Романовѣ слободкѣ — игумены, попы или дьяконы отъ дани и пошлинъ и отъ суда десятинниковъ Архіепископскихъ; судитъ монастырской игуменъ;

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 79.
(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 83.
(3) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 84.
(4) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 85.

въ духовномъ дѣлѣ относится къ Архіепископу. «*А пожаловалъ есмь своими бояры, Некрасомъ Ивановымъ сыномъ, да Семеномъ Кузминымъ сыномъ, да Иваномъ старцемъ Баскаковымъ.*» Полагать ли здѣсь: *съ?* Я думаю, что такъ.—У Архіепископа тоже были бояре; онъ совѣтовался съ ними.

Жалованная грамота Дмитровскаго князя Юрія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1471 г. (1). Говорится, чтобы вѣдать *свой монастырь Живоначалныя Троицы на Березникѣхъ*, да земли, данныя боярами и дѣтьми боярскими къ этому монастырю. — Кого насадятъ жить людей — тѣ люди освобождаются отъ дани на 10 лѣтъ; также (безсрочно, конечно) отъ пошлинъ и отъ повинностей, и отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ. — О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно (*а исцово доправятъ на виноватомъ* — кажется это не вездѣ).— Отсидѣвъ 10 лѣтъ, потянутъ въ княжую дань по силѣ. — Замѣчательно здѣсь выраженіе, которое, кажется, не вездѣ встрѣчается: *ни къ сотскимъ, ни къ дворскимъ съ черными людми не тянутъ ни въ которые протори ни въ розметы.*

Видно владѣніе лицъ и, кажется, крестьянъ—изъ списка Двинскихъ земель (2).

Жалованная грамота Вологодскаго князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю 1471 г. (3). Кого къ себѣ на пустоши перезовутъ людей изъ иныхъ княженій, а не изъ вотчины князя, ни изъ волостей, ни изъ селъ, тѣ освобождаются отъ пошлинъ и повинностей; освобождаются отъ суда и въ душегубствѣ (какъ именно сказано). Замѣчательно выраженіе: *въ душегубство не вступаются ни которыми пошлинами.* О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Замѣчательно выраженіе: *а въ правдѣ и въ винѣ и въ посулыхъ и въ переводныхъ, во всѣхъ судовыхъ пошлинахъ мои волостели и ихъ тіуни знаютъ себѣ своего человѣка во всемъ.*—Это уже ясно указываетъ на финансовыя отношенія, на финансовое значеніе суда. — Финансовое отношеніе, вотъ что составляло выгоду суда, что жаловалось, передавалось и т. д. Эти пошлины, эта выгода была строго опредѣлена, это показы-

(1) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 88.
(2) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 94.
(3) Ак. Ар. Эксп. т. I, № 95.

ваетъ, что судъ былъ одинаковъ, кто бы его ни производилъ; выгода быть судьею состояла только въ пошлинахъ. Это свидѣтельствуетъ о превосходномъ административномъ устройствѣ, если перемѣна лица ничего не значила. Съ другой стороны, судъ былъ утвержденъ и обезпечиваемъ присутствіемъ земскихъ людей, и такимъ образомъ спасалось нравственное значеніе суда. Къ тому же должность судьи могла ввѣряться человѣку, извѣстному своими достоинствами.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю 1472 г. (1). Кто будетъ жить у нихъ на земляхъ, данныхъ имъ княземъ Ногтевымъ, тѣ на десять лѣтъ освобождаются отъ Великокняжой дани, также (конечно, не на срокъ) отъ пошлинъ и повинностей; также отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; «*а исцово правять на виноватомъ.*»

Данная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю 1472 г. (2). Грамота ни о чемъ не распространяется; сказано: «*а не вступается у нихъ въ то село никто.*»

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю 1473 г. (3) на то же село. Кто будетъ у нихъ въ селѣ жити, тѣ освобождаются на семь лѣтъ отъ дани, также (конечно, не на срокъ) отъ пошлинъ и повинностей; также отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; «*а присудомъ дѣлятся на полы.*» «*А людей имъ въ то село моихъ Великого князя не принимати.*»

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю 1473 г. (4). Этой грамотой подтверждаются вотчины монастырскія, освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; если игуменъ общаго суда судить не захочетъ *(судитъ самъ князь.)* Въ подтвержденіи того же князя, говорится объ освобожденіи отъ пошлинъ и опять о судѣ; но здѣсь нѣтъ (быть можетъ пропущено) изключенія душегубства.—Выраженія: «*а смытается судъ моимъ людемъ городскимъ, или волостнымъ или сельскимъ.... Въ тѣхъ*

(1) Ак. Истор. т. I, № 83.
(2) Ак. Истор. т. I, № 84.
(3) Ак. Истор. т. I, № 87.
(4) Ак. Арх. Экс. т. I, стр. 474.

селахъ въ монастырскихъ и въ слободкахъ, и въ деревняхъ, и на пустошьхъ, и на льсьхъ».—Намѣстники, волостели, посельскіе, тіуны.—Замѣчательно, что въ подтвержденіи говорится: *«а смѣшается судъ тѣмъ людемъ монастырскимъ съ волостными людми, и поселской, свѣстясь съ волостелемъ, судитъ».*—Въ числѣ вотчинъ *(изчисленныхъ въ грамотѣ)* кажется есть и отъ крестьянъ, ибо сказано: *жеребей который Ивашко Кабачинъ заложилъ игумену Христофору: «пожию»* тамъ-то—*«свой жеребей».*

Жалованная грамота В. К. Маріи Ярославовны 1473—1478 г. (1). Кто будетъ держать монастырскія варницы, митрополичій соловаръ, и кто у него въ варницахъ и дворахъ будетъ жить и въ починкѣ, повары или водоливы, или окупленные люди домовые, тѣ варницы, дворы и починокъ освобождаются отъ дани, пошлинъ и повинностей; ихъ *(повинностей)* много, въ томъ числѣ: *«ни закосное»*, также: *«ни площки, ни половниковъ»;* также освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства: *«а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ людей всѣхъ митрополичь соловаръ, или кому прикажетъ.»* О смѣсномъ судѣ, какъ обыкновенно. Здѣсь судитъ—*соловаръ.*—Употреблено выраженіе: *митрополичь христіанинъ.* Разбой же и татьбу съ полничнымъ судитъ сама Великая Княгиня.

Отводный списокъ Новоторжскихъ земель 1476 г. (2) «Князь велики пожаловалъ владыку Ноугородского, и бояръ Ноугородскихъ *землями въ Торжку, которыя были приведены къ селомъ Великого князя.»*

Жалованная грамота Угличкаго князя Андрея Васильевича 1476 г. (3). Князь освобождаетъ монастырю *слободу сбирати;* кого перезовутъ въ ту *слободку* изъ иныхъ княженій,—тѣ люди слобожане освобождаются отъ дани на двадцать лѣтъ. А кого къ себѣ перезовутъ изъ княжой отчины *«безвытныхъ людей, или себѣ откупивъ посадятъ»* (вѣроятно изъ княжой же вотчины), тѣ освобождаются отъ дани на десять лѣтъ. Разумѣется, и тѣ и другіе—слобожане. Также освобождаются (не на срокъ разумѣется, и разумѣется и тѣ и другіе) отъ пошлинъ и повинностей. *«А тяглыхъ моихъ людей писменныхъ и вытныхъ въ ту слободку*

(1) Ак. Арх. Эк. т. I, № 99.
(2) Ак. Арх. Эксп. т. I, № 101.
(3) Ак. Арх. Эк. т. I, № 102.

имъ не принимати.» — Также слобожане освобождаются (мы употребляемъ это слово, хотя оно и не точно выражаетъ дѣло; тутъ нѣтъ никакого жалованья; судъ только передается; правительство поступается судомъ) отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. — «*Также у тѣхъ слобожанъ кто станутъ гости на подворьи съ иныхъ городовъ, и намѣстникомъ и тивуномъ. и всѣмъ пошлинникомъ не являются; ни пошлинъ ни даютъ ни которыхъ, опричь церковныхъ пошлинъ; а являются игумену съ братьею или ихъ приказщику.*»— Подъ *гостями* нельзя разумѣть только *гостей* въ теперешнемъ смыслѣ.—Пятно свое. Освобожденіе отъ рыболовнаго оброка.—Запрещеніе очень часто встрѣчаемое ѣздить незваному на *пиры* и на *братчины*. Это очень важно; эти пиры и братчины указываютъ на общественныя пированья; доселѣ они ведутся у крестьянъ; только на такіе пиры, пользуясь ихъ общественностью, и можно было ѣздить незваным и втираться.

Запись Новгородская о церковномъ судѣ (названіе не совсѣмъ вѣрное), прежде 1477 г. (1) «*Братщина судитъ какъ судьи*» (вѣроятно на пиру братчины и.....) (2).

Жалованная Новгородская грамота Троицкому Сергіеву монастырю (3). Освобождаетъ отъ торговыхъ пошлинъ въ Двинской землѣ, и старцевъ ихъ и *вотамановъ* и *осначевъ* не судятъ тамъ *ни въ каковъ дѣлѣ, ни съ поличнымъ.*—Система пошлинъ таже. — Замѣчательно освобожденіе отъ суда, конечно въ духѣ пошлинъ. «А кто сю нашу жалованную грамоту переступитъ»..... Новгородъ совершенно какъ Государь, да онъ такъ и называется.

Жалованная грамота Митрополита Геронтія Благовѣщенскому и Константино-Еленскому монастырямъ 1478 г. (4) Освобожденіе архимандрита отъ дани и пошлинъ, также попа Никольскаго монастырскаго Добраго села; также отъ суда. Судъ надъ Никольскимъ попомъ, надъ духовными, и надъ слугами монастырскими и крестьянами (*«Христіанъ»*), предоставляется архимандриту.

---

(1) Ак. Арх. Эк. т. I, № 103.
(2) Одно слово неразобрано. *Прим. изд.*
(3) Ак. Арх. Эк. т. I, № 104, 1477 г.
(4) Ак. Арх. Эк. т. I, № 105.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю 1479 г. (1). Кого перезовутъ къ себѣ жить людей на ихъ пустую и поросшую лѣсомъ слободку, — *въ ту слободку, на ть пустоши*,—изъ другихъ княженій, тѣ пришлые люди освобождаются отъ дани на десять лѣтъ, также отъ всякихъ пошлинъ и повинностей (разумѣется, не на срокъ); также отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; «*а присудомъ дѣлятся на полы.*» Послѣ десяти лѣтъ—дань *по силѣ* (очевидно, не болѣе; эта оговорка встрѣчается и въ другихъ такихъ же подобныхъ грамотахъ). «*А людей имъ къ собѣ на ть пустоши тяглыхъ не пріимати.*»—Вотъ уже ограниченіе перехода. Укрѣпленіе ничего болѣе въ себѣ не представляетъ, какъ распространеніе всеобщее и подтвержденіе этого правила.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича 1484 г. (2). Освобожденіе крестьянъ вотчинника въ купленной и приданой вотчинахъ—отъ пошлинъ и повинностей, кромѣ церковныхъ пошлинъ, также отъ суда, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; присудъ по поламъ. Замѣчательно подтвержденіе: сказано: «намѣстникомъ Вологодцкимъ и ихъ тіуномъ о. судѣ сее у него грамоты рушити не велѣлъ, а велѣлъ имъ ходити о судѣ по тому» и пр.

Передавались пошлины, напримѣръ *пятно;* дѣло нисколько не измѣнялось; крестьянинъ платилъ точно такъ же и тоже. Это ужъ дѣлалось у государства промежъ себя.—Само собою разумѣется, не разрывалась община. Русская земля представляетъ цѣлую общину, надъ которой государственная власть дробится, совокупляется, передается и дѣлитъ межъ собою главную свою выгоду—финансовыя отношенія, а община постоянно цѣльна и таже.

Жалованная грамота Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Гридѣ Степанову 1484 г. (3). Грамота весьма замѣчательная. Кого къ себѣ вотчинникъ перезоветъ людей въ деревню и на пустоши, изъ другихъ княженій, или кого окупивъ посадитъ, тѣ люди пришлые и окупленые освобождаются на урочное время отъ княжой дани. «*А къ старостѣ имъ Шубачскому съ тя-*

(1) Ак. Истор. т. I, № 88.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 111.
(3) Ак. Арх.-Эк. т. I, стран. 477.

глыми людми не тянути, ни въ какіе протори, ни въ разметы, никаки дѣлы.» Это очень замѣчательно; и такъ, здѣсь освобождаются отъ обязанности *(къ)* окружающей общинѣ. Это можетъ быть должно подразумѣвать и при другихъ грамотахъ. Староста не волостель. Впрочемъ, здѣсь очевидно — выгоды финансовыя; въ дѣлахъ общины, въ избраніяхъ вѣроятно всѣ участвовали, и община не раздѣлялась. *«А волостели мои Шубачскіе и ихъ тіуни, Гриди, и его людей и его дѣтей не судятъ ни въ чемъ»* и пр. Также очень замѣчательно, что здѣсь названъ и самъ Гридя и его дѣти. Въ другихъ грамотахъ этого нѣтъ. — Въ нихъ, какъ видно, не считалось нужнымъ упоминать объ этомъ; это подразумѣвалось и выражалось словами, что судитъ князь или его бояринъ. — Впрочемъ, и здѣсь объ этомъ говорится; упомянуты и люди («а кому будетъ каково дѣло до Гриди и до его дѣтей, или до его людей, ино ихъ сужу язъ самъ князь Михайло»); слѣдовательно, это нѣсколько противорѣчитъ нашему предположенію.—Судъ предоставляется вотчиннику, кромѣ душегубства.

Грамота В. К. Іоанна Іоанновича Галицкимъ намѣстникамъ и Соли-Галицкой волостелю и вотчинникамъ 1485 г. (1). Грамота эта любопытна своимъ обращеніемъ: *«къ намѣстникомъ и къ Соли къ Галицьской къ волостелю и всѣмъ пошлинникомъ.»* Это прямо указываетъ на пошлинное финансовое значеніе суда. Употребленіе *(грамоты)* также: *«онъ собѣ держитъ иныхъ дѣлъ пошлинниковъ моихъ,»* указываетъ на то же значеніе.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю 1485 г. (2). Замѣчательно, что между разными угодьями упоминаются два селища: селище Благовѣщенское и селище Бережецъ. Кажется, селище было мѣсто села или пустое село.

Жалованная грамота Угличкаго князя Андрея Васильевича 1486 г. (3) Кто въ монастырскомъ дворѣ на Угличѣ на посадѣ *учнутъ жити дворники*, освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ; вѣдаетъ и судитъ Приказной

(1) Ак. Истор. т. I, № 95.
(2) Ак. Истор. т. I, № 96.
(3) Ак. Арх. Эк. т. I, № 119.

посельской. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; присудъ по поламъ.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Ивашку Глядящему 1487 г. (1) Освобождаются люди, *кто у него иметь жити людей*, отъ дани, пошлинъ и повинностей; также отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Въ грамотѣ есть разныя подробности. Замѣчательно: «*билъ челомъ моей Великой Княгини Софьи и съ своею вотчиною*» за отчину, о вотчинѣ, вмѣстѣ съ вотчиною? или отнести къ *пожаловалъ*?—«*Сужу (его) азъ самъ князь Великій, или моей Великія Княгини боярин введеной.*»

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю, 1488 г. (2). Тѣ, кто *учнуть* въ селѣ и въ деревняхъ жить, *и тыхъ ихъ людей къ дворскому, ни къ сотцкому, съ черными людми не тянуть ни въ какіе протори, ни въ розметы.* Также освобождаются отъ суда, кромѣ одного душегубства.—Пятно свое (для копей монастырскихъ людей).

Уставная Бѣлозерская грамота 1488 г. (3) Очень замѣчательна. Выраженіе: «а городьскимъ людемъ Бѣлозерьскимъ *посажаномъ*» (посадскимъ?). «*А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотцковъ и безъ добрыхъ людей, не судити суда.*» Люди подчиненные, въ случаѣ обиды отъ начальниковъ, сами могли наметывать на нихъ сроки.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича 1488 г. (4) Кто въ селахъ и деревняхъ (монастыря) *учнетъ жити крестьянъ ихъ и людей*, освобождаются отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; *истцево доправятъ на виноватомъ.*

Устройство пошлинъ было и въ духовномъ вѣдомствѣ, и было освобожденіе отъ пошлинъ въ самомъ вѣдомствѣ.

Грамота Звенигородскаго князя Андрея Васильевича Сторожевскаго монастыря игумену Діонисію 1490 г. (5) Грамота

---

(1) Ак. Арх. Эк. т. I, № 120.
(2) Ак. Арх. Эк. т. I, № 122.
(3) Ак. Арх. Эк. т. I, № 123.
(4) Ак. Арх. Эк. т. I, № 124.
(5) Ак. Истор. т. I, № 100.

чрезвычайно важная. Она уравновѣшиваетъ подать и повинность села, освобожденнаго отъ княжескихъ даней. Кажется очевидно, здѣсь рѣчь идетъ о платѣ монастырю. Село освобождается отъ податей князю, подати переходятъ въ руки вотчинника, здѣсь — монастыря. Грамота установляетъ эти подати. Чрезвычайно важно: 1) указывается на финансовое отношеніе, 2) на опредѣленность этихъ отношеній. Эта грамота есть нѣкоторымъ образомъ уставная, показывающая, что не дѣйствовалъ произволъ вотчинника, здѣсь—монастыря. Опредѣленность эта конечно существовала и вездѣ, но грамоты дѣлались не нужными или по силѣ обычая, или потому, что не было какихъ-нибудь особенныхъ установленій отношеній, какъ можетъ быть здѣсь.

«*А келарю вели судити, а присудъ ему.*» Ясно указываетъ это на финансовое отношеніе. Вѣроятно, всякой келарь судилъ; но въ судѣ лицо не много значило; сверхъ того конечно вниманіе обращалось на личное достоинство судьи, а потомъ выборными отъ народа судъ (1) ограничивался свободно.

«*А сю грамоту держы въ казнь, вирокъ иныхъ дьля игуменовъ.*» Важное и ясное указаніе на значеніе этой грамоты, какъ уставной.—Грамоту надо знать.—Надо посмотрѣть, нѣтъ ли еще такихъ грамотъ.

Замѣчательно постоянное опредѣленіе крестьянской пашни.

Жалованная грамота Волоцкаго князя Бориса Васильевича 1493 г. (2) Отдается монастырю деревня въ оброкъ.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю 1494 г. (3). Кто живутъ въ селахъ и деревняхъ (монастырскихъ), освобождаются отъ пошлинъ и повинностей, кромѣ одного монастырскаго яму; также отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. «*А намѣстницы мои Бѣжецкіе и ихъ тіуни игуменова приказщика, ни моимъ судомъ Великого князя, ни боярскимъ судомъ, не судятъ ихъ людей.*»—Пятно свое.

Жалованная грамота Волоцкой княгини Іуліаны Михайлов-

(1) То есть: *произволъ суда. Изд.*
(2) Ак. Арх. Эк. т. I № 129.
(3) Ак. Арх. Эк. т. I, № 131.

ны, Иринѣ Баламутовой и сыну ея Васюку 1495 г. (1) Кто *иметъ жити людей* (въ ихъ деревнѣ Матвѣевской) освобождаются отъ пошлинъ и повинностей; также отъ суда, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно; присудъ по поламъ.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Спасо-Евѳиміеву монастырю 1495 г. (2) Замѣчательно, что здѣсь князь беретъ пожни и пашенную землю монастырскую и даетъ «*къ перевѣсью бортнику Гридькѣ.*» — Князь даетъ вмѣсто этого другія.

Судебникъ Великаго князя Іоанна Васильевича 1497 г. (3) Кажется, пошлина таже, какъ и въ монастырскихъ уставныхъ грамотахъ, т. е. съ рубля два алтына и пр.—надо справиться. — Правая грамота могла быть у холопа и у робы. — Слова: государь—господинъ.—Грамота битая. На битаго?—

Холопъ и роба могли имѣть на государя правую грамоту.

Замѣчательно: *на государя.* Значеніе этого слова и выраженія.—*Пожемной государь.*

«*А безь дворского и безь старосты и безь лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.*»

Земля хотѣла предоставить себѣ чисто нравственное внутреннее вліяніе, зная само по себѣ внѣшнее значеніе суда, значеніе внѣшней правды и соблазнъ суда.

Характеръ наслѣдственности виденъ, и домашняго даже разпорядка; потому что судъ не измѣнялся, все равно. Бояре и боярскіе дѣти. Недѣльщикъ и племянники и люди.—Между собою домашнимъ образомъ могли распоряжаться судомъ, ибо судъ не измѣнялся.

Кормленіе съ судомъ боярскимъ и безъ боярскаго суда. Но главное дѣло кажется кормленіе.

Приставъ могъ быть посланъ на намѣстника, волостеля, боярина и проч.

Юрьевъ день.—Плата за пожилой дворъ, за годъ, четверть и т. д.—Изъ этого однако видно, что крестьянинъ могъ жить и по долгу на одномъ мѣстѣ, не переходя.

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 132.
(2) Ак. Истор. т. I, № 102.
(3) Ак. Истор. т. I, № 105.

Для всѣхъ по вопросу о владѣньи одинакой судъ. Срокъ владѣнія для суда три года. Для Великаго Князя шесть лѣтъ.

О холопствѣ замѣчательно, и не ясно.

Таможенная Бѣлозерская грамота 1497 г. (1) Тамга и пятно коневое отдаются на откупъ; подобно тому былъ и откупной судъ, и съ этой же финансовой стороны давался онъ въ вотчинахъ. Это предполагаетъ превосходное устройство суда, если онъ могъ собственно приносить выгоды съ финансовой стороны, и оставался все тѣмъ же при перемѣнѣ лицъ.

Кажется, что городской человѣкъ потому самому *(что онъ городской)* уже могъ торговать.

Кажется, что городъ состоялъ изъ горожанъ и посажанъ.

Жалованная грамота Царя Магмедъ-Амина Троицко-Несоцкому монастырю 1498 г. (2) Очень интересна. Вотъ Татарскій Царь вступаетъ въ управленіе, и отношенія все тѣ же, тѣ же пошлины, и намѣстники и пр. И такъ, перемѣна лицъ ничего не перемѣняла и не измѣняла. Это очень важно. Царь даетъ лѣсъ монастырю. Кого перезовутъ жить на тотъ лѣсъ, тѣ освобождаются отъ царской дани, отъ всякихъ пошлинъ и повинностей; а отъ суда, кромѣ душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. Окончаніе грамоты такое, какъ и у князей и у Царей; *«А кто ся ослушаетъ сее моей грамоты, быти ему отъ Магмедъ-Амина Царя въ казни и въ продажѣ.»*

Жалованная грамота Волоцкаго князя Іоанна Борисовича Симоновскому монастырю 1498 г. (3) Кто станетъ жить въ селахъ и деревняхъ монастырскихъ, тѣ освобождаются отъ дани, пошлинъ и повинностей; замѣчательно: *«опрочь посадничи половины.»* Также отъ суда, кромѣ одного душегубства. Въ случаѣ разбоя и татьбы съ поличнымъ, между монастырскими людьми, судитъ архимандритъ или его *приказникъ* и докладываетъ князя или его боярина введеннаго. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.—За дань и за всѣ пошлины даютъ князю, оброкомъ, ежегодно въ казну восемь рублей.—Грамота замѣчательна. Она нѣсколько похожа на откупную.

---

(1) Ак. Ар. Эк. т. I, № 134.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 135.
(3) Ак. Ист. т. I, № 106.

Жалованная грамота Волоцкаго князя Ѳедора Борисовича Симоновскому монастырю 1499 г. (1) Изчисленіе пожалованныхъ владѣній замѣчательно; замѣчательно также: «*да и люди... что были за Давыдомъ, за діакономъ;*» также: «*пожаловалъ есми ихъ селищомъ Онкудовымъ, какъ было за Давыдомъ за діакономъ.*» Даются разныя права и преимущества. Старожильцы и кого перезовутъ изъ иныхъ княженій, освобождаются отъ пошлинъ и повинностей. Судъ монастырской, кромѣ душегубства и разбоя. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно.—Кто принятъ изъ зарубежья въ волость, не являетъ волостелямъ; при замужствѣ и женитьбѣ за рубежъ, также не являютъ волостелямъ. — Грамота замѣчательна особенностью изложенія и выраженія.

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Костромскому Намѣстнику боярину Судимонту, и послушная его же Владимірцамъ, около 1499 г. (2). Придается ему другая половина Костромы, *съ правдою*. Очевидно не часть суда или возможность власти принималась въ разсчетъ, а финансовое значеніе, доходы; первое не могло быть, властолюбію не было мѣста. Здѣсь прямо указывается на доходъ, ибо билъ челомъ Яковъ Захарьичъ, что сытымъ быть обонмъ на Костромѣ не съ чего. Яковъ Захарьичъ получилъ городъ Владиміръ.

Послушная грамота такая же, какъ и вотчинниковъ и помѣщиковъ.

Жалованная грамота Волоцкаго князя Ѳедора Борисовича Іосифову Волоколамскому монастырю 1500 г. (3) Грамота замѣчательна своей подробностію и разными особенностями. Князь даетъ свою деревню, «*да къ тому есми придалъ половину слободки Тимоѳеевской, что нынѣ за Ивашкомъ за Поповичемъ;*» кто тамъ *имѣтъ людей жити*, тѣ освобождаются отъ княжой дани, отъ всякихъ пошлинъ и повинностей. Замѣчательно (въ числѣ пошлинъ): «*ни развинское, ни подымное.*» Также отъ суда, кромѣ одного душегубства. О судѣ смѣсномъ, какъ обыкновенно. «*А кому будетъ чего искати на монастырьскомъ приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ князь Ѳедоръ Борисовичь, или мой боярин*ъ

(1) Ак. Истор. т. I, № 108
(2) Ак. Истор. т. 1, № 110.
(3) Ак. Ар. Эк. т. I, № 136.

введеной.» Выраженіе: *ихъ*, можетъ быть относится къ монастырю. Что значитъ ихъ? Не значитъ ли это, — какъ и въ другихъ мѣстахъ, — что крестьяне могли жаловаться на прикащиковъ и на вотчинниковъ, и что тогда судилъ князь?—Замѣчательно: ловить рыбу *кереводы*.—Въ числѣ особенностей замѣчательно: «*а кто изъ зарубежья придетъ жити въ монастырьскія деревни, или кто пріѣдетъ изъ зарубежья гостить, а не съ торгомъ, и они волостелю и ихъ тіуну не являютъ.*»

Подтвержденія этой грамоты замѣчательны; изъ нихъ очевидно государственное устройство монастырскихъ вотчинъ: прикащики и доводчики; выраженіе: «*и пошлины съ судныхъ дѣлъ емлютъ на монастырь:*»—вотъ и выгода вотчины.—Замѣчательно выраженіе: «*монастырьскихъ крестьянъ и ихъ подсусѣдниковъ.*»

Жалованная несудимая грамота Болотовскому монастырю 1500 г. (1) — Монастырь избавляется отъ суда Архіепископа, кромѣ духовныхъ вещей, также отъ откупа и пошлинъ духовенству; также освобождается отъ пошлинъ гражданскому начальству.—Здѣсь внутри духовнаго вѣдомства дѣлается тоже самое, что и въ государствѣ; все то, что получалъ монастырь, получаетъ онъ и послѣ этой грамоты, только не даетъ въ дальнѣйшія руки. Положеніе тѣхъ, кто давали пошлины, не перемѣняется. Людей на варницахъ монастырскихъ не судятъ намѣстники и тіуны, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ. Кто *учнетъ жити людей* въ ихъ селахъ и деревняхъ, освобождаются отъ суда (гражданскаго), кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ. О судѣ смѣспомъ, какъ обыкновенно; *а присудомъ дѣлятся на полы.* Игуменъ или ихъ прикащикъ подлежитъ суду Новогородскихъ намѣстниковъ, а не тіуновъ ихъ; далѣе говорится о владычнихъ десятинникахъ и людяхъ, которымъ воспрещается въѣзжать *къ ихъ* (монастырскимъ) *людемъ и къ христіаномъ.* Это, или подобное, въ другихъ грамотахъ, говорится о гражданскихъ чиновникахъ. Есть и другія права о пирахъ и братчинахъ, о попрошатаяхъ.—Грамота замѣчательна.

Жалованная грамота Ростовскаго Архіепископа Тихона Кириллову монастырю 1501 г. (2) Освобождаются игуменъ, попъ

(1) Ак. Истор. т. I, № 111.
(2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 137.

и дѣлесъ у монастырской церкви, отъ дани и пошлинъ.—Отношеніе игумена монастыря прямо къ Архіепископу.—Эта грамота также доказываетъ государственное устройство вотчинъ, и повсюду одно и тоже.

Грамота Перевитскаго князя Ѳеодора Васильевича 1502 г. (1). Князь беретъ себѣ деревню у монастыря на всю свою жизнь и платитъ по полтинѣ на годъ.

Жалованная грамота Волоцкаго князя Ѳедора Борисовича Игнатію Кожухову 1505 г. (2).

Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Спасо-Евѳиміеву монастырю 1506 г. (3).

Помѣстная запись Григорья Ѳекина съ братьями 1510 г. (4). Монастырь даетъ помѣстье, котораго обѣщаются они *не осваивать, ни окняживать, ни продать.*

Память Григорію Загрязскому (дѣло о Князѣ Василіѣ Ивановичѣ Шемякинѣ 1517—1523) (5). Человѣкъ *радный* разнится отъ *молодаго.*

Жалованная несудимая грамота Чухломскому Покровскому монастырю 1518 г. (6).

Грамота посельскому Бобкову 1519 г. (7). Замѣчательно, что посельскому поручается отвести спорную землю монастырю.

Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Суздальскому Покровскому монастырю 1526 г. Монастырь женскій (8).

Грамота В. К. Василья Іоанновича Ѳедору Ромоданову 1533 г. (9).

Грамота очень замѣчательна; она представляетъ примѣръ удаленія съ земли крестьянина, неисполняющаго условія. И такъ,

---

(1) Ак. Истор. т. I, № 113.
(2) Тамъ же, № 115.
(3) Тамъ же, № 116.
(4) Тамъ же, № 118.
(5) Тамъ же, № 124. стр. 183.
(6) Тамъ же, № 125.
(7) Тамъ же, № 126.
(8) Тамъ же № 131. Авторъ, повидимому, хотѣлъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что женскому монастырю даются такія же права, какъ и мужскому: *а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей* (кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ) *игуменья Ульянея съ сестрами, сама во всемъ, или кому прикажутъ. Пр. изд.*
(9) Тамъ же, № 134.

вотчинникъ имѣлъ право удалить крестьянина, какъ скоро былъ правъ. *Но не безъ суда.* Въ грамотѣ упоминается именно *судъ*, и потомъ, хотя крестьянинъ былъ обвиненъ, ему дается сроку *возиться вонъ* мѣсяцъ, а не вывозится (*вонъ* ужъ не повторяется) въ теченіи срока, тогда уже *выметываютъ* вонъ.

Уставная грамота крестьянамъ села Высоцкаго 1536 г. (1). Очень замѣчательна. Эта уставная грамота не содержитъ въ себѣ никакихъ привилегій; это означеніе пошлинъ судныхъ и другихъ. Въ началѣ грамоты обыкновенное: *пожаловалъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что такое устройство и опредѣленіе пошлинъ (даже одинаковое) было и всюду. Ошибочно было бы предположить, что у другихъ крестьянъ порядокъ былъ не тотъ; точно то же можно сказать и объ устройствѣ крестьянъ вотчинныхъ. Встрѣчающіяся уставныя вотчинныя грамоты не должны считаться за исключеніе, и предположеніе, что у другихъ крестьянъ того не было, совершенно ошибочно. — Одинъ обычай былъ во всей Россіи. Грамоты, его обнаруживающія (кромѣ льготныхъ), были явленіемъ случайнымъ, по какимъ бы то ни было причинамъ. Очень можетъ быть, что это была своего рода пошлина. Съ грамоты взято два рубля. Съ грамотъ льготныхъ иногда не берется, и объ этомъ часто въ нихъ говорится.—И такъ, эта грамота можетъ служить важнымъ указаніемъ, что частное означеніе устройства нисколько не обказываетъ, что устройство было частное, а напротивъ (какъ скоро нѣтъ льготъ) указываетъ, что и вообще было такъ; это, впрочемъ, доказывается и другими свидѣтельствами, между прочимъ губными грамотами.

Грамоту надобно изучить между прочимъ: волостель не перемѣняетъ до году своихъ чиновниковъ. Постоянно встрѣчающееся употребленіе *убитый* на полѣ, въ смыслѣ *побѣжденный*, и какимъ образомъ встрѣчается, — доказываетъ, что на полѣ напротивъ *убитыхъ* не было, а были *побѣжденные*.

Грамота В. К. Іоанна Васильевича въ станы и волости Переславскаго уѣзда 1537 г. (2).

О томъ, чтобъ не торговали при монастырѣ. Очень замѣчательно, что здѣсь просятъ избавить отъ торга, что это невыгодно для крестьянъ.

(1) Тамъ же, № 137.
(2) Тамъ же, № 138.

Жалованная несудимая грамота Корѣльскому Николаевскому монастырю 1542 г. (1).

Можно, кажется, предположить, что были вотчинныя грамоты и безъ суда, и безъ иныхъ преимуществъ; впрочемъ можетъ быть были, въ особенности относительно преимуществъ, и нарушенія. Замѣчательно, что въ подтвержденіи Царя Іоанна IV сказано: «*опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ*», а разбойныя дѣла предоставлены губнымъ старостамъ.

Жалованная грамота Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія Георгіевской церкви въ Юсковичахъ 1543 г. (2).

Эта грамота дана по просьбѣ крестьянъ; вмѣсто всѣхъ пошлинъ, священникъ ихъ съ причтомъ долженъ давать урокомъ *за все про все* извѣстную плату. Также даются имъ же нѣкоторыя другія льготы, можетъ быть сопряженныя съ этимъ.—Замѣчательно, что здѣсь просятъ крестьяне, и грамота и жалованье (*«и язъ ихъ пожаловалъ»*) относятся къ нимъ. Въ подтвержденіяхъ жалованье относится и къ ихъ священнику и къ причту. Замѣчательно въ окончаніи одного подтвержденія: «*а впредь про пусто сыскати.*»

Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Корѣльскому Николаевскому монастырю 1545 г. (3).

Позволяется завести соляныя варницы, и кто тамъ станетъ жить, тѣ освобождаются отъ суда, кромѣ душегубства и татьбы съ поличнымъ. Грамота похожая на другія подобныя финансовыя грамоты. — Замѣчательна особенность выраженія о судѣ смѣсномъ: «*тутно жъ въ судѣ сѣдятъ*». *Въ судѣ сидѣть*, конечно, значило *судить*. По истеченіи урочныхъ лѣтъ, даютъ извѣстную плату на годъ, до описи писцовъ. Важно, что для соляныхъ варницъ занимаетъ монастырь землю, не ему принадлежащую, и конечно эта земля становится уже монастырскою; очень важно, что даже вопроса о непринадлежности нѣтъ, а сказано: что нѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ ни пашень, ни покосовъ, ни угодій, ни урожаевъ ничьихъ никакихъ.—И такъ, трудъ, употребленіе, вотъ право на землю, земля бывала *занимаема*, но не дѣлалась и не была собственностью.—Пустошь можно было имѣть, съ цѣлію ее обрабо-

(1) Тамъ же, № 141.
(2) Тамъ же, № 142.
(3) Тамъ же, № 144.

тать или пользоваться ею, какъ будущее поприще труда, или выгодъ поземельныхъ. И монастырь могъ долго медлить устройствомъ варницъ, но ради этого устройства занималъ онъ землю. Просто же имѣть землю какъ *собственность* было нельзя. Понятія земли, какъ собственности, не существовало.

Грамота Суздальскимъ городовымъ прикащикамъ и данщику 1547 г. (1).

Жалованная несудимая грамота Васссіановой Строкинской пустыни 1547 г. (2).

Позволеніе рубить лѣсъ, ставить дворы, называть людей, пахать пашню. Кажется, и здѣсь надо разумѣть не монастырскую землю, а просто пустую. Позволяется перезывать, только не письменныхъ и не тяглыхъ. Избавляются отъ суда и пр., кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ. Замѣчательна особенность выраженія о судѣ смѣсномъ: «*своихъ людей въ судъ берегутъ.*» Право пятна монастырское, промежъ монастырскихъ крестьянъ. Вѣроятно это было и вообще въ вотчинныхъ имѣніяхъ. *Новожоной убрусъ:* въ пѣсняхъ невѣста поетъ объ убрусѣ.

Грамота Суздальскимъ городовымъ прикащикамъ Нечаю Тумскому и Андрею Перешевникову 1547 г. (3). Монастырская слободка на посадѣ стала на ихъ землѣ *селецкой.*—Выраженіе: «*съ городцкими съ черными людми.*»

Жалованная несудимая грамота попамъ и церковнымъ причтамъ въ царскихъ селахъ 1547 г. (4).

Избавляются отъ суда *посельскаго*, отъ суда, кромѣ духовнаго, самого митрополита, и пошлинъ митрополичьихъ, за которыя за всѣ пошлины даютъ ежегодно извѣстную плату съ выти; попы вѣдаютъ причты.—Судитъ ихъ всѣхъ Царь или его дворецкой.—Любопытна какъ примѣненіе привилегій (отчасти) суда и пошлинъ.

Жалованная грамота Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія Покровской церкви въ сель Вьюршинѣ 1549 (5).

Грамота льготная, похожая на ту, въ которой жалуются крестьяне (см. выше грамоту Георгіевской церкви въ Юсковичахъ).

---

(1) Тамъ же, № 145.
(2) Тамъ же, № 147.
(3) Тамъ же, № 148.
(4) Тамъ же, № 149.
(5) Тамъ же, № 150.

Здѣсь же, вмѣсто крестьянъ, жалуются дѣти боярскіе, помѣщики. Грамота довольно любопытна.

Судебникъ Іоанна IV, 1550 г. (1). Замѣчательно самое начало: *Судъ Царя*. Оно напоминаетъ въ Новгородѣ и Псковѣ и въ другихъ областяхъ: *судъ княжой*. Этимъ показывается, что у Государя — былъ свой судъ, ему собственно принадлежащій, какъ будто отдѣлъ суда. Выдается финансовое значеніе.

Можно было жаловаться на намѣстниковъ, волостелей и пр.— Холопъ и роба могли имѣть правыя грамоты, на государя, господина, и отпускныя.

Русская Правда, *Судебникъ Іоанна III*, *Судебникъ Іоанна IV*, были—устройство, кажется, собственно Государева суда, и поэтому здѣсь совѣщался Государь съ своими совѣтниками, не совѣтуясь съ Землею. При Алексѣѣ же Михайловичѣ, когда *Уложеніе* было задумано шире, собрана была на совѣтъ вся Земля. Впрочемъ, если устройство судное было и общее, не только Государево, то переходъ отъ вѣча къ Земской Думѣ совершился не вдругъ и поэтому не сейчасъ созывается Земская Дума; голосъ Земли слышался на основаніи земскаго устройства, при которомъ онъ раздавался безпрестанно, при всякомъ случаѣ. Впрочемъ очевидно, что если и не говорится объ устройствѣ земскомъ, то оно было, и по этому самому не находило себѣ формальнаго гдѣ-нибудь выраженія. — Правительство все еще было отдѣльная государственная власть, какъ и слѣдуетъ, но конечно дружественная.

Съ одной стороны государственный чрезвычайный разсчетъ, преимущественно финансовый, и даже формальность; съ другой, въ жизни народа, частной и общественной, совершенное отсутствіе разсчета, въ особенности финансоваго, и всякой формальности. Правда внѣшняя и правда внутренняя.

Потомъ, кажется, идетъ *боярской судъ*.—«*А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ судити, за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ.*»—Грамоты этого суда пишутъ земскіе дьяки.—«*А безъ старосты и безъ цѣловальниковъ суда не судити.*»—Староста и цѣловальники имѣли большое значеніе.

Можно было требовать къ суду пристава, намѣстника, боярина и пр.

---

(1) Ак. Истор. т. I, стр. 219.

Значеніе удѣльныхъ князей. Они переходили на степень обыкновенныхъ вотчинниковъ; впрочемъ, въ сущности тутъ нѣтъ разницы, ибо устройство государственное.

Дополнительные указы къ Судебнику.

Въ обыскѣ спрашиваются всѣ, и рядомъ поставлены и князья и дѣти боярскіе и духовные крестьяне (1).

И земля бы изъ службы не выходила (2).

Статья изъ Соборнаго Уложенія о святительскомъ судѣ 1551 г. (3).

Очень замѣчательна; отсюда видно, что въ духовномъ судѣ постоянно присутствовала Земля (4). Участіе Земли выступаетъ здѣсь еще сильнѣе.—Про крестьянъ монастырскихъ сказано, что ихъ *судятъ* сами архимандриты и игумены *и управу имъ по суду чинятъ*. Болѣе не сказано ничего; а между тѣмъ мы знаемъ, что были уставныя грамоты. — Слово: *судъ*, уже въ самомъ себѣ заключало понятіе опредѣленнаго законнаго, а не произвольнаго дѣйствія, понятіе юридическое.

Царская жалованная грамота тремъ придворнымъ дьякамъ пѣвчимъ 1551 г. (5).

Замѣчательно, что здѣсь жалуется «данымъ приставствомъ» нѣкоторыхъ монастырей, за Государево казенное жалованье.

Видно, что крестьяне могли искать на князьяхъ. Замѣчательно, что встрѣчается часто: князья и дѣти боярскіе. («Чего будетъ искати Троецкимъ Сергѣева монастыря... крестьянамъ... *на князьхъ и на дѣтехъ на боярскихъ*»).

Опись Корѣльскаго Николаевскаго монастыря 1551 г. (6). Опись любопытна; въ числѣ другихъ грамотъ, названа: «*грамота архіепископля Новогородцкого уставная.*»

(1) Ак. Истор. т. I, стр. 254.

(2) Тамъ же, стр. 270.

(3) Тамъ же, стр. 279—280.

(4) Для подтвержденія словъ автора укажемъ на одно мѣсто изъ многихъ: „а по рядным грамотимъ и по духовнымъ.... и въ боѣхъ и въ грабежѣхъ и въ прочихъ во всякихъ дѣлѣхъ, опричь духовныхъ дѣлъ, попов и діаконовъ и всѣхъ причетниковъ.... повелѣваютъ святители боярамъ своимъ судити, а у бояръ въ судѣ сидѣти.... градцкымъ старостамъ и цѣловальникомъ, да земскому діаку.“ Въ другомъ случаѣ—земскимъ старостамъ, и пр. (стр. 275). *Прим. изд.*

(5) Тамъ же, № 157.

(6) Тамъ же, № 158.

Данная грамота Казанскому архіепископу Гурію 1555 г. (1). Грамота замѣчательна. Дана по указу царскому всѣми воеводами, конечно въ Казанскомъ Государствѣ.

Замѣчательны выраженія: дано «*земли на пашню на двѣ тысячи четвертей.*» Потомъ идутъ собственныя имена и села по названіямъ. Потомъ даются рыбныя ловли и проч.—«*Да архіепископу жъ дали слободу.... на сто дворовъ крестьянскіхъ..... Да ему жъ дано мѣсто на посадѣ.... на его дворовые люди*», т. е. живущіе въ дворахъ, дворники.

Тарханская грамота Кирило-Бѣлозерскому монастырю 1556 г. (2). Грамота замѣчательна. Изъ нея, кажется, видно (что видно и изъ другихъ грамотъ), что продавали крестьяне свои участки и полосы. — Изъ нея видно, что волостные крестьяне свободно мѣнялись своими землями и деревнями.—Изъ нея видно, что были *городовые* цѣловальники. Изъ нея видно, что были въ духовныхъ имѣніяхъ цѣловальники. Видно вообще, что было сильное земское устройство. Видно, что умѣли грамотѣ крестьяне; впрочемъ, священники иногда прикладывали руки за нихъ, или сами по себѣ, и крестьянамъ не было лютой нужды всѣмъ подписываться.

Уставная грамота Переславскаго уѣзда, царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ, 1556 г. (3).

Грамота чрезвычайно замѣчательна.—Это, если угодно, откупная грамота, ибо «*за ключничь и за поселничь и за ихъ пошлинныхъ людей присудъ и за всѣ пошлины*» даютъ крестьяне извѣстную сумму денегъ. — Значеніе финансовое суда, значеніе опредѣленное, выступаетъ здѣсь ясно.—Очевидно, что лицо мало имѣло вліянія, произвола не было; сверхъ того, какъ уже мы сказали, нравственное значеніе суда спасалось участіемъ, присутствіемъ народа. Замѣчательно, что тутъ же прибавлено, конечно, не новое, а обычное: «*а сбирати имъ тотъ оброкъ самимъ, по пашнямъ и по животомъ и по промысломъ.*» Ясное указаніе, какъ и на какомъ основаніи платились подати.

«*А крестьяномъ отказыватися изъ города въ волость и изъ волости въ городъ, на единъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева*

(1) Тамъ же, № 162.
(2) Тамъ же, № 163.
(3) Тамъ же, № 165.

дни осеннего и недѣля по Юрьевѣ дни осеннемъ; а дворы пожилые платятъ....» и проч. Чрезвычайно важное свидѣтельство. *«А въ судѣ и у записки у всякихъ дѣлъ, у губныхъ старостъ и у излюбленныхъ судей, сидѣти волостнымъ лутчимъ крестьяномъ, а судные и обыскные списки и всякіе дѣла губнымъ старостамъ и излюбленнымъ судьямъ и лутчимъ крестьяномъ велѣти писати діакомъ земскимъ, передъ собою,»* и пр. Также очень замѣчательно.

Вотчинникъ, имѣніе котораго освобождалось отъ намѣстничьяго суда, не платилъ однако же за присудъ: въ этомъ было его награжденіе; онъ самъ долженъ былъ брать этотъ присудъ, какъ скоро онъ судилъ. Другой выгоды для него не было. — Между тѣмъ крестьяне, судившіеся сами, платили за присудъ казнѣ; въ этомъ для нихъ могла быть выгода собственнаго суда, все же изъятаго отъ разныхъ личныхъ случайностей суда намѣстничьяго. То, что для помѣщика важны были пошлины суда, показываетъ опять, что отношенія его къ крестьянамъ были не произвольны, что судъ былъ государственный, опредѣленный.—Кажется, были вотчинныя грамоты безъ суда; это доказываетъ еще болѣе тоже.—Судъ—особая привилегія, государственное опредѣленное, а не личное произвольное право, и статья опредѣленныхъ доходовъ. — Выраженіе, кажется встрѣчающееся въ другихъ свидѣтельствахъ: *съ данью и съ судомъ.*

Царская грамота во Владиміръ, выборному старостѣ Арцамакову, 1558 г. (1).

Грамота замѣчательная; изъ ея смысла можно заключить, что здѣсь въ области не было намѣстниковъ, а были выборные старосты: заключеніе это, кажется, вѣрно.—Въ такомъ случаѣ, это еще болѣе увеличиваетъ важность грамоты: 1) видно, что устройство выборныхъ старостъ, вѣроятно, такое же, какъ и въ предъидущей грамотѣ, было и въ другихъ мѣстахъ; 2) видно, что монастырскія деревни могли подлежать выборному старостѣ, слѣдовательно входить въ округъ общины. Здѣсь особая льгота, отъ того избавляющая.

Послушная грамота села Малаго Городища крестьянамъ, пожалованнымъ Спасо-Евѳиміеву монастырю, 1562 г. (2).

(1) Тамъ же, № 166.
(2) Тамъ же, № 167.

Грамота замѣчательна. Говорится, чтобы всѣ *«крестьяне... Архимандрита Аврамья съ братьею слушали, пашню на нихъ пахали и оброкъ имъ платили, чѣмъ васъ изоброчатъ, до тѣхъ мѣстъ, доколь за ними то село и деревни писцы наши или большіе мѣрщики опишутъ и измѣряютъ.»*—Весьма важно. Изъ словъ: *чѣмъ васъ изоброчатъ*, не надо заключать, что оброкъ былъ произвольный. Онъ былъ, конечно, опредѣленный; конечно могъ измѣняться въ частностяхъ, но непремѣнно на извѣстномъ основаніи, такъ что произвольность здѣсь не имѣла мѣста. Что это выраженіе не показываетъ произвола, это доказывается уставными монастырскими грамотами.—Сверхъ того, очень важно, что здѣсь сказано: до писцовъ и мѣрщиковъ.—И такъ, отношенія къ крестьянамъ вотчинныхъ опредѣлялись государствомъ. Если это такъ, это важности огромной. — *Доходъ помѣщиковъ, вотчинниковъ:* эти слова, очевидно, надо понимать, какъ доходъ опредѣленный. Вѣроятно послѣ писцовъ такое выраженіе могло быть употреблено.—При неопредѣленности, еще до писцовъ, какъ скоро имѣнье поступало въ чье распоряженіе, могло быть выраженіе: *чѣмъ изоброчатъ*, но, какъ мы сказали, и здѣсь было извѣстное основаніе. Какъ же скоро это выраженіе встрѣчается одно, то надо разумѣть, что подразумѣвается: до писцовъ, и во всякомъ случаѣ, здѣсь надо понимать опредѣленное отношеніе, по крайней мѣрѣ на извѣстномъ опредѣленномъ основаніи, что выходило почти то же.

Наказная память князьямъ Шуйскому и Оболенскимъ, назначеннымъ на воеводство въ новозавоеванный Полоцкъ, 1563 г. (1)

«Для своего дѣла и земскаго»: встрѣчается вообще очень часто.—Велится судить на основаніи обычаевъ тамошнихъ. Но все-таки Русская система выборовъ и земскихъ дьяковъ, выбранныхъ изъ земскихъ людей, прилагается.

Упоминаются въ Полоцкѣ бурмистры.

Говорится, чтобы оберегать земскихъ и черныхъ людей.

Тамга по обычаямъ, и баня, и всякія пошлины, какъ прежде сего у нихъ было.

Велится записать въ книги все устройство селъ и деревень всякихъ, вѣроятно для устройства отношеній. Упоминается о

(1) Тамъ же, № 169.

пашнѣ боярской и крестьянской. Все велѣно выспросить и записать въ книги. Между тѣмъ, выраженіе: боярская и крестьянская пашня и др., и то, что это записывается въ книги, показываетъ опредѣленность,—по крайней мѣрѣ, думаемъ, во всякомъ случаѣ высказываетъ взглядъ Русской на вещи, который могъ здѣсь выступить ярче, ибо страна новозавоеванная. Велѣно — сыскивать селъ и деревень по книгамъ Полоцкимъ, бывшимъ прежде сего, которыя приказано достать.

Царская грамота въ Вышковскій станъ (о губныхъ цѣловальникахъ), 1565 г. (1).

Старостамъ, цѣловальникамъ, сотскимъ, пятидесятскимъ, и десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ. Повашему выбору, велѣлъ быть цѣловальникамъ. Дать подмогу «на *сесь* годъ *съ сохи по полтинѣ, съ дву сохъ по рублю, съ тѣхъ съ дву сохъ, съ которыхъ съ дву сохъ тотъ цѣловальникъ выбранъ.*» Впередъ такая же подмога, покуда избранный будетъ цѣловальникомъ.

Царская грамота въ Суздаль Якову Наумову 1565 г. (2).

Говорится о писцовыхъ книгахъ. Это былъ важнѣйшій документъ и въ политико-экономическомъ и въ судебномъ и въ финансовомъ и во всякомъ отношеніи.

Отчинная грамота дьяку Василью Щелкалову, и грамота послушная въ Недоходовъ станъ (помѣстная), 1571 г. (3).

Чрезвычайно точно и опредѣленно различіе между разными возрастами деревни: починокъ, деревня, сельцо, село. — Раздѣляется между двумя имѣнье да домъ; весьма справедливъ раздѣлъ. Слово *боярской* употребляется въ общемъ значеніи: боярской дворъ (а не домъ), боярская пашня. Усадище, кажется, въ смыслѣ усадьбы. Здѣсь заключается смыслъ и сада, ибо говорится выше о боярскомъ садѣ съ прудами.

Послушная грамота говоритъ всѣмъ крестьянамъ, чтобъ они помѣщика слушали, пашню на него пахали и оброкъ ему помѣщиковъ платили; конечно, и пашня и оброкъ опредѣлены правительствомъ; земли въ помѣстьѣ—только средняя (950 четей съ осминою) и худая (230 четей съ осминою), «и обоего пашня

(1) Тамъ же, № 175.
(2) Тамъ же, № 177.
(3) Тамъ же, № 180.

середнія и худыя земли 1181 четверть, *за добрую землю съ наддачею 930 четьи съ осминою*» (?). Не уравненіе ли это? Не значитъ ли, что эти 1181 четверть земли средней и худой равняются 930 четей съ осминой—земли доброй?

Жалованная грамота Новогородскаго Архіепископа Леонида Николаевскому Особному монастырю, на Кречевѣ, 1572 г. (1) Въ числѣ пошлинъ упоминается: *кормъ* и *даръ*. Здѣсь надобно искать законнаго источника взятокъ.

Послушная грамота Углицкаго ужда, села Правдина крестьянамъ, отданнымъ въ отчину въ монастырь, 1572 г. (2) Слушать Архимандрита съ братьею; пашню на нихъ пахать, и оброки, *чѣмъ ихъ они изоброчатъ*, платить.

Послушная грамота Архіепископа Леонида крестьянамъ села Усадища, отданнымъ въ помѣстье, 1572 г. (3)

«*И вы бъ... всѣ крестьяне, Шестого Лутохина чтили и слушали во всемъ, и пашню на него пахали и оброкъ ему денежной и хлѣбной платили, чѣмъ онъ васъ изоброчитъ.*» Далѣе помѣстье это было отдано Истомѣ Левскому, и потомъ отдано женѣ и дѣтямъ Шестого Лутохина, при чемъ сказано, чтобы «всѣмъ крестьянамъ новыхъ помѣщиковъ... слушати и пашня на нихъ пахати и оброкъ всякой *хлѣбной* и денежной платити, по старинѣ.»

Помѣстная грамота Новогородскаго Архіепископа Леонида Софійскимъ дѣтямъ боярскимъ Девятому и Ивану Епишковымъ, 1573 г. (4).

Чтобъ «*всѣ крестьяне... чтили и слушали во всемъ, и пашню на нихъ пахали, и оброкъ имъ всякой хлѣбной и денежной платили, чѣмъ они изоброчатъ, а они... вѣдаютъ и судятъ во всемъ, по сей нашей грамотѣ.*»—Заключеніе грамоты почти обыкновенное, часто встрѣчающееся. Замѣчательно выраженіе: «пожаловалъ.... *полуобжею жывущею*»—населенною, жилою?

Помѣстная грамота Новогородскаго Архіепископа Леонида боярину его Василю Ѳомину 1574 г. (5).

---

(1) Тамъ же, № 181.
(2) Тамъ же, № 182.
(3) Тамъ же, № 183.
(4) Тамъ же, № 185.
(5) Тамъ же, № 190.

Обыкновенная; нѣсколько замѣчательны слѣдующія слова: *«а дано то помѣстье Василью Григорьевичю на время, до тѣхъ мѣстъ, какъ его Государь Царь и Великій Князь пожалуетъ, здѣсь въ великомъ Новѣгородѣ велитъ ему дати помѣстье, и тогды у Василья Григорьевича се помѣстье и грамота жаловалная взяти».*

Царская грамота Казанскому воеводѣ, князю Булгакову, 1574 г. (1). Дѣлались злоупотребленія при переходѣ крестьянъ въ томъ, что брали дорого за пожилое. *«Емлютъ за дворы пожилого да полувытного по пяти рублевъ.»*

Грамота В. К. Симеона Бебкулатовича Шуйскому городовому прикащику Блудову 1576 г. (2).

Каблуковъ бьетъ челомъ, что его помѣстье, списанное сошнымъ письмомъ съ другими (такими-то) помѣстьями, платитъ ямскія деньги и всякія подати одно за всѣхъ.—И такъ, сошнымъ письмомъ помѣстья списывались вмѣстѣ, и подати платились совокупностью извѣстнаго числа помѣстій.

Послушная грамота В. К. Симеона Бекбулатовича.... разныхъ деревень крестьянамъ, 1576 г. (3) Очень важная. Говорится: *«вотчинниковъ доходъ»*, потомъ говорится, чтобы вотчинникъ вѣдалъ свою вотчину (новую) по старымъ крѣпостямъ, по которымъ вѣдалъ свою старую вотчину.

Посыльная грамота Новогородскаго Архіепископа Александра кравчему Шетневу 1577 г. (4). Видно значеніе и важность писцовыхъ книгъ.—Берется помѣстье у одного и отдается другому, и чтобъ крестьяне прежняго помѣщика «ни въ чемъ не слушали впередъ, и *подъ судъ къ нему не приходили.»*

Тарханная грамота Новогородскаго Архіепископа Александра 1577 г. (5). Выраженіе: *живущего: «осталось живущего у всѣхъ трехъ престоловъ обежъ съ двадцать и съ пашнями.»* —Кормъ опредѣленъ: *«чернаго корму двѣ гривны.»*

---

(1) Тамъ же, № 191.
(2) Тамъ же, № 195.
(3) Ак. Ар. Экси., т. I, № 290.
(4) Ак. Истор., т. I, № 196.
(5) Тамъ же, № 198.

Царская жалованная грамота Суздальскому Епископу Варлаамѹ 1578 г. (1). Грамота замѣчательна, въ особенности по изчисленію повинностей, лежавшихъ на крестьянахъ. Замѣчательно выраженіе: «*и недѣльщики наши и ихъ племянники.*» При сочиненіи не худо грамоту перечесть. Еще выраженіе: «*а пожалую котораго своего намѣстника, или волостелей.... дамъ имъ свою жаловалную грамоту и на грамотчики, о корму, и о судѣ, и о всякихъ пошлинахъ, и о повозѣхъ, а на сю мою грамоту грамотъ нѣтъ.*» Еще: «*а вышло.... въ четыре годы семьдесять шесть семей, а запустѣло шестдесять вытей.*»

Послушная грамота Новогородскаго Архіепископа Александра крестьянамъ пожалованнымъ въ помѣстье, 1578 г. (2). При хлѣбномъ и денежномъ оброкѣ упоминается «*и всякой мелкой доходъ*». Выраженіе: «*а онъ васъ* (крестьянъ) *вѣдаетъ и судитъ во всемъ и розправу межъ вами чинитъ.*»

Царская грамота въ Каргополь цѣловальникамъ, старостамъ и земскимъ судьямъ, 1578 г. (3). Эта грамота освобождаетъ Александровъ Ошевневъ монастырь отъ податей и повинностей. Грамота начинается такъ: «*Отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Каргополь на посадъ, данным цѣловальникомъ Ушачку Бѣляеву съ товарыщи, да посадцкому старость Никифорку Буракову, да окологородному старость Ѳомку Ильину, и земскимъ судьямъ Иванку Пантелѣеву съ товарыщи, и кто по нихъ иные данные цѣловальники и старосты и судьи будутъ.*»

Царская грамота въ Пермь Великую 1580 г. (4) Грамота начинается такъ: «*отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, въ Пермь Великую, въ Чердынь, старостамъ и цѣловальникомъ и всѣмъ Чердынцомъ, лутчимъ и середнимъ и молодчимъ людемъ.*» Царь не велѣлъ Пермскимъ намѣстникамъ и другимъ своимъ чиновникамъ вмѣшиваться въ дѣла Богословскаго монастыря, кромѣ извѣстныхъ случаевъ, и обращается ко всѣмъ Чердынцамъ, чтобъ они берегли строителя Варлама съ братьею и ихъ крестьянъ отъ Пермскихъ намѣстниковъ и дру-

(1) Тамъ-же, № 200.
(2) Тамъ-же, № 201.
(3) Тамъ-же, № 202.
(4) Тамъ-же, № 207.

гихъ чиновниковъ. Очевидно, здѣсь признается за народомъ, за общиною, законное право и юридическое значеніе относительно Государства.

Царская грамота на Двину къ земскимъ судьямъ 1582 г. (1). Грамота весьма замѣчательная и при сочиненіи должна быть прочтена. Грамота начинается такъ: «*отъ Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русіи, на Двину, Чюхченемскіе волости земскимъ судьямъ Карпу Агавонову да приписному земскому Богдану Матвѣеву, да Ухтостровскіе волости Семену Яковлеву, да Ровдогорскіе волости Семену Демидову, да Великокурскому судью Роману Семенову сыку Антонову.*» Уменьшительныхъ нѣтъ, а въ другихъ грамотахъ встрѣчается; кажется, уменьшительнымъ не нужно придавать такой важности. Выходитъ, что крестьяне строили церкви и монастырь, и деревни къ монастырю *подпущали и покупали*; «*и монастыремъ де и церковною казною и тѣми деревнями владѣли они жъ*» (крестьяне).

Царская тарханная грамота Митрополиту Діонисію на слободку Святославлю, 1584 г. (2). Любопытна, какъ показывающая тождество правъ Государя и помѣщика; здѣсь какъ бы является средина.

Царская тарханная грамота Горицкому Воскресенскому дѣвичьему монастырю 1586 г. (3). Дается въ вотчину Государемъ сельцо съ деревнями и съ пустошми, *изъ своихъ черныхъ волостей*; были ли тутъ владѣющіе крестьяне, или же и это были земли, на которыя крестьяне приходили? (Кажется, такъ.) Да и были ли вообще владѣющіе крестьяне? Были ли вообще владѣльцы, по крайней мѣрѣ собственники земли? Не приходили ли постоянно временно занимать землю, и эта временность могла разширяться на неопредѣленное пространство?

Царская жалованная грамота Царицѣ инокинѣ Александрѣ 1587 г. (4). *Посопное село.* Дано дворцовое село, дворцовое посопное. Дворцовыя посопныя села встрѣчаются.

Дополнительныя статьи къ Судебнику 1588—1597 г. (5).

(1) Тамъ-же, № 211.
(2) Тамъ-же, № 215.
(3) Тамъ-же, № 217.
(4) Тамъ-же, № 218.
(5) Тамъ-же, стран. 420—422.

Бѣглые крестьяне не тѣ ли, которые выбѣжали до сроку, до Юрьева дня?—Прочесть при сочиненіи.

Обыльная грамота Аркажскому монастырю 1588 г. (1). Упоминаются *устройныя книги*, кажется вмѣсто писцовыхъ.

Тарханная грамота Новогородскаго Архіепископа Александра церкви Св. Великомученика Димитрія 1589 г. (2). Замѣчательно, что помѣщики могли, съ своимъ помѣстьемъ, мѣнять приходъ.

Царская жалованная грамота Царицѣ инокинѣ Александрѣ 1589 г. (3). Освобожденіе отъ всѣхъ податей и повинностей; право суда, *опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ*, Царицѣ, черезъ ея приказныхъ людей. Выраженіе (встрѣчающееся, впрочемъ, кажется не рѣдко): «*и отъ того де вотчина ея запустѣла, крестьяне разбрелися розно.*» Замѣчательно, что Борисъ Годуновъ (подтвердившій сію грамоту), именуется: *всеа Русіи Самодержецъ*, тогда такъ Ѳеодоръ и Василій Шуйскій просто пишутъ себя (въ этой же грамотѣ) *всея Русіи*.—Жена царевича именуется Царицею.

Отписки Царю Путивльскаго воеводы Григорья Борисова 1589 г. (4). Замѣчательно, что говорится объ атаманѣ съ товарищи: «*да Якову жъ, Государь, съ товарыщи, по твоей Государевой грамотѣ, мы, холопи твои, мѣста подъ дворы указали, и онѣ дворовъ не ставятъ, а сказываютъ, что де имъ ставить дворовъ нечѣмъ.*»

Царская жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю 1591 г. (5). Дается лугъ изъ Конюшеннаго Приказу, изъ доходовъ Годунова. По конюшеннымъ *оброчнымъ книгамъ* девяносто пятого году былъ тотъ лугъ *на оброкѣ за крестьяниномъ*; оброкъ давался Годунову.

Царскій наказъ Астраханскимъ воеводамъ Князю Сицкому и Пушкину 1591 г. (6). Говорится про книги приходу и расходу

(1) Тамъ-же, № 222.
(2) Тамъ-же, № 224.
(3) Тамъ-же, № 226.
(4) Тамъ-же, № 228.
(5) Тамъ-же, № 229.
(6) Тамъ-же, № 230.

Государевымъ деньгамъ и хлѣбу.—Упоминаются *Рославскія сукна.* Грамота показываетъ большую заботливость.

Тарханная грамота Новогородскаго Митрополита Варлаама причту выставочной Ильинской церкви 1592 г. (1). Замѣчательно: «а кого.... вѣнчаетъ въ роду и въ племяни и въ кумовствѣ и въ сватовствѣ, или *не по знамени бракомъ*»..... (*).

---

(1) Тамъ-же, № 235.

(*) Здѣсь оканчивается рукопись. На поляхъ ея, въ разныхъ мѣстахъ, находятся слѣдующія замѣтки автора, которыя по содержанію своему не могли взойти въ изготовленный текстъ статьи, и должны были вѣроятно найти себѣ мѣсто потомъ, въ продолженіи задуманнаго авторомъ сочиненія, или при окончательной обработкѣ всего матеріала. *Пр. изд.*

„Губнаго старосту *всѣ* выбираютъ, безъ различія крѣпостныхъ и не крѣпостныхъ.

„Говорится о старинныхъ крестьянахъ *до* укрѣпленія

„Устройство вотчинныхъ цѣловальниковъ.

„Петръ сдѣлалъ всѣхъ старинными холопями.

„Переходъ былъ и изъ осѣдлыхъ.

„Если привилегіи давались на 5, 10, 15 лѣтъ, то предполагалось, что они не уйдутъ въ теченіе года или вообще не такъ скоро.

„Помѣстья и вотчины замѣняли жалованье и на оборотъ.—Увольненіе отъ податей также замѣняло жалованье.

„Крестьянинъ, продавая свой жребій, продавалъ свое отношеніе. Когда же покупали бѣломѣстцы, то выходило столкновеніе ихъ правъ съ правами общины.

„Русь не понимала рабства, . . . къ тому же въ ней нѣтъ ни либерализма, ни рабства. Свободная страна. Западъ началъ съ рабства, прошелъ сквозь бунтъ и хвастаетъ холопской дерзостью либерализма . .

„Западъ имѣетъ опытность грѣха; онъ ужъ узналъ всѣ мерзости и установилъ свои отношенія. Кому же какъ не лисѣ всѣ лисьи (*корки*) знать? Русь не имѣла этой опытности и по неволѣ попала въ рабство.

„Большая разница между грѣхомъ и порокомъ. Въ древней Руси есть грѣхи, но нѣтъ пороковъ.“

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛОЖЕНІЯ И ЗНАЧЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ, КАКЪ У ПОМѢЩИКОВЪ, ТАКЪ И ВООБЩЕ (1).

АКТЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ. Ч. I.

1361—1365 г. *Грамота удѣльныхъ князей Тверскому Отрочью монастырю* (стр. 2).

«Тако же и *сиротамъ* кто имѣтъ сѣдѣти на землѣ Святое «Богородици Отрочья *монастыря*» и проч.

И такъ вотъ еще въ XIV ст. встрѣчается это слово; но значитъ ли оно просто крестьянина? можетъ быть здѣсь оно имѣетъ и особое значеніе, ибо упоминается послѣ исчисленія духовныхъ, послѣ слугъ монастырскихъ и *вольныхъ людей*. Спротамъ вычи-

---

(1) Это заглавіе стоитъ на II-мъ отдѣлѣ записной книги автора, носящей заглавіе: Записокъ объ Русской Исторіи, и раздѣленной на два отдѣла. Въ 1-мъ отдѣлѣ помѣщены замѣтки на акты и грамоты, разнообразнаго содержанія; во 2-мъ собраны тѣ, которыя относятся къ положенію крестьянъ въ древней Руси. Разумѣется, строгаго раздѣленія тутъ быть не можетъ, но вѣрные своему плану: представить какъ можно цѣльнѣе взглядъ автора на важнѣйшія стороны нашей исторіи внѣшней и внутренней, мы помѣщаемъ здѣсь эти замѣтки, какъ спеціальныя изслѣдованія. Замѣтки же I отдѣла записной книги автора отнесены нами къ III-му отдѣлу историч. сочиненій К. С. Аксакова подъ заглавіемъ: Мелкія статьи и разныя замѣтки. *Прим. изд.*

сляются вновь данныя льготы, съ прибавленіемъ: «*ни служба, ни дѣло княже, ни дворьскіи, ни старосты отъ ихъ не займаютъ ни про что.*» Далѣе говорится, кажется, о правахъ вообще. Вѣроятно грамота подъ словомъ *сирота* разумѣетъ людей, отъ князя зависящихъ, и конечно крестьянъ, людей земскихъ.

«А смѣшаются судомъ моныстырьскіи люди съ волостными «людьми, судитъ монастырьскій *тивунъ* съ *посельскимъ вмѣстѣ* «*съ нашими судьями.*»

И такъ здѣсь съ одной стороны судилъ *тіунъ монастыря*; съ другой *тіунъ посельской* (власть отъ Земли) и *судьи княжіи* (власть отъ Государства). Очевидно, что Государство не исключало Земли, и Земля съ Государствомъ не смѣшивалась.

1363—89 г. *Грамота Троицкому монастырю В. К. Дмитрія Іоанновича* (стр. 3).

«А слугамъ Сергѣевымъ креста не цѣловати, *сироты ихъ* стоятъ у креста.»

Здѣсь это слово вообще какъ бы относится къ монастырскимъ людямъ, которые потому и называются сиротами; они въ попеченіи монастыря. Но предъидущее показываетъ нѣчто особое. Имѣетъ ли смыслъ это слово еще о поселяющихся людяхъ? Во всякомъ случаѣ не противорѣчитъ титлу человѣка *земскаго*.

1391 г. *Грамота Митрополита Кипріана Константиновскому монастырю* (стр. 6—7).

«Что ми били челомъ *сироты монастырскіе*;» далѣе: «игуменъ *сироты* держи», *а сироты* «игумена слушайте.»

Здѣсь вообще говорится о людяхъ, можетъ быть, и вѣроятно даже, собственно о крестьянахъ монастырскихъ. Но здѣсь попечительство церкви, кажется, нѣсколько государственное, ставило людей (земскихъ) въ похожее, кажется, отношеніе, какъ и попечительство самого Государства, хотя слово сирота еще болѣе здѣсь прилично. Но *(это)* тѣмъ болѣе показываетъ, что при отношеніи къ Государству этимъ словомъ выражалось понятіе не простой и прямой власти, а попечительства и защиты.

1435 г. *Двѣ договорныя взаимныя грамоты Василья Васил-*

евича Темнаго, Дмитрія Шемяки и Дмитрія Краснаго съ Васильемъ Косымъ (стр. 20—23).

«А съ дворомъ человѣка тяглого въ городѣ не купити.»

1437—1461 г. *Жалованная грамота В. К. Тверскаго Бориса Александровича и удѣльныхъ Тверскихъ князей Отрочью монастырю* (стр. 26—27).

Здѣсь встрѣчаемъ любопытное указаніе на крестьянскія работы.

....«Придетъ къ намъ коли изъ Орды посолъ силенъ, а не «мочно будетъ его опровадити, ино тогды Архимандритъ съ тѣхъ «сиротъ пособитъ въ ту тяготу, *съ половника* дастъ по десятку «Тверскими кунами.»

И такъ *половничество*: вотъ что пока видимъ въ древней Руси.

1449 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Марьѣ Копниной и сыну ея Ѳеодору* (стр. 33).

Освобождаются отъ дани пришлые на земли ихъ крестьяне; старожильцы на пять, инокняженцы на десять лѣтъ. Дается право суда, суда государственнаго, опричь душегубства. Самихъ ихъ судитъ самъ Великій Князь или его боярин̆ъ введеный. Очевидно, что здѣсь землевладѣлецъ имѣлъ относительно крестьянъ государственный характеръ судіи, и вовсе не собственникъ ихъ. О правахъ его на нихъ и не говорится. Въ грамотѣ сказано и о судѣ смѣсномъ, и прибавлено: «*а прибытками ея дѣлять на полы.*» И такъ владѣлецъ получалъ обыкновенныя пошлины отъ суда. Это еще болѣе подтверждаетъ его *государственное*, а не *помѣщичье* значеніе.—Съ другой стороны это показываетъ, что онъ не могъ произвольно распоряжаться въ имѣніи.

1450 г. *Жалованная грамота Митрополита Іоны Андрею Аѳанасьеву* (стр. 34).

Грамота въ томъ же родѣ; лишь вмѣсто Великаго князя — Митрополитъ.

Вмѣсто *люди* и *человѣкъ* употреблено нидѣ *христіаны*, *христіанинъ*.

Около 1450 г. *Грамоты Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича и В. К. Василья Васильевича а) Ѳедору Константино-*

вичу, б) Бѣлозерскимъ намѣстникамъ, боярамъ, боярскимъ дѣтямъ и пр., *в) Кириллову монастырю* (стр. 35—36).

Употребляется слово *половникъ*, устанавливается или утверждается порядокъ условій и отношеній около Юрьева дня. Но надобно еще разъ обратить вниманіе на грамоты эти.

1453 г. *Жалованная грамота В. К. Маріи Ярославовны Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 39—40).

Замѣчательны въ жалованной грамотѣ (какъ въ этой, такъ и въ другихъ), когда говорится о земляхъ монастырскихъ и о заселеніи ихъ, слѣдующія слова: «*или кого откуня посадятъ.*» Кого же можно было откупить? Вѣроятно холоповъ, людей, можетъ быть, кабальныхъ, но вѣроятнѣе холоповъ вѣчныхъ, или же плѣнниковъ, т. е. нами взятыхъ въ плѣнъ.

1456 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Кириллову монастырю* (стр. 45—46).

«А тяглыхъ людей имъ монхъ Великого Князя даньскихъ письменыхъ въ то имъ село и въ деревни къ собѣ не пріимати.»

И такъ люди Великаго Князя, крестьяне его можетъ быть имѣли тоже право перехода.—Что значитъ: *даньскіе письменые*? Во всякомъ случаѣ вѣроятно здѣсь разумѣются крестьяне.

Около 1460 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 48).

Замѣчательно, что эта грамота велитъ воротить людей, вышедшихъ изъ монастырскихъ сёлъ въ другія, въ томъ числѣ и Великаго Князя и Великой Княгини (не хотѣвшихъ ѣхать на береговую службу Великаго Князя), и не велитъ находящихся и теперь въ монастырскихъ селахъ выпускать.

В. К. ІОАННЪ III.

1462—1505 г.

1462—1527 г. *Двѣ жалованныя грамоты отъ митрополитовъ Ѳеодосія и Даніила и двѣ записи отъ Тютчева и Киселева*, содержанія одинаковаго съ грамотами, ибо въ нихъ вы-

сказываются тѣ же условія, на которыхъ пожалованы грамоты. Запись Кисслева говоритъ о митрополитѣ Зосимѣ (стр. 53—54).

Въ высшей степени замѣчательны! Это жалованныя грамоты отъ митрополитовъ на пожизненное владѣніе (Тютчеву и крестьянину Мелетію Новикову) съ условіемъ, чтобъ этой земли не *осваивать*, ни продавать и проч., но что эта земля должна потомъ воротиться къ церкви: ибо это земля церковная. Вся занимательность, что вторая грамота дана *крестьянину* Новикову и и не разнится ни чѣмъ отъ первой, данной Тютчеву; она еще подробнѣе только; въ ней нѣтъ выраженія: «*до его живота*,» но за то говорится (между прочимъ, «*ни осваивати, ни окняжити, ни обояритн*» и пр.) «*ни по душѣ не дать.*» Видно, что это было пожизненное владѣніе. «*А на селищи и на пустоши и на лѣсъ людей ему призывати, и деревни ставити, и слободу сбирати, и лготные ему грамоты на урокъ* (вѣроятно на назначенное время) *давати, посмотря по мѣстомъ, какъ будетъ пригоже.*»—И такъ видно, что положеніе крестьянина было совершенно свободное, что онъ пользовался тѣми же правами, какъ и другіе, что владѣніе землею и призываніе крестьянъ не было правомъ исключительнымъ для какого-нибудь сословія, что сословія въ смыслѣ Западномъ не было, и что крестьянинъ могъ имѣть въ своемъ вѣдѣніи, какъ и другіе, крестьянъ. Самыя условія (совершенно сходныя съ предъидущими) показываютъ, что между нимъ и Тютчевымъ не было разницы относительно смысла жалованныхъ грамотъ. Впрочемъ, надо найдти еще сильнѣйшее свидѣтельство.

Около 1465 г. *Жалованная грамота Тверскаго В. К. Михаила Борисовича Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 57—58).

Льготы людямъ, которые учнутъ жити во дворѣ, *съ поляною* купленномъ.

Около 1466—1478 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Суздальскому и Юрьевскому намѣстникамъ и посельскимъ* (стр. 61).

Любопытна, какъ относящаяся къ положенію крестьянъ того времени. Въ грамотѣ говорится о принужденіи крестьянъ, вышедшихъ прежде Юрьева дня, воротиться и сѣсть на старыя мѣста до Юрьева дня осенняго.

1473—1478 г. *Жалованная грамота В. К. Маріи Ярославовны объ льготахъ митрополичьимъ варницамъ* (стр. 77—78).

Упоминается: «не надобѣ ни дань, ни ямъ.... *ни половниковъ*»; также: «Митрополичь *христіанинъ*» (крестьянинъ, конечно).

1476 г. *Грамота Углицкаго князя Андрея Васильевича Покровскому монастырю* (стр. 79).

«А кого къ себѣ перезовутъ жити изъ моей отчины *безвытныхъ людей, или себѣ откупивъ посадятъ.*»

1487 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Ивашку Глядящему* (стр. 89—90).

Замѣчательно, что Ивашко Глядящій билъ челомъ *и съ своею вотчиною. . .* т. е. билъ челомъ со своимъ имѣньемъ и всѣмъ имуществомъ, т. е. билъ объ имѣньѣ и всемъ принадлежащемъ имуществѣ. Очевидно, что не всѣ вотчинники имѣли привилегіи. И такъ мысль 1) о безсиліи государства ложна; напротивъ, эти права были жалованье, какое и теперь дается, разныя привилегіи и т. п., а привилегія на право суда—происходила изъ особаго значенія, которое имѣло служилое сословіе, къ которому принадлежали и служилые землевладѣльцы. Тоже (или сходно), что жалованныя грамоты монастырямъ. Потомъ 2) кажущееся безсиліе государства было—его должныя границы, указывающія на значеніе земли, явственно бывшее тогда; и если ужъ угодно видѣть здѣсь безсиліе государства, то это и было хорошо.

Говорится о судѣ смѣсномъ, но не говорится о прибыткѣ.

Нѣкоторыя особенности касательно суда и пошлинъ.

Судъ надъ самимъ Ивашкомъ Глядящимъ или его прикащикомъ — Князя Великого или боярина введеного (какъ и въ другихъ такихъ грамотахъ, кажется, во всѣхъ; здѣсь боярин Великой Княгини, которой Ивашко Глядящій билъ челомъ).

1488 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 91).

Замѣчательно, что какъ въ этой грамотѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ предъидущихъ (но, кажется, позднѣйшихъ относительно), когда говорится о судѣ смѣсномъ, не говорится о раздѣлѣ прибытка или присуда; впрочемъ, можетъ быть это подразумѣвается.

1488 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Кириллову монастырю* (стр. 94—95).

Замѣчательно, что здѣсь говорится: «*хрестьянъ ихъ и людей*», «*и ихъ хрестьянъ и монастырьскихъ людей.*» Какъ будто крестьяне и люди отдѣляются другъ отъ друга. Такъ, кажется, не встрѣчалось прежде.

1494 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю* (стр. 97—98).

«А намѣстницы мои Бѣжецкіе и ихъ тіуни игуменова приказ-«щика *ни моимъ судомъ, Великого Князя, ни боярскимъ судомъ,* «*не судятъ ихъ людей.*» (Т. е. не относясь къ Великому Князю или боярамъ?)

1497 г. *Таможенная Бѣлозерская грамота* (стр. 99—101).

«А имати имъ тамга и церковная пошлина и пятно съ Вели-«кого Князя селчанъ, и съ Великіе Княгини селчанъ, и съ ми-«трополичихъ, и съ княжихъ, и со владычнихъ, и съ монастырь-«скихъ, и съ боярскихъ, *и съ грамотниковъ, и со всѣхъ безъ* «*омилка, чей бы кто ни былъ.*»

Если здѣсь подъ словомъ *грамотниковъ* нельзя разумѣть крестьянъ свободныхъ, то вѣроятно они разумѣются подъ общимъ выраженіемъ: *всѣхъ*. Слово же *чей* вовсе не значитъ (по крайней мѣрѣ не значило прежде) непремѣнно принадлежанія, а просто *какой*, или подобное.

В. К. ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЬ.

1505—1533 г.

1512 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Давыду Сырневу* (стр. 126—127).

Въ этой грамотѣ замѣчательно во 1), что кажется всѣ крестьяне Великаго Князя и другіе подходили подъ одинъ общій разрядъ, составляли одно цѣлое—крестьянъ, земскихъ людей, и вѣроятно имѣли между собой земскую связь до самаго Петра Великаго. Здѣсь они вообще называются *Бѣлозерскими сохами* и потомъ уже говорится: всякими крестьянами. Подъ это раз-

предѣленіе сохъ могли, кажется, входить, вмѣстѣ, всякіе крестьяне; вотъ это любопытное мѣсто:

«*На ямскомъ дворѣ велѣлъ хоромы подѣлати хрестьяномъ Бѣлозерскими сохами, волостью Андогою, да волостью....* (именованія «*волостей*», «*волостокъ*», «*слободокъ*» и «*села*») *моимъ Великого Князя селяны, и митрополичи, и владычними, и боярскими, и монастырскими, и черными, и всѣми безъ омѣны, чей кто ни буди.*

Эта земская связь соблюдалась и послѣ укрѣпленія. Для Государства они были—*Государевы, помѣщичьи* и пр., для себя—*земскіе люди, община.*

2) Вмѣстѣ съ Сырневымъ (онъ посланъ въ Ергольскій ямъ) приказывается быть *у наряда* Ергольскимъ ямщикамъ (двумъ понятно).

1513 г. *Грамота В. К. Василья Іоанновича въ Бѣлозерскія волости, Своару и Гнену.* (стр. 127).

Замѣчательная грамота. Она писана къ крестьянамъ: «*старостамъ и десяцкимъ и всѣмъ хрестьяномъ*», объ обереженіи старцевъ Ниловы пустыни. — Замѣчательно, что при Царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ эта грамота была подтверждена.

1516 г. *Жалованная отчинная грамота В. К. Василья Іоанновича Василью Алексѣеву и сыну его Артему* (стр. 132).

Здѣсь проще, короче и какъ-то яснѣе выражается то право помѣщика, о которомъ мы говорили выше: «*пожаловалъ... тѣми деревнями въ вотчину и съ судомъ*» (т. е. съ правомъ общаго, государственнаго суда, съ его прибыткомъ, пошлинами, — это какъ-то слышится въ самомъ выраженіи).

1517 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Степанку, Осифку и Володкѣ Ѳедоровымъ и Ромашкѣ Фролову* (стр. 132—133).

«Се язъ Князь Великій Василей Ивановичь всея Русіи пожа«ловалъ есми Степанка да Осифька да Володкю Ѳедоровыхъ дѣ«тей Лукина да Ромашка Фролова сына въ Устюзскомъ уѣздѣ, «въ Вондокурской волости лѣсомъ дикимъ старымъ, липовымъ раменьемъ....» съ дозволеніемъ ставить дворы, перезывать крестьянъ съ освобожденіемъ на 15 лѣтъ отъ пошлинъ, съ правомъ суда и проч. Кто были поименованные владѣльцы? Такъ какъ

ихъ было четыре, такъ какъ всѣ имена въ уменьшительномъ, то приходитъ мысль, не были ли это крестьяне. Тогда этотъ документъ былъ бы очень важенъ; въ немъ было бы дано крестьянину и право суда, какъ помѣщику.

1522 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Кассіано-Учемскому монастырю* (стр. 139—141).

«А лучится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ *съ городскими «людми и съ становыми или съ волостными.*»

Замѣчательно, что здѣсь упоминаются три разряда, вѣроятно государственные: *городскіе, становые, волостные.*

ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ IV.

1533—1584.

1536. г. *Уставная Онежская грамота* (стр. 152—154).

«Старостъ и всѣхъ людей Онежскіе земли.»

«А намѣстникъ нашъ и его тіунъ, *безъ старостъ и безъ лут-«чихъ людей* суда не судятъ.»

«*А скоморохомъ у нихъ въ волости силно не играти;* а кто «у нихъ учнетъ въ волости играти силно, *и старосты и волост-«ные люди вышлютъ ихъ изъ волости вонъ*, а пени имъ въ томъ нѣтъ.»

1539 г. *Губная Бѣлозерская грамота* (стр. 163—165).

Очень важное и кажется первое свидѣтельство. — Она обращается къ: «*княземъ и дѣтемъ боярскымъ, отчинникомъ и по-«мѣсчикомъ и всѣмъ служилымъ людемъ*, и старостамъ, сотцкымъ, «и десятцкимъ и *всѣмъ крестьяномъ* моимъ Великого Князя, и «митрополичимъ и владычнимъ, княжимъ, и боярскымъ, и помѣ-«щиковымъ, и монастырскымъ, и чернымъ, и псаремъ, и осоч-«никомъ, и перевѣстникомъ, и бортникомъ, и рыболовомъ, и бо-«бровникомъ, и оброчникомъ *и всѣмъ безъ омены, чей кто ни-«буди*» (т. е. *какой кто ни буди*).—Говорится, чтобъ они сами казнили разбойниковъ, выбравши въ головы человѣка три или четыре дѣтей боярскихъ, «*да съ ними старостъ и десятцкихъ*

«*и лутчихъ людей крестьянъ, человѣкъ пять или шесть*» (также въ головы, ибо ниже это видно).

Обращается, кажется, опять вниманіе на то, *вѣдомый* ли лихой человѣкъ (1).

Требуются списки всѣхъ ихъ (судебныхъ) дѣйствій и обстоятельствъ. «*Въ земскомъ дѣлѣ или въ брани въ какой ни буди.*» Здѣсь какъ бы противополагается брань земскому дѣлу. Замѣчательно, что ни судьи выборные, ни народъ не пользуются ни прибыткомъ, ни пошлиною, ни жалованьемъ, и никакимъ вознагражденіемъ. Головы отдаютъ имѣнье разбойниковъ потерпѣвшимъ отъ нихъ, а объ остаткѣ велѣно отписать въ Москву.

1540 г. *Губная Соль-Галицкая грамота* (стр. 169—170).

Она написана: «сотскимъ и старостамъ и десятскимъ *и всѣмъ «городскимъ людемъ и слобожаномъ*, монмъ Великого Князя «дворцовыхъ слободокъ и монастырьскихъ слободокъ и всѣхъ «слободокъ городскимъ людемъ, которые живутъ у Соли *въ го«родѣ и на посадѣ.*»

Люди городскіе и слободскіе—также люди земскіе; по крайней мѣрѣ здѣсь видно, что Великій Князь обращается къ суду народному и народной расправѣ. Если бы здѣсь встрѣтились люди и служилаго сословія, то они здѣсь дѣйствуютъ и являются какъ Земля, объемлются общимъ земскимъ объемомъ и земскимъ дѣломъ. Замѣчательно здѣсь выраженіе, нѣсколько разъ повторяющееся: «*то есми положилъ на вашихъ душахъ.*» Въ грамотѣ предоставляется право судить и казнить смертью разбойниковъ.

«*А у пытки бъ стоялъ дворской да цѣловальники и лутчіе люди.*»

Говорится *о дьякѣ земскомъ.*

Говорится о рукоприкладствѣ знающихъ грамотѣ городскихъ людей.

Кажется, тоже судъ безъ всякого вознагражденія.

---

(1) Замѣчанія на эту грамоту находятся въ 1-мъ отдѣлѣ записной книги автора, но на поляхъ его рукою написано: „должна быть отнесена ко 2 отдѣлу“ — (т. е. о крестьянахъ). Замѣтка же о вѣдомомъ лихомъ человѣкѣ относится, разумѣется, къ I отдѣлу и имѣетъ связь съ прочими, помѣщенными въ немъ замѣтками. См. ниже. *Прим. изд.*

Весь городъ, кажется, принималъ участіе. Выраженіе: *всѣмъ городомъ*. Настоящее свободное земское управленіе, хотя говорится о *десятскихъ*, *пятидесятскихъ и сотскихъ*.

Говорится: *безъ нашего вѣдома;* «и вы бъ, *безъ нашего вѣдома*, тѣхъ всѣхъ людей сами.... имали, да.... обыскивали.... да ихъ бы есте казнили смертью *безъ нашего вѣдома.*» Впрочемъ объ имѣніи и распоряженіи и вознагражденіи разбойничьимъ имѣніемъ истцовъ посылался списокъ въ Москву. А списокъ о судѣ давался «*прикащикомъ нашимъ Усолскимъ городовымъ.*» — Но это что были за чиновники?

Вообще грамота очень замѣчательна.

1541 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Бѣлозерскому намѣстнику Воронцову* (стр. 170).

«*И ихъ людей и хрестьянъ монастырскихъ.*»

Какъ-будто здѣсь есть раздѣленіе между людьми и крестьянами; впрочемъ оно не вездѣ, кажется, и не вездѣ опредѣленно встрѣчается.

1541 г. *Двѣ губныя грамоты селамъ и деревнямъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Тверскомъ, Новоторжскомъ, Старицкомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ* (стр. 170—174).

Грамоты очень замѣчательныя вообще.

Замѣчательно, что здѣсь какъ что-то особенное упоминается Новогородская земля (впрочемъ, можетъ быть, это значило особый округъ; однако другой округъ не упоминается).

Замѣчательно чрезвычайно, что принадлежность монастырямъ (именно по этой грамотѣ) и вообще кому бы то ни было не лишала крестьянъ ихъ общаго, административнаго, такъ сказать государственнаго или лучше земскаго значенія. Чувство и значеніе народа въ нихъ пробуждались.

Замѣчательно (какъ доказательство этого общаго ихъ значенія) ихъ соединеніе съ другими крестьянами (съ княжими, боярскими и прочими *со чьими нибудь*). Здѣсь они сливаются всѣ сплошь въ одно цѣлое, и общія дѣла судятъ не иначе, какъ сообща.— (Что не всѣ повторены, это ничего не значитъ).

«*А случится Троицкимъ Сергіева монастыря со княжими и съ боярскими и со чьими нибуди крестьяны, и съ городскими*

людьми и съ волостными и селчаны и съ митрополичьи и со владычними, дѣло каково въ розбойномъ дѣлѣ, а имъ....»

Грамота относится къ Троицкимъ крестьянамъ, а говорится и о другихъ. Слѣдовательно и другіе имѣли право, или по губнымъ грамотамъ или и безъ нихъ, сами по себѣ. Послѣднее вѣроятнѣе.

Вообще грамота требуетъ большаго вниманія....

ПО ПОВОДУ «БѢЛЕВСКОЙ ВИВЛІООИКИ.» ИЗДАННОЙ Н. А. ЕЛАГИНЫМЪ. (1).

Въ первыхъ двухъ томахъ этого изданія помѣщена писцовая книга 1632 года. Едва ли нужно распространяться о великой важности писцовыхъ книгъ и о необходимости ихъ изданія. Искренняя благодарность почтенному издателю, который сверхъ того въ предисловіи своемъ представилъ нѣкоторые, весьма важные выводы изъ издаваемыхъ имъ актовъ.

Писцовыя книги—это самостоятельное дѣло древней Руси, дѣло, по истинѣ громадное и великое, особенно, если взять въ разсчетъ бѣдность средствъ той эпохи. Вся Русская земля является описанною въ этихъ книгахъ съ большою подробностію, и оцѣненною по качеству почвы. Чтобъ видѣть, какъ дѣлается описаніе, обратимся къ писцовой книгѣ, которая передъ нами, и предметомъ которой одинъ Бѣлевскій уѣздъ. Въ каждомъ имѣніи обозначена приблизительно мѣстность; сказано: какое оно: вотчина или помѣстье; село, сельцо или деревня, или пустошь; сочтено, кромѣ помѣщичья или вотчинникова двора, число дворовъ жилыхъ, дворовъ пустыхъ и дворовыхъ мѣстъ; перечислены поименно всѣ живущіе въ нихъ люди: дворовые (или *люди* собственно, какъ мы это и теперь употребляемъ), крестьяне и бобыли; перечислены поименно хозяева пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, съ обозначеніемъ, куда, къ кому именно, и когда они вышли. Вымѣрено количество земли въ каждомъ имѣніи съ подраздѣленіемъ на пашню паханую, господскую, крестьянскую и бобыльскую, на пашню паханую наѣздомъ (въ пустошахъ), на пашню перелогомъ и пашню заросшую лѣсомъ; обозначено, или десятинами, или верстами, пространство лѣса и сказано, въ ка-

(1) Напечат. въ Русской Бесѣдѣ 1858 г. т. III.

кой лѣсъ ѣздить для всякого употребленія; опредѣлено копнами, а иногда сверхъ того и десятинами, количество сѣна; сказано, сколько въ имѣніи сошнаго письма *въ живущемъ* или *въ пустѣ*, и сколько платить въ сошное письмо съ *живущего*. Наконецъ указано, на основаніи какого оффиціальнаго акта находится имѣніе во владѣніи. Сверхъ того приводятся особыя обстоятельства, если они встрѣчаются, какъ-то: споръ объ имѣніи, или особый промыселъ. Полнота описанія видоизмѣняется отъ самаго предмета, т. е., гдѣ нѣтъ напр. крестьянской или господской пашни, тамъ она и обозначена быть не можетъ, и т. д. При описаніи, послѣ розничнаго исчисленія, подводятся итоги; сперва въ каждомъ имѣніи, потомъ идутъ итоги по роду имѣній (помѣстья это или вотчины, служилыхъ людей или монастырскія); потомъ итоги въ цѣломъ станѣ,—въ каждомъ порознь (въ Бѣлевскомъ уѣздѣ 8 становъ); наконецъ итоги во всемъ Бѣлевскомъ уѣздѣ. Итоги эти обхватываютъ собою все, исчисляя и вотчинниковъ, и помѣщиковъ, по ихъ званію, и крестьянъ, и бобылей, и дворовыхъ, и наконецъ самые предметы владѣнія, по различнымъ ихъ качествамъ. Нельзя безъ уваженія смотрѣть на эти огромные труды нашей до-Петровской гражданственности, и нельзя не сознаться, что правительство древней Россіи по крайней мѣрѣ знало Россію, знало страну, которою управляло.

Писцовыя книги требуютъ не только чтенія, но изученія; по этому мы, въ нашей статьѣ, пишемъ не критическую обработку Бѣлевской писцовой книги, полную и удовлетворительную, а тѣ выводы, заключенія и замѣчанія, которые представляются сами собою, даже при первомъ чтеніи.

Самое важное, что возбуждаетъ вниманіе изслѣдователя, это отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ и вотчинникамъ; на это писцовая книга Бѣлевскаго уѣзда даетъ болѣе или менѣе важныя указанія. Писцовая книга, изданная г. Елагинымъ, относится къ 1632—35 годамъ и была (какъ замѣчаетъ справедливо издатель) уже не первою послѣ междуцарствія.

Имѣнія помѣщичьи и вотчинниковы представляются въ трояком видѣ: 1) крестьяне (и бобыли) пашутъ пашню на помѣщика и на себя; 2) крестьяне пашутъ пашню только на себя; 3) въ имѣніи помѣщика нѣтъ ни бобылей, ни крестьянъ; между тѣмъ въ имѣніи есть иногда значительная запашка. Послѣднее

обстоятельство очевидно указываетъ на то, что пашня производилась и наймомъ. Кто нанимался, въ какихъ отношеніяхъ находились наемные къ помѣщику, объ этомъ мы сказать опредѣлительно ничего пока не можемъ.

Отношенія количества пашни крестьянской къ пашнѣ господской весьма разнообразны, и ихъ трудно подвести подъ правила или объяснить, т. е., для насъ трудно, при нашемъ трудномъ пониманіи древней Руси. Имѣнія здѣсь опять можно подраздѣлить на три рода. 1) Есть имѣнья, гдѣ запашка господская и крестьянская довольно ровны, напримѣръ: въ имѣньи стольника Стрѣшнева, на 13 человѣкъ крестьянъ и бобылей: «пашни паханыя помѣщиковы 10 четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни паханыя 12 четвертей» (I. стр. 3.). Въ помѣстьѣ Григорья Ермолина сына Чемоскина, на 15 человѣкъ крестьянъ и бобылей: «пашни паханыя помѣщиковы 10 четвертей, да крестьянскія бобыльскія пашни 12 четвертей» (I. стр. 113). 2) Есть имѣнья, въ которыхъ господская запашка превышаетъ много крестьянскую; но заключить изъ этого, что крестьяне были угнетены и обременены пашнею — нельзя, ибо часто, при числѣ тутъ же означенномъ крестьянъ, не было никакой физической возможности обработать это количество земли, напримѣръ: въ помѣстьѣ Бориса Лукьянова сына Косово, на одного бобыля: «пашни паханыя помѣщиковы 8 четвертей, да бобыльскія пашни паханыя 2 четверти» (I. стр. 56). Въ помѣстьѣ Кузьмы Дмитріева Панюкова, на одного бобыля: «пашни паханыя помѣщиковы 10 четвертей, да бобыльскія пашни паханыя 2 четверти» (I. стр. 94). Одинъ бобыль пашетъ 12 четвертей въ полѣ! Но вотъ еще примѣръ: въ имѣньи два бобыля; между тѣмъ: «пашни паханыя вотчинниковы 30 четвертей, да бобыльскія пашни паханыя 4 четверти.» (I. стр. 315). Здѣсь на каждаго бобыля приходится 17 четвертей въ полѣ или $8^1/_2$ десятинъ! Есть ли какая нибудь возможность обработать? Иначе объяснить нельзя, какъ предположивъ въ такомъ случаѣ особый наемъ, но, слѣдовательно — нанять было можно, слѣдовательно — были руки. Предположивъ же наемъ, сказать, сколько нахалъ крестьянинъ на помѣщика, — нельзя.

Есть наконецъ имѣнья, въ которыхъ крестьянская запашка превышаетъ господскую, напримѣръ: въ помѣстьѣ Никифора Павлова сына Уколова, на двухъ крестьянъ и одного бобыля:

«пашни паханыя помѣщиковы 6 четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни 10 четвертей» (стр. 138). Въ помѣстьѣ недоросля Гаврилы Тимоѳеева сына Мухортого, на 5 человѣкъ крестьянъ и бобылей 6 четвертей пашни паханой помѣщичьей, а крестьянской и бобыльской—16 четвертей (стр. 184). Въ вотчинѣ Ивана Тимоѳеева сына Бунина, на 5 крестьянъ да на 3 бобыля, на 8 человѣкъ, пашни паханой вотчинниковой 10 четвертей, да крестьянской и бобыльской—20 четвертей. Въ вотчинѣ Никифора Семенова сына Вельяминова во всѣхъ имѣніяхъ на 100 (на 104?) человѣкъ крестьянъ и бобылей,—пашни помѣщиковой 10 четвертей, крестьянской и бобыльской — 150 четвертей (впрочемъ, въ первомъ имѣніи нѣтъ пашни помѣщичьей вовсе, а во второмъ 10 четвертей пашни помѣщичьей приходятся на 50 четвертей пашни крестьянской и бобыльской). Довольно и этихъ примѣровъ.

Второй разрядъ имѣній,—это тотъ, гдѣ крестьяне пашутъ на себя; помѣщику, вѣроятно, платится оброкъ. Напримѣръ: въ помѣстьѣ Никифора Васильева сына Юшкова пашни помѣщичьей нѣтъ, крестьянинъ и бобыль пашутъ на себя 6 четвертей (15—16). Въ помѣстьѣ Аѳанасья Тимоѳеева сына Бунина пашни помѣщичьей нѣтъ, крестьянинъ и бобыль тоже пашутъ на себя 6 четвертей (стр. 44). Пропорція эта иногда измѣняется, и крестьянинъ пашетъ на себя меньше 3 четвертей. Въ помѣстьѣ Князя Шуйскаго, — помѣстьѣ большомъ, — нѣтъ пашни помѣщичьей, а только крестьянская и бобыльская; 483 человѣка крестьянъ и бобылей пашутъ 796 четвертей.

Третій разрядъ имѣній,—это тотъ, въ которомъ нѣтъ ни бобылей, ни крестьянъ, по есть помѣщичья пашня; очевидно, она производилась наймомъ, напримѣръ: въ помѣстьѣ Венедикта Сафонова сына Гамова, въ полдеревнѣ, только одинъ дворъ помѣщиковъ; ни людей, ни крестьянъ, ни бобылей; а между тѣмъ «пашни паханыя помѣщиковы 5 четвертей» (I. стр. 23). Въ помѣстьѣ Ильи Данилова сына Кузменкова, въ которомъ тоже нѣтъ никого: всего одинъ дворъ помѣщиковъ, нѣтъ даже ни пустыхъ дворовъ, ни мѣстъ дворовыхъ, — «пашни паханыя помѣщиковы 10 четвертей» (I. стр. 55). Въ помѣстьѣ Ѳеоктиста Калинина сына Арцыбашева также нѣтъ никого: «пашни паханыя помѣщиковы 10 четвертей» (I, стр. 101—102). Въ помѣстьѣ Ерофея Никитина сына Охотникова—20 четвертей пашни, хотя нѣтъ ни

крестьянъ, ни бобылей (I. стр. 238). Примѣровъ можно привести множество. — Какъ скоро рѣчь идетъ не о деревнѣ, хотя и пустой (какъ въ приведенныхъ примѣрахъ), а о пустоши, гдѣ есть пашня, то говорится, что пашня пахана *наѣздомъ*. Иногда такая запашка бываетъ велика, напримѣръ: у Никиты Михайлова сына Воейкова въ помѣстьѣ: «полъ-пустоши Красныхъ Колокъ и съ отъѣзжею землею, а въ ней пашни наѣздомъ пахано 40 четвертей» (I. стр. 241). Въ помѣстьѣ Ивана Тимоѳеева сына Бунина «пашни паханыя наѣздомъ 50 четвертей» (I. стр. 423). При отсутствіи въ имѣньѣ помѣщика крестьянъ, пашня въ пустоши, достигающая иногда значительнаго размѣра, какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ, также не можетъ быть иначе объяснена, какъ наймомъ. Въ неоспоримое свидѣтельство, что наемъ существовалъ въ древней Руси, можетъ быть приведено слѣдующее мѣсто изъ Бѣлевской писцовой книги, гдѣ говорится о поповской вотчинѣ: «и въ ней на ихъ (поповъ) двѣ трети—пашни паханыя наѣзжія *изъ найму* 28 десятинъ» (II. стр. 139). Но ктоже были эти наемные люди? Люди гулящіе, бродяги? Во всякомъ случаѣ, надобно предположить ихъ большое число, ибо даже въ населенныхъ имѣніяхъ только ихъ участіемъ можемъ объяснить несоразмѣрность запашки относительно числа рабочихъ рукъ. Въ какія отношенія становились эти вольно-наемные къ помѣщику и вотчиннику? Не были ли они тоже, что переходные крестьяне? Изъ чего работали они, изъ платы, или изъ доли въ хлѣбѣ? Все это вопросы, еще ждущіе разрѣшенія. Но существованія вольнонаемнаго труда въ до-Петровской Россіи, въ древнемъ Русскомъ хозяйствѣ, и существованія этого труда въ значительныхъ размѣрахъ, — отрицать нельзя. Если же вольно-наемный трудъ такъ давно былъ у насъ извѣстенъ, то, въ настоящую минуту, это допускаетъ важныя соображенія и подкрѣпляетъ еще болѣе мнѣніе о возможности его въ наше время, при новыхъ условіяхъ, то есть, предполагая, что крѣпостные крестьяне будутъ надѣлены землею и станутъ въ совершенную независимость отъ помѣщика, внѣ всякой обязательности труда, а у помѣщика останется одна земля. Иные боятся, что поля останутся необработанными. Противъ этого опасенія возражало Сельское Благоустройство. Думаемъ, что примѣръ до-Петровской Руси здѣсь весьма важенъ; указываемъ на нее, основываясь на писцовыхъ книгахъ. Вольно-

наемный трудъ, весьма не чуждый и теперь Русскому народу,— не новость въ Россіи. Въ древней Руси видимъ, что часто у помѣщика только одна земля, безъ крестьянъ, и между тѣмъ иногда значительная запашка.

Кромѣ этихъ выводовъ, писцовая книга Бѣлевскаго уѣзда приводитъ еще къ другому важному выводу. Часто читаемъ мы въ ней, что крестьянинъ или бобыль сшелъ безвѣстно; читаемъ также, что онъ сшелъ за такого-то. Г. издатель думаетъ, что законъ Годунова не исполнялся, что жизнь не усвоила его; но мы приходимъ къ иному заключенію. — Разсмотримъ внимательнѣе это важное явленіе.—Прежде всего странно, что писцовая книга записываетъ просто: сшелъ за такого-то, въ такой-то уѣздъ, въ такую-то деревню. Казалось бы, что нарушеніе закона какъ бы нибудь отозвалось, обозначилось въ актѣ Правительственномъ, каковы писцовыя книги; можно бы сказать хоть: *сбѣжалъ*. Между тѣмъ, эта спокойная рѣчь: *вышелъ*, *сшелъ*, есть какъ бы явное признаніе права перехода тѣхъ, о которыхъ говорится эта рѣчь.— И точно, въ той же писцовой книгѣ, вмѣстѣ съ выраженіемъ, какъ напримѣръ: «дворъ пустъ Васки Купреянова; Васка *вышелъ* въ Бѣлевской же уѣздъ, въ деревню Абинь, за Степана Бутенева» (I. стр. 9), мы встрѣчаемъ: «а тѣ крестьяне живутъ *бывая* въ разныхъ городѣхъ» (I. стр. 30). Или:.... «*выбѣжали* въ прошломъ во 136 году и во 138 году, а живутъ *бываючи* въ Елецкомъ уѣздѣ» (I. стр. 360). Или же: «а сынъ его Данилко *сбѣжалъ* на Елецъ» (II. стр. 124). И такъ писцовая книга даетъ чувствовать нарушеніе закона и называетъ *бѣглыми* иныхъ крестьянъ. Намъ могутъ возразить, что здѣсь рѣчь идетъ не о переходѣ за помѣщика: но мы встрѣчаемъ, напримѣръ, и такое выраженіе: «Дворъ пустъ Ивашки Васильева, а Ивашко живетъ *бываючи* за Неустройкомъ Остафьевымъ, вышелъ во 135 году; дворъ пустъ Ондрюшки Глушка, а Ондрюшка сшелъ безвѣстно» (I. стр. 124). И такъ писцовая книга умѣетъ же, гдѣ надо, и не просто записывать, а означать нарушеніе закона. Это еще болѣе придаетъ силы тѣмъ мѣстамъ, гдѣ о крестьянинѣ сказано, что онъ просто сшелъ за такого-то. Писцовая книга очевидно различаетъ, между крестьянами перешедшими, крестьянъ бѣглыхъ отъ небѣглыхъ, слѣдовательно, имѣвшихъ право перейдти.— Но что же это значитъ? По нашему мнѣнію, это значитъ, что

переходъ существовалъ и по закону, но что были условія, при которыхъ онъ и не допускался. Считаемъ не лишнимъ представить всѣ случаи, встрѣчающіеся въ Бѣлевской книгѣ, касающіеся до перехода крестьянъ за помѣщиковъ, какъ законнаго (по нашему мнѣнію), такъ и незаконнаго, или бѣгства (1). Писцовая книга, очевидно, отличаетъ одно отъ другаго.

Вотъ крестьяне сбѣжавшіе:

«Дворъ пустъ Ивашки Васильева: а Ивашко живетъ бѣгаючи за Неустройкомъ Остафьевымъ, вышелъ во 135 году» (I. стр. 124).

«Дворъ пустъ крестьянской Фильки да Оськи Гавриловыхъ, Оська умеръ, а Филька живетъ, бѣгаючи, въ Бѣлевскомъ же уѣздѣ, въ Погорѣльскомъ стану, за Яковомъ Кологривовымъ, въ деревнѣ Животовѣ» (I. стр. 374).

«Дворъ пустъ крестьянской Ефимка Ларіонова; Ефимко живетъ, бѣгаючи, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ Руцкомъ стану за Иваномъ Траханіотовымъ въ деревнѣ Стояновѣ» (I. стр. 452).

«Дворъ пустъ Антошки Ларина, а Антошка живетъ бѣгаючи въ Бѣлевскомъ же уѣздѣ, въ деревнѣ Кузминской, Бунино тожъ» (I. стр. 44).

«Мѣсто дворовое крестьянское пусто Степки Бобракова, да пасынка его Прохорка; Степка умеръ, а жена его Арина съ сыномъ съ Прохоркомъ живетъ, бѣгаючи, за бояриномъ за княземъ Иваномъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ Верхне-Руцкой волости» (I. стр. 24—25).

Вотъ крестьяне перешедшіе:

---

(1) Кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ говорится о крестьянахъ, что они *сбѣжали* или *вышли*, говорится иногда, при описаніи пустыхъ дворовъ въ имѣніи, что крестьяне эти *вывезены* такимъ-то.—Это выраженіе не значитъ, чтобы здѣсь крестьянинъ игралъ страдательную роль, чтобы здѣсь было насиліе; это дѣлалось съ согласія крестьянина и показывало только, что помѣщикъ хлопоталъ объ этомъ. Въ писцовой Бѣлевской книгѣ иногда просто говорится, что *вывезъ* такой-то; иногда что *вывезъ насильствомъ*, иногда, что вывезъ *по Государевой грамотѣ*, иногда, что вывезъ *по старинѣ*, т. е., по старому своему праву, стараго своего крестьянина, а не такъ, какъ кажется, думаетъ г. издатель: по старому обычаю. Въ доказательство этому приводимъ: „мѣсто дворовое бобыльское пусто, Степки Левонтьева; отдалъ (отданъ) по старинѣ Ивану Полтеву въ прошломъ 7135.“ (II. стр. 71). По нашему мнѣнію, три остальныя выраженія ясно показываютъ, что первое (просто: *вывезъ*) означаетъ: вывозъ не насильствомъ, не по Государевой грамотѣ и не по старинѣ; слѣдовательно, здѣсь подразумѣвается свободный переходъ.

«Дворъ пустъ Васки Купреянова; Васка вышелъ въ Бѣлевской же уѣздъ, въ деревню Абинь, за Степана Бутенева».

«Игнашко и Федка и Ивашко (бобыли) сошли въ Лебедянской уѣздъ за боярина за Ивана Никитича Романова» (I. стр. 83).

Дворъ пустъ Сеньки Филипова, а Сенка живетъ въ той же деревнѣ Сипегубовой, за Даниломъ Беклемишевымъ со 131 году» (I. стр. 92).

«Дворъ пустъ крестьянской Данилка Кудинова, Данилка вышелъ за Ивана Чемоданова во 123 году» (I. стр. 110).

«Дворъ пустъ крестьянской Федки Васильева сына Касымова, а Федка сшелъ въ Мценской уѣздъ за Константина Ивашкина, въ деревню Бортищю» (I. стр. 186).

«Дворъ пустъ Микифора Дмитріева, вышелъ въ томъ же во 135 году, за Степана Стрешнева, въ Бѣлевской же уѣздъ, въ село Болото» (I. стр. 343).

«Дворъ пустъ Васки Григорьева, вышелъ въ 7140 г., а живетъ въ Орловскомъ уѣздѣ за сыномъ боярскимъ за Сенькою Анохинымъ» (I. стр. 445).

«Дворъ пустъ крестьянской Ивашки Афремова, а Ивашка сшелъ во 139 году, а живетъ въ Болховскомъ уѣздѣ за Данилою Милославскимъ» (I. стр. 472).

Самое важное въ настоящемъ случаѣ — найдти перешедшихъ крестьянъ *записанными* въ писцовой книгѣ за тѣми помѣщиками и вотчинниками, къ которымъ они перешли; здѣсь бы заключалось полное оффиціальное признаніе права перехода. Крестьянъ, перешедшихъ въ другой уѣздъ, сослѣдить нельзя, ибо передъ нами книга только Бѣлевскаго уѣзда. Иныхъ и въ этомъ уѣздѣ не встрѣчается; таковы всѣ тѣ, которыхъ мы привели выше; но большая часть изъ *перешедшихъ* (говоря именно о тѣхъ, которыхъ можно сослѣдить) отъ однихъ помѣщиковъ къ другимъ— *записаны* въ писцовой книгѣ за тѣми помѣщиками, къ которымъ они перешли; слѣдовательно, по нашему мнѣнію, они имѣли и за ними признавалось это право. Вотъ эти крестьяне:

1. Станъ Погорѣльской. «Дворъ пустъ Ивашки Евсѣева; сшелъ 7125 году, а живетъ въ Бѣлевскомъ же уѣздѣ, за Спасскимъ монастыремъ, въ деревнѣ Кураковѣ» (I. стр. 381).

Въ Спыховскомъ стану, а въ Вырскомъ тожъ, мы находимъ

вотчину Спасскаго монастыря, деревню Куракову (полдеревни), и въ ней, въ числѣ крестьянскихъ дворовъ:

«Ивашко Евсѣвьевъ, прозвище Корноухъ съ зятемъ съ Апоѳренкомъ Тимофеевымъ» (II. стр. 267).

Во всѣхъ другихъ имѣніяхъ Спасскаго монастыря, какъ нарочно, нѣтъ ни одного Ивашка Евсевьва, но, пожалуй. можно сказать, что здѣсь сходство именъ весьма возможно, ибо имя обыкновенно. Далѣе:

2. Станъ Руцкой. «Мѣсто дворовое (и) крестьянское пусто Савки Возгривцева,—вышелъ за Илью да за Василья Безобразовыхъ» (I. стр. 417).

Въ томъ же стану, въ вотчинѣ Василья Безобразова, читаемъ: «Да крестьяне *Савка* да Куземка да Петрушка Степановы дѣти *Возгривцева*, съ племянники съ Ерошкою да съ Ваською Ѳедоровыми» (I. стр. 488).

Надѣемся, что здѣсь мудрено предположить иного Савку; прозвище довольно характеристично, и больше нигдѣ здѣсь не встрѣчается. А то, что у Савки здѣсь братья и племянники, нисколько не должно наводить сомнѣнія, ибо очень могло быть, что онъ и перешелъ за Безобразова, чтобъ быть вмѣстѣ съ родными. Съ другой же стороны примѣровъ роднаго жительства между близкими родными и переходовъ ихъ, одинъ отъ другаго, встрѣчается тоже не мало (1).

3. Въ Руцкомъ стану. «Мѣсто (дворовое) Симонки Симонова да сына его Сидорка, да пасынка Ивашка Петрова; сошли, тому лѣтъ съ 12, а живутъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ за Петромъ Юшковымъ, въ деревнѣ Игнатьевѣ» (I. стр. 504).

Въ томъ же стану, въ описаніи вотчины Петра Иванова сына Юшкова, читаемъ:

«Деревня Игнатьева, а Корина тожъ.... а въ ней.... дворъ

(1) Впрочемъ въ томъ же стану встрѣчается еще вотчина Ильи и Василья Безобразовыхъ, деревня Тельчея, гдѣ въ числѣ крестьянскихъ дворовъ читаемъ: „Савка Даниловъ съ племянникомъ съ Ивашкомъ Силеверстовымъ, да съ зятемъ съ Трофимкомъ Феоктистомъ (овымъ?), и прозвище“.... (I, стр. 464—465). Прозвище не означено. Здѣсь имѣнье принадлежитъ обоимъ Безобразовымъ и потому представляетъ болѣе сходства; но прозвище: Савка Возгривцевъ, не дозволяетъ сомнѣваться. Здѣсь впрочемъ прозвище неизвѣстно; но едвали можно предположить, чтобъ оно было то же. Жаль, что, при означеніи перехода, не названо имѣнье, куда перешли, какъ это бываетъ въ другихъ случаяхъ.

пустъ крестьянской Ивашки да Сидорки Симоновыхъ.... сошли безвѣстно во 138 году» (I. стр. 462).

Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что это тѣ же крестьяне. Тамъ оставалось у нихъ (такъ какъ они сошли давно) дворовое мѣсто; а здѣсь (такъ какъ они сошли недавно)—пустой крестьянской дворъ.

4. Станъ Дураковскій, въ числѣ крестьянскихъ дворовъ: «Ивашко Ѳедоровъ съ сыномъ съ Пронькою, да внукъ его Савоска Ивановъ, сшелъ (внукъ, конечно) во 137 году, за Никифора Хлопова въ Бѣлевскій же уѣздъ» (II. стр. 89).

Въ томъ же стану, въ описаніи помѣстья Никифора Никитина сына Хлопова, деревни Бесѣдиной, читаемъ:

«А въ ней на его жеребей бобыль Алешка Фирсовъ съ племянникомъ съ Савостькою Ивановымъ» (II. стр. 109).

И такъ Савостька отъ дѣда, изъ крестьянъ, перешелъ къ дядѣ, въ бобыли. Подобные примѣры встрѣчаются (см. юридич. акты).

5. Станъ Благовѣщенской. «Мѣсто (дворовое) Ѳедки, прозвище Клубника, а Ѳедка сшелъ въ Бѣлевской же уѣздъ за Богдана Нестерова, въ деревню Передѣлъ во 127 году» (II. стр. 151).

Въ Дураковскомъ стану читаемъ:

«Большаго приходу за подъячимъ за Богданомъ Нестеровымъ въ помѣстьѣ полъ-деревни Передѣли, на р. Выркѣ; а въ ней на его Богданову половину крестьянскихъ дворовъ.... Ѳедка Андреевъ» (II. стр. 103).

Прозвища: «Клубника», здѣсь нѣтъ; но прозвище существовало за нимъ въ старомъ мѣстѣ; а здѣсь могли этого прозвища и не знать и этимъ прозвищемъ его не звать. Къ сожалѣнію, при описаніи помѣстья Чебышова, откуда перешелъ Ѳедька, не сказано его отчества, которое могло бы окончательно увѣрить, что это тотъ самый крестьянинъ.

6. Станъ Вырской, а Спиховской тожъ. «Дворъ пустъ крестьянской Палунки Ильина, а Палунка вышелъ за Ивана Давыдова, въ деревни (ю) Завалихинову, во 134 году» (II. стр. 244).

Въ томъ же стану, въ помѣстьѣ Ивана Никифорова сына Давыдова, въ деревнѣ Завалихинѣ, въ числѣ дворовъ крестьянскихъ, читаемъ:

«Савка Максимовъ съ зятемъ съ Полуектомъ Ильинымъ» (II стр. 245).

Полунка — уменьшительное отъ Полуектъ, а отчество: Ильинъ,

при означеніи имени помѣщика и названія деревни, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ тождествѣ крестьянина.

И такъ изъ всѣхъ случаевъ перехода, встрѣчающихся въ Бѣлевской писцовой книгѣ и бывшихъ внутри Бѣлевскаго уѣзда (въ другихъ уѣздахъ мы изслѣдовать не можемъ безъ ихъ писцовыхъ книгъ),—почти всѣ перешедшіе крестьяне находятся въ имѣніяхъ, куда они перешли, и записываются за вотчинникомъ или помѣщикомъ въ писцовую книгу.

Видимъ здѣсь два обстоятельства:

1) Писцовая книга, говоря о большей части перешедшихъ крестьянъ, употребляетъ старое выраженіе, что они *вышли, сошли*, не опорочиваетъ ихъ, не называетъ бѣглыми, тогда какъ это выраженіе употребляется о нѣкоторыхъ.

Случайно это быть не могло; ибо писцовая книга актъ оффиціальный, правительственный; выраженіе же: «бѣжали», много значило передъ закономъ того времени. Въ Уложеніи Алексѣя Михайловича прямо говорится объ употребленіи этого выраженія въ писцовыхъ книгахъ. Въ главѣ II, судъ о крестьянѣхъ, въ статьѣ 5: «а про крестьянъ и бобылей тѣхъ дворовъ въ писцовыхъ книгахъ написано, что тѣ крестьяне и бобыли *бѣжали* изъ-за нихъ въ прошлыхъ годахъ до тѣхъ писцовыхъ книгъ»..... Въ статьѣ 6: «А изъ-за него бѣглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску и *по писцовымъ книгамъ* будутъ отданы» и проч.—Послѣ этого мы видимъ всю важность выраженія *бѣжали;* это выраженіе и встрѣчается въ писцовыхъ книгахъ; оно, слѣдовательно, было въ употребленіи. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ оно не употребляется, не употребляется оно не просто, не случайно, не безъ причины; слѣдовательно, тамъ, гдѣ о перешедшихъ крестьянахъ не говорится, что они *бѣжали*, не придается переходу и значенія бѣгства. —И такъ мы думаемъ, что съ полнымъ значеніемъ употребляется въ писцовыхъ книгахъ иногда: *бѣжали*, иногда: *вышли;* и то и другое—юридическіе термины, которыхъ нельзя было перемѣшивать. Мы и не можемъ предполагать это при осмотрительности и точности нашихъ оффиціальныхъ актовъ. Въ примѣръ этой осмотрительности и точности, можемъ привести слѣдующія слова въ описаніи помѣстья Образцова.... «да пустыхъ дворовъ крестьянскихъ: дворъ пустъ, написано было *Сенки*, а переправлено Степки Сергѣева прозвище Хромъ», (I. стр. 232).

2) Перешедшіе крестьяне *записываются* за вотчинниками и помѣщиками, за которыхъ перешли они, записываются въ *писцовой книгѣ*, безъ всякой оговорки. Это есть уже самое явное признаніе, что крестьяне эти имѣли право перейдти. Писцовая книга есть оффиціальный документъ, источникъ права и мѣсто справокъ.

И такъ переходъ или выходъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ 1630-хъ годахъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, существовалъ не только de facto, но и de jure, ибо, очевидно, онъ признается въ писцовыхъ книгахъ. Съ другой стороны мы видимъ, что писцовая книга говоритъ объ иныхъ крестьянахъ: живетъ, бѣгаючи, сбѣжалъ. Какъ же согласить это?

Объясненіе, вытекающее отсюда само собою, есть то, что, при существованіи признаваемаго перехода, были и такіе случаи, гдѣ переходъ этотъ не допускался, было, кромѣ перехода, и бѣгство. Что же значило: перейдти, и что значило: бѣжать? Какіе же это случаи, когда переходъ считался бѣгствомъ?

Переходъ съ самыхъ древнихъ временъ подлежалъ извѣстнымъ условіямъ, и переходъ безъ соблюденія этихъ условій, былъ, конечно, бѣгствомъ. Крестьянинъ, до указа Бориса Годунова, заключавшій условіе съ помѣщикомъ или вотчинникомъ на годъ, на пять, на десять лѣтъ и болѣе, и ушедшій отъ него до Юрьева дня или вообще до срока, былъ, конечно, въ этомъ смыслѣ бѣглый. Это же объясненіе можемъ мы допустить и въ разсматриваемое нами время, но по крайней мѣрѣ какъ объясненіе нѣкоторыхъ случаевъ бѣгства. Вообще же бѣгство значило несоблюденіе условій и правилъ перехода. Въ чемъ именно заключались они—объяснить это теперь пока еще трудно. Переходъ существовалъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ: это, по нашему мнѣнію, ясно изъ Бѣлевской писцовой книги; слѣдовательно, бѣглые при существованіи перехода (о которыхъ говорится въ писцовой книгѣ) были тѣ, которые не соблюдали правилъ перехода и, можетъ быть, между прочимъ, не остались у помѣщика до условленнаго срока. Обратимся къ порядными; намъ кажется, что онѣ болѣе или менѣе объясняютъ дѣло. Въ порядныхъ, относящихся ко времени до укрѣпленія, видимъ мы, что крестьяне рядятся часто на неопредѣленный срокъ и обозначаютъ въ порядныхъ лишь льготные года. Такъ въ 1556 году, крестьянинъ Ѳедоръ Кононовъ ря-

дится за монастырь Николы Чудотворца безъ всякого обозначенія времени; можно думать напротивъ, что онъ порядился жить на-долго, ибо въ порядной говорится: «а давати ему съ этой деревни оброку въ домъ Святого Николы Чудотворца хлѣба ржи и овса пять коробей въ новую мѣру, съ году на годъ» (Акт. юрид. стр. 196). Въ 1576 году крестьяне Василья Баслапова рядятся за Николу Чудотворца въ Говеряжскомъ погостѣ на неопредѣленное же время, выговаривая себѣ два льготные года и беря монастырскую подмогу, за что они должны обстроиваться и распахать пашню; послѣ двухъ льготныхъ годовъ должны они платить оброкъ и работать, какъ другіе крестьяне; если же уйдутъ, не отживя льготныхъ годовъ и не исправивъ всего того, что должны были сдѣлать, тогда они должны возвратить монастырскую подмогу. Порядная 1582 года также не опредѣляетъ срока и также признаетъ взысканіе. въ случаѣ ухода безъ исполненія условій. Порядная 1590 года тоже говоритъ о четырехъ льготныхъ годахъ и о взысканіи «за дворовое поставленіе (непоставленіе) и за нераспашку». Порядная 1596 года крестьянина съ крестьянами тоже не опредѣляетъ срока, но говоритъ, что договаривающійся долженъ заплатить въ міръ рубль денегъ, если покинетъ землю впустѣ, не насѣетъ, и жильца (т. е., вмѣсто себя) не посадитъ. Порядная 1599 года весьма интересна; тогда уже существовалъ знаменитый указъ о укрѣпленіи (быть можетъ, существовалъ онъ и прежде). Крестьянинъ говоритъ въ порядной, что онъ жилъ за Николою Чудотворцемъ въ крестьянахъ, «да вышелъ вонъ изъ-за Николы побѣгомъ» и, выбѣжавъ, жилъ за Борковымъ въ бобыляхъ. Что это значитъ? Значитъ ли, что онъ сбѣжалъ, не исполнивъ своихъ условій, въ родѣ приведенныхъ выше, или, что теперь нельзя было иначе перейдти, какъ побѣгомъ? Думаемъ первое, ибо переходъ, очевидно, существовалъ; къ тому же, окончаніе этой порядной совершенно сходно съ порядными до этого времени. Игуменъ Вяжцкаго монастыря Николы Чудотворца билъ челомъ на Борковыхъ, и тѣ ему отдали крестьянъ, *не ходя на судъ*, сказано въ порядной. Это можетъ показаться уже новымъ порядкомъ вещей, уже строгимъ проявленіемъ новаго закона объ укрѣпленіи; но далѣе порядная (тутъ только собственно она начинается) совершенно сходна съ порядными до эпохи укрѣпленія. «И меня, Игнаша,» говоритъ быв-

шій крестьянинъ, теперешній бобыль, «игуменъ съ братіею.... *порядили* въ крестьяне, на пашню». Онъ долженъ поставить избу, распахать пашню и проч., а за дворовое поставленье ему дано льготы на четыре года; дали ему подмоги безкабально и безъ отнимки; если же онъ условій не исполнитъ и жить не придетъ, то на немъ взысканія десять рублевъ Московская. Точно такая же порядная встрѣчается намъ 1599 и 1601 годовъ. Въ порядныхъ 1624, 1626 годовъ есть новое обязательство: ни за кого другаго не рядиться; но какъ скоро это—порядная, то, слѣдовательно, это—вольное условіе; къ тому же и здѣсь за неисполненіе условія полагается взысканіе денежное (Акты юр. 196—205). Какая порядная съ крѣпостнымъ человѣкомъ, да и какъ могли быть порядныя, если не было перехода? Нельзя же предполагать, чтобъ всѣ эти крестьяне были люди гулящіе, съ воли. Въ порядной 1630 года говорится: «А не учну я Василей у Пречистые Богородицы Тифина монастыря у игумена Васьяна съ братьею въ деревни на Теплухинѣ, на своемъ участкѣ, по своему приговору жити, или учну гдѣ на сторонѣ въ крестьяне рядитца, или въ иную монастырщину, или пойду въ иную бояршину за когонибудь жити, и Пречистые Богородицы Тифина монастыря игумену Васьяну съ братьею взяти на мнѣ на Васильи за денежную и за хлѣбную подмогу и за льготу денегъ тридцать рублевъ Московская по сей рядной записи» (Акты юрид. стр. 206). И такъ здѣсь опять только денежное взысканіе. Въ другой записи того же года прибавлено: «и впередъ мы Пречистые Богородицы Тифина монастыря крестьяне». (Акт. юрид. стр. 207). Въ другихъ рядныхъ, крестьянинъ даетъ на себя право тому, за кого онъ рядится, взять его (крестьянина) отовсюду, куда бы онъ потомъ ни порядился. Здѣсь сами крестьяне отнимаютъ у себя право перехода. Между тѣмъ по Бѣлевской писцовой книгѣ видно, что переходъ существовалъ. Нельзя, слѣдовательно, думать, чтобъ это лишеніе себя права перехода было общимъ условіемъ рядившихся крестьянъ. Думать, что переходившіе крестьяне были все вольные люди, и что, слѣдовательно, переходъ былъ привилегіей людей вольныхъ, — нельзя, ибо въ ихъ рядныхъ, которыя мы имѣемъ, мы видимъ, что они лишаютъ себя права перехода. Изъ поручныхъ въ крестьянство усматривается тоже самое; мало того: тамъ есть выраженіе, указывающее на главное, можетъ быть,

условіе при переходѣ; именно въ числѣ того, чего дѣлать не должны тѣ, за которыхъ ручаются, говорится: «или за волость выдутъ, *и ты свои жеребьи въ пустѣ покинутъ*» (Акт. юрид. стр. 298); тогда на поручникахъ, между прочимъ, лежатъ какъ обязанность: «*на ты жеребьи жильцы*». Въ поручной 1641 года ясно говорится, что поручникамъ, кромѣ пени, должно: «и на тотъ жеребей жильца нажилити, а до жильца всякое сдѣлье и подати тянути намъ же» (Акт. юрид. стр. 229).

Все это вмѣстѣ заставляетъ думать, что переходъ не былъ запрещенъ, но подвергнутъ тѣмъ или другимъ ограниченіямъ. Бѣглымъ еще не называется всякой тотъ, кто только вышелъ, но, вѣроятно тотъ, кто ушелъ, не исполнивъ условій перехода и, между прочимъ, до срока. Мы видимъ, что, во времена до укрѣпленія, переходившіе крестьяне часто рядились на неопредѣленный срокъ жить за такимъ-то; въ случаѣ несоблюденія сего условія, крестьянинъ возвращалъ подмогу или платилъ пеню. Быть можетъ, послѣ укрѣпленія, въ такомъ точно случаѣ, тотъ, за кого рядился крестьянинъ, кромѣ денежной пени или вмѣсто нея, могъ требовать назадъ самого крестьянина и заставить работать на себя столько времени, сколько въ рядной написано, а такъ какъ тамъ просто сказано: жить за такимъ-то, послѣ льготныхъ годовъ, и т. далѣе, то это понималось (и, вѣроятно, прямо и писалось въ томъ смыслѣ), какъ пожизненная работа. Но и это вошло не вдругъ; сперва въ рядныхъ послѣ укрѣпленія, въ рядныхъ на неопредѣленный срокъ или на всю жизнь, видимъ мы, что тоже полагается въ случаѣ, если крестьянинъ будетъ рядиться на сторонѣ, выйдетъ за другаго, — денежное взысканіе; потомъ въ такихъ рядныхъ дается право взять самого крестьянина отовсюду, куда бы онъ ни порядился. И такъ бѣглый крестьянинъ былъ крестьянинъ, не исполнившій условій перехода и ушедшій до срока. До укрѣпленія, заплатя пеню, онъ удерживалъ свою личную независимость, и не былъ обязанъ выполнять условно обѣщаннаго; послѣ укрѣпленія, онъ не могъ отступиться отъ условій, а обязанъ былъ выполнить весь договоръ и жить столько, сколько въ записи написано. Въ этомъ состояло запрещеніе выхода; онъ былъ подчиненъ опредѣленнымъ правиламъ. Конечно, кто рядился за кого на всю жизнь, тотъ, по новому закону, и долженъ былъ у него оставаться всю жизнь. Не все ли это

равно, — скажутъ намъ: вѣдь рядныя, дошедшія до насъ, изъ эпохи укрѣпленія всѣ таковы. Это не все равно,—отвѣчаемъ мы: рядная показываетъ, что, по крайней мѣрѣ, прежде рядной лицо договаривающееся свободно, хотя бы въ рядной оно добровольно лишало себя свободы. А потомъ, не всѣ рядныя дошли до насъ; быть можетъ, онѣ и не всѣ пожизненныя. И вотъ, какъ подтвержденіе нашей мысли, приводимъ поручную (что все равно), помѣщенную въ Бѣлевской Виліоѳикѣ, въ приложеніяхъ: поручная относится къ 1681 году. Приведемъ всю эту замѣчательную рядную:

«Се азъ Бѣлевцы посадцкіе люди, Борисъ Матвѣевъ сынъ Коноплинъ, да язъ Титъ Микитинъ, сынъ Дубынинъ, да язъ Бѣлевскій стрѣлецъ Михайло Яковлевъ сынъ Грачевъ, въ нынѣшнемъ во 189 году Ноября въ 26 день поручили ся есмы мы по крестьянинѣ Ивана Васильевича Кирѣевскаго, по Филипу Иванову сыну, Казельской его деревни Повиткиной въ томъ, что ему Филипу, за нашею порукою, жить въ деревнѣ Повиткиной за нимъ Иваномъ Васильевичемъ во крестьянствѣ и всякую работу работать съ своею братьею въ рядъ, и тягло, и всякая подать платить по очереди, *съ сего числа годъ, до ста девяностаго года Ноября 26 число*, изъ-за него Ивана Васильевича не сбѣжать. А будетъ онъ Васильевъ, за нашею порукою, *съ сего числа года*, за нимъ Иваномъ Васильевичемъ во крестьянствѣ въ деревнѣ Повиткиной жить не станетъ, изъ-за него Ивана Васильевича, *не дождавъ года*, сбѣжитъ,—и на насъ на порутчикахъ вмѣсто его всякая работа, всякія подати, и платежъ сполна взяти ему Ивану Васильевичу на насъ порутчикахъ. И на то послухъ Яковъ Ивановъ сынъ Риловъ. А поручную запись писалъ Бѣлевской площади подъячей Ѳедка Ярославцевъ. Лѣта 7189, Ноября въ 26 день.»

Вотъ и поручная (тоже, что рядная) не на всю жизнь, но на опредѣленный срокъ, и именно на годъ, и даже отъ Юрьева дня до Юрьева дня. Это сильно говоритъ въ пользу того, что переходъ существовалъ. Крестьянинъ, о которомъ рѣчь, ушедши *не дождавъ года*, былъ бы бѣглый; а по прошествіи года былъ бы крестьянинъ по праву перешедшій. Отъ чего же, скажутъ намъ, не сказано, чтобы отыскать его, и чтобы онъ отработалъ свой срокъ? Отъ того, что срокъ очень малъ, и не стоило хлопотать

изъ-за этого. За него же отвѣчали поручители и работой (чего въ древнихъ поручныхъ мы не встрѣчаемъ). Вся тяжесть укрѣпленія падала на крестьянъ, рядившихся на долгій, или на неопредѣленный срокъ, или просто на всю жизнь (а такъ рядились во время перехода за долго до укрѣпленія). Имъ отъ этихъ условій не позволено было откупаться. Въ рядныхъ стало обозначаться право взять крестьянина тому, за кѣмъ онъ поручился жить. Въ поручныхъ стало появляться обязательство отвѣчать за такого работою. Крестьяне, рядившіеся на краткіе сроки, на годъ напримѣръ, ради краткости срока, вѣроятно, не отыскивались; но за то поручники отвѣчали работой за крестьянина и вообще его замѣняли въ его крестьянскихъ обязанностяхъ.

Вотъ наше объясненіе того, въ чемъ заключалось ограниченіе перехода, — мнѣніе, которое мы представляемъ однако еще какъ догадку, ибо дѣло само требуетъ большихъ изслѣдованій. Существованіе же перехода не только de facto, но и de jure, по крайней мѣрѣ во времена царствованія Михаила Ѳедоровича, считаемъ мы, основываясь на Бѣлевской писцовой книгѣ и на приведенныхъ актахъ—несомнѣннымъ.

Обращаемся къ Бѣлевской писцовой книгѣ:

Въ писцовой книгѣ замѣчаемъ мы чрезвычайно важную особенность: въ сошное письмо (т. е., въ казну государеву) платилось только съ имѣнья населеннаго; другими словами, въ сошное письмо платили крестьяне пашенные. Какъ скоро у помѣщика имѣнье въ пустѣ, или какъ скоро у него есть пашня, хотя и большая, но нѣтъ крестьянъ, тогда въ сошное письмо не платится. И такъ крестьяне платили за землю прямо государству: отсюда прямой выводъ, что и землю получали они отъ государства; если же государство распоряжалось землею и брало за землю, то отсюда вытекаетъ другой выводъ, что земля не была помѣщичья, что государство не думало помѣщикамъ или вотчинникамъ уступать эту землю въ собственность: помѣщикъ и вотчинникъ (одинъ временно, другой наслѣдственно) *пользовался* землею и доходомъ, который она приносила, и только; а земли *въ собственности* онъ не имѣлъ. Вмѣстѣ съ этими двумя выводами, образуется еще третій, что помѣщикъ *не могъ*, не имѣлъ права, не дать земли крестьянину, ибо въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы право лишить государство его дохода, чего предполо-

жить нельзя. Скажутъ: помѣщикъ и самъ изъ собственной выгоды этого бы не захотѣлъ; пусть такъ, но тѣмъ не менѣе онъ не имѣлъ права поступать иначе. Такія соображенія, вытекающія логически, представляютъ отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ въ иномъ видѣ, нежели какъ воображаютъ это многіе судьи древней Руси.

Коснувшись столь важнаго вопроса, какъ быть крестьянъ въ древней Россіи, мы, само-собою разумѣется, въ статьѣ нашей, посвященной замѣчаніямъ на Бѣлевскую Виніоенку, не имѣемъ цѣли изслѣдовать его подробно; но тѣмъ не менѣе выскажемъ здѣсь наше мнѣніе, основанное на историческихъ свидѣтельствахъ, выскажемъ въ видѣ тезиса, имѣющаго быть развитымъ и подтвержденнымъ историческими доказательствами.

Помѣщикъ и вотчинникъ, до укрѣпленія и послѣ укрѣпленія, не былъ собственникъ ни имѣнія вообще, ни земли. —Земля не была помѣщичья. Земля Русскаго народа принадлежитъ Русскому народу и, чрезъ него, государству, какъ внѣшнему его представителю. Какъ собственность всего Русскаго народа, она находится въ пользованіи или владѣніи у того или другаго лица, не переходя въ его частную собственность. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи явился и наконецъ опредѣлился государь, земля стала называться государевою, вовсе не въ смыслѣ частной собственности государя, какъ лица, но въ смыслѣ чисто государственномъ, ибо государство имѣетъ въ немъ своего представителя. Государь владѣетъ землею Россіи не на частномъ, а на государственномъ правѣ. Государь, какъ глава государства, дѣйствуетъ государственно чрезъ своихъ представителей, намѣстниковъ и вообще людей служилыхъ, являющихся органами государственной дѣятельности. Когда государь посылаетъ въ городъ своего *мужа* (какъ выражались въ древности) съ тѣмъ, чтобъ онъ правилъ этимъ городомъ, значитъ ли, что онъ отдаетъ ему городъ въ собственность? Государь поступается ему частію своей власти и доходовъ, сохраняя въ то же время надъ нимъ общую верховную власть. Таковы были, со временъ Рюрика, мужи, державшіе подъ нимъ города, таковы были потомъ намѣстники и воеводы. Точно такое же значеніе имѣли помѣщики и вотчинники. Государь поступается частію своей государственной власти и доходовъ помѣщику, и только. Имѣніе помѣщика нисколько не становилось собствен-

постію помѣщика, даже и мысли этой не существовало. Помѣщикъ владѣлъ своимъ помѣстьемъ, а вотчинникъ вотчиною на правѣ государственномъ. Если ужъ подымать вопросъ, кому, въ ближайшемъ смыслѣ, въ болѣе тѣсномъ объемѣ, принадлежитъ земля въ имѣньи помѣщика, такъ она принадлежитъ населенію, а онъ владѣетъ ею на государственномъ правѣ. Это то же самое отношеніе, въ малыхъ размѣрахъ, какое существуетъ для всей Россіи въ цѣлости. Кому принадлежитъ земля Россіи? Русскому народу, а государь владѣетъ ею на государственномъ правѣ. Въ силу этого-то государственнаго права, которымъ государь поступается въ меньшихъ размѣрахъ и въ тѣсныхъ предѣлахъ своему мужу, служилому человѣку,—владѣетъ помѣщикъ и вотчинникъ своимъ имѣніемъ. — Отношенія помѣщика или вотчинника къ населенію были, въ свою очередь, чисто государственныя; въ жалованныхъ грамотахъ встрѣчается выраженіе, что жалуется помѣстье или вотчина: съ данью и съ судомъ, т. е., съ правомъ суда. Помѣщикъ и вотчинникъ бралъ отъ суда опредѣленныя пошлины, въ чемъ состояла его финансовая выгода; судилъ онъ, слѣдовательно, какъ судья, по законамъ государства, по которымъ всѣ судились; это особенно выдается, когда говорится о судѣ смѣсномъ, гдѣ помѣщикъ судилъ вмѣстѣ съ волостелемъ (или вообще съ государственнымъ чиновникомъ): и «присудомъ дѣлятся по поламъ», что показываетъ однородный судъ. Крестьяне помѣщичьи и вотчинниковы совершенно также свободны и полноправны, какъ и другіе крестьяне; при выборѣ губнаго старосты, напримѣръ, крестьяне всѣхъ владѣній въ цѣлой округѣ (помѣщичьи и вотчинниковы, государевы, монастырскіе) соединяются въ одну общину и вмѣстѣ выбираютъ. Оброкъ, который платили, и пашня, которую пахали крестьяне на помѣщика и вотчинника, были въ замѣнъ разныхъ податей и повинностей, которыя платили крестьяне государству, и составляли помѣщиковъ доходъ. Скажутъ: этотъ доходъ составлялъ главную цѣль при пожалованіи имѣніемъ; но у насъ и воеводамъ давали города въ кормленіе (мы объяснили, что это значило опредѣленное жалованье, — не болѣе). Если жаловали для дохода, то все-таки жаловали государственнымъ званіемъ; государственность отношенія отъ этого не измѣнялась. Есть сильное основаніе думать, что помѣщикъ и вотчинникъ не могъ заставлять крестьянъ пахать на

себя столько, сколько захочетъ, ни налагать количество оброка по своей волѣ. Хотя мы не намѣрены были приводить въ нашемъ настоящемъ изложеніи свидѣтельства историческія, но однако укажемъ на грамоту царя Іоанна Васильевича въ сельцо Леньково; въ ней находится слѣдующее мѣсто: «и вы бъ всѣ крестьяне, которые въ томъ сельцѣ и въ деревняхъ и въ селицахъ живутъ, Ивана да Гаврила, да Ѳедора Семеновыхъ дѣтей Лазарева слушали, оброкъ имъ *помѣщиковъ* платили и пашню на нихъ пахали, доколѣ за ними то помѣстье писцы наши или большіе мѣрщики опишутъ и измѣряютъ и *учинятъ за ними пашни по нашему указу*» (Описаніе города Шуи, стр. 89). Такое свидѣтельство не одно.—Между помѣщикомъ и вотчинникомъ не было никакой разницы во внутреннихъ, такъ сказать, его отношеніяхъ къ имѣнію; разница въ томъ, что отношенія помѣщика становились наслѣдственными, переходя въ отношенія вотчинника. — Скажутъ: какъ же вотчина не была частной собственностью: вотчину можно было продать, подарить? Но здѣсь продавалось и дарилось лишь отношеніе вотчинника. Отдавались въ вотчину и рыбныя ловли; ловли можно было продать; но здѣсь продавалась не рѣка, не берегъ, не земля, а ловли, то есть, доходъ; здѣсь слѣдовательно нѣтъ другой собственности, кромѣ дохода. Это почти то же, что акціи, не дающія никакой собственности въ предпріятіи, кромѣ права на извѣстный дивидендъ. Дарилось и продавалось не болѣе того, что имѣлось. А отношенія помѣщика и вотчинника не были отношенія собственника. Ограниченіе права перехода или такъ называемое укрѣпленіе крестьянъ, если даже понять его, какъ полное прикрѣпленіе къ землѣ и полное лишеніе права перехода, нисколько не измѣнило отношеній помѣщика и вотчинника къ крестьянамъ. Какъ прежде, такъ и послѣ, мы встрѣчаемъ въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, болѣе или менѣе значительныхъ, все государственное устройство, встрѣчаемъ цѣловальниковъ, выборныхъ судей, приговоры сходки, и наконецъ земскихъ дьячковъ, писавшихъ приговоры сходки. Доселѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ существуетъ, или хоть извѣстенъ по имени, *Земской*; теперь онъ чисто служилый человѣкъ, помѣщичій; онъ значитъ, большею частію, конторщикъ, писарь. Мы долго не умѣли себѣ объяснить этого названія, пока не встрѣтили въ древней Россіи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земскихъ дьячковъ,

писавшихъ приговоры сходки. Земской нашего времени—это выродившееся юридическое лицо древней Руси, въ названіи котораго слышится отголосокъ древняго самостоятельнаго быта теперешнихъ помѣщичьихъ крестьянъ.—Акты показываютъ намъ примѣры оффиціальныхъ договоровъ помѣщика съ своими крестьянами, договоры, которые не мыслимы при нашемъ крѣпостномъ состояніи. Въ актахъ юридическихъ, изд. г. Калачевымъ, помѣщена запись договорная о строеніи церкви между дворянами и крѣпостными крестьянами, 1698 года; приводятся имена и тѣхъ и другихъ, и тѣ и другіе становятся совершенно наравнѣ; грамота оканчивается словами: «и договорную запись писалъ, по ихъ дворянскому и крестьянскому велѣнью,» и проч. (стр. 698—699). Въ любопытной (хотя и несправедливой по многимъ выводамъ) статьѣ г. Побѣдоносцева: «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи», помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ (№№ 11 и 12), приводятся свидѣтельства, подтверждающія нашу мысль. Мы не согласимся съ г. Побѣдоносцевымъ въ томъ, чтобы помѣщичье управленіе до Петра было снимкомъ съ государственнаго управленія; оно не было снимкомъ. Это не помѣщикъ завелъ у себя такое управленіе; а это было тоже государственное управленіе, какъ и во всей Россіи, которое измѣнить помѣщикъ не имѣлъ права, ибо самъ онъ былъ только государственное лицо и стоялъ чисто въ государственныхъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, людямъ свободнымъ, лишь прикрѣпленнымъ къ землѣ, и то не совсѣмъ (а вовсе не къ нему). Доказательство, что состояніе помѣщичьихъ крестьянъ до-Петровской Россіи было однородно съ государственнымъ, есть между прочимъ и то, что крестьяне бѣгаютъ, какъ отъ помѣщиковъ къ Государю, такъ и отъ Государя къ помѣщикамъ, что теперь не мыслимо. Укажемъ на современныя выраженія, въ которыхъ слышится государственное значеніе нѣкогда помѣщичьихъ отношеній. Крестьяне иногда говорятъ про помѣщика: мы его *державы*. Слово *держать* есть почти терминъ государственный. Въ сѣверныхъ губерніяхъ употребляется, для означенія общаго управленія и совокупности нѣсколькихъ деревень, слово: *столъ*, разумѣется въ своемъ государственномъ значеніи, т. е. однородно съ словомъ: столъ Кіевскій, Владимірскій и пр.

И такъ до Петра помѣщичьи и вотчинниковы крестьяне были

люди свободные и полноправные; помѣщики и вотчинники находились къ нимъ лишь въ государственныхъ юридическихъ отношеніяхъ. По этому крѣпостной до Петра и крѣпостной послѣ Петра не имѣютъ между собою никакого сходства, сходство лишь въ словахъ, въ буквѣ. Крѣпостной крестьянинъ до-Петровскій еще менѣе похожъ на крѣпостнаго крестьянина нашихъ временъ, чѣмъ земской до-Петровскій на земскаго современнаго: слово одно, да смыслъ не тотъ. Мы, Русскіе XIX столѣтія, одинаково понимаемъ, что значитъ наше крѣпостное состояніе! Страшный, безчеловѣчный смыслъ его намъ хорошо извѣстенъ. Принимая это слово въ его, всѣмъ намъ хорошо извѣстномъ, значеніи, мы говоримъ, что крѣпостнаго состоянія въ Россіи до Петра не было. Крѣпостное состояніе есть *дѣло* преобразованной Россіи. Самое титло до-Петровскаго вотчинника и помѣщика: *государь*, указывало на его государственное значеніе; *баринъ* неизвѣстенъ въ древней Россіи. *Баринъ*—есть также произведеніе преобразованной Петровской Россіи.

Обращаясь вновь къ Бѣлевской писцовой книгѣ, мы въ ней находимъ подтвержденіе сказанному нами. Нигдѣ не говорится, чтобъ земля принадлежала помѣщику или вотчинику; при описаніи имѣнія говорится лишь о помѣщиковой и вотчинниковой пашнѣ; подъ этимъ разумѣется опять таки не земля, а пашня; на ряду съ помѣщичьей и вотчинниковой пашней говорится о пашнѣ крестьянской. Лѣсъ тоже не составлялъ, кажется, собственности помѣщика. Замѣчательно, что крестьяне пользуются лѣсомъ государственнымъ, въѣзжимъ лѣсомъ; но тамъ, гдѣ и нѣтъ крестьянъ, позволяется въѣзжать въ этотъ общій лѣсъ; кому же? помѣщику или крестьянамъ, которые могутъ у него явиться? Думаемъ и то и другое; въ такомъ случаѣ и помѣщикъ *пользовался* лѣсомъ отъ государства. Вообще права помѣщика на лѣсъ не ясны. Есть напримѣръ выраженіе: «а сѣно и лѣсъ вопче (помѣщику) съ братомъ его по дачамъ» (1, стр. 12), и другія тому подобныя. Но здѣсь разумѣется не помѣщикъ, какъ собственникъ, а само имѣніе помѣщика. Это яснѣе видно въ выраженіи о вотчинѣ Мезинцовыхъ (жеребей деревни Гришиной): «а усадный лѣсъ межъ рѣчекъ Ракитны и Городенки по заповѣдную черту вопче съ помѣщики *ко всей деревнѣ Гришиной*» (I. стр. 313). Также: «а усадный лѣсъ позади дворовъ деревни Хвоще-

вой вопче всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по дачамъ ко всей деревни Хвощевой» (1. стр. 444). (Усадный лѣсъ принадлежалъ, кажется, уже къ имѣнью). Говорится также напримѣръ: «а околица и выгонъ въ деревнѣ Абини Осипу Сулдешеву вопче съ помѣщики». (1. стр. 23). Или также: «колодецъ (помѣщику) вопче съ дядею его» (I. стр. 66—67). Наконецъ: «а вода имать и животина поить (помѣщику) въ колодцѣ вверху вопче» (I. стр. 84). Очевидно, вода не есть собственность помѣщика. Наконецъ еще: «лѣсъ (помѣщику) на дрова и на всякое угодье въ холму вопче съ помѣщики» (II. стр. 8). А мы знаемъ изъ писцовой же книги, что именно въ лѣсъ на дрова и на всякое угодье предоставляется въѣзжать крестьянамъ; слѣдовательно, они здѣсь подразумѣваются. И такъ рѣчь идетъ объ имѣньѣ, которое *за помѣщикомъ* (или вотчинникомъ; см. выше привед. примѣры). Изъ всѣхъ приведенныхъ мѣстъ можно, кажется, заключить, что крестьяне и помѣщики *пользовались* лѣсомъ государственнымъ. Что такіе лѣса, какъ большой Бѣлевской, большой Рыданской, Кулутинской, были лѣса государственные—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но мы видимъ, что помѣщикамъ и крестьянамъ отъ государства *отводится въ пользованіе* лѣсъ усадный, какъ кажется, принадлежащій къ имѣнію. Можно, кажется, съ достовѣрностію заключить, что лѣсъ не былъ частной собственностью и давался не *въ собственность*, а *въ пользованіе*. Быть можетъ, поросли на десятинахъ и хворостинникъ не входили въ разсчетъ (1).

Въ помѣстьѣ Шуйскаго, при изчисленіи крестьянъ, мы встрѣчаемъ *земскаго дьячка*: «Игнашко Олексѣевъ, земской дьячекъ» (I. стр. 406.) Это новое доказательство о существованіи этихъ земскихъ дьячковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

---

(1) Вотъ еще примѣры, по которымъ видно, что лѣсъ отводится къ имѣнью самому. Въ помѣстьѣ Степана Гавриловa сына Новосильцева: „лѣсу дровянаго и на всякое угодье къ селу Горликову межъ рѣчекъ Строевой и Переправы по большую дорогу“ (II. стр. 195). Также: „лѣсъ усадный и болото и выгонъ и всякое угодье вообче помѣщику съ подьячимъ съ Осипомъ Васильевымъ ко всей деревни“ (I. стр. 417). Мы видимъ, что и пашенный лѣсъ тоже отводится ко всему имѣнью; напримѣръ, въ помѣстьѣ Богдана Ильина сына Плещеева (гдѣ есть и другіе помѣщики): „лѣсу пашеннаго ко всей деревнѣ 2 десятины“ (II. стр. 147) Также, въ вотчинѣ Петра Семенова сына Воейкова: „а лѣсъ пашенной, и непашенной, и болотной вопче съ Спаскимъ монастыремъ, ко всей деревнѣ Курако вой“ (II. стр. 266).

Наконецъ въ приложеніяхъ, весьма любопытныхъ, читаемъ мы опись имѣнья, сельца Высокаго съ деревнями; это не слишкомъ большая вотчина; въ ней всего 66 дворовъ. Между тѣмъ въ ней встрѣчаемъ мы цѣловальника: «а по сказкѣ старосты Куземки Аникѣева да цѣловальника Корнюшки Сергѣева (II. Приложенія стр. 19). Потомъ въ этой же описи говорится о вотчинномъ архивѣ и о собраніи въ немъ челобитныхъ крестьянскихъ; описаніе этого архива любопытно; приведемъ это мѣсто: «Ящикъ у старосты въ житницѣ съ письмами, съ отписми всякихъ государевыхъ платежей со 188 году, и челобитныя крестьянскія подлинныя, и книги старостины пріемныя и росходныя, который пынѣ въ старостахъ ходитъ, — Куземки Аникеева, и иные всякіе мелкіе крестьянскіе письма, и тотъ ящикъ, запечатавъ, послалъ къ Москвѣ» (II. Приложенія, стр. 19). Это съ своей стороны показываетъ чисто государственныя отношенія, а не господскія (понимая это слово въ современномъ смыслѣ, которому опять научила насъ преобразованная Петромъ Россія), и подтверждаетъ нашу мысль, высказанную нами, что значеніе помѣщика и вотчинника до Петра, было чисто государственное, и что помѣщичьи и вотчинничьи крестьяне были люди свободные и полноправные столько же, сколько и государственные крестьяне.

Кромѣ общихъ выводовъ, сдѣланныхъ нами, писцовая книга Бѣлевскаго уѣзда заключаетъ въ себѣ много любопытнаго и вызываетъ замѣчанія, которыя мы и представляемъ читателямъ.

Мы видимъ, что крестьянинъ переходилъ и не за помѣщика, напримѣръ: «мѣсто Омельянка Кузмина; сшелъ въ Бѣлевской же уѣздъ, въ козачью деревню Федяшеву въ 7131 году» (I. стр. 504).— Мѣсто жительства однихъ крестьянъ съ другими и даже съ козаками не было разграничено, какъ скоро жили они въ одной и той же деревнѣ, напримѣръ: въ селѣ Бакинѣ, въ жеребьи Григорья Ильина сына Гокопова (село безъ жеребья за Бобриковскими козаками): «крестьянинъ его Григорьевъ (помѣщика), Ждайко Петровъ сынъ Чеботаревъ живетъ на старомъ своемъ усадьѣ, межъ козачьихъ дворовъ Елисейка Савельева, да Максимка Зиновьева» (II. стр. 35).—Видно, что крестьянинъ могъ бросать свое дѣло, и, не переходя, шататься тутъ же въ имѣніи, какъ видно не принуждаемый помѣщикомъ къ работѣ и не выгоняемый; вотъ, напримѣръ, выраженіе, замѣчательное какъ вы-

раженіе: въ помѣстьѣ Василья Савельева сына Чернышева: «Володька умеръ, а сынъ его волочится межъ дворовъ» (II. стр. 99).— Видимъ также, что правительство иногда давало крестьянину иное назначеніе; напримѣръ, при описаніи помѣстья Племянниковыхъ: «дворъ (крестьянскій) Гараснмка Фомина; взятъ въ Корачевъ въ пушкари» (I. стр. 433). Также находимъ: «мѣсто дворовое крестьянское пусто Родки Дорофеева, а Родка сшелъ на Елецъ въ козаки во 124 году (I. стр. 144).

Въ новое доказательство самостоятельности помѣщичьихъ и вотчинничьихъ крестьянъ можемъ привести слѣдующее мѣсто: въ описаніи церковной земли говорится: «а въ ней пашни паханыя наѣздомъ 20 четвертей, да лѣсомъ поросло 12 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ, и съ тѣмъ, *что владыни деревни Гаишины крестьяне*» (II. стр. 144). А эта деревня — помѣщичья, принадлежавшая двумъ помѣщикамъ. Присутствіе двухъ или нѣсколькихъ помѣщиковъ въ одномъ селѣ или одной деревнѣ не разрывало, кажется, нисколько ея общиннаго единства.

Въ писцовой книгѣ говорится, при описаніи имѣній, о прокопныхъ земляхъ; кажется, это были земли разчищенныя для пашни. изъ лѣсу, отведеннаго къ имѣнью. Напримѣръ, при описаніи церковной земли, говорится: «да прокопныя земли, что они прокопалы изъ усадпаго и изъ угоднаго своего лѣсу, позади дворовъ, на Быковомъ десятина, отъ межи Прокофіева помѣстья Воейкова, деревни Олоповой» (I. стр. 383). Приводимъ еще примѣръ, изъ котораго, кажется, видно, что крестьяне сами разчищали пашню, какъ бы отъ себя, именно, въ имѣньи Якова Петрова сына Кологривова: «да примѣрныя прокопныя земли. что прокопали двоя Яковлевы крестьяне сверхъ его вотчинной дачи, въ деревнѣ Боровнѣ, изъ пашеннаго лѣсу 20 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ» (I. стр. 240). Эта земля признается и записывается писцовою книгою. Для бо̀льшаго доказательства, что крестьяне дѣйствовали здѣсь самостоятельно, отъ себя, можемъ привести еще слѣдующее мѣсто: при описаніи помѣстья Василья Андреева сына Павлова: «да прокопныя земли, что при(о)ковали его жъ Васильевы крестьяне изъ угоднаго *своего* лѣсу, и съ луговою землею, что у рѣки Оки, что прежъ сего пахивали и нынѣ пашутъ, къ тѣмъ же полямъ тоежъ деревни 25 четвер-

тей» (II. стр. 216—217). Здѣсь прямо сказано, что лѣсъ крестьянской; но если не было раздѣла между лѣсомъ помѣщичьимъ и крестьянскимъ, то здѣсь слово *своего* относится до имѣнья вообще, до лѣса, имѣнью принадлежащаго, пользоваться которымъ имѣли одинакое право и помѣщикъ (или вотчинникъ) и крестьяне.

Въ имѣньяхъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, опредѣляется иногда крестьянамъ тѣхъ и другихъ: пахать пашню черезъ десятину *для тѣсноты*, т. е. чтобъ избѣжать тѣсноты, или вслѣдствіе тѣсноты. Напримѣръ: «а пашню пахать Лаврентьевымъ крестьянамъ и бобылямъ съ Ивановы крестьяны и бобыли Кологриваго, съ Васильемъ Дурнымъ (тоже помѣщикъ) для тѣсноты черезъ десятину» (I. стр. 216). Еще примѣръ: «а пашню пахать князь Семеновымъ людямъ и бобылямъ (т. есть, людямъ—бобылямъ; ибо кромѣ бобылей ничего не показано) съ помѣщики (помѣщиковъ всѣхъ пять) для тѣсноты черезъ десятину» (II. стр. 155). Также: «а пашня пахать Микифоровымъ людямъ, и крестьянамъ и бобылямъ (опять здѣсь «люди» значатъ крестьяне и бобыли; ибо показана только крестьянская и бобыльская пашня) съ Юрьевыми крестьяны и бобыли, въ деревнѣ Ильинѣ слободкѣ, для тѣсноты черезъ десятину» (II. стр. 162).—О какой пашнѣ говорится здѣсь? Крестьянской или помѣщичьей? Вѣроятно, разумѣлась и та и другая. Но въ выраженіи: крестьянамъ пахать,—слышно какъ будто прямое распоряженіе крестьянъ пашнею. Приводимъ еще примѣръ, гдѣ это яснѣе: «а пашни пахать Михайловымъ (Ивановымъ) людямъ и крестьянамъ и бобылямъ съ Васильевы людми, и съ крестьяны (пропущено: и съ бобыли), *по любовному ихъ договору*, черезъ десятину» (II. стр. 99).

Это прямое, самостоятельное такъ сказать, отношеніе крестьянъ къ пашнѣ выражается даже въ тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія мы встрѣчаемъ со стороны крестьянъ, въ томъ, что они устроивали пашню *насильствомъ;* напримѣръ: въ имѣньѣ Кондратья Омельянова сына Сулдешева, въ жеребьи деревни Карловой, нѣтъ даже никакихъ дворовъ, а только «селище пустое Ѳедки Ефанова, что переселился тотъ Ѳедка Ефановъ съ стараго своего мѣста на новое мѣсто, выконавъ его Кондратьевы рощи насильствомъ, и то селище, по сыску сторонніхъ людей,—Кондратьевы рощи Сулдешева, а старое дворовое мѣсто Ѳедки Ефанова писано за Афо-

насьемъ Сулдешевымъ» (II. стр. 8). Въ этомъ имѣньѣ Кондратья Сулдешева есть пашня 12 четвертей, паханая, конечно, наѣздомъ. — Въ описаніи имѣнья Аѳанасья Сулдешева мы читаемъ: «дворъ помѣщиковъ, что былъ тотъ дворъ прежъ сего крестьянина его Ѳедки Ефанова да сына его Игнашки, а Ѳедка да Игнашка сошли безвѣстно во 136 году» (II. стр. 39). Конечно, этотъ Ѳедоръ Ефановъ сшелъ послѣ того, какъ поселился было у Кондратья Сулдешева (иначе не сказано было бы: безвѣстно), и опустѣлый дворъ его запялъ (быть можетъ, на время) помѣщикъ.—Вотъ еще примѣръ: цѣлая деревня, вотчинника Троханіотова, деревня Столпова (Стоянова?) переселилась на монастырскую землю, какъ кажется, оставаясь за прежнимъ помѣщикомъ, ибо, при описаніи вотчины Троханіотова (I. стр. 491—493), всѣ эти крестьяне деревни Столповой (Стояновой) поименованы. При описаніи монастырской вотчины Пречистыя Богородицы Свѣнскаго монастыря упоминается объ этомъ обстоятельствѣ, говорится, что «Ивановы крестьяне и бобыли Троханіотова поселились съ стараго своего мѣста за монастырскую вотчину Пресвятыя Богородицы Свѣнскаго монастыря за село Студенково, дворы и гумна и огороды огородили, да тожъ Ивановы крестьяне и бобыли Троханіотова пропахали усадиаго монастырскаго лѣсу позади своихъ дворовъ 6 десятинъ, въ пашню вверхъ по рѣкѣ по Козельнѣ, по правую сторону у рѣки Козельны» (I. стр. 498). Монастырь вступилъ въ споръ объ этой землѣ: былъ большой обыскъ и на обыскѣ показали, что «Бѣлевскаго уѣзда Рущкаго стану Ивановы вотчины Троханіотова деревни Стояновы крестьяне, въ прошломъ въ 7126 году, переселились съ стараго своего на новое мѣсто не по государеву указу, собою насильствомъ, Свѣнскаго монастыря вотчины, села Студенпкова на монастырскую землю и на усадный лѣсъ, позади села Студенпкова за дворами.» (I. стр. 449). Былъ судъ, и дѣло было рѣшено тѣмъ, что вся спорная земля была вновь отмежевана и записана въ отказныхъ писцовыхъ книгахъ за монастыремъ; крестьяне Троханіотова высланы изъ дворовъ вонъ «на старыя ихъ усадья, гдѣ они прежъ того жили»; а всѣ ихъ дворы, со всѣми угодьями и прокопною пашнею, отказаны монастырю. Во всемъ этомъ дѣлѣ дѣйствуютъ сами крестьяне, самостоятельно; инпціатива вся съ ихъ стороны; объ вотчинникѣ же упоминается косвенно и отдаленно.

При описаніяхъ имѣній, мы часто встрѣчаемъ пустые крестьянскіе и бобыльскіе дворы, пустыя дворовыя мѣста. И тѣ и другіе остаются не тронутыми. Принадлежали ли они помѣщику? Кажется нѣтъ; оставаясь пустымъ, дворъ ждалъ новаго жильца и соблюдался для него. Пустое дворовое мѣсто тоже, кажется, было неприкосновеннымъ, ибо тоже помѣщику уже не принадлежало, а принадлежало тому крестьянину, который вздумалъ-бы на немъ поселиться: это былъ *крестьянскій* пустой дворъ, *крестьянское* дворовое мѣсто, и принадлежать могли они только крестьянину. Насъ наводитъ на эту мысль то, что при описаніяхъ имѣній встрѣчаются старыя мѣста дворовыя крестьянскія, которыя однако остаются неприкосновенны и записываются въ писцовыя книги; напримѣръ: «да старые пустоты пятнадцать мѣстъ дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пусты» (I. стр. 355), или еще выразительнѣе: «да старые пустоты два мѣста дворовыхъ, а чье именемъ, того никто не упомнитъ» (II. стр. 186). Также: «да мѣсто дворовое крестьянское пусто, старые пустоты, а чье именемъ того никто не помнитъ (I. стр. 433). Это показываетъ уже большую старину; тѣмъ не менѣе дворовыя мѣста соблюдаются неприкосновенно и записываются въ писцовую книгу.— Какъ подтвержденіе нашей мысли, можемъ мы привести въ примѣръ: «Село Городищи на рѣкѣ на Окѣ, а въ немъ мѣсто церковное великаго Чудотворца Николы, да четыре мѣста церковныхъ дворовъ пусты: мѣсто попово, мѣсто дьячково, мѣсто попамарево, мѣсто просвирницыно» (I. стр. 433). Не говоря уже о церковномъ мѣстѣ, мы можемъ утвердительно сказать, что дворовыя мѣста служителей церковныхъ могли принадлежать только такимъ же служителямъ церковнымъ, не именно тѣмъ же самымъ лицамъ, но лицамъ, носящимъ тоже званіе и опредѣлившимся на тѣ же мѣста къ той же церкви.—Такъ водится и теперь въ имѣніяхъ; дворъ священника не принадлежитъ ни помѣщику, ни ему лично, но тому священнику, который займетъ это мѣсто въ селѣ. Въ гражданскомъ устройствѣ, домъ губернатора принадлежитъ тому, кто будетъ губернаторомъ. Въ древней Руси при существованіи перехода, домъ крестьянина не былъ собственностью помѣщика, былъ неприкосновенень, и тогда, когда оставался пустымъ, онъ принадлежалъ крестьянину, тому, который придетъ и поселится въ немъ, порядившись съ помѣщикомъ или вотчинникомъ. Таково

наше предположеніе, которое требуетъ еще доказательствъ болѣе сильныхъ и болѣе ясныхъ (1).

Въ постепенномъ ходѣ населенія въ древней Россіи мы встрѣчаемъ: починокъ. Это былъ *починный* шагъ населенія; шагъ этотъ дѣлался крестьяниномъ, приходившимъ на-новое мѣсто, строившимъ дворъ и разчищавшимъ пашню; поэтому имя, которое носитъ починокъ, есть, очевидно, имя крестьянское. Приведемъ примѣры; въ описаніи помѣстья Аѳанасья Тимоѳеева сына Бунина: «да къ той же деревнѣ припущена въ пашню пустошь, что былъ починокъ Олеши Карпова» (I стр. 420). Въ описаніи помѣстья Волокиты Ѳомина сына Сухачева: «да къ ней же (къ деревнѣ) припущены въ пашню два починка: починокъ Федора Сѣченаго, да починокъ Семена Ушакова» (I. стр. 427—428). Въ описаніи помѣстья Михайла Васильева сына Племянникова и племянника его: «да къ ней же (къ деревнѣ) припущено въ пашню починокъ Гвоздевъ» (I. стр. 432).

Сѣно показывается вообще, не раздѣльно, помѣщичье или вотчинничье, отъ крестьянскаго и бобыльскаго (2), но встрѣчаемъ однако, при описаніи монастырской вотчины Пресвятыя Богородицы Свѣнскаго монастыря: «да крестьянскаго сѣна по рѣкѣ Окѣ отъ рѣки Яблонки 110 копенъ.... да крестьянскаго сѣна въ Кобыльихъ лукахъ 200 копенъ.... да крестьянскаго и бобыльскаго

(1) Намъ въ возраженіе могутъ указать на одинъ только, приведенный нами же примѣръ, что помѣщикъ поселился по дворѣ, безвѣстно куда сшедшаго крестьянина. Но помѣщикъ могъ поселиться временно въ пустомъ дворѣ; а потомъ, все же двора этого онъ не сломалъ и не распахалъ и не продалъ; онъ самъ въ немъ поселился, чтобы жить,—становился жильцомъ, и, построивъ себѣ свой дворъ и переѣхавъ въ него, онъ, какъ думаемъ мы, не могъ считать оставленный дворъ своею собственностію и, напримѣръ, продать.

(2) Безъ сѣна крестьяне не могли быть; слѣдовательно, когда сѣно показывается вообще за помѣщикомъ, здѣсь подразумѣваются и крестьяне. Это еще болѣе подтверждаетъ мысль, что, когда говорится о лѣсѣ,—тоже подразумѣваются крестьяне, и подтверждаетъ также, что выраженіе о лѣсѣ: „ко всей деревнѣ „имѣетъ прямое значеніе, ибо о сѣнѣ говорится такъ же; а чтобъ крестьяне не имѣли своего сѣна, никто конечно предполагать не будетъ. Вотъ примѣры: въ описаніи помѣстья князя Сапелья, князъ Юрьеня сына Горчакова: „а сѣно и лѣсъ вопче съ Семеномъ да Елизаріемъ Лаврошими ко всей деревни Вырску“ (II. стр. 254). Въ описаніи помѣстья Ивана Ѳедорова сына Слѣпушкина: „Дубровы отхожія сѣножатныя у деревни Парфеновской старой Скрылевой 10 десятинъ съ полудесятиною; сѣна ставится 210 копенъ. Лѣсу пашеннаго у деревни Столыпинской 4 десятины. А лугъ и сѣножатныя дуброва и лѣсъ вопче у всѣхъ помѣщиковъ, ко всей деревнѣ Котлановѣ“ (II. стр. 157).

сѣна косятъ около дубовыхъ мостовъ по дубровомъ 300 копенъ» (I. стр. 495, 496 497).

За недостаткомъ оффиціальныхъ документовъ, слова крестьянъ вотчинника могли, какъ видно, служить основаніемъ для признанія вотчины за нимъ. Приводимъ примѣръ: «А писана та вотчина за дьякомъ, за Иваномъ Софоновымъ, *по сказкѣ бобылей его*, а государевы жаловапныя вотчинныя грамоты и никакія крѣпости на ту вотчину не положилъ» (I. стр. 494). Это опять показываетъ независимыя отношенія къ вотчиннику и полноправность крестьянъ, безъ чего слова ихъ не могли бы внушать довѣренность правительству и равняться съ оффиціальнымъ документомъ, именно въ этомъ вопросѣ: чья вотчина?

Возражая намъ, могутъ указать намъ на встрѣчающіяся нѣсколько разъ въ Бѣлевской писцовой книгѣ слова: крестьянинъ во дворѣ, бобыль во дворѣ,—и вывести изъ этого, что крестьянъ и бобылей могли брать помѣщики и вотчинники въ дворовые; но при ближайшемъ разсмотрѣніи, мы видимъ, что это выраженіе значитъ совсѣмъ не то. Напримѣръ, въ помѣстьѣ недоросля Бориса Семенова сына Толстаго: «да крестьянинъ во дворѣ: Петрушка Олексѣевъ съ племянникомъ съ Тараскомъ Даниловымъ, да бобыль во дворѣ: Гришка Сергѣевъ съ сыномъ съ Захаркомъ.»— Больше ни крестьянъ, ни бобылей въ этомъ помѣстьѣ нѣтъ; стало, ошибиться трудно. Что же? Тутъ же мы читаемъ: «пашни паханыя помѣщиковы 17 четвертей, да крестьянскія и бобыльскія пашни паханыя 6 четвертей.» — Наконецъ, при изчисленіи дворовъ, мы читаемъ: «дворъ крестьянской, людей въ немъ два человѣка, да дворъ бобыльской, людей въ немъ два жъ человѣка, да три мѣста дворовыхъ пустыхъ бобыльскихъ» (I. 281). Ясно, что выраженіе крестьянинъ во дворѣ, бобыль во дворѣ,—не означало дворовыхъ; они, какъ видимъ, являлись во всемъ своемъ значеніи пашенныхъ крестьянъ и бобылей. — Примѣры этому встрѣчаются не одинъ разъ въ Бѣлевской писцовой книгѣ; крестьянинъ во дворѣ, бобыль во дворѣ, имѣютъ и свою пашню и дворы. —Намъ скажутъ, можетъ быть, что крестьяне и бобыли только считались дворами, а жили во дворѣ помѣщика; но если бы это было и такъ, то вся разница была бы въ томъ, что помѣщикъ давалъ имъ у себя во дворѣ помѣщеніе, а сами они, по своему значенію, занятіямъ и отношеніямъ къ помѣщику и къ

другимъ, оставались вполнѣ крестьянами и бобылями.—Но и этого мы допустить не можемъ; ибо дворы ихъ, какъ, напримѣръ, здѣсь въ приведенномъ нами мѣстѣ, перечисляются вмѣстѣ съ другими, между дворовъ помѣщика, людскихъ, и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ, которыя имѣютъ ужъ не переносное, а прямое значеніе. Наконецъ даже самое выраженіе: «дворъ крестьянской, людей *въ немъ* два человѣка,» не допускаетъ, по нашему мнѣнію, предположенія, чтобы дворъ здѣсь принимался въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ семьи крестьянской.—И такъ выраженіе *во дворѣ* значитъ что нибудь иное, но нисколько не значитъ «дворового», и ни въ какомъ случаѣ не касается и не нарушаетъ самостоятельности крестьянина или бобыля, о которыхъ говоритъ это выраженіе. Приведемъ еще примѣры: Въ помѣстьѣ Кирила Кузмина сынъ Кундюзова: «дворъ помѣщиковъ, да бобыль во дворѣ Ивашко Олексѣевъ» (I. стр. 285); при исчисленіи: «дворъ помѣщиковъ, да дворъ бобыльской» (I. стр. 286). Здѣсь яснѣе видно, что дворъ бобыльской настоящій дворъ: всего два двора, и они поставлены рядомъ. Въ вотчинѣ Никиты Михайлова сына Воейкова, всего одинъ крестьянинъ; это крестьянинъ во дворѣ; но это семья большая: «да крестьянинъ во дворѣ Карпикъ Тимофѣевъ сынъ Резановъ, съ племянникомъ съ Захаркомъ Ильинымъ, да у Захарки три сына Олешка да Кирюшка да Бориско, да пріемышъ Кирило Степановъ» (I. стр. 340). При исчисленіи говорится: «дворъ крестьянской, людей въ немъ шесть человѣкъ» (I. стр. 341). Другаго двора крестьянскаго быть не можетъ, ибо въ вотчинѣ нѣтъ другихъ крестьянъ; сказано: шесть человѣкъ; пересчитываемъ число, — тоже самое. Сомнѣнія нѣтъ, что дворъ крестьянской—дворъ Карпика, который показанъ съ семьей «во дворѣ». И такъ выраженіе: *во дворѣ*, имѣетъ какое-то свое особое значеніе, и *крестьянинъ во дворѣ* имѣлъ свой дворъ, на что съ своей стороны указываетъ здѣсь и объемъ семьи.

Кажется, примѣровъ довольно. Въ писцовой книгѣ точно встрѣчается бобыль безпашенный, вѣроятно, разорившійся и обѣднѣвшій; но объ немъ сказано иначе. Въ помѣстьѣ Ивана Григорьева сына Муромцева: «дворъ помѣщиковъ, да дворъ люцкой Тимошки Юдина, да съ нимъ бобыль Ѳедка Кондратьевъ сынъ Князевъ» (II. стр. 41). Здѣсь нѣтъ слова: во дворѣ; но ясно, что бобыль живетъ въ людскомъ дворѣ. При исчисленіи пустыхъ мѣстъ, оче-

видно, именуется пустое мѣсто этого самого бобыля: «мѣсто Ѳедки Князева» (II. стр. 42). Пашни бобыльской не означается (тогда какъ это всегда бываетъ, хотя бы былъ и одинъ бобыль, какъ здѣсь напримѣръ), при исчисленіи, бобыльскій дворъ не именуется. Говорится только: «дворъ помѣщиковъ, да дворъ людской, да 4 мѣста дворовыхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ пустыхъ (II. стр. 42). Очевидно, это бобыль безпашенный, живущій въ людскомъ дворѣ, что могло всегда случиться, какъ отдѣльное исключительное явленіе; но объ этомъ бобылѣ не сказано выраженіе: во дворѣ, и это еще болѣе съ своей стороны доказываетъ наше мнѣніе касательно этого выраженія.

Крестьянская семья является въ томъ же составѣ, въ какомъ является она и теперь, такою, какъ мы опредѣлили ее въ нашей статьѣ о древнемъ бытѣ Славянъ. Она многочисленна и часто принимаетъ въ себя сторонникъ родственниковъ и даже не родственниковъ, имѣя въ себѣ, при высокомъ семейномъ своемъ значеніи, значеніе союза, общины (семья—отъ соиматься—сеймъ). Въ одномъ изъ примѣровъ нашихъ можно видѣть такой составъ семьи. Но приведемъ еще примѣры: «Микитка Конаевъ съ сыномъ съ Олешкою, да съ племянникомъ съ Онтошкою Омельяновымъ, да съ нимъ же Савка Фроловъ да пасынокъ его Ѳедька Ортемьевъ сынъ, прозвище Чечеткинъ» (I. стр. 330). «Микифорко Офонасьевъ съ дѣтьми съ Тараскомъ да съ Наумкомъ, да съ зятемъ съ Офонкою Ивановымъ» (I. стр. 287). «Бобыль Степанко Родіоновъ съ шуриномъ съ Никонкомъ» (I. стр. 4).

При монастырскихъ имѣніяхъ упоминаются бобыли безпашенные, которые питаются отъ церкви Божіей (I. стр. 364), или изъ найму (II. стр. 130). Упоминаются также *дѣтеныши*. Они жили и во дворѣ монастырскомъ (I. стр. 373) и своими дворами (II. стр. 129). Во второмъ случаѣ говорится о томъ, что они пахали: «пашни пахатныя монастырскія *дѣтенышевы пахоты* середніе земли 30 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по томужъ» (II. стр. 130).

Дворовые слуги, или *люди* собственно, называются при описаніи каждаго имѣнія въ началѣ поименно, но въ итогѣ считаются только ихъ дворы, тогда какъ дворы крестьянъ и бобылей не только пересчитываются, но повторяется въ итогѣ сколько человѣкъ въ крестьянскихъ, сколько въ бобыльскихъ дворахъ. Примѣровъ не приводимъ, ибо примѣры въ каждомъ описаніи

имѣнія. Когда въ имѣніи и есть *люди*, но нѣтъ ни крестьянъ, ни бобылей, то, хотя бы и была запашка (разумѣется въ такомъ случаѣ наймомъ)—про имѣнье говорится: сошного письма *въ пустѣ* столько-то. Какъ же скоро есть крестьяне или бобыли (хотя бы одинъ), говорится: сошного письма *въ живущемъ* столько-то. Примѣровъ не считаемъ нужнымъ приводить, ибо ихъ множество. Платилось государству съ живущаго, а не съ пуста, то есть, платили крестьяне государству за землю. Помѣщикъ же или вотчинникъ, хотя бы у него и была пашня наймомъ, не платилъ государству, ибо онъ получалъ землю въ пользованіе отъ государства, какъ жалованье, и, обработывая наймомъ, самъ платилъ за обработку.

Люди не сосчитывались при итогѣ; но замѣчательно, что *дѣловые* люди сосчитывались при итогѣ; именно: въ вотчинѣ Евстратія Михайлова сына Воейкова сперва въ началѣ называются поименно живущіе во дворѣ дѣловые люди, а потомъ въ итогѣ они сосчитываются, именно: «дворъ вотчинниковъ, а людей въ нихъ (въ немъ?) дѣловыхъ восемь человѣкъ» (I. стр. 338). Впрочемъ, за то они не имѣютъ своихъ дворовъ. Въ помѣстьѣ Богдана Ильина, сына Плещеева, называются поименно дѣловые люди, живущіе въ дворѣ помѣщичьемъ, но въ итогѣ впрочемъ не сосчитываются. Быть можетъ, это пропускъ (II. стр.146—148). Упоминаются еще въ имѣньѣ помѣщика: «дешевые (1) люди» (I. стр. 286). Они живутъ тоже во дворѣ помѣщика.

Встрѣчается пустой дворъ людской, именно въ помѣстьѣ Петра Иванова сына Иванова: «дворъ пустъ людской Никовки Андрѣева» (I. стр. 438). Встрѣчается даже, въ помѣстьѣ Ивана Васильева сына Кондырева: «дворъ пустъ людской Аѳоньки Елизарьева; сшелъ безвѣстно въ 135 году» (II. стр. 221). Обстоятельство любопытное. Едва ли мы можемъ опредѣлительно сказать, что̀ такое были въ древней Руси *люди*.

Говорится о *людской* пашнѣ, именно: въ вотчинѣ Петра Семенова сына Воейкова: «пашни паханыя людскія пахоты 2 четверти съ осминою» (II. стр. 265). Въ вотчинѣ Ивана и Гаврила Тимоѳеевыхъ дѣтей Буниныхъ, въ одномъ имѣньѣ: «пашни паханыя середнія земли людскія пахоты пять четь»; въ другомъ имѣніи:

(1) Слово: дешевые, разумѣется, должно понимать не въ современномъ, денежномъ значеніи.

«пашни паханыя худыя земли людскія пахоты 5 четь» (II. Приложенія, стр. 3—4). Обстоятельство весьма замѣчательное. На кого пахали *люди?* Вѣроятно на себя; а то бы было упомянуто: пашня помѣщикова, какъ упомянуто: монастырская, при дѣтенышевой пашнѣ.

Дворовое мѣсто, вѣроятно, не имѣло другаго значенія, какъ мѣсто, гдѣ былъ дворъ. Это доказывается тѣмъ, что въ помѣстьѣ Данила Иванова сына Беклемишева упоминается: «*дворовое* мѣсто помѣщиково» (I. стр. 89). Въ вотчинѣ Татьяны Ивановой дочери Юшкова Григорьевой жены Житова: «мѣсто дворовое вотчинниково» (II. стр. 207). Въ помѣстьѣ Степана Гаврилова сына Новосильцева упоминается: «дворъ помѣщиковъ пустъ» (II. стр. 195).

Службу начинали служить съ пятнадцати лѣтъ: «а какъ недоросль Тихонко въ службу поспѣетъ и будетъ въ пятнатцать лѣтъ, и ему съ того помѣстья государева служба служить» (I. стр. 217).

Изъ писцовой же книги видно, что̀ такое была *четверть*. Четверть была полдесятины; приводимъ мѣсто: «на ихъ двѣ трети пашни паханыя наѣзжія изъ найму 28 десятинъ, а (въ?) четвертную пашню 56 четвертей»; «а на ихъ треть пашни паханыя изъ найму 14 десятинъ—а четвертною пашнею 28 четвертей»; «....а въ ней пашни паханыя наѣзжія 42 десятины, а четвертною пашнею 84 четверти» (II. стр. 139—140).—Сѣна на десятину приходилось 20 копенъ; на примѣръ: «Дубровы отхожія сѣножатныя у деревни Парфеновской, старой Скрылевы, 10 десятинъ съ полудесятиною; сѣна ставится 210 копенъ» (II. стр. 157). Тотъ же разсчетъ вездѣ; уклоненіе, которое мы замѣтили только однажды, гдѣ на то же число десятинъ показано 200 копенъ (II. стр. 156),—вѣроятно, опечатка.

Вотъ наши выводы и замѣчанія, при первомъ чтеніи Бѣлевской писцовой книги. Они далеко не изчерпываютъ богатаго содержанія ея, которое, конечно, подастъ поводъ нашимъ ученымъ ко многимъ другимъ выводамъ и замѣчаніямъ. Пожелаемъ, чтобъ больше издано было у насъ писцовыхъ книгъ и чтобъ почтенный издатель Бѣлевской писцовой книги продолжалъ свое полезное изданіе. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что желательно было бы видѣть менѣе опечатокъ и менѣе сокращеній, иногда затрудняющихъ даже чтеніе. Но это бездѣлица. Заключаемъ нашу статью истинною благодарностью почтенному издателю.

ЗАМѢЧАНІЯ.

НА

ЛѢТОПИСИ АКТЫ, И ГРАМОТЫ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ЛѢТОПИСЬ НЕСТОРА (1).

(по Лаврентьевскому списку).

907 г. Походъ Олега на Грековъ.—Ясно, что въ отдаленной древности при Олегѣ было то же, что и послѣ. Ясно, по нѣкоторымъ выраженіямъ, что города вовсе не сливались другъ съ другомъ въ одно цѣлое, подъ властью его находящееся, что у городовъ были свои князья, и что позднѣйшій раздѣлъ земли было вовсе не пагубное нововведеніе, но существовалъ и всегда, по крайней мѣрѣ съ начала нашей исторіи. (Впрочемъ, раздѣлъ слово невѣрное, ибо и цѣлаго прежде не было; было *несоединеніе*.) Такимъ образомъ объясняется позднѣе Князь Малъ; а то иначе не знаешь, откуда взялся онъ.—Въ требованіи Олега дани *на города* ясно высказывается самостоятельность городовъ.

912 г. Договоръ съ Греками. Изъ этого договора еще яснѣе видно, что были князья, кромѣ Олега, въ Русской землѣ; посланные были отъ Олега и отъ нихъ. Эти князья были подъ рукою Олега; вѣроятно зависимость самая легкая, по тому уже, что послы были отъ нихъ, и по тому, какъ упоминается объ нихъ въ теченіи договора. Сверхъ того, князья эти вовсе не имѣли характера самовластнаго, ибо въ договорѣ и во множествѣ другихъ мѣстъ, особенно впослѣдствіи, ясно видно самостоятельное значеніе земли. Однимъ словомъ: Русская земля не покорялась единому Князю Рюрикова племени, но образовывалась изъ отдѣльныхъ городовъ и земель самостоятельныхъ, управлявшихся своими князьями, точно такъ какъ и впослѣдствіи, съ тою раз-

(1) Черновая неоконченная рукопись, принадлежащая, вѣроятно, къ концу 40-хъ или къ началу 50-хъ годовъ. Сначала идутъ общія замѣчанія, потомъ замѣтки подъ заглавіемъ: „замѣчанія въ хронологическомъ и генеалогическомъ отношеніи.“ Мы соединили ихъ вмѣстѣ, исключивъ все, что не представляетъ интереса по отсутствію даже намека на особенность мысли автора. *Изд.*

нпцею, что князья эти въ началѣ не всѣ были Рюрикова племени. И позднѣе встрѣчаемъ подобный примѣръ: Половца—Князя Русскаго. — Города въ землѣ были самостоятельны, могли допускать или призывать князей.

944 г. Игорь, совокупивъ *Варяговъ*, *Русь* и *Полянъ*, *Славянъ* и *Кривичей*, и *Тиверцовъ* и *Печенѣговъ*.... Важно это соединеніе земель, но вѣроятно это дѣлалось съ воли этихъ отдѣльныхъ народовъ (общинъ) и князей ихъ. Договоръ даже это доказываетъ.—Игорь созываетъ дружину и думаетъ: *совѣтъ дружины*.

945 г. Договоръ съ Греками. *Равно другого свѣщанья* можетъ быть значитъ здѣсь совѣщанье объ одномъ и томъ же дѣлѣ — договорѣ; о двухъ также можетъ быть экземплярахъ договора.

Изъ договора ясно видно, что онъ былъ заключенъ отъ Великаго Князя и отъ *другихъ* князей и отъ Земли Русской, что видно особенно изъ начала и далѣе въ теченіи договора. Прямо говорится: *Иворъ*—посолъ Игоревъ, и *общіе* послы, потомъ исчисляются ихъ имена и въ заключеніи говорится: *посланіи отъ Игоря великого Князя Русского и отъ всякая княжья и отъ всѣхъ людій Русскія земля*. Сверхъ того, важно самое исчисленіеословъ; имена искажены, но ясно видно, что здѣсь не только именаословъ, но и князей, отъ которыхъ посланы. Такъ первый, *Вуефастъ*, отъ лица *Святослава*, Игорева сына; *Искульи* (непонятное имя) отъ княгини Ольги, *Улѣбъ* отъ *Владислава*, изъ чего можно предположить, что тогда былъ князь этого имени въ Руси, *Каницаръ* отъ *Передславы*, тоже кажется княгини Русской, *Азандръ* отъ *жены Улѣба* (здѣсь конечно утрачено имя); Улѣбъ могъ быть тоже князь; это имя еще разъ встрѣчается: *Ольбъ* въ друг. сп. *Улѣбъ;* слѣдовательно, *жены Улѣбль* конечно можетъ не относиться къ двумъ симъ Улѣбамъ, но еще къ третьему, который, вѣроятно, былъ князь.—Вѣроятно въ спискѣ много и другихъ именъ пославшихъ, но это темно и должно быть ошибочно переписано; но кажется, что чистыя окончанія на *овъ и евъ*, соотвѣтствующія слову: *Игоревъ*, указываютъ на лица пославшія. — Далѣе замѣчательно, что въ началѣ договора сказано: *послы и гости*. И такъ, тутъ должны быть посланные и отъ Земли (какъ и упоминается въ заключеніи списка именъословъ). Имена эти вѣроятно начинаются отъ: *купець Адунь*, тѣмъ болѣе, что здѣсь

изъ 26 именъ только одно встрѣчается на *евъ* и то вѣроятно не какъ прилагательное притяжательное отъ собственнаго имени: *Вуялювъ*. Оканчивается списокъ именами чисто Славянскими: *Синко* и *Боричь*, можетъ быть это выборные и отъ другихъ еще чиновъ народа и отъ простыхъ людей.

Значеніе городовъ (Кіева, Чернигова, Переяславля и друг.) является и здѣсь.

Здѣсь въ договорѣ говорится всегда или почти всегда отъ лица Грековъ; вѣроятно отъ этого, въ теченіи договора, обращеніе почти вездѣ къ Игорю. Тогда какъ въ договорѣ Олеговомъ, гдѣ говорится преимущественно отъ лица Русскихъ, обращеніе почти всегда—къ Руси или отъ Руси—Земли.

Видно, что при Игорѣ уже былъ Перунъ.

946 г. Война съ Древлянами. У Древлянъ былъ свой князь, конечно свой избранный, объ этомъ ясно говоритъ его Славянское имя: *Малъ*. Но замѣчательно, что при описаніи войны объ немъ почти не упоминается, а говорится просто: Древляне. Это ясно указываетъ на земскій характеръ князя. Здѣсь впрочемъ ясно видно отношеніе дани, которое было къ князю Кіевскому. Сверхъ того видны отношенія между землями (Кіевомъ и Древлянами) болѣе враждебныя, разобщенныя, чуждыя, несоединенныя, нежели потомъ. Замѣчательно, что Древляне называютъ Игоря княземъ Русскимъ. Важно также, что Древляне посылаютъ *лучшихъ мужей*:—мы знаемъ, какъ долго впослѣдствіи сохранялся тотъ же порядокъ вещей, какъ долго стояла Земля въ своемъ образѣ; теперь хранится она до времени, Богъ дастъ, у крестьянъ. При взятіи Изкоростѣня говорится: *старѣйшины же града изпиша:* опять указаніе на земское устройство Древлянъ. —*Посла насъ Древлянская земля*, говорятъ посланные, тогда какъ тамъ былъ князь. *А наши князи добри суть* и проч., ясно показываетъ, что Древлянская земля имѣла своихъ князей. Въ другое посольство Древляне избираютъ лучшихъ мужей, *иже держаху Деревьску землю*. Наконецъ Древляне говорятъ о посланныхъ: *кдѣ суть дружина наша*. Вотъ опять значеніе дружины, народное и не военное кажется. Князи Древлянскіе были еще *земскіе* князи, старосты, не имѣвшіе характера государственнаго, тогда какъ Кіевскіе Рюрикова роду имѣли уже значеніе государственное. Кажется, князья могли быть *свои* и *призванные*.—

Есть еще одно замѣчательное обстоятельство: налагается дань на Древлянъ; двѣ части идутъ къ Кіеву и одна къ Вышегороду, *бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ*. И такъ у Ольги былъ свой (удѣльный) городъ. Отсюда кажется вытекаетъ возможность послать отъ себя *посла*. Вѣроятно былъ городъ и у Святослава.— Все это должно служить дополненіемъ предъидущему.

947 г. Ольга пошла къ Новгороду. Установленіе даней по Мстѣ, по Лугѣ; ловища по всей землѣ, и проч. Устройство земли, кажется намъ, *государственное*.

955 г. Крещеніе Ольги. Разсказъ замѣчательный по истинѣ и живости. — Терпимость была свойствомъ даже и языческихъ Славянъ.

968 г. Печенѣги приходятъ въ первый разъ на Русскую землю. Ольга съ внуками въ Кіевѣ была осаждена. Здѣсь опять видна самостоятельность въ совѣщаніяхъ народа (людье). Кіевляне послали къ Святославу, говоря, что онъ чужой земли ищетъ и блюдетъ, и проч. Замѣчательно выраженіе, въ первый кажется разъ: аще ти не жаль *отчины* своея.—*Прьтичь*—Русское и южное еще имя.

969 г. Святославъ говорилъ, что Переяславецъ на Дунаѣ середа земли его, *яко ту вся благая сходятся*. Это по крайней мѣрѣ не показываетъ привязанности князя къ одному городу, княженію, землѣ.

970 г. Святославъ (упоминается ясно) посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега у Древлянъ.—Новаго мы тутъ ничего не видимъ. И прежде города и земли имѣли отдѣльныхъ князей, но здѣсь опредѣлительно объ этомъ говорится; здѣсь же въ первый разъ является нѣсколько сыновей. Новогородцы приходятъ и просятъ себѣ князя. Призваніе вѣроятно было не только у Новогородцевъ и проч., но и у другихъ земель; тѣмъ не менѣе дѣло первоначальнаго призванія Новгородцами Рюрикова рода сохраняетъ свое значеніе. И такъ, призваніе повторяется; отсюда ясно, что Новогородцы могли имѣть и могли просить себѣ князя, что показываетъ въ то же время ихъ самостоятельность и отдѣльность. Они обращаются къ Рюрикову племени; но могли обратиться и къ другому. Это ясно видно изъ послѣдующихъ за просьбою словъ, изъ угрозы ихъ: *аще не пойдете къ намъ, то нальземъ князя собѣ*. И такъ, самостоятельность земли, каждой

самой по себѣ, и даже отдѣльность. Отношенія къ князю совершенно свободныя, какія существовали и потомъ такъ ясно и такъ долго.—*Не князья дѣлили земли, а земли дѣлили князей. Не земли дѣлились на князей, а князья дѣлились на земли.*

971 г. Святославъ, его война съ Греками. Выраженіе: *цѣлова царя*, кажется, ясно значитъ не лобзаніе, а привѣтствіе, — отъ *чело*. — Святославъ заключаетъ миръ. Въ договорѣ, хотя и выступаетъ, но не такъ ярко, какъ въ договорахъ предъидущихъ, значеніе князей и даже земли. Это лично происходитъ отъ краткости самаго договора и отъ характера Святослава. Договоръ начинается, какъ и другіе, словами: *равно другого свѣщанья;* но здѣсь это должно, кажется, означать другой списокъ договора. Употреблены выраженія: *Святославъ Князь Русской и Святославъ Великій Князя Русской*. Пословъ нѣтъ и сказано прямо: *азъ* Святославъ *Князь Рускій*. Замѣчательно выраженіе: «азъ же и со мною и подо мною.» Воинственный характеръ Святослава, характеръ вождя, даже завоевателя, отличаетъ его, кажется, отъ всѣхъ другихъ князей.

977 г. Ярополкъ идетъ на Олега, не изъ родовыхъ отношеній, а по наущенію Свѣнельда, который говорилъ, чтобы отнять у него *волость* (что значитъ *власть, владѣніе*, а не землю: новое обличеніе *государственности*, отъ *земли* отдѣльной). Олегъ погибъ, Владиміръ бѣжалъ, Ярополкъ посадилъ посадниковъ въ Новгородѣ. Изъ всего этого уже видны отношенія городовъ и земель къ князьямъ, и равнодушіе первыхъ къ послѣднимъ. — *И бѣ володѣя одинъ въ Руси*. Замѣчательно; ибо здѣсь къ Руси причисляется Новгородъ; съ другой стороны, какъ будто устраняются другіе возможные князья, по крайней мѣрѣ тѣ, которые имѣли характеръ государственный.

980 г. Владиміръ возвращается изъ-за моря, высылаетъ посадниковъ Ярополковыхъ и остается въ Новгородѣ; все это говоритъ о равнодушіи гражданъ и народа. Съ другой стороны, какъ въ этомъ, такъ и въ послѣдующихъ случаяхъ, граждане, и вообще народъ, не терпѣли нисколько отъ перемѣны власти, ни грабительствъ, ни наказаній, ни разореній: это показываетъ ихъ равнодушіе; и даже право на равнодушіе, законность его.— Владиміръ посылаетъ къ Рогволоду въ Полотскъ. Объ этомъ упоминается безъ удивленія, и приводится только объясненіе, какъ

о вещи, кажется, обыкновенной. Рогволодъ, Князь Полотской, пришелъ изъ-за моря, и владѣлъ въ Полотскѣ. (Вѣроятно, онъ былъ подъ рукою Великаго Князя Кіевскаго). Упоминается тутъ же, кстати, и о Турѣ въ Туровѣ: можно заключить, что Туръ также былъ пришедшій (призванный) князь. И такъ, не одинъ Рюрикъ и родъ его былъ призванъ. Призванія были и кромѣ Рюриковскаго рода; вѣроятно, это было не въ одномъ Полотскѣ и Туровѣ; вѣроятно, о такихъ и подобныхъ, можетъ быть и *своихъ* (непризванныхъ) князьяхъ упоминается въ договорахъ. Впрочемъ, конечно, князь призванный имѣлъ уже значеніе Государя. Это видно изъ равнодушія къ нему и изъ того, что народъ переходилъ въ подчиненіе къ другому князю совершенно безнаказанно. Это не то, что Древляне съ *своимъ* княземъ *Маломъ*, гдѣ Древляне, народъ, на первомъ мѣстѣ и сами дѣйствуютъ, хлопоча о себѣ и о князѣ, и о женитьбѣ его, сами воюютъ и пріемлютъ страшную месть. Имена Рогволода и Рогнѣды совершенно Русскія (Славянскія), что подтверждаетъ, что за моремъ были и Славяне. — Блудъ думаетъ предать Ярополка: «*Гражаны же не бѣльзѣ убити его,*» т. е. гражданами. Значитъ, граждане были довольны Ярополкомъ, но не столько дорожили имъ, чтобы драться за него и противиться Владиміру. — Потомъ, далѣе Варяги требуютъ окупа съ города (Кіева). Владиміръ обѣщаетъ и не даетъ. Они захотѣли идти въ Греки. — Владиміръ отпускаетъ, избравъ отъ нихъ мужей добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ, которымъ и роздалъ города (вѣроятно, какъ посадникамъ). Видно непріязненное отношеніе (вовсе не единоплеменное) Владиміра къ Варягамъ, которые можетъ быть (и даже вѣроятно) были не Русскіе.

Замѣчательно, что при всѣхъ вспоможеніяхъ Варяговъ, они никогда не зовутся уже *Русью;* точно какъ-будто *вся* Русь перешла къ Славянамъ. Впрочемъ и лѣтописецъ говоритъ: пояша по собѣ всю Русь. Это подтверждаетъ мнѣніе, что Варяги было названіе собирательное и что они могли состоять изъ разноплеменныхъ. Такимъ образомъ можно думать, что посольство было отправлено къ Варягамъ Русскимъ, конечно соплеменнымъ,—какъ и говоритъ лѣтописецъ ясно: *идоша за море къ Варягамъ къ Руси: сице бо ся звахуть тыи Варязи Русь, яко и друзіи зовутся Свье, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Гъте: тако и си.* Замѣчательно, что нѣсколько строкъ выше, когда говорится о

покоренiи *Варягами*, они называются Варягами просто, а не Русью; слѣдовательно, посланiе было очевидно не къ нимъ, т. е. не къ тѣмъ, которые покорили было Новгородъ Далѣе лѣтописецъ говоритъ: *отъ нихъ прозвася Русская земля Поугородьци* (т. е. Новогородцы отъ нихъ прозвались Русскою землею), *ти суть людье Поугородьци отъ рода Варяжска, преже бо бяша Словени*. Чего яснѣе? т. е., что Новогородцы сами суть отъ рода Варяжскаго, Варягамъ, конечно призваннымъ, соплеменные, ибо прежде были Славяне; слѣдовательно Варяги (опять, конечно, *призванные*) Славяне. Лѣтописецъ говоритъ ясно здѣсь, что Новогородцы потому Варяжскаго рода, что были Славяне, считаетъ слѣдовательно, что Славянское происхожденiе соединяетъ Новогородцевъ и Варяговъ. И такъ, здѣсь лѣтописецъ ясно свидѣтельствуетъ о соплеменности Варяговъ (призванныхъ) съ Славянами (Новогородцами).—Замѣчательно употребленiе слова *скотъ* прямо въ смыслѣ денегъ: pecus, pecunia.

Вшедъ въ дворъ теремный отень, о немъ же преже сказахомъ. Гдѣ? Это показываетъ, что въ Несторовой лѣтописи было включено то, чего (кажется) теперь не находится.

И нача княжити Володимеръ въ Кiевѣ единъ. Здѣсь опять какъ-будто соединенiе княжеской власти въ Русской землѣ въ одномъ лицѣ, и изключенiе другихъ князей, но нельзя думать, чтобъ это было такъ; во 1) противъ этого говоритъ княженiе Рогволодово въ Полотскѣ и Турово въ Туровѣ, а между тѣмъ о единовластiи Ярополка употреблено было то же выраженiе или еще сильнѣе; во 2) здѣсь замѣчательно выраженiе: *въ Кiевѣ*, которое въ то же время ослабляетъ понятiе о единовластiи.—Владиміръ началъ ставить *кумиры*. Мнѣ кажется, можно достовѣрно предположить, что кумировъ въ Руси не было прежде, и слово это въ первый разъ здѣсь встрѣчается. Правда, говорится выше (при Игорѣ) о холмѣ, на которомъ стоялъ Перунъ, но, по моему, это еще неопредѣленное выраженiе. Можетъ быть боги, о которыхъ упоминаетъ при Владимірѣ Несторъ, были и прежде въ Россiи; но едва ли были *кумиры*, и конечно не было человѣческихъ жертвоприношенiй; по крайней мѣрѣ, прежде не упоминается о нихъ, а здѣсь говорится: *оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холмъ отъ*. Это выраженiе показываетъ, что прежде этого не было, не

осквернялась земля.—Владиміръ посадилъ Добрыню въ Новгородѣ. Добрыня, пришедши, поставилъ кумиръ надъ рѣкою Волховомъ, «и жряху ему людье Ноугородстіи аки Богу.» —Упоминаніе объ этомъ, и въ такихъ выраженіяхъ, свидѣтельствуетъ, что этого не было прежде. Иначе нечего было бы объ этомъ упоминать, особенно же упоминать какъ о вещи новой, которая *заводилась*.

982 г. Вятичи снова подымаютъ войну и Владиміръ снова побѣждаетъ ихъ. Когда говорится *Вятичи, Ятвяги* и т. п., то, кажется, разумѣются народы безъ князей или имѣвшіе своихъ князей—старѣйшинъ безъ государственнаго значенія.

Крещеніе Владимірово. Владиміръ прежде всего созываетъ бояръ и старцевъ городскихъ и разсказываетъ имъ о всѣхъ вѣрахъ; они для испытанія совѣтуютъ послать пословъ. Во всемъ этомъ видно сознаніе, что своя, языческая вѣра не хороша. Потомъ возвращаются послы, которые превозносятъ Вѣру Христіанскую Православную; здѣсь весь совѣтъ Владиміра вспоминаетъ въ доказательство словъ Владиміра, что Святая Ольга приняла крещеніе. Наконецъ Владиміръ спрашиваетъ уже просто: *гдѣ крещенье пріймемъ? Гдѣ ти любо*, отвѣчаютъ ему. Рѣшившись принять крещеніе отъ Грековъ. Владиміръ пошелъ на нихъ войною. Въ лѣтописи это не объясняется, но неудивительно, что Великій Князь Русской, еще язычникъ, хотѣлъ дать такой оборотъ своему желанію, и просьбѣ придать грозный видъ, видъ требованія. Наконецъ Владиміръ крестился и многіе съ нимъ. Онъ прибылъ въ Кіевъ; всему Кіеву новѣстилъ онъ объ этомъ и прибавилъ: кто не обрящется заутра на рѣкѣ, *противенъ мнѣ да будетъ*. Это слово не надо понимать ни въ современномъ смыслѣ отвращенія, ни въ болѣе древнемъ смыслѣ врага и противника; а просто это значило: тотъ мнѣ противорѣчитъ, тотъ противъ меня, ибо желаніе мое—крещеніе. Весь народъ пошелъ, говоря: если бъ это не было хорошо, то не было бы принято княземъ и боярами. — Хорошо, когда есть такая взаимная довѣренность, но не одна эта довѣренность была причиною принятія народомъ крещенія; надо вспомнить, что В. К. Ольга и множество Кіевлянъ были уже Христіанами. Вообще не надо думать, чтобы принятіе Вѣры Православной было дѣломъ распоряженія власти, не надо думать, чтобы примѣръ Князя и примѣръ бояръ были причиною

такого событія. Этотъ народъ, такъ легко обратившійся въ началѣ, показалъ потомъ, какъ дорога, какъ дороже всего на свѣтѣ для него Вѣра, и какъ ни казни, ни муки не могутъ въ немъ поколебать ее. Однакожъ народъ этотъ, явившій столько силы и твердости въ сохраненіи Православной Вѣры, такъ легко ее принялъ? Какъ же объяснить это? Однимъ. Благодать сошла на Русскую землю. Русская земля крестилась, какъ младенецъ.

Пиры Владиміровы. Любовь, братство, раздѣленіе пищи, святыня трапезы, все это освятило пиръ; и вслѣдъ за принятіемъ Христіанства видимъ мы пиры, въ которыхъ участвуютъ нищіе и убогіе, которые согрѣты какимъ-то теплымъ, привѣтнымъ свѣтомъ и сіяютъ ясностью веселія. Живо остались они въ памяти народной, гдѣ краснымъ солнцемъ именуется Владиміръ. Они были вѣроятно и прежде, но Христіанская Вѣра освятила ихъ и придала имъ свое высокое значеніе и свойство.

996 г. Владиміръ, совершивъ церковь Святой Богородицы, далъ ей отъ имѣнья своего и городовъ *своихъ* десятую часть. Въ этотъ день онъ сдѣлалъ великій праздникъ *боляромъ и старцомъ людьскимъ* (едва ли старцы не были собственно народные, земскіе люди; по крайней мѣрѣ, они, кажется, всегда упоминаются вмѣстѣ съ боярами, слѣдовательно не то, что бояре).—Печенѣги приступаютъ къ Василеву. Владиміръ избавляется отъ опасности и воздвигаетъ церковь въ Василевѣ Св. Преображенія. Праздникъ, восьмидневный, «и сзываше *бояры своя и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многы.*» Владиміръ возвращается къ Кіеву на Успенье Пресвятой Богородицы; вновь праздникъ «сзываше *безчисленое множьство народа.*» Милостыни. «Бѣ бо Владиміръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ.»

997 г. Владиміръ идетъ въ Новгородъ *по верховьнѣ вои*, т. е. за *верховымъ войскомъ*, точно также, какъ говорится: низовые города, низовые люди. И такъ, и тогда это народное географическое раздѣленіе Русской земли уже существовало. Это показываетъ, что при возможной отдѣльности княженій и при собственной самостоятельности городовъ и земель, Русская земля была однакоже соединена тѣсно и представляла нѣчто цѣлое.

1015 г. Смерть Владиміра. Бояре плакали о немъ, какъ о *заступникѣ ихъ земли*. Замѣчательное выраженіе, показывающее, кажется, значеніе князя.

Святополкъ. Ни прежде, ни послѣ такихъ злодѣйствъ не бывало. Святополкъ явился въ Русской землѣ какъ чуждое явленіе, на которое она смотрѣла съ ужасомъ. Онъ погибъ съ шумомъ и явилъ на себѣ казнь Каинову. Слова, которыми объ немъ отзывается лѣтописецъ, показываютъ, какое необыкновенное чудовище былъ Святополкъ въ Русской землѣ.—Замѣчательно, что дружина Борисова говоритъ Борису: сядь на столѣ отцовскомъ, у тебя дружина отцовская и войско. Какъ видно, что дружина (подъ этимъ словомъ разумѣется, вѣроятно, и совѣтъ мужей) не раздѣляла или не стѣснялась мыслями о престолонаслѣдіи, имѣвъ основаніемъ понятіе о свободномъ признаніи князя, который любъ, котораго хотятъ.... Во всѣхъ дѣлахъ Святополка видно первое и преждевременное стремленіе къ единодержавію и вмѣстѣ къ самодержавію; это стремленіе къ власти совершенно отличается отъ послѣдующаго властолюбиваго стремленія князей Русскихъ, которые стремятся не къ самодержавію, а къ старшинству; лишь въ XV столѣтіи видимъ мы стремленіе къ единовластію.—Здѣсь слѣдуютъ слова лѣтописца о власти Царской и вообще Государевой, слова, которыя противорѣчатъ и Русскому пониманію и, кажется, истинному пониманію Христіанскому. Эти слова—понятіе духовенства, образовавшееся въ Греціи, слова Византійскія; вотъ уже когда они сказались и вотъ еще когда началась гроза, впослѣдствіи разразившаяся надъ Русскою землею.

Святополкъ старается подарками привлечь къ себѣ Кіевлянъ; очевидно, онъ былъ въ нихъ не увѣренъ.

Ярославъ. Дружина. Новогородцы возстали на Варяговъ, очевидно, что возстали жители Новгорода, народъ. Потомъ говорится, что нарочитыхъ мужей призвалъ Ярославъ и избилъ. Далѣе. Ярославъ говоритъ сожалѣя: о люба моя дружино, а Новогородцы говорятъ: если братія наша избита, мы можемъ боротися за тебя.—Здѣсь дружина не отдѣляется отъ понятія о Новгородѣ. Слѣдовательно, или Новгородъ называется дружиною, что̀ невозможно, или была городская дружина, о которой здѣсь говорится, что кажется несомнѣнно (или же дружиной назывались нарочитые мужи: «скажите предъ дружиною», но для этого слово дружина, какъ титулъ, уже слишкомъ опредѣленно). Но очевидно кажется, что̀ здѣсь не княжеская дружина, и не весь Новгородъ (говорится о избитой дружинѣ Новогородской, конечно не город-

скаго населенія).—Вѣроятно, здѣсь разумѣется дружина городская, народная.

1016 г. Битва и побѣда Ярослава надъ Святополкомъ; очень живо въ лѣтописи. И тутъ нѣтъ слова, что война ведется противъ *старшаго* брата. (Вспомнимъ также совѣтъ дружины Борисовой сѣсть на столѣ отцовскомъ, безъ всякого вопроса о правѣ и порядкѣ престолонаслѣдія.)

1018 г. Болеславъ приходитъ съ Святополкомъ. Ярославъ собираетъ Русь и Варягъ и Славянъ. Здѣсь Русь отдѣльно отъ Варягъ и также отъ Славянъ.

Ярославъ Самовластецъ. Замѣчательно это выраженіе: оно явно показываетъ: *единодержавіе; самовластецъ* относительно другихъ князей, т. е., что не было ему *совмѣстныхъ*, съ нимъ владѣвшихъ, а владѣлъ онъ *самъ*, *одинъ*. — Русская земля уже значитъ южная Русь.

Изяславъ. Замѣчательно опять употребленіе слова: *дружина;* здѣсь народъ хочетъ высадить дружину свою изъ погреба. (Не говорится, впрочемъ, чтобъ дружина Кіевская была посажена въ погребъ.) Здѣсь слово это или означаетъ прямо *дружину народную* или *дружину* въ смыслѣ *друзей*, сограждан (но и объ тѣхъ не говорится, чтобы были посажены; можетъ быть это пропущено). Въ смыслѣ же темницы тутъ употребляется: *порубъ*.

Вышегородъ. Замѣчательно, что Вышегородъ держалъ *Чюдинъ* (не князь). Здѣсь рѣчь идетъ можетъ быть собственно о *городѣ* (крѣпости, замкѣ); говорится (выраженіе замѣчательное): «и бѣ тогда держа Вышегородъ Чюдинъ, а церковь Лазорь.»

Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ. Вина на послѣднихъ двухъ изгнанія брата старшаго и Великаго Князя, безъ причины и безъ всякого повода.—Всеволодъ уступилъ Кіевъ Изяславу. Здѣсь является старшій братъ, какъ жертва, а другіе: Святославъ, какъ обидѣвшій, а Всеволодъ, какъ раскаявшійся и снявшій обиду. Это состояніе опредѣлило какъ будто всю судьбу трехъ родовъ. Лѣтописецъ хвалитъ Изяслава и очень ясно возражаетъ на возможныя противорѣчія. Нѣтъ причины сомнѣваться въ его справедливости.

Всеволодъ. Что Всеволодъ былъ кротокъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Здѣсь, между описаніемъ княженія Всеволода, мы могли живо почувствовать всю строгость и добросовѣстность словъ св. Нестора, какъ лѣтописца, при разсказѣ о перенесеніи мощей св. Ѳеодосія.

Въ старости Всеволодъ возлюбилъ смыслъ *уныхъ*. (И такъ, дружина вѣроятно поновлялась.)

Замѣчательны слова Мономаха, съ такою яспостію опредѣляющія порядокъ престолонаслѣдія: *Аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ.*

Святополкъ. Замѣчательно, что когда послѣ начала княженія Святополка, пришли Половцы, Святополкъ *не сдумалъ съ дружиною отцовскою и дяди своего*, но сотворилъ совѣтъ *съ пришедшими съ нимъ*. Слѣдовательно, дружины княжескія (здѣсь ясно видно, что это княжескія дружины) оставались послѣ своего князя въ томъ городѣ, гдѣ онъ былъ, и изъ отрицательнаго выраженія должны мы заключить, что онѣ удерживали право совѣта, какъ скоро другой князь заступалъ мѣсто ихъ князя. Здѣсь говорится еще о дружинѣ Изяслава и Всеволода.

Ратиборова дружина. Слѣдовательно дружина была и не у князя; въ другихъ спискахъ: Ратиборова *чадь*. Итларева дружина.

Вообще надо сказать, что *дружина*, кажется, не была чѣмъ-то условнымъ, опредѣленнымъ; кажется, вмѣсто нея, употреблялись слова: *чядь*, *отроки*, *мужи* (бояре, старцы). — Едва ли была она опредѣлена и въ числѣ, ибо съ дружиною часто сидятъ въ комнатѣ.

Приде Изяславъ, сынъ Володимерь изъ Курска къ Мурому, пріяша и Муромци. Здѣсь то же, что и въ другихъ земляхъ. Народъ принимаетъ князей, когда хочетъ, не вмѣшиваясь въ ихъ права, не по ихъ правамъ, а по своему хотѣнію; вообще равнодушенъ къ князьямъ; иногда нѣкоторыхъ ихъ любитъ.

Святополкъ и Владиміръ зовутъ Олега, чтобы порядить о Русской землѣ, какъ бы защитить Русскую землю, на земской совѣтъ (первая Земская Дума) къ Кіеву: *предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отець нашихъ и предъ градьскыми людьми* (очень замѣчательно).

Олегъ отвѣчалъ: *иѣсть мене лѣпо судити епископу, ни игуменомъ, ни смердомъ*.

Замѣчательно употребленіе слова: *смердъ*. Мнѣ кажется, что изъ этого мѣста можно заключить, что смердъ не было лицо низкое: ибо это слово относится здѣсь къ мужамъ (боярамъ, дружинѣ), или по крайней мѣрѣ къ людямъ градскимъ. Не было

ли это самое простое обыкновенное названіе народа, которое Олегъ могъ употребить въ презрительномъ смыслѣ, который смыслъ въ словахъ его съ другой стороны допускать можно.

Припомнимъ вину, поставленную Новогородскому князю: *еже не блюдетъ смердъ.*

Зовутъ Олега положить порядъ въ Кіевѣ, *яко то есть старѣйшій градъ въ земли во всей Кіевъ.* — (Старѣйшинство городовъ.)

Ясное доказательство, что *Нѣмцы* прямо происходятъ отъ *нѣмой*: «*Югра же люди есть языкъ нѣмъ*»; дальше: «*Югра же рекоша.*» Слѣдовательно не значитъ, чтобы они не могли говорить, а что говорили они *нѣмо*, непонятно (какъ нѣмые).

Мстиславъ требуетъ дружины у Олега, которую онъ захватилъ. Здѣсь дружина въ смыслѣ воинскомъ, какъ кажется. Далѣе: *Мстиславъ:... распусти дружину по селамъ.* Здѣсь дружина, кромѣ смысла воинскаго, принимается уже въ обширномъ значеніи войска или тому под.; является уже многочисленною, а не той, которая не разстается съ княземъ.

1097 г. Замѣчательна эта чудная рѣчь на съѣздѣ князей. Замѣчательно также здѣсь утвержденіе положенія или рядъ, основанный на отчинствѣ, *кождо да держитъ отчину свою.*

Святополкъ, схвативъ Василька, не рѣшается поступить съ нимъ преступно, не спросивъ народа. Святополкъ, созва *боляръ и Кыяны* (народъ) *и рѣша боляре и людье.* Слово *люди*, общее для всѣхъ людей, употребляется и какъ названіе для людей простыхъ, незнатныхъ, сливающихся въ одну массу, имѣющихъ достоинство только человѣка.

Въ это время употреблялось еще древнее названіе мѣсяцевъ, которое такъ скоро изчезло въ Россіи: *мьсяцъ Грудень, рекше Ноябрь.*

Василько говоритъ про другихъ Князей: *дайта ми дружину свою молодшюю.* И такъ, стало быть была и младшая дружина, или это значитъ молодыхъ изъ дружины, молодую часть дружины.

И сбиша Угры, яко въ мячь, яко се соколъ сбиваетъ галиць. Прекрасное выраженіе, живо рисующее положеніе войска, на котораго нападаютъ съ двухъ сторонъ.

Приде внезапу и зая Володимерць, а Мстиславъ затворися въ градѣ съ засадою, иже быша у него Берестьяне, Пиняне,

Выгошевцы. Что значитъ здѣсь *Володимерцъ?* Не есть ли это названіе города, кромѣ крѣпости, или просто жители, которыхъ захватилъ нечаянно Давыдъ? Слово *засада* не значитъ ли гарнизонъ? Но *градъ* рѣшительно значитъ крѣпость.—Можно кажется такъ опредѣлить Русской *городъ*. *Градъ*—крѣпость и *горожанинъ*, *гражданинъ;*—*мѣсто* и *мѣщанинъ* (въ Ипат. *мѣстецъ*) и потомъ предмѣстіе—городъ внѣ крѣпости. *Мѣсто* не значило городъ, а только часть города, внѣ града, или города, въ смыслѣ крѣпости. *Посадъ*—*посадскій.*

Святоша и Путята взяли городъ Владиміръ, въ которомъ сидѣлъ Мстиславъ, убитый на сраженіи, сынъ Святополка, и посадили посадника Святополкова Василя. И такъ городъ, въ которомъ сидѣлъ князь (городъ удѣльный, если угодно), могъ быть занятъ княжимъ посадникомъ.

Происшествія, разсказанныя подъ 6605, внесены не по ошибкѣ, подъ 6606 и 6607, какъ сказано въ примѣчаніяхъ; но вѣроятно и даже несомнѣнно они и были въ этихъ годахъ, и разсказанныя подъ однимъ, они, послѣдующими словами, распредѣлены по годамъ; это доказывается словами: *а на другое лѣто* (при разсказѣ подъ 6605) и вкратцѣ разсказывается, что разсказывается подробно подъ 6608; слѣдовательно, предъидущій разсказъ относится къ 6607. Такъ сдѣлано лѣтописцемъ съ полнымъ сознаніемъ, ибо говорится, при краткомъ разсказѣ подъ 6606, *якоже и въ прежнее лѣто сказахъ.*

Князья говорятъ другимъ князьямъ: *а холопы наша выдайта и смерды.* Здѣсь подъ 1100 годомъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописи слово *холопъ.* Оно упоминается въ Русской Правдѣ, но кажется въ другомъ смыслѣ; здѣсь *холопы* поименованы вмѣстѣ съ *смерды,* какъ слова, означающія разное. *Смерды* употребляются въ значеніи народа, земли, а *холопы* значатъ здѣсь вѣроятно уже людей *служилыхъ,* не земскихъ. *Холопы* и *смерды, люди служилые* и *народъ, люди земскіе.* — Неужъ-то же сама дружина получала уже названія холоповъ? Надо помнить, что сказано: *холопы наша.*

Удержаніе Мстислава и всѣ обстоятельства дѣла ясно показываютъ независимость Новгорода, а вмѣстѣ и другихъ городовъ. Вольный голосъ громко раздается и внятно слышенъ....

ЗАМѢЧАНІЯ НА АКТЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ, Ч. I.

(Записки объ Русской Исторіи, отд. I.)

1338—1340 г. *Жалованная грамота Іоанна Даниловича*, стран. 2. Говорится, что люди, которые сядутъ на землѣ Юрьева монастыря, на Волокѣ, не надобѣ имъ потянути къ *городу* ни въ которую дань. Здѣсь намекается на отношеніе города къ лежащимъ внѣ его землямъ. Замѣчательно выраженіе: «живутъ въ *брезѣ* В. Князя.» Также: «*а то* судитъ ему Богъ и святый Георгій»—сходно съ встрѣчающимся часто *атъ*, *ать:* сходно съ Латинскимъ *at*.

1361—65 г. *Грамота Князей удѣльныхъ*, стран. 3. Въ судѣ монастырскомъ: «*судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій живунъ одинъ.*» Въ судѣ смѣсномъ: «*а дворянъ даетъ тотъ, на чьемъ ищютъ.*» Замѣчательно. И такъ дворянинъ былъ что-то опредѣленное, какъ послухъ, свидѣтель, или какъ понятой. Или же надо другое подразумѣвать подъ этимъ словомъ, т. е. не просто ли хозяина, владѣльца двора?

1398 г. *Уставная Двинская грамота В. Кн. Василія Дмитріевича*, стран. 8.

«*А возмутъ прощеніе, не выйда изъ пиру, и намѣстникомъ и дворяномъ не взяти ничего.*» — Повторяется тоже при новомъ случаѣ. Далѣе: «*дворяномъ хоженого бѣлка.... Дворяне и подвойскіе позовутъ ихъ къ суду.*» Изо всего этого еще болѣе подтверждается, что дворянинъ есть чиновникъ и даже въ опредѣленномъ смыслѣ.

Около 1398 г. *Договорная грамота В. Кн. Василья Дмитріевича и Кн. Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича, съ Тверскимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ и дѣтьми его*, стр. 9.

«*А къ Витовту ми цѣлованіе сложити.*» Изъ этого выраженія видно, что здѣсь стало быть не было клятвопреступленія, ибо не клялись вѣроятно на вѣчный миръ, а съ тѣмъ, что могутъ оставить его, когда угодно. Подобное тому встрѣчается въ лѣтописяхъ. Кажется, число клятвопреступленій въ нашей исторіи, при внимательномъ разсмотрѣніи, должно весьма уменьшиться.

«*А на старыхъ ти мытѣхъ имати съ воза по морткѣ обѣушной*» (стр. 10). И такъ, это не была монета, а именно звѣриная шкура; или по крайней мѣрѣ первообразъ ея былъ таковъ. «*А проѣдетъ мытъ, мытника у завора не будетъ, — мыта и промыты нѣтъ; а стижетъ его мытникъ, инъ возметъ свой мытъ, а промыты и заповѣди нѣтъ.*» Замѣчательно, какъ понятіе о чиновникѣ и объ отношеніи его къ закону.

«*А судить межъ насъ обчей судъ людемъ старишимъ*». Очень важно; и такъ князья и въ это время *признавали надъ и между собою судъ старшихъ людей*, не князей конечно, ибо выше поименованы просто имена судей («*Полукарпъ, Михайло, Иванъ и Климентій*»). Такъ еще просто и безъ лишнихъ притязаній, такъ близко къ человѣчеству было Государство! Такое Государство не могло быть еще бременемъ.

«*А кто холопъ или роба имется тягати съ осподаремъ и пошлется на правду, а не будетъ по нихъ поруки, ино ихъ обинити.*» Очень важно. Ибо, слѣдовательно, холопъ *могъ* судиться съ господиномъ, чего теперь уже нѣтъ послѣ знаменитаго преобразованія Петра. — «*А на холопѣхъ дани не имать; а на которыхъ ключники поцѣлуютъ.*» Темное мѣсто. — «*А сего цѣлованія не сложити, а править*». Эта оговорка отчасти подтверждаетъ вышесказанное о цѣлованіи.

1407 г. *Договорная, взаимная грамота между Полоцкомъ и Ригою*, стр. 11.

Замѣчательна въ филологическомъ отношеніи. Также тѣмъ, что здѣсь является самостоятельность города Полоцка. Литовскій Князь называется *осподарь*. Замѣчательно еще выраженіе: «*аже будетъ межи мештеремъ Задвинськимъ или которыи оносль будетъ, межи земли и людьи, ино купцюви чистъ путь его товару*» и проч.—*Земля и люди*—можетъ быть въ этомъ выраженіи также высказывается раздѣленіе *земскихъ и служилыхъ людей* или *Земля и Государство*.

1410—1417 г. *Жалованная грамота Нижегородскаго В. К. Данїила Борисовича Спасско-Благовѣщенскому монастырю*, стр. 13—14.

«*Ни стольникъ, ни поселской.*» Здѣсь стольникъ вѣроятно не значитъ то, что̀ послѣ, и даже вѣроятно̀ это званіе не произошло отъ Государева стола.

«*А что ми сказывалъ Малахій Архимандритъ, что перенялъ моихъ сиротъ, Черньцовыхъ дѣтей, Вешняка, да Палку да Яковка....*» Здѣсь опять употребляется слово: *сирота*, по крайней мѣрѣ тоже, какъ видно, о земскихъ людяхъ. «А у кого учинится какова гибель и кто пригонитъ какой слѣдъ на монастырскіе земли, на Мигино и на тѣ пустоши, къ кому на чью землю, и *государь тое земли* обрѣзъ у него возметъ да *сльдомъ ведетъ*.» Земли монастырскія,—слѣдовательно *государемъ земли называется крестьянинъ*. Очень важно; ибо во 1) это показываетъ отношеніе крестьянина къ землѣ, свободное и самостоятельное. Во 2) это указываетъ какъ бы вообще на отношеніе къ землѣ; даетъ возможность обладанія ею безъ понятія принадлежности, собственности. — Слово государь здѣсь много значитъ. Таковы отношенія Государя къ Землѣ, гдѣ онъ государствуетъ, которая вовсе не есть его собственность. — Слово государь повторяется въ томъ же смыслѣ черезъ нѣсколько строкъ.

1423 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Димитріевича Спасско-Благовѣщенскому монастырю*, стр. 15. Замѣчательна по сходству съ жалованной грамотой Нижегородскаго Князя тому же монастырю.

1434 г. *Откупная Обонежская грамота*, стр. 18. Замѣчательна тѣмъ, что откупается у Великаго Князя судъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, преимущественно по рѣкамъ; конечно ради судейскихъ пошлинъ. Странно; но этотъ судъ могъ быть отданъ людямъ хорошимъ.—Потомъ видно, что главное здѣсь состояло въ пошлинахъ, которыя получало Государство, и которыя оно отдавало на откупъ.

1434—1447 г. *Жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю отъ Углицкаго Князя Димитрія Юрьевича*, стр. 19. Замѣчательно, что между данными привилегіями исключается одна: «*коли учнутъ городъ рубити, и имъ дѣлати жъ*». Кажется, важность городской постройки высказывается въ Русской Правдѣ.

1435 г. *Договорная грамота Василія Темнаго, Димитрія Шемяки и Димитрія Краснаго съ Галицкимъ Княземъ Василіемъ Косымъ*, стр. 20.

Замѣчательна, не встрѣчающимся, кажется, прежде, выраженіемъ: «*а мнѣ безъ твоего видѣнія не канчивати;*» тогда какъ выше о себѣ В. Князь говоритъ: «*а не канчивати ти безъ мене.*»—«*А о чемъ ся судьи наши сопрутъ и ни ся зовутъ на третей, а не изберутъ третего, ино имъ третій язъ Князь Великій.*» Вотъ значеніе Государя! Вотъ значеніе помѣщика. Такимъ образомъ спасалось единогласіе.

Замѣчательно уже наглое выраженіе В. К., тоже прежде, кажется не встрѣчающееся: «*и у кого что отъялъ будетъ* (это ошибка; надо сказать: *буду*, ибо во взаимной грамотѣ Василія Косаго сказано: *будешь*), *того ти всего подо мною блюсти.*»— Другая взаимная договорная грамота между тѣми же князьями, только со стороны Василія Косаго, есть повтореніе первой; впрочемъ есть любопытныя различія. Между прочимъ, вмѣсто: *безъ твоего видѣнія*,» сказано: «*безъ твоего вѣданія.*»

1437—1440 г. *Договорная грамота В. К. Тверскаго Бориса Александровича и Тверскихъ удѣльныхъ Князей съ В. К. Василіемъ Василіевичемъ и съ удѣльными князьями Димитріемъ Шемякою и Димитріемъ Краснымъ*, стр. 25—26.

Тверь—за домъ Святаго Спаса. — Грамота совершенно между равными князьями.—Въ ней также упоминается о общихъ между ними судьяхъ, и называются прежнія имена судей.—Замѣчательно, что Тверь вступается за Новгородъ: «*А съ Новымъ ти городомъ жити по старинѣ, какъ было при вашемъ прадѣдѣ, при Великомъ Князѣ Иванѣ Даниловичѣ, и при Великомъ Князѣ Семенѣ Ивановичѣ, и при вашемъ прадѣдѣ и при Великомъ Князѣ Дмитріѣ.*»

Также есть какъ-будто отличіе между *братьею младшею и братьею меньшей:* и то и другое довольно опредѣленно упоминается въ грамотѣ: «Ни подъ моею *братьею подъ молодшею*, подъ Княземъ Ѳедоромъ... ни подъ нашею *братьею меньшею.*» Первая была кажется старше.

1437—1461 г. *Жалованная грамота Тверскаго Вел. Кн. Бориса Александровича и удѣльныхъ Тверскихъ Князей Отрочю монастырю*, стр. 26—27.

Вновь встрѣчается слово: *сирота*. «*Тако же и сиротамъ, кто имѣтъ сѣдѣти*»... Но они же называются просто *люди*: «*и не судятъ тѣхъ людей*».... Также далѣе: «*и къ тому кого еще людей перезоветъ Архимандритъ изъ зарубежья*»... Есть ли здѣсь различіе, или здѣсь *монастырскіе люди* называются *сиротами*? — Вновь встрѣчается слово: *дворянинъ*: «*судитъ ихъ и дворянъ даетъ монастырскій тивунъ одинъ*»...

1437—1461 г. *Жалованная грамота В. К. Тверскаго Бориса Александровича Срѣтенскому женскому монастырю*, стр. 27.

Вновь употреблено слово: *сирота*, и, кажется, рѣшительно въ смыслѣ монастырскихъ крестьянъ: «*и кто на тѣхъ мѣстахъ живетъ сиротъ.*» Замѣчательно, что здѣсь отъ монастырскаго суда (отъ суда *игумены*) не исключаются ни душегубство, ни разбой, ни татьба съ поличнымъ. Впрочемъ, это же находимъ и въ вышеприведенной жалованной Тверской грамотѣ.—«*А дворьскимъ, ни соцкимъ, ни старостамъ, тѣми людми не наряжать.*» Вѣроятно были это чиновники Великаго Княженія, но чиновники, кажется, земскіе. *Дворьскій* не имѣетъ ли сближенія съ словомъ: *дворянинъ*? — «*А слободчаномъ ихъ бору моего Великого Князя не косить.*» И такъ, другіе слободчане вѣроятно косили. Но это ничего особеннаго не имѣетъ: это было родъ дани: обкосить княжій боръ или лугъ. На эти отношенія къ князю надо будетъ еще обратить вниманіе.

1440 г. *Жалованная грамота Углицкаго Князя Димитрія Шемяки Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 29.

«*Намѣстници мои Городецкіе и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ въ то село*».... Выраженіе замѣчательное: *своихъ дворянъ*; это конечно не значитъ, чтобы они, какъ Князь, могли имѣть своихъ дворянъ, но значитъ, что дворяне были къ нимъ прикомандированы, составляли часть ихъ чиновниковъ, и что подъ именемъ дворянина разумѣлся чиновникъ въ смыслѣ и значеніи опредѣленномъ.

«*А учинится татба межъ ихъ сиротъ монастырскихъ*»... Слово *сирота* здѣсь ясно употреблено съ прилагательнымъ *монастырской*. Но все это рѣшительно не мѣшаетъ, чтобы земскіе люди назывались сиротами относительно Государевой или Государственной власти.

«А о посадницихъ, какъ было при В. Князѣ Иванѣ Даниловичѣ».....

1448—1454 г. *Жалованная Новогородская грамота Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 32. Замѣчателенъ невольно величавый тонъ этой грамоты: *«Весь Господинъ Великій Новгородъ.»*

Около 1450 г. *Посланіе Митрополита Іоны Польскому Королю Казиміру IV*, стр. 36. Замѣчательно употребленное выраженіе (касательно Великаго Князя и Польскаго Короля) *«о вашихъ дѣлѣхъ о земьскихъ.»*

1456 г. *Договорная грамота Великаго Новогорода съ В. Князьями Василіемъ Васильевичемъ и Иваномъ Васильевичемъ*, стр. 42. Эта грамота совершенно похожа (развѣ съ малымъ отличіемъ) на старыя грамоты.

1456 г. *Договорная (дополнительная) грамота Новогорода съ тѣми же князьями*, стр. 43—45.

Выраженіе: *по Новогородскому слову и по Новогородской грамотѣ*, т. е. по словесному и письменному наставленію.—Въ этой грамотѣ есть особенности; въ ней между прочимъ говорится: *А суда имъ у Князя у Великого Намѣстниковъ въ Новѣгородѣ не отъимати, развѣе ратной вѣсти или городъ коли имутъ дѣлати, безъ хитрости, а вѣчнымъ грамотамъ не быти.»* Странно особенно послѣднее: тѣмъ болѣе, что въ томъ же году (1456 до Іюля), въ слѣдующей грамотѣ, является *«вѣчный дьякъ Яковъ.»* А на слѣдующей страницѣ 1470 (вѣрно ошибка, вѣрно надобно 1460) года является «Вѣчная грамота.»

Въ этой дополнительной грамотѣ замѣчательны также слова: *«а напдутъ насъ обѣихъ Великихъ Князей въ Руской землѣ»* (это значитъ, не въ Новогородской землѣ: Новгородъ себя Русской землею и не называетъ; здѣсь Русская земля — Москва, какъ представительница соединенія, цѣлаго), *ино имъ посолство правити обѣма Великимъ Княземъ и исправы просити у обѣихъ»*.... Видно, какъ уже соединялъ самъ Василій Васильевичь себя съ своимъ наслѣдникомъ въ одинъ Государевъ родъ, въ одного непрерывнаго Государя.

1457 г. *Грамота В. К. Василія Васильевича*, стр. 46.

Рѣчь идетъ о томъ, чтобъ пожаловать крестьянъ: не ѣздить непошлою дорогою чрезъ Даниловскія пустоши, черезъ земли

Митрополита: «*А кто тою дорогою непошлою иметь силно ѣздити, и язъ тѣхъ не велѣлъ пропускати да велѣлъ есми ихъ бити, а еще отъ меня отъ Великого Князя быти тѣмъ въ казни.*» Замѣчательно, что здѣсь въ грамотѣ это право непропуска съ его послѣдствіями предоставлено самимъ крестьянамъ, но это не просто первобытное состояніе, а духъ и направленіе Русской жизни, въ которой такое значеніе и самостоятельность имѣла Земля и часто распоряжалась сама. Это признавалось и предоставлялось ей и самимъ Государствомъ.

1459—1470 (вѣроятно 1460). *Жалованная Новогородская грамота Соловецкому монастырю*, стр. 46.

Великолѣпная, величавая грамота, въ которой дышетъ Русская жизнь съ ея величіемъ и простотой. — Замѣчательно выраженіе: «*а боярамъ Повгородцкымъ, ни* Корѣльскимъ *дѣтемъ.*» Что значитъ тутъ дѣти? Не сродно ли это какъ-нибудь съ боярскими дѣтьми?

1460 г. *Жалованная грамота В. К. Василія Васильевича*, стр. 47. Замѣчательно названіе: *селчанъ*. Впрочемъ, это понятно.

Около 1460 г. *Двѣ жалованныя грамоты Бѣлозерскаго Князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю*, стр. 48. Замѣчательно то, что въ первой грамотѣ сказано: «*или дѣти боярскіи, или мои дворьныи люди.*» А во второй: «*и дѣти боярскіе и дворяне.*» Какъ-будто *дворные люди* замѣнено словомъ: *дворяне?*

В. К. ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

1462—1505.

Примѣчаніе. Множество жалованныхъ грамотъ свидѣтельствуетъ о великомъ количествѣ пошлинъ, отъ которыхъ эти грамоты освобождали. Изъ этого и изъ прочаго выводимъ заключеніе:

Что все *управленіе* въ быту общественномъ предоставлено было самой Землѣ. Государству во всѣхъ его и малыхъ проявленіяхъ предоставленъ былъ *судъ*.

Множество пошлинъ еще болѣе подтверждаетъ эту мысль. Государство было у Земли на жалованьѣ, и такъ какъ оно не вхо-

дило въ ея общественное управленіе и вмѣстѣ не пользовалось соединенными съ этимъ управленіемъ доходами, то оно и обращало вниманіе на пошлину, награду своего попечительства, или, лучше, защиты. Вообще *защита* — вотъ значеніе и долгъ Государства. Попечительство его состоитъ въ улучшеніи удобствъ для жизни, а вовсе не въ управленіи. Государство нисколько не наставникъ.

Когда освобождаются, освобождаются и отъ суда, разчитываютъ прибытокъ. Кажется, что судъ имѣлъ преимущественно значеніе пошлины.

1465—1470 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Новгородскому архіепископу Іонѣ*, стр. 58. Очень замѣчательна. Но мѣстами весьма позднѣйшій языкъ.

1470—1471 г. *Договорная грамота Новгорода съ Польскимъ Королемъ Казиміромъ IV*, стр. 62.

Грамота очень замѣчательная.—Новгородъ рѣшился прибѣгнуть къ Польскому Королю, но изъ этой же грамоты видно, что это было дѣло невозможное: ибо, имѣя право и власть призывать кого угодно, Новгородъ однако же чувствовалъ, что Польскаго Короля трудно призвать. — Въ договорную грамоту входятъ условія, о которыхъ и не говорится, о которыхъ и не нужно говорить съ Русскимъ Великимъ Княземъ; и это условія важныя: это вопросъ религіозный. Дѣло идетъ о Вѣрѣ.

Замѣчательныя мѣста:

«*А Великому Новгороду у твоего намѣстника суда не отъимати, опричь ратной вѣсти и городоставленія.*» Это условіе было и выше, въ договорѣ съ Великими Князьями.

«*Со всемъ Великимъ Новымъ городомъ, съ мужи вольными.*» Видно, что Новгородъ чаще, нежели прежде, говоритъ о своей вольности, въ сомнительную для нея минуту.

«*А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во владычнѣ дворѣ, на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина; а судити ему въ правду, по крестному цѣлованью, всѣхъ равно.*»

И такъ всякой имѣетъ тутъ же (въ Новгородѣ) судиться. Замѣчательно: *всѣхъ равно.*

«*А держать тебѣ, честны Король, Великій Новгородъ въ*

воли мужей вольныхъ, по нашей старинѣ и по сей крестной грамотѣ.»

«А Новогородскіе послове цѣловаша крестъ Новогородцкою душею.»

Грамота, повидимому, сходна съ древними; однако кажется, есть, отмѣны.—Слѣдуетъ сличить.

1471 г. *Двѣ договорныя Новогородскія грамоты со Великими Князьями Іоанномъ Васильевичемъ и Іоанномъ Іоанновичемъ*, стр. 66. Новогородцы все называютъ себя мужами вольными. О вѣчныхъ грамотахъ повторено: «а вѣчнымъ грамотамъ не быти.» Но это странно, ибо тутъ же вѣчная грамота. — Грамота сходна съ прежнею договорною грамотою съ тѣми же Великими Князьями. Есть выраженіе, намекающее на городовое, можетъ быть, раздѣленіе Новгорода: *«Кто почнетъ имати по концемъ, и по рядомъ, и по стамъ, и по улицамъ. ..»*

1471 г. *Судная Новогородская грамота*, стр. 69—72.

Грамота начинается: *«доложа господы Великихъ Князей... и по благословенью наречennаго на архіепископство.... Ѳеофила. Се покончаша посадники Новгородцкіе, и тысятцкіе Новгородцкіе, и бояря и житьи люди, и купци, и черные люди, вся пять концовъ, весь Государь Велики Новгородъ, на вѣчѣ на Ярославль дворю....»*

Далѣе говорится о судѣ святительскомъ: *«А судити ему* (Ѳеофилу) *всѣхъ равно, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка.»*

Замѣчательно далѣе выраженіе: *«А кто кого позоветъ въ сель позовкою или дворяниномъ....»* Вообще грамота замѣчательная; ее слѣдуетъ разобрать подробно, преимущественно въ судебномъ отношеніи.

1471 г. *Отказная Новогородская грамота на Двинскую землю*, стр. 72. *«Къ старостамъ и ко всѣмъ христіаномъ.»*

Прежде 1477 г. *Запись Новогородская о церковномъ судѣ*, стр. 79. Грамота замѣчательная; и въ филологическомъ отношеніи на нее надо обратить вниманіе. *«Братщина судитъ, какъ судьи:»* — замѣчательное выраженіе.

1477 г. *Жалованная Новогородская грамота Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 80. Тотъ же величавый характеръ Новогородской; грамота вѣчная.

Прежде 1479 г. *Духовное завѣщаніе преподобнаго Евфросина Псковскаго*, стр. 83.

«*Ни Нѣмецького платія носити*» (чернецамъ): замѣчательно.

Около 1480 г. *Грамота Углицкаго Князя Андрея Васильевича Бѣжецкому Городецкому сотнику*, стр. 84. Чтобы сотникъ не паряжалъ крестьянамъ никакого дѣла (не тянулъ ихъ къ Городецку.)

1482 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича*, стр. 84.

Здѣсь дается монастырскимъ Троицко-Сергіевскимъ крестьянамъ особый приставъ; и въ то же время говорится, что если пріѣдетъ къ нимъ другой приставъ, то чтобы люди монастырскіе не давались ему на поруку, не ѣздили къ сроку; также, если кто возметъ на нихъ безсудную не по срочной данпаго имъ пристава, та безсудная не въ безсудную. — Мы указываемъ здѣсь на эту грамоту потому, что въ ней видно тогдашнее положеніе Земли: именно, видно, что она призывалась участвовать въ соблюденіи законовъ, въ сохраненіи привилегій, не была безгласною массою, которой обязанность — молчать, какъ бы несправедливо съ ней ни поступали; не была жертвою Государства, какъ теперь.

Прежде 1486 г. *Губная (уставная) Московская запись*, стр. 87. Грамота замѣчательна въ судебномъ отношеніи, также въ отношеніи къ удѣльному состоянію того времени. Есть выраженіе, когда говорится о судѣ и объ искѣ передъ большимъ намѣстникомъ: «*а судья за нимъ идетъ* (придетъ), *своего прибытка смотритъ.*» То есть, своихъ законныхъ, судейскихъ пошлинъ (и можетъ быть своего права судьи, условленнаго самимъ ходомъ дѣла;—впрочемъ, это надо еще опредѣлить.).—«*При Іоанѣ при Дмитреевичѣ.*» Вѣроятно говорится о боярипѣ Иванѣ Дмитріевичѣ.—Грамота стоитъ изслѣдованія.

1486 г. *Жалованная грамота Углицкаго Князя Андрея Васильевича*, стр. 89. Льготы (освобожденіе отъ суда и пошлинъ) простираются даже на людей, живущихъ въ городѣ (на посадѣ), въ дворѣ монастырскомъ (дворники.)

1488 г. *Уставная Бѣлозерская грамота*, стр. 92.

Подробное и внимательное распредѣленіе пошлинъ. Видно, что пошлина была главное для Государства (и кажется, на оборотъ,

нисколько не важное для Земли; для нея важною была жизнь: иначе произошло бы столкновеніе.)

«*А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотцковъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ.*»

«*А кому будетъ Бѣлозерцомъ, горожаномъ и становымъ людемъ и волостнымъ, обида отъ намѣстниковъ и волостелей, и отъ тіуновъ обида и отъ доводчиковъ, и они сами сроки наметываютъ на намѣстниковъ и на волостелей и на ихъ людей.*» Эти оба мѣста очень важны.

1495 г. *Жалованная грамота Волоцкой Княгини Іуліаны Михайловны*, стр. 98. Кто у нихъ (помѣщиковъ) въ той деревнѣ *имѣтъ жити людей* (просто, не говорится *крестьянъ*.)

1500 г. *Жалованная грамота Волоцкаго Князя Ѳедора Борисовича Іосифову Волоколамскому монастырю*, стр. 102. Замѣчательны подтвержденія этой грамоты при Царѣ Ѳеодорѣ и при Самозванцѣ:

1) «*А Ржевскимъ намѣстникомъ, и ихъ тіуномъ, и воеводамъ Ржевскимъ, и Осташковскіе слободы воеводамъ, судити ихъ монастырьскихъ приказщиковъ и доводчиковъ, которые въ ихъ Осташковской слободѣ на приказѣ будутъ,*»—тогда какъ прежде приказщиковъ судилъ самъ Государь, Великій Князь, или Князь.

2) «*А судятъ тѣхъ своихъ Осташковскія слободы крестьянъ монастырьскіе приказщики и доводчики, и пошлины съ судныхъ дѣлъ емлютъ на монастырь.*» — Здѣсь ясно уже высказывается послѣдними словами финансовое значеніе суда, и то, что судъ монастырскій и т. д. былъ не частный, произвольный, а общій, государственный.—Конечно, то же былъ и судъ помѣщичій.

1503 г. *Письма Польской Королевы Елены къ отцу ея, В. К. Іоанну Васильевичу, къ матери, В. Княгинѣ Софьѣ Ѳоминичнѣ, и къ братьямъ, Василью и Юрію Іоанновичамъ, и отвѣтъ Великаго Князя*, стр. 104—110.

Въ посланіи Іоанна: «*А и не къ тебѣ къ одной посылалъ, и ко всей Руси посылалъ, которые держатъ Греческой законъ....*» Ясно, что здѣсь *Руси*, значитъ *Русскимъ*. Это выраженіе напоминаетъ *къ Варягамъ-Руси* т. е. *къ Варягамъ Русскимъ* или *къ Русскимъ Варягамъ*.—Замѣчательны посланія, какъ обозначающія семейныя отношенія, и характеръ Елены и Іоанна.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ІОАННОВИЧЪ.

1505—1533 г.

1506 г. *Уставная грамота Переяславскимъ рыболовамъ*, стр. 114.

Это привилегія на особенное административное устройство. Замѣчательно слѣдующее мѣсто:

«*А безъ старосты и безъ лучшихъ людей волостелю и его тіуну суда не судити никакого.*»

Была ли это новость, была ли это старина? Что жизнь земская была старина, была первоначальное явленіе въ Россіи, сомнѣваться въ томъ, кажется, трудно. Но это могло быть возвращеніемъ прежнихъ правъ, или огражденіемъ земской жизни отъ нарушеній, или облеченіемъ ея въ новый образъ. Мы думаемъ послѣднее. При образованіи Государства, Земля, сохраняющая свою силу, должна была стать въ особыя отношенія къ нему, къ этому множеству чиновниковъ, которое возникло. Позднѣе, сама Земская Дума, вмѣсто вѣча, это показываетъ. — Подобныя грамоты умножаются съ бо́льшими и бо́льшими правами Землѣ, показывающими, что Государство пребывало въ основныхъ первоначальныхъ своихъ съ нею отношеніяхъ.

1506 г. *Уставная грамота, Марининской трети, Артемоновскаго стана крестьянамъ*, стр. 116.

Сходная грамота съ предъидущей, съ вышесказаннымъ огражденіемъ земскихъ правъ. Замѣчательно слѣдующее: «*А скоморохомъ у нихъ въ волости играти не освобожаетъ.*»

Чье это требованіе, Земли или Государства? Думаю: Земли, ибо выраженіе такъ показываетъ. *Не освобождаетъ скоморохамъ:* видно, что этого скоморохи желали, и это запрещеніе объявлено Землѣ, какъ будто удовлетвореніе ея желанія.

1507 г. *Жалованная грамота В. К Василья Іоанновича Переславскимъ сокольникамъ*, стр. 118. Привилегія, данная нѣсколькимъ человѣкамъ; они освобождаются отъ суда и поборовъ и подчиняются суду Великаго Князя или его *сокольничаго.*

1509 г. *Жалованная грамота Дмитровскаго Князя Юрія Іоанновича Григорью Нелидову съ дѣтьми*, стр. 120. Здѣсь го-

ворится о судѣ ихъ надъ тѣми людьми, которые бы у нихъ поселились, и не сказано объ исключеніяхъ.

1509 г. *Уставная грамота Дмитровскаго Князя Юрія Іоанновича Каменскаго стана бобровникамъ*, стр. 120. Сходная съ предъидущими привилегированными грамотами. Въ ней тоже говорится: «*А безъ дворьского и безъ лутчихъ людей ловчему и его тіуну суда не судити никакова*».

Догадка наша о скоморохахъ подтверждается: «*А скоморохомъ у нихъ ловчей и его тіунъ силно играти не ослобожаетъ: кто ихъ пуститъ на дворъ добровольно, и они тутъ играютъ; а учнутъ у нихъ скоморохи по деревнямъ играти силно, и они ихъ изъ волости вышлютъ вонъ безпенно*».

1509 г. *Грамота В. К. Василья Іоанновича*, стр. 122. «Княземъ, и боярамъ, и дѣтемъ боярскимъ, *и всѣмъ служивымъ людемъ*».

Чуть ли не въ первый разъ такое воззваніе, такое выраженіе, въ которомъ признается и называется служилое сословіе.

1515 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Владимірскому Димитріевскому собору*, стр. 129. Замѣчательно, что здѣсь говорится о церковныхъ (не монастырскихъ) деревняхъ и жалуется здѣсь бѣлое духовенство.

Замѣчательно слѣдующее выраженіе: «*вѣдаютъ и судятъ своихъ христіанъ, и людей, и хоругвниковъ, и угольниковъ, и строевъ*».... *Христіане* (крестьяне) отъ *людей* отдѣлены.

1518 г. *Жалованная грамота Дмитровскаго Князя Юрія Іоанновича дворецкому Василью Вельяминову*, стр. 134. Въ грамотѣ говорится о позволеніи купить деревни у разныхъ лицъ съ правомъ продать, промѣнять и даромъ отдать. Ни о какихъ льготахъ и привилегіяхъ не говорится.—Исчисляются угодья, упоминаются пожни; о пашнѣ не говорится.

1520 г. *Жалованная грамота В. К. Василья Іоанновича Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 135. Грамота замѣчательна по подтвержденію при Грозномъ (1551). Въ грамотѣ, какъ обыкновенно, дается право суда надъ крестьянами, людьми; говорится о судѣ смѣсномъ, и потомъ, также по обыкновенію, прибавляется: «*А кому будетъ чего искати на игуменѣ Іаковѣ съ братьею, или на ихъ приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ Князь Великій или бояринъ мой введеный*». Въ подтвержденіи же го-

ворится: *А кому будетъ чего искати на Троицкомъ игуменъ, ино его судитъ отецъ нашъ Макарій Митрополитъ всея Русіи, или кто по немъ иный Митрополитъ будетъ; а старцовъ Троицкаго Сергіева монастыря межь себя судитъ Троицкой игуменъ Артемей, или кто иный игуменъ будетъ; а кому будетъ чего искати на ихъ монастырскомъ приказщикѣ, и на слугахъ, и на монастырскихъ крестьянѣхъ, ино ихъ сужу язъ Царь и Великій Князь или мой бояринъ введеный*».—Во всемъ прочемъ грамота подтверждается.

1525 г. *Отрывокъ слѣдственнаго дѣла о Ивашѣ Берсенѣ и Ѳедорѣ Жарскомъ съ допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Аѳанасію*, стр. 141—145. Чрезвычайно важный памятникъ прежней жизни, мнѣній, бесѣды, и той эпохи исторической.

1533 г. *Грамота В. К. Василья Іоанновича*, стр. 149. Упоминаются *цѣловальники*.

ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ IV.

1533—1584.

1534 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 150. Здѣсь говорится объ осадныхъ дворахъ въ Суздалѣ и въ Костромѣ, и о людяхъ, которые учнутъ тамъ жить; но здѣсь, какъ видно изъ подтвержденія, разумѣются дворники. Замѣчательно, что, какъ въ этой, такъ и во многихъ грамотахъ, Царь Іоаннъ подтверждаетъ свои же грамоты Великаго Князя.

1536 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Переславскимъ городовымъ прикащикамъ*, стр. 154. Упоминается о сошной пашнѣ, просто, не говоря чья (крестьяне монастырскіе). Выраженіе таково: «*а пашни де у нихъ сошныя въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ полъодиннадцати сохи*». *Ихъ* относится конечно къ игумену съ братіею; но такъ какъ они защищаютъ крестьянъ своихъ, то они могли говорить и о крестьянской пашнѣ.

1537 г. *Уставная грамота Владимірскаго уѣзда Ильмехотскаго стана бобровникамъ*, стр. 155. Въ этой грамотѣ жалуютъ-

ся нѣсколько бобровниковъ бобровыми деревнями. Кажется, бобровая ловля отдавалась на откупъ или на аренду. Замѣчательно, что здѣсь освобождаются они отъ суда *намѣстничьяго*, кромѣ душегубства, но не отъ *волостеля*, про котораго сказано, что онъ: «*ходитъ по сей нашей грамотѣ*», — и которому принадлежитъ судъ.—Разныя другія льготы.

1537 г. *Чинъ поставленія Митрополита Іоасафа. Избраніе его и исповѣданіе Православной Вѣры, и повольная ему грамота Новгородскаго архіепископа Макарія*, стр. 158. Значеніе власти свѣтской выступаетъ сильно передъ властію духовной. Государь сидитъ съ архіепископомъ вмѣстѣ, рядомъ, на возвышеніи въ Успенскомъ Соборѣ. Епископы и прочіе, приходя, кланяются Государю и архіепископу до полу.—Были Великаго Князя дьячки (пѣвчіе). — Значеніе митрополита и внѣшнее его явленіе. Во время процессіи по городу «*подвойскіе народъ отсылаютъ.*» Но это ничего не значитъ, ибо это выраженіе упоминается и тогда, когда митрополитъ идетъ благословлять *народъ и весь градъ*.

Великій Князь называется уже здѣсь, еще неофиціально, *Царемъ*, также и Самодержцемъ. Митрополитъ исповѣдуетъ не сотворить ничего противъ божественныхъ и священныхъ правилъ, хотя бы царь, князь великій, или многіе князья къ тому и смертью его принуждали.—Вообще очень замѣчательно.

1539 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Переславскому духовенству*, стр. 163. Іоаннъ Васильевичъ извѣщаетъ, что *онъ* (свѣтская власть), по просьбѣ игумена Даніила, «*на его мѣсто устроилъ въ томъ монастырѣ въ архимандриты, его же Даніилова постриженника старца Ларіона.*»

1542 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича, Керетчанамъ и Ковдянамъ*, стр. 175. «*А земскимъ людемъ лутчимъ и серединимъ на судѣ данщики и слободчикъ быти у себя не велятъ*». Въ этомъ главное состояла жалоба Керетчанъ и Ковдянъ.—И такъ, вотъ доказательство, что присутствовали земскіе люди на судѣ и *прежде*, и присутствіе ихъ, какъ видно, имѣло если не огромное, то очень важное значеніе.

«*А выбрали деи они въ цѣловалники, всею волостью, Григорья Семенова сына Тряску.... ... и мнѣ бъ ихъ пожаловати, у Керетцкыхъ и у Ковденскихъ данщиковъ и у слободчика тѣмъ*

цѣловалникамъ быти на всякомъ судѣ, а безъ цѣловалниковъ бы данщикомъ и слободчикомъ суда не судити, да которые цѣловалники грамотѣ умѣютъ, и тѣмъ бы цѣловалникомъ къ суднымъ спискамъ у данщиковъ и у слободчиковъ руки прикладывати, да тѣмъ же бы цѣловалникомъ у нихъ и у розбойничьихъ дѣлъ сидѣти и розбойничьи дѣла дѣлати по губной грамотѣ.» Земля здѣсь проситъ подтвердить *свое* распоряженіе. Надо бы справиться, была ли прежде жалованная грамота на то, о чемъ просится? конечно нѣтъ, ибо было бы о томъ въ сей грамотѣ упомянуто. И такъ, Земля сама распорядилась и уже выбрала цѣловальниковъ. Здѣсь (*«и милъ ихъ пожаловати велѣти»*) проситъ она только о подтвержденіи. Вѣроятно, подобное значеніе Земли и въ другихъ случаяхъ и мѣстахъ; даже самые цѣловальники—не царское учрежденіе и жалованье, а устройство и распоряженіе самой Земли; жалованныя же грамоты не что иное, какъ грамоты подтвердительныя (иногда можетъ быть и возобновительныя, по желанію самой Земли, тамъ, гдѣ это земское устройство могло утратиться). Если земскіе люди (цѣловальники же въ иныхъ случаяхъ) только присутствовали на судѣ, то какое это сильное нравственное, чисто земское вліяніе!

1543 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 178. «А кто у нихъ учнетъ жити людей у Соли, у варницы и во дворѣхъ, повары и водоливы и *всякіе казаки*».—«*А которые казаки приходцы*».... Замѣчательно употребленіе слова *казакъ*.

1544 г. *Уставная грамота Звенигородскаго уѣзда дворцоваго Андреевскаго села крестьянамъ*, стр. 179. Эта грамота *жалованная несудимая*. Крестьяне освобождаются отъ суда намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ *опричь душегубства и разбоя и татбы съ поличнымъ*. Также какъ и въ грамотахъ жалованныхъ помѣщикамъ; сверхъ того и другія общія (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя) льготы отъ государственныхъ чиновниковъ. Вмѣсто помѣщика—здѣсь *поселской*; но объ немъ сказано: «*и онъ у нихъ ходитъ о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ (писано)*.» Что же тутъ опредѣлено? Тутъ опредѣляются *финансовыя* отношенія суда, что составляло и главную выгоду помѣщиковъ; хотя въ грамотахъ помѣщикамъ не говорится опредѣленно, но конечно отношеніе это было опредѣленное, ибо выраженіе: *а при-*

быткомъ ся дѣлятъ на полы (помѣщикъ или Государевъ чиновникъ, прибытокъ котораго былъ безспорно опредѣленъ), показываетъ, что эта опредѣленность существовала и для помѣщика, существовала, вѣроятно, по аналогіи, и въ его собственномъ судѣ.—Любопытно, нѣтъ ли грамоты, въ которой съ подробностью опредѣляется прибытокъ помѣщика отъ суда.

«*А безъ старосты ему* (посельскому) *и безъ лутчихъ людей суда не судити*». Замѣчательно. Это одно общее устройство, какое встрѣчается и въ волостяхъ, и въ большихъ размѣрахъ, и конечно принадлежитъ (въ ту эпоху) и всей Русской землѣ.

«*А скоморохомъ у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ силно не играти, а попрошатаемъ, конюхомъ и псаремъ и инымъ попрошатаемъ по тому селу и деревнямъ по тому же силно не ѣздити, не просити ничего*».

Изъ этого, кажется, видно, что скоморохи не были привилегированные, а совершенно самовольные, безправные надоѣдатели; и посѣтители крестьянъ; они сравнены съ другими попрошатаями нельзя думать, чтобы и другіе попрошатаи, даже неозначенные, были привилегированы; здѣсь не льгота отъ нихъ, а просто запретъ отъ нихъ, какъ отъ притѣснителей, отъ самовольныхъ людей. Иначе было бы сказано: они явятъ грамоту, или что-нибудь въ этомъ родѣ. А здѣсь просто велѣно ихъ давать на поруку.

«*Наши воеводы, князи, и дѣти боярскіе, и всякіе силные ѣздоки у нихъ въ селѣ и въ деревняхъ пашенныхъ и въ оброчныхъ не ставятся.*» Что значитъ *силные* ѣздоки? *Насильные*, вѣроятно. Были, слѣдовательно, *пашенныя и оброчныя* деревни.

Выраженіе: «*Крестьяне, селчане и деревеньщики.*»—Система пошлинъ и сборовъ отъ государства понятна и законна; это самое лучшее отношеніе государства, на которое оно имѣетъ полное право.

1545 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича*, стр. 181.—*Печатью путною.*» Что именно это значитъ?.

1545 г. *Разрядный и разметный списки*, стр. 184—195. «*Съ бѣлыхъ* и съ *тяглыхъ* дворовъ....» «*Да съ Новгородцкихъ же посадовъ, и съ пригородовъ съ посадовъ, и съ рядовъ, и съ погостовъ....*» — *Однорядки, или сермяги, крашены* (одежда, въ которую должны были быть одѣты пищальники).—«*Съ силныхъ*

людей» (вмѣсто лучшихъ).—*«И болре и намѣстники и дворетцкіе и дѣяки приговорили»* (измѣненія въ раскладкѣ).—*Гривенка* значила *фунтъ*.

«Въ Новогородѣ въ Великомъ тяглыхъ дворовъ, гостиныхъ и черныхъ....» «А съ бѣлыхъ дворовъ не тяглыхъ....» «Изстарины тянутъ (дворы, принадлежащіе попу, дьякону, пищальницкіе и пр.) *всякое тягло съ черными людьми, потому что деи тѣ дворы всѣ стоятъ на черной земль на тяглой, на посадцкой и тянутъ съ черными людьми.»* Значеніе земли (территоріи).

«Тѣ дворы писецъ Иванъ Олексѣевъ отдалъ земцомъ за обжу.» Земцы — земскіе люди? *«И съ тѣмъ дворомъ, что на земцовѣ землѣ.»*

Раскладка вообще по дворамъ.

1546 г. *Двѣ грамоты В. К. Іоанна Васильевича Углицкимъ и Бѣлозерскимъ ямщикамъ*, стр. 195. Видно, что ямщики были самостоятельны и распоряжались сами по Яму. В.-Княжеская грамота относится къ нимъ (къ такому-то съ товарищи). Выраженіе: *«Наши посланники и обыщики и сысылщики и городовые розсылщики.»*

1546 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича Третьяку Гнѣвашову*, стр. 198. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе названіе:—*«Словенского Волочка»* крестьяне (Бѣлозерскаго уѣзда).

Споръ крестьянъ съ монастыремъ о владѣніи: *«И мы.... дали судью тебя Третьяка Гнѣвашова* (монастырю). *А Словенского деи Волочка крестіане.... взяли судью Михалка Лукина сына Волошенинова.»* Сильно замѣчательно. *«И ты бъ съ тѣмъ судьею свѣзстяся, взявъ съ собою старость и цѣловалниковъ и тутошнихъ старожилцовъ»* на тѣ спорныя земли ѣхали, тѣхъ бы земель досмотрѣли, да по обыску бы тамъ *«межи учинили и ямы поконали, и грани поклали, и розъѣзжіе имъ подавали.»*

«А ни одинъ бы васъ (nemo vestrum, unus vestrum) *безъ одного на тѣ спорные земли не ѣздилъ.*

«А гдѣ будетъ наряжена тебѣ (Гнѣвашову) наша служба, и ты бъ на нашу службу ѣхалъ, а на сю бы еси грамоту не оглашивался.»

1546 г. *Жалованная грамота В. К. Іоанна Васильевича Вят-*

чанамъ Шестаковскаго городка, стр. 199. Замѣчательна въ высшей степени. Изъ этой грамоты видно, какъ образовывались города, какъ село переходило въ гражданскую общину. Видно, что крестьяне могли это дѣлать сами. Видно, что (и слѣдовательно) всѣ поземельныя владѣнія крестьянъ оставались въ ихъ собственности. Правительство поощряло такое построеніе городковъ. Связь села съ городомъ не разрывалась. — Грамота замѣчательна чрезвычайно.

Шестаковцы могли ставить дворы и призывать жить людей. Поселившимся *послѣ описи* и вновь приходящимъ *неписмянымъ* и *не тяглымъ*, льгота отъ дани и повинностей на 10 лѣтъ.

Замѣчательно здѣсь выраженіе, что: деревни и починки *садились*. Замѣчательно, что они уже и называются *Шестаковцами*. —Что въ наше время ревизія, то были тогда писцовыя книги, повторявшіяся отъ времени до времени, какъ оцѣнка имущества. Вотъ это было хорошо!

Замѣчательно выраженіе: *послѣ большихъ писцовъ*; также выраженіе: *въ истую уплату безъ росту* (платить должникамъ).

1546 г. *Грамота В. К. Іоанна Васильевича въ Каргополь*, стр. 200. Пошлина за подлогъ: «*рубль на меня, на Великого Князя, и рубль на собя*» (намѣстнику). Встрѣчается слово: *казаки*.

1547 г. *Жалованная мѣновная грамота князю Кубенскому на отчину*, стр. 204. «*А кто у него.... учнутъ жити людей и христіанъ, и тѣмъ его людемъ и христіяномъ.*

Просто сказано: *А вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей и христіянъ князь Михайло Ивановичь, самъ во всемъ или кому прикажетъ; а кому будетъ чего искати на княжь Михайловыхъ людяхъ и на христіянѣхъ, ино ихъ сужу ягъ, Царь и Великій Князь.*» —

Это списокъ; вѣроятно обыкновенное при семъ ограниченіе и объясненіе пропущено; впрочемъ оно можетъ очень и подразумѣваться.

1547 г. *Царская грамота прикащику села Воробьева*, стр. 205. «*Слобожане Воробьевскія слободы и Воробьевскіе селчане и деревеньщики.*» И такъ, вотъ какъ росла, образовывалась деревня: *слобода, село, деревня*, да еще *починокъ*, какъ намъ извѣстно. Одно изъ другаго свободно возникало. Въ грамотѣ 1546 г. (Шестаковцамъ) есть именно о возниканіи слободы («слободу конить на В.

Князя»), и говорится въ то же время уже о новомъ возникшемъ городкѣ. Это замѣчательно очень и слѣдуетъ обратить на это вниманіе.

1548 г. *Жалованная грамота Старицкаго князя Владиміра Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 206. Въ *Болгарской волости* сельцо Кастьяново (Старицкаго уѣзда). «*За голову вѣры четыре рубли.... въ томъ вѣры, ни продажи нѣтъ....*»—Запрещеніе скоморохамъ поставлено въ одномъ разрядѣ съ запрещеніемъ не брать (князьямъ, боярамъ и пр.) силою ничего. Не могло же послѣднее быть привилегіею.

1549 г. *Губный наказъ селамъ Кириллова монастыря*, стр. 213. Замѣчательная очень грамота.—Государь назначаетъ по видимому старостъ губныхъ и цѣловальниковъ; но вѣроятно они были выбраны и онъ только подтверждаетъ, ибо всегда это дѣлалось такъ, да и тутъ говорится: «велѣлъ есми у нихъ быти.... *въ губныхъ старостахъ, въ выборныхъ головахъ.*» Обыщиками и недѣльщиками были крестьяне недовольны. «*Обыскивати.... князми, дѣтми боярскими и всѣми служилыми людми, и старостами и сотскими и десятскими и всѣми крестьяны.*» Обыскивали и *князьми*? Что значитъ, что за *князьми* прямо боярскіе дѣти? Не разрядъ ли особый *князей*?—Видно раздѣленіе на служилыхъ и не служилыхъ.

Видно, что устройство было и въ другихъ мѣстахъ такое же (въ городахъ и въ волостяхъ)

Допускается, что при небольшихъ дѣлахъ выборнымъ головамъ, *межъ себя поговоря*, можно и не всѣмъ вмѣстѣ дѣла дѣлать, смотря по близости; но великія дѣла всѣмъ вмѣстѣ. «*И вы бъ о тѣхъ великихъ дѣлахъ съѣзжалися изо всѣхъ становъ и изъ волостей въ городъ на Бѣлоозеро.*»

Видно, что старосты могли служить и службу Государеву: «а которые старосты нашу службу служатъ», позволяется дѣлать безъ нихъ всѣ дѣла, кромѣ того, когда разбойники «*доведутся до смертные казни.*»

1550 г. *Царскій приговоръ объ испомѣщеніи въ Московскомъ уѣздѣ дѣтей боярскихъ*, стр. 216. Форма: «Царь и В. Князь *приговорилъ съ бояры.*»—Выраженіе: «Помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, лутчихъ слугъ.»

1551 г. *Царская жалованная грамота Каринскимъ Тата-*

рамъ Чекавъ Азгиметеву и сыну его Езикѣшу, стр. 217. Изъ грамоты видно, что писцы отъ времени до времени описывали (оцѣняли, слѣдовательно) и воды,—и назначался оброкъ.—*А какъ ть воды писецъ нашъ опишетъ, и имъ съ тѣхъ водъ оброкъ давати въ мою казну. по писцовымъ книгамъ по жеребьемъ повытно.*»

1551. *Соборный приговоръ о запрещеніи духовенству пріобрѣтать вотчины*, стр. 218.

Замѣчательно. Кажется, первая попытка ограничить владѣнія духовныхъ. Замѣчательно запрещеніе *въ Твери, въ Микулинѣ, въ Торжку, въ Оболенску, на Бѣлъозерѣ, на Рязани*, продавать иногородцамъ вотчины и отдавать ихъ въ монастырь безъ докладу царскаго. (Также было и прежде по уложенію В. Князя Василія Ивановича.)

«*Родъ ихъ.... дадутъ.*»—Употребленіе глагола во множ. числѣ.

1551 г. *Соборные приговоры по жалобницамъ Новгородскихъ священниковъ*, стр. 220.

«И старостамъ и цѣловальникомъ продажи въ судѣ не чинити ни которыми дѣлы.» — (Судъ архіепископскій. Какое же вмѣшательство могли имѣть старосты и цѣловальники?)

Священники и дьяконы выбирались; но выбирались ли они уже изъ поставленныхъ, или изъ духовнаго званія только, и также изъ мірянъ? вѣроятно всѣ три случая были. Замѣчательная грамота.

1551 г. *Таможенная Бѣлозерская грамота*, стр. 222.

«*А кто купитъ человѣка въ полницу, и ему давати намѣстнику ставленаго съ головы по алтыну—а діаку имати, которой полныя пишетъ, съ головы по алтыну жъ....*» Наслѣдственные ли это холопы? или полное холопство, на которое можно было уговариваться? Въ такомъ случаѣ, какъ же продажа? Развѣ какъ передача; но возможна ли она была?

Надо справиться.—Грамота замѣчательная.

1551 г. *Окружный Царскій Наказъ, данный вслѣдствіе Стоглаваго Собора*, стр. 226.

Изъ него видно, что земское управленіе имѣло особый самостоятельный характеръ и что оно имѣло большое участіе въ управленіи церковномъ, что̀ очень замѣчательно.

1552 г. *Уставная Важская грамота*, стр. 231—239.

Замѣчательна въ высшей степени, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ.

«*А изъ становъ и изъ волостей хрестьяне розошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу.*» Далѣе: «*А на пустые бъ мъста на Ваиь, въ Шенкурьи и въ Вельскомъ стану на посадъ и въ станъхъ и въ волостьхъ на пустоши и на пустые деревни, хрестьянъ называти.*» Далѣе: «*А на пустые имъ мъста дворовые* (гдѣ дворы), *въ Шенкурьи и въ Вельску на посадъ и въ станъхъ и въ волостьхъ, въ пустые деревни и на пустоши и на старые селища, хрестьянъ называть и старыхъ имъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно, и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто въ которой деревни жилъ преже того.*»—У кого же были эти крестьяне, очевидно переходные? У посадскихъ людей, у крестьянъ же, у земскихъ людей вообще, у цѣлой волости. Очевидно, что переходъ былъ не право крестьянъ вообще, а состояніе, возникшее случайно, крестьянъ бездомныхъ, лишившихся земли своей отъ разныхъ обстоятельствъ. Крестьяне, жившіе на земляхъ *(своихъ)*, не стали бы переходить; самая мысль о переходѣ не возникаетъ при состояніи крестьянъ-землевладѣльцевъ. Переходные же крестьяне садились (по условіямъ) на земляхъ, которыя находили: помѣщичьи ли онѣ были или крестьянскія, какъ и видимъ, въ этой грамотѣ. — И такъ, это не было какое-то помѣщичье право или отношеніе къ крестьянамъ; это просто былъ наемъ земли, на условіяхъ, чья бы она ни была, крестьянами безземельными. Любопытно знать, какъ коснулось укрѣпленіе крестьянъ переходныхъ въ земляхъ крестьянскихъ или вообще областныхъ. Не были ли они сравнены въ правахъ, не отдана ли имъ была власть на землю? — Если это такъ, то конечно такое же значеніе имѣло укрѣпленіе и помѣщичьихъ крестьянъ, т. е. надѣленіе крестьянъ землею, при чемъ помѣщикъ сохранялъ право судьи (государственное), и владѣя землею обще съ крестьянами, получалъ выгоды. Въ крестьянскихъ же земляхъ быть можетъ собща получали выгоды крестьяне-землевладѣльцы или — такъ какъ владѣніе было общее — вся область, весь міръ (что вѣроятнѣе). Любопытно знать отношенія судебныя и другія отъ міра или области (отъ крестьянъ), какъ въ этой грамотѣ, къ крестьянамъ переходнымъ.

«А на судѣ и въ обыску и во всякихъ дѣлѣхъ у излюбленныхъ головъ у Шенкурцовъ у десяти человѣкъ быти Шенкурцомъ посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ, которые приписаны судомъ къ Шенкурью; а у Вельскихъ излюбленныхъ головъ у Павла у Муравьева съ товарыщи у десяти жъ человѣкъ быти Вельскимъ посадскимъ людемъ и становымъ и волостнымъ лутчимъ людемъ, колкимъ будетъ пригоже, чтобы отъ нихъ никому ни въ чемъ силы и обиды и продажи безлѣпичные не было.» Далѣе: *«А у записки и у всякихъ дѣлъ.... а съ ними* (съ головами сидѣти) *лутчимъ людемъ посадскимъ и становымъ и волостнымъ хрестьяномъ, и велѣти имъ всякіе дѣла записывати передъ собою да тѣ записки всякихъ дѣлъ держати за своими печатми.»* — Изъ этихъ выписокъ мы видимъ, что при тѣхъ и другихъ десяти головахъ, которые *судили* всѣ дѣла, сидѣли и присутствовали лучшіе и даже просто люди изъ всѣхъ сословій, которые *не судили;* они *присутствовали* только; этимъ самымъ давалась имъ нравственная сила, суду давалась извѣстность, онъ подвергался общественному мнѣнію. Взоръ Земли былъ постоянно открытъ и устремленъ на дѣла, совершаемыя въ ней по управленію.

Замѣчательно, что Шенкурцы и др. взялись платить деньгами вмѣсто оброковъ чиновникамъ, объ отставленіи которыхъ просили *(«за намѣстничь кормъ»)*. Какая же выгода была Государю отъ этихъ оброковъ, если ему платили съ устраненіемъ этихъ чиновниковъ? Откупали ли они эти мѣста? Но если и могло это случаться, то конечно не всегда, даже рѣдко. Впрочемъ, тутъ есть выраженіе: *«а какъ тѣ излюбленные головы.... поѣдутъ къ намъ, къ Москвѣ, съ нашею казною, за намѣстничь откупъ.»* Платили ли они (чиновники) изъ своихъ доходовъ? Или надо было Государю ихъ наградить особенно? (едва ли это причина; для содержанія у нихъ были помѣстья).—Или просто откупались Шенкурцы отъ государственнаго управленія, и доказывали вмѣстѣ, что не оброкъ былъ имъ тягостенъ, а управленіе? Во всякомъ случаѣ грамота называется *откупною («по ихъ жаловалной откупной грамотѣ»)*.—Впрочемъ, конечно, поборы намѣстничьи и прочихъ чиновниковъ если не всѣ, то частію были казенные. Въ грамотѣ говорится: *«а пошлинъ излюбленнымъ головамъ съ управныхъ дѣлъ со всякихъ и съ разбойныхъ дѣлъ не имати, а за на-*

мьстничь бы и за тіуновъ кормъ.... и за присудъ, и за корчму» и проч.

«*... Денегъ съ росты.... хльба съ наспы.*» Были проценты и на хлѣбъ (*«насопъ»*). «*Денги обрубные или хльбъ обрубной.... понедѣльно написанъ*» (по кабаламъ.) — Проценты? «*На пять шестой по розчету.*» Надо обратить вниманіе на это устройство.

«*Тіуна отставити.*»

Въ перечисленіи 20 именъ очень мало прозвищъ родовыхъ, больше прозвищъ личныхъ, и больше всего вовсе безъ прозвищъ.

«*Межъ себя управа чинити во всякихъ дѣльхъ земскихъ.*»

Вообще грамота чрезвычайно важная и любопытная. Слѣдуетъ ее знать, сколько можно болѣе.

1554 г. *Акты, относящіеся къ Собору на Матвея Башкина*, стр. 241—249.

Замѣчательны чрезвычайно, относительно духовенства и той дѣятельности духа, какая постоянно совершалась въ Русскомъ (Великорусскомъ) человѣкѣ. Замѣчательны слова Башкина о зависимыхъ отъ насъ, о холопяхъ (но не о крестьянахъ, что̀ важно; слѣдовательно крестьяне не были въ такомъ положеніи). Вообще замѣчательны чрезвычайно и слѣдуетъ ихъ знать подробно.

1554 г. *Соборная грамота въ Соловецкой монастырь о заточеніи Троицкаго игумена Артемія* (прикосновеннаго къ дѣлу Башкина), стр. 249—256.

Чрезвычайно важный документъ для исторіи духовенства и для исторіи общественнаго мышленія, собственно религіознаго.

1554 г. *Уставная грамота дворцовыхъ Аѳанасьевскаго и Васильевскаго селъ крестьянамъ*, стр. 256.

Намѣстники, третчики и тіуны тѣхъ крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, «*а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ моихъ крестьянъ тѣхъ селъ и деревень посѣлской, у котораго поселского тѣ села и деревни въ приказѣ будутъ.*» Былъ ли посельской выборный? Вѣроятно.—Грамота сходна съ грамотами помѣщичьими; вмѣсто помѣщика посельской (относительно суда и управленія).—Вѣроятно и помѣщикъ, какъ судья (не произвольный, а по закону), былъ желательнѣе для крестьянъ.

Боярскимъ людямъ ѣздить на пиры, скоморохамъ играть, попрошатаямъ просить—запрещается (или: отъ всего этого крестьяне освобождаются). Вѣроятно, все это было злоупотребленіе, а

не право какое-нибудь: потому что дальше говорится: «*а кому у нихъ пріъзжимъ людямъ прилучится стати, и они себѣ кормъ свой и конской купятъ по цѣнѣ, какъ имъ продадутъ.*»—На это права конечно никакого не было.—И эта грамота стоитъ вниманія.

1555 г. *Акты объ отпускѣ въ Казань тамошняго архіепископа Гурія*, стр. 257.

«*Водою святою покропити градъ и народъ.*» Кажется, не боялись Понедѣльника наши предки.

Слово *градъ* и тогда употреблялось, какъ крѣпость, а слово *мѣсто* для означенія *города* и также селеній *безъ крѣпости*. Здѣсь *мѣсто* говорится вмѣсто *городъ*: «*и мѣста, и народъ.*» Далѣе: «*до новаго мѣста Чебоксаръ, идѣже благоволитъ Богъ граду быти на Чебоксарѣ.... И дошедъ Богомъ уреченнаго мѣста преименитаго и славнаго града Казани.... И идти на городъ со кресты, и обойдти градъ весь по стѣнѣ.*» *Въ городѣ,—за городомъ*; въ этомъ же смыслѣ.

Замѣчательно, какъ говорится о приведеніи Татаръ къ крещенію. Внушается, чтобы кротко обходился архіепископъ съ новокрещеными, «*да и протчіи видя невѣрніи таковое благочестіе*».... поревнуютъ креститься. Прекрасно обращеніе къ архіепископу. Прямо говорится, чтобы крестить только тѣхъ Татаръ, которые «*своею волею, а не отъ неволи*», захотятъ того. Архіепископу дается подвигъ заступничества, милости. Онъ защищаетъ, оказываетъ привѣтъ Татарамъ крещенымъ, желающимъ креститься и невѣрнымъ.—Сказано: «*приводити ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводити.*»

При изчисленіи не упоминается простой народъ (Русской).... «*Гостемъ и торговымъ людемъ*».... Слѣдовательно, крестьяне еще въ Казани не поселялись.—Акты очень замѣчательны.

1555 г. *Уставная грамота Переславскимъ рыболовамъ*, стр. 261. — Отставляются чиновники Государевы и допускаются земскіе, выборные всею Землею. Довѣренность къ Землѣ. — Замѣчательно выраженіе: «*жалуючи крестьянство.*»

«*А другу имъ и роду своему и племени въ томъ не коровити.*» Замѣчательно (и это вообще кажется), что пошлинъ съ судныхъ дѣлъ при земскомъ управленіи не полагается. Здѣсь даже и на Государя нѣтъ. Потомъ, на другой годъ эта грамота допол-

нена именно тѣмъ, что въ предупрежденіе пустыхъ *безмѣстныхъ* исковъ и поклеповъ—велѣно выборнымъ старостамъ брать пошлины съ судныхъ дѣлъ, но отнюдь не для себя *(«а самимъ судьямъ тѣми пошлинами не корыстоватись»)*, а присоединять ихъ къ общему казенному оброку. — Что значитъ: *«Опричь мыта сухого?»*

«И впредь толко намъ и земль управа ихъ будетъ люба, и мы съ ихъ вытей, что за ними пашни, пошлинъ и подстей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того пожалуемъ.»

1555 г. *Уставная грамота Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Заецкихъ волостей крестьянамъ*, стр. 264.

Грамота такая же. — Также безъ жалованья земскіе выборные люди; доходы же волостелей, чиновниковъ Государя, теперь уничтоженныхъ, обращаются на Государя, въ видѣ оброка денежнаго. Оброкъ, говорится, чтобъ сбирали *«по животомъ и по промысломъ.»* — Избавляются и отъ Государевыхъ пошлинъ въ дѣлахъ судныхъ *(«безпошлинно и безволокитно»)*.... Оброкъ у нихъ принимаютъ *безпосулно* и отпускаютъ изъ Москвы *безволокитно*.

Крестьяне являются самостоятельной общиной; избираютъ и прикладываютъ свои руки къ спискамъ; въ такомъ случаѣ бумага не была для него страшна, да и безъ всякого сомнѣнія можно заключить, что грамотность между ними была распространена.

1555 г. *Приговорная грамота Троицко-Сергіевскаго монастырскаго Собора*, стр. 267.

Запрещается держать *«скомороховъ, ни волхвей, ни бабъ ворожей, ни татей, ни розбойниковъ.»*

Кажется, губной староста былъ общій для всякихъ крестьянъ, для всего округа; здѣсь и для крестьянъ монастырскихъ.

1556 г. *Царская жалованная грамота Татарскимъ Князьямъ, на деревни въ Вятскомъ уѣздѣ*, стр. 267.

Грамота, какъ и другія подобныя. Государство не отдавало ни крестьянъ, ни людей въ рабственность, но поступалось частью своей власти и доходовъ частному лицу, служилому. Это была сдѣлка промежъ себя. Положеніе крестьянъ нисколько не измѣнялось. Вотчинникъ или помѣщикъ имѣлъ государственное значеніе; получалъ судъ и дань: судилъ по законамъ и бралъ законную дань. Государство давало это какъ милость, какъ жало-

ванье, и замѣняло своего волостеля; помѣщикъ или вотчинникъ бралъ часть государственныхъ доходовъ; а крестьяне то, что платили волостелю, платили помѣщику или вотчиннику, и нисколько не измѣнялись въ своемъ устройствѣ, отношеніяхъ, правахъ и значеніи.

1556 г. *Царская грамота Кириллову монастырю*, стр. 268.

Монастырю позволяется купить вотчину, кто продастъ. При продажѣ вотчинъ, вотчинникъ продавалъ свое право; точно такъ какъ бы кто продавалъ подрядъ, процессъ и пр. Вотчинникъ не былъ здѣсь собственникъ, онъ могъ продать только свое отношеніе къ общинѣ, которое не измѣнялось, и мы знаемъ, какое было это отношеніе. Для крестьянъ тоже это было все равно, ибо они не зависѣли отъ личнаго произвола, не были собственностью; это почти то же, какъ если бы судья продалъ другому свое мѣсто; а мы знаемъ, что былъ и судъ откупной. Эта продажа нисколько не измѣняетъ самаго дѣла, и крестьяне также свободны.

1556 г. *Уставная Двинская грамота*, стр. 271.

Грамота замѣчательная; сверхъ обыкновеннаго суда дается судъ губной. Изъ грамоты видно, что и другія волости управлялись также.

«*А въ оброцѣхъ и во всякихъ податѣхъ тѣ христіяне, посадскіе и волостные люди верстаются по животомъ и по промысломъ и по угодьямъ сами.*» Выборные судьи выбираютъ сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, *которые бъ были добры и прямы и всѣмъ крестьяномъ любы.*»—У выборныхъ людей во всякихъ дѣлѣхъ сидятъ *лутчіе люди.*

Отставляется *поле.*

Здѣсь выборные судьи, какъ скоро ихъ выберутъ, приходятъ въ Москву для крестнаго цѣлованья. Въ другихъ предъидущихъ грамотахъ, они (называются, кажется, старостами, по крайней мѣрѣ иногда) приводятся къ крестному цѣлованью на мѣстѣ.

1557 г. *Послушная грамота Кашинскаго уѣзда, села Розмесова крестьянамъ*, стр. 273. Отдается село монастырю, бывшее прежде за помѣщикомъ Бѣлкинымъ. Говорится о монастырской пашнѣ и помѣщиковомъ оброкѣ. Вѣроятно, такая была и у Государя. — Вѣроятно также, что гдѣ не было пашни, тамъ оброкъ былъ больше; а гдѣ была пашня, тамъ оброкъ былъ меньше,

или совсѣмъ не было оброка.—Вѣроятно, пашня бывала и у помѣщика.

1558 г. *Царская грамота въ Соль Вычегодскую*, стр. 277.—....*«Къ Соли Вычегоцкой на посадъ и въ Усолской уѣздъ, старостамъ: Омельянку Топнику, да чорныхъ деревень старостъ Печайку Корчагь, да Пачеозерского села Судецкому старостъ Гришъ Дементьеву.»*

Здѣсь, кажется, три рода старостъ и три мѣстности: вторые два: староста черныхъ деревень и староста села; вѣроятно того, къ которому тянули деревни, которое могло быть и не черное. Это не мѣшало имѣть селу и деревнямъ особыхъ старостъ, особенно если они были разнородны. Первый староста былъ вѣроятно староста посадскій.

Выражается забота о крестьянахъ: *«чтобъ отнюдь ни которыми дѣлы крестьянству убытка не было.»*

1560 г. *Отрывокъ уставной грамоты селамъ Троицкаго Сергіева монастыря, и Выписка о судныхъ пошлинахъ, собираемыхъ съ крестьянъ онаго*, стр. 278. Въ высшей степени замѣчательны. Требуютъ подробнаго разсмотрѣнія. Изъ этихъ актовъ видно, что вотчинное устройство монастырское было чисто государственное: всѣ пошлины и судъ и чиновники—совершенно государственные *(«посельскій, доводчикъ, недѣльщикъ, цѣловальникъ»)*. Грамота требуетъ подробнѣйшаго сличенія, собственно въ частностяхъ, съ подобнымъ устройствомъ не вотчиннымъ.

Нѣтъ никакой причины думать, чтобы и другія вотчины, не монастырскія, не были устроены точно также. Грамоты монастырямъ и лицамъ на вотчины—совершенно однѣ и тѣже; также въ нихъ не означается внутреннее устройство вотчины, также говорится, что *вѣдаетъ и судитъ самъ или кому прикажетъ* (въ иныхъ *съ судомъ и съ данью*, что уже намекаетъ на государственное устройство), и также говорится о судѣ смѣсномъ, въ которомъ уже есть указаніе на государственное устройство вотчинъ (иначе бы не было равности *суда и прибытка*), на то, что одинаковое устройство было *вин* вотчинъ и *въ нихъ*; дѣло слѣдовательно и все состояніе нисколько не перемѣнялось при отданіи въ вотчину деревень. Это указаніе здѣсь вполнѣ оправдывается. Вотъ оно какое было вотчинное устройство! — *Та же* государственность; *та же* община.

1561 г. *Оброчная грамота Замосковной Вохонской волости, бобровничьей полусохи крестьянамъ*, стр. 279. Грамота очень замѣчательная. Крестьяне садятся на оброкъ, освобождаются отъ разныхъ государственныхъ податей и отъ суда, и все это оплачиваютъ деньгами. Финансовое значеніе суда здѣсь ясно подтверждается. Одна деревня (всѣхъ девять), принадлежащая къ той же волости, Ковригино, была прежде на оброкѣ у частнаго лица (Берняты), получавшаго съ крестьянъ оброкъ и вѣроятно точно также (или отчасти) избавлявшаго ихъ и отъ пошлинъ и отъ суда. Тогда сходило съ 8 другихъ деревень дани въ казну (Государя князя Владиміра Андреевича) по два рубля безъ четверти; съ девятой же деревни, Ковригина, 16 р. Бернятѣ, да 40 алтынъ въ Государеву казну, да со всѣхъ девяти деревень еще 60 алтынъ. Теперь всѣ эти девять деревень освобождаются отъ всякихъ пошлинъ и отъ суда и платятъ за то 51 р., да пошлинъ два алтына съ рубля (вѣроятно съ этой же суммы). — Въ доказательство финансовыхъ отношеній въ этой грамотѣ сказано, что они судятся сами, и въ то же время говорится: *то они платятъ за волостелинъ присудъ*. — Также говорится, чтобы ихъ судьямъ (излюбленнымъ крестьянамъ) судить и пошлины имать по Государевой уставной грамотѣ.—И такъ пошлины съ суда 1) имъ передавались, 2) были опредѣленныя.—Эта грамота очень важна: она указываетъ прямо на смыслъ вотчинныхъ грамотъ и, если угодно, есть сама вотчинная грамота, съ тою разницею, что здѣсь вотчинникъ сама крестьянская община, откупившая себѣ у государства это право; а въ другихъ случаяхъ вотчинникомъ былъ или монастырь, которому давалось это право изъ благочестивой цѣли, или человѣкъ служилый, которому замѣняло оно жалованье, и было иногда наградой, иногда удобствомъ управленія. Впрочемъ, плата извѣстная бывала и здѣсь. Во всякомъ случаѣ отношенія были государственныя, опредѣленныя, преимущественно финансовыя, и положеніе крестьянъ во всякомъ случаѣ нисколько не измѣнялось.—Крестьянинъ пользовался всѣми правами въ государствѣ и постоянно былъ лице свободное.

Судъ въ грамотѣ не опредѣленъ и не сказано о судѣ смѣсномъ.

1561 г. *Судная грамота Удѣльнаго Князя Владиміра Андреевича Замосковной Вохонской волости, бобровничей полусохи крестьянамъ*, стр. 280. Грамота весьма замѣчательна. Очевидно

это та, о которой говорится въ предъидущей, оброчной, грамотѣ. Она по содержанію своему, въ иныхъ мѣстахъ, какъ бы шире объема полусохи, какъ бы относится ко всей волости и только примѣнена къ полусохѣ. Впрочемъ, въ ней нѣсколько разъ прямо говорится о полусохѣ; съ другой стороны полусоха все же, не смотря на свое особое устройство, находилась внутри волости, составляла часть ея, и носила, кажется, ея названіе (что видно изъ выраженія: *на своихъ же волощанѣхъ*). — Говорится, чтобъ въ извѣстныхъ случаяхъ судить съ губными старостами вмѣстѣ выборнымъ судьямъ; слѣдовательно судъ переходитъ за предѣлы полусохи. Вѣроятно, какъ это можно предположить, судъ вообще въ такихъ дѣлахъ становился обширнѣе во всѣхъ своихъ проявленіяхъ (напримѣръ обыскъ). Безчестье *посадскимъ* людемъ и *волостнымъ добрымъ* пять рублевъ, женамъ вдвое, крестьянину пашенному и непашенному—рубль, женѣ вдвое.— Здѣсь слѣдовательно говорится и о посадѣ, сюда же, кажется, входящемъ. Кромѣ того въ грамотѣ есть въ высшей степени любопытное мѣсто: «*А крестьяномъ отказыватися изъ города въ волость и изъ волости въ городъ, одинъ срокъ въ году, за недѣлю Юрьева дни осеннего и недѣля по Юрьевѣ дни осеннемъ; а дворы пожилые*» и пр. Въ извѣстныхъ случаяхъ высылаются вонъ изъ *волости*. Между тѣмъ говорится, что *въ сѹдѣ и у записки, и ѹ всякихъ дѣлъ у губныхъ* (старость) *и у излюбленныхъ судей* (полусохи) *сидѣти волостнымъ лучшимъ крестьяномъ*. Говорится: «*а кто у нихъ въ волости женится.*» Замѣчательны отношенія къ инородцамъ и пріѣзжимъ людямъ.—Говорится: *о земскихъ дьячкахъ, земскомъ ларцѣ*, о рукоприкладствѣ и печатяхъ губныхъ старость, излюбленныхъ судей и лучшихъ крестьянъ. — Какое было устройство остальной волости? Можетъ быть тоже, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ пошлинахъ.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (очень не многихъ) судъ тянулъ къ Москвѣ. — Грамота подтверждена чрезъ 6 лѣтъ Іоанномъ IV.

1561 г. *Уставная грамота Соловецкаго монастыря Бѣжецкаго верха села Пузырева крестьянамъ*, стр. 283. Въ высшей степени замѣчательна. Грамоту надо знать въ совершенствѣ.— Это уставная грамота вотчинному селу, указывающая вполнѣ на государственное устройство. Какія бы пошлины ни были, но онѣ устраняли произволъ власти и установляли правомѣрныя отноше-

нія между крестьяниномъ и вотчинникомъ. Здѣсь все опредѣлено, и государственность отношеній, одинаковая съ бывшею во всей Россіи, видна на каждомъ шагу. — Нѣкоторыя мѣста въ особенности замѣчательны. Грамота относится къ селу; это устройство села, но говорится и о волости (конечно монастырской), съ которою въ иныхъ случаяхъ село соединяется. Названіе *доводчика*. Опредѣленіе суда: судитъ прикащикъ, священникъ и пять или шесть крестьянъ, добрыхъ и середнихъ.—При продажѣ или мѣнѣ лошади или коровы за волость—явка, *а межъ себя купятъ или мѣняютъ*—пошлины нѣтъ. При продажѣ хоромины — дать на поруку, что поставитъ такую хоромину, какую продалъ. Кто не придетъ (рано) на монастырскую работу, на томъ заповѣди двѣ деньги (а не наказаніе).—Вѣроятно, и судъ былъ собственно для дѣлъ между ними, какъ судъ государственный. — Могъ ли вотчинникъ наказывать крестьянъ въ случаѣ непослушанія? Не думаю. Онъ долженъ былъ жаловаться.—Если прикащикъ позоветъ на монастырское дѣло крестьянъ *въ честь, сверхъ урочнаго дѣла*, то кормитъ тѣхъ, кто придетъ, монастырскимъ хлѣбомъ. Слѣдовательно, дѣло было урочное, а не произвольное. — Замѣчательно также весьма: «*а у которыхъ крестьянъ въ поляхъ рощици, и имъ тѣхъ рощицъ беречи.*» И такъ, у самыхъ крестьянъ могъ быть особо лѣсъ, вѣроятно въ соединеніи съ жеребьемъ. — Могутъ между собою дворами и землями мѣняться и продавать, доложа прикащику. Кто продастъ свой жеребій, а самъ пойдетъ за волость, брать похоромное сполна, «*а съ купца имати порядное посмотря по землѣ и по угодью.*» Это чрезвычайно замѣчательно. Теперь вопросъ: кто купецъ? Свой ли, или могъ быть и посторонній? Слово *порядное* или предполагаетъ, что заключилъ рядъ свой, не посторонній, пріобрѣтая еще земли и угодья, или же предполагаетъ постороннаго, который рядился.—Далѣе: «*А по грѣхамъ кому не поживеться и похочетъ пойти изъ волости вонъ, а купца на его жеребей не будетъ, и на томъ имати похоромное сполна, а его выпущати по сроку.*»—Здѣсь опять вопросъ: кого надо разумѣть? Кажется, постороннаго. И такъ, посторонній могъ покупать вотчинную землю (въ невотчинныхъ мы это видимъ положительно), и переходный крестьянинъ могъ свою землю продавать; сверхъ того, вся община владѣла землею.—Очевидно, что здѣсь совершенно иныя воззрѣнія, совершенно самостоятель-

ный, особенный взглядъ, какъ относительно земли, такъ и вообще, который надобно понять. Подъ словомъ купли и продажи не надобно разумѣть понятія собственности. Не значитъ, что если я продаю вещь, такъ это моя собственность. Нѣтъ, здѣсь надобно разумѣть только отношеніе человѣка къ вещи и передачу этихъ отношеній, не болѣе; тогда все объяснится.—Свой жеребій, свое отношеніе къ участку могу я передать кому угодно, даромъ или за деньги. Общинѣ и дѣла нѣтъ до лица; верховное владѣніе принадлежитъ ей, раздаются жеребьи, съ извѣстными отношеніями къ міру, а кто именно сидитъ на жеребьѣ, общинѣ что до этого за дѣло. Община Русская еще выше и свободнѣе, чѣмъ мы думали. Она вполнѣ сильна, и лице въ ней свободно. — Грамота говоритъ сверхъ того, что въ случаѣ неудовольствія на прикащиковъ, крестьяне могутъ жаловаться монастырю. — Замѣчательно еще выраженіе, что если кто выдастъ дочь, то прикащику.... *съ отводинъ хлѣбъ да калачь.* Намекаетъ ли это на обычай водить къ жениху, или просто значитъ, что отведутъ на сторону дочь?

1562 г. *Сотная изъ писцовыхъ книгъ на Переславскую рыболовную волость*, стр. 287. Очень любопытна. Перечисляются всѣ дворы и жилья, и также пустыя мѣста и всѣ по именамъ. Что значитъ *пустые дворы?* Въ отсутствіи только были хозяева или перешли въ другое село и въ другія отношенія? Замѣчательно, что пустые дворы и мѣста удерживаютъ названіе свойхъ хозяевъ. Вѣроятно, это же было и въ вотчинахъ и въ другихъ волостяхъ. Именемъ владѣльца называлась земля, и въ этомъ выражалась не принадлежность ея какъ собственности, а отношеніе владѣльца къ землѣ. Земля или дворъ такого-то, означало не собственность, а владѣніе или вообще какое бы то ни было отношеніе человѣка къ предмету.

«*Дворъ Иванко Пшеница, ходитъ по дворамъ.*» Вѣроятно здѣсь обозначалась его должность.

«*Дворъ вдова Устинья Степанова жена, да къ тому жъ двору припущенъ дворъ Ивашка Мартынова.*» Замѣчательно. — Не было ли тутъ сдѣлки между владѣльцемъ двора и другимъ, которому далъ онъ поселиться на своей владѣемой землѣ и который зналъ ужъ его прежде?

«*Въ Шюрминѣ переулкѣ два двора волостелиныхъ.*»

«*На посадѣ рыболовли жъ дворы Добрянского десятка.*» Дворы рыбачьи могли быть и на посадѣ.

«*И всѣхъ рыболовскихъ дворовъ девяносто девять, а людей тожъ; въ нихъ: человѣкъ середней, молодчихъ девяносто восемь человѣкъ, да два двора волостелины, да двадцать одинъ дворъ пустъ, да сорокъ мѣстъ пустыхъ. А сошного письма сохи и полчетверти сохи.*» Замѣчательно и служитъ важнымъ указаніемъ.

«*Да рыболове жъ даютъ Царю и Великому Князю откупу за волостелины и за ихъ пошлинныхъ людей* (т. е. людей волостеля, пользующихся пошлинами), *по откупнымъ жалованнымъ грамотамъ.*»

Замѣчательно здѣсь слово *откупъ*, указывающее опять на извѣстное опредѣленное финансовое значеніе суда, въ этомъ отношеніи составлявшаго выгоду, и какъ таковая выгода предоставлявшагося вотчинникамъ. Кажется, рыбачья Переяславская слобода управлялась сама, и отсюда *откупъ*. Замѣчательно выраженіе *за волостелины*, т. е. доходы. Опять указаніе на значеніе финансовое суда и вообще на отношеніе къ государству. Платился ли откупъ волостелю (если кругъ волости, отъ жалованныхъ грамотъ только съуживался) или одному Государю, какъ финансовое вознагражденіе? Государю онъ платился во всякомъ случаѣ, и вѣроятнѣе, что Государю одному.

1563 г. *Царская грамота Бѣжецкаго Верха въ Городецкій уѣздъ Ширяю Лопакову*, стр. 289. Въ высшей степени важная грамота. Ее нужно знать. Изъ грамоты видно, что крестьяне вотчинные князей Прозоровскихъ перевели къ себѣ монастырской торгъ отъ крестьянъ монастырскихъ. 1) Все дѣло идетъ между крестьянами тѣми и другими, а объ вотчинникахъ и монастырѣ почти не упоминается. 2) При изчисленіи виноватыхъ вотчинниковыхъ крестьянъ, говорится *о цѣловальникахъ и земскихъ дьячкахъ*. Это прямо указываетъ на одинаковое устройство вотчинныхъ крестьянъ, какъ и во всемъ государствѣ: устройство государственное. Въ вотчинахъ были вотчинные *цѣловальники и земскіе дьячки*. Устройство монастырскихъ вотчинъ дополняетъ это устройство.—Въ еще большее доказательство, что здѣсь идетъ дѣло о вотчинныхъ чиновникахъ, является также то обстоятельство, что крестьяне изчисляются два раза, сперва того, а потомъ другаго вотчинника, и при каждомъ изчисленіи упоминается цѣловаль-

никъ и земскій дьячекъ.—Въ доказательство тому: Государь обращается не къ этимъ цѣловальникамъ, а посылаетъ своихъ. Въ грамотѣ говорится даже, что, въ одномъ случаѣ, участвовали и многіе разныхъ волостей цѣловальники. Это также очень важно и показываетъ нравственное значеніе цѣловальника, всюду, гдѣ бы онъ ни явился.

Важно даже самое дѣло переведенія торга, показывающее самостоятельность.

Въ этомъ дѣдѣ прикащики вотчинные и крестьяне дѣйствуютъ за-одно.

Важно устраненіе въ этомъ дѣлѣ вотчинниковъ. Нѣтъ никакого къ нимъ обращенія; также не видать нисколько подчиненности крестьянъ прикащикамъ. —Независимость крестьянъ очевидна. И они и прикащики мирятся и отвѣчаютъ мимо вотчинниковъ. Само собою разумѣется, что какъ ходатаи, они (вотчинники) явиться могли.

Вообще видно независимое состояніе и государственное отношеніе вотчинныхъ крестьянъ, да и всѣхъ вообще.

1563 г. *Таможенная Весьегонская грамота*, стр. 291. Грамота очень замѣчательная, въ ней сперва излагается дѣло о переводѣ торга, заключающееся въ предъидущей грамотѣ. Потомъ рѣшеніе этого дѣла и уставъ таможенныхъ пошлинъ.

Въ жалобѣ князя Прозоровскаго говорится, что его вотчинные крестьяне продаютъ въ своихъ деревняхъ людямъ: «*для государей своихъ пошлины*» (чтобы выплачивать пошлину своимъ вотчинникамъ?). Когда именуются вотчинные прикащики, сказано: *и ихъ товарищи и крестьяне* такіе-то.—Отдѣлять или нѣтъ: *товарищи* и *крестьяне?*

Выраженіе про Царя: «*былъ на своей Государевѣ службѣ*» (на войнѣ).—Про прикащиковъ говорится: *во крестьянъ своихъ мѣсто;* ясно, что *свой* не показываетъ еще принадлежности.

«*Весьского села* (монастырскаго) *посадской человѣкъ*» (купитъ товаровъ на лавку); стало быть *торговый.*

«*А окладывати таможникомъ товаръ, съ цѣловальники и съ людми съ добрыми.*

1564 г. *Чинъ поставленія Митрополита*, стр. 297. Замѣчательно все-таки, что объ этомъ чинѣ приговорилъ Царь Іоаннъ IV съ освященнымъ соборомъ и *со всѣми боляры.*—Послѣ по-

ставленія митрополита, пиръ у Государя и *«за столомъ быти архимандритомъ и игуменомъ и множество народа.»*

Самодержавіе сильно обнаруживается и объ себѣ напоминаетъ.

1564 г. *Оброчная наддаточная грамота Юрьеву монастырю*, стр. 300. Замѣчательно, что здѣсь говорится объ оброчной тонѣ и сказано: *«а тянути къ оброчной къ Ѳедоровской ложни Десничникова.»*—Замѣчательно также, что здѣсь перекупаютъ тоню другъ у друга и наддаютъ.

1564 г. *Грамота Митрополита Аѳанасія крестьянамъ Селецкой волости*, стр. 301. Грамота пишется: *«въ нашу волость селца, старостамъ и сотскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ, и мостовщикомъ, и перевозщикомъ и всѣмъ крестіаномъ Селецкія волости.»* Показываетъ устройство, какъ видно изъ самой общины вытекающее. Впрочемъ, въ митрополичьихъ владѣніяхъ, которыя были такъ обширны, и предполагать иначе нельзя. Конечно государственное отношеніе власти тутъ было во всей силѣ. Это должно быть еще виднѣе и яснѣе изъ другихъ грамотъ.

1564 г. *Уставная грамота Соловецкаго монастыря Сумской волости крестьянамъ*, стр. 303. Грамота чрезвычайно замѣчательная. Ее надо знать. Она показываетъ устройство монастырскихъ вотчинъ. Здѣсь и цѣловальники, и тіунъ, и доводчики, и биричь, и пошлины судныя, и кормъ; вообще все устройство государственное. Но конечно оно держалось безъ всякой гарантіи. Монастырь даетъ грамоту, и эта грамота есть не что иное, какъ утвержденіе земскаго устройства съ одной стороны и государственныхъ отношеній съ другой.—Очевидно, что грамота эта ничего новаго не вноситъ, да видно и изъ самой грамоты, что есть и другія подобныя ей и что вообще это устройство установившееся. Грамота—въ отвѣтъ на челобитье крестьянъ, которые писали, что между ними *смущенье* въ тяглахъ и разрубахъ.—Отъ чего возникъ такой случай, неизвѣстно; впрочемъ, смущенье имѣетъ здѣсь особый смыслъ, ибо въ монастырской грамотѣ говорится, что она дается для того *«чтобы у васъ въ волости промежъ вами да и съ иными нашими волостками и съ деревнями впередъ смущенья не было,»* т. е. неровности въ раскладкѣ и потому споровъ. Споры могли возникнуть потому, что здѣсь есть столкновеніе съ государствомъ. Монастырь, чтобъ устранить споры, указываетъ на земское же устройство.

Замѣчательно, что здѣсь говорится о казакахъ волостныхъ и деревенскихъ, къ которымъ тоже обращена грамота. Подъ казаками надо разумѣть пришлыхъ вольныхъ работниковъ; это слово и теперь еще употребляется между крестьянами въ этомъ смыслѣ.

«*Земскихъ людей и казаковъ.*» Противупоставленіе это замѣчательно.

Есть поголовная плата свыше пятнадцати лѣтъ. Но это не подушная; это уже плата съ силъ.—Эта же поголовная плата соединена (въ одномъ мѣстѣ) съ платою по величинѣ торга.

Употребляется слово *головщина* въ древнемъ, кажется, смыслѣ.

Вообще грамота очень важна и требуетъ изученія.

1564 г. *Царская грамота въ Бѣжецкій Верхъ на Городецкое Шеряю Лопакову*, стр. 304. Эта грамота—подтвержденіе о торгѣ Весьегонскомъ.—Онять дѣло касается только до прикащиковъ, а не до вотчинниковъ. Грамота довольно интересна.

1566 г. *Жалованная грамота удѣльнаго Князя Владиміра Андреевича Троицкому Сергіеву монастырю*, стр. 309. «*На села, и на деревни, и на слободы, и на дворы, и у солей на варницы.*» Эта грамота замѣчательна нѣкоторыми особенностями. Такъ говорится, сперва кажется особенно, о торгующихъ монастырскихъ крестьянахъ и о ихъ преимуществахъ. «*Которые ихъ люди крестьяне и дворники ихъ торгуютъ монастырскимъ товаромъ.*» Впрочемъ можетъ быть это относится и вообще ко всѣмъ, какъ можно заключить изъ дальнѣйшихъ словъ. Эти торгующіе освобождаются отъ пошлинъ, повинностей и отъ суда, кромѣ душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ. Въ числѣ пошлинъ и повинностей кормъ княжаго коня и сѣнокосъ; также: «*ни туковаго не платятъ,*» и прочія пошлины и повинности довольно замѣчательныя.

«*А которые ихъ села и деревни и слободы и дворы, въ Дмитровскомъ, въ Боровскомъ, и въ Звенигородскомъ, и въ Романовскомъ, и въ Стародубскомъ уѣздахъ, и тѣ ихъ люди, въ тѣхъ нашихъ городѣхъ, городовыхъ дѣлъ не дѣлаютъ никакихъ, пошлинъ не даютъ никакихъ же, потому что у нихъ Живоначальные Троицы и у Чудотворцевъ Сергія и Никона свой городъ они дѣлаютъ и крыютъ тѣми селы и деревнями и слободами и дворы Дмитровскими свой городъ, и ямщину на нее*

варятъ и зелье дѣлаютъ тѣми же селы и деревнями и слободами и дворы Дмитровскими.

Выраженія: «*А людемъ ихъ и крестьянѣмъ въ томъ силы и продажи нѣтъ*» (при душегубствѣ, если не сыщется виновный): «*Намѣстникомъ и волостелемъ... на мыты мытчикомъ и посланникомъ.*» Вообще грамота замѣчательна, имѣетъ разныя особенности.

1566 г. *Поручная запись по недѣльщикѣ*, стр. 311. Очень любопытна: 1) потому, что здѣсь чиновникъ, хоть и мелкой, является на отвѣтственности общественной. Если это отношеніе было и къ другимъ высшимъ должностямъ, то это очень важно.— Вообще порука не денежная, но нравственная, есть великое обезпеченіе и очень важна: это уже показываетъ совокупное мнѣніе нѣсколькихъ и соединяетъ ихъ съ поручаемымъ въ одно нравственное лицо. 2) Замѣчательно, что въ числѣ непозволенныхъ дѣлъ упоминается: *людей своихъ и племянниковъ не посылать съ записями*; также съ приставными «*неписмяныхъ*» ѣздоковъ,— не грамотныхъ вѣроятно. — Ручаются девять человѣкъ: пять разсылочныхъ дѣтей боярскихъ, одинъ площадной подъячій и три владѣльца дворовъ (дворники?): «Губа колачникъ съ Соколницы, Василій скотникъ съ Славковы улицы, Терентій хлѣбникъ съ Соколницы.» Руки приложили три послуха, какого званія не сказано; сверхъ того трое дѣтей боярскихъ, площадной подъячій, и скотникъ. Это показываетъ грамотность, тѣмъ болѣе что не сказано: вмѣсто такого-то руку приложилъ. Весьма вѣроятно, что остальныя подписи не были сочтены нужными; не приложили руки только четверо. Подписи не имѣютъ никакой особенной послѣдовательности, перемѣшаны какъ попало.

1567 г. *Богомольная грамота Митрополита Филиппа въ Кирилловъ монастырь*, стр. 312—313.—Между прочимъ, чтобы молились *о устроеніи земскомъ*.

1569 г. *Царская грамота на Бѣлоозеро*, стр. 313.

Государь взялъ на себя монастырское село «*съ денежнымъ оброкомъ и съ монастырскимъ хлѣбомъ*»; вмѣсто того далъ имъ село съ деревнями «*съ посошнымъ хлѣбомъ и съ мелкимъ доходомъ.*» Изъ всего этого видно, что и финансовыя отношенія селъ были опредѣлены и извѣстны.

1569 г. *Царская жалованная грамота*, стр. 313.

Эта грамота дана откупнымъ таможникамъ, какъ видно простымъ людямъ, взявшимъ тамгу и всѣ таможныя пошлины и *привязную* пошлину; ихъ не судятъ ни въ чемъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ, Владимірскіе волостели и ихъ тіуны *и выборные земскіе судьи*. Судъ имъ особый. «*А съ дворовъ имъ съ своихъ всякіе подати давати съ своею братьею ровно.*» Это выраженіе должно указывать на ихъ званіе: вѣроятно городскіе или посадскіе люди.

Замѣчательно здѣсь выраженіе: «*наши площадные недѣльщики, и даные приставы, и ихъ племянники, по нихъ не ѣздятъ*» и пр. Это какъ будто противорѣчитъ поручной записи по недѣльщикѣ, выше изложенной.

Кажется, навѣрно можно сказать, что откупъ въ древней Руси—былъ передача опредѣленныхъ выгодъ, которыя могли увеличиваться и уменьшаться не отъ откупщиковъ, а отъ хода дѣлъ самихъ, отъ народа, отъ случая. Откупщикъ же не могъ уменьшить извѣстной цѣны, которая платилась и безъ откупа; это уже сдѣлка между имъ и государствомъ, а состояніе народа и его отношенія отъ того нисколько не измѣнялись. Откупъ теряетъ въ такомъ случаѣ всю свою безнравственность, а вся земля, народъ, остается по прежнему вполнѣ независимъ отъ этихъ откуповъ, вполнѣ цѣленъ и неизмѣняемъ.

1570 г. *Уставная грамота митрополита Кирилла*, стр. 314. Эта уставная грамота касается церковныхъ пошлинъ (съ сельской церкви Архангела Михаила). Любопытно, что устройство митрополичьяго вѣдомства, его владѣній, было совершенно то же, какъ и въ государствѣ, даже устройство самого духовенства. Это очень интересно, и требуетъ вниманія и разсмотрѣнія. Изъ настоящей грамоты это также видно довольно ясно.

1570 г. *Царская грамота въ Устюжну Желѣзо-Польскую*, стр. 315. Старицѣ Александрѣ дается Устюжна Желѣзо-Польская, посадъ и деревни. Любопытно обращеніе грамоты: *на посадъ, старостамъ и сотцкимъ и пятидесятцкимъ и десятцкимъ и всѣмъ крестіяномъ посадцкимъ людемъ*. О судѣ не сказано; сказано только, что недѣльщики отъ старицы Александры. Во всякихъ дѣлахъ и управахъ велѣно имъ (къ кому грамота) пріѣзжать въ Москву къ Челищеву, который во всемъ «*по нашему приказу указъ чинитъ.*»

1571 г. *Купчая на сельцо Михайловское съ деревнями*, стр. 315.

Подъячій Айгустовъ долженъ былъ по приговору суда заплатить Щелкалову и его женѣ безчестья (за ложный доносъ 600 р.; въ уплату взята у него его вотчина (по его же челобитью); при описи отчины говорится: «*пашни боярскіе и крестьянскіе.*» Изъ этого, а также изъ другихъ грамотъ видно, что крестьянская пашня была опредѣлена, и слѣдовательно не зависѣла отъ произвола вотчинника. Велѣно дать купчую на вотчину Щелкалову, и купчею называется эта самая грамота; это очень замѣчательно.

Не упоминается о крестьянахъ.—Вообще грамота замѣчательна; въ особенности по денежному счету и по оцѣнкѣ имущества.

1571 г. *Царскій наказъ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ*, стр. 316. Грамота чрезвычайно важная; ее надобно знать.

Важно то, что она обращена ко всѣмъ и вотчиннымъ и невотчиннымъ крестьянамъ, что показываетъ равенство правъ.

Важно, что здѣсь поименованы помѣщики и вотчинники, и потомъ помѣщичьи и вотчинные крестьяне.

Наконецъ важно, что здѣсь грамота относится рѣшительно *ко всѣмъ*.

Хотя здѣсь и не говорится, но можно основательно предполагать, что и здѣсь губные старосты — выборные. — Изъ грамоты можно видѣть, что губное устройство было повсемѣстно.

«*А поязы на немъ взяти выть.*»—Отъ *языкъ*?

Если правительство и принимало въ разсчетъ при обыскѣ большинство, это было уже его дѣло: оцѣнка мнѣній или слуховъ. Но обыскъ былъ не судъ и слѣдовательно онъ не судилъ по большинству; онъ не сосредоточивалъ, не рѣшалъ, не опредѣлялъ мнѣнія, а просто былъ людское мнѣніе.

Огромное значеніе обыска.

Важно отношеніе къ опричинѣ, которое надо разобрать; тамъ были свои губные старосты и смѣсной судъ.

Очевидно, что губное устройство не было жалованное; слово: пожаловалъ—ничего не значитъ.—Грамоту надо изслѣдовать внимательно.

1571 г. *Таможенная Новгородская грамота*, стр. 320.

Замѣчательна прежде всего тѣмъ, что сбирается пошлина на Торговой сторонѣ, въ Государевой Опричинѣ. Новгородцы Со-

фійской стороны платятъ пошлину. Есть таможенные головы и цѣловальники. Головы, кажется, поставленные отъ правительства, а цѣловальники, кажется, выборные.

«*Изъ Новгородскаго уѣзда, изъ рядовъ, изъ волостей, и изъ погостовъ.*

Недоборъ берется вдвое только въ такомъ случаѣ, когда на таможниковъ доведутъ неправды.—Грамота очень замѣчательна и требуетъ внимательнаго изученія....

—

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ (1).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

РУССКИМЪ ДѢТЯМЪ.

Хотя вашъ возрастъ, дѣти, не даетъ вамъ вполнѣ чувствовать, что такое родная земля для человѣка, какой великой союзъ природы и духа и, вслѣдствіе ихъ, жизни, объемлетъ и совокупляетъ людей въ одинъ народъ,—какъ велика связь, соединяющая каждаго съ его народомъ: но вы уже знаете, что вы Русскіе, но болѣе или менѣе слыхали вы про старину, видали или знаете Москву; но чувство любви къ своей родной землѣ конечно уже знакомо вамъ, дѣти, уже пробуждается въ васъ, ростетъ, и по этому требуетъ новой пищи. Вамъ уже хочется знать судьбы родной земли вашей и моей, и поэтому нашей,—знать, что было съ нею, что такое *она* теперь, какъ стала она тѣмъ, что теперь, и куда лежитъ ея путь. Сами того не зная, еще съ младенческаго возраста, вы уже принадлежите родной землѣ и сродились съ нею; она окружаетъ васъ собою и своими попеченіями. Это небо, эти далекія поля, эта бодрая зима, широкія рѣки — все ужъ это сродилось съ вами. Вашъ взглядъ ужъ видѣлъ крестьянина, сохранившаго народный бытъ и народную одежду. Родина уже пропѣла вамъ свои первыя колыбельныя пѣсни, и продолжаетъ, можетъ быть, забавлять васъ хороводами, играми и другими пѣснями. Но нашъ самый важный союзъ съ родиной, это есть Русская рѣчь, которая раздается въ вашихъ устахъ, это родной языкъ— неотъемлемый признакъ народа, къ которому при-

(1) Неоконченное сочиненіе, писанное, вѣроятно, въ началѣ 50-хъ годовъ. *Изд.*

надлежитъ человѣкъ, его знамя между другими племенами въ человѣчествѣ. Грустно мнѣ теперь вспомнить, что есть между вами, дѣти, такіе несчастные, которые лишены союза съ родною землею (о которомъ я говорилъ сейчасъ), лишены даже роднаго языка, стало быть бросили родное знамя, и, какъ переметчики и измѣнники, идутъ подъ знаменемъ чуждымъ. Конечно виноваты не сами эти несчастные,—виновато воспитаніе, и по этому къ дѣтямъ относится сожалѣніе, а упрекъ относится къ людямъ взрослымъ.—Я думаю однако, что число Русскихъ дѣтей, которыя вполнѣ заслуживаютъ это названіе и которымъ посвящаю я свою книгу, ростетъ болѣе и болѣе, а собраніе Русскихъ попугайчиковъ и обезьянокъ (иначе не могу я назвать дѣтей, болтающихъ на чужихъ языкахъ и воспитанныхъ иностранцами) уменьшается съ каждымъ днемъ.—Пожалѣемъ объ этихъ несчастныхъ и пожелаемъ, чтобъ они, сколько возможно, избавились отъ этой иноземной порчи. — Обращаюсь къ вамъ опять, Русскія дѣти! къ тѣмъ, которыя оправдываютъ это названіе и которымъ ужъ хочется знать про свою родную землю. Вотъ вамъ разсказъ о судьбахъ нашей Русской земли, вотъ вамъ ея исторія. Разсказъ простой и краткой. Со временемъ, выросши, вы обратитесь сами къ лѣтописямъ и грамотамъ. А пока я желалъ бы, чтобы эта книга могла достаточно удовлетворить вашему требованію и быть вамъ истинно во благо и въ пользу.

—

II.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мое намѣреніе было изложить Русскую исторію въ простомъ и непремѣнно вѣрномъ разсказѣ, по лѣтописямъ и другимъ историческимъ свидѣтельствамъ, но чтобъ въ тоже время это не было ни представленіемъ Русской исторіи (чего Боже сохрани) на иностранный ладъ или подражаніемъ иностраннымъ историческимъ сочиненіямъ, ни также сухимъ буквеннымъ переложеніемъ или сокращеніемъ лѣтописей, хотя, какъ сказалъ я выше, историческую вѣрность (заключающуюся не въ буквѣ) поставилъ я

основаніемъ своего труда. Я вовсе не хочу поддѣлываться подъ дѣтской языкъ: всякая поддѣлка есть ложь, и потому дурна и цѣли благой не достигаетъ. Я постараюсь написать языкомъ, общимъ для всѣхъ возрастовъ. Будь только языкъ простъ — и дѣти поймутъ его.

Считаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Русской исторіи.... (1)

—

III.

ГЛАВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ

или

ВСТУПЛЕНІЕ.

—

Въ равнинѣ, занимаемой теперь Европейскою Россіею, жили издревле народы Славянскіе; они жили тамъ не одни. Къ сѣверу отъ нихъ обитали Финскіе народы, а на югѣ народы Азіатскаго происхожденія. Извѣстія о Славянахъ встрѣчаются очень давно, даже до Рождества Христова, если полагать, что Скиѳы — Славяне; но намъ не нужно восходить такъ далеко въ древнюю исторію. Хотя въ исторіи древней яркимъ и обильнымъ свѣтомъ озарены иныя земли, какъ-то: Греція и Римъ, за то тѣмъ сильнѣйшій мракъ обнимаетъ все находящееся за предѣлами странъ этихъ, и падающіе туда отблески смущаютъ еще болѣе своимъ невѣрнымъ освѣщеніемъ.—Любопытно и полезно рѣшить, что было въ этомъ полумракѣ, но это задача особыхъ изысканій, а не разсказа о Русской землѣ, *откуда пошла и стала она.*

---

(1) Здѣсь мы помѣщаемъ только начало „предисловія“: все остальное внесено авторомъ въ статью, „о Русской исторіи,“ обработанную гораздо позднѣе и особо отъ „Исторіи для дѣтей,“ и напечатанную въ нашемъ изданіи на стр. 17. См. также примѣчаніе къ этой статьѣ. *Изд.*

Славянскіе народы жили не только въ предѣлахъ теперешней Россіи, но въ восточной и сѣверной части теперешней Германіи, тамъ, гдѣ теперь королевства Прусское и Саксонское и имперія Австрійская; они также жили въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Турціи; слѣды ихъ видны даже въ нынѣшней Греціи въ Морећ. Не нужно говорить, что въ Россіи и теперь живутъ Славяне. Россія, единственное, независимое государство Славянское, громко говоритъ сама за себя. Она одна—Славянская между другими державами; но за то она и могущественнѣе всѣхъ.—Между тѣмъ нужно сказать, что Славянскія племена живутъ тамъ же, гдѣ жили и прежде, хотя многія изъ нихъ изчезли, онѣмечились, объитальянились, отуречились, даже огречились; другія хранятъ свою народность подъ властью державъ чуждыхъ, а нѣкоторыя находятся подъ ихъ покровительствомъ.

Начнемъ же повѣсть нашу.

Въ древнія времена, племена Славянскія разселились по разнымъ мѣстамъ и приняли, большею частію отъ тѣхъ мѣстъ, разныя прозванія. Славяне, говоритъ древнѣйшій лѣтописецъ нашъ Св. Несторъ, сидѣли по Дунаю и оттуда разошлись и разселились. Такъ ли было, мы не знаемъ, но достовѣрно расположеніе племенъ Славянскихъ, описанное Несторомъ. Оттуда вышли Чехи и Морава, прозвавшіеся отъ рѣки Моравы; тоже Славяне—Хорваты, Сербы и Хорутане, живущіе въ настоящее время внѣ предѣловъ Россіи, какъ и первыя два племени. Съ Дуная же тѣснимые нашедшими на нихъ Волохами, двинулись Славяне на Вислу и, поселившись тамъ, прозвались Ляхами; отъ тѣхъ Ляховъ произошло имя Поляне (Поляховъ и Поляковъ): ихъ не надо смѣшивать съ Полянами Кіевскими. Можетъ быть, *Ляхи*, *Лѣси*, *Леши* (отъ *лѣсовъ*) соотвѣтствовали Древлянамъ (отъ *деревъ*); а Поляне были тамъ и здѣсь (отъ прилежащихъ *полей*), имѣя, и тѣ и другіе Поляне, одно имя, но различаясь, каждые между собою, какъ и прочія отдѣльныя племена Славянскія.—Другіе Ляхи назвались Лутичами, Мазовшанами, Поморянами. Другіе Славяне (не сказано кѣмъ-либо тѣснимые), пришли и поселились по Днѣпру, и назвались Полянами, а другіе (сосѣди ихъ) Древлянами. Славяне же сѣли между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами. Тѣ, которые сѣли по Двинѣ, назвались Полочанами отъ рѣчки Полоты, впадающей въ Двину. Поселившіеся по рѣкамъ: Деснѣ, Семи и Сулѣ, на-

звались Сѣверянами. Дулѣбы и Бужане жили по Бугу (гдѣ нынѣ Велыняне, Волыняне, прибавляетъ Несторъ). Лутичи и Тиверцы (изъ которыхъ первыхъ Несторъ причисляетъ къ Ляхамъ) были многочисленны и сидѣли по Днѣстру до Дуная и даже до моря. Отъ Ляховъ же были два брата: Радимъ и Вятко. Радимъ съ родомъ своимъ сѣлъ по рѣкѣ Сожѣ, и отъ него прозвались Радимичами; а Вятко, съ родомъ же, по Окѣ рѣкѣ, отъ него прозвались Вятичами. Въ верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра сидѣли Кривичи; городъ ихъ — Смоленскъ. Кривичи и Сѣверяне одноплеменны съ Полочанами. Наконецъ, Славяне поселились также на берегахъ озера Ильменя, и прозвались своимъ именемъ (т. е. Славянами). Они построили городъ и назвали его Новгородъ.

Сверхъ того, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи жили народы иноплеменные, дававшіе дань Руси (во время Нестора, какъ можно заключать изъ словъ его): Чудь, Меря (на Ростовскомъ озерѣ и на Клещинѣ озерѣ), Весь (на Бѣлѣозерѣ), Мурома (на Окѣ рѣкѣ, при впаденіи ея въ Волгу), Черемиса, Мордва, Пермь, Печора, Ямь, Литва, Зимегола, Корсь, Норова (Нарова), Либь (Ливь).—Названіе этихъ народовъ, да и самые народы, большею частію и теперь сохранились, и потому мѣсто ихъ жительства легко опредѣляется. Всѣ они относятся къ Финскому происхожденію.

Надобно упомянуть еще о Варягахъ; они сидѣли по берегамъ моря Балтійскаго и даже далѣе къ западу. Сколько можно заключить, это было имя собирательное, имя дружины, какъ напр. имя козаковъ.

Несторъ сообщаетъ слѣдующее сказаніе изъ древнихъ временъ: Святый Апостолъ, Андрей Первозванный, изъ Синопіи пришедши въ Корсунь, вступилъ въ устье Днѣпровское, пошелъ вверхъ по Днѣпру, и сталъ, случайно, на берегахъ Днѣпра подъ горами. Всталъ на другой день, сказалъ онъ ученикамъ, съ нимъ бывшимъ: «видите ли сіи горы? На сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, здѣсь будетъ великій градъ и воздвигнетъ Богъ многія церкви.» Св. Андрей взошелъ на горы, благословилъ ихъ, поставилъ крестъ и, помолившись Богу, сошелъ опять съ горы, гдѣ потомъ былъ Кіевъ. Св. Андрей продолжалъ путь свой вверхъ по Днѣпру и пришелъ къ Славянамъ, гдѣ нынѣ Новгородъ; тамъ видѣлъ онъ

обычаи ихъ; видѣлъ, какъ они моются и сѣкутъ себя, парясь, и удивился. Потомъ направилъ онъ путь къ Варягамъ, и потомъ пришелъ въ Римъ. Повѣствуя тамъ, скольнихъ научилъ онъ ученію Христову и что видѣлъ, онъ сказалъ: «Я видѣлъ дивное въ Славянской землѣ; видѣлъ я тамъ деревянныя бани; люди растопятъ ихъ жарко, раздѣнутся нагіе, обольются квасомъ, возьмутъ мелкіе прутья и бьютъ сами себя до того, что едва будутъ живы; потомъ обольются водою студеною и оживутъ опять; и то дѣлаютъ они во всѣ дни, ни кѣмъ не мученые, но мучатъ сами себя, *и то творятъ не мовенье себѣ, а мученье.*» Слышащіе это удивлялись.—Разсказъ этотъ любопытенъ, ибо кто не узнаетъ здѣсь нашихъ Русскихъ банъ, точно въ томъ видѣ и теперь, какъ разсказываетъ объ нихъ Несторъ.

Племена Славянскія имѣли каждое свой обычай и нравы. Изъ нихъ Поляне держали обычай отцовъ своихъ, кроткой и тихой; видно, что онъ сохранился, ибо объ нихъ говорится у Нестора въ настоящемъ, а о прочихъ племенахъ въ прошедшемъ. Прочія же племена, о которыхъ упоминаетъ Несторъ, жили дико среди своихъ языческихъ игрищъ и плясокъ.

Вотъ немногія событія изъ отдаленнаго времени.

Между Полянами, жившими особо, было три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь. Три брата жили на трехъ горахъ: Кій—гдѣ увозъ Боричевъ, Щекъ — гдѣ теперь Щековица, а Хоривъ — гдѣ теперь Хоревица. Они построили городъ во имя старѣйшаго брата и назвали его Кіевъ; были они мужи мудрые и разумные, назывались Поляне, и отъ нихъ—Поляне Кіевскіе (и до сегодня, прибавляетъ Несторъ). Сей Кій княжилъ въ родѣ своемъ; онъ, какъ повѣствуютъ, ходилъ къ Новугороду и былъ принятъ тамъ съ честью. На возвратномъ пути, пришедши къ Дунаю, полюбилъ онъ мѣсто и срубилъ малый городокъ, чтобы поселиться тамъ съ своимъ родомъ, но окрестные жители его не допустили; мѣсто же получило названіе: городище Кіевецъ.—Кій возвратился въ Кіевъ, гдѣ онъ, братья его и сестра умерли.

Послѣ сихъ братьевъ родъ ихъ началъ держать княженье между Полянами. Но Древляне имѣли свое особое княженіе или управленіе, Дреговичи — свое, Славяне Новогородскіе — свое, но,

какъ видно, соединенно съ Полочанами, а можетъ быть съ Кривичами и съ Сѣверянами.

Хотя Славянскія племена, какъ видно, жили и управлялись отдѣльно, но можно, кажется, сказать, что они составляли союзы между собою. Такъ по крайней мѣрѣ понимаемъ мы не совсѣмъ ясныя слова Нестора, изъ которыхъ, кажется намъ, видно, что было два такихъ союза: Славяне Новогородскіе, Полочане, Кривичи и Сѣверяне. Съ другой стороны: Поляне, Древляне, Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Хорваты. Про послѣднихъ Несторъ говоритъ: жили въ мирѣ; но если бы это значило въ мирѣ (тишина), то не стоило бы, кажется, говорить о томъ, когда далѣе говорится о бранях между Древлянами и Полянами. Напротивъ, объ устройствѣ, въ какомъ они находились, во всякомъ случаѣ упоминать стоитъ, хотя бы оно потомъ и нарушалось. Здѣсь *миръ* (не думаемъ, чтобъ установлено было тогда такое строгое различіе въ правописаніи этого слова) надо понимать какъ наше *міръ*, что значитъ *союзъ—вся*, и что собственно одно съ *міромъ*, ибо союзъ предполагаетъ миръ, тишину; по этому понятіе Русское общества непремѣнно соединено съ понятіемъ о мирѣ и тишинѣ. Можетъ представиться другое сомнѣніе: какимъ образомъ Сѣверяне участвуютъ и въ томъ и въ другомъ союзѣ? На это мы можемъ отвѣчать, что это заподозриваетъ только не вполнѣ ясное выраженіе о первомъ союзѣ; потомъ, что невозможнаго мы тутъ не видимъ; наконецъ, что здѣсь можетъ быть и ошибка. Во всякомъ случаѣ, вотъ наше предположеніе.

По впослѣдствіи Поляне терпѣли отъ нападеній Древлянъ и другихъ сильныхъ народовъ. Наконецъ на нихъ нашли Козаре и потребовали дани. Поляне, подумавъ, дали имъ отъ дыма мечь. Козаре отнесли эту дань своему князю и старѣйшинамъ, говоря: вотъ мы нашли новую дань. Откуда? спросили ихъ. Въ лѣсу, на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою, отвѣчали они. Что дали? Они показали мечъ. Не добра дань, князь, сказали Козарскіе старцы. Наше оружье остро съ одной стороны—сабля, а у нихъ оружіе обоюду остро—мечъ. Будутъ они брать дань на насъ и на иныхъ странахъ,—что и сбылось.

Вотъ что сообщаетъ Несторъ о временахъ отдаленныхъ, гдѣ еще онъ не говоритъ о лѣтосчисленіи. Далѣе установляетъ онъ

числа, начиная съ возшествія на престолъ Михаила, царя Греческаго, ибо при немъ приходила Русь на Царь-градъ,—т. е. съ 852.

О доисторическомъ, выразимся такъ, времени Русской земли мы сказать можемъ:

Хотя Несторъ не говоритъ, чтобы у Славянскихъ племенъ были князья, однако изъ послѣдующихъ его словъ мы видимъ, что они у нихъ были; но князья эти едва ли имѣли характеръ Государя; это были старшины народные, и вотъ причина, почему Несторъ ихъ князьями не называетъ. Въ немногихъ произшествіяхъ, которыя описываетъ Несторъ, онъ говоритъ: Кіяне, Новгородцы и пр., не упоминая о князьяхъ, изъ чего, особенно же изъ Новгородскихъ свидѣтельствъ, мы можемъ заключить, что въ племенахъ Славянскихъ, при старшинахъ, народъ управлялся самъ собою, сходясь на сходку, какъ и теперь сходятся крестьяне. Однимъ словомъ: мы видимъ бытъ народный, народные обычаи, бытъ сельскій и мирный, но никакого такъ называемаго гражданскаго устройства и ничего государственнаго не видимъ. Передъ нами Славянская земля, но не Славянское государство.

Хорошо было бы, если бы можно было жить, той ли, другой ли землѣ, просто; если бы не нужно было ни законовъ, ни войскъ; если бы нравственный бытъ, внутренняя правда, были такъ сильны, что не нужно было бы государственнаго устройства, не нужно было бы правды внѣшней, наружной. Потому что (это и доказательствъ не требуетъ) вся сила заключается въ правдѣ внутренней и въ нравственномъ бытѣ; и бѣда странѣ, гдѣ правда наружная такъ обольститъ людей, что замѣнитъ собою правду внутреннюю.—Обратимся для большей ясности къ частной жизни человѣка. Многихъ останавливаетъ совѣсть, но не всѣхъ, и потому для тѣхъ, кому совѣсти мало, мало суда внутренняго,—нуженъ судъ и наказаніе внѣшнее; но конечно вся сила въ совѣсти, и достоинство тогда только есть въ человѣкѣ, когда онъ остановленъ совѣстью, а не страхомъ наказанія. И худо будетъ, если люди, зная, что есть законъ, что есть правда наружная, такъ избалуются, что не будутъ уже справляться съ совѣстью, а только съ тѣмъ, подходитъ ли что подъ законъ; тогда все живое въ нихъ пропадетъ, они потеряютъ внутреннюю правду, слѣдовательно нравственное достоинство, и будутъ бук-

вами безъ души. По этому, признавая законъ, долженъ беречь человѣкъ свою совѣсть, не предаваясь весь правдѣ наружной и закону. По этому, принимая Государство, должна беречь себя Земля, т. е. беречь нравственный бытъ свой и свою внутреннюю правду, не предаваясь Государству и не обольщаясь его блестящей наружностью и формальнымъ порядкомъ, и по этому не стараясь сама обратиться въ Государство. (Лекарство можетъ стать вреднѣе болѣзни.) Да, хорошо бы, если бы Землѣ, или народу (что одно) можно было жить Землею, безъ помощи Государства; хорошо бы, да трудно.

Земля Славянская, или, лучше, земли Славянскія, въ томъ смыслѣ, что при одномъ земскомъ устройствѣ онѣ все же не были соединены въ одно, — земли Славянскія жили Землями; но пришлось увидать, что жить такъ трудно. Съ одной стороны (что самое главное) драчливые сосѣди не давали имъ мира, а съ другой стороны и внутреннія неустройства или, такъ сказать, извѣстный отдѣлъ неустройствъ внутреннихъ мѣшалъ имъ жить спокойно и въ тишинѣ. Пользуясь ея миромъ, враги вносили войну, овладѣвали ею; вновь поднявшись, Земля прогоняла ихъ, но впереди грозило опять то же: могла ли она безопасно возвращаться къ миру своей жизни, къ тому человѣческому быту, до котораго далеко, далеко было другимъ Европейскимъ племенамъ?

Земля или могла быть завоевана, или должна была стоять вѣчно на стражѣ, чтобы храпить свою жизнь; но это самое значило уже отказаться отъ жизни, именно отъ жизни Землѣ свойственной, мирной и тихой. Славянской Землѣ жить стало трудно. Почувствовалась нужда и необходимость Государства (что-то будетъ!). Отсюда начинается Русская исторія.

—

ГЛАВА I-Я.

Призваніе князей. — Рюрикъ.

Въ 859 году, по Рождествѣ Христовѣ, Варяги брали дань на Чуди, на Славянахъ (Новогородскихъ), на Мери и на всѣхъ Кри-

вичахъ, а Козаре брали дань на Полянахъ, на Сѣверянахъ и на Вятичахъ по бѣлкѣ и вѣверицѣ съ дыма.

Такимъ образомъ и на сѣверѣ и на югѣ племена Славянскія были подъ властію иноплеменниковъ.

Въ 862 году, Новогородцы, Кривичи и съ ними Чудь поднялись и прогнали Варяговъ за море. Земли Славянскія освободились, но неустройство возникло въ нихъ; въ нихъ не было управы, родъ возставалъ на родъ; возникли междоусобія и внутреннія войны. Съ другой стороны, если бы Земля и одолѣла свои тревоги, кто бы могъ поручиться, чтобы вновь не напали сосѣди, и народъ, живущій въ мирѣ, не покорили снова? Кто бы могъ поручиться, чтобы снова не возникли неустройства? — Чтобы обезопасить себя отъ того и другаго, Земля должна была бы быть постоянно на стражѣ и внѣшней и внутренней. Очевидно, что при этомъ невозможна свободная мирная жизнь, въ особенности Славянская. Людямъ (народу) понадобилась посторонняя сила, изъ-за которой они могли бы жить вольно, спокойно и мирно, хранить обычаи, нравы и всю свободу своей земской жизни, — понадобилась, какъ бываютъ нужны латы человѣку, домъ отъ непогоды.—*И такъ Земля, сама, добровольно* (явленіе безпримѣрное), *рѣшилась призвать Государство на помощь.* Новогородцы, Кривичи и Чудь сказали: *поищемъ себѣ князя, который бы нами владѣлъ и судилъ по правдѣ.* Но и здѣсь народъ не хотѣлъ выбрать князя изъ среды своей. Призывая только защиту государственную, съ Землею несмѣсимую и отъ нея отличную, народъ хотѣлъ себѣ посторонняго государя, съ Землей ничего общаго не имѣющаго. Исторія не представляетъ намъ другаго подобнаго примѣра; нѣтъ народа, который бы такъ сознательно захотѣлъ Государства, но за то нѣтъ и народа, который бы такъ постоянно отдѣлялъ себя отъ Государства. Ибо онъ (народъ Славянскій) хотѣлъ его сознательно, и это сознаніе стало для него спасительнымъ; ибо онъ зналъ и понималъ, что̀ такое и для чего Государство нужно, захотѣлъ *Государя постороннаго.*—И такъ, Славяне, Кривичи, Чудь пошли на чужбину за море къ Варягамъ, не къ тѣмъ, которые владѣли ими и которыхъ они прогнали, но къ Варягамъ Русскимъ или Варягамъ-Руси (имъ единоплеменнымъ по общему Славянскому произхожденію, но совершенно имъ чуждымъ и составля-

ющимъ совершенно отдѣльное отъ нихъ племя и по мѣсту жительства и по образу жизни), и сказали: *вся Земля наша велика и обильна, но наряда* (устройства, управленія, — нарядъ не то, что порядокъ) *въ ней нѣтъ: пріидите княжить и владѣть нами.*

Это событіе есть исходная точка и опредѣляетъ всю дальнѣйшую Русскую исторію.

На приглашеніе вызвались три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ своими семьями. Забравши съ собой всѣхъ Русскихъ, какіе съ ними были между Варягами, они пришли сперва къ Славянамъ и поставили городъ (прежде городъ значилъ крѣпость, и конечно не каменную) Ладогу; въ ней поселился старшій братъ Рюрикъ; Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборскѣ. Отъ сихъ пришельцевъ пошло названіе Русской земли. Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли. Рюрикъ принялъ всю власть одинъ; поставилъ городъ надъ Волховомъ у Ильменя озера, прозвалъ его Новгородомъ и остался тамъ княжить. Раздавши волости мужамъ своимъ, кому Полотскъ, кому Ростовъ, кому Бѣлоозеро, онъ послалъ ихъ ставить города.—Въ это время два мужа, два боярина Рюриковыхъ, но не его племени, именемъ Аскольдъ и Диръ, выпросили у князя позволеніе идти въ Царьградъ со всѣми своими сродниками. — Они пошли по Днѣпру и увидали городокъ на берегу его; на вопросъ: чей это городокъ? жители отвѣчали, что этотъ городокъ былъ поставленъ тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ, которыхъ ужъ нѣтъ, а они вмѣстѣ съ ихъ родомъ платятъ дань Козарамъ.—Аскольдъ и Диръ, съ согласія жителей, остались въ городѣ, призвали къ себѣ многихъ Варяговъ, освободили Кіевъ отъ Козаръ и стали княжить надъ Полянами.

Въ 866 году, Аскольдъ и Диръ собрали войско и пошли на Грековъ при Императорѣ Греческомъ Михаилѣ. Императору, который шелъ въ это время войною на Агарянъ, Греки послали вѣсть, что Русскіе (тогда еще язычники) идутъ на Константинополь; узнавши это, онъ воротился немедленно. Между тѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ *судъ* (гавань), истребили много народу и обступили въ двухъ стахъ ладьяхъ Константинополь.—А въ Константинополѣ молились Богу. Императоръ, Патріархъ всю ночь провели въ моленіи передъ образомъ Влахернской Божіей

Матери, потомъ святую ризу Богородицы, вынесши съ хвалебными пѣснями на берегъ, омочили въ морѣ. Была тишина, море было спокойно; но едва омочили святую ризу—вдругъ встала буря съ вѣтромъ, подняла страшные валы, раскидала и избила о берегъ Русскія лодки, такъ что немногіе изъ Русскихъ, избѣгнувъ отъ бѣды, воротились домой.

Аскольдъ и Диръ, видѣвшіе чудо и сильно имъ проникнутые, имѣстѣ съ другими Русскими, крестились въ христіанскую вѣру, какъ говорятъ Греческіе писатели.

Между тѣмъ Рюрикъ княжилъ въ Новѣгородѣ. Есть извѣстія, что онъ слишкомъ далеко сталъ простирать свою власть, что Новогородцы не захотѣли сносить ее, говоря, что имъ приходится быть рабами, и много пострадать отъ Рюрика и отъ его рода, что Рюрикъ убилъ Вадима, храбраго своего противника, и другихъ его единомышленниковъ.—Позднѣйшія дѣйствія и свойства Новогородцевъ не противорѣчатъ этимъ извѣстіямъ.

Въ 879 году Рюрикъ умеръ, поручивъ сына своего Игоря, бывшаго еще младенцемъ, Олегу, своему родственнику.

—

ОЛЕГЪ.

Оставленіе Новгорода.—Кіевъ.—Названіе Руси переносится съ Сѣвера на Югъ.

Олегъ не долго оставался въ Новѣгородѣ. Въ 882 году онъ, собравъ большое войско изъ Варяговъ, Чуди, Славянъ, Мери, Веси, Кривичей, пришелъ къ Смоленску съ Кривичами, принялъ городъ во власть свою и посадилъ въ немъ своего мужа. Хотя Рюрикъ былъ призванъ и Кривичами, но Смоленскъ, какъ кажется, не былъ имъ занятъ; упоминается только о Полотскѣ, тоже городѣ Кривичей. Или Смоленскіе Кривичи не участвовали въ призваніи, или еще не былъ посланъ доселѣ туда никто изъ княжихъ мужей. Во всякомъ случаѣ очевидно, что Олегъ занялъ городъ мирно.—Пошедши оттуда внизъ, онъ взялъ Любечъ и посадилъ тамъ своего мужа. — Наконецъ, пришелъ онъ къ горамъ Кіевскимъ и узналъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ тамъ.— Олегъ

оставилъ главное войско назади, и въ ладьяхъ, спрятавши въ нихъ вооруженныхъ воиновъ, приплылъ самъ, взявши съ собой Игоря, подъ *Угорское* (такъ называлось мѣсто на берегу). Оттуда послалъ онъ къ Аскольду и Диру съ такою рѣчью: «Мы гости (купцы); идемъ въ Грецію отъ Олега и отъ Игоря княжича; придите къ намъ, своимъ единоплеменникамъ.» Аскольдъ и Диръ повѣрили лукавой рѣчи и пришли къ Олегу. Въ ту же минуту воины выскочили изъ лодокъ и окружили ихъ. «Вы не князи, сказалъ имъ Олегъ, и не княжаго рода, но я княжаго рода, и вотъ (онъ указалъ на Игоря, котораго въ это время вынесли) сынъ Рюриковъ.» Аскольдъ и Диръ были убиты послѣ этихъ словъ и похоронены на горѣ. Кіевляне, добровольно или нѣтъ, согласились принять Олега, и онъ сталъ княжить въ Кіевѣ. — Будь Кіевъ матерью городовъ Русскихъ, сказалъ Олегъ, и слово его исполнилось. — Прозваніе Русской земли утвердилось также здѣсь, перешедши вмѣстѣ съ Олегомъ съ сѣверной Руси на южную, которая собственно по этому и называлась Русью въ теченіи долгаго времени.

Олегъ началъ строить города, установилъ дани Славянамъ, Кривичамъ и Мери, и учредилъ, чтобы Новгородъ ежегодно платилъ Варягамъ 3000 гривенъ, ради мира, сказано въ лѣтописи, т. е., какъ видно, этою данью устроивались отношенія Новагорода къ Кіеву и упрочивался взаимный миръ. Вмѣсто князей были въ Новгородѣ посадники.

Отъ чего Олегъ оставилъ Новгородъ? Не могъ ли онъ ужиться съ Новогородцами, наскучилъ ли ему Сѣверъ, только онъ вышелъ изъ Новгорода, и, какъ кажется, съ намѣреніемъ не возвращаться въ оный, ибо взялъ съ собою и малолѣтнаго Игоря. — Едва ли это не было по желанію самихъ Новогородцевъ: припомнимъ, что есть извѣстія о ссорѣ Рюрика съ Новогородцами, неукротимый нравъ ихъ, который выступаетъ очень ярко въ послѣдующія времена,—все заставляетъ думать, что они, говоря ихъ выраженіемъ, указали Олегу путь. Но, вѣроятно, это было сдѣлано мирно и съ обоюднаго согласія, ибо Новогородцы были въ войскѣ Олега и потомъ платили Варягамъ 3,000 гривенъ, *ради мира*, чтобы не ссориться и жить своею (земскою) независимою жизнію. Посадникъ замѣнялъ князя и вѣроятно назначался отъ князей; но съ посадникомъ имъ было свободнѣе....

—

СЕМИСОТЛѢТІЕ МОСКВЫ. (1)

Въ 1847 году, 28-го Марта, минетъ семьсотъ лѣтъ столицѣ Русской земли, Москвѣ.

Москва упоминается въ лѣтописяхъ въ первый разъ въ 1147 году, 28-го Марта. И такъ это число можно считать числомъ ея историческаго рожденія. — Москва помнитъ время удѣловъ; она была основана Георгіемъ Владиміровичемъ, сыномъ Мономаха, княземъ Суздальскимъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ князей удѣльнаго времени. Она вошла сперва въ разрядъ удѣльныхъ городовъ. Младшая между другими городами Русскими, она была основана на тѣхъ же общихъ Русскихъ началахъ, вытекла изъ той же жизни и, разумѣется, исполнилась тою же жизнію: она является потомъ въ борьбахъ удѣльныхъ городовъ, — въ борьбахъ и бранях, выражающихъ въ то же время стремленіе Русской земли слиться во единое цѣлое; но, — потому ли, что другіе города Русскіе приносили, съ своимъ преимуществомъ надъ прочими, слишкомъ сильную свою особенность, свою городовую, мѣстную личность,—какъ бы то ни было, только не удалось ни Кіеву, ни Владиміру, ни Твери, ни Рязани утвердить прочно свою власть, свое всеобщее значеніе столицы, значеніе, которое могло утвердиться и быть признано только при присутствіи общаго Русскаго начала. Иначе быть не могло. И такъ,— потому ли, что уже приспѣло время и исторія выбрала, случайно, можетъ быть, Москву; или потому что въ ней, въ ея особенности, лежало это общее не исключающее начало; но Москва, безъ сомнѣнія, выразила въ себѣ общее всерусское значеніе, и для насъ во всякомъ случаѣ является она представительницей общей Русской жизни, жизни всей Русской земли, жизни *земской* (собственно народной), говоря словомъ, такъ часто встрѣчающимся въ лѣтописяхъ и грамотахъ, со времени возвышенія

(1) Напечатано въ 39 № Московскихъ Вѣдомостей 1846 года.

Москвы на степень Русской столицы. Были ли довольны князья, или нѣтъ — это по крайней мѣрѣ вопросъ; но народъ былъ доволенъ. Москва выражала собою не власть надъ Русскою землею, но власть Русской земли; и если Москва принимала участіе въ войнахъ и не рѣдко коварныхъ поступкахъ удѣльнаго времени, если она виновата въ томъ, въ чемъ былъ виноватъ каждый городъ Русской, — то она загладила вину свою, храня святую Русь и терпя за нее, выражая въ себѣ общую всерусскую жизнь. Успѣхъ, ей одной изъ всѣхъ городовъ принадлежащій, основывается на ея общемъ значеніи. — Оно обозначилось явственно, когда въ Москву была перенесена столица Митрополіи и святый Петръ сказалъ о Москвѣ сбывшееся и вѣчно имѣющее сбываться пророчество: «Аще мене, сыну послушаеши и «храмъ пречистыя Богородицы воздвигнеши, и мене упокоиши «въ своемъ градѣ, и самъ прославишися паче инѣхъ князей, и «сынове и внуцы твои въ роды: народъ сей славенъ будетъ во «всѣхъ градѣхъ Русскихъ, и Святители пожывутъ въ немъ, и «взыдутъ руки его на плеща враговъ его и прославится Богъ въ «немъ.» — Въ Москвѣ раздался голосъ Русской земли, зовущій подняться противъ Татаръ; въ нее стеклось и въ ней собралось ополченіе изъ многихъ городовъ Русскихъ; изъ нея пошло оно на Куликово поле. Съ тѣхъ поръ она всегда привлекала на себя удары врага, и самая лютая доля бѣдствій доставалась ей на часть; ей назначалось страданіе за Русскую землю — самое важное неоспоримое ея право и свидѣтельство, что она истинная столица Русская.—Въ нее, при Іоаннѣ IV, созвана была первая *Земская Дума* изъ городовъ и вообще изъ земли Русской. Іоаннъ IV, свирѣпый къ боярамъ, но милостивый къ народу и соблюдавшій права его, хранилъ областную жизнь; тому доказательствомъ являются многія его грамоты, напечатанныя въ драгоцѣнныхъ актахъ, изданныхъ Археографическою Коммиссіей. Въ свирѣпостяхъ является его личность: въ этомъ же благомъ дѣйствіи духъ Москвы и Руси, что одно. Борисъ, покоряя Сибирь, въ грамотѣ своей писалъ, чтобы спрашивать Остяковъ: какъ имъ лучше. Но всего важнѣе, важнѣе всѣхъ возможныхъ доказательствъ и изысканій, сильнѣе всѣхъ сужденій и теорій — голосъ народа, голосъ Божій, который призналъ Москву своею столицею, назвалъ ее матерью Русскихъ городовъ, корнемъ Рус-

скаго царства, и возвѣстилъ къ ней народную любовь, какъ увидимъ ниже. Когда Димитрій Самозванецъ взошелъ на престолъ и хотѣлъ перемѣнить Русскую вѣру, хотѣлъ попрать Русскую народность, то дальновидные Іезуиты совѣтовали ему оставить Москву, уничтожить ее, какъ столицу, и основать новую столицу: безъ этого, говорили они ему, ты нисколько не успѣешь въ своихъ намѣреніяхъ (1). Не знаемъ, внялъ ли этому совѣту Самозванецъ, и не хотѣлъ или не успѣлъ его исполнить, только этого *при немъ* не случилось.—На Земскую Думу собирались въ Москву изо всѣхъ городовъ, уѣздовъ и областей, и Василій Шуйскій, избранный Москвою, а не всею Землею, въ самой же Москвѣ называется Государемъ незаконнымъ и низводится съ престола.—Настало время междуцарствія, время недоумѣнія и шатанія, время страданія для Русской земли отъ разномыслія и отъ нашествія отвсюду злыхъ и коварныхъ враговъ, растерзавшихъ на части наше отечество. Въ это горькое и тяжкое время, когда казалось ни спасенія, ни выхода не было, когда новый самозванецъ, Владиславъ, Сигизмундъ, Шведы съ своимъ принцемъ, раздѣлили землю и шли на престолъ Русской, наконецъ шайки разбойниковъ опустошали всю Русь,—въ то время народъ Русской, безъ Царя, и не руководимый боярами, поднялся за Русскую землю. Онъ всталъ не за кого нибудь изъ предлагавшихъ себя ему въ Цари и въ то же время обѣщавшихъ помощь, столько нужную тогда; онъ всталъ не за Владислава, Карла и т. д.; онъ всталъ за вѣру православную и землю Русскую, противъ всѣхъ ея враговъ, сказавъ, что никого изъ нихъ не хочетъ. Такой подвигъ, казалось, былъ всего труднѣе, былъ невозможенъ противъ многочисленныхъ враговъ; но этотъ подвигъ былъ чистъ, и Русской народъ избралъ его. Грамоты изъ города въ городъ обѣгали всю Русь; одинъ городъ билъ челомъ другому и звалъ на общее земское и Божіе дѣло. Сзывали другъ друга на враговъ, сзывали идти къ Москвѣ; тутъ-то называется она матерью городовъ Русскихъ и корнемъ Русскаго царства. Вотъ слова одной окружной грамоты: «Будте съ нами обще заодно, противъ «враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: только ко- «ренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно: только ко-

(1) Этотъ любопытный актъ хранится въ Московскомъ Архивѣ М. И. Д.

«ренья не будетъ, къ чему прилѣпиться? Здѣсь образъ Божія «Матери, вѣчныя заступницы крестьянскія, Богородицы, ея же «Евангелистъ Лука написалъ; и великіе свѣтильники и хранители, «Петръ, Алексѣй и Іона чудотворцы» (1). Князь Пожарскій, неимѣвшій никакого притязанія на свое личное превосходство, на свою власть, былъ выбранъ, и повелъ Русскіе полки. Князь Пожарскій не выдавался изъ народа, нисколько не имѣлъ притязанія ставить себя выше его, заслонить своимъ лицомъ земское дѣло, любить Русскую землю болѣе Русскаго народа; онъ напротивъ сознавалъ всю великость дѣла, но почиталъ себя его недостойнымъ; онъ говоритъ, что его къ такому дѣлу «бояре и вся «земля сильно приневолили» (2). Пожарскій былъ человѣкъ вполнѣ Русской: онъ ставилъ народъ выше лица; нигдѣ не проглядываетъ у него самолюбивое притязаніе на свою личность, въ этомъ великомъ дѣлѣ освобожденія Русской земли, гдѣ болѣе нежели когда нибудь всякая личность должна была, разумѣется, уничтожиться передъ общимъ земскимъ народнымъ дѣломъ. Только талантъ полководца принесъ Князь Пожарскій въ даръ народу, былъ безстраненъ, былъ истинно добръ и кротокъ, и былъ вполнѣ достойнымъ, чистымъ его представителемъ (3). Онъ отказалъ Маржерету и другимъ иностранцамъ въ предлагаемой ими помощи, такими словами: поблагодаривши ихъ (кромѣ Маржерета) онъ удивляется, что Маржеретъ между ними, ибо Маржеретъ дрался за Поляковъ противъ Русскихъ и даже получилъ мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ; онъ говоритъ: «и мы тому удивляемся; «такое Яковъ (Маржеретъ) Московскому государству зло учинилъ, «съ Польскими и съ Литовскими людьми кровь крестьянскую «проливалъ, да и злѣе Польскихъ и Литовскихъ людей чинилъ, «и у короля за то жалованье получилъ, въ радѣ его король учи«нилъ; а нынѣ бъ ему намъ противъ Польскихъ и Литовскихъ «людей помогати?» — Далѣе онъ говоритъ: «да и наемные намъ «люди иныхъ государствъ нынѣ не надобѣть; посямѣста были

(1) Акты, собр. Археогр. Экспедиціею, Т. II, № 176, стр. 298.

(2) Тамъ же, Т. II № 211, стр. 270.

(3) Слова наши подтверждаются очевидно исторіей того времени, грамотами и актами: не здѣсь въ сжатой статьѣ, но въ исторіи междуцарствія долженъ вполнѣ явиться въ настоящемъ свѣтѣ Князь Пожарскій, этотъ достойный вождь Русскаго народа, вождь, съ которымъ народъ совершилъ свое великое дѣло,

«намъ Полскіе люди силны потому, что, за грѣхъ нашъ, Госу-«дарство Московское было врозни; Сѣверскіе городы были осо-«бѣ, а Казанское и Астраханское царства и Понизовные городы «были особѣ; а во Псковѣ былъ воръ, назвался Государскимъ «именемъ, и Псковъ и Иванъ-городъ были с нимъ вмѣсте, а иные «городы и люди многіе были с Полскими и с Литовскими людь-«ми.» Далѣе говорится отъ имени бояръ, дворянъ и всѣхъ лю-дей, что нынѣ выбранъ къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ стольникъ и воевода Князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій - Старо-дубскій; что теперь всѣ соединились, побиваютъ враговъ и отни-маютъ города. «Что гдѣ зберетца зъ земли какихъ доходовъ, и «мы то даемъ нашимъ ратнымъ людемъ, стрѣлцамъ и казакамъ; «а сами мы бояре, и воеводы, и чашники, и стольники, и дворя-«не, и дети боярскіе служимъ и бьемся за святые Божьи церк-«ви и за православную нашу Христіянскую вѣру и за свое оте-«чество безъ жалованья..... И мы чаемъ милосердаго въ Тро-«це славимаго Бога нашего милости, оборонимся отъ Полскихъ «и отъ Литовскихъ людей и сами, Росіискимъ Государствомъ и «безъ наемныхъ людей.»....«А нынѣ намъ наемные люди не на-«добеть и договору о нихъ чинити нечево, і вамъ бы к намъ не «ходити и себѣ своимъ проходомъ убытковъ не чинити.».... (1) Чисто было это великое народное дѣло, и Русской народъ от-нялъ Москву, свою столицу, пострадавшую, какъ и всегда, за всѣхъ, и спасъ Русскую землю. Нигдѣ, какъ во время между-царствія, не является глубокое, общее, всерусское значеніе Мо-сквы для Русской земли. Все стремилось къ ней и ее именовало. Объемъ статьи не позволяетъ намъ выписывать многія мѣста изъ грамотъ; но вотъ окружная грамота Сибирскимъ городамъ, кото-рая дошла до насъ и которою возвѣщается объ освобожденіи Москвы.

«Господину Матвѣю Михайловичу Степанъ Годуновъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ во 121 году, Декабря въ 27 день, писа-ли ко мнѣ изъ Перми Петръ Нащокинъ да Иванъ Митусовъ, что въ нынѣшнемъ во 121 году Декабря въ 17 день писали съ Мо-

(1) Собр. Госуд. Гр. и Дог. Часть II, № 285. стр. 606—607. Мы выписали почти половину этой драгоцѣнной грамоты, и всю, извѣщающую объ освобожденіи Мо-сквы. Она вѣроятно извѣстны многимъ; но мы думаемъ, что никогда не худо ихъ вспомнить, особенно говоря о Москвѣ.

сквы бояринъ и воевода Князь Дмитрій Тимоѳеевичь Трубецкой да стольникъ и воевода Князь Дмитрій Михайловичь Пожарской въ Пермь великую къ прежнимъ приказнымъ людемъ, что они бояре и воеводы и всякихъ чиновъ люди, прося у Бога милости, царствующій градъ Москву отъ попрателей и разорителей вѣры Христіанскія отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, отъ враговъ креста Христова очистили, городъ Китай взятьемъ взяли; которые Польскіе и Литовскіе люди сидѣли въ Кремлѣ городѣ и которые ушли изъ Китая въ Кремль же городъ, и тѣ всѣ боярамъ и воеводамъ и всей земли Московскаго Государства здалися; и бояре де и воеводы о томъ Богу хвалу воздавали, и образъ Пречистыя Богородицы и многоцѣлебныя мощи Московскихъ Чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны увидѣли, и нѣніе Божіе по многимъ храмамъ утвердилось. И намъ бы, господамъ, однолично быти надежнымъ на милость Божію; и въ Перми великой по всѣмъ храмамъ молебны пѣли съ звономъ по три дни и ко мнѣ о томъ писали, и мы на Верхотурьѣ потому жъ отъ радости наполнивъ очи слезъ своихъ, Богу хвалу воздали, молебны пѣли съ звономъ по всѣмъ храмамъ; и тебѣ бы господине, про такую неизреченную Божію милость слышати, велѣти на Тюмени также по всѣмъ храмамъ молебны пѣти съ звономъ о мирѣ и о тишинѣ и о благоденствіи всего православнаго крестьянства, что милосердый Богъ утолилъ свой праведный гнѣвъ, и въ плѣнъ и въ разхищенія поганымъ языкамъ не выдалъ достальныхъ православныхъ крестьянъ; да и въ Тоболескъ бы тебѣ, господине, о такой великой неизреченной милости Божіей велети отписати» (1).

До Петра Великаго существовала въ Москвѣ такая перекличка стрѣльцовъ, когда вечеромъ въ 8 или 9 часовъ запирались ворота Кремлевскія.

«Близь Собора Успенскаго часовый стражъ первый начинаетъ протяжно и громогласно, какъ бы на распѣвъ, возглашать: *Пресвятая Богородица, спаси насъ!* за нимъ вторый въ ближнемъ притинѣ возглашаетъ: *Святые Московскіе Чудотворцы молите Бога о насъ!* потомъ 3-й: *Святый Николай Чудотворецъ, моли Бога о насъ!* потомъ 4-й: *Вси Святые, молите Бога о насъ!* 5-й: *Славенъ городъ Москва!* 6-й: *Славенъ городъ Кіевъ!* 7-й: *Сла-*

(1) Собр. Госуд. Гр. и Догов. Ч. II, № 288, ст. 610.

вѣнъ городъ Владиміръ! 8-й: *Славенъ городъ Суздаль!* и такъ поименуютъ: Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и пр.....» (1).

Многозначительное свидѣтельство! Въ этой перекличкѣ раздается голосъ Русской земли; слышишь, какъ она сама себя чувствуетъ, сама себя называетъ и сознаетъ въ городахъ своихъ, въ общемъ чувствѣ себя самой, единымъ совершеннымъ цѣлымъ. Въ этомъ не придуманномъ народномъ голосѣ слышишь, что царствующій градъ Москва помнила всѣ города Русскіе, всю Русскую землю.

Таково значеніе Москвы, такова она, истинная столица Святой Руси. Гласъ народа, гласъ Божій, свидѣтельствуетъ о ней.

Но въ 1703-мъ году была основана новая столица, городъ Санктпетербургъ..... Какой же послѣ этого удѣлъ Москвы? Имѣетъ ли она еще прежнее значеніе? Въ Петербургъ, какъ извѣстно, было перенесено все управленіе.... Прежде нежели станемъ отвѣчать на нашъ вопросъ, взглянемъ на самыя событія съ тѣхъ поръ, какъ Петербургъ сталъ столицею. — Спасенная, соединенная и укрѣпленная Москвою, Россія представляла много силъ, и съ этими силами были ведены войны и завоевывались разныя страны; но вотъ, черезъ столѣтіе, снова собралась гроза, гроза неожиданная, невѣроятная. Съ запада шелъ Наполеонъ и велъ безчисленныя побѣдоносныя войска. Въ эту минуту бѣдъ, когда все смущалось предъ страшною грозою, въ эту минуту явилась Москва, опять, со всѣмъ своимъ значеніемъ столицы, какъ и прежде, и приняла на себя тяжелый ударъ новѣйшаго врага. Какъ въ 1612, такъ и въ 1812-мъ она вновь объялась пламенемъ; по всей Русской землѣ раздалось вновь ея имя: Москва! Москва! И на это имя снова поднялся Русской народъ и спасъ Русскую землю.—Такое явленіе обнаружило внутри-сокровенное и, кажется, навсегда утвердило значеніе Москвы, вѣчной столицы земли Русской, столицы народной. Здѣсь опять встрѣчаемъ сужденіе великаго иностранца. Наполеонъ сказалъ въ разговорѣ съ Тучковымъ: «Столица вапа Москва, а не Петербургъ, который не что иное, какъ резиденція Государя» (2).

---

(1) Памятники Моск. Древ. поясним. примѣчанія, ст. 21.

(2) Описаніе отечеств. войны въ 1812 году, по Высочайшему повелѣнію сочиненное Г.-Л. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Часть II. стр. 162.

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ высказано было мнѣніе, что Москва уже не дѣйствительная столица Руси, а древность и предметъ воспоминанія; спрашиваемъ только,—когда, по мнѣнію С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, Москва перестала быть дѣйствительною столицею Руси: прежде или послѣ 1812 года?

Ясно для насъ и для всѣхъ истинно Русскихъ вѣчное значеніе Москвы. Она жива, и жива къ ней любовь Русскаго народа, и будетъ вѣчно живо и то и другое; бытіе ея неразлучно съ бытіемъ святой Руси. На нее крестясь смотритъ крестьянинъ; сильно движетъ она и образованнаго Русскаго въ чужестранной одеждѣ, въ комъ пробудилось Русское народное чувство. Но болѣе всего любитъ и разумѣетъ ее народъ. Онъ называетъ ее матушкой; повторяемъ съ нимъ это слово.

Москвѣ минетъ скоро семьсотъ лѣтъ. Вспомнимъ ли это мы и подумаемъ ли внимательно о судьбѣ ея и ея значеніи? Москва! Это имя болѣе именъ всѣхъ городовъ движетъ сердце Русскаго народа и всякого истинно Русскаго человѣка. Много совершила Москва. Что совершитъ она еще?—Въ одномъ — твердая увѣренность: если вновь налетитъ бѣда на Рускую землю, — она вновь спасетъ Русскую землю.

Любовь къ Москвѣ есть любовь къ Русской землѣ, потому что Москва имѣетъ въ себѣ не мѣстное, а общее значеніе и единство всей земли Русской.

Да здравствуетъ Москва!

Деревня.

—

ЗАМѢЧАНІЯ

О ПСКОВСКОЙ РЯДНОЙ ЗАПИСИ

XIII ВѢКА. (*)

—

Съ большимъ любопытствомъ прочитавъ прекрасное изслѣдованіе И. И. Срезневскаго о рядной записи XIII вѣка, найденной г. Наперскимъ, а также замѣчанія на нее К. А. Неволина позволяю себѣ сообщить свое мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ актѣ. Текстъ грамоты, по моему мнѣнію, возстановленъ совершенно вѣрно; но съ объясненіемъ самой грамоты я не могу согласиться. Доводы Неволина въ пользу того, что эта рядная не есть свадебная запись, но принадлежитъ къ отдѣлу рядныхъ, касающихся соглашеній по имѣнію, кажутся мнѣ справедливыми. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ, едва ли можемъ мы ограничивать кругъ рядныхъ грамотъ однимъ соглашеніемъ по имѣнію. Если за основаніе нашего мнѣнія примемъ мы выраженія *урядилися* или *срядилися*, *рядъ*, *рядци*, то въ такомъ случаѣ рядныя подъ №№ 258 и 259 (стр. 271—273 «Юридич. Актовъ») рядными назваться не могутъ, ибо этихъ словъ тамъ не находится. Если же мы примемъ за основаніе самый смыслъ рядныхъ грамотъ, т. е. значеніе договора, то кругъ рядныхъ долженъ расшириться. Если бы придираться къ выраженіямъ нашихъ древнихъ грамотъ, то можно бы замѣтить, что въ разбираемой грамотѣ сказано: *се порядися*, какъ говорится въ грамотахъ, такъ

(*) Напечатано въ III томѣ Записокъ Археолог. Общества, стр. 221—267.

называемыхъ *порядныхъ;* ниже впрочемъ употреблено слово: *рядъ*. Но едва ли нужно быть такъ придирчивымъ къ словамъ.

Г. Неволинъ также распространяетъ кругъ значенія рядныхъ грамотъ, но думаетъ, что онѣ возникаютъ въ слѣдствіе спора изъ какой бы то ни было юридической причины, прекращеніе котораго и означаютъ. Едва ли споръ есть необходимая причина рядныхъ. Вспомнимъ, что въ лѣтописяхъ *рядомъ* называется договоръ князя съ народомъ, заключаемый при самомъ началѣ княженія, какъ напримѣръ Ростиславомъ, братомъ Изяслава Мстиславича, съ народомъ Кіевскимъ.

Теперь о самой грамотѣ.

Соглашаясь вполнѣ съ г. Неволинымъ, что на существо ряда указываютъ слова: *рощетъ учинили промежи себе*, я однако долженъ прибавить, что разсчетъ предполагаетъ не одни требованія и долги (какъ думаетъ г. Неволинъ). *Разсчетъ* предполагаетъ, что первоначально были *счеты*, было какое нибудь до двухъ сторонъ касающееся дѣло, постоянная покупка одного у другаго въ долгъ, наемъ, или подрядъ. Кромѣ того, разсчетъ можетъ предполагать счеты, которые бываютъ по общему торговому или подрядному или другому дѣлу, производимому вмѣстѣ, заодно, сообща. Употребленіе этихъ словъ *разсчетъ* и *счеты* въ полномъ ходу и теперь. «*У меня съ нимъ есть счеты*» значитъ, что у меня съ нимъ есть какое нибудь неконченное взаимное отношеніе денежное или вещное. *Разсчетъ* показываетъ окончаніе этого отношенія посредствомъ соглашенія взаимныхъ выгодъ чрезъ замѣну вещей деньгами, или на оборотъ, чрезъ размѣнъ самыхъ вещей или какъ нибудь иначе.

Въ грамотѣ говорится, что «Тѣшата и Якимъ порядились: Якимъ взялъ серебро съ дѣвки (Тѣшатиной); а Тѣшата можетъ взять свою монисту у жены (Якимовой), и *рощетъ учинили промежъ себя*.

Странно было бы предположить, что весь разсчетъ заключался въ томъ, что у дѣвки взято серебро, а у жены мониста. Мнѣ кажется, это обстоятельство упомянуто, какъ подробность, а потомъ говорится вообще, что они разсчитались. Неужъ-то и первое и второе *складство* все заключалось въ дѣвичьемъ серебрѣ и въ жениной монистѣ? Конечно нѣтъ.

И такъ: 1) *разсчетъ* предполагаетъ общіе счеты или дѣла, те-

перь покончепныя: въ этомъ смыслѣ и принимаемъ мы слово «разсчетъ» въ этой грамотѣ; 2) разсчетъ этотъ, въ грамотѣ, не ограничивался приведенною подробностію о серебрѣ и монистѣ, но былъ обширнѣе: иначе предположить трудно. Это же доказывается отчасти и тѣмъ, что послѣ словъ о серебрѣ и монистѣ, говорится: *и рощетъ учинили промежъ себя.*

Но это только приближаетъ къ объясненію грамоты. Надобно рѣшить: *въ чемъ* былъ разсчетъ и что̀ значитъ *дѣвка?*

Объясняя грамоту, И. И. Срезневскій говоритъ: «какой-то Якимъ выдавалъ свою невѣсту, вѣроятно дочь *(«дѣвку»)*».

Мнѣ кажется, положительно можно сказать, что *дѣвка*, не означая здѣсь невѣсты, значитъ *дочь*. Часто бываетъ, что слово, имѣя общее, имѣетъ и частное спеціальное значеніе. Частное, тѣсное значеніе слова *дѣвка* есть *дочь*. Вы и теперь услышите въ народѣ такое употребленіе: *Максимова дѣвка* значитъ *Максимова дочь*. Но не останавливаясь на народномъ употребленіи (хотя простой нашъ народъ по языку и быту своему также важенъ для насъ, какъ лѣтописи и грамоты), я могу указать, что въ древнія времена «дѣвкой», въ смыслѣ дочери, называлась даже замужняя женщина. Я указываю на письма Елены, жены Александра Литовскаго, дочери Іоанна III, которая, будучи уже за мужемъ, въ письмахъ своихъ къ отцу и къ матери писалась по большей части дѣвкою, вмѣсто дочери; напримѣръ: *ино, господине и государю отче, вспомяни, чтожъ есмы служебница и дѣвка твоя.* Къ отцу и къ матери подписывается Елена такъ: *служебница и дѣвка твоя.* (Акты Арх. Эксп., стр. 104, 106, 108).

И такъ, кромѣ двухъ рядящихся лицъ, передъ нами въ грамотѣ—дочь одного, и жена другаго.

Теперь, въ чемъ же разсчетъ?

Я сказалъ, что разсчетъ предполагаетъ общія дѣла, общіе счеты, часто по какому нибудь предпріятію, вмѣстѣ, заодно производимому, гдѣ обѣ стороны участвуютъ деньгами, имуществомъ, или чѣмъ другимъ. Въ грамотѣ принимаю я этотъ послѣдній смыслъ, т. е. общее, за одно производимое, дѣло. Подтвержденіе и объясненіе моему предположенію находится, по моему мнѣнію, въ словѣ *складство;* оно не встрѣчалось, сколько мнѣ кажется, въ нашихъ древнихъ актахъ; но у насъ есть слово *складчина*, которое можетъ служить здѣсь достаточнымъ объясненіе-

емъ. *Sklad* и *skladovanje* значитъ по-лужичцки тоже, что складчина: такъ называются тѣ общіе подарки, та складчина свадебныхъ гостей, которая дѣлается для молодыхъ. Складчина есть соединеніе вещей или денегъ, производимое цѣлымъ обществомъ или нѣсколькими людьми. Выраженіе *такіе-то двое, трое* и пр. *сложилось*—для насъ вполнѣ понятно.—Въ настоящемъ случаѣ, въ грамотѣ нашей, я предполагаю то же обстоятельство. Тѣшата и Якимъ сложились между собою и, какъ видно изъ грамоты, это было не одинъ разъ. Чѣмъ сложились они, вещами или деньгами—неизвѣстно; быть можетъ, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Былъ ли это торговый союзъ, былъ ли взятый на общія деньги подрядъ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, такое соединеніе, *складство*, чистою монетою или драгоцѣнными вещами, между ними было; въ грамотѣ, оба они прекращаютъ этотъ союзъ и разсчитываются. Слово *складство*, слѣдовательно, значитъ здѣсь *складъ* или *складчину* капиталами или вещами. Складчина бываетъ между всѣми (цѣлымъ міромъ) или между нѣсколькими лицами, а здѣсь, въ грамотѣ, между двумя. Дочь и жена складчиковъ очевидно составляютъ одну сторону, эта съ отцомъ, а та съ мужемъ.

Выраженіе «*не надобь*» не значитъ только *не долженъ*; оно значитъ вообще: *нѣтъ дѣла такому-то до такого-то*. Въ древнихъ грамотахъ, первое выраженіе часто замѣняется этимъ вторымъ, какъ равносильнымъ. Вотъ примѣръ изъ грамотъ рядныхъ: *не надобь отцу игумену и черпецамъ до попа до Семена, ни до его дѣтей, ни до того, что ловилъ на той ихъ водѣ, и тотъ чистъ отъ попа Семена: также и попу Семену ни до игумна Ивана, ни до черпецовъ, ни до дьякона, ни въ чемъ дѣла нѣтъ* (Юр. Акты, стр. 270). Выраженія *не надобь* и *дѣла нѣтъ* встрѣчаются не въ однѣхъ громатахъ, напечатанныхъ въ Юридич. Актахъ подъ названіемъ рядныхъ.

И такъ, грамота Псковская XIII столѣтія относится къ рядными дѣловымъ, а не къ свадебнымъ, и значитъ слѣдующее:

«Перядилися Тѣшата съ Якимомъ о первой и о второй послѣдней своей складчинѣ. Якимъ взялъ серебро съ дочери Тѣшаты, а Тѣшата можетъ взять свою монисту у жены Якима. И оба они учинили промежъ себя разсчетъ, а больше ни Якиму до Тѣшаты, ни Тѣшатѣ до Якима—дѣла нѣтъ, а на то послуси,» и проч.

Вотъ какъ объясняю я эту замѣчательную грамоту. Если мое объясненіе справедливо, то грамота важна, какъ указаніе на торговлю или другое подобное предпріятіе, производимое не отъ одного лица, а сообща. Впрочемъ здѣсь, *складство*, по смыслу самой грамоты, въ которой говорится и о разсчетѣ, вѣроятно указываетъ на дѣло торговое. При сильномъ дѣйствіи торговли, давно уже въ Русской землѣ начавшемся, въ особенности въ Новгородѣ и Псковѣ, очень можно предположить торговыя компаніи или торговыя товарищества. На это, кажется, намекаетъ Псковская грамота.

Признаюсь откровенно, мнѣ не случилось прочесть замѣчаній г. Погодина; но изъ выноски, сдѣланной г. Савельевымъ на 238 стр., я вижу, что мое мнѣніе согласно съ мнѣніемъ этого почтеннаго ученаго.

Позволяю себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній на мнѣніе Неволина о времени грамотъ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича.

Г. Неволинъ, говоря, что въ первой грамотѣ надобно разумѣть 1228 годъ истекшій, а не продолжающійся, доказываетъ это сравненіемъ съ грамотою Смоленскаго же князя Ѳедора Ростиславича 1284 года. Едва ли это такъ. Въ первой грамотѣ говорится:... *ишлъ былъ отъ Рождества Господня до сего лѣта* 1000 *лѣто и* 200 *лѣто и* 8 *(осьмое) лѣто и* 20. А во второй *ищло было отъ Рождества Господня до сего лѣта* 1000 *лѣтъ и двѣсти лѣтъ и осмьдесять лѣтъ и три лѣта, въ четвертое лѣто*, и т. д. Употребленіе числъ не одинаково. Не говоря уже про то, что въ первой грамотѣ всѣ числительныя—*прилагательныя* (тысячное лѣто и двухсотое лѣто), а во второй всѣ числительныя *существительныя* (позвольте удержать мою терминологію), за исключеніемъ послѣдняго, отдѣляющагося отъ первыхъ,—укажу на единичныя числа. Въ первой говорится *осьмое лѣто*, а во второй *три лѣта*; соотвѣтствія между числами здѣсь быть не можетъ. Вотъ еслибъ было сказано не *три*, а *третье* лѣто, и потомъ: «въ четвертое», тогда другое дѣло: но здѣсь такого соотвѣтствія нѣтъ; здѣсь въ прилагательномъ видѣ употреблено «*четвертое*» и соотвѣтствуетъ, по этому употребленію, «*осьмому*» лѣту первой грамоты, которому соотвѣтствуетъ оно и по смыслу; т. е. первая писана въ 1228, а вторая въ 1284.—Можно замѣ-

тить мимоходомъ, что счисленіе первой грамоты какъ бы переведено съ Нѣмецкаго, ибо 20 поставлено послѣ 8; но переведено не совсѣмъ вѣрно: здѣсь 20 оставлено безъ слова *лѣто*, которое заставило бы произнести *двадцать;* тогда какъ надо бы, по-Нѣмецки, 8 оставить безъ слова *лѣто* и написать оное при 20. Очевидно, что при переводѣ это было перепутано (1).

1853.

(1) Впрочемъ я долженъ прибавить, что въ пользу 1229 года говоритъ выраженіе (и только оно одно): *до сего лѣта.* И такъ сіе лѣто есть 1229; тогда это выходитъ особый оборотъ рѣчи.

ВАРІАНТЪ КЪ СТАТЬѢ: ПО ПОВОДУ VI ТОМА ИСТОРІИ РОССІИ, Г. СОЛОВЬЕВА.

Петръ не мучился и не терзался самъ, какъ Іоаннъ.—Невольно, на основаніи сочувствія Петра къ Іоанну, рисуется сравненіе обоихъ Государей. Замѣчательно сходство въ иныхъ частныхъ проявленіяхъ. Укажемъ на нѣкоторыя.

Іоаннъ вдругъ сдѣлалъ Симеона Бекбулатовича Государемъ всея Россіи, съ титломъ Великаго Князя, самъ назвался Иваномъ Московскимъ, и ходилъ, какъ простой бояринъ. Но вся власть оставалась при немъ: онъ снялъ только съ себя царскую одежду.—Тоже самое сдѣлалъ и Петръ. Онъ облекъ князя Ромодановскаго въ санъ царскій, назвалъ его Кесаремъ, говорилъ ему: «Ваше Величество», и навѣсивъ на него, какъ на вѣшалку, все великолѣпіе царское, оставилъ при себѣ всю власть. Намъ не извѣстно, зналъ ли Петръ о поступкѣ Іоанна. Если нѣтъ, то, въ этомъ случаѣ, особенно замѣчательно такое сочувствіе обоихъ Государей. Какъ объяснить подобный поступокъ? Объяснить, кажется, можно. Здѣсь видимъ полнѣйшее самоощущеніе, слѣдовательно полнѣйшее самонаслажденіе безграничной власти. Окруженный всѣмъ блескомъ, пышностью и великолѣпіемъ, всѣми атрибутами власти, произволъ чувствуетъ свою связь съ этою обстановкою; онъ какъ будто съ нею дѣлитъ свою власть, какъ будто все это величіе нужно ему, какъ будто онъ на него опирается. Для произвола средней руки этотъ-то блескъ и увлекателенъ; но для произвола высшаго разряда этотъ блескъ—помѣха.—И вотъ произволъ откидываетъ все то, что какъ будто дѣлитъ съ нимъ власть, отбрасываетъ весь ореолъ, всѣ атрибуты, все величіе, и оставляетъ при себѣ одну голую власть, безъ примѣси, безъ обстановки, безъ величія,—и онъ чувствуетъ въ тоже время, что она при немъ во всей своей безграничности; здѣсь слышитъ произволъ, власть чистую, настоящую, и конечно наслаждается. Это ощущеніе безграничной власти, во всей ея

чистотѣ, конечно испытывалось и Иваномъ Московскимъ и Петромъ Шкинеромъ. Ко всему тому нераздѣльно примѣшивалось чувство пропіи. Передъ всею велнколѣпною обстановкою, въ лицѣ Великаго Князя Симеона и Кесаря Ромодановскаго, передъ этимъ безсильнымъ изображеніемъ власти—являлась пропія самой власти, лишенной всякого величія, всякого гордаго одѣянія, власти, облекшейся въ образъ подчиненности, но тѣмъ сильнѣе чувствующей всю свою силу и безграничность. Въ Петрѣ это явилось еще рѣзче и сильнѣе, чѣмъ въ Іоаннѣ, какъ и все, въ чемъ сходились они. Что только набрасывалъ Іоаннъ IV, то Петръ доводилъ до полнаго и крайняго проявленія.

Іоаннъ, въ эпоху разгара своихъ страстей, именно тогда, когда задумалъ Опричнину, не взлюбилъ Москвы, не могъ, по крайней мѣрѣ, оставаться въ ней и сдѣлалъ для себя свое мѣстопребываніе въ Александровской Слободѣ, которая была какъ бы столица Опричнины. — И Петръ тоже удалился изъ Москвы и выстроилъ себѣ новый городъ, куда перенесъ свое мѣстопребываніе. Городъ, скажутъ, было нужно построить для удержанія береговъ Балтійскихъ; но Петръ не думалъ этимъ ограничиться; онъ хотѣлъ основать себѣ новую резиденцію, далеко отъ Москвы, на самомъ краю Русскаго Государства. Петербургъ уже при Петрѣ назывался Царствующій Градъ....

Какъ ошибочно, закоренѣлое въ людяхъ несвѣдущихъ, мнѣніе (а вѣдь такихъ людей еще много), что до-Петровская Россія чуждалась просвѣщенія и дичилась Западной Европы, и что только съ Петра явилось стремленіе къ знанію! Пусть они прочтутъ VI томъ Исторіи г. Соловьева—они увидятъ тому совершенно противное. Они увидятъ, что стремленіе къ просвѣщенію, къ заимствованію всего полезнаго отъ Европы, было и до Петра. Но какъ же имъ разстаться съ мыслію, что Петръ—преобразователь Россіи? Пусть успокоятся они. Петръ точно преобразовалъ Россію, но не въ этомъ отношеніи. Чтоже новаго внесло знаменитое преобразованіе, если стремленіе къ просвѣщенію и къ сближенію съ Европою было не ново? О, много! Россія точно была преобразована: связь съ прошедшею исторіею была разорвана; вмѣсто самостоятельности явилась подражательность; Русская одежда была замѣнена иностранною; вмѣсто Русскаго языка стали употреблять Французскій. Прежнее стремленіе *усвоить*

себѣ чужое замѣнилось новымъ стремленіемъ *усвоиться* чужому: стремленіе къ знанію замѣнилось стремленіемъ къ покорному перениманью.... Намъ укажутъ на флотъ, на разработку металловъ, на всѣ прочія полезныя учрежденія, но во всемъ этомъ, то есть во всѣхъ своихъ полезныхъ дѣйствіяхъ, Петръ былъ только продолжателемъ, а во всемъ остальномъ—преобразователемъ.

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРІИ,

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

(Писано для племянницы.)

Тебя зовутъ Ольгой, милая племянница. Знаешь ли ты, что это за имя? чье оно, и кому въ честь ты это имя носишь? Вѣрно не знаешь хорошенько: такъ я тебѣ разскажу:

Прежде всего знаешь ли ты, что мы за народъ? Ты скажешь: мы Русскіе. Правда; но откуда же это слово: Русской; всегда ли мы такъ назывались? Нѣтъ, встарину мы никакъ не назывались, или лучше просто назывались: люди; не правда ли, что такъ и должно? Какое названье человѣку? человѣкъ, и довольно: лучше ужъ не придумаешь. Что же въ человѣкѣ есть такого особеннаго, почему онъ не похожъ ни на звѣрей, ни на какихъ животныхъ. Вижу, что ты догадалась. Человѣкъ *говоритъ*. Вотъ чѣмъ онъ отличается отъ всего, что не человѣкъ. Это замѣтилъ нашъ народъ давно, давно, за тысячи лѣтъ, когда только-только что явился на свѣтѣ; потому мы тогда же назвали себя *Словенами*: это значитъ говорящіе, то есть у которыхъ есть *слово*. И такъ, назвавъ себя Словенами, мы этимъ названіемъ сказали, что мы люди, и въ то же время сказали, что люди—значитъ говорящіе. Выходитъ, стало быть, что мы, Русскіе люди, встарину назывались Словенами. *Слово* и *Слава* близки по смыслу и отъ одного корня; когда вмѣсто *Словене* говорятъ *Славяне*—и то и другое справедливо. Ты слыхала ли на святкахъ подблюдныя пѣсни? Замѣтила ли ты, что въ этихъ пѣсняхъ припѣваютъ: *Слава!* Это старинный припѣвъ, и не даромъ поется: *Слава;* отъ Славы намъ имя.—Я сказалъ, что Слава и Слово вначалѣ одно; потому можно писать Славяне и Словене. Чаще пишутъ Славяне, и я

такъ буду писать, особенно потому, что мы и теперь еще поемъ: Слава!

И такъ, мы Славяне.—Какъ же стали мы называться Русскими? А вотъ какъ:

Назадъ тому тысячу лѣтъ, жили Славяне въ Россіи отдѣльными селами, городами, племенами, и кромѣ своего имени *Славяне*, были у нихъ и прозвища по разнымъ мѣстамъ. Которые жили въ поляхъ около Днѣпра, звались Полянами; которые въ лѣсахъ—Древлянами, которые на рѣкѣ Бугѣ—Бужанами; и много другихъ названій, все больше по мѣстамъ. Одни только тѣ Славяне, которые жили около озера Ильменя и на рѣкѣ Волховѣ, назывались своимъ именемъ—*Славяне*. Такъ ты видишь, что прежде въ Россіи жили Славяне все отдѣльными кучками, по племенамъ. Поляне особо, Древляне особо, Славяне Ильменскіе тоже особо, и всѣ такъ.—Славяне были народъ тихій, кроткій, пахали землю и любили жить мирно. Но другіе не Славянскіе народы имъ мирно жить не давали. Другіе народы любили разбойничать и грабить, нападали на Славянъ врасплохъ, грабили ихъ, и заставляли платить себѣ дань.—Славяне собирались и прогоняли незванныхъ пришельцевъ, и опять начинали жить мирно. Тѣ опять нападали на Славянъ, опять ихъ били, грабили и притѣсняли. Славяне опять собирались, опять прогоняли ихъ.—Ты видишь, что Славянамъ нельзя было жить, какъ они хотѣли, тихо и мирно, по человѣчески или по Славянски. Имъ приходилось бросать свою мирную жизнь, браться за оружіе и прогонять разбойничьи народы, показывая имъ, что у Славянъ есть и храбрость и сила побольше ихъ, и что Славяне любятъ миръ не потому, что они слабы, а потому, что они люди.—Народъ, который нападалъ на Славянъ съ сѣверя, были Варяги, а который съ юга,—то были Козаре. Надоѣла Славянамъ такая тревожная жизнь. И вотъ Славяне Ильменскіе, которые звались своимъ именемъ, — прогнавши Варяговъ за море, стали думать, какъ бы устроить такъ, чтобъ оградить себя отъ враговъ. — Надо тебѣ сказать, что до сихъ поръ Славяне управлялись сами собою, сходились всѣ вмѣстѣ на совѣтъ или на вѣче и вмѣстѣ съ общаго совѣта рѣшали дѣла, точно также какъ крестьяне и теперь сходятся на сходку. Но нельзя было все держать совѣтъ не расходясь, а между тѣмъ надобно было, чтобы кто нибудь безпрестанно занимался дѣлами, и чтобъ не нападали

врасплохъ враги. — Думали Славяне, позвали на совѣтъ другихъ Славянъ, Кривичей, и даже не Славянъ, а народъ другаго происхожденія, называемый Чудь, и наконецъ рѣшились поставить себѣ князя, государя, который бы взялъ на себя всѣ дѣла и управлялъ ими. Однако Славяне не хотѣли разстаться съ своимъ общимъ совѣтомъ или *вѣчемъ*; они знали, что лучшее рѣшенье то, которое всѣ согласно и единогласно примутъ, а потому и удержали свое вѣче. Князь долженъ былъ заниматься дѣлами, пока вѣче не сбиралось, да и то, въ важныхъ случаяхъ, онъ и самъ долженъ былъ созывать вѣче. А когда вѣче сбиралось, оно было важнѣе и выше князя, и могло князя прогнать. И такъ рѣшено было, какъ сказалъ я, на общемъ совѣтѣ поставить себѣ государя. Теперь надо было подумать, откуда его взять. —Славяне видѣли, что государь—это ужъ не ихъ власть, а чужая, и потому, чтобъ не смѣшивать своей власти народной съ властью государевой, рѣшились они призвать государя изъ чужой земли.—Изъ какой же? Рѣшили они призвать себѣ государя изъ *Варяговъ Русскихъ*, которые жили за моремъ. — Какъ видно, это были не тѣ Варяги, которые на нихъ нападали. Рѣшившись такъ поступить, Славяне, Кривичи и Чудь послалиословъ за море къ Русскимъ Варягамъ, и сказали имъ: наша земля велика и обильна, а устройства (т. е. государскаго) въ ней нѣтъ, придите княжить и владѣть у насъ. Тогда три брата изъ Варяговъ Русскихъ пошли къ нимъ съ своими семьями и взяли съ собою еще множество Русскихъ. Пришли они и стали строить крѣпость у Славянъ на берегу Ильменя и назвали Новгородъ; тамъ Рюрикъ и поселился; его братъ Синеусъ поселился въ Изборскѣ, а Труворъ на Бѣлѣозерѣ.—Отъ нихъ-то, отъ этихъ пришельцевъ Русскихъ, и прозвались Славяне, къ которымъ они пришли, Русскими, и земля Славянская прозвалась Русскою землею или Русью.

Братья Рюрика, Синеусъ и Труворъ, скоро умерли и вся власть ихъ перешла къ Рюрику, и Рюрикъ сталъ одинъ княземъ. Видно однако, что дѣло у князя съ народомъ Славянскимъ не очень-то шло ладно; видно, что Рюрикъ притѣснялъ Славянъ. Новогородцы, — такъ стали называться Ильменскіе Славяне по своему городу Новгороду,—Новогородцы не стерпѣли притѣсне-

ній и поднялись на Рюрика. Но Рюрикъ убилъ Новогородца Вадима храбраго, и ему удалось какъ-то удержаться.

Надо тебѣ еще сказать, что у Рюрика было, между другими, два съ нимъ пришедшихъ военачальника: Аскольдъ и Диръ; они съ воинами своими или съ дружиною своею пошли изъ Новгорода на югъ и пришли къ Полянамъ (тоже Славянамъ, какъ ты помнишь); у этихъ Полянъ былъ городъ Кіевъ: говорятъ, построили его три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, и назвали построенный городъ въ честь своего старшаго: *городъ Кіевъ*. У нихъ была еще сестра Лыбедь, т. е. *Лебедь*. Это было еще прежде прихода Аскольда и Дира въ Кіевъ; въ это же время Поляне платили дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ предложили Кіевлянамъ,— такъ стали прозываться Поляне, по городу,— прогнать Козаръ. Кіевляне на это охотно согласились. Козаръ прогнали, и Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ княжить. Я еще не говорилъ тебѣ, что какъ Славяне, такъ и Варяги и многіе другіе народы тогда не знали еще истиннаго Бога и не были Христіане. А Греки въ это время давно ужъ были Христіане. Аскольдъ и Диръ родомъ были Варяги Русскіе; они любили войну и любили добычу, т. е. любили обогащаться на войнѣ и брать дань.—Они собрались вмѣстѣ съ своей дружиной и съ Полянами, и пошли на Грековъ, на Царьградъ или Константинополь; пошли они моремъ, дошли въ лодкахъ до самаго Цареграда. Тогда весь народъ Греческій сталъ молиться Богу о спасеніи и Патріархъ вынесъ на берегъ ризу Божіей Матери и опустилъ въ море. Какъ онъ только опустилъ, такъ сейчасъ поднялась буря на морѣ и раскидала всѣ Русскія лодки. Аскольдъ и Диръ насилу спаслись; они поняли тогда, что истинный Богъ есть Богъ Христіанскій и крестились. Потомъ стали они въ Кіевѣ княжить по прежнему.

Рюрикъ умеръ; послѣ него остался маленькій сынъ Игорь. Рюрикъ поручилъ и сына и власть свою родственнику своему Олегу.—Олегъ не долго ужился съ Новогородцами. Вѣрно они были недовольны, попросили его оставить ихъ. Разставались они однакожъ безъ ссоры; какъ видно, дѣло у нихъ уладилось мирно: князь оставлялъ Новгородъ, а Новгородцы соглашались платить ему за то дань, 300 гривенъ на лѣто. Олегъ забралъ всю свою дружину, земляковъ своихъ, Русскихъ Варяговъ, собралъ большое войско, въ которомъ были и Славяне, взялъ съ собою Иго-

ря и вышелъ изъ Новгорода. Олегъ двинулся на югъ, какъ видно съ тѣмъ, чтобъ найдти какой-нибудь городъ, занять его и поселиться тамъ и властвовать. Такимъ образомъ призванная Русь вышла изъ Новгорода, и вмѣстѣ съ нею сошло съ Новгорода и со всей сѣверной страны Славянской названіе Руси. Олегъ понесъ это названье съ собою на югъ.

Дошелъ Олегъ до Кіева и узналъ, что въ немъ княжатъ Аскольдъ и Диръ. Захотѣлось ему овладѣть Кіевомъ, и онъ для этого пустился на хитрость. Приплывъ въ ладьѣ къ Кіеву, онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: я купецъ, иду отъ Рюрика и отъ княжича Игоря; приходите къ намъ, къ своимъ землякамъ. Аскольдъ и Диръ повѣрили и пришли; но вдругъ выскочили воины изъ лодки и окружили ихъ; тогда вынесли Игоря на рукахъ.—Вы не князья, сказалъ Олегъ Аскольду и Диру, и не княжаго рода, а я княжаго рода, и вотъ сынъ Рюриковъ; говоря это, Олегъ указалъ на Игоря. Аскольда и Дира убили, а Олегъ занялъ Кіевъ. Кіевляне, равнодушные къ князьямъ своимъ, приняли Олега добровольно, видя, что противъ нихъ онъ зла не имѣетъ. Худо поступилъ Олегъ, милая племянница, но онъ не зналъ истиннаго Бога и не былъ Христіанинъ. Онъ поселился въ Кіевѣ. Олегу Кіевъ очень полюбился. Онъ сказалъ про Кіевъ: это мать Русскимъ городамъ. Изъ Кіева Олегъ ходилъ съ войскомъ къ сосѣднимъ племенамъ Славянскимъ, изъ которыхъ нѣкоторые платили дань Козарамъ, прогналъ Козаръ и говорилъ Славянамъ: лучше мнѣ платите дань, я не врагъ вамъ. Славяне соглашались и признавали Олега великимъ княземъ, потому что у нихъ были князья, которые соглашались быть *подъ рукою Олега*.

Игорь, между тѣмъ, выросъ и сталъ большой; однажды, на охотѣ, около города Пскова встрѣтилъ онъ молодую дѣвушку Славянку: она ему очень понравилась и онъ захотѣлъ на ней жениться. Олегъ согласился, и молодая Псковитянка въ честь Олега была названа: *Ольга*.

Черезъ четыре года послѣ этого задумалъ Олегъ идти на Грековъ, собралъ огромное войско и пошелъ на Царьградъ, и моремъ и по берегу. Дошедши до Царьграда, велѣлъ онъ вытащить лодки на берегъ и придѣлать къ нимъ колеса. Подулъ попутный

вѣтеръ и лодки пошли на колесахъ къ Царьгороду по землѣ. Греки пришли въ ужасъ и послали сказать Олегу, чтобъ онъ не губилъ города: будемъ платить тебѣ дань, какую хочешь. Олегъ согласился и отступилъ не далеко отъ города. Начались переговоры, и Греки согласились на все, чего Олегъ хотѣлъ, и заплатили огромную дань.—Олегъ повѣсилъ свой щитъ на воротахъ Цареградскихъ въ знакъ побѣды, и пошелъ назадъ въ Русскую землю и пришелъ къ Кіеву, везя съ собой множество золота, шелковыхъ тканей, и винъ и плодовъ и всякихъ украшеній. Народъ дивился и прозвалъ Олега *вѣщимъ*.... Заключенъ былъ съ Греками мирный договоръ.

Олегъ продолжалъ княжить со славою. Надо тебѣ сказать, что еще прежде спрашивалъ Олегъ кудесниковъ или волхвовъ, т. е. волшебника, ворожею, который умѣлъ отгадывать: отъ чего ему умереть? Одинъ кудесникъ отвѣчалъ ему: Князь! конь твой, котораго ты любишь и на которомъ ѣздишь,—отъ него тебѣ умереть. Олегъ подумалъ и сказалъ: если такъ, то никогда на него не сяду, и больше и видѣть его не хочу. Онъ велѣлъ взять коня, кормить его и не выводить къ нему. Прошло нѣсколько лѣтъ. Олегъ пошелъ на Грековъ походомъ, какъ я разсказалъ, и воротился со славою въ Кіевъ; прошло еще четыре года, и Олегъ вспомнилъ про своего коня и призвалъ главнаго конюха. Гдѣ конь мой? спросилъ онъ его. Конь твой умеръ, отвѣчалъ конюхъ. Олегъ посмѣялся и сказалъ: не право говорятъ кудесники и ложь всѣ слова ихъ; конь умеръ, а я живъ. И велѣлъ Олегъ осѣдлать себѣ коня: хочу видѣть кости его, сказалъ онъ и поѣхалъ. Онъ пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали гнилыя кости его любимаго коня. Олегъ слѣзъ съ сѣдла и смѣясь сказалъ: отъ этого ли лба мнѣ умереть, сказалъ и ступилъ ногою на лобъ; въ это время выползла оттуда змѣя и ужалила его въ ногу. Олегъ сдѣлался боленъ, отъ того и умеръ.

Игорь сталъ княжить послѣ Олега. Древляне поднялись на него войною, но Игорь побѣдилъ ихъ и обложилъ данью больше прежней.—При Игорѣ появились Печенѣги, дикой народъ, Азіатскаго племени. Сперва они заключили миръ съ Игоремъ, а потомъ онъ принужденъ былъ воевать съ ними. Спустя довольно времени Игорь пошелъ на Грековъ. Жестоко поступали тогда невѣрные Русскіе въ землѣ Греческой, и Богъ наказалъ ихъ. Гре-

ческое войско окружило ихъ, и послѣ долгой и упорной битвы Греки побѣдили. Русскіе бросились въ лодки и поплыли назадъ; но Греки встрѣтили ихъ и на морѣ съ огнемъ, который только Греки умѣли составлять. Этотъ огонь стали они пускать на Русскія лодки, и много Русскихъ погибло, а другіе едва вернулись домой. Но спустя года два-три Игорь опять собралъ большое войско, нанялъ Печенѣговъ и опять пошелъ на Грековъ, и въ ладьяхъ и на коняхъ. Услыхавъ объ этомъ, Корсунцы, т. е. Херсонцы (городъ Херсонъ теперь нашъ, а тогда былъ Греческій), послали къ Императору, царю Греческому, Роману сказать: идутъ Русскіе, пѣтъ числа имъ, корабли море покрыли. Болгаре тоже послали вѣсть Грекамъ: идутъ Русскіе и наняли себѣ Печенѣговъ. Тогда Царь Греческій послалъ къ Игорю сказать, что онъ готовъ дать ему дань такую, какъ Олегу, даже больше. Игорь созвалъ свою дружину и сказалъ имъ рѣчь царя. Если такъ говоритъ царь, сказала дружина, такъ чего же намъ лучше: не бившись взять золото, серебро и шелковыя ткани. Какъ знать, кто одолѣетъ: мы ли, они ли; кто съ моремъ въ совѣтѣ? Не на землѣ ходимъ, а по глубинѣ морской: тутъ всѣмъ общая смерть.—Игорь послушалъ дружины, взялъ у Грековъ золото и шелковыя ткани на все войско и воротился въ Кіевъ; въ слѣдующій же годъ заключенъ у Русскихъ съ Греками мирный договоръ.

Дружина Игорева видно недовольна была своею добычею, она сказала Игорю: Свѣнельдовы (Свѣнельдъ былъ одинъ изъ воеводъ Игоревыхъ) воины одѣлись и оружіемъ и платьемъ, а мы наги. Пойдемъ, князь, съ нами за данью, и ты добудешь, и мы. Игорь послушалъ и пошелъ къ Древлянамъ за данью, насильно сбирая съ нихъ лишнюю дань. Собравши дань, пошли они въ свой городъ; возвращаясь, Игорь раздумалъ и сказалъ своей дружинѣ: ступайте съ данью домой, а я пойду назадъ, еще посбираю. Отпустивъ дружину, Игорь съ малымъ числомъ воиновъ возвратился къ Древлянамъ, желая добыть еще больше. Услыхали Древляне, и посовѣтовавшись съ княземъ своимъ Маломъ, сказали: если волкъ повадится ходить въ стадо, то все стадо перетаскаетъ, пока не убьютъ его; такъ и этотъ: если его не убьемъ, то онъ всѣхъ насъ погубитъ.—Что идешь къ намъ? послали сказать Игорю Древляне; ты взялъ всю дань. Игорь не послушалъ ихъ.

Древляне вышли изъ города Искоростеня и убили Игоря и дружину его. Жена его Ольга была въ Кіевѣ съ маленькимъ сыномъ Святославомъ.—Древляне сказали: мы убили Русскаго (т. е. Кіевскаго) князя; выдадимъ его жену Ольгу за нашего князя Мала замужъ, и возьмемъ и Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ что намъ будетъ угодно.—Рѣшивъ такъ поступить, Древляне выбрали почетныхъ людей числомъ 20 и отправили на лодкѣ по Днѣпру въ Кіевъ къ Ольгѣ.—Сказали Ольгѣ, что пришли Древляне. Ольга позвала ихъ: добрые ли пришли гости? сказала имъ Ольга. Да, княгиня, отвѣчали Древляне. Скажите, для чего пришли вы сюда? спросила ихъ Ольга. Древляне сказали: насъ прислала Древлянская земля съ такими словами: мы убили твоего мужа, ибо твой мужъ былъ какъ волкъ, все грабилъ и отнималъ у насъ, а наши князья добрые, они устроили Древлянскую землю. Пойди замужъ за нашего князя Мала.—Люба мнѣ рѣчь ваша, сказала Ольга; мужа своего ужъ мнѣ не воскресить, но я хочу васъ почтить завтра передъ своими людьми, а теперь ступайте въ свою ладью и гордо ляжьте въ ней; я завтра пошлю за вами, а вы скажите: не идемъ на коняхъ и пѣшіе не идемъ, несите насъ въ ладьѣ; васъ и понесутъ.—Древляне ушли.—Худыя были тогда времена, милая племянница, люди жестоко поступали другъ съ другомъ, мстили, врагамъ не прощали. Слова Ольги были только хитростью. Хорошо, что она любила своего мужа, но она ужасно за него отмстила. Древляне не догадались, что она хитритъ съ ними. На другой день пришли Кіевляне къ посламъ Древлянскимъ, говоря: Ольга зоветъ васъ на великую честь. Послы Древлянскіе сказали: не идемъ ни на коняхъ, ни на повозкахъ и пѣшіе не идемъ, несите насъ въ ладьѣ. Дѣлать нечего, отвѣчали Кіевляне, нашъ князь убитъ, а княгиня хочетъ идти за мужъ за вашего князя, и понесли ихъ въ ладьяхъ. На дворѣ Ольги была выкопана огромная яма. Кіевляне бросили туда пословъ съ ладьею. Ольга велѣла убить ихъ.—Ольгѣ было мало этого; она послала Древлянамъ сказать: если вы точно просите меня, то пришлите самыхъ знатныхъ людей, пусть приду я въ великой чести къ вамъ замужъ за вашего Князя, а то Кіевляне меня не пустятъ. Древляне послушались, выбрали лучшихъ мужей, которые управляли Древлянскою землею, и послали къ Ольгѣ. И эти послы были убиты.—Ольга опять послала къ Древлянамъ сказать: те-

перь я иду къ вамъ; устройте пиръ большой, приготовьте меду въ томъ городѣ, гдѣ вы убили моего мужа, чтобъ я могла поплакать на его могилѣ и сотворить тризну своему мужу.—Древляне приготовили пиръ, наварили меду. Ольга, взявъ немного дружины, скоро пришла къ Древлянамъ, плакала на могилѣ своего мужа, велѣла своимъ людямъ насыпать высокую могилу и потомъ сотворила тризну. Послѣ того сѣли Древляне пировать и пить, а своимъ вошамъ Ольга велѣла прислуживать Древлянамъ. Древляне спросили однако: гдѣ дружина наша, которую мы посылали за тобою? Идутъ вслѣдъ за мною съ дружиной мужа моего. Когда Древляне упились медомъ, Ольга отошла въ сторону и велѣла своей дружинѣ рубить Древлянъ. Ихъ изрубили множество. Ольга воротилась въ Кіевъ и собрала войско противъ Древлянъ.

Собравъ войско, Ольга съ маленькимъ сыномъ своимъ Святославомъ пошла противъ Древлянъ. Древлянское войско вышло имъ на встрѣчу; когда сошлись полки между собою, маленькій Святославъ бросилъ копье въ Древлянъ, копье пролетѣло сквозь уши лошади и ударилось ей въ ноги. Свѣнельдъ и Асмолдъ военачальники Игоревы крикнули: князь уже началъ; дружина! за князем! И Кіевляне ударили на Древлянъ, побѣдили ихъ и обратили въ бѣгство. Древляне затворились въ своихъ городахъ. Ольга устремилась къ Искоростеню, ибо Искоростенцы убили ея мужа, и стала около города съ сыномъ своимъ. Древляне Искоростенскіе, зная, что сами убили князя, зная, что ждетъ ихъ, если предадутся, крѣпко оборонялись изъ города. Цѣлое лѣто прошло, а Ольга не могла взять города, и придумала поступить такимъ образомъ: она послала въ городъ сказать жителямъ: до чего вы хотите досидѣть? всѣ ваши города мнѣ передались сами, согласились платить дань, обработываютъ свои нивы и землю. А вы хотите измереть отъ голода, не соглашаясь на дань.—Древляне сказали: мы бы рады согласиться на дань, но ты хочешь мстить за своего мужа. Ольга отвѣчала: я ужъ мстила за обиду мужа своего два раза, когда ко мнѣ приходили въ Кіевъ Древлянскіе послы, а въ третій разъ, когда творила своему мужу тризну; теперь ужъ не хочу мстить, но хочу брать съ васъ дань по малу: умирясь съ вами, пойду назадъ.—Древляне сказали: чего хочешь отъ насъ, рады дать тебѣ медомъ и мѣхами. Ольга отвѣ-

чала: теперь нѣтъ у васъ ни меду, ни мѣховъ; но я прошу у васъ малаго: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья. Я не хочу налагать на васъ тяжкой дани, какъ мой мужъ; ибо вы изнемогли въ осадѣ. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

РАЗНЫЯ ОТДѢЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ (1).

Отечество—слово искусственное; *родина (отчизна)* вовсе не значила того, что значитъ теперь. Слово *patria* нѣтъ на Русскомъ языкѣ: просто говорилось *Русская земля. земля своя, Святая Русь*. Доказательства не родоваго быта.

—

Русская Исторія имѣетъ значеніе Всемірной Исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія Святыхъ.

—

Государство не есть проповѣдникъ истины. Западъ потому и развилъ законность, что чувствовалъ въ себѣ недостатокъ внутренней правды. — Пріѣхавъ въ Россію, гдѣ нѣтъ такой законности, ибо есть другое начало, иностранецъ являлся во всей своей дикой натурѣ, ибо внутреннихъ преградъ для него нѣтъ, или мало. Цѣль Государства—сдѣлать не нужною совѣсть.

—

Просвѣщенный міръ едва ли представлялъ что-либо подобное тому легкомыслію, съ которымъ отзываются у насъ о древней Россіи. Въ этомъ легкомысліи много дѣтскаго, много желанія *казаться большими*, къ которому такъ склонны дѣти, не замѣчая, что въ эту минуту они всего болѣе дѣти. Это осужденіе, это пренебреженіе къ древней Россіи весьма похоже также на чувство мѣщанина во дворянствѣ. Конечно, это не просвѣщеніе; этото полупросвѣщеніе, которое научаетъ только поднимать голову надъ всѣмъ, что кажется не просвѣщеннымъ. Похвалить древнюю Русь, — признать ее значеніе для себя — боятся какъ mauvais genre. Это все равно, что человѣкъ, вышедшій въ люди, вступившій въ родство съ дворянскою знатью и стыдящійся сво-

(1) Онѣ писаны въ разное время, иногда въ записныхъ книжкахъ, иногда на отдѣльныхъ лоскутахъ бумаги, иногда на поляхъ рукописей. *Ир. ред.*

его семейства, а на повѣрку выйдетъ, можетъ-быть, что эта послѣдняя среда всего выше. Какъ видно, что мы недавно надѣли европейскій фракъ; видно, что мы еще не наглядѣлись на него, и какъ страненъ и противенъ кажется намъ зипунъ!

—

Правительство должно опасаться рабскаго чувства къ себѣ по крайней мѣрѣ столько же, сколько и вольнодумства.

—

У насъ не было завоеванія. Петръ произвелъ искусственное завоеваніе, поставилъ отношенія завоевателей къ завоеваннымъ. Петръ обратилъ вниманіе на кору, на наружность, но не въ томъ сила, крѣпка ли кора, а въ томъ сила, здорова ли сердцевина.

—

Петрово преобразованіе полезно развѣ, какъ прививтіе осны.

—

Колесо Русской Исторіи оборачивается въ 150 лѣтъ.

—

Холопями назывались дворовые люди относительно помѣщиковъ и служилые люди (бояре и пр.) относительно Государя. Крестьяне, купцы (народъ, земля) холопями не назывались.— Переворотъ удался и потому, что Земля сама по себѣ мирна и безоружна; отдѣлившись рѣшительно отъ Государства, она должна была уступить ему, и великая уже ея побѣда въ томъ, что она сохранилась сама, какъ есть, но она можетъ побѣдить вполнѣ.

—

Москва вырабатываетъ Русскую мысль.

—

Въ Новгородѣ не было смертной казни. Киданіе въ Волховъ и умерщвленіе оставалось всегда только убійствомъ, и хотя оно совершалось народомъ, но всегда какъ вещь случайная, а не положенная закономъ.

—

Замѣчательно очень, что крестьянинъ, не имѣя собственности, часто продаетъ свой участокъ. Онъ говоритъ: *земля моего владѣнья*. Здѣсь продаетъ онъ не собственность, а только право своего владѣнія, свое мѣсто, свое положеніе въ общинѣ, и отноше-

ніе къ землѣ; онъ передаетъ за деньги свое право, какъ можно передать подрядъ и проч. Частной собственности нѣтъ.

—

Замѣчательно, что, при своей осѣдлости съ одной стороны, Русская община имѣла въ себѣ много элементовъ подвижности. Это доказывается многимъ, между прочимъ и допущеніемъ вотчинниковъ переводить крестьянъ. Это показываетъ право на землю не только общины, но и человѣка: послѣднее въ извѣстномъ смыслѣ, но не въ смыслѣ частной собственности. Это право не становилось частнымъ и неподвижнымъ. Лицо не дѣлалось необходимо, Семенъ, Петръ, и пр., все равно, а земля необходима, именно такая-то, съ лѣскомъ на право и съ рѣчкою на лѣво. Человѣкъ не могъ быть безъ земли, а какой именно человѣкъ живетъ на этой землѣ, и какая именно земля принадлежитъ этому человѣку, это вовсе не входило въ непремѣнное отношеніе. Общинѣ не было вовсе дѣла, если кто-нибудь изъ ея лицъ продавалъ свой жеребій, т. е. продавалъ свое мѣсто въ общинѣ, и община, проснувшись по утру, вдругъ вмѣсто Семена видѣла Петра, выѣзжающаго на работу. Еслибъ здѣсь не было понятіе о продажѣ, передачѣ *права*, какимъ бы образомъ помѣщикъ могъ продавать свое помѣстье? Такъ и помѣщикъ могъ переводить крестьянъ: крестьяне не могли быть безъ земли, земли онъ лишить ихъ не могъ, — а какой именно — это не входило въ разсчетъ; переводъ крестьянъ помѣщикомъ былъ, конечно, ограниченъ волею крестьянской общины. — Одни, и то не вполнѣ, были безземельные крестьяне, — это крестьяне переходные. Въ нихъ перемѣна мѣстности является исключительно и невольно; если онъ могъ переходить, то не могъ остаться на мѣстѣ, когда бы и хотѣлъ. Но укрѣпленіе дало имъ эту возможность, это право, и не болѣе, какъ мы думаемъ.

—

Устройство государственное было извѣстно всему народу, пріобрѣталось не черезъ училище и преподаваніе профессоровъ, но принадлежало къ общенародному вѣденію. *Пословъ ни стькутъ, ни рубятъ*. Эта пословица, выражая постановленіе государственное, выражала въ тоже время взглядъ народа, собственный взглядъ, которому такъ вѣренъ оставался онъ, по признанію самихъ По-

ляковъ, въ часы возстанія противъ Лжедимитрія. Иное перешло въ игры. Такъ: «*безъ соли—съ солью*» указывало на таможенное положеніе. Такъ наконецъ дѣтская игра: *тіунъ намъ не судья, намъ судья владыка*» (1) указываетъ какъ на общее народное вѣденіе учрежденій и законовъ, такъ въ особенности на то, что это знали сами дѣти. Дѣти, зная права свои, составляли сами какъ бы общину; они могли сказать и почти говорили: *мы, дѣти*, не подлежимъ гражданскому суду, а суду владыки.

Вообще замѣчательно значеніе игръ народныхъ. Все то, что является въ жизни, какъ важное дѣло и трудъ, все это игры для дѣтей. Въ дѣтскомъ возрастѣ дѣти уже сближаются и съ грядущими трудами и со всѣмъ порядкомъ общественнымъ. Теряя свою тяжесть, все это обращается въ игру для ребячьяго возраста. Мы уже указали на одну игру. Земледѣльческія работы: *макъ*, *рѣдька* и др., относятся къ такимъ же играмъ.

Къ пословицамъ, отражающимъ въ себѣ вѣденіе государственнаго устройства, относятся, между прочимъ: *гдѣ рука, тамъ и голова; что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Впередъ не забѣгай, сзади не отставай.*

—

Говорятъ: какой же результатъ великой эпохи междуцарствія? А Земскія Думы? Ихъ значеніе мы легко принимаемъ. Онѣ имѣли значеніе огромное, въ особенности послѣ эпохи междуцарствія; до того было всего двѣ Земскія Думы: тутъ же онѣ идутъ почти непрерывно.

—

Замѣчательно, какъ съ одной стороны народъ ставитъ высоко *міръ*, совѣтъ и пр., — какъ высшее выраженіе ума и жизни вообще; съ другой видитъ въ собраніи людей—*множество* людей, толпу, и въ ней силу стихійную, которая неразумна, почему толпа и можетъ двигаться съ силою, невольно все и всѣхъ увлекающею и часто увлекаемою незнаніемъ. *Міръ судитъ Богъ*, говоритъ народъ, и въ тоже время: *міръ силенъ какъ вода, а глупъ какъ дитя. Міръ уменъ. Міръ глупъ.*

—

(1) См. Москов. Сборникъ 1852 г., статью А. С. Хомякова: „Примѣчаніе къ Русскимъ пѣснямъ."

Личность въ Русской общинѣ не подавлена; она только лишена своего буйства, эгоизма, исключительности; пословица говоритъ: *одинъ въ полѣ не воинъ, одному и у каши не споро;* и потомъ: *что головъ, то и умовъ; свой умъ въ головѣ.* Личность поглощена въ общинѣ только эгоистическою стороною, но свободна въ ней, какъ въ хорѣ.

Хоровое чувство земли. Личность какъ фальшивая нота въ хорѣ.

—

Священное значеніе дѣвы изъ самаго имени и другихъ преданій. Судъ Любуши. Въ нашихъ пѣсняхъ дѣвушка гадаетъ. Также изъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ. Также нѣтъ насмѣшки надъ старыми дѣвушками. Также *вѣковыя дѣвушки* (1).

—

Петербургъ забавенъ съ своимъ патріотизмомъ. Видно, что это дѣло для него вновь, и какъ всегда бываетъ съ иностранцемъ, желающимъ показать, что онъ Русской, Петербургъ пересаливаетъ. Забавнѣе всего, что Петербургъ упрекаетъ Москву въ недостаткѣ патріотизма. Да у насъ и вовсе нѣтъ того патріотизма, какой у него. Но разница въ томъ, что Москва Русской городъ, городъ народный, которому и въ голову не придетъ доказывать свой руссицизмъ. Да за нее громко говоритъ исторія и народъ Русской. О Sanctpetersbürger'цы! вспомните ваше имя, добровольно вамъ данное и посмотрите, не утверждаетъ ли вашъ патріотизмъ за вами значеніе не Русскаго города?—Петербургъ съ своимъ патріотизмомъ напоминаетъ мнѣ одного Нѣмца, съ которымъ встрѣтился я въ Швейцаріи. Этотъ Нѣмецъ былъ изъ Россіи и Русской подданный: узнавъ, что я Русской, онъ заговорилъ со мною ломанымъ Русскимъ языкомъ и требовалъ, чтобъ я прочелъ Русскіе стихи. Смотря съ любопытствомъ на этотъ Русской патріотизмъ Нѣмца, я прочелъ ему что-то изъ Пушкина. Но Нѣмецъ былъ очень недоволенъ; онъ непремѣнно требовалъ, чтобъ я прочелъ ему такіе стихи, гдѣ есть *голубушка* и *матушка*, и

(1) Вѣковыми дѣвушками называются въ нашемъ народѣ тѣ дѣвушки, которыя обрекаютъ себя на незамужество, садятся на вѣкъ и посвящаютъ себя или ученію дѣтей грамотѣ (какъ въ нѣкоторыхъ селахъ Владимірской губерніи), или уходу за больными, или другимъ благочестивымъ занятіямъ. Это родъ свѣтскаго монашества. Онѣ очень уважаются народомъ. *Пр. изд.*

конечно, за мой выборъ Пушкина, обвинилъ меня въ недостаткѣ патріотизма. Но это былъ по крайней мѣрѣ Нѣмецъ; а Петербургъ не Русской, и даже не Нѣмецъ, а иностранецъ *вообще*.

—

Въ западныхъ народахъ, на всѣхъ проявленіяхъ общественности, лежитъ печать государственности; нѣтъ простоты жизни, нѣтъ свободы. Вездѣ внѣшнее, условное, искусственное. Митинги, обѣды, общества, собранія,—все условно, все не имѣетъ истинной общественности.

—

Русской народъ не есть народъ; это человѣчество; народомъ является онъ отъ того, что обставленъ народами съ исключительно народнымъ смысломъ, и человѣчество является въ немъ потому народностью. Русской народъ свободенъ, не имѣетъ въ себѣ государственнаго внѣшняго элемента, не имѣетъ въ себѣ ничего условнаго; даже нѣтъ условнаго восклицанія, восклицанія привѣта или восторга.

—

Новгородъ какъ бы остался на моментѣ призванія. Онъ отдѣлялъ себя отъ Русской земли и иначе относился къ Рюрикову роду. Татары тоже не были для него тѣмъ, чѣмъ для остальной Россіи. На Татаръ онъ смотрѣлъ почти какъ на Половцевъ. Новгородъ какъ бы и не замѣтилъ, что между тѣмъ княженія изчезли, вся остальная Русь сплотилась въ одно цѣлое, и въ величавой силѣ явилась передъ нимъ. — Постепенности этого перехода, этого сплоченія Новгородъ не зналъ, не принималъ въ ней участія. Новгородъ, отдѣляя себя, хотѣлъ однакоже, кажется, сохранить свой союзъ съ Русью.

—

Все значеніе Москвы — это единство, совокупленіе, цѣлость Руси,—значеніе Москвы есть *значеніе всея Руси*. Отсюда многое и все существенное объясняется.

—

Смыслъ общій Русскаго человѣка—*свобода*, свобода истинная, и отсутствіе условности всюду.—Придется при этомъ разстаться со многими красивыми пріемами и заманчивыми штучками свободы внѣшней, политической.

—

Въ Русской землѣ (народѣ) единство во всѣхъ ея проявленіяхъ; всюду проводится тоже начало и тотъ же образъ: языкъ, одежда, общественное устройство, пѣсня (содержаніе), музыка (напѣвъ), поэтическая рѣчь (стихъ), сказка, пословица, шутка, обычаи, пляска, — однимъ словомъ все проникнуто тѣмъ же духомъ. Чрезвычайно замѣчательны обычаи, гдѣ вся жизнь, не переходя въ міръ искусства, а оставаясь вполнѣ жизнью, проникается духовнымъ свѣтомъ и мыслію, гдѣ слово также просвѣтлено и становится поэтическимъ. Всѣ разговоры, всѣ дѣйствія, все проникнуто значеніемъ высокимъ, внутреннимъ смысломъ жизни.

—

Бралось за безчестье, и съ одного болѣе, съ другаго менѣе. Это, впрочемъ, объясняется. Личное оскорбленіе—такое дѣло, которое въ языческомъ государствѣ предоставляется личной мести. Въ государствѣ Христіанскомъ — это подвигъ личнаго прощенія (при искаженіи понятія это иное). Поэтому государство въ эти дѣла не мѣшалось. Какъ же скоро обиженный отвергалъ личный путь и относился къ суду государственному, что было государству дѣлать? Въ личное положеніе оскорбленнаго оно стать не можетъ, не можетъ сдѣлать его дѣло своимъ дѣломъ, да и вообще личнаго оскорбленія для государства нѣтъ. Если обиженный отвергъ личный путь примиренія, то государство не можетъ за него обидѣться, а должно взвѣсить и цѣнить его обиду, какъ другое нарушеніе порядка. Это не значитъ, чтобъ въ этомъ постановленіи была оцѣнка *настоящая* личной обиды. Деньгами она не цѣнится; это само собой разумѣется: для личной обиды и путь личный. Какъ же скоро этотъ путь отвергнутъ, какъ скоро это доведено до свѣденія государства, то государство цѣнитъ обиду уже не съ личной точки зрѣнія, а какъ нарушеніе порядка, и кладетъ денежную пеню. При раскладкѣ пени, оно также смотритъ не на личное достоинство лица; это не его судъ и до этого оно касаться смѣть не должно, не должно сдѣлать себя офиціальнымъ оцѣнщикомъ душевнаго человѣка. Оно смотритъ на то, какое мѣсто занимаетъ обиженный въ разпорядкѣ государственномъ, и наказывая какъ оскорбленіе не личное, а съ точки зрѣнія государственной, оно не равную полагаетъ за то пеню.

Въ этомъ случаѣ смотритъ оно на государственное отношеніе лицъ между собою, и по тому соразмѣряетъ наказаніе.

—

Система пошлинъ, столь многообразная въ Россіи, столь подробная, прямо указываетъ: 1) на финансовыя отношенія власти съ одной стороны, 2) съ другой стороны на то именно, что не было произвола во взиманіи государственныхъ доходовъ, но вездѣ нуженъ былъ предлогъ, нужно было *извиненіе* при сборѣ денегъ. Къ тому же сборъ денегъ, подверженный мелкимъ оттѣнкамъ, могъ быть наиболѣе справедливъ. Если даже тутъ были придирки, крючки, то даже это самое показываетъ, что не было отношенія произвольнаго, при которомъ крючки и придирки не нужны. Древній крестьянинъ платилъ пошлины своему господину съ суда и пр.; но это самое и показываетъ, что отношенія не были произвольны. Теперь помѣщикъ не нуждается въ пошлинахъ; онъ увѣренъ, что и крестьянинъ и все крестьянское—его; если онъ не беретъ, то по той случайности, что онъ добръ, что онъ не хочетъ.

—

Прежде было наружное, формальное униженіе; со времени Петра оно сдѣлалось внутреннимъ. *Холопъ* древнихъ временъ—*мизерный-шій рабъ* Петрова времени. Просто, безъ всякого внутренняго значенія говорилось первое; это только безстрастная форма. Во второмъ видно, что человѣкъ получилъ вкусъ въ униженіи, смакуетъ его; самое иностранное слово доказываетъ это; теперь тутъ душа.

—

Крестьянинъ въ народѣ уменъ. умомъ народнымъ. По этому всякой человѣкъ въ народѣ, глупъ онъ или нѣтъ, имѣетъ значеніе и голосъ: глупаго человѣка при народной жизни быть не можетъ.

—

Мы какъ Евреи, видѣвшіе Египетъ; Палестины мы не увидимъ; но благо, если мы выйдемъ изъ Египта и освободимся отъ Египетской работы, заданной намъ Западомъ!

Конецъ I-го тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

I. СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ.

	стр.
1. Объ основныхъ началахъ Русской исторіи . . .	1
2. О томъ же	7
3. О Русской исторіи.	17
4. Родовое или общественное явленіе былъ Изгой . .	27
5. По поводу I тома Исторіи Россіи г. Соловьева . .	39
6. О древнемъ бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности	59
7. По поводу VI тома Исторіи Россіи г. Соловьева. .	125
8. Замѣчанія на статью г. Соловьева: «Шлецеръ и антиисторическое направленіе	173
9. По поводу той же статьи г. Соловьева.	214
10. По поводу VII тома Исторіи Россіи г. Соловьева .	217
11. По поводу VIII тома Исторіи Россіи г. Соловьева.	255
12. Краткій историческій очеркъ Земскихъ Соборовъ .	291

II. ЧАСТНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

О древнихъ вѣрованіяхъ, преданіяхъ, обычаяхъ и о богатырскомъ циклѣ Русскаго народа:

1. О древнемъ бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности, на основаніи обычаевъ, преданій и пѣсенъ (язычество; о бракѣ; разбросанныя замѣтки; по поводу Лужицкихъ пѣсенъ)	311
2. Замѣчанія на статью г. Шепкина: Купала и Коляда.	325

3. О богатыряхъ временъ Владиміра по Русскимъ пѣснямъ 331
4. О различіи между сказками и пѣснями Русскими. . 389
5. Замѣтка о значеніи Ильи Муромца 409

О крестьянствѣ въ древней Россіи:

1. О состояніи крестьянъ въ древней Россіи . . . 415
2. По поводу Бѣлевской Библіотеки, изданной Н. А. Елагинымъ 495

Замѣчанія на лѣтописи, акты и грамоты:

1. Замѣчанія на лѣтописи Нестора по Лаврент. списку. 531
2. Замѣчанія на акты Археографической Экспедиціи (или: Записки о Русской Исторіи, отдѣленіе 1-е). 545

III. РАЗНЫЯ МЕЛКІЯ СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ:

1. Русская Исторія для дѣтей. 538
2. Семисотлѣтіе Москвы. 598
3. Замѣчанія о Псковской рядной записи XIII вѣка. . 606
4. Варіантъ къ статьѣ «по поводу VI тома Ист. Рос. г. Соловьева 612
5. Начало Русской Исторіи, разсказъ для дѣтей (написано для племянницы) 615
6. Разныя отдѣльныя замѣтки 625

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

DK
5
A56
186la
t.1

Aksakov, Konstantin Sergeevich
Polnoe sobranie sochinenii